

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЖИВОПИСЬ
ЛИТЕРАТУРА

ПАНТЕОНЪ

№ 9.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. ДД.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ:

I.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *И. С. Юрьевой* Часть вторая.
СЕСИЛИЯ И АГАТА. Романъ *Альфонса Карра*. Часть первая.

II. Исторія и теорія искусства

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. *Гизо*. Статья 1-я.

СОВРЕМЕННАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ИСПАНІИ. Статья. *К. Мазада*.

III. Смесь

1. **Знокеанійскія сцены.**
2. **Вѣдствія на морѣ.** *П. М. Новосильскаго*.
3. **Оба Океана.** Путешествіе Жака Араго. *Автора «Воспоминаній Слѣпаго.»*
4. **Фея.** Повѣсть-Комедія. *Октава Фёлье*.
5. **Парижскія письма.** *Аптолинарія Бонавентуры*.
6. **Лондонскія письма.** *В. С.*

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Народная пѣсни сербовъ. — Надгробный памятникъ Салабатъ-Хана (*индійская сага*). — Новыя изслѣдованія Лаузицко-сербскаго нарѣчія. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Нынѣшнее состояніе физической географіи. — Электрическій телеграфъ для поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ — Спасительный плотъ. — Псевдосконъ. — Новый способъ добывать фосфоръ изъ костей. — Признаки смерти. — Сила электрическаго тока въ мускулахъ. **ШЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Царство животныхъ въ Калифорніи (Змѣиная птица, червый куликъ, крыса-кангуру, лѣсная крыса, слѣпой бархатный кроль). — Комнаты въ Англии. — Удивительное спасеніе посредствомъ пироговъ. — Китайскій календарь. — Страданія знатныхъ англійскихъ домовъ (*изъ записокъ путешественника*). — Анатомическіе корсеты. — Турецкій почтамтъ (*изъ разсказа путешественника*). — Мой ночлежь съ кугуаромъ (*разсказъ американца*). — Планета и ея спутники (*разсказъ Мери*).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

V.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Царскосельскія скачки. — Последніе лѣтніе отголоски. — Музыкальные вечера въ Павловскѣ. — Ночь на островъ Мадеръ, вечеръ въ пользу инвалидовъ и большой концертъ въ саду Излера. — Начало зимнихъ удовольствій. — Открытіе италянскаго оперы. — Новая опера г.

Рубинштейна за границей.—Послѣднія извѣстія о Маріо и Гризи изъ Нью-Йорка — Новый Французскій актеръ Поль Бондуа и его дебюты.— Бенефисы Александринскаго театра. — г-жи Читау, драма Дюклатіанъ.—Г-на Яблочкина, комедія «Бѣдность не порокъ», Островскаго и краткій обзоръ его пьесы; Г-на Толченова; драма «Отецъ и дочь.» Г-жи Рипшаръ «Война женщинъ.»—Возобновленіе балета: «Мельники.»—Краткая біографія Дидло. — Солдатскія импровизаціи.—Художественныя новости. — Портреты генераловъ Шильдера и Сельвана.—Подвигъ греческихъ волонтеровъ. — Картины художника Зичи изъ Кавказскаго быта. — Литографическіе снимки съ картинъ г. Айвазовскаго. — Новый портретъ Петра Великаго. — Частныя картинныя галереи. — Художественная выставка.—Оригинальная выставка въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—Ручной крокодилъ.—Новаго рода освѣщеніе:—Новый способъ обученія глухонѣмыхъ.—Новая сургучная фабрика въ Петербургѣ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Лѣтній видъ Москвы.—Безплатныя гулянья.—Кремлевскій садъ, бульвары.—Пресненскіе пруды.—Марьяна роца и Останкино.—Волчья долина въ Сокольникахъ.—Воспоминаніе о праздникѣ карабинеровъ.—Дача г-жи Буркиной.—Эрмитажъ, бывшій Корсаковъ садъ.—Его прежнее значеніе и исторія.—Первыя гулянья въ этомъ саду, его недавній видъ и настоящій.—Красноглазствованія московскихъ корреспондентовъ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ о количествѣ посѣтителей на нѣкоторыхъ загородныхъ гуляньяхъ.—Петербургскіе цыганы, независимо отъ давно вѣдѣмыхъ московскихъ.—Французское слово *мерси*, возбуждающее неистовый восторгъ.—Причудливые воздушные шары.—Конскія скачки.—Гулянья въ Кремлевскомъ саду 22 августа.—Петербургскія нововведенія.—Новыя гостиницы для прѣзжающихъ.—Новыя украшенія Москвы.—Водруженіе крестовъ на храмѣ Спасителя.—Новый выпускъ московскаго райка.—Литературныя изданія современнаго интереса.—Московская осень.—Увеселительные вечера между Москвою и Петербургомъ.—Петербургская цѣна на всѣхъ увеселительныхъ московскихъ дачахъ.—Предстояція намъ сентябрскія театральныя удовольствія.—Маскарады нѣмецкаго клуба и купеческаго собранія.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 9.

ЛЕВЪ И КЛЫСА. Драматическая басня въ одномъ дѣйствіи. Соч. **ЛЕВЕНЯ И ВЕРМОНА.** Переводъ **В. РОДИСЛАВСКАГО.**

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Музыка: 1. **ОРИГИНАЛЬНАЯ ПОЛЬКА**, соч. **М. И. МОРО.**

2. **СЕРДЦЕ.** Романсъ **Э. ГУБЕРА**, музыка **ГРАФА П. БОБРИНСКАГО.**

Портреты: **І. В. Р. ЗОТОВА.**

ІІ. Н. И. ХМЪЛЬНИЦКАГО.

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

№ 9.
№ 10453
~~18259~~
707

ТОМЪ XVII.

◆ СЕНТЯБРЬ. — КНИЖКА ДЕВЯТАЯ. ◆

1854.

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 14-го 1834 года.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

I.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА.

ПОВѢСТЬ

И. С. Юрьевой.

Часть II.

Довольно поздно вечеромъ Аграфена Терентьевна возвратилась отъ баронессы, и возвратилась очень не въ духѣ. Она прямо отправилась въ комнату племянницы. Склонясь надъ работою, Паша задумчиво сидѣла у стола, и незамѣтила прихода тетки. Аграфена Терентьевна нѣсколько минутъ молча глядѣла на молодую дѣвушку, и въ первый разъ только замѣтила, что наружность Паши очень измѣнилась въ послѣднее время: душевная скорбь стерла съ лица ея румянецъ и улыбку, глаза были красны отъ слезъ, губки блѣдны, и причиною всего этого была она сама, Аграфена Терентьевна, такъ, по крайней мѣрѣ, она сама сознавала. Тяжело вздохнувъ, подошла она къ Пашѣ.

— Брось работу! сказала она ласково: Еще, пожалуй, глаза испортишь; вѣдь за нами не горить, успѣемъ все сдѣлать; что спѣши, что нѣтъ, отъ людей не жди спасиба.

Паша молча положила работу и взглянула на тетку съ изумленіемъ, не понимая, что сдѣлалось съ нею, постоянно недовольною, вѣчно бранящеюся за то, что всѣ тихо работаютъ и сидятъ сложа руки, какъ она говорила.

— Ну, да, разумѣется, отъ людей не жди спасиба, хоть тресни угождая имъ, продолжала Аграфена Терентьевна, садясь возлѣ Паши. Вотъ хоть бы эта баронесса, право, смѣшно даже! Вишь въ русскомъ магазинѣ талии не умѣютъ сдѣлать, да ужъ тутъ будь хоть разфранцузенка, а колоду не перетянешь въ рюмочку. Не-

чего пенять на зеркало, коли рожа крива; похудѣй, такъ и тонка будешь, а портниха тутъ не при чемъ. Не умѣешь, говорить, да и все тебѣ тутъ. Я говорю, что многимъ, самымъ важнѣющимъ барынямъ платья шивала, и всегда довольны оставались, что вотъ молъ, когда моя племянница была богата и ѣздила по баламъ, то и ей всѣ платья шились у меня въ магазинѣ, а на нее молъ всѣ любовались, какъ на куколку! Я ей отпустила эту шпильку, знаешь, для того, чтобъ она знала, что мы некакія нибудь, и одѣвались не хуже ея. Такъ чтожъ ты думаешь она мнѣ на это?—Оттого-то, говорить, и платье дурно сшито, что портнихи лѣзутъ въ барыни, вмѣсто того, чтобъ работать; что портниху надо учить шить, а не разнымъ наукамъ въ пансіонѣ, наряду съ благородными дѣвицами... А? каково? А сказать бы ей, что молъ училась ты и финтила на свои собственныя денежки, и за это молъ никому не должна. Пока я передѣлывала платье, горничная мнѣ все рассказала: она съ виду-то только козырь, а въ карманѣ ни гроша нѣтъ; только вотъ и наровить сбить съ рукъ племянницу за такого, чтобъ не спрашивала приданого. Ей, говорить, потому только и почетъ вездѣ, что ее всѣ опасаются: видишь, кто не угодилъ ей, такъ того разславить на весь свѣтъ, какъ нельзя быть хуже.

— А гостей тамъ никого не было? спросила Паша съ волненіемъ.

— Былъ кто-то, въ другой комнатѣ, мужчина, кажется, хорошенько не замѣтила; досада такая была, не до того было.

— А въ той комнатѣ, гдѣ были гости, слышали вашъ разговоръ съ баронессою?

— Какъ чай не слышать, голосъ-то у нея такой громкій; она же безъ церемоніи, какъ будто на зло, такъ выговаривала мнѣ за платье, чтобъ всѣ слышали.

— А вы ей не сказали, что я у васъ живу?

— Какъ же, сказала, а то она кажется думала, что ты какая нибудь пришлая. Зачѣмъ, говорить, посылаете мнѣ платье съ сторонними; еще молъ пропасть можетъ. Ну, а я и говорю: это молъ, не сторонняя, а моя родная племянница, сама молъ воспитанная, была въ барскомъ кругу и нашивала платья самыя дорогія, такъ ее молъ этимъ не удивишь. Это, говорю, несчастье ее довело жить въ магазинѣ и помогать теткѣ въ работѣ. Ну, тутъ-то ужъ она и пошла пѣтъ на счетъ ученыхъ-то портнихъ.

— Ахъ, тетушка, тетушка! сказала молодая дѣвушка, закрывая горѣвшее лицо: зачѣмъ вы это ей говорили.

— Господь съ тобою, Паша, проговорила Аграфена Терентьевна, смотря съ изумленіемъ на волненіе племянницы, да отчего-жъ было не сказать, что тутъ худаго?

— Ничего, ничего, тетушка! отвѣчала Паша, почти съ отчаяніемъ, и что въ самомъ дѣлѣ дурнаго въ томъ, что я пережила такъ рано всѣ мои радости, что, послѣ довольства и счастья, должна теперь жить у родныхъ изъ милости, вѣдь надо же мнѣ гдѣ нибудь жить! Да и что же я такое въ самомъ дѣлѣ, какъ не дѣвченка изъ магазина, если хожу по домамъ съ картонками? надо же чѣмъ нибудь зарабатывать себѣ хлѣбъ, если я ничего другаго дѣлать не умѣю.

Пашута, что это ты? заговорила было Аграфена Терентьевна, обиженная словами племянницы; но та, не слушая ее, продолжала съ горечью:

— Да, я просто дѣвченка изъ магазина, не понимаю, отчего я прежде стыдилась этого? Ну, побывала въ барышняхъ, и довольно, теперь пора за работу; да вотъ, посмотритѣ, тетушка, прибавила она, стараясь засмѣяться: я скоро сдѣлаюсь мастерицей, тогда уже меня будутъ называть знающею, а не ученою магазинницею. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ меня учили, къ чему воспитывали? хотѣли душу облагородить,—только время отняли; къ чему все это, когда нужно только приучить руки къ дѣлу. И вмѣсто смѣха, молодая дѣвушка съ горькими рыданіями упала на столъ головою.

— Ахъ, мои батюшки! что это съ нею? вскричала испуганная Аграфена Терентьевна. Пашечка, голубушка, что съ тобою? о чемъ ты плачешь? Ну, полно, полно! вѣдь я не на зло тебѣ все это дѣлала, хотѣла тебѣ добра; ну, коли ошиблась, каюсь, впередъ не стану обижать тебя, не стану неволить ни замужъ идти, ни работать; дѣлай, что сама захочешь, вѣдь ты у меня одна родная; дамъ ли я тебя кому въ обиду? вѣдь ты и сама меня обидѣла, хотѣла идти въ чужой домъ въ учительницы. Развѣ мнѣ это не больно было? что, у меня для тебя хлѣба, что ли, не хватило? умру—все тебѣ же оставляю. Не хочешь замужъ, все же будешь жить хозяйкою, не работая сама много... Ну, полно же, полно! продолжала она, обнимая и лаская плачущую дѣвушку.

Смягченная ласкою тетки, Паша нѣсколько успокоилась, и вытирая заплаканные глаза, кротко сказала: «Нѣтъ, тетушка, теперь буду работать, буду во всемъ помогать вамъ, буду любить и почитать васъ, какъ мать, только... не принуждайте меня идти за»

мужъ! Я не хочу, я не выйду ни за кого, тетушка, прибавила она съ необыкновенною грустью. Я не безъ причины просила васъ не начинать этого дѣла, и только изъ угожденія вашей волѣ рѣшилась выдти тогда на показъ, зная навѣрное, что за этого жениха не пойду.

— А за кого-же? пытливо спросила Аграфена Терентьевна, предполагая, нѣтъ ли у дѣвушки когонибудь другаго на примѣтѣ.

— Ни за кого, ни за кого, тетушка! торопливо отвѣчала Паша, какъ бы угадавъ мысль Аграфены Терентьевны.

Съ этого дня въ модномъ магазинѣ опять водворилась тишина и покой, который только былъ нарушенъ чрезъ два дня, приходомъ Ильинишны, за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Отвѣтъ этотъ, кажется, былъ очень непріятенъ для свахи; она не могла скрыть своей злобы на Аграфену Терентьевну.

— Да что вы пристали къ намъ? Вотъ ужъ и видно, что мужики необразованные, говорила магазинщица, когда Ильинишна съ крикомъ стала выговаривать ей, зачѣмъ де такъ долго попусту честныхъ людей водить за носъ и манить со дня на день. Истинно необразованные! не понимаютъ, когда съ ними деликатно обходятся. Могли бы сами догадаться, что надѣяться нечего, что, если не говорятъ на отръзъ: вотъ, мошь, порогъ, такъ для того, что не хотятъ обидѣть. Такъ нѣтъ, лѣзутъ себѣ да и только! Да что, кромѣ насъ, невѣсть что ли у васъ нѣтъ, что пристали какъ съ ножемъ къ горлу? Ну, не хочеть за него она идти, да и только!

— Да гдѣ она лучше-то отыщеть? спрашивала Ильинишна. Ну кто ее возьметъ безъ приданого, опричь его, глупаго? Ну, чѣмъ онъ ей не женихъ?

— А тѣмъ, что неучъ, необразованный, и стало ей не пара, отвѣчала, выведенная изъ терпѣнія Аграфена Терентьевна, выпроваживая отъ себя неотвязчивую Ильинишну. Тѣмъ и закончилось это сватовство.

Кромѣ этой непріятности, въ магазинѣ все обстояло благополучно, даже счастье повезло магазинщицѣ съ тѣхъ поръ, какъ она отказала Кузьмѣ Савельичу.

— Видно на твою долю Богъ посылаетъ, Паша, говорила Аграфена Терентьевна племянницѣ. Какой то господинъ, вотъ дня три все прѣзжаетъ покупать, да какъ платитъ-то, просто въ три-дорого; говоритъ: комиссію дали выслать куда-то, ну, такъ чужихъ денегъ вѣстимо и не жаль.

— Какой-то господинъ? спросила Паша съ безпокойствомъ, сама не зная отчего.

— Прїѣзжій, говоритъ, и видно, что не здѣшній; все покупаетъ, что ни покажу; рѣшительно толку не знаетъ, и любопытный такой: и какъ я торгую, и есть ли у меня семейство, ему все нужно знать. Съ часъ не выживешь изъ лавки. Ну, да пусть толкуетъ, лишь бы покупалъ больше.

Паша ничего не отвѣчала, но какая-то безотчетная грусть сдавила ей сердце.

Такъ прошло нѣсколько дней. Однажды поутру Аграфена Терентьевна вошла въ комнату племянницы съ сіяющею физиономією.

— Знаешь ли новость? Я отдала наконецъ квартиру въ мезонинѣ, да вѣдь какъ выгодно! По такой цѣнѣ она еще никогда не ходила... И знаешь ли кому? Прїѣзжій-то, что покупалъ у насъ не торгуясь... нанялъ вѣдь за десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Говоритъ, что проживетъ здѣсь до осени, по дѣламъ, такъ говоритъ, лучше жить у добрыхъ людей, чѣмъ въ гостинницѣ. А за столъ онъ будетъ, говоритъ, платить особенно.

Извѣстіе это, само по себѣ ничего не значащее, не имѣющее никакого отношенія къ молодой дѣвушкѣ, подѣйствовало однако на нее очень странно. Весь день ныла и болѣла душа у Паши, какъ будто предчувствуя что-то не доброе.

Какое мнѣ дѣло до этого жильца! думала Паша, стараясь разсѣяться и разогнать невольную грусть. Пусть онъ живетъ здѣсь хоть вѣкъ, что мнѣ до него! И въ тоже время другая мысль снова тревожила и волновала дѣвушку: кто этотъ жилецъ? зачѣмъ онъ такъ не кстати пришелъ къ намъ, и хотя на нѣсколько мѣсяцевъ, но сдѣлается у насъ семьяниномъ. Присутствіе сторонняго нахлѣбника казалось Пашѣ и неприличнымъ и, по ея понятіямъ, даже унизительнымъ. Никто изъ порядочныхъ людей не пойдетъ на хлѣбъ къ бѣдной швеѣ, думала она; и я должна выносить присутствіе этого человѣка, должна буду слушать его, говорить съ нимъ, потому что онъ платитъ тетускѣ, составляетъ ея доходъ, а я живу даромъ—изъ милости. Бѣдная дѣвушка уже поняла значеніе дароваго хлѣба, и то, къ чему обязываетъ этотъ даръ. Она ни однимъ словомъ не высказала своего неудовольствія Аграфенѣ Терентьевнѣ, только прилежнѣе и молчаливѣе работала весь день.

Жилецъ не заставилъ себя долго ждать. На другой же день

объотня по лѣстницѣ и потомъ шаги, которые слышались надъ Пашенькиною комнатою, показали, что жилецъ переѣхалъ. Много бы дала бѣдная дѣвушка, чтобъ остаться въ своей комнатѣ и не ходить обѣдать съ теткою, но къ несчастію этого сдѣлать было невозможно. Насталъ обѣденный часъ, и голосъ тетки раздался: «Пашенька, иди, матушка, обѣдать!» Дѣвушка противъ воли поднялась съ мѣста и, тяжело вздохнувъ, вышла изъ своей каморки. Проходя сосѣдную комнату, она невольно остановилась предъ полуотворенною дверью. Въ залѣ былъ накрытъ столъ на три прибора, у стола стояла разодѣтая, какъ должно модной магазинщицѣ, Аграфена Терентьевна, и разговаривала съ жильцемъ. Паша взглянула на жильца, и болѣзненный крикъ вырвался изъ груди дѣвушки.

— Что это тамъ, говорила Аграфена Терентьевна, выглядывая въ дверь, но взглянувъ на Пашу, блѣдную какъ смерть, которая держалась за стулъ, боясь упасть, она кинулась къ ней. Вотъ тебѣ и здравствуй, никакъ съ нею обморокъ! Батюшка, Аркадій Петровичъ, помогите мнѣ, пожалуйста; и чрезъ минуту въ дверяхъ показался молодой человѣкъ, жилецъ Аграфены Терентьевны. Но присутствіе его уже было не нужно: блѣдная какъ и прежде, молодая дѣвушка спокойно стояла предъ теткою и довольно хладнокровно, даже съ улыбкою на блѣдныхъ губахъ, говорила:

— Помилуйте, тетушка, да со мною ничего... я только немного испугалась.

— Чего испугалась? спросила Аграфена Терентьевна.

— Я было нечаянно поскользнулась, отвѣчала Паша.

— Вотъ я тебя, дуру, закричала Аграфена Терентьевна на стоящую дѣвочку: только баклуши бьете, а нѣтъ того, чтобъ подтереть на полу! Вѣрно тутъ было налито, вотъ барышня-то чуть было не упала.

— Нѣтъ-съ, здѣсь вездѣ было чисто, робко отвѣчала дѣвочка.

— У васъ все чисто, только не пригляди за вами! прикрикнула Аграфена Терентьевна, желая показать предъ жильцемъ свою власть и любовь къ порядку въ домѣ.

Поклонясь Пашѣ, молодой человѣкъ съ безпокойствомъ подошелъ къ ней, въ то время, какъ Аграфена Терентьевна бранила дѣвочку, и тихо сказалъ ей нѣсколько словъ. Взглядъ, полный негодованія и даже презрѣнія со стороны молодой дѣвушки былъ ему единственнымъ отвѣтомъ. Эта сцена между молодыми людьми произошла такъ мгновенно, что маршандѣ де-модъ ее незамѣтила, и была очень удивлена, когда за обѣдомъ жилецъ ея, до сихъ поръ

вѣжливый и любезный, вдругъ присмирѣлъ и какъ-то разсѣянно слушалъ ея непрерывную болтовню. Что же касается до Паши, то въ продолженіе всего обѣда она была въ необыкновенно тревожномъ, лихорадочномъ состояніи; яркая краска поминутно выступала на ея блѣдномъ лицѣ; но это былъ не румянецъ застѣнчивости и стыдливости предъ незнакомымъ человѣкомъ, нѣтъ, это было зарево болѣзненного огня, взволновавшего ее до глубины души. Каждый взглядъ молодаго человѣка, который она чувствовала на себѣ, не поднимая на него глазъ, вызывалъ краску на ея лицо.

Смѣтливая Аграфена Терентьевна, продолжая занимать разговорами своего жильца, не могла не замѣтить страннаго состоянія молодыхъ людей, и со всею изобрѣтательностью ловкой магазинщицы мгновенно составила планъ непременно пристроить племянницу на этотъ разъ, на томъ основаніи, что если конфузятся молодые люди, такъ значить нравятся другъ другу. Противъ своего обыкновенія, Паша послѣ обѣда не ушла къ себѣ въ комнату, а осталась въ столовой. Аграфена Терентьевна взглянула на нее съ улыбкою, значительно подмигнула глазомъ, и довольная положеніемъ, ушла готовить кофе, въ полной увѣренности, что здѣсь дѣльцо склеится.

Послѣ ухода Аграфены Терентьевны, въ комнатѣ съ минуту длилось молчаніе. Паша, стоя у стола, повидимому ожидала, чтобы собесѣдникъ началъ говорить. Волненіе молодой дѣвушки уже совершенно исчезло и уступило мѣсто спокойствію, полному сознанія собственнаго достоинства. Въ эти немногія минуты Паша какъ будто убѣдилась, что теперь сама должна дѣйствовать за себя, и твердо рѣшилась на борьбу съ обстоятельствами. Молодой человѣкъ, повидимому, понялъ состояніе ея души. Онъ почтительно, даже нѣсколько робко, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Прасковья Васильевна, началъ онъ: прежде всего я долженъ просить у васъ позволенія сказать нѣсколько словъ въ оправданіе поступка, который, я увѣренъ, удивилъ васъ и, кажется, испугалъ. Я даже очень боюсь, прибавилъ онъ съ чувствомъ, чтобы онъ не разсердилъ васъ.

— Какъ можетъ меня удивить и еще болѣе разсердить поступокъ человѣка, мнѣ совершенно незнакомаго? отвѣчала Паша съ горькою насмѣшкой. Я васъ не знаю, и если меня что нибудь удивляетъ, такъ это теперешнія ваши слова и необыкновенное сходство ваше съ человѣкомъ, котораго я нѣсколько разъ встрѣчала генеральши Стрѣльневой.

— Я васъ не понимаю, проговорилъ молодой человекъ съ изумленіемъ.

— Между тѣмъ это очень понятно: я давеча точно нѣсколько испугалась, принявъ васъ за Аркадія Петровича Торнова. Но я ошиблась, продолжала она, и вижусь передъ нимъ, приписавъ ему поступокъ, не свойственный ни его уму, ни его благородству.

— Не знаю, какъ принять ваши слова, сказалъ молодой человекъ, въ высшей степени пораженный.

— Мнѣ смѣшно даже, продолжала дѣвушка, не слушая его и презрительно улыбувшись: какъ могло мнѣ придти въ голову, что Аркадій Петровичъ, человекъ образованный, богатый, такъ много значащій въ гостиныхъ лучшаго общества, могъ нанять квартиру гдѣ-то на чердакъ, и со столомъ—у бѣдныхъ людей! И для чего бы онъ это сдѣлалъ? для шутки? продолжала она съ негодованіемъ. Но Аркадій Петровичъ слишкомъ уменъ, и какъ мнѣ казалось, слишкомъ добръ, чтобъ могъ позволить себѣ подобную шутку, которая можетъ оскорбить людей, не вызвавшихъ его ничѣмъ на подобный поступокъ. Онъ вѣроятно понялъ бы, что въ этомъ домѣ есть люди, для которыхъ такая шутка можетъ быть пагубна, потому что можетъ повредить ихъ доброму имени, сдѣлать ихъ сказкою для любителей всего страннаго. Нѣтъ, Аркадій Петровичъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, не способенъ такъ шутить тамъ, гдѣ давно уже не смѣются, проговорила она наконецъ дрожащимъ голосомъ и съ глубокимъ чувствомъ.

— Но помилуйте, отвѣчалъ взволнованный молодой человекъ: развѣ онъ не можетъ этого сдѣлать изъ побужденій самыхъ чистыхъ, самыхъ благородныхъ, изъ желанія узнать объ участи людей, которые ему, можетъ быть, дороги? изъ желанія быть имъ хотя сколько нибудь полезнымъ? прибавилъ онъ запинаясь.

— А кто далъ г. Торнову право мѣшаться въ судьбу людей, совершенно для него стороннихъ, перебила живо Паша съ достоинствомъ: въ судьбу людей, которыхъ обстоятельства совершенно раздѣлили съ нимъ и которые въ обществѣ уже никогда съ нимъ не встрѣтятся?

— Любовь, отвѣтилъ тихо молодой человекъ, взглянувъ на дѣвушку страстно.

Эти слова какъ электрическая искра потрясли весь составъ молодой дѣвушки; она какъ будто потонула въ этомъ звукѣ; эти слова, казалось, поколебали ее, и она молча, неподвижно стояла нѣсколько минутъ подъ влияніемъ чувства, гораздо сильнѣйшаго ея

твердости; но это продолжалось не долго, и снова холодно взглянув на молодаго человѣка, въ тревожномъ ожиданіи стоящаго предъ нею, она сказала тихо, какъ бы изъ опасенія, чтобъ голосъ не измѣнилъ ей:

— Любовь! — Но господинъ Торновъ долженъ хорошо понимать, что послѣ нашей съ нимъ встрѣчи у баронессы, это слово не имѣетъ болѣе значенія, и въ моихъ глазахъ это только новое оскорбленіе съ его стороны: гдѣ нѣтъ уваженія, тамъ нѣтъ и любви.

— Но что же онъ такое сдѣлалъ? сказалъ молодой человѣкъ.

— Что онъ сдѣлалъ? на этотъ разъ, съ чувствомъ живѣйшей скорби сказала Паша: я васъ беру судьей поступка г. Торнова и спрашиваю: можетъ ли, долженъ ли онъ говорить мнѣ про любовь? продолжала она, невольно увлекаясь какимъ то горькимъ воспоминаніемъ. При его глазахъ меня оскорбляли, при немъ унижали меня, и онъ не произнесъ ни одного звука, не сдѣлалъ ни одного движенія въ защиту мнѣ, и изъ угожденія другимъ, чьимъ мнѣніемъ онъ, вѣроятно, болѣе дорожитъ, чѣмъ моимъ, онъ холодно смотрѣлъ на мои страданія. До неприличія увлекся онъ приличіемъ свѣта въ этотъ день, предложивъ свой экипажъ платью баронессы, а не дѣвушкѣ, которая должна была отвезти это платье, потому что на эту дѣвушку баронесса смотрѣла какъ на швейку изъ магазина, несостоящую не только вниманія, но даже жалости. и онъ съ непостижимою жестокостью подтвердилъ это, позабывъ, что эта швейка была дѣвушка равная съ нимъ, если не по рожденію и состоянію, то по образованію и понятіямъ. И послѣ этого, продолжала она, взглянувъ на молодаго человѣка съ чувствомъ душевнаго болѣзненнаго негодованія, какъ осмѣлится г. Торновъ оправдывать свой поступокъ, это новое оскорбленіе, любовію, когда самое это слово уже есть обида при его поведеніи въ отношеніи меня? прибавила она, положивъ руку на грудь, полную неизъяснимаго страданія.

— Я все выслушала, отвѣчала молодой человѣкъ, взволнованный словами Паши до глубины души; да, я все выслушала, что вамъ было угодно сказать, и на все отвѣчу только одно: вы обвиняете меня несправедливо, безжалостно, не зная побужденій, которыя, противъ воли, заставили меня поступать такъ. Вы были въ домѣ женщины, которая изъ самыхъ простыхъ, изъ самыхъ невинныхъ вещей выводитъ непостижимо чудовищныя заключенія, не щадя ничего и никого. Малѣйшій поводъ, который бы я далъ ей къ какому нибудь заключенію, на-

влекъ бы клевету на васъ, на меня и даже на Стрѣльневу, у которой, она знаетъ, я видалъ васъ, и это разошлось бы по цѣлому городу, потому-что она со всѣми знакома. Какъ мнѣ нибыло больно и тяжело смотрѣть на ваше тогдашнее положеніе, но я долженъ былъ хладнокровно выносить все, чтобы не навлечь на васъ новыхъ оскорбленій. И вы сами, продолжалъ онъ нѣжно, вы сами дали-ли вы мнѣ право защищать васъ, когда, уѣзжая къ больному дядѣ за границу, я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ у Стрѣльневой, гдѣ признаніе въ моей любви такъ смутило васъ, и гдѣ я умолялъ васъ сказать мнѣ люблю, чтобъ въ разлукѣ съ вами имѣть это утѣшеніемъ. Вы мнѣ сказали только «пріѣзжайте». Я пріѣхалъ; но въ эти два года, которые я пробылъ за границею и въ Петербургѣ по дѣламъ, многое измѣнилось здѣсь: Стрѣльневы, у которыхъ я только могъ васъ встрѣтить, были въ Италіи, другихъ общихъ знакомыхъ у насъ не было; въ домъ вашъ я не былъ вхожъ, и я на время потерялъ васъ изъ виду. Двѣ недѣли, которыя я прожилъ въ Москвѣ, напрасно ѣздилъ я въ театры, на гулянья: васъ нигдѣ небыло; наконецъ встрѣчаю васъ, но какъ? Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ, думалъ, что сходство обмануло меня, и только ваше имя да сердце сказали мнѣ, что это вы!

Паша только улыбнулась при этомъ словѣ.

— Да, сердце, продолжалъ Торновъ съ увлеченіемъ любви; но вы сами, вы не сдѣлали ни одного движенія, не бросили ни одного взгляда; вы какъ будто не узнали меня.

— Я не должна была узнавать васъ, чтобъ не поставить васъ въ затрудненіе отказаться отъ этого знакомства! горько прошептала дѣвушка.

— Вы жестоки, въ свою очередь, съ упрекомъ произнесъ Торновъ.

— Я только справедлива.

— Но, Боже мой! живо возразилъ Торновъ; если бъ то, что вы говорите, была правда, то зачѣмъ же я здѣсь?

Паша молчала.

— Чрезъ нѣсколько времени къ баронессѣ пришла ваша тетка; я былъ съ Лидіею въ гостиной и слышалъ разговоръ ея съ баронессой. Изъ него я понялъ всю непріятность вашего положенія, всѣ бѣды, которыя такъ ужасно обрушились на васъ, и рѣшился васъ видѣть, вымолить у васъ позволеніе, моею дружбою, моею любовію облегчить, утѣшить, успокоить васъ. Я пріѣзжалъ

много разъ въ магазинъ, по цѣлому часу просиживаль тамъ въ надеждѣ, что вы хотя случайно выйдите, но изъ словъ вашей тетушки я узналъ, что вы туда никогда не выходите. Не находя другаго средства видѣть васъ, я воспользовался свободною квартирою. Умоляю васъ, скажите что я долженъ сдѣлать, чтобъ успокоить васъ; позвольте мнѣ имѣть радость—всю любовь, всѣ мои желанія, волю и средства употребить для вашего счастія.

— Благодарю васъ, отвѣчала кротко Паша. Къ несчастію вы теперь ничего не можете для меня сдѣлать; мы такъ далеко стоимъ другъ отъ друга, что неблагоразумно было бы съ вашей стороны, неблагородно съ моей, идти на перекоръ обстоятельству. Что можетъ быть общаго между нами? вы богатый человѣкъ, хорошей фамиліи, я бѣдная дѣвушка, швея въ магазинъ! Ступайте же своимъ путемъ, Аркадій Петровичъ, и оставьте меня идти моимъ—пути наши никогда не сойдутся! Если я не люблю васъ, то къ чему поведутъ ваши добрыя намѣренія?.. если же люблю, прибавила она съ тоскою, поникнувъ головою, то эта любовь, кромѣ горя и несчастія, ничего не пошлетъ на мою долю, а для меня довольно уже и тѣхъ страданій, которыхъ я не могу отвратить отъ себя, проговорила она, закрывая руками лицо, какъ бы изъ страха, чтобъ молодой человѣкъ не прочелъ на немъ того, что она желала скрыть отъ него, и, помолчавъ съ минуту, прибавила, протягивая ему холодную руку, къ которой онъ прильнулъ горячимъ поцѣлуемъ: Прощайте!—Паша съ минуту не отнимала руки у Аркадія Петровича, какъ бы не имѣя силы сдѣлать этого.—Одна только просьба до васъ, и я умоляю васъ это сдѣлать для меня, прибавила она съ усиленіемъ.

— Все, все! сказалъ молодой человѣкъ съ такою восторженностью, что заставилъ задрожать бѣдную дѣвушку.

— Увѣжайте отъ насъ! сказала она быстро, отнимая у него руку, какъ бы чувствуя, что силы ей измѣняются: увѣжайте, прибавила она съ чувствомъ. Давеча вы сказали, чтобъ я неговорила ничего тетушкѣ, я не скажу ей ничего, только увѣжайте. И прежде, чѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ отвѣчать ей, она уже вышла изъ комнаты.

Аграфена Терентьевна была очень удивлена, не найдя племянницы вмѣстѣ съ своимъ жильцомъ, который задумчиво одинъ ходилъ по комнатѣ. Дура, дура! думала она съ досадою: нѣтъ! ее видно вѣкъ не пристроишь. Ну, пусть тотъ тюлень ей неправил-

ся, это понятно, затѣмъ, что просто мужикъ неотесанный, ну, а этогъ вѣдь картинка; такъ нѣтъ! ушла себѣ да и только. Эхъ, да кабы въ мое время такой король, да такъ посоловѣлъ при встрѣчѣ со мною, ну, такъ ужъ нѣтъ бы, голубчикъ, не ушелъ бы изъ рукъ, ужъ извини! И кто это говорить, что ученье свѣтъ? Какой тутъ свѣтъ, коли такого наливнаго яблока подъ носомъ не видить. И она рассыпалась передъ молодымъ человѣкомъ съ необыкновенною любезностью, чтобъ поправить оплошность племянницы; но это не помогло: Аркадій Петровичъ скоро ушелъ въ свою комнату.

Оставя Аркадія Петровича, Паша заперлась въ своей комнатѣ, и что чувствовала она, оставшись одна, трудно выразить. Сожалѣніе, тоска и отчаяніе попеременно волновали душу бѣдной дѣвушки; она любила Аркадія, любила со всею поэзіею первой чистой любви, когда еще холодное, прозаическое *я* не имѣетъ значенія, и гдѣ вся радость, все упованіе, все счастье сосредоточиваются на немъ, любимцѣ молодой души.

Паша любила Торнова, и мечта объ немъ составляла все ея утѣшеніе въ часы горя и невзгоды. Думалъ-ли онъ о ней, помнилъ ли ее, любилъ ли, какъ прежде? объ этомъ она никогда не спрашивала себя: она чувствовала, что любить его, и этого было для нея довольно. Мысль увидѣть его когда нибудь, услышать его голосъ, только одинъ голосъ, не заботясь о словахъ, которыя онъ произнесетъ, была такъ сладка, такъ отрадна для Паши, что она лелѣяла ее, какъ заветное счастье, она боялась даже часто думать объ этомъ, чтобъ не уменьшить очарованія. И вотъ эта мысль осуществилась: онъ передъ нею, она видитъ его, слышитъ его голосъ, и онъ говорить, что любить ее! И Паша вѣрить всему, вѣрить его словамъ, его любви, даже его оправданію, и какъ не вѣрить въ свое счастье? Въ тоже время молодая дѣвушка рѣшилась разстаться съ нимъ; страхъ подвергнуть его всѣмъ бѣдствіямъ неравной любви, о которой они такъ много читали и слышали, заставилъ Пашу, для счастья Аркадія Петровича,—объ себѣ она въ эту минуту не думала,—разстаться съ нимъ навсегда.

Зачѣмъ ему страдать, когда онъ можетъ быть еще счастливъ, думала Паша. Только на мою долю выпало вѣчное горе, такъ пусть же я одна и гибну, зачѣмъ накликалъ и на него непріятности; а они будутъ непременно, если онъ останется здѣсь. Что скажутъ объ немъ, когда узнаютъ, что онъ... да и къ чему?

продолжала горько Паша: что изъ этого выйдетъ? Теперь онъ не можетъ, онъ не долженъ меня... и не оконченная мысль вызвала мгновенный румянецъ на ея блѣдное лицо. Нѣтъ, онъ не долженъ, продолжала думать Паша, въ свѣтъ ему этого никогда не простили бы. Такихъ, какъ баронесса, много. Я буду, по крайнѣй мѣрѣ, покойна, зная что онъ счастливъ. Но когда Паша услышала, что Торновъ возвратился въ свою комнату, которая была надъ нею, все благоразуміе, вся твердость ея исчезли при мысли, что онъ сейчасъ уѣдетъ, что она его никогда больше не увидитъ. Съ тоскою и трепетомъ прислушивалась она къ малѣйшему шороху въ комнатѣ Аркадія Петровича, какъ бы желая угадать, что тамъ дѣлается. Каждый шагъ Аркадія Петровича болѣзненно отдавался въ ея сердцѣ; съ тяжкимъ страданіемъ сжимала она грудь, какъ будто боясь, чтобъ это сердце не выскочило, такъ оно сильно билось. Паша требовала, чтобъ Торновъ уѣхалъ, и въ тоже время мысль объ исполненіи этого требованія приводила ее въ содроганіе.

Онъ уѣзжаетъ! шептала она съ отчаяніемъ, закрывая уши, чтобъ не слышать его отъѣзда, какъ больной закрываетъ глаза, чтобъ не видѣть операціи, хотя страданія оттого нисколько не уменьшаются. Такъ дѣлала и Паша, когда слышала стукъ передвинутаго стула, или когда шаги Аркадія Петровича становились быстрѣе; и какая-то невольная радость мелькала на ея лицѣ, когда они дѣлались тихи и мѣрны, и шумъ умолкалъ.

Чего бы не отдала бѣдная дѣвушка за возможность взглянуть, что онъ теперь дѣлаетъ, взглянуть на него еще одинъ разъ, хотя невольно чувствовала, что это будетъ неблагоразумно, что увидавъ его еще разъ, она едва ли будетъ въ состояніи опять отказать отъ него. А ты должна, непременно должна его видѣть, шептала ей внутренній голосъ, если любишь его!

Такъ прошло нѣсколько часовъ въ неизяснимой внутренней борьбѣ, а Аркадій Петровичъ все еще оставался дома.

Что же онъ не уѣзжаетъ? съ тоскою говорила Паша, ломая руки. Мученіе, которое переносила бѣдная дѣвушка въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, заставило ее уже желать поскорѣе кончить это страданіе.

Знать, что человѣкъ, котораго любишь, подлѣ тебя; что стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, и онъ съ тобою; что одна воля, какія бы побужденія ни вызвали ее, только одна воля разъединяетъ васъ, и навсегда—это такъ тяжело, что много надо имѣть этой воли, чтобъ остаться вѣрнымъ своему рѣшенію. Физическая невозмож-

ность мирить, успокоиваетъ насъ. И бѣдная Паша чувствовала необходимость въ этой невозможности.

Часу въ девятомъ, Аграфена Терентьевна пришла звать Пашу ужинать; но Паша отговорила, также какъ прежде, головою болью.

— И у нашего жильца тоже голова болитъ, лукаво улыбаясь проговорила Аграфена Терентьевна. Что это съ вами обоими? ужъ не угорѣли ли вы?

Паша не слышала словъ тетки и, припавъ къ подушкѣ головою, ничего не отвѣчала.

— Ключула, вотъ те честное слово ключула, подумала смѣливая магазинница, выходя отъ племянницы. Да и то сказать, продолжала она, пора, давно ужъ пора пристроить къ мѣсту, а тутъ видно судьба: вишь оба вмѣстѣ захворали и одною даже болѣзнию. Ну, да давай Богъ! поскорѣ только бы къ дѣлу, а ужъ у меня все закишитъ: шить есть кому!

Аграфена Терентьевна была такъ довольна, такъ весела, что въ слѣдствіе этого пять фаршированныхъ рѣпъ и двѣ куриныя ноги были отданы съ хозяйскаго стола дѣвочкамъ. На другой день Паша не выходила изъ комнаты, она дѣйствительно была нездорова: тревоги прошедшаго дня до того истомили ее, что она едва могла держаться на ногахъ. Первый натискъ горя прошелъ; цѣлая ночь слезъ и постоянной борьбы смягчили жгучую боль души и какъ будто примирили ее съ ея положеніемъ.

Поутру снова ушлышала она надъ собою шаги Аркадія и движеніе въ его комнатѣ, но теперь это уже не приводило ее въ трепетъ, и хотя ныло и болѣло сердце бѣдной дѣвушки, но она привыкла къ мысли, что должна разстаться съ Аркадіемъ навсегда. Слезы расплавили отчаяніе, тихая скорбь не мѣшала уже разсудку вступить въ свои права. И Паша была готова безтрепетно сказать заглазное «прости» Аркадію; но день проходилъ, а Торновъ не уѣзжалъ. Напрасно Паша ожидала этой роковой минуты, она не наступала. Что же онъ не уѣзжаетъ? нѣсколько разъ спрашивала она себя; но когда наступилъ вечеръ, она уже со страхомъ думала:

— Неужли онъ не хочетъ оставить насъ? О, Боже мой! говорила она съ душевною скорбію, спаси меня отъ искушенія еще разъ увидѣть его!—Прошелъ и еще день, а дѣла оставались въ томъ же порядкѣ, и Аграфена Терентьевна очень сердилась на Пашу за ея причуды, какъ она называла ея болѣзнь.

— Что это, въ самомъ дѣлѣ! не такая же болѣзнь, чтобъ и пообѣдать нельзя было выдти; ну, что объ насъ подумаютъ? Вотъ, скажетъ Аркадій Петровичъ, купеческая дура—то людей боится, спряталась! Вѣдь право, онъ не повѣритъ, что ты больна. Еще ученая, а приличія не понимаешь.

Паша рѣшилась выдти на слѣдующій день; она хотѣла наконецъ узнать причину, по которой, не смотря на ея просьбу, Торновъ все еще остается у нихъ въ домѣ.

Обратясь съ горькимъ упрекомъ къ Аркадію Петровичу за новое оскорбленіе—не исполненіе ея просьбы, Паша узнала только, что онъ ищетъ предлога оставить ихъ домъ, такъ, чтобъ не навлечь подозрѣнія Аграфены Терентьевны. Волею или неволею молодая дѣвушка должна была этимъ удовольствоваться.

Прошелъ почти мѣсяцъ, а предлога къ выѣзду Торновъ не находилъ. Напрасно бѣдная Паша умоляла и требовала, чтобъ онъ оставилъ ихъ; Торновъ обѣщаль, увѣряль, что готовъ жизнью для нея жертвовать—и не сѣзжалъ.

Что заставляло Аркадія Петровича такъ дѣйствовать, трудно объяснить. Былъ ли это капризъ со стороны молодаго человѣка поставить на своемъ, или болѣе благородное чувство руководило имъ, а только онъ жилъ, и какъ будто не въ состояніи былъ разстаться съ этимъ домомъ.

Торновъ встрѣтилъ Пашу у генеральши Стрѣльневой. Необыкновенная красота, прекрасное образованіе и блестящее музыкальное дарованіе произвели на него сильное впечатлѣніе. Въ гостиной Стрѣльневой, постоянно открытой для избраннаго общества, Пашу окружалъ рой поклонниковъ ея красоты, ума и полновѣснаго приданого: Паша тогда слыла богатою невѣстою. Торновъ съ радостью замѣтилъ, что изъ всѣхъ искателей расположенія богатой невѣсты, онъ одинъ предпочтенъ. Замѣтить это было не трудно; Паша была слишкомъ молода и неопытна въ искусствѣ свѣтскаго притворства, чтобъ могла управлять движеніемъ души по произволу; новое чувство, обхватившее все существо молодой дѣвушки, просвѣчивалось и въ необыкновенной ея застѣнчивости съ Аркадіемъ, и въ яркомъ румянцѣ, который вспыхивалъ на лицѣ ея при его появленіи, и во взглядѣ, въ томной влагѣ котораго отсвѣчивались очарованія первой любви.

Это льстило самолюбію молодаго человѣка; онъ нечувствительно увлекся и полюбилъ Пашу страстно. Была ли это истинная любовь, или только вспышка молодости, трудно опредѣлить;

но признанье въ любви было сдѣлано Торновымъ по воей формѣ, въ послѣдній вечеръ предъ его отъѣздомъ за границу.

Какъ завѣтное сокровище берегла Паша это признаніе, и ни съ кѣмъ въ мірѣ не подѣлилась бы своею радостью. «Онъ придетъ, мечтала она, познакомится съ нами; онъ общалъ мнѣ—батьюшка его вѣрно полюбитъ такъ же, какъ и я. Нѣтъ, нѣтъ, меньше меня, гораздо меньше: такъ любить, какъ я его люблю, никто не можетъ, а потомъ...» и молодая дѣвушка съ сладкимъ трепетомъ закрывала лицо руками, говоря: о, какъ я буду счастлива!—Въ эти минуты бѣда была кому нибудь изъ домашнихъ встрѣтиться съ Пашею: она беспощадно душила каждаго въ своихъ объятіяхъ. А Аркадій? вѣроятно и онъ тоже думалъ; но въ любовь дѣвушки и любовь молодого человѣка—два совершенно разныя чувства. У первой это потребность души, основа жизни, у другаго это побужденіе, прихоть, варіація въ жизни.

Когда Торновъ возвратился въ Москву, то первый визитъ его былъ къ Стрѣльневой, но онъ ее уже не засталъ и очень досадовалъ, узнавъ, что она за границею. Видъ этого дома разбудилъ въ памяти Аркадія много пріятныхъ минутъ, и чудная головка молодой дѣвушки привѣтно мелькнула передъ нимъ. Среди множества визитовъ, онъ постоянно посѣщалъ всѣ гулянья, внимательно всматриваясь въ гуляющихъ; бывалъ во всѣхъ театрахъ, гдѣ бинокль его быстро пробѣгалъ всѣ ярусы ложъ, и только въ концѣ представленія опускался вмѣстѣ съ усталою рукою. Торновъ не находилъ чего искалъ; но вотъ желаніе его исполнилось, онъ встрѣтилъ Пашу, и тяжело и неловко было для него это свиданіе: онъ чувствовалъ, что поступилъ не хорошо; ему было совѣстно предъ самимъ собою; но чтоже было дѣлать? Нельзя же пренебречь принятыми приличіями свѣта, и отдать себя на разработку баронессы, сдѣлаться героемъ басни для потѣхи цѣлаго общества. Въ тоже время ему было стыдно передъ Пашею: что она должна подумать обо мнѣ? думалъ Аркадій, и рѣшился, во что бы то ни стало, увидѣть Пашу, объяснить и изгладить въ ней невыгодное объ немъ мнѣніе, которое она, вѣроятно, унесла съ собою. Кучеръ, отвозившій молодую дѣвушку, зналъ уже дорогу къ магазину. Но прошло нѣсколько дней прежде, чѣмъ Аркадій Петровичъ увидѣлъ Пашу: напрасно онъ завѣждалъ въ магазинъ, просиживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, болтая съ Аграфеной Терентьевной, Паша не показывалась, и рассказы словоохотливой магазинщицы о бѣдной племянницѣ, вмѣ-

ствъ съ невозможностью увидѣть молодую дѣвушку, раздули, можетъ быть, нѣсколько уснувшую страсть. Онъ уже не зналъ на что рѣшиться, какъ вдругъ билетикъ, приклеенный на окнахъ магазина, рѣшилъ недоумѣніе Торнова и послужилъ проводникомъ къ исполненію его желаній.

Чего хотѣлъ Аркадій Петровичъ отъ Пашы? Въ то время едва ли онъ самъ могъ дать себѣ отчетъ въ этомъ. Торновъ былъ добрѣ, уменъ и благороденъ, но самолюбивъ и вѣтренъ, не разсуждалъ о послѣдствіяхъ и не спрашивалъ себя, къ чему и съ какою цѣлю онъ поступаетъ такъ или иначе. Но когда Паша встрѣтила его такъ непріязненно, съ такимъ достоинствомъ выдержала первое нападеніе, самолюбіе легкомысленнаго молодого человѣка было оскорблено. Возможно ли было ему покориться первому требованію дѣвушки, для свиданія съ которой онъ рѣшился даже поселиться почти на чердакѣ, вѣсть простое, мѣщанское кушанье, и послѣ такихъ страшныхъ жертвъ, оставить поле битвы, не унеся съ собою побѣдной трофеи. Нѣтъ, на это онъ никогда не могъ согласиться! Онъ рѣшился жить до тѣхъ поръ, пока не смягчитъ Пашу и не вырветъ у нея признанія въ любви, а потомъ... ну, что будетъ потомъ, объ этомъ онъ еще не подумалъ, да и до того ли было, когда страдало самолюбіе. Но время шло, и желаніе молодого человѣка не исполнялось; вотъ уже болѣе мѣсяца прошло, а дѣла оставались въ томъ же положеніи.

Съ неописаннымъ изумленіемъ наблюдала Аграфена Терентьевна за молодыми людьми, и часто, смотря на задумчивое лицо Аркадія Петровича и на исхудавшую, печальную Пашу, она думала: Ну, ужъ нечего сказать, стоитъ чего нибудь эта ученая любовь, вѣдь точно оба къ смерти приговорены! А что они любятъ другъ друга, въ этомъ я прозакладую мою голову; да видно у баръ ужъ мода такая! какъ—де—моль просто сказать: «Пылаю моль страстью, осчастливьте, такъ сказать, вашей обоюдностью,» какъ это у насъ, у простыхъ людей водится, нѣтъ, видно надо сперва помучить себя хорошенько. Гроша бы не дала за такую моду. Право! А то вишь ли какъ уходили себя: она хоть въ гробъ клади, а онъ какъ въ воду опущенный, слова не добьешься, сидитъ да думаетъ, а о чемъ—чай и самъ не знаетъ.

Дѣйствительно, бѣдная Паша очень похудѣла съ того времени, какъ Аркадій Петровичъ поселился въ домъ ея тетки. Тайная скорбь видимо точила ея сердце. Присутствіе Аркадія унич

тожало ее, она страдала, когда онъ бывалъ съ нею, страдала, когда его небыло, она невольно ждала его, и въ тоже время боялась свиданія.

Нѣсколько разъ Паша хотѣла снова просить Торнова, чтобъ онъ уѣхалъ, но не могла, слово «уѣзжайте» замирало на ея дрожащихъ губахъ; она все откладывала это до завтра, какъ осужденный на смерть, зная навѣрное, что долженъ умереть, старается отсрочить свою казнь хоть еще на одинъ день. Но къ чести молодой дѣвушки надо сказать: она ни разу не измѣнила себѣ, и Аркадій Петровичъ не могъ похвастаться ни одною ея улыбкою. Всѣми силами старалась она избѣгать встрѣчи съ нимъ, и если случалось, что Аркадій находилъ возможность говорить ей о любви, отвѣтъ: «Я вамъ не ровная и вашего несчастья не желаю,» кончалъ сцену, и Паша уходила, уходила тогда, какъ за счастье быть съ нимъ, видѣть его, она отдала бы все на свѣтъ, кромѣ его собственнаго благополучія однакожъ.

Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, Аркадій уже не преслѣдовалъ Пашу, не твердилъ обычной фразы: «Я васъ люблю», но съ какимъ-то почтеніемъ слѣдилъ за нею.

Твердость, съ какою Паша отражала нападенія его, изумляла Аркадія, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ и чувствовалъ, что она, какъ и прежде, любить его, но останется вѣрна своему рѣшенію. Это обезоружило Аркадія; онъ какъ-то присмирѣлъ и, повидимому, потерялъ надежду поставить на-своемъ, а все не выѣзжалъ. Часто по цѣлому часу ходилъ онъ задумчиво по своей комнатѣ, которая уже не казалась ему мала, грязна и неудобна, какъ прежде. Онъ такъ свыкъся съ этой трехсаженной клѣткою, что, казалось, и забылъ о лучшемъ помѣщеніи. Даже Аграфена Терентьевна, которая бывало надѣдала ему своею безотвязной болтовней и переслащенной любезностью, стараясь вознаградить молодого жильца за молчаливое упорство племянницы, перестала ему казаться тараторкою; изъ нестерпимой, необразованной и глупой болтуни она сдѣлалась для него только веселою, простою и доброю женщиною.

Въ глазахъ молодого человѣка все окружающее приняло, отъ соприкосновенія съ Пашею, совершенно другой видъ, и то, о чемъ ему еще мѣсяца за два и подумать было страшно, теперь начинало казаться совершенно естественнымъ.

Одно пугало воображеніе Торнова: мысль разстаться съ Пашею. Онъ чувствовалъ, что не можетъ болѣе оставить ее, потому

что любилъ молодую дѣвушку такъ, какъ еще никогда и никого не любилъ. Пренная мимолетная страсть уступила мѣсто чувству глубокому, страсти, вызванной не одною красотою, но достоинствомъ и добродѣтелью.

И новый, чудный фантастическій міръ наполнилъ всѣ мечты молодого человѣка. Онъ неразлученъ съ нею, она съ такою нѣгою ласкаетъ его; теплое дыханіе Паши казалось вѣяло на него вмѣстѣ съ чуднымъ сладкимъ поцѣлуемъ. Она такъ счастлива, и онъ источникъ ея благополучія! Молодой человѣкъ трепеталъ отъ волненія, и готовъ былъ все отдать, чтобъ осуществить эту мечту. Что ему до свѣта и его сужденій, онъ богатъ и независимъ!

— Я дамъ ей имя, я окружу ее всею роскошью и поставлю ее въ тотъ кругъ, котораго она достойна, думалъ Аркадій Петровичъ; но когда ему слышался неумолкаемый, насмѣшливый говоръ баронессы и ей подобныхъ, то хотя на мгновеніе, но невольная дрожь пробѣгала по сердцу, и онъ рѣшался уѣхать съ Пашею въ деревню и тамъ жить съ нею счастливой жизнью. Насъ двоихъ слишкомъ довольно, чтобъ быть счатыми, думалъ онъ тогда, на что намъ люди?

Промечтавъ такимъ образомъ цѣлое утро, сошелъ онъ однажды, часовъ въ двѣнадцать, внизъ, съ твердымъ намѣреніемъ увидѣть Пашу и объясниться съ нею.

Въ комнатѣ, служившей и столовой и гостиною, встрѣтила его Аграфена Терентьевна съ обязанною головою и страшно охая: она жаловалась на нездоровье, которое такъ не кстати постыло ее.

— Почему же сегодня только не кстати вы захворали, спросилъ съ невольною улыбкою Торновъ: я полагаю, что болѣзнь во всякое время очень некстати.

— Ужъ все бы лучше завтра, чѣмъ сегодня, отвѣчала Аграфена Терентьевна. Сегодня нужно было идти на кладбище, отслужить панихиду по Пашенькиному отцу: нынче ему память, голубчику. Вотъ и Пашеньку принуждена была отпустить съ дѣвочкою только; надорвется, чай, она надъ могилкою-то, бѣдная, и остановить будетъ некому.

— Какъ же можно отпускать ее одну, проговорилъ встревоженный Аркадій Петровичъ: съ нею тамъ можетъ сдѣлаться дурно, и помочь некому.

— Некому, батюшка, Аркадій Петровичъ, истинно некому.

— А гдѣ это кладбище? торопливо спросилъ Торновъ: Если позволите, то я поѣду туда.

— Сдѣлайте милость, премного обяжете! говорила Аграфена Терентьевна вслѣдъ молодому человѣку, который узнавъ, куда надо ѣхать, быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

— Поди, поди, голубчикъ, говорила маршандъ-де-модъ, смотря въ окно на удаляющагося Торнова. Вотъ подарила-то, пуще ста рублей! какъ опаленный побѣжалъ; да и то сказать, прибавила она со вздохомъ, любовь не свой братъ: и старику такъ прыти прибавитъ, а этотъ что еще—молодехонекъ, зеленехонекъ.

Кликнуть перваго попавшагося извозчика и обѣщать ему цѣлковый на водку, если поѣдетъ скоро, было первымъ дѣломъ молодого человѣка, и менѣе чѣмъ черезъ полчаса онъ уже былъ на одномъ изъ московскихъ кладбищъ.

Служба кончалась, народу было очень много, и Аркадій Петровичъ, съ трудомъ пробираясь сквозь толпу, напрасно искалъ, въ продолженіе четверти часа, Пашу. Ее въ церкви не было, и только выходя на паперть, Торновъ встрѣтилъ знакомое лицо дѣвочки изъ магазина, которая съ тупымъ любопытствомъ глядѣла на печальныя церемоніи, которыя начали тянуться по кладбищу.

— Гдѣ Прасковья Васильевна? спросилъ Торновъ, дотронувшись до плеча дѣвочки, чтобъ обратить на себя ея вниманіе.

— Прасковья-то Васильевна? отвѣчала дѣвочка.

— Да, гдѣ она?

— А тамотко, на могилкѣ.

— Зачѣмъ же ты ее оставила одну? сказалъ Аркадій.

— Да они приказали мнѣ здѣсь дожидаться, а сами ушли.

— А гдѣ эта могила?

— Да вонъ тамъ, близехонько, отвѣчала дѣвочка, показывая рукою: какъ разъ почитай что подлѣ дорожки направо.

— Побудь же здѣсь, сказалъ Аркадій, уходя; я самъ приведу ее къ тебѣ.

Уже давно молилась Паша на могилѣ отца. Еще въ первый разъ была она тутъ безъ свидѣтелей и не могла разстаться съ нею. Бѣдная дѣвушка, казалось, хотѣла выплакать на ней всю свою скорбь. Припавъ къ холодной землѣ лицомъ и обнявъ ее руками, она хотѣла прожечь эту землю горячими слезами до самаго сердца того, кто одинъ такъ безпредѣльно и безкорыстно любилъ ее, хотѣла теплымъ дыханіемъ вдохнуть въ этотъ трупъ жизнь

хотя на мгновение, пересказать ему всё свои страданія и просить его о защитѣ и заступничествѣ.

— Батюшка, батюшка! говорила, рыдая, Паша: услышь меня, встань, мой милый, мой добрый, помоги твоей Пашѣ! Защити меня отъ него, спаси отъ самой себя, не давай мнѣ такъ ужасно страдать! Въдь я ничего дурнаго не сдѣлала, я не виновата, что такъ несчастлива! Хоть научи меня, что мнѣ дѣлать, гдѣ искать спасенія? Помоги, пошли мнѣ утѣшеніе.

Тихій шорохъ у могилы прервалъ дѣвушку. Она вздрогнула и подняла голову. Легкій крикъ испуга вырвался неволью у нея изъ груди и она неподвижно осталась на колѣнахъ. Передъ нею стоялъ Торновъ.

Скрестивъ руки на груди, съ полуоткрытымъ ртомъ, нѣсколько минутъ смотрѣла на него Паша, дрожа всѣмъ тѣломъ и не произнося ни одного слова. Появленіе Аркадія у могилы отца— она сочла за видѣніе, посланное ей отцомъ въ утѣшеніе. Видѣніе это было такъ хорошо, такъ отрадно для ея сердца, что ужасъ, который она мгновенно почувствовала, исчезъ, и она съ тихою грустью и неизъяснимою любовію прильнула всѣмъ своимъ существомъ къ милому призраку; она не боялась выказать предъ нимъ своего завѣтнаго чувства, и какъ будто хотѣла безъ опасенія навсегда наглядѣться на него, зная, что призракъ счастья можетъ въ мигъ исчезнуть. Невольно, почти въ забытій шептала она: «Погоди, не покидай меня!» Испуганный и до глубины души тронутый, Торновъ не понималъ, что заставило ее высказать эти слова, да и что ему было до того: онъ зналъ только, что она его любить, слышалъ, что она хочетъ остаться съ нимъ, и съ восторгомъ, наклонясь къ дѣвушкѣ, проговорилъ: «Никогда, мой другъ, никогда!»

— Боже мой! вскрикнула Паша, закрывая лицо руками, Боже мой! повторила она, приходя въ себя: это не мечта!

— Да, это не мечта, сказалъ Торновъ, который понялъ, въ чемъ дѣло. Да, Паша, это не мечта, а человѣкъ, продолжалъ онъ съ чувствомъ, который любить васъ, и повторяетъ вамъ это на могилѣ вашего отца... предлагая вамъ свое имя и все, что имѣеть. вмѣстѣ съ этою рукою, прибавилъ онъ, протягивая къ Пашѣ руку, которая отнынѣ будетъ вашею защитою и опорою, если вамъ будетъ угодно принять ее. И онъ тихо приподнялъ дѣвушку. Аркадій Петровичъ не разсуждалъ, что мѣсто, гдѣ они находились было неудобно для подобнаго предложенія; увлеченный чувствомъ

любви и состраданія, онъ спѣшилъ только успокоить Пашу, утѣшить ее и сдѣлать счастливою.

Паша ничего не отвѣчала, да и что могла она сказать ему? Гдѣ тѣ слова, которыя могли бы выразить то, что она чувствовала. Она только крѣпко сжимала поданную ей руку, глядѣла на него, и Аркадій угадалъ, что цѣль достигнута: она счастлива. Послѣ минутнаго восторженнаго молчанія Паша тихо высвободила свою руку и сказала: «Позвольте мнѣ поблагодарить его,» и она опять склонилась на могилу отца, въ твердомъ убѣжденіи, что все случившееся было ей ниспослано молитвами покойнаго. Тѣмъ, кто въ неизрѣченномъ милосердіи, такъ скоро и цѣлбно врачуетъ скорби человѣческія.

Нельзя себѣ представить, что затѣмъ послѣдовало въ домѣ Аграфены Терентьевны! Гордая превыше всего, что можетъ вообразить человѣкъ гордаго, Аграфена Терентьевна мгновенно выздоровѣла, да она вышла бы изъ могилы, узнавъ, что будетъ теткою дворянки, барыни, да еще какой, богатой, потому что Аркадій Петровичъ не замѣдлилъ выдать ей три тысячи рублей на первыя необходимыя покупки. Что же будетъ далѣе! отъ одной этой мысли у честолюбивой магазинщицы уже закружилась голова. Двери магазина закрылись, этого потребовалъ женихъ; повязки съ головы сбросились—этого требовало приличіе, и завѣтный кружевной чепецъ съ малиновыми лентами величественно озарилъ сіяющее лицо Аграфены Терентьевны. Красное сатентюровое платье потому только не было въ ходу, что оно было самое лучшее и сберегалось для болѣе торжественнаго случая, могущаго прозойти, еще прежде, чѣмъ новое поспѣеть. А новое у меня будетъ, непременно будетъ, думала маршандъ демодъ: одно мнѣ вѣрно подаритъ племянничекъ, а другое, ну, другое сама сдѣлаю!—и Аграфена Терентьевна въ десятый разъ принялась считать деньги. Дѣвочкамъ, по случаю этого обстоятельства, былъ объявленъ шабашъ, пока не купятъ всего, что нужно для приданаго; но это не могло замедлить, потому что Аграфена Терентьевна пожелала въ тотъ же день ѣхать въ гостинный дворъ. Не должно терять времени, говорила она: мало ли будетъ работы, когда же успѣть, тѣмъ болѣе, что Аркадій Петровичъ изъявилъ желаніе какъ можно скорѣе, не далѣе мѣсяца, покончить дѣло, и просилъ, пока онъ недѣли на двѣ съѣздитъ въ деревню, сдѣлать только необходимое. Да вѣдь у господъ все необходимое, говорила Аграфена Терентьевна, на-скоро перехва-

тивъ кой-чего, торопясь вымѣнять деньги на тряпки. Дѣвочки изъ магазина, какъ почталіоны, рассыпались во все стороны. Одиъ, чтобъ отнести не раскроенныя еще платья, кому онѣ принадлежали, хотя по правдѣ ихъ было и не много, съ приказаніемъ сказать, что «мадамъ-моль больше работать не будетъ, потому что не хочетъ, то есть, не желаетъ, значить», а коли спросятъ почему, «то-моль не знаемъ, это дескать ихнее дѣло»—такъ таки и отвѣчать. Другихъ дѣвочекъ Аграфена Терентьевна разослала за коляской, чтобъ отыскали, гдѣ бы то ни было. Черезъ добрыхъ два часа, въ которые Аграфена Терентьевна успѣла несчетное число разъ поцѣловать племянницу, сдѣлать пріятную мину будущему племяннику, и почти столько же разъ поругать лѣнивыхъ дѣвченокъ, которыхъ надо только посыпать за смертью, желанная коляска, гремя всеиъ составомъ, подѣхала въ крыльцо. Любопытныя головы обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, по обыкновенію, высунулись изъ оконъ на непривычный стукъ, и точкою притяженія сдѣлалось крыльцо магазина.

— Не худо бы, Пашечка, говорила Аграфена Терентьевна, окончательно снаряжаясь въ путь, не худо бы и тебѣ съездить со мною, все бы лучше... А то, пожалуй, еще и не угожу чѣмъ нибудь.

— Нѣтъ, тетушка, отвѣчала счастливая дѣвушка, я всеиъ буду довольна, купите, что хотите.

— Да, знаете, любезная тетушка, сказалъ въ свою очередь Аркадій, если кого встрѣтите изъ своихъ знакомыхъ, то не говорите ничего. Къ чему, прибавилъ онъ тихо, нѣжно взглянувъ на Пашу, къ чему Богъ знаетъ съ кѣмъ дѣлиться нашимъ счастіемъ.

За слово *тетушка*, сказанное Торновымъ, Аграфена Терентьевна отдала бы, кажется, года три жизни; но молчать—это ужасно трудно, особенно, когда отъ возможности высказать свою радость всеиъ и каждому, она бы вывернула не одно сердце наизнанку отъ досады и зависти. Но дѣлать нечего, хотя морщась, а дала Аграфена Терентьевна обѣщаніе молчать. Впрочемъ, у нея осталось еще утѣшеніе—похвастаться деньгами. И вотъ, гордо проѣзжая мимо изумленныхъ сосѣдей, она велѣла остановиться у болочной.

— А, Аграфена Терентьевна! сказала булочница съ зелеными глазами, встрѣчая гостью: Что это вы такъ разфрантились, или куда въ гости собрались?

— Я, благодаря Бога, никогда замарашкой не хаживала, отвѣ-

чала съ достоинствомъ маршанъ-де-модъ, а если и не занималась своимъ туалетомъ, такъ это такъ, изъ каприза; но теперь хочу начать жить, полно трудиться, хочу веселиться и жить, какъ приличіе требуетъ. Вотъ что, моя душа, прибавила Аграфена Терентьевна, смотря свысока на булочницу, глядѣвшую на нее съ неудомѣніемъ. Для того хочу напередъ покончить старые счеты, продолжала она. Сколько я вамъ должна-то?

У булочницы ужъ давно прыгали зеленые глаза съ досады на Аграфену Терентьевну и за коляску, и за новую шляпу, которая была надѣта на ней, и наконецъ за обращеніе, къ которому булочница не привыкла. До этого времени Аграфена Терентьевна всегда обходилась съ нею, такъ сказать, на деликатной ногѣ, а теперь едва глядитъ, и все такъ свысока ей отпускаетъ... Булочницу задѣло это за живое, и она очень обрадовалась случаю унижить гордую швею:

— Сколько должны-то? взвизнула она, да столько, что менѣ насъ снисходительные люди врядъ ли бы и повѣрили вамъ. Сколько? вотъ прекрасно! словно не знаете—за товаръ четыре рубля слишкомъ, то есть, съ полтиною, да восемь рублей деньгами взяли по мелочамъ... Да ужъ конечно лучше расплатиться, чѣмъ ѣздить въ фаэтонахъ, насмѣшливо прибавила она. Уязвленная Аграфена Терентьевна хотѣла было отвѣчать на вызовъ, какъ она привыкла отвѣчать въ подобныхъ случаяхъ, но вспомня о неприличіи браниться съ булочницею, она только презрительно оглянула ее съ ногъ до головы и важно произнесла:

— У меня, мой свѣтъ, хватить и на коляску, да не на одну, а на три, коли захочу, и на расплату ничтожнаго вашего долга, и вотъ, продолжала она, вытаскивая пукъ кредитныхъ билетовъ изъ огромнаго ридикюля и разбирая ихъ на прилавкѣ: вотъ, возьмите прибавила она, выбравъ постарше десятирублевую бумажку, и дайте сдачи, годится нищему подать.

При видѣ такого сокровища, зеленые глаза булочницы странно съежились, и костлявая рука дрожа быстро ухватилась за стулъ и придвинула его къ Аграфенѣ Терентьевнѣ.

— Да присядьте же, милая сосѣдушка, что же это вы стоите. Вѣдь какое счастье, что вы такая добрая и не обходите меня мимо, хоть душу съ вами отведемъ; вѣдь вы у насъ умнѣ всѣхъ въ цѣлой улицѣ, и честь, право, честь тому, кто умѣлъ, такъ сказать, привязать васъ къ себѣ; скороговоркою лепетала булочница, суетясь около Аграфены Терентьевны. Такъ она была озадачена

пучкомъ денегъ, и не знала, какъ поправить дѣлю, смекнувъ, что по богатству Аграфена Терентьевна теперь можетъ ей быть нужнымъ человѣкомъ.

— Я не сидѣть сюда пришла, моя радость, а расплатиться съ вами, чтобъ вы не имѣли чести считать меня въ числѣ своихъ должниковъ, холодно отвѣчала маршандъ-де-модъ, отодвигая стулъ. Вѣдь это я единственно изъ каприза должна вамъ, хотѣла, что называется, на оселкѣ золото попробовать и прикинулась въ нуждѣ, чтобъ узнать людей, ну, и какъ видите, узнаю! говорила она, небрежно поправляя шляпу. И, кивнувъ головою вышла отъ уничтоженной булочницы, какъ-то странно плюнувъ на порогъ.

— Ну, теперь она окончательно вся позеленѣетъ, думала довольная Аграфена Терентьевна, влезая въ коляску, и когда надѣнетъ желтое свое платье, то будетъ совершенная яичница съ лукомъ. Пошелъ въ городъ! крикнула она кучеру, и коляска опять задрезбужала.

Все, что было лучшаго въ гостиномъ дворѣ, наскоро перерыла Аграфена Терентьевна, кое-что купила, ко многому прицѣнилась, и заваленная различными свертками, уже хотѣла было ѣхать домой, но вдругъ нечаянная мысль остановила ее, она снова потащила по линіи, приказавъ коляскѣ ожидать себя. Сдѣлавъ нѣсколько неправильныхъ поворотовъ внутри гостинаго двора, она наконецъ вошла въ лавку, заваленную ситцемъ и коленкоромъ. За прилавкомъ стоялъ Кузьма.

— Есть у васъ лансукъ, спросила Аграфена Терентьевна.

— Все есть-съ, что прикажете, въ магазинахъ такого нѣтъ! Только вѣдь мы все на чистыя-съ продаемъ! прищурясь произнесъ Кузьма.

— А развѣ у васъ по линіи есть и такіе, что на поганья продаютъ? сострила маршандъ-де-модъ.

— Это выходитъ значить-съ на чистоту, то есть, не въ кредитъ.

— Да, было бы еще что въ кредитъ-то и отпустить! сказала Аграфена Терентьевна, и между тѣмъ, какъ Кузьма раскладывалъ предъ нею всякую всячину, только не то, чего она требовала, Аграфена Терентьевна пересчитывала деньги: триста, четыреста, пятьсотъ—пятьсотъ! вотъ она штука-то, полтысячи слишкомъ истратила, а купила, кажись, немного! говорила она, какъ бы сама съ собою, укладывая деньги опять въ мѣшокъ.

— Видно для кого нибудь по комиссіи покупаете, аль сами

разбогатѣть изволили? съ ужимкою спросилъ Кузьма, зарясь на достаточное количество трехцвѣтныхъ бумажекъ, промелькнувшихъ у него передъ глазами.

— Я не разсыльный какой, чтобъ бѣгать для другихъ, отвѣчала гордо Аграфена Терентьевна: будетъ и того, что про свой обиходъ купить придется, а за деньгами къ вамъ, батюшка, мы, кажись, никогда не хаживали, а брали ихъ изъ своего сундука.

— Совершенный резонъ-съ! бормоталъ Кузьма: Это я къ тому примѣру, что за племянницей-то ничего не сулили.

— По Сенькѣ и шапка, по покупщику и товаръ, каковъ женихъ, таковъ и посулъ.

— Всякій мужчина обнаковенно женихъ есть, какому надлежитъ быть! проговорилъ Кузьма, потянувъ на шеѣ красный бу-мажный галстухъ и одернувъ рукава.

— Да, батюшка, и всякій пѣтухъ въ перьяхъ, да не каждый голосисто поетъ! глубокомысленно отвѣчала магазинщица. Тотъ разъ я ничего не давала, ну, а вотъ теперь, при случаѣ, найду что нибудь, отъ добрыхъ людей не отстану.

— Давай Богъ больше аванажу! видно-съ намъ не лафа, съ досадою говорилъ Кузьма. А теперь приданое чтоль закупать пожаловали, аль опять засымають?

— Къ образованнымъ дѣвицамъ не присымають свахъ, батюшка, это не въ модѣ. Умная да ученая барышня сама себя жениха сыщеть, а родные только приданое подай;—отвѣчала Аграфена Терентьевна важно. И тотъ разъ, это только меня сбили да упросили, а сама бы я, по своему размышленію, на этакой случай никогда не рѣшилась. Что же это вы мнѣ такое дали? продолжала она, взглянувъ на товаръ: Я требовала лансукъ, а вы дали русскій барежъ, да еще—ужъ я и не знаю, что такое.

— Да эвто онъ самый и есть.

— Что? лансукъ-то! невольно захохотавъ проговорила Аграфена Терентьевна: да гдѣ же онъ?

— Да вамъ чего надо-то? сказалъ Кузьма, разсердясь.

— Лансукъ.

— Такого нѣтъ! отвѣчалъ онъ, сгребая съ прилавка товаръ: мы торгуемъ только краснымъ товаромъ.

— Вишь ты, говорилъ Кузьма, когда ушла покупщица, спрашиваетъ, чего и на свѣтѣ нѣтъ; проваливай-ка-съ, видали мы и почище тебя!—Тождъ куражится!

Аграфена Терентьевна очень была довольна собою, возвращаясь домой; всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, думала она: вотъ теперь знай нашихъ. Когда коляска подъѣхала къ дому, то сосѣдскій мальчикъ быстро выбѣжалъ изъ воротъ и, откинувъ подножку, помогъ Аграфенѣ Терентьевнѣ выйти изъ экипажа, прежде, чѣмъ высыпали къ ней навстрѣчу дѣвченки.

— А что, булочница очень устала? спросила Аграфена Терентьевна мальчика, давая ему гривенникъ за услугу.

— Нѣтъ, ничего, только маленько запыхалась, когда пришла къ намъ, отвѣчалъ тотъ наивно, озадаченный щедростью магазинщицы: а потомъ ничего, отдохнула.

— А долго она была у васъ?

— Нѣтъ, не долго, побѣжала въ табачный магазинъ, отвѣчалъ мальчикъ, любуясь на гривенникъ.

— Ну, задала же я ей гонку! смѣясь говорила Аграфена Терентьевна, тѣмъ лучше, крѣпче уснетъ.

Три недѣли быстро пронеслись съ тѣхъ поръ, какъ судьба Паши измѣнилась. Аркадій Петровичъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ онъ приготовилъ все, что было нужно для своего помѣщенія, и возвратился веселый и довольный. Свадьбу предположили отпраздновать въ деревнѣ, гдѣ Торновъ рѣшился провести зиму съ молодою женою, а на слѣдующую осень положено было возвратиться въ городъ. Для Паши это было все равно, гдѣ бы ни жить, лишь бы жить съ нимъ неразлучно. Молодые люди такъ сладко, такъ радостно мечтали объ этой жизни вдвоемъ, что дни исчезали у нихъ незамѣтно. Правда, въ продолженіе этого времени полное счастье молодой дѣвушки нѣсколько разъ тревожила страшная мысль: будетъ ли счастливъ Аркадій, женясь на ней? не раскается ли онъ? Но онъ любитъ такъ нѣжно, его вѣра въ вѣчное счастье и согласіе была такъ правдоподобна, что Паша воображала себя уже за рубежомъ своихъ страданій и беззаботно тонула въ чудной дѣйствительности.

Приданое было уже на половину готово, остальное Торновъ велѣлъ оставить, хотя Аграфена Терентьевна всѣми силами возставала противъ такого распоряженія, говоря, что и всего-то не много будетъ-только, только что безъ чего, по ея мнѣнію, уже нельзя обойтись.

— Что будетъ нужно, купимъ готовое, отвѣчалъ Аркадій.

— Зачѣмъ же покупать, когда дома есть? возражала Аграфена Терентьевна.

— А если есть, то тѣмъ лучше.

— Есть, да несшитое, Аркадій Петровичъ.

— Вы, моя дорогая, все намъ послѣ сошьете и привезете, улыбаясь говорилъ Торновъ.

— Да когда же послѣ? Вѣдь ужъ, какъ хотите, а погощу я у васъ послѣ свадьбы, хоть недѣлки двѣ; нельзя же не полюбоваться на моихъ сизыхъ голубковъ! Потомъ поѣду домой.

— Ну, а потомъ-то ужъ и примитесь за работу, если вы сами непременно хотите все сдѣлать для Паши. А по моему, отдать бы это все въ разные магазины, такъ давно все уже было бы готово.

Аграфена Терентьевна принуждена была уступить и принялась укладывать да увязывать все, что было приготовлено; наконецъ и эта работа кончена, а до отъѣзда въ деревню оставалось еще два дня. Скука смертная! чѣмъ бы убить время? имъ-то хорошо, размышляла Аграфена Терентьевна, смотря на Аркадія и Пашу: сидятъ себѣ да воркуютъ, а мнѣ и слова сказать не съ кѣмъ, имъ теперь не до меня; съ мастерицами, oprичъ брани, и говорить нечего; сосѣдокъ не велѣлъ пускать и самой къ нимъ не ходить: вотъ ты тутъ и вѣдайся, какъ знаешь. И пришла изобрѣтательной маршандъ-де-модъ гениальная мысль—до отъѣзда прокатиться куда нибудь. Придуманно — сказано, сказано—сдѣлано, ужъ таковъ былъ у нея обычай!

— А что, батюшка, Аркадій Петровичъ, хоть бы вы насъ потѣшили чѣмъ нибудь передъ отъѣздомъ въ деревню! сказала она вечеромъ въ тотъ же день.

— Очень радъ, чѣмъ прикажете?

— Да вотъ, хоть бы, напримѣръ, свозили насъ къ Раипо: и Пашечка его еще не видала; то трауръ, то горе, такъ оно какъ-то и не пришлось. А ужъ говорить чудо, какъ хорошо!

— Да, хорошо.

— А вы были?

— Былъ.

— Видите, какіе, сами-то были, а намъ и не покажете! Ну, что она за невѣста: и не повеселилась въ этомъ случаѣ. Ужъ за мужемъ всѣ эти глупости не пойдутъ въ голову: то заботы, то дѣти... Аркадій невольно засмѣялся, Паша покраснѣла.

— Ну да, я правду говорю, продолжала Аграфена Терентьевна, довольная, что произвела эффектъ; ужъ разумѣется, правду, потому что это будетъ безпремѣнно.

— Что будетъ? смѣясь спросилъ Аркадій Петровичъ.

— Да все будетъ, и заботы и...

— У меня будетъ одна только забота, перебила Паша, чтобъ онъ всѣмъ былъ доволенъ.

— Ладно! пой, матушка, пѣсни-то, и другія дѣла найдутся! Вотъ теперь-то и надо повеселиться на просторѣ; да и обычай не нами заведенъ: невѣсту надо тѣшить.

Паша видѣла, что Аркадію Петровичу это предложеніе было неприятно, и потому объявила, что вовсе не желаетъ видѣть Рапо.

— Лжетъ она, право, лжетъ, Аркадій Петровичъ. Она еще вчера говорила, когда наша мастерица примѣривала на ней платье и рассказывала про Рапо, что это должно быть очень хорошо.

— Это еще не значитъ, что я его хочу видѣть, тетушка.

— Да, ужъ хочешь, хочешь, знаю, что хочешь. Аркадій Петровичъ, голубчикъ! сводите насъ, потѣшите меня, старуху.

И когда ей предложили ѣхать одной, то Аграфена Терентьевна даже разсердилась, говоря, что одной веселиться скучно, и прибавила: «Вы какъ будто боитесь, Аркадій Петровичъ, показаться на свѣтъ, словно васъ тамъ укусятъ, или сглазятъ. Сидимъ все дома, какъ заключенныя... свадьба тоже въ деревнѣ, ну, что за веселье? словно прячемся.

Эти слова, сказанныя Аграфеною Терентьевною безъ всякаго умысла, имѣли странное дѣйствіе на Пашу и вызвали у молодой дѣвушки одинъ изъ тѣхъ мимолетныхъ тревожныхъ взглядовъ, для объясненія котораго потребовалось бы много словъ. Взглядъ этотъ какъ молнія блеснулъ и исчезъ подъ бархатомъ опущенныхъ рѣсницъ, заставя Аркадія невольно вздрогнуть.

— Какъ это можно только подумать, сказалъ молодой человѣкъ: поѣдемте, когда хотите! Слова эти были произнесены такъ важно, такъ рѣшительно, что по всей справедливости едва ли были вызваны рѣчию Аграфены Терентьевны, они какъ будто были отвѣтомъ на взглядъ Паши, хотя Аграфена Терентьевна въ простотѣ души и не заподозрила этого.

— Ну, вотъ и славно! такъ зачѣмъ же откладывать, ѣхать, такъ ѣхать завтра! проговорила она весело. Теперь нужно хлопотать, какъ бы одѣться, чтобъ не удариться лицомъ въ грязь.

— Я такъ счастливъ, когда бываю съ тобою, такъ весель, когда мы вдвоемъ безъ свидѣтелей, говорилъ Аркадій, оставшись съ Пашею, что повѣришь ли, даже забылъ обо всѣхъ этихъ вздрахахъ, которыя такъ занимаютъ на старости нашу тетушку.

Паша тихо улыбнувшись и, еще тише вздохнувъ, только пожала руку жениха, какъ бы боясь говорить, чтобъ не высказать мысль, которую невольно заронили ей въ душу слова тетки.

На другой день, послѣ объѣда, прекрасная четырехмѣстная карета стояла у крыльца благополучнѣйшей изъ маршандѣ де-модѣ. Цѣлый день Паша была въ какомъ-то непомѣрно тревожномъ состояніи, которое всѣми силами старалась скрыть отъ Аркадія Петровича; она съ невольнымъ страхомъ думала о предстоящемъ гуляньѣ и много бы дала, чтобъ не ѣхать туда. Въ то же время она не могла преодолѣть въ себѣ тайнаго желанія увѣриться въ чемъ-то, уничтожить сомнѣніе, которое не давало ей покоя.

Что, если онъ будетъ дѣйствительно стыдиться, бояться? думала она, сжимая крѣпко сердце. О, нѣтъ! Боже мой, я не хочу такой жертвы, я не хочу на его счетъ быть счастливою, не хочу цѣною его покоя купить себѣ благополучіе. А если это только мечта моего больнаго, напуганнаго воображенія, тогда всей моей жизни мало будетъ на благодарность и любовь къ нему.

Разряженная въ пухъ Аграфена Терентьевна весело усѣлась въ экипажъ, но не могла достаточно надивиться, смотря на Пашу и Аркадія, какъ-то задумчиво сидѣвшихъ другъ противъ друга.

Ничего-то они не понимаютъ, думала она, не понимаютъ даже съ какимъ видомъ надо ѣхать въ публику, въ такомъ случаѣ надо имѣть развязность и веселость. И въ доказательство этого она поминутно вертѣлась въ каретѣ, высовывая изъ окна улыбающееся лицо, которое вотъ такъ и говорило: «Посмотрите-ка, вотъ мы каковы, ѣдемъ на гулянье, да еще какъ, въ каретѣ!

Около Тиволи стояло много экипажей, но между ними не было ни одного изъ тѣхъ, которые появляются въ началѣ лѣта, когда еще такъ называемое высшее общество не разѣхалось по деревнямъ и дачамъ. Кареты и коляски, наполнявшія длинный дворъ, были большею частію наемныя, и видимо принадлежали небогатымъ людямъ, пріобрѣтающимъ право прокатиться въ экипажѣ посредствомъ трехъ рублей, не болѣе. Это замѣтилъ Торновъ, бѣглымъ взглядомъ окинувъ дворъ, и весело выпрыгнулъ изъ кареты. Публика, толпившаяся въ Тиволи, была самая пестрая. Модныя шляпки, претендательные чепцы и простенькія косынки были перемѣшаны съ новомодными пальто, франтовскими сюртуками и затѣйливыми венгерками, и все это чопорно двигалось, форменно улыбалось, оглядывало другъ друга съ головы до пятъ, и единодушно желало веселиться.

У маленьких столиковъ, многіе, пресытившіеся уже удовольствіемъ ходить изъ стороны въ сторону, пили чай и ѣли мороженое. Аграфена Терентьевна сразу пожелала присоединиться къ послѣднимъ, и потребовавъ двѣ порціи мороженого, преспокойно усѣлась на скамѣйку, передъ театромъ, въ ожиданіи представленія Раппо, предоставивъ молодымъ людямъ веселиться, какъ знаютъ.

Робко прижалась Паша къ рукѣ Аркадія, когда онъ повелъ ее чрезъ площадку, наполненную народомъ. Непонятный страхъ сжималъ сердце дѣвушки. Когда толпа незнакомыхъ людей окружила ихъ со всѣхъ сторонъ, ей казалось, что эти люди оттолкнутъ отъ нее Аркадія, что она его потеряетъ, и только когда они вошли въ одну изъ аллей сада, гдѣ было гораздо просторнѣе, Паша вздохнула свободнѣе, и въ первый разъ, съ самаго пріѣзда въ Тиволи, рѣшилась взглянуть на Аркадія. Весело, покойно шель подлѣ нея молодой человекъ, уже съ перваго шага въ садъ знакомый съ обществомъ, среди котораго находился.

Съ любовію и благодарностью глядѣла на Аркадія Паша, крѣпко сжимая его руку, какъ бы прося прощенія за подозрѣніе, которое, противъ воли, запало ей въ душу и такъ тяжело заставило страдать. И Торновъ почему-то понялъ дѣвушку: онъ съ улыбкою погрозилъ ей, примолвя: «Видишь ли, какая ты злая, Паша!» И оба счастливые, довольные другъ другомъ, они скрылись въ густыхъ аллеяхъ сада.

Не болѣе четверти часа оставалось уже до начала представленія Раппо, и публика со всѣхъ сторонъ начала стягиваться къ его эстрадѣ. Торновъ крѣпко держа подъ руку Пашу, спѣшилъ впередъ, чтобъ скорѣе отыскать Аграфену Терентьевну и посадить ихъ на первыя мѣста, какъ вдругъ, на поворотѣ къ площадкѣ, знакомый голосъ заставилъ Аркадія вздрогнуть и какъ будто приковалъ къ мѣсту.

— *Voyez donc, monsieur Tornoff*, говорилъ кто-то, почти подлѣ Торнова. Посмотри Лидія, *vraiment c'est lui*.

Еслибъ молнія упала предъ Аркадіемъ, онъ вѣрно менѣе испугался бы, чѣмъ отъ встрѣчи съ женщиною, которая лорнируя съ ногъ до головы его спутницу, насмѣшливо кивала головою и язвительно смотрѣла на него.

При взглядѣ на нее онъ почувствовалъ, что кровь огненною струею поднялась къ его головѣ, и какая-то непонятная сила заставила его быстро отскочить отъ Паши и кинуться впередъ. Баронесса, какъ страшное привидѣніе стояла передъ Торновымъ.

— Monsieur Tornoff, какими судьбами? говорила она иронически, раскланиваясь съ Аркадіемъ. Всѣ полагають, что вы въ деревнѣ, и я, возвратясь въ Москву на нѣсколько дней, никакъ не ожидала удовольствія встрѣтить васъ здѣсь, и, въ добавокъ, въ такомъ занимательномъ обществѣ. И она залилась смѣхомъ, лорнируя стоявшую безъ движенія передъ нею Пашу.

— Баронесса! едва могъ проговорить молодой человекъ, почти уничтоженный неожиданною выходкой свѣтской сплетницы.

— Ну, да впрочемъ, надо же какъ нибудь убивать время, говорила она, продолжая смѣяться. Въ ваши лѣта такіе проказы еще простительны, но все таки надо бы пощадить приличія... побольше осторожности... явиться подъ руку со швейкою въ публикѣ, знаете, это можетъ вамъ повредить.

Баронесса не церемонилась, Пашу она почитала слишкомъ ничтожною, чтобъ жениться съ нею; что же касается до Торнова, то она даже радовалась, что поймала его въ этой, по ея мнѣнію, скандальной шалости; она давала ей право держать молодого человека въ рукахъ для своихъ видовъ, и смотря по тому, какъ онъ будетъ вести себя въ отношеніи ея видовъ, молчать или рассказывать объ этомъ въ свѣтъ, гдѣ голосъ ея имѣлъ вѣсъ. И что же? Торновъ какъ воръ, пойманный на дѣлѣ, не имѣлъ силы возстать противъ баронессы открыто и объявить ей, что Паша его невеста, и этимъ могучимъ словомъ оградить бѣдную дѣвушку отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и поставить ее въ уровень съ этою женщиной, такъ гордой по значенію, и такъ ничтожной по достоинству. Готовый пожертвовать за Пашу жизнью вдали отъ свѣта, онъ не имѣлъ мужества пожертвовать мнѣніемъ женщины, которую въ душѣ неуважалъ. Она казалась ему въ это время представительницею городской молвы, которая его пугала.

— Впрочемъ, продолжала баронесса, забавляясь смущеніемъ Аркадія, успокойтесь! этого у насъ никто не узнаеть, и пока мы съ вами друзья,—на послѣднія слова она сдѣлала особенное удареніе, — я не захочу вредить вамъ въ обществѣ, которое, увѣряю васъ, не легко прощаетъ подобныя шалости. И чтобъ доказать, что я не измѣняю къ вамъ моей дружбы, сказала баронесса, снисходительно подавая ему руку, то предлагаю вамъ быть нашимъ кавалеромъ, отыщите намъ мѣста у Раппо... эта дама не взыщеть, прибавила она, показывая лорнетомъ туда, гдѣ стояла Паша, она и одна погуляетъ. Голосъ, которымъ были сказаны эти слова, заставилъ Торнова задрожать и въ тоже время вздохъ, или

скорѣе стонъ, вырванный невыносимымъ страданіемъ, до того тихій, что Аркадій его скорѣе чувствовалъ, чѣмъ слышалъ, заставилъ его оглянуться.

Блѣдное, помертвѣлое лицо Паши, какъ совѣсть мелькнуло передъ нимъ и скрылось, далеко отброшенное нахлынушею къ эстрадѣ толпою. Торновъ опомнился. Онъ вышелъ изъ-подъ того обаянія, которое навѣяло на него неожиданное присутствіе баронессы; онъ съ ужасомъ вспомнилъ о своемъ поступкѣ съ Пашею, и о томъ униженіи, которому такъ малодушно подвергъ ее, кинувъ одну среди аллеи и сдѣлавъ свидѣтельницаю разговора, въ высшей степени оскорбительнаго и неприличнаго. Чувства самосознанія и долга проснулись наконецъ въ молодомъ человѣкѣ, хотя и поздно, и онъ съ ненавистью взглянулъ на баронессу, какъ на причину всего случившагося. Не принимая ея руки, онъ холодно сказалъ:

— Если свѣтъ можетъ что нибудь не прощать, такъ это прежде всего неделикатность и оскорбленіе, баронесса. Что же касается до меня, то я, сколько помню, всегда свободно располагалъ собою, не давая никому права вмѣшиваться въ мои поступки, и избиралъ себѣ то общество, которое находилъ пріятнымъ, не спрашивая позволенія ни у кого, потому что это, кромѣ меня, ни до кого не касается. Могу васъ увѣрить, баронесса, съ достоинствомъ продолжалъ Аркадій, что я не измѣню своихъ поступковъ, какъ бы они обществу не показались странны. Затѣмъ, поклонясь баронессѣ, онъ кинулся вслѣдъ за Пашею.

Но напрасно искалъ Аркадій Пашу въ народѣ: ее тамъ не было. Онъ обѣжалъ всѣ ближайшія аллеи, которыя были почти пусты, и нигдѣ не нашелъ ее. Страшно встревоженный, Торновъ чувствовалъ, зная хорошо характеръ Паши, что это происшествіе не можетъ не имѣть послѣдствій, къ тому-же онъ боялся, чтобъ въ этой разнородной толпѣ она не подверглась еще какому нибудь новому оскорбленію, но всѣ старанія его были напрасны. Не съ теткою ли она? подумалъ онъ, и кинулся къ Тиволи. Онъ отыскалъ Аграфену Терентьевну, которая, стоя на скамйкѣ, на ципочкахъ, старалась заглянуть на сцену, и почти плакала отъ досады, что ничего не видитъ.

— Гдѣ Паша? спросилъ Торновъ, проталкиваясь сквозь толпу, которая окружала сцену: видѣли вы ее?

— Ничего не видала; только голова одна, а ногъ совсѣмъ

нельзя разсмотрѣть! плачевно отвѣчала Аграфена Терентьевна, занятая представленіемъ.

— Паша пропала, она отстала въ народѣ! говорилъ разстроенный Аркадій, почти насильно стаскивая старуху съ возвышенія. Ступайте, ради Бога, ищите ее.

— Помилуйте, съ видимою досадою сказала Аграфена Терентьевна, да вѣдь она была съ вами, куда же вы ее дѣвали?

— Идите, идите, скорѣе! говорилъ Аркадій, котораго безпокойство съ каждою минутою увеличивалось: и если найдете, то подождите меня здѣсь.

Уже болѣе часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Аркадій и Аграфена Терентьевна по всему саду напрасно искали Пашу; представленіе уже кончилось, публика стала развѣзжаться, когда они, усталые, встрѣтились на площадкѣ одни. Паши въ саду небыло.

Въ немногія минуты, въ которыя Паша была нѣмкою свидѣтельницею разговора баронессы съ Аркадіемъ, бѣдная дѣвушка пережила всѣ возможныя страданія, не имѣя силы покинуть мѣсто, гдѣ такъ безжалостно отняли у нея счастье, гдѣ такъ жестоко наругались надъ нею; она до конца выпила чашу горя и униженія, и простилась съ надеждою на радость. Не слова баронессы убили бѣдную дѣвушку, что значили слова сторонней для нея женщины въ сравненіи съ тѣмъ оскорбленіемъ, которое нанесъ ей Аркадій, показавъ, что мнѣніе баронессы онъ цѣнитъ выше ея любви и уваженія; что любви ея онъ стыдился, уваженіемъ не дорожилъ. Могла ли она рзсудить, что это былъ безотчетный мимолетный порывъ ложнаго стыда,—она знала одно, что онъ кинулъ ее, молча отдалъ ее на осмѣяніе, и этого было для нее довольно!

Паша сама не понимала, какъ она вышла изъ толпы, но чувствовала, что долѣе оставаться тутъ она не могла: ей было тяжело, душно въ саду, ей хотѣлось убѣжать куда нибудь далеко, далеко, гдѣ бы она могла забыть обо всемъ, забыть объ немъ, и умереть покойно.

— Да, да, умереть лучше, гораздо лучше! невольно шептала она, съ отчаяніемъ оглядываясь кругомъ, чтобъ отыскать тетку; ей было одной страшно между незнакомыми, которые со всѣхъ сторонъ окружали ее.

— Какая хорошенькая! говорили многіе, заглядывая въ лицо бѣдной дѣвушки.

— Не скучно ли вамъ однимъ гулять? вторили записные сельчаки, забавляясь смущеніемъ и страхомъ дѣвушки.

И молодая дѣвушка не знала что дѣлать, куда уйти отъ этихъ людей.

— Гляди-ка, гляди, Ильинишна! говорилъ кто-то, удерживая за руку небольшую толстенную старушку, которая, какъ шаръ, въ припрыжку бѣжала съ ступенекъ лѣстницы, ведущей въ садъ Тиволи: гляди-ка, повторилъ онъ, пальцемъ показывая на Пашу, зная ученая-то барышня на просторѣ жениха по себѣ ищетъ, вишь, одна шмыгаетъ по гуляню.

— Ну ее, Кузьма Савельичъ! не до нее, чай невѣста съ родителями-то ужъ давно здѣсь; не ладно, коли заставили долго ждать; вишь ты съ коей поры холился да рядился, пойдемъ скорѣе. И она потонула въ толпѣ, а Паша, съ ужасомъ оглянувшись, бросилась къ выходу.

— Ахъ, Боже мой, говорила Аграфена Терентьевна, успокоивая Торнова, который послѣ новыхъ безконечныхъ поисковъ, былъ внѣ себя отъ безпокойства. Ну, что это, право, иголка что-ли она какая, что можетъ пропасть? Ахъ, постойте! прибавила она вдругъ: да не отправилась ли она домой?

— Какъ можно, возразилъ Аркадій, одной уѣхать отсюда?

— И очень можно, продолжала она, я думаю, побѣгала, побѣгала одна-то, ну, гдѣ ей насъ сыскать въ такой пропасти народа, она же трусиха, чай испугалась, да и давай Богъ ноги.

— Но какъ же она могла уѣхать, гдѣ она отыскала карету?

— Вотъ на! а пролетки-то на что? Страхъ не свой братъ, Аркадій Петровичъ, не станешь разбирать, лишь бы добраться до дому.

— Дай Богъ! проговорилъ Торновъ, нѣсколько успокоенный словами Аграфены Терентьевны и отправилъ ее домой, прося прислать за нимъ карету обратно, если Паша дома.

Аграфена Терентьевна отправилась; но подѣхавъ къ дому, была очень удивлена: какой-то извозчикъ очень сердился и бранился, сидя у ея дверей.

— Что тебѣ здѣсь надо? спросила она, выходя изъ кареты.

— Да вотъ, часа съ два назадъ, привезъ отъ силача, какую-то барыню, кажись, больную, да по сю пору денегъ не высылаютъ.

— Кого онъ привезъ? спросила встревоженная Аграфена Терентьевна дѣвочку, когда та выбѣжала на ея стукъ.

— Прасковью Васильевну, да онъ очень большы сдѣлались, такъ ужъ не до него было.

— Ахъ, Боже мой! вскрикнула испуганная Аграфена Терентьевна, кидаясь въ комнату къ племянницѣ.

Паша была дѣйствительно очень больна. Покрасившіе глаза, пылающее лицо и несвязныя слова дѣвушки страшно перепугали тетку, когда на всѣ ея вопросы Паша отвѣчала только одно: «Больно, больно.»

— Гдѣ больно, мой другъ? Что съ тобою? говорила Аграфена Терентьевна, обнимая и прижимая къ себѣ дѣвушку, которая дрожала всѣми членами.

— Больно! твердила Паша, кладя руку то на голову, то на грудь: тутъ больно!

— Ахъ, да никакъ меня нелегкая попутала ѣхать на это проклятое гулянье! всплеснувъ руками, сказала Аграфена Терентьевна, суетясь около больной. И зачѣмъ только къ намъ въ Москву пускаютъ этихъ шукарей! А все вы! все это вы виноваты, негодницы! продолжала она, обратясь къ дѣвушкѣ, которая ухаживала за больною Пашею: ходите, смотрите разные пустяки, да только порядочныхъ людей смущаете. Еслибъ вы не хвалили мнѣ вашего Раппо, такъ я бы никогда и не вздумала туда ѣхать; а то вотъ теперѣ какая бѣда! Тѣфу! прибавила она, значительно плюнувъ,—вотъ вамъ съ вашимъ Раппо.

Но отъ этихъ словъ бѣдной больной не стало легче; жаръ въ головѣ съ каждою минутою усиливался, между тѣмъ, какъ руки Паши были холодны и влажны. Ее уложили въ постель и всѣ домашнія средства, какія только знала Аграфена Терентьевна, были употреблены, чтобъ облегчить страданія Паши, хотя видимо бѣдная дѣвушка не желала пособія.

Часа черезъ полтора возвратился наконецъ Аркадій и тихо подошелъ къ постели Паши: она едва его узнала, и на всѣ его слова, на ласки и увѣренія въ любви, отрывисто говорила: «Нѣтъ, нѣтъ! зачѣмъ, не надо! Я вамъ не пара, я не хочу губить васъ. Лучше умереть!»

Съ невыразимымъ отчаяніемъ слушалъ Аркадій бредъ больной, которая въ страшномъ страданіи металась на постелѣ.

Послали за докторами, но всѣ старанія медиковъ не могли предупредить жестокой горячки, которая обнаружилась у Паши къ утру.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Торновъ не отходилъ отъ постели Паши, и все, что любовь, раскаяніе и страхъ за жизнь любимой женщины могутъ вдохнуть, онъ дѣлалъ для ея спасенія.

Напрасно доктора совѣтовали ему не быть постоянно въ комнатѣ больной, говоря, что это можетъ для него самого имѣть дурныя послѣдствія, онъ никого не слушалъ и оставался при Пашѣ, страдая едва ли не больше ее. Съ тоскою прислушивался онъ къ несвязной ея рѣчи, которая то кипѣла всей горячностью любви, то замирала въ тихой жалобѣ,—и сердце его разрывалось на части, онъ не могъ отстранить мысли, что самъ причиною всему злу.

Такъ прошло восемь дней. Наконецъ страданія Паши, по видимому, начали стихать, бредъ почти прошелъ, и она закрывъ глаза, казалось, спокойно отдыхала отъ тяжкихъ мукъ, которыя переносила такъ долго. Аркадій какъ будто воскресъ душою въ надеждѣ на ея исцѣленіе.

Насталъ девятый день. Солнце только что начало всходить, и яркимъ лучемъ пробившись сквозь темную стору Пашиной комнаты, освѣтило блѣдное, прозрачное лицо спящей дѣвушки. И дивно была хороша Паша въ эту минуту!

Опершись на руку, неподвижно сидѣлъ подлѣ нея Аркадій, и терпѣливо слѣдилъ малѣйшее ея движеніе, малѣйшій вздохъ, со страхомъ и жадностью ожидая пробужденія Паши; но время шло, а она не просыпалась. Съ любовію и молитвою тихо наклонился къ ней Аркадій, какъ бы желая поближе всмотрѣться въ ея исхудавшее и блѣдное лицо, въ это мгновеніе Паша открыла глаза и долго, пристально глядѣла на Аркадія, смотрѣла такъ ласково, такъ отрадно, казалось, вся жизнь ея перешла въ этотъ взглядъ, полный мира и неземной любви. И вотъ она тихо подняла слабую, какъ воскъ прозрачную руку, и улыбаясь провела ею по лицу Аркадія, который не смѣлъ сдѣлать малѣйшаго движенія, чтобъ не испугать больную. Онъ стоялъ, наклонясь надъ нею, и вѣроятно въ первый разъ плакалъ отъ радости, какъ ребенокъ. Тихо вздохнувъ, Паша, казалось, хотѣла что-то сказать ему, но не могла, слабою рукою прижавъ его голову къ груди; она какъ будто хотѣла успокоить своего любимца, и счастливый Аркадій не замѣтилъ, какъ черезъ минуту грудь дѣвушки судорожно вздрогнула, и руки ея тихо спустились на его голову, какъ бы съ благословеніемъ.—Въ этотъ мигъ Паша перестала любить, потому что перестала жить.

Черезъ часъ, темная стора Пашиной комнаты поднялась, окно отворилось, и комната опустѣла...

— Голубушка ты моя, говорила рыдая Аграфена Терентьевна, охорашивая Пашу, лежащую на столѣ: несчастная ты моя! все-

то, въ твоей короткой жизни шло какъ-то наизворотъ, и вотъ теперь, вмѣсто того, чтобъ жить, умереть захотѣла; экая твоя судьба была несчастная!

И горько плакала Аграфена Терентьевна, провожая Пашу на кладбище. Аркадій на похоронахъ не былъ; но когда Пашу схоронили, и Аграфена Терентьевна уѣхала съ гостями поминать покойницу, то могильщики видѣли, что къ могилѣ пришелъ молодой человѣкъ и долго стоялъ надъ свѣжею насыпью.

Черезъ нѣсколько дней Аграфена Терентьевна получила письмо отъ Торнова, въ которомъ онъ просилъ ее найти какое нибудь бѣдное семейство и все приданое Паши отдать ему.

— Да если кто бѣднѣе меня, и стану ли я искать еще кого нибудь, сказала со слезами маршандъ-де-модъ, нѣтъ у меня ни роду, ни племени; сдѣлаюсь больна, такъ съ голоду могу умереть, пить даромъ никто не подастъ, за все надо будетъ заплатить; вѣдь не родныя околю меня. Да и Пашенькина душенька будетъ радоваться, коли все ея добро достанется теткѣ, а не кому другому.

И въ слѣдствіе этого, дорогія кружева и блонды появились на чепцахъ и наколкахъ въ магазинѣ Аграфены Терентьевны, который она снова открыла, и много записныхъ модницъ пріѣзжали любоваться и покупать богатая матеріи и платья, которыя продавала огорченная тетка, неуставая рассказывать каждому покупателю, какъ была у нея племянница красавица и ученая, какъ любила она ее и тѣшила, какъ хотѣла ее замужъ выдать за хорошаго человѣка, за барина, да Богъ не судилъ, померла почти передъ самою свадьбою. Впрочемъ, обыкновенно прибавляла она, ужъ это такъ ей на роду было написано ни въ чемъ не имѣть удачи, все какъ-то у нея шло наизворотъ.

Но къ чести Аграфены Терентьевны должно сказать, что за этими хлопотами она не забывала Пашу, и всѣ шесть недѣль поминала ее какъ слѣдуетъ, даже проливной дождь не помѣшалъ ей въ извѣстный день, хотя было уже очень холодно, съѣздить на могилу бѣдной Паши и поплакать, какъ водится. Когда это все было сдѣлано, она, оставляя могилу племянницы, плачевно сказала: Прощай теперь, моя голубушка! чай до весны я не увижу тебя больше, вишь ты какая стала погода. Спи, моя матушка! а весною велю отдѣлать твою могилку и цвѣточковъ на ней посажу.

Но вотъ прошла зима, снѣгъ растаялъ, и маршандъ-де-модъ, которой дѣла шли отлично, все еще не могла собраться исполнить своего обѣщанія:—приготовленія весеннихъ нарядовъ отняли

у нея все время. Только въ концѣ іюля собралась она на кладбище, и не могла понять, куда дѣвалась необдѣланная могила Паши, потому что на мѣстѣ, гдѣ была схоронена дѣвушка, стоялъ великолыпный мраморный памятникъ, изображающій молящагося ангела у подножія креста. Но подойдя ближе, она увидѣла надпись на памятникѣ, которая сказала ей, что это могила Паши. Аграфена Терентьевна заплакала, и набожно перекрестясь проговорила: «Спасибо тебѣ, мой родной, что ты не забылъ ее, бѣдную!» Она обошла кругомъ памятникъ, любуясь на него: «Мало только написано, говорила Аграфена Терентьевна, прочитавъ на одной сторонѣ имя Паши, а на другой, вмѣсто замысловатой эпитафіи, только два слова: *прости и прощай*; мало написано, говорила она, побольше бы написать—красивѣе было бы. Ну, да и такъ хорошо, онъ знаетъ, что дѣлаетъ.» И на другой день, постоянно вѣрная своему характеру, она привела сосѣдокъ на кладбище, чтобъ показать имъ, какой чудесный памятникъ она поставила племянницѣ.

Послѣ этого честолюбивая Маршандъ-де-модъ нѣсколько разъ еще привозила на могилу къ племянницѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, и каждый разъ видѣла свѣжій вѣнокъ изъ разныхъ цвѣтовъ на крестѣ памятника. Невольный вздохъ благодарности вырывался у Аграфены Терентьевны къ тому, кто такъ нѣжно любилъ и помнилъ Пашу послѣ смерти. Почти до самой половины лѣта, заботливая рука мѣняла цвѣты на могилѣ дѣвушки. Разъ, около вечера, молодой человѣкъ, грустный и унымый, подошелъ къ этой могилѣ, и долго задумчиво стоялъ, опершись на памятникъ дѣвушки, на который повѣсилъ свѣжій вѣнокъ, этотъ живой привѣтъ земной любви. Тихій вѣтерокъ, подхватя душистую струйку этого привѣта, понесъ ее куда-то далеко, къ небу, куда вмѣстѣ съ нею понеслись, можетъ быть, и мысли человѣка, стоящаго у могилы дѣвушки. И можетъ быть, долго бы онъ простоялъ тутъ, полный грустныхъ думъ и тягостныхъ воспоминаній, еслибъ голоса могильщиковъ, раздавшіеся невдалекѣ, не заставили его оглянуться. Невольная досада мелькнула на его блѣдномъ лицѣ: прямо къ нему шелъ молодой человѣкъ, весело перепрыгивая черезъ могилы.

— А, Торновъ! что это ты тутъ дѣлаешь? Древнія надписи, что-ли, разбираешь, говорилъ франтъ, подавая Торнову руку. А я, признаюсь, хотѣлъ было тихонько подойти, чтобъ посмотреть, что это за чудакъ представляетъ надгробный памятникъ—такъ ты не-

подвижно стоялъ тутъ. Ужь никакъ не воображалъ встрѣтить тебя; что это ты, мечтаешь, что-ли, на кладбищѣ?

— А ты самъ что тутъ дѣлаешь? спросилъ Торновъ.

— Да вотъ, просили заказать могилу, такъ мѣсто выбиралъ.

— А я, сказалъ Торновъ, пришелъ проститься съ отцемъ, потому что завтра уѣзжаю отсюда.

— Куда?

— Прежде на югъ Россіи, а оттуда прямо въ Петербургъ.

— Вотъ! тебѣ понравился Петербургъ: вѣдь ты всю зиму тамъ прожилъ, зачѣмъ же опять туда?

— Хочу служить.

— Жаль, что ѣдешь! проговорилъ молодой человекъ, котораго Торновъ, во время разговора незамѣтно отвелъ отъ могилы Паши, чтобъ тотъ не прочиталъ надписи на памятникѣ. Ахъ, да! скажи пожалуйста, что ты такое сдѣлалъ нашей баронессѣ? она не можетъ слышать твоего имени, и знаешь, душа, между нами, она страшно вредитъ тебѣ въ обществѣ.

— Баронесса! проговорилъ Аркадій, и на лицѣ его мелькнуло чувство ненависти: что можетъ мнѣ сдѣлать эта пустая, надутая газета гостиныхъ? я ее теперь столько же боюсь, сколько и уважаю.

— А прежде, развѣ боялся?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Аркадій, чувствуя, что проговорился; но, прибавилъ онъ, когда уважаешь человекъ, то дорожишь его мнѣніемъ, это естественно, а въ противномъ случаѣ смѣешься надъ нимъ.

— Такъ ты у нея не былъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Аркадій, и вѣроятно никогда не буду! и взглянувъ въ послѣдній разъ на могилу Паши, онъ скрылся за памятниками, и осиротѣла могила Паши, и завялъ вѣнокъ на ея памятникѣ. Прошло лѣто, наступила осень, лѣтнее солнышко его высушило. И осенній вѣтеръ разнесъ сухіе листья по всему кладбищу. Одинокъ и унылъ стоялъ памятникъ надъ могилою дѣвушки, обливаемый со всѣхъ сторонъ холоднымъ дождемъ, который крупными каплями катился по лицу молящагося ангела, какъ будто онъ оплакивалъ суету людей...

СЕСИЛІЯ И АГАТА.

Романъ

АЛЬФОНСА КАРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Было семь часовъ утра. Старикъ Дофинъ открылъ свою контору, надѣлъ холстинные рукава сверхъ рукавовъ сюртука и, въ ожиданіи посѣтителей, началъ чинить перья. Дверь отворилась и молодой человѣкъ, просто, но изящно одѣтый, вошелъ въ комнату, дружески кланяясь и говоря:

— Здравствуйте, любезный Дофинъ. Есть у васъ хорошія перья и чернила перваго сорта? Да возьмите лучше бумагу, атласную, помните, что вы давали мнѣ тогда... съ незабудкою на верху... или съ другимъ какимъ нибудь цвѣткомъ. Мнѣ надо послать

любовное письмо самаго краснорѣчиваго слога. Осталась у васъ копія съ того письма, что вы писали мнѣ тогда къ цвѣточницѣ, въ улицу Сентъ-Дени? Это письмо годится и теперь, оно изъ лучшихъ вашихъ произведеній.

— Да развѣ вы пишете не къ ней?

— За кого же вы меня принимаете, любезный другъ? Вамъ, какъ повѣренному моему, извѣстно, что я съ тѣхъ поръ, какъ не думаю больше о цвѣточницѣ, позабылъ уже шестерыхъ красавицъ. Дайте мнѣ то черновое письмо, я стану вамъ диктовать... такъ пойдетъ скорѣе. Ну, что, готовы?... можно начать?

Пиръ Дофинъ взялъ клочекъ бумаги и началъ пробовать перо, и потому написалъ разъ пять или шесть сряду: *сударыня!* Вѣроятно онъ остался доволенъ перомъ, потому что отвѣчалъ:

Я готовъ, начинайте.

«Сударыня!

«Я не въ силахъ долге переносить съ вами разлуку. Вы удалились изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ увидѣвъ меня, вы бы могли тронуться моимъ отчаяніемъ, и хотя изъ состраданія утѣшить меня. Но вы покинули меня въ минуту моихъ самыхъ страшныхъ страданій, какъ неумолимый судья бѣжитъ отъ осужденныхъ, чтобъ избавиться отъ ихъ моленій, чтобъ не слышать ихъ стоновъ и рыданій. Когда я подумаю о всѣхъ слезахъ, которыя вы заставляете меня проливать, то мнѣ приходится въ голову, что вы извлекаете слезы изъ сердца моего для того только, чтобъ оно еще больше загоралось. Къ чему вамъ два сердца?... вы можете жить и безъ этого. Такъ возвратите мнѣ мое сердце, или отдайте свое, чтобъ никто не могъ сказать, что васъ любить чело́вѣкъ безъ сердца.»

— А... каково письмо!.. любезный Дофинъ?

— Кажется, что хорошо, потому что я пишу его уже четвертый разъ.

— И послѣ него я всегда остаюсь побѣдителемъ. Кому бишь писали мы его въ первый разъ?... А... вспомнилъ!.. моей домовой хозяйкѣ... Сколько же я вамъ долженъ, мой добрый другъ?..

— Вамъ извѣстно, что глянцевитая бумага, съ гофрировкой кругомъ и съ незабудкой на верху стоитъ очень дорого... Къ тому же теперь такая бумага въ большой модѣ... вся знаетъ иначе не пишеть, какъ на такой... Къ этому надо еще прибавить конвертъ... не такъ ли?... а онъ долженъ тоже быть изъ глянцевитой бумаги, съ гофрировкой кругомъ, да къ тому же еще пропитанный духами... не такъ ли?..

— Разумѣется.

— Ну, а все это нельзя имѣть даромъ.

— Вы знаете, что я съ вами не торгуюсь, дорогой мой пріятель, потому что у васъ свой особенный слогъ, совершенно оригинальный, который не дается ни одному изъ нашихъ писателей. Во всемъ кварталѣ нѣтъ ни одного сердца, которое не поддалось бы мнѣ послѣ трехъ писемъ вашего сочиненія.

— Вамъ слѣдуетъ заплатить десять су за бумагу и конвертъ, двадцать за сочиненіе и переписку, три, если вы желаете облатку съ выпуклымъ сердцемъ, пронзеннымъ стрѣлою...

— Разумѣется, желаю... Эти-то именно мелочи и восхищаютъ женщинъ.

— Теперь надо адресъ.

— А! злодѣй, вы хотите все знать. Ну, ужъ такъ и быть... пишите: «Мадмоазель Памелъ.» Теперь напишите мнѣ другое письмо: точно такое, какъ вы писали мнѣ, помните, той англичанкѣ, у которой были такіе чудесные бѣлокурые волосы... Вы писали ей еще, что волосы у ней золотистые, глаза сафировые, губы коралловыя, шея перломутровая, плечи алебастровыя, зубы жемчужные... Чудесное было письмо! Вотъ ужъ письмо, такъ письмо!

— Какъ! два письма вдругъ?

— Три, любезный Дофинъ, три. Если вы только не откажетесь, я попрошу васъ два раза переписать второе письмо. Только надо будетъ переименовать немножко, потому что одна изъ нихъ брюнетка.

— Это бездѣлица: надо будетъ поставить волосы какъ смоль, глаза... черные, бархатные, блестящіе какъ звѣзды.

— Прекрасно! Потомъ вы напишите мнѣ еще письмо... къ сопернику—вызовъ на дуэль.

— Какъ! вы хотите драться!

— Это будетъ зависть отъ письма вашего, если оно будетъ довольно бойко, то соперникъ мой струситъ, не захочетъ драться, и я одержу побѣду, не подвергаясь опасности.

— Боже, какую жизнь вы ведете! Какимъ порокамъ предаетесь!

— Это ваша вина, почтенный другъ мой. Я напередъ вамъ говорилъ, что горе заставитъ меня надѣлать тысячу глупостей.

— Зачѣмъ не хотѣли вы подождать два или три года?

— То есть, два или три вѣка, хотите вы сказать? Нѣтъ, это

не такъ легко! Чтобъ заглушить горе, я кружусь и можетъ быть, съ круга собоюсь.. по вашей милости.

— Экой безумный! Можетъ быть, вамъ бы пришлось не такъ долго ждать, потому что дѣла наши идутъ гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ сначала.

— Въ такомъ случаѣ я остановлюсь, перестану кутить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ уже три мѣсяца, какъ вы ведете себя такимъ постыднымъ образомъ!

— Вы употребляете во зло мое къ вамъ довѣріе. Я самъ повѣряю вамъ свои тайны, и вы же меня упрекаете. Такъ вы не хотите быть полезнымъ своимъ краснорѣчивымъ слогомъ?

— Напротивъ .. это ремесло мое, а вы хорошо мнѣ платите. Но я бы лучше хотѣлъ, чтобъ дочь моя умерла, чѣмъ досталась вамъ. Впрочемъ, она бы и сама за васъ теперь не пошла... въ этомъ я могу васъ смѣло увѣрить.

— Чувствительно благодаренъ. Ну, теперь примемся за письмо къ сопернику, только сдѣлайте милость, чтобъ слогъ вашъ дышалъ неустрашимостью, однимъ словомъ, напугайте его хорошенько.

Старикъ Дофинъ взялъ тетрадку, въ которой находились отрывки писемъ, списанныхъ имъ изъ письмовника и разныхъ другихъ книгъ, долго рылся въ ней, останавливаясь то на томъ, то на другомъ мѣстѣ, наконецъ положилъ тетрадь на столъ и сказалъ:

— Нашель! слушайте:

«Клянусь честью! Какъ осмѣливаетесь вы жить послѣ нанесеннаго мнѣ оскорбленія!

«Вы не избѣгнете моего мщенія, и кинжалъ мой» и т. д.

— Прекрасно! неподобно! вскричалъ молодой человекъ. Теперь онъ не посмѣетъ со мною драться, и злоба моя удовлетворится его страхомъ. Это письмо вложите въ обыкновенный конвертъ и запечатайте красною облаткою. Сколько же всего теперь я долженъ?..

— Три письма по тридцати три су, да одно стоитъ двадцать, всего... сто девятнадцать су.

— Извольте получить. Напишите на этомъ письмѣ:

«Мадмоазель Полиценъ,» а на этомъ: «мадамъ Аманди и три звѣздочки.» У нея есть мужъ, такъ надо дѣйствовать осторожнѣе. Прощайте, почтеннѣйшій!

— Прощайте, повѣса.

Вечеромъ, по окончаніи трудовъ своихъ, Дофинъ заперъ став-

ни и взошелъ по крутымъ ступенямъ винтовой лѣстницы въ комнату дочери своей Агаты. Комната эта находилась на атресоляхъ и служила въ одно и тоже время и столовой, и кухней, но не смотря на то, была удивительно чиста и опрятна. Въ альковѣ, задернутомъ ситцевою занавѣскою, стояла кровать Агаты и всѣ принадлежности ея туалета, а старикъ спалъ внизу, у себя въ конторѣ. Каждый вечеръ Агата стлала постель отцу своему на диванѣ, а на день убирала ее въ шкафъ.

Когда старикъ вошелъ, въ комнатѣ стоялъ столикъ, накрытый бѣлою, какъ снѣгъ, салфеткою, и на немъ обѣдъ, состоящій изъ супа, куска хорошей говядины и сыра.

Отецъ и дочь сѣли за столъ и принялись съ большимъ аппетитомъ за рукодѣлье Агаты; потомъ старикъ сошелъ внизъ и зажегъ лампу, а Агата, убравъ все въ комнатѣ, взяла чулокъ свой, и подсѣвъ къ отцу начала вязать.

Агата была высокая, стройная дѣвушка, гибкая, но не худая. Лицо ея было спокойно и задумчиво; но не смотря на это, на розовыхъ и свѣжихъ ея губкахъ порхала по временамъ насмѣшливая улыбка. Русые, густые ея волосы, гладко прегладко причесанные, были приподняты на вискахъ; пушистыя, длинныя рѣсницы спускались на глаза зеленого цвѣта, цвѣта моря. Въ глазахъ этихъ было много нѣги, страсти, а между тѣмъ и кротости, и религіознаго чувства. Вообще всѣ движенія ея были граціозны, мягки, женственны.

Въ этотъ вечеръ она по-видимому вязала очень прилежно и говорила тогда только, когда отецъ относился прямо къ ней. Глядя на ея спокойное лицо, можно было подумать, что въ головѣ ея кружатся самыя радужныя мечты.

Ясно было, что старикъ Дофинъ, провѣряющій счета свои, говорилъ громко для того только, чтобъ она его слышала.

— Не дурно!... Еслибъ побольше такихъ дней, можно жить и благодарить Бога, говорилъ старикъ писарь... Такимъ образомъ я скоро наберу тысячу пятьсотъ франковъ... и расквитаюсь съ должникомъ своимъ... А потомъ явится, можетъ быть, какойнибудь молодчикъ, который согласится взять эту дурняшку... Можетъ быть, его она и не выгонитъ, какъ другихъ.

Сказавъ это, старикъ съ лукавою улыбкой сперва изъ подлобья, а потомъ вскозь очки посмотрѣлъ на дочь, но иглы въ рукахъ Агаты не задрожали, она повидимому не обращала никакого вни-

манія на этотъ разговоръ, который, какъ полагать надо, долженъ былъ интересовать ее...

—...Если только, продолжалъ Дофинъ, онъ будетъ такъ счастливъ, что понравится сей достопочтенной особѣ, а особа эта, между нами будь сказано, весьма разборчива.

— Это значить, что если вамъ не удастся собрать тысячу пятьсотъ франковъ, мнѣ придется умереть дѣвужкой?

— Или идти за того, кого вамъ предлагали, сударыня. Вы никогда не найдете человѣка, болѣе влюбленнаго въ вашу рожицу.

Агата не отвѣчала, а только надула губки и кивнула головой, что значило: «ужъ я знаю, что дѣлать.»

— Мнѣ бы не пришлось тогда отдавать деньги, которыя Реймонъ одолжилъ мнѣ для обзаведенія конторы. Теперь же, по совѣсти, я немогу позволить тебѣ выйти за кого нибудь, пока не расплачусь съ этимъ добрымъ и честнымъ Реймономъ. Если бъ ты согласилась итти за него, то нетолько была-бы пристроена, съ хорошимъ состояніемъ, но въ добавокъ уничтожила-бы нашъ вексель. Я увѣренъ, что подписавъ брачное условіе, онъ разорветъ его.

— О! нѣтъ, папаша, онъ...

— Согласенъ, что онъ не молодъ и не хорошъ собою, за то, душа моя, я тебя и не принуждаю. Но ты понимаешь, что я хочу заплатить прежде долгъ, а потомъ уже думать о твоемъ замужствѣ.

— Такъ зачѣмъ вы не приняли, когда вамъ предлагали деньги?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, это походило бы на то, какъ будто я продаю дочь свою.

— И то правда.

— А я не хочу брать ни за нее, ни отъ нея, а напротивъ хочу отдать ей все, что имѣю, весь плодъ моихъ тяжкихъ трудовъ и бережливости. Впрочемъ, я скоро накоплю тысячу пятьсотъ франковъ... У меня есть два, три кутилы, которые даютъ мнѣ возможность заработать еще больше: этотъ повѣса Рейно... еще сегодня написалъ писемъ на порядочную сумму.

Во-первыхъ, письмо какой-то Памень, на атласной бумагѣ, съ незабудкою на верху, въ гофрированномъ, надушенномъ конвертѣ, съ облаткою каме.

Во-вторыхъ письмо Поликсенъ, на точно такой же бумагѣ, въ такомъ же конвертѣ и съ такою же облаткою.

Въ-третьихъ: письмо Амандъ *** (замужней женщины), на еще

лучшей бумагѣ, съ облаткой, на которой представлено пылающее сердце, пронзенное стрѣлой.

Три любовныя объясненія! да еще вызовъ на дуэль, на обыкновенной бумагѣ, въ обыкновенномъ конвертѣ и запечатанный сургучемъ. Все это стоило ему пять франковъ шестьдесятъ пять сантимовъ.

Тутъ старикъ остановился въ ожиданіи какого нибудь размышленія дочери, но какъ она продолжала вязать, онъ сказалъ ей:

— Ты должна благодарить меня, что я отказалъ этому Рейно. Если бъ я принялъ его деньги для заплаты долга моего, ты была бы теперь его женою, а ты сама видишь по тому, что я тебѣ рассказываю, не выдумывая ни на волосъ, каково его поведеніе! Три интриги вдругъ, да наприбавокъ еще дуэль, не говори уже, что на каждомъ шагу все еще что нибудь новенькое. Да вотъ, посмотри сама... стоитъ только развернуть мою записную книжку. На этой только недѣлѣ, посмотри, сколько онъ истратилъ на одніе письма. Во вторникъ писалъ къ родителямъ, что болѣнъ и не можетъ самъ писать; просить у нихъ денегъ и благословенія. Въ среду отправилъ посланіе къ своей сосѣдкѣ... не хочу назвать ея имени... онъ приглашаетъ ее провести съ нимъ день въ Монморанси. Въ тотъ же день письмо къ мамзель Эйжени, гдѣ онъ говоритъ, что очень занятъ составленіемъ какого-то закона, и потому не можетъ заѣхать за нею. Въ четвергъ отвѣтъ должнику, который требуетъ у него денегъ; онъ проситъ подождать еще два мѣсяца. Въ тотъ же день, письмо къ Розалии: онъ предлагаетъ ей ѣхать въ театръ, а потомъ ужинать. Въ пятницу три письма; въ субботу — два, сегодня четыре... Слава Богу, что ты спаслась отъ него! Теперь ты была бы очень несчастлива, и я умеръ бы съ горя! Теперь сосчитаемъ, сколько я сегодня заработалъ; отложимъ за квартиру, содержаніе дома и мелкія издержки... Вотъ, возьми: это тебѣ на расходъ... а это надо отложить въ шкатулку для Реймона... Посмотри, какъ странно!.. Ровно, что этотъ шалунъ Рейно мнѣ заплатилъ сегодня? пять франковъ шестьдесятъ пять сантимовъ, ни больше; ни меньше. Что составляетъ, если счесть все, въ общей суммѣ, тысячу триста восемьдесятъ два франка шестьдесятъ пять сантимовъ. Не такъ ли?

— Точно такъ, батюшка, съ сегодняшнею прибавкою.

— Если дѣла пойдутъ такимъ образомъ еще два мѣсяца, то честному и доброму Реймону не долго ждать своихъ денегъ.

Мѣсяцъ спустя, Рейно, который частыми своими шалостями

пугаль старика Дофина, и тѣмъ болѣе, что ничего не писалъ своею рукою, такая предосторожность подавала поводъ предполагать еще что нибудь худшее, вошелъ таинственно въ контору. Повидимому, онъ былъ взволнованъ и даже почти въ отчаяніи.

— Сдѣлайте милость, скорѣе, скорѣе бумаги... сказалъ онъ Дофину. Еще письмо къ отцу моему... Я все еще болѣнъ и не могу самъ писать... мнѣ надо заплатить доктору и аптекарю, которымъ я задолжалъ... Я боюсь только одного: неравно онъ испугается и вздумаетъ ѣхать сюда... Потрудитесь написать, что я, хотя еще очень слабъ, но мнѣ гораздо легче... и что доктора предписали мнѣ ѣхать на дачу и лечиться ослинымъ молокомъ... Теперь мнѣ надо написать еще письмо... но предупреждаю васъ... никому ни слова... иначе это можетъ имѣть страшныя послѣдствія... Могу я надѣяться на вашу скромность?

— Надо знать въ чемъ дѣло?

— Мнѣ надо написать письмо къ мадамъ Аманде***; скажите ей, что къ субботѣ все будетъ готово, что дорожная карета будетъ ее ждать тамъ, гдѣ мы обыкновенно съ нею видимся... Сказавъ это Рейно остановился, осмотрѣлся, потомъ прибавилъ шепотомъ:

— Не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь?

— Будьте покойны.

— Повторяю вамъ, что малѣйшая неосторожность можетъ причинить страшныя несчастія. Потрудитесь съѣсть и писать подь мою диктовку... Но прежде... возьмите вотъ это, и дайте мнѣ честное слово, что никому не выдадите моей тайны.

И Рейно положилъ на столъ пять червонцевъ.

— Помилуйте... какъ это можно... я не хочу лишняго!

— Пишите:

«Радость, свѣтъ жизни моей, что ты сдѣлала? Для чего рѣшилась ты на такой поступокъ? Мы могли убѣжать, скрыть отъ него наше счастье. Этого было бы достаточно. Неужели ты не боишься, что такая внезапная смерть подыметъ розыски и твое преступленіе будетъ открыто... Да, намъ надо бѣжать, и какъ можно скорѣе, потому что...

— Что жъ вы остановились?... вскричалъ Рейно, глядя на блѣднаго и трепещущаго Дофина, который смотрѣлъ на него помѣшанными глазами.

— Нѣтъ! я не хочу писать. Злодѣй! преступникъ!.. я не хочу брать участія въ такомъ страшномъ дѣлѣ. Бери свои деньги и вонь отсюда!.. а не то я велю схватить тебя и твою сообщницу.

Сказавъ это, Дофинъ всталъ, бросилъ на полъ деньги, взялъ Рейно за плечи и вытолкнулъ его на улицу, потомъ заперъ дверь на ключъ и возвратился въ комнату въ страшномъ волненіи.

Онъ нагнулся, подобралъ червонцы, завернулъ въ бумажку и подписавъ на ней: «Деньги эти принадлежатъ злодѣю Рейно,» положилъ въ бюро и заперъ на ключъ.

Прошло еще нѣсколько дней, Рейно не являлся.

Дофинъ не сказалъ ни слова дочери о томъ, что произошло между ними; но часто подходилъ къ ней и обнималъ съ особенною нѣжностью; наконецъ совершенно пересталъ думать о Рейно и его исторіи, которая такъ сильно его взволновала.

Однажды вечеромъ, повѣряя шкатулку, въ которой хранились деньги для Реймона, Дофинъ увидѣлъ, что въ ней больше, чѣмъ тысяча пятьсотъ франковъ.

— Слава Богу! вскричалъ онъ, теперь мы расплатимся съ Реймономъ. Завтра я снесу ему долгъ и возьму свою расписку. Бѣдняга надѣялся никогда не получить своихъ денегъ. Еще есть время, милая Агата, подумай хорошенько. Раймонъ богатъ, влюбленъ въ тебя до безумія... и если бъ ты его полюбила... намъ не надо бы отдавать этихъ денегъ... а ты сдѣлала бы на нихъ прехорошенькое приданое.

— Я не люблю его... Снесите ему деньги, и не будемъ больше говорить объ этомъ. Никогда я не буду такъ радоваться, какъ завтра, когда распиской Реймона запалю трубку вашу, милый папаша.

Сказавъ это она поцѣловала отца съ ласковою улыбкою и, подпрыгивая, побѣжала спать. Какая-то внутренняя радость одушевляла всѣ ея движенія.

На другой день, рано утромъ, Дофинъ вышелъ изъ дому съ мѣшкомъ денегъ и направилъ шаги свои къ дому Раймона.

Раймонъ принялъ деньги съ горькими упреками и слезами. Это ясно доказывало, что ему навсегда надо было отказаться отъ надеждъ своихъ на прекрасную Агату. Не смотря на то, онъ тщательно сосчиталъ деньги, отворилъ кассу, положилъ туда принесенную сумму и преаккуратно замкнулъ ее; потомъ, успокоясь немного, жалобно прибавилъ:

— Да, старинушка Дофинъ, вѣрно какой нибудь молодой ветренникъ овладѣлъ сердцемъ твоей дечери. Какъ это ты не могъ сбереечь своего ребенка. Кто жъ этотъ счастливый смертный, который отнимаетъ ее у меня?

— Никто, любезный Раймонъ, увѣряю тебя, никто. Только она не хочетъ идти замужъ... хочетъ остаться со мною, говорить, что слишкомъ еще молода... и такъ далѣе...

— И такъ далѣе!.. Да дѣвушки всегда такъ говорятъ, когда женихъ имъ не по сердцу. Не во гнѣвъ будь тебѣ сказано, пріятель Дофинъ... сейчасъ я упрекалъ тебя въ близорукости на счетъ сердца дочери, а теперь принужденъ сказать, что умственные твои глаза такъ же плохи, какъ и тѣлесные... а къ сожалѣнію для такихъ глазъ еще не придумано очковъ... Неужели ты и въ самомъ дѣлѣ такъ глупъ, что принимаешь за чистую монету—весь этотъ вздоръ, и вѣришь, когда она говоритъ тебѣ: «Я еще слишкомъ молода, не хочу разставаться съ отцомъ моимъ!» Экія глупости! да кто имъ повѣрить, кромѣ тебя!

— Я не увѣряю тебя, пріятель, чтобъ за Агатой никто не ухаживалъ... но хорошо вижу и все знаю... Впрочемъ, если дочери моей кто нибудь и нравится, то мнѣ стоитъ сказать ей одно слово, и она его возненавидитъ; но я не говорю ей этого слова, потому что она сама не думаетъ о немъ. Слѣдовательно тебѣ не приходится еще отчаяваться. Она не то, чтобы не любила тебя, а не хочетъ идти замужъ. Если я могу склонить ее на твою сторону, то буду очень радъ этой свадьбѣ; но напередъ говорю, что не стану употреблять на дочь своего вліянія, а просто буду только совѣтовать и предоставляю ей полную волю въ выборѣ.

Раймонъ отдалъ расписку и старики распрощались.

Вечеромъ, послѣ обѣда, Агата спросила расписку у отца; сама набила ему трубку, и дрожа отъ радости, зажгла надъ лампой расписку и закурила ею трубку писаря.

— Ахъ! милый, добрый мой папаша, вскричала она и обняла его съ восторгомъ.

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь.

Отецъ и дочь взглянули другъ на друга. Агата побѣжала отворить.

— погоди! закричалъ ей вслѣдъ Дофинъ, спроси прежде, кто тамъ, а послѣ отвориай. Надо быть осторожнѣе.

Но Агата неслышала или не хотѣла слышать, она отворила; въ комнату вошелъ Рейно, который свободно раскланиваясь, сказалъ съ радостною улыбкой:

— Здравствуйте, любезный Дофинъ; мадамозель Агата, имѣю честь кланяться.

Дофинъ всталъ блѣдный и трепещущій.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, контора моя заперта теперь, она открывается обыкновенно въ восемь часовъ утра, вамъ это извѣстно; вечеромъ мы никого не принимаемъ... и къ тому-же не имѣемъ чести принадлежать къ числу друзей вашихъ. Вы не можете имѣть до меня никакого дѣла, исключая переписки бумагъ или писемъ... и я не знаю, захочу ли еще писать для васъ... Завтра вы это узнаете.

— Не горячитесь такъ, мой любезный другъ, сказалъ Рейно. Я желаю переговорить съ вами, это отниметъ у васъ не болѣе пяти минутъ времени; вы не можете отказать въ такой бездѣлицѣ человѣку, которому прежде пріятельски пожимали руку.

— Да, прежде... но не теперь. Что же вамъ угодно? говорите, но прошу васъ не удерживайте меня болѣе пяти минутъ. Агата, душа моя, поди въ свою комнату.

— Напротивъ!.. вскричалъ Рейно, присутствіе Агаты необходимо. Я узналъ, что вы расплатились съ Раймономъ, слѣдовательно свободно можете теперь располагать рукою своей дочери, и я прошу васъ отдать ее мнѣ.

— Вамъ! вамъ отдать дочь мою!.. Да вы съ ума сошли! Послѣ того, что я знаю?..

— Неужели вы мнѣ отказываете за нѣсколько пустыхъ писемъ, рѣшительно ничего не значащихъ? Но я говорилъ вамъ, что отчаяніе заставляло меня вести такую безпорядочную жизнь... Я хотѣлъ забыться, затушить свое горе... Я сложу всѣ грѣхи мои къ ногамъ Агаты и навсегда откажусь отъ нихъ. Если она проститъ мнѣ, то это будетъ счастливое предвѣщаніе ея будущаго счастія!

— Но вамъ извѣстно, милостивый государь, что есть вещи, которыя не прощаются, которыхъ нельзя простить. Давно ли вернулись вы, спросилъ онъ съ горечью, изъ своего сентиментальнаго путешествія?

— А, съ Амандой три точки? Какъ же!.. ужъ все давно кончено.

— Нѣтъ, не все милостивый государь... Прежде всего потрудитесь взять свои деньги, которыя слишкомъ долго оскверняли мой домъ.

Сказавъ это, Дофинъ подалъ Рейно пять червонцевъ, завернутыхъ въ бумагу.

— Видите-ли, сказалъ онъ, деньги ваши никогда бы не про-

пали. Когда я бросилъ ваши червонцы и вытолкалъ васъ не давъ времени поднять ихъ, то по уходѣ вашемъ поднялъ ихъ, завернулъ въ бумажку и надписалъ вотъ это, читайте...

И Дофинъ поднесъ къ глазамъ Рейно деньги съ надписью.

Рейно прочиталъ, улыбнулся и ничего не отвѣчалъ.

— И послѣ этого вы осмѣливаетесь свататься за дочь мою, продолжалъ Дофинъ, за мою кроткую, невинную Агату!

— Но если она прощаетъ мнѣ?

— Послушайте!.. не выводите меня изъ терпѣнія... а не то... я все расскажу ей... она возненавидитъ васъ тогда, какъ чудовищное порожденіе ада!

— Такъ говорите-же, я вамъ позволяю, сказалъ Рейно.

— Знай же, бѣдная моя Агата, что человекъ, осмѣлившійся просить руки твоей, предлагалъ отцу твоему сто франковъ, за то чтобъ быть сообщникомъ его преступленія... то есть, молчать о немъ. Какая-то отвратительная женщина, которую онъ прельстилъ моимъ слогомъ, отравила мужа, чтобъ бѣжать съ нимъ. Ты придешь въ ужасъ, моя чистая душа, когда узнаешь всѣ подробности его... но юное и простодушное твое сердце не пойметъ ихъ. Прости, если я не пощадилъ тебя, уязвилъ чувствительность твою; но вѣдь тебѣ надо же было узнать этого человека... Боже мой!.. ты улыбаешься!.. Хорошо ли ты поняла, что я тебѣ сказалъ?..

— Да, папаша; но если Рейно обѣщаетъ исправиться?

— Боже великій! ты съ ума сошла, совершенно помѣшалась!..

Дофинъ задыхался. Помолчавъ немного, онъ обратился къ Рейно и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Вонъ отсюда!.. вонъ! или я велю схватить васъ.

— Выслушайте меня, папаша: вы укоряете Рейно за письма его къ Памелѣ, Эвелинѣ, Амандѣ три звѣздочки, Поликсенѣ и т. д., все это касается до меня одной... а я ему прощаю, потому что всѣ эти письма, писанныя къ различнымъ особамъ, относились ко мнѣ подъ различными именами. Никогда они не выходили изъ дому... вотъ они всѣ въ этомъ ящикѣ. Рейно бросалъ подъ лѣстницу, а я брала ихъ оттуда и находила тамъ вмѣстѣ съ новымъ увѣреніемъ въ любви нѣсколько словъ, понятныхъ только для меня... я знала тогда, въ которомъ часу онъ пройдетъ мимо окна моего.

— Для чего-же!..

— Дайте кончить, дорогой мой папаша. Переписка эта имѣла другую цѣль. Вы воображали, что будучи обязаны Раймону, до тѣхъ поръ не можете отдать меня за другаго, пока не расплатитесь съ нимъ. Рейно хотя и не богатъ, но имѣя состояніе, предлагалъ вамъ нѣсколько разъ заплатить долгъ нашъ, а вы всегда съ гордостью отвергали его предложенія. Вотъ онъ сталъ придумывать, какимъ бы образомъ дать вамъ заработать эту сумму... и наконецъ придумалъ.

— Ахъ, Боже мой, вскричалъ Дофинъ, но какъ же...

— Знаю, о чемъ вы хотите говорить, перебила Агата, о мужѣ мадамъ Аманды три звѣздочки? Вамъ жаль его? Но успокойтесь... ему ничего не приключилось. Рейно, видя, что не смотря на его безчисленные интриги, все еще много недоставаю денегъ, чтобъ составить сумму въ тысячу пятьсотъ франковъ, рѣшился найти какое нибудь средство, чтобъ заставить васъ принять деньги, не считая себя ему обязаннымъ. Я согласна была съ его мнѣніемъ... Рейно придумалъ страшную тайну преступленія, грозящую ему опасность. Онъ сказалъ мнѣ, что нашелъ средство, но не сказалъ какое. Еслибъ онъ открылъ мнѣ его, то я бы ему напередъ объявила, что его выгонять изъ дому, что вы и сдѣлали.

— Да, любезный Дофинъ, и вы видите во мнѣ самаго вѣрнаго поклонника Агаты, изъ котораго вы можете сдѣлать самаго вѣрнаго и счастливаго мужа. Аманда не отравляла своего мужа, и я не имѣю чести ее знать.

— Не грѣшно ли пугать и обманывать старика!

— Что-жъ намъ было дѣлать? сказала Агата, а не то... вы бы и въ четыре года не набрали тысячи пятисотъ франковъ. Рейно увѣрялъ, что ему слишкомъ долго ждать, а я боялась постарѣть въ это время; простите меня, другъ мой.

Она обняла отца и крѣпко прижала къ своему сердцу; Рейно взялъ его руку и почтительно поцѣловалъ ее. Старикъ не могъ долѣе бороться; онъ не выдержалъ, соединилъ въ объятіяхъ дѣтей своихъ, и залился слезами.

Вечеръ пролетѣлъ быстро, хотя было уже за полночь.

Рейно немогъ рѣшиться уйти.

— Кажется, мнѣ придется еще разъ васъ выгнать? сказалъ Дофинъ, глядя съ улыбкою на Рейно, который наконецъ всталъ, простился и ушелъ; но долго еще оставался на улицѣ, пока свѣтъ въ комнатѣ Агаты совсѣмъ не погасъ.

На другой же день онъ занялся приготовленіями къ свадьбѣ.

Вечеромъ Дюфинъ сказалъ:

— Все равно... я потерялъ хорошую практику.

— За то нашли хорошаго зятя, отвѣчалъ Рейно.

Дюфинъ спрашивалъ его на счетъ его положенія. Онъ отвѣчалъ запинаясь, не ясно.

— У меня есть чѣмъ жить; мы уѣдемъ въ деревню. Сдѣлайте милость, не безпокойтесь, я ужъ все устрою. Постарайтесь только продать свое заведеніе... Если не найдете покупщика, то отдайте такъ комунибудь.

— Какой ветренникъ! воскликнулъ Дюфинъ.

Однажды Рейно сказалъ:

— Завтра мы подписываемъ свадебный договоръ. Въ шесть часовъ вечера я заѣду за вами, и мы поѣдемъ къ нотаріусу.

— Свадебный договоръ?... но если...

— Если онъ написанъ не такъ, какъ вы думаете, мы перемѣнимъ его. Все будетъ сдѣлано по вашему. Будьте только готовы въ шесть часовъ.

На другой день утромъ Рейно прислалъ Агаты свадебную корзину, наполненную разными подарками.

— Это слишкомъ великолѣпно для меня! говорила Агата. И какъ это онъ могъ угадать все, что мнѣ нравится... Одно только не по моему вкусу... къ чему такая роскошь!

— Онъ съ ума сошелъ, отвѣчалъ Дюфинъ, разоряется на глупости! Вотъ я дамъ ему! пусть только прійдетъ.

Въ половинѣ шестаго, наемная карета остановилась у подъезда Рейно. Онъ сѣлъ въ нее и далъ кучеру адресъ Агаты. Во время пути, онъ два или три раза высовывалъ голову изъ окна и кричалъ:

— Ну, поворачивайся!.. что ты такъ тихо ѣдешь?... точно на похоронахъ!

Карета двигалась, и вдругъ остановилась.

— Что-жъ ты не ѣдешь! вскричалъ Рейно, снова высунувшись изъ кареты.

Но тутъ онъ увидѣлъ, что улица загромождена каретами и что поневолѣ надо было остановиться.

Задыхаясь отъ нетерпѣнія, онъ сѣлъ. Въ это время человекъ, уже давно бѣжавшій за каретою Рейно, догналъ ее наконецъ, подбѣжалъ къ дверцамъ и заговорилъ съ нимъ съ большимъ жаромъ. Рейно выскочилъ изъ кареты, и оба, перебѣжавъ улицу, скрылись въ толпѣ.

Въ эту минуту улица прочистилась отъ каретъ. Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и карета понеслась во весь опоръ. Она остановилась у дома писаря, который, стоя на порогъ, курилъ трубку. Окно Агаты было заперто и завѣшено; но можетъ быть она глядѣла на улицу сквозь занавѣску. Дофинъ закричалъ ей снизу:

— Ну, Агата! неужели ты еще не готова? Рейно пріѣхалъ.

Агата сбѣжала съ лѣстницы и оба пошли навстрѣчу къ жениху.

Кучеръ отворилъ двери, но въ каретъ никого не было.

II.

— Странно! сказалъ кучеръ. Я посадилъ барина этого у самыхъ дверей его, самъ захлопнулъ карету; въ продолженіе всей дороги онъ не переставалъ кричать, какъ удушенный, безпрестанно понукалъ ѣхать скорѣе... а какъ пріѣхали .. онъ исчезъ! видно сквозъ землю провалился!

Кучеръ вернулся къ Рейно: его не было дома... Дофинъ пошелъ, въ свою очередь, и ничего не узналъ. Его прождали цѣлый день — онъ не возвращался.

Но намъ надо рассказать прежде исторію Рейно, потому что мы не знаемъ еще кто такой Рейно и откуда онъ. Приличіе требуетъ представить вамъ его, со всѣми условными поясненіями.

Рейно, отецъ нашего знакомаго, принадлежалъ къ высшему слою общества; онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; рожденіе и дарованія давали ему право домогаться всего; но онъ не былъ честолюбивъ, а желалъ только быть честнымъ и счастливымъ. Для этого онъ женился на прелестной, добродѣтельной дѣвушкѣ; но она родилась не дворянкою, а дочерью арендатора-землепашца. Изъ всего семейства у Рейно оставалась только одна сестра, постарше его, которая сдѣлала прекрасную партію, то есть: цвѣтущая молодостью и красотой, вышла за богатаго барона, болѣзненнаго старика, который не замедлил оставить ее вдовою.

Рейно, въ глубинѣ сердца называлъ спекуляціей замужство сестры своей, а баронесса де-Варлье, громко, не церемонясь, называла безуміемъ женитьбу брата. Къ тому же невѣстка ея была такъ хороша, что баронесса съ перваго взгляда возненавидѣла ее.

Братъ и сестра перестали видѣться. Рейно и жена его удалились въ деревню, гдѣ занялись воспитаніемъ двухъ дѣтей, ниспосланныхъ имъ самимъ небомъ; такъ хороши были ихъ мальчишки!

Но вскорѣ счастье ихъ разстроилось: несправедливый процессъ, начатый противъ Рейно его сосѣдомъ, подвергнувъ опасности его состояніе, а оно было огромно. Онъ проигралъ процессъ и совершенно разорился. Въ отчаяніи онъ обратился къ сестрѣ, прося ее одолжить ему нѣсколько тысячъ франковъ, чтобъ сдѣлать аппеляцію противъ такого приговора. Она отказала ему наотрѣзъ. Рейно, для поддержанія процесса продавалъ постепенно все, чѣмъ могъ располагать. Жена его, измученная бѣдностью и заботами, захворала и умерла. Смерть Марты приводила въ отчаяніе ея мужа. Потомъ онъ впалъ въ совершенное уныніе и не долго скорбѣлъ по своей доброй Мартѣ. Господь сжалился надъ нимъ: онъ тоже умеръ, оставивъ двухъ бѣдныхъ, безпріютныхъ сиротъ.

Послѣ его смерти, баронессѣ подали письмо, вотъ его содержаніе:

«Сестра! Скоро я соединюсь, съ моимъ кроткимъ другомъ, обожаемою женою. Я оставляю двухъ малютокъ, у которыхъ, кромѣ тебя, нѣтъ никого на свѣтѣ. Все состояніе ихъ заключается въ этомъ несправедливомъ процессѣ, уже однажды проигранномъ мною и противъ рѣшенія котораго я подалъ аппеляцію. Еслибъ ты захотѣла поддержать дѣло это, я увѣренъ, что оно бы выигралось; все доказываетъ, что моя сторона справедлива, потому-что адвокатъ мой нашелъ такія неоспоримыя доказательства, противъ которыхъ и возражать нельзя. Еслибъ судьи перваго рѣшенія видѣли ихъ тогда, то моя сторона взяла бы верхъ. Къ несчастію я не могъ ихъ представить въ то время. Когда меня не станетъ, можетъ быть, ты сознаешься сама, что была въ отношеніи ко мнѣ и бѣдной женѣ моей не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы быть родной сестрѣ. Во время жизни ты лишала меня своей привязанности, такъ отдай ее дѣтямъ моимъ, послѣ моей смерти. Не отвергай мольбы брата, котораго уже не будетъ на свѣтѣ, когда ты будешь читать это письмо».

Баронесса кончивъ письмо, утерла глаза, чтобъ другъ брата ея, который подалъ его, не замѣтилъ, что они были совершенно сухи.

Наконецъ, помолчавъ немного, она спросила дѣйствительно ли и совершенно ли умеръ ея братъ?

— Если баронесса сомнѣвается, отвѣчалъ онъ, и не хочетъ

братъ на себя обязанности воспитать дѣтей, то я, такой же бѣднякъ, какъ и Рейно, принужденъ буду отдать ихъ въ ученье къ столярю.

Баронесса приказала пересмотрѣть дѣло Рейно, у котораго не было средствъ выиграть его, не смотря на всю его справедливость; деньги все могли устроить. Она разочла, что ей было выгоднѣе принять въ домъ богатыхъ племянниковъ, и что деньги, одолаемая на процессъ, принесутъ ей вдвое болѣе, потому-что она надѣялась быть опекуншей, взять проценты на свой капиталъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться репутаціей благотѣльницы.

И потому она приняла процессъ на себя, взяла къ себѣ племянниковъ и приставила къ нимъ гувернера.

Алберту было двѣнадцать лѣтъ, а Родольфу, нашему знакомому, одиннадцать.

Процессъ пошелъ быстро и скоро кончился въ пользу сиротъ. Мало того, что имъ отдали состояніе отца, но даже проценты, и проценты на проценты, за все то время, пока тянулось это дѣло. Сверхъ того, съ противника ихъ взыскали огромный штрафъ за несправедливо начатый процессъ и присоединили его къ капиталу дѣтей. Такимъ образомъ они сдѣлались вдвое богаче, чѣмъ былъ ихъ отецъ.

Баронесса много рассказывала о томъ, что она сдѣлала для племянниковъ, пока они находились въ бѣдности. Она взялась управлять ихъ имѣніемъ, но ими самими не слишкомъ занималась.

Изабелла де-Варлье любила свѣтъ, съ молоду была хороша, и до сихъ поръ воображала себя еще красавицею. Счастливое ослѣпленіе!

Баронесса была къ дѣтямъ страшно строга и взыскательна.

Бѣдняжки, помня еще доброту отца и жаркіе поцѣлуи матери, обнимались иногда, рыдая и всхлипывая, общались любить другъ друга вѣчно и никогда не разставаться.

Однажды гувернеръ пожаловался баронессѣ на Алберта, который нашалилъ что-то.

Баронесса призвала дѣтей, начала бранить ихъ и съ горечью упрекать, что пріютила ихъ, когда они не имѣли даже хлѣба, въ слѣдствіе глупости отца, который обезчестилъ свой родъ, женивъ на какой-то дряннѣ.

— Извините, тетушка, вскричалъ Албертъ со слезами на глазахъ, кого вы это такъ называете? Ужъ не мать ли нашу?

— Да, мать вашу, дочь арендатора

— Мать наша была самая благородная женщина, отвѣчалъ Албертъ. Отецъ мой, умирая, самъ сказалъ мнѣ это, а я ему вѣрю; всѣ, кто зналъ ее, говорятъ то же самое.

— Какъ вы смѣете говорить такъ о мамѣ! вскричалъ вспыхнувъ отъ гнѣва, Родольфъ, я не хочу этого, слышите!

Баронесса дала пощечину Родольфу, и хотѣла еще разъ повторить, но Албертъ бросился къ брату, огородилъ его и сказалъ:

— Отецъ и мать никогда насъ не били.

— Какъ ты смѣешь говорить со мною такимъ тономъ! вскричала, задыхаясь отъ злости баронесса, со мною... родною сестрою отца твоего.

Еслибъ не я, чтобы случилось съ вами? вамъ оставалось только ходить по городу и просить милостыню... И вотъ благодарность за всѣ мои благодѣянія!

Она позвонила и сказала лакею:

— Уведи этихъ разбойниковъ, и скажи гувернёру, что я приказываю посадить ихъ на хлѣбъ и на воду!

Дѣти, оставшись одни, горько заплакали. Потомъ они потихоньку вышли изъ дому и опрометью побѣжали на могилу родителей, которые покоились другъ подле друга. Тутъ они стали на колѣна и съ жаромъ начали молиться о своихъ возлюбленныхъ усопшихъ, а родителей просили умолить Бога, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ злой тетки. Потомъ встали, крѣпко обнялись и еще разъ обѣщались вѣчно любить другъ друга и никогда не разставаться.

Къ несчастію, тетюшка Изабелла рѣшила иначе.

Однажды она объявила, что Родольфъ долженъ поступить въ военную школу, а Албертъ кончить науки свои въ училищѣ.

Не смотря на слезы и отчаяніе, надо было покориться.

Они разставались въ первый разъ.

Въ праздники они приходили домой. Поздоровавшись съ теткою, они забивались куда нибудь на чердакъ и тамъ рассказывали другъ другу свое горе.

— Первые три дня, говорилъ Родольфъ, я не могъ ѣсть. Не видя тебя за столомъ, мнѣ кусокъ не шелъ въ горло. Объ играхъ и думать было нечего. Товарищи какъ ни упрашивали меня бѣгать съ ними, я не могъ рѣшиться играть безъ тебя и веселиться въ ту минуту, когда ты, можетъ быть, плачешь. Вѣдь кро-

мѣ тебя я прежде ни съ кѣмъ не игралъ... и я боялся измѣнить тебѣ.

— Что до меня, сказалъ Албертъ, то я не играю, потому что учусь въ то время, когда другіе бѣгаютъ. Мнѣ хочется поскорѣе сдѣлаться большимъ, зарабатывать деньги и взять тебя къ себѣ. За то, когда я вырасту, мы станемъ жить въ какомъ нибудь уголкѣ, гдѣ тетушка не найдетъ насъ. Дай-то Богъ, чтобъ скорѣе пришло это время!

— Знаешь что?... сказалъ Родольфъ, всѣ товарищи говорятъ другъ другу ты, а я кромѣ брата не хочу никому говорить ты.

— Ты правъ, Родольфъ, я дѣлаю то же самое.

Албертъ кончилъ курсъ наукъ; ему было тогда около девятнадцати лѣтъ.

Настали каникулы; оба брата пріѣхали въ свой великолѣпный замокъ, убранный со всею роскошью того времени. Но они и не подозрѣвали, что все это принадлежитъ имъ, потому что баронесса, никогда не упускавшая случая говорить о бѣдности, въ которой они находились въ то время, когда она ихъ пріютила, остерегалась упоминать о ихъ огромномъ состояніи, которымъ она пользовалась самоуправно. Они очень хорошо знали, что хлопоты, издержки, умъ и оборотливость баронессы перемѣнили ходъ дѣла; но болѣе они ничего не знали. Она никогда не говорила имъ, чѣмъ оно кончилось.

Однажды баронесса, призвавъ Алберта, сказала ему:

— Я приняла тебя въ домъ сиротою, безъ помощи, безъ покровительства. Какъ по всему было видно, ты предназначенъ былъ въ ремесленники. Теперь же, благодаря моей бдительности, заботѣ моей о васъ и любви къ брату, на котораго однако имѣла много причинъ жаловаться, ты такъ хорошо воспитанъ и образованъ, какъ слѣдуетъ человѣку твоего рода и званія, по отцу, разумѣется.—Благодаря Бога, я устроила дѣла ваши, которыя братъ оставилъ въ самомъ страшномъ положеніи. Теперь настало время, когда тебѣ слѣдуетъ заняться чѣмъ нибудь, трудиться, служить. Я имѣю для тебя виды. Благодаря знатнымъ друзьямъ моимъ, я надѣюсь помѣстить тебя въ дипломатическій корпусъ.

— Для чего? зачѣмъ? спросилъ Албертъ.

— Какъ для чего и зачѣмъ? Зачѣмъ, чтобъ пробить себѣ дорогу и подняться какъ можно выше.

— Извините, тетушка, и ради Бога не примите въ дурную

сторону вопросъ, который я намѣренъ вамъ сдѣлать: Есть ли у меня съ братомъ какая нибудь собственность?

— Что это значить? вскричала баронесса: ужъ не хочешь ли ты требовать у меня отчетовъ? знать, кому принадлежит тотъ домъ, вамъ или мнѣ, чтобъ имѣть право меня выгнать? Я давно знаю, что неблагодарность отличительная черта вашего семейства, и поступки отца, въ отношеніи ко мнѣ, были такъ благородны, что я заранѣе предсказываю и ожидаю того же и отъ сыновей.

— Еслибъ вы дослушали меня до конца, тетушка, то не стали бы обвинять въ такихъ чувствахъ и мысляхъ, которыя, благодаря Бога, никогда не входили намъ въ голову. Вотъ, что я вамъ хотѣлъ сказать:

Сегодня утромъ мы гуляли съ братомъ по аллеѣ, которая ведетъ къ рѣкѣ. Намъ пришла фантазія переѣхать на другой берегъ. Мы это сдѣлали и усѣлись въ лѣсу побесѣдовать. Я спросилъ Родольфа: «Тебѣ очень хочется быть военнымъ?—Такъ какъ тетушка не позволила мнѣ поступить вмѣстѣ съ тобою въ военную школу, то я поступлю теперь въ юнкера, и буду ждать твоего выхода, чтобъ служить въ одномъ полку и никогда не разставаться. Ты знаешь, вѣдь это наше обоюдное обѣщаніе.

— Вы мнѣ этимъ ужъ всѣ уши прожужжали: чистое ребячество!

— Совсе не ребячество, тетушка, а клятва, данная другъ другу на могилѣ родителей нашихъ. Родольфъ сказалъ, что ему и здѣсь хорошо! Не лучше ли намъ навсегда здѣсь остаться... какъ ты думаешь? Развѣ мы не можемъ наполнить жизнь свою всякаго рода занятіями: чтеніемъ, науками, искусствами, обработываніемъ земли, устройствомъ имѣнія; можемъ тоже дѣлать добро всѣмъ, кто окружаетъ насъ. Что ты на это скажешь?—Право, не знаю, отвѣчалъ я. Во-первыхъ, надо знать, есть ли у насъ что нибудь свое, чѣмъ бы мы могли жить. Мнѣ сказали, отвѣчалъ Родольфъ, что лѣса эти, луга, поля и рѣка, такъ же, какъ и всѣ фермы, которыя ты вонъ тамъ видишь, принадлежатъ замку, а замокъ принадлежитъ намъ. Если это правда, то мы можемъ жить вмѣстѣ и дѣлать добро другимъ.» Послѣ этого разговора мы рѣшили спросить у васъ, можемъ ли мы жить здѣсь, въ деревнѣ, мнѣ кажется, почему бы намъ не начать нашу счастливую жизнь съ сегодняшняго же дня?

— Ахъ, какое безуміе! вскричала баронесса. По всему видно,

что безкорыстная любовь тетки тяготят васъ, мои голубчики, что вамъ хочется поскорѣе вырваться на волю. Во всѣхъ мысляхъ и наклонностяхъ вашихъ замѣтенъ низкій родъ, который смѣшался съ нашимъ родомъ. Когда вы будете совершеннолѣтніе, тогда можете дѣлать, что вамъ угодно, но до тѣхъ поръ, я ваша опекунша и не позволю вамъ дурачиться. Я не требую ни любви, ни благодарности, а только повиновенія, потому что взяла на себя тяжелую обязанность воспитать васъ, и жду еще съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ вы, когда все это кончится. Завтра же я пошлю Родольфа въ училище, а для тебя найду занятія, которыя спасутъ тебя отъ праздности и выбьютъ изъ головы твоей всѣ планы, которые я имѣла глушость выслушивать.

Молодые люди удалились, ничего не сказавъ; но на другой день ихъ нигдѣ не могли найти, не смотря на всѣ поиски.

Черезъ нѣсколько дней баронесса получила письмо и узнала, что племянники ея рѣшительно хотятъ жить въ Парижѣ, жить вмѣстѣ, другъ для друга, и привести въ исполненіе планъ, который задумали на могилѣ родителей.

Баронесса, чтобъ дать имъ узнать жизнь, рѣшилась болѣе не препятствовать ихъ намѣренію, но въ тоже время отказалась посылать имъ пособіе.

Когда оба брата очутились одни посреди огромнаго Парижа, они пришли въ недоумѣніе, съ чего начать.

Родольфъ, веселаго и рѣшительнаго характера, хотя и младшій, первый рѣшился дѣйствовать: онъ нанялъ двѣ маленькія комнаты въ отдаленномъ кварталѣ, потомъ рассчиталъ, что на деньги, которыя у нихъ были, и если ему удастся продать свои часы и братнины, они могутъ преспокойно жить по-крайней-мѣрѣ полгода, но чрезъ полгода Албертъ не будетъ еще совершеннолѣтнимъ. И потому было рѣшено, что до тѣхъ поръ они будутъ давать уроки, Албертъ латынскіе и французскаго языка, а Родольфъ рисованію, математики и каллиграфіи.

Глядя на этихъ молодыхъ людей, какъ они сами стряпали и служили камердинеромъ другъ другу, никому бы не пришло въ голову, что каждый изъ нихъ имѣлъ болѣе тридцати тысячъ франковъ годоваго дохода.

Такимъ образомъ прошли два года, и баронесса не имѣла о нихъ ни слуху, ни духу.

Они давали уроки, сами учились, гуляли, ходили иногда въ театръ, а главное, были счастливы тѣмъ, что вмѣстѣ жили.

Скоро однако жъ должно было наступить совершеннолѣтіе Алберта.

— Въ этотъ день, говорилъ онъ, я потребую отчета у те-тушки, и она волею-неволею, а должна будетъ передать мнѣ мою часть. Тогда мы будемъ богаты, потому что на мои доходы мы оба можемъ жить прекрасно, не стѣняя себя ни въ чемъ, въ ожиданіи твоего совершеннолѣтія.

Тогда мы торжественно въедемъ въ свои владѣнія и никогда не разстанемся.

Наконецъ насталь желанный день. Алберту минуль двадцать одинъ годъ.

Но онъ не дѣйствовалъ, такъ, что Родольфу пришлось взяться и за это дѣло. Албертъ былъ нерѣшителенъ, и, несмотря на свою теперешнюю независимость, все еще боялся баронессы. Родольфъ нашелъ законника, который взялся разсмѣрѣть дѣло и потребовать отчета опеки.

Братья могли бы ѣхать теперь въ деревню, но не рѣшались оставить Парижъ, потому что оба были влюблены. Они никогда ничего не скрывали другъ отъ друга. Ихъ откровенности вслухъ что ввертится обыкновенно въ головѣ, нельзя даже было назвать довѣрїемъ; они думали, чувствовали, мечтали вслухъ.

— Какое будетъ счастье, говорили они, когда мы привеземъ въ свое убѣжище милыхъ женъ нашихъ! Это придасть новую прелесть всему нашему существованію. Онъ вѣрно будутъ любить другъ друга!..

Албертъ влюбился въ сестру одного изъ своихъ учениковъ, и потому, не смотря на свое совершеннолѣтіе, которое давало возможность прекратить учительскія занятія, онъ удержаль за собою этотъ урокъ.

Все семейство любило Алберта, принимало его ласково, и онъ часто проводилъ у нихъ цѣлые дни.

Долго онъ не осмѣливался говорить иначе о любви своей, какъ глазами; наконецъ, подстрекаемый насмѣшками Родольфа, онъ рѣшился однажды подать письмо. Письмо осталось безъ отвѣта, и Сесилия, (такъ звали дѣвушку, которую любилъ Албертъ), стала даже убѣгать учителя своего брата. Молодой человекъ пришелъ въ такое отчаяніе, что захворалъ. Родольфъ предлагалъ давать за него уроки, пока онъ будетъ болѣнъ. Онъ сдѣлалъ визитъ родителямъ Сесилии, сказалъ, что братъ его болѣнъ и просилъ позволе-

нiя замѣстить его на это время. Въ первый день Сесилiя нѣсколько разъ пробѣгала по комнатѣ, гдѣ давались уроки, но не осмѣливалась еще говорить съ Родольфомъ. На другой день она освѣдомилась о здоровьи брата его, а на слѣдующiй день сказала съ чувствомъ:

— Не скрываете отъ меня, мосье Родольфъ... видите, я знаю ваше имя, потому что мы часто говорили о васъ съ братомъ вашимъ; въ самомъ дѣлѣ онъ болѣнъ? опасна болѣзнь его?.. Мы всѣ его такъ любимъ... Хорошъ ли докторъ у васъ?

— Болѣзнь его, отвѣчалъ смѣло Родольфъ, прикладывая руку къ сердцу, не принадлежитъ къ тому роду болѣзней, которыя излечиваются докторами.

Сесилiя покраснѣла и убѣжала. На другой день она подала Родольфу книгу, завернутую въ бумагу и запечатанную.

— Потрудитесь, сказала она, опустивъ глаза, передать книгу эту мосье Алберту, я ему уже давно ее обѣщала, а теперь ему есть время читать.

— Новость!.. да еще какая! вскричалъ Родольфъ, входя къ брату въ комнату. Вотъ лекарство, которое вылечитъ всѣ твои болѣзни.

— Скажи, ради Бога, скорѣе, вскричалъ Албертъ, задыхаясь отъ нетерпѣнiя.

— А цѣлебный сей бальзамъ я не продаю, но дарю.

— Такъ дари же скорѣе, мучитель!

Родольфъ подаль книгу.

— Что значитъ эта книга?.. спросилъ Албертъ, срывая бумагу въ судорогахъ восторга.

— Мнѣ дали ее для тебя, больше я ничего не знаю.

Албертъ трясъ ее, перелистывалъ, разумѣется, онъ надѣялся найти отвѣтъ на письмо свое. Ничего!

— Что бы это значило?

Родольфъ вошелъ въ комнату съ торжествующимъ видомъ, а теперь опустилъ голову. Онъ взялъ книгу, и въ свою очередь сталъ трясти ее, перелистывать, и также ничего не нашелъ.

— Странно! сказалъ онъ: неужели она и въ самомъ дѣлѣ для того только прислала тебѣ книгу, чтобъ ты прочелъ ее?.. Признаюсь, я надѣялся найти въ ней письмо, потому что она любитъ тебя, увѣренъ въ томъ, что любить. Въ выраженiи, съ какимъ она произнесла имя твое, въ краскѣ лица, въ голосѣ, во взгядѣ было больше любви, чѣмъ во всей этой книгѣ,

еслибъ даже кромѣ любви въ ней ничего не было. Прислать тебѣ прочесть книгу—а это «Фаустъ» Гете.

Пока Родольфъ удивлялся и рассуждалъ, Албертъ не переставалъ пересматривать книгу; вдругъ онъ радостно вскричалъ и началъ съ жаромъ цѣловать ее; крупныя слезы катились изъ глазъ его.

— Родольфъ! она любитъ меня! Господи, благодарю тебя!

Онъ указалъ брату на одну страницу, гдѣ розовымъ, острымъ ноготкомъ своимъ Сесилія подчеркнула эту фразу:

«*Маргарита*: О чудный человекъ! люблю тебя всѣмъ сердцемъ!»

— О Сесилія, моя чудная, обожаемая Сесилія! шепталъ въ восторгѣ Албертъ. Родольфъ, дай мнѣ платье, я хочу встать, хочу ее видѣть!

— Кажется ты съ ума сошелъ. Итти къ ней сегодня! Вѣроятно, ты намѣренъ упасть къ ногамъ ея при отцѣ, матери и братѣ, однимъ словомъ, при всемъ семействѣ? Я далъ за тебя урокъ, слѣдовательно у тебя нѣтъ предлога итти туда сегодня. Завтра... ну, это еще идетъ... да и то не совсѣмъ ловко, потому что я увѣрилъ, будто ты опасно боленъ.

— Завтра никогда не настанетъ.

(*Сочинитель самъ про себя*.) «Увы! въ жизни каждаго бывали такіе дни, которымъ никогда не слѣдовало наставать и которые между тѣмъ наставали и прошли немножко болѣе двадцати лѣтъ.

— Первая половина жизни проходитъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи второй, а вторая въ горькомъ сожалѣніи о первой.

Наконецъ желанное *завтра* настало. Албертъ пошелъ дать урокъ; но кромѣ ученика своего никого не видалъ. Каждый стукъ въ домѣ отдавался въ груди его. Если отворялась дверь, онъ не могъ ни говорить, ни дышать. Сесилія принуждена была ѣхать куда-то съ матерью, которой вѣроятно не слишкомъ понравилось бы желаніе дочери присутствовать при урокѣ геометріи брата. Албертъ, ничего не знавшій, возвратился домой въ отчаяніи, и провелъ всю ночь за письменнымъ столомъ, разрывая ежеминутно начатое письмо и начиная новое. На другой день онъ отдалъ письмо Сесилии, и прочиталъ въ глазахъ дѣвушки заранѣе удовлетворительный отвѣтъ; хотя она и не знала еще въ чемъ состоитъ содержаніе письма, но вѣроятно догадалась. Женщины такъ догадливы.

Недѣлю спустя, Сесилія уронила перчатку. Албертъ поднялъ

ее и подавая почувствовалъ, что ему жмутъ руку. Онъ чуть не упалъ въ обморокъ.

Дня черезъ три, Сесилія, никогда не писавшая Алберту, сунула ему въ руку письмо. Послѣ этого урокъ не долго продолжался.

Онъ опрометью безъ оглядки побѣжалъ домой, и бросившись на диванъ, сталъ читать съ замираніемъ сердца.

Сесилія писала ему, что, если онъ ее любитъ, то долженъ погоропиться, потому что ее хотятъ выдать замужъ; но чтобъ онъ не беспокоился, она принадлежитъ ему навѣки и никогда не измѣнить. «Одно обстоятельство беспокоитъ меня, говорила она, оно можетъ быть преградой къ нашему счастью. Занятія ваши заставляютъ меня думать, что вы не богаты, а родители, иначе, какъ богатому, не отдадутъ меня. Тотъ, кто за меня теперь сватается, богатъ и даже очень богатъ. Считаю лишнимъ говорить, какъ мало это имѣетъ цѣны въ глазахъ моихъ; но надо найти средство удалить этого человѣка. Если наружность не обманываетъ, то повидимому онъ честный человѣкъ; слѣдовательно, откровенность моя тронетъ его, и онъ на что нибудь рѣшится.»

Албертъ отвѣчалъ, что хотя онъ и не богатъ, однако имѣетъ хорошее состояніе и прилично можетъ содержать жену свою. Онъ объяснилъ почему онъ давалъ уроки, и почему продолжалъ давать ихъ. Я пропускаю высокопарныя фразы Алберта на счетъ его *ненавистнаго соперника*, также, какъ пропустилъ сентиментальныя тирады Сесиліи, гдѣ она возстаетъ противъ *злата, противъ этого презрѣннаго металла*.

Сесилія отвѣчала, что состояніе Алберта больше, чѣмъ достаточно для ихъ счастья, въ которомъ она заранѣе увѣрена, еслибъ даже у него и ничего не было. Но не смотря на это, продолжала она, того, что вы имѣете, недостаточно для претензій моихъ родителей; и потому благоразуміе запрещаетъ вступать теперь въ соперничество съ человѣкомъ, который гораздо богаче васъ. Потерпите немного, пока я удалю де-Нуармана.

Албертъ очень беспокоился на счетъ средства, какое употребить Сесилія для удаленія его соперника. Онъ скоро узналъ, что средство это не удалось.

Однажды, возвращаясь домой и подходя къ дому, онъ увидѣлъ у дверей своихъ неизвѣстнаго человѣка, который сказалъ ему:

— Фамилія моя де-Нуарманъ; съ дозволенія родителей мамзель Сесиліи, я долженъ жениться на ней. Она сама сочла

долгомъ объявить мнѣ, что вы, какъ дѣти, поклялись вѣчно любить другъ друга, и что она считаетъ себя обязанною исполнить эту клятву, которою она теперь связана, и потому не можетъ принадлежать мнѣ, безъ вашего разрѣшенія. Тутъ нѣтъ никакого смысла; но меня нисколько не тревожитъ такая фантазія молодой дѣвушки. Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая бы не предавалась подобнымъ мечтамъ, хоть для того только, чтобъ сказать въ послѣдствіи: «Слава Богу, что онѣ не сбылись!» Мнѣ хотѣлось видѣть васъ, чтобъ уговорить отказаться добровольно отъ претензій, которыя не могутъ осуществиться.

Албертъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и страшно взволнованъ. Онъ, не прерывая Нуармана, далъ ему договорить до конца, потомъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Кто прислалъ васъ съ подобными совѣтами?.. Если м-лле Сесилія сама поручила вамъ уговорить меня отказаться отъ руки ея, то я...

— Я не говорилъ этого, перебилъ Нуарманъ. Но хотѣлъ *сперва* посоветовать вамъ...

— Что значитъ, это слово *сперва*, на которомъ, какъ кажется, вы дѣлаете особенное удареніе?

— А то значитъ... что потомъ я стану дѣйствовать иначе.

— Иначе?.. Съ кѣмъ?.. съ м-лле Сесиліей?

— Нѣтъ, съ вами! Не думаю, чтобъ вы предполагали во мнѣ столько снисходительности и воображали, что я позволю, не защищаясь, разстроивать всѣ мои предположенія...

— Извините, сказалъ, перебивая его Албертъ, какое мнѣ дѣло позволите вы, или не позволите?

— Простительное любопытство... Вамъ угодно знать, что вамъ до этого?.. Извольте... я объясню вамъ въ нѣсколькихъ словахъ: это можетъ заставить васъ завтра встать гораздо раньше обыкновеннаго... Положимъ, хоть въ шесть часовъ... и вѣхать прогуляться съ вашимъ покорнѣйшимъ слугою въ Булонскій лѣсъ или другое какое предмѣстье, смотря по условію.

— Почему же завтра, и такъ рано?

— Если вамъ угодно, мы можемъ отсрочить день и часъ: послѣ завтра, наприимѣръ, въ семь часовъ утра?

— Вы не поняли меня: я хотѣлъ спросить, зачѣмъ не сегодня, въ четыре часа, то есть, черезъ часъ?

— Я не смѣлъ просить васъ объ этомъ; но если вы такъ любезны, тѣмъ лучше для меня!

— Такъ черезъ часъ; гдѣ?

— У меня или у васъ, если позволите... Секундантамъ нашимъ надо условиться. Такъ черезъ полчаса я буду здѣсь съ Ашилемъ де-Перо, который уже нѣсколько разъ доказывалъ мнѣ свою дружбу въ подобныхъ случаяхъ.

Албертъ вбѣжалъ къ брату, онъ только что уѣхалъ въ каретѣ. Онъ побѣжалъ за каретой, и тогда только догналъ ее, когда другіе экипажи преградили ей дорогу.

Бросаясь къ дверцамъ, онъ сказалъ:

— Я искалъ тебя, идемъ... черезъ часъ я стрѣляюсь!

При такомъ неожиданномъ извѣстіи, Родольфъ выскочилъ изъ кареты. Но пока Албертъ объяснялъ ему, въ чемъ дѣло, карета уѣхала, а молодые люди этого и не замѣтили. Вотъ почему карета пріѣхала пустая къ дверямъ Агаты.

— Какъ!.. ты стрѣляешься! вскричалъ Родольфъ, пораженный ужасомъ. Какую глупость ты затѣялъ! Какой-же порядочный человѣкъ рѣшится на дѣло, которое не оправдываетъ здравый разумъ! Но что за человѣкъ твой противникъ?

— Онъ намекнулъ, что уже много разъ дрался на дуэли.

— А ты никогда не хотѣлъ учиться фехтованью, никогда не держалъ пистолета въ рукахъ именно потому, что считалъ дуэли глупостью.

— Родольфъ, сказалъ Албертъ, пожимая руку брата, вѣдь я за нее дерусь!

— Да, но все-таки какого рода чувство испытываешь ты теперь, когда дѣло идетъ о жизни и смерти. Вѣдь ты никогда нѣ дѣйствовалъ оружіемъ! Что до меня касается, то я право не знаю что бы я чувствовалъ. Ты вѣрно не боишься! Чувствуешь ты в, себя храбрость?

— Да, чувствую. Не знаю что было бы со мною, еслибъ дѣло шло о какихъ нибудь пустякахъ, гдѣ дерутся на-показъ, гдѣ рисуются изъ хвастовства... но тутъ я выхожу противъ человѣка, который осмѣлился думать владѣть ею! согласись, что тутъ поневоля потеряешь голову.

— Какъ жаль, что не мнѣ пришлось стрѣляться!.. Я учился всему этому...

Въ эту минуту вошелъ Нуарманъ съ другомъ своимъ де-Перо, котораго онъ представилъ обоимъ братьямъ.

Секунданты вышли въ сосѣдную комнату; соперники остались глазъ на глазъ.

Нуарманъ вынулъ сигарочницу и, подавая Алберту, спросилъ:

— Вы курите?

— Нѣтъ, не курю.

— Дымъ не беспокоитъ васъ?

— Нисколько.

Тогда Нуарманъ вытащилъ изъ кармана цѣлый курительный арсеналъ и зажегъ сигару.

Секунданты возвратились.

Перо сказалъ другу своему, указывая на Родольфа:

— Они не хотятъ сдѣлать никакой уступки, и потому мы должны сейчасъ ѣхать въ Сентъ-Уэнъ.

— Мы догонимъ васъ, сказалъ Родольфъ. Тутъ нельзя ошибиться, мѣсто это всѣмъ извѣстно: на островѣ, у опушки дубовой рощи. Мы сейчасъ найдемъ.

III.

Нуарманъ съ другомъ своимъ сѣли въ карету, ожидавшую ихъ у подъѣзда и поѣхали за оружіемъ, послѣ чего должны были отправиться въ Сентъ-Уэнъ.

Братъ Рейно тоже наняли карету и пріѣхали прежде ихъ на назначенное мѣсто. Дорогою Родольфъ сказалъ брату:

— Человѣкъ этотъ привыкъ управлять оружіемъ; онъ хорошо стрѣляетъ, и потому навѣрно убилъ бы тебя; чтобъ видѣть тебя въ живыхъ, я выбралъ шпагу. Слушай меня: ты не долженъ забавляться маханіемъ шпагою, даже не долженъ защищаться; тебѣ остается одно средство остаться побѣдителемъ, но оно вѣрно, если ты будешь дѣйствовать рѣшительно. Держи шпагу низко и прямо. При первомъ его ударѣ, вмѣсто того, чтобъ защищаться, самъ нападай въ то же самое время, какъ онъ будетъ наносить тебѣ ударъ; но ударяй изъ всей силы, какъ можно рѣшительнѣе. Ты получишь ударъ, но твой будетъ сильнѣе, потому что при первомъ нападеніи онъ будетъ тебя только испытывать и станетъ ждать, чтобъ ты защищался. И такъ, милый Албертъ, дѣлай, какъ я тебѣ говорю... Ты можешь быть увѣренъ, что получишь ударъ; но за то навѣрно нанесешь и ему... а иначе, если тебѣ вздумается неравно дѣлать только экзерциціи, тогда можешь быть увѣренъ, что получишь ударъ; но ужъ ни какъ не нанесешь его.

Нуарманъ съ секундантомъ своимъ прѣхали, ихъ сопровождалъ хирургъ.

Перо привезъ съ собою шпаги. Скоро выбрали мѣсто и вымѣрили шпаги. Противники сняли сюртуки и разстегнули сорочки, въ доказательство, что подъ ними ничего нѣтъ. Секунданты поставили ихъ на такое разстояніе, что шпаги ихъ могли касаться только концами; потомъ Перо сказалъ:

— Начинайте!

Родольфъ не могъ говорить.

Нуарманъ подошелъ на два шага; шпаги скрестились. Албертъ, помня наставленія брата, оставался неподвиженъ, держа шпагу впередъ. Нуарманъ, надѣявшійся заставить противника своего нападать, рѣшился самъ напасть на него, и сдѣлалъ неудачный ударъ. Албертъ не защищался, но ударилъ въ тоже самое время, и такъ сильно, что шпага его воткнулась въ грудь Нуармана и выпала у него изъ рукъ. Нуарманъ замахалъ своею, хотѣлъ сдѣлать еще шагъ, зашатался и упалъ на траву.

Родольфъ подбѣжалъ къ брату; онъ видѣлъ, какъ шпага Нуармана коснулась груди его... и разорвалъ рубашку, на которой уже показалось нѣсколько капель крови.

— Боже! какое счастье! это была не рана, а только царапина!

Албертъ стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на лежащаго противника.

Родольфъ подошелъ къ Нуарману; докторъ перевязывалъ ему рану. По окончаніи перевязки, Перо поднялъ его. Нуарманъ, хотя очень блѣдный и слабый, увѣрялъ, что можетъ идти.

Докторъ послалъ человѣка, стоявшаго не въ дальнемъ разстояніи, за каретой, и объявилъ, что рана не опасна, но что Нуарману надо беречься, что ему необходимъ совершенный покой въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Потомъ, обратясь къ Алберту, просилъ позволенія осмотрѣть его рану, и, осмотрѣвъ ее, сказалъ, улыбаясь:

— Этотъ и безъ меня выздоровѣетъ.

Братья Рейно раскланялись и сѣли въ карету.

Когда дверцы захлопнулись, Родольфъ обхватилъ брата обѣими руками и рыдая отъ радости, говорилъ:

— Господи! благодарю Тебя! не допусти брата моего испытать то, что я перечувствовалъ сегодня. Другъ ты мой, Албертъ, я зналъ, что ты храбръ, но не подозрѣвалъ до какой степени! Покажи-ка мнѣ свою рану... О! ничего, рѣшительно ничего! Но

пусть это послужить тебѣ укоромъ. Я увѣренъ, что ты впередъ не будешь прибѣгать къ такой нелѣпой расправѣ. Скоро ли настанетъ завтра! Мнѣ страхъ хочется побѣжать къ милой сестрѣ-моей Сесилии, и рассказать ей подвиги ея рыцаря.

Завтра я даю за тебя урокъ.

— Такъ неужели я завтра ее не увижу?

— Нѣтъ!.. сдѣлай милость!.. у меня на то есть свои причины... Не отказывай мнѣ въ этомъ... Я такъ былъ несчастливъ, такъ страдалъ сегодня, что стою награды.

И онъ снова цѣловалъ брата, называя его самыми нѣжными именами и благодарилъ Бога.

Пріѣхавъ домой, онъ немедленно написалъ Дофину и Агатѣ, и просилъ прощенья, что заставилъ ихъ напрасно ждать.

Завтра онъ имъ все объяснить,

Онъ имѣлъ свои причины не ѣхать къ нимъ въ тотъ же день; но не могъ удержаться, чтобъ не побродить около дома Агаты. Въ этотъ день она не подходила къ окну, потому что не ждала Родольфа. Онъ былъ въ этомъ увѣренъ; но зная всѣ привычки дома, по движенію огня, свѣтъ котораго пробивался сквозь занавѣсы, онъ могъ слѣдить за нею мысленно и знать все, что она дѣлаетъ.

Когда свѣча погасла въ комнатѣ Агаты, онъ возвратился домой и легъ, но не могъ спать. Ему столько надо было думать за брата и за себя, что онъ былъ этому очень радъ. Ему казалось, что сонъ отнял бы у него часть жизни, а въ эту минуту ему ничего не хотѣлось терять, потому что онъ истинно наслаждался мыслию жениться на Агатѣ и имѣть такого брата, какъ Албертъ, котораго онъ чуть было не потерялъ.

Повидимому, Родольфъ былъ всѣмъ доволенъ, къ полному счастью его оставалось развѣ только еще сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія для счастья брата. Онъ думалъ теперь объ этомъ, потому что уже слышалъ о родителяхъ Сесилии, что они любятъ хорошо жить, и не отдадутъ дочери за человѣка съ посредственнымъ состояніемъ; а Албертъ недавно заплатилъ нѣкоторые долги отца, о которыхъ баронесса не хотѣла и слышать и которые росли съ процентами до того, что у братьевъ вмѣсто шестидесяти тысячъ франковъ въ годъ дохода оставалось всего двадцать четыре, по двѣнадцати тысячъ на cadaго.

Еще не разсвѣтало, когда Родольфъ вышелъ изъ дому; но такъ рано нельзя было итти къ Сесилии. Бродя по улицамъ, онъ встрѣ-

тилъ двѣушку съ огромною корзиною розъ. Онъ купилъ всю корзину, отправилъ ее къ Агатѣ и возвратился къ Алберту.

— Я иду, давать урокъ, сказалъ онъ, переговорю съ Сесиліей, и съ твоего разрѣшенія буду просить руки ея у отца.

Албертъ грустно опустилъ голову.

— Приметь ли онъ мое предложеніе?.. сказалъ онъ вздыхая.

— Послушай, сказалъ Родольфъ, мы оба живемъ теперъ на твой счетъ. Что имѣешь ты въ сущности?

— Около двѣнадцати тысячъ франковъ.

— Только!.. а я думалъ больше.

— Я заплатилъ долги батюшки своими деньгами, за насъ обоихъ, не желая лишать тебя счастья поддержать доброе имя отца. Черезъ недѣлю ты вступишь въ совершеннолѣтіе, слѣдовательно у тебя будетъ столько же. Потомъ у насъ есть замокъ, гдѣ живетъ тетушка Пизабелла.

Еще у насъ есть ферма, принадлежащая къ замку, въ которой мы будемъ жить вмѣстѣ, пока тетушкѣ не вздумается уступить намъ замокъ.

— Пусть ее живетъ!.. сказалъ Родольфъ. А пока, до свиданія; я иду на урокъ.

Когда Родольфъ вошелъ, Сесилія какъ будто испугалась; но молодой человѣкъ успѣвши успокоить ее.

— Братъ мой совершенно здоровъ, сказалъ онъ; завтра онъ прибудетъ давать урокъ.

Теперь слѣдовало заговорить о дуэли, но онъ боялся испугать Сесилію, а между тѣмъ хотѣлъ, чтобъ она знала и выслушала его спокойно. И потому Родольфъ придумалъ: поправляя урокъ брата, рассказать сестрѣ все, что случилось, но такъ, чтобъ она не вскрикнула и не измѣнила себѣ излишнимъ смятеніемъ. Онъ началъ по порядку.

— Вы не видали вчера Нуармана?..

— Нѣтъ, я не видала его. Развѣ вы знаете Нуармана?

— Вчера я видѣлъ его въ первый разъ; но вы его и сегодня не увидите. Нуарманъ болѣнъ, онъ раненъ!

— Раненъ?

— Да, онъ осмѣлился забытья въ отношеніи къ одному молодому человѣку, который жестоко наказалъ его. Но ради Бога, успокойтесь, милая Сесилія, Албертъ совершенно здоровъ и завтра же явится къ вамъ побѣдителемъ. Я все знаю, и вы нашли уже

въ сердцѣ моемъ мѣсто сестры. Мнѣ надо переговорить съ отцемъ вашимъ, позволяете вы мнѣ?

— Я знаю, что онъ откажетъ. Если бъ Албертъ былъ еще бѣднѣе, то и тогда бы я была счастлива, раздѣляя судьбу его; но папа находить, что онъ не довольно богатъ.

— Какъ знать?.. Но кто-то идетъ... Какъ вы блѣдны! успокойтесь. Это отецъ вашъ.

Отецъ Сесиліи вошелъ и слегка нахмурилъ брови, увидѣвъ дочь свою рядомъ съ молодымъ человѣкомъ.

Родольфъ всталъ.

— Позвольте мнѣ, сказалъ онъ, переговорить съ вами наединѣ.

— Очень охотно; милости просимъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Они просидѣли въ кабинетъ болѣе часа. Сесилія во все это время была въ страшномъ волненіи. Она поджидала выхода Родольфа, чтобъ узнать, чѣмъ кончилось совѣщаніе; но Гольберъ, отецъ Сесиліи, провожалъ его, и потому она убѣжала.

Проводивъ до дверей Родольфа, Гольберъ дружески пожалъ ему руку и преласково простился съ нимъ.

Но Сесилія невидала всего этого; иначе она бы не безпокоилась. Она, напротивъ, боялась, что отецъ сердится на нее, и старалась избѣжать съ нимъ встрѣчи.

Насталъ часъ обѣда. Тутъ Сесилія поневолѣ должна была встрѣтиться съ отцомъ. Чтобъ не дать замѣтить ему своего смущенія и удалить минуту взрыва гнѣва; она начала что-то рассказывать матери. Но Гольберъ подошелъ къ дочери и, ласково потрепавъ ее по щекѣ, крѣпко поцѣловалъ. Потомъ, когда всѣ ушли за столъ, онъ сказалъ женѣ своей:

— Я написалъ Нуарману, что мы ѣдемъ въ деревню и долго тамъ останемся; надѣюсь, что онъ пойметъ, въ чемъ дѣло.

Такъ какъ мадамъ Гольберъ не требовала объясненія, то Сесилія поняла, что мать ея знаетъ, о чемъ мужъ ея говорилъ съ Родольфомъ. И потому она не смѣла уже смотрѣть на мать свою. Между тѣмъ, размысливъ хорошенько, она увидѣла, что тутъ нечего бояться. Вышедъ изъ-за стола отецъ сказалъ ей: Сесилія, дай намъ поговорить съ маменькой, поди, поиграй на фортепьяно. «Сердцемъ овладѣло такое сладостное чувство, что ей всюду слышалось: «Ты выйдешь за Алберта.»

— Но это невозможно! думала она. Какъ могъ отецъ мой такъ

скоро перемѣнить мнѣніе? Это вѣрно сонъ?.. такого счастья не бываетъ въ мѣрѣ, и я вѣрно скоро проснусь.

Въ шесть часовъ вечера, та же самая карета, которая наканунѣ подъѣзжала къ дому Дофина, остановилась и теперь у дверей его.

Старикъ ждалъ на порогѣ, а дочь у окна, за завѣсами.

Карета растворилась, и на этотъ разъ изъ нея выскочилъ веселый и счастливый Родольфъ. Онъ крѣпко пожалъ руку Дофину; потомъ опрометью взбѣжавъ на верхъ, упалъ къ ногамъ Агаты, и схвативъ обѣ ея руки, покрылъ ихъ самыми жаркими поцѣлуями.

— Наконецъ-то! сказала она, надувъ губки. Признаюсь, что я и сегодня не надѣялась видѣть такого занятого и страннаго человѣка. Скажите на милость, какимъ это образомъ кучеръ потерялъ васъ вчера на дорогѣ?

— Пойдемъ къ отцу я расскажу вамъ обоимъ, что со мною случилось.

Онъ сѣлъ тогда между отцомъ и дочерью, взявъ ихъ обоихъ за руки, и цѣлуя въ продолженіе всего разсказа руки Агаты, вмѣсто точекъ и запятыхъ, началъ свое повѣствованіе. Онъ разсказалъ имъ все, съ начала до конца, дуэль брата, свои собственные мучительныя ощущенія во время боя, и восторженными красками описалъ храбрость и геройское хладнокровіе Алберта.

Двѣ крупныя слезы показались на глазкахъ Агаты, онъ осушилъ ихъ поцѣлуями и самъ расплакался, прибавя:

— Но Албертъ будетъ такъ же счастливъ, какъ я, если можно только сравнить мое счастье съ чьимъ бы то ни было. Тамъ, гдѣ нѣтъ моей хорошенькой Агаты, его быть не можетъ. А затѣмъ... ѣдьте, нотаріусъ ждетъ насъ. А потомъ, надѣюсь, вы пригласите меня обѣдать.

— А я надѣюсь, отвѣчала Агата, что ты не заметишь, какъ не прихотливъ нашъ обѣдъ.

— Ѣдемъ.

— Какъ, безъ шляпы?

— Это еще ничего! отвѣчалъ Родольфъ; но меня удивляетъ, какъ я до сихъ поръ не потерялъ еще головы отъ восторга!.. Кажется, я не сѣзалъ вамъ, что сегодня вечеромъ мы подписываемъ тоже свадебный контрактъ брата Алберта! Какой чудный случай!

Какъ послѣ этого не потерять головы и шляпы! Я увѣренъ, Агата, что ты полюбишь новую сестру свою. Это будетъ для насъ съ братомъ большое счастье, потому что мы обѣщали другъ другу никогда не разставаться.

— Хороша она? спросила Агата.

— Почему я знаю? Кромѣ тебя, для меня нѣтъ хорошенькихъ женщинъ. Вдемъ, вдемъ!

Они сѣли въ карету и пріѣхали прямо къ нотаріусу, гдѣ Альбертъ уже ихъ ожидалъ.

Родольфъ представилъ брата отцу и дочери, и сказалъ ей:

— Ты давно знаешь брата моего, только никогда не видала его, и давно знаешь тоже, что прежде, чѣмъ я полюбилъ тебя, все сердце мое принадлежало исключительно ему одному. Я отъ него ничего не отнялъ, а тебѣ далъ много, много. Теперь оно все принадлежитъ вамъ обоимъ... тутъ есть еще два мѣстечка: одно для ба-тюшки, хотя одно время онъ жестоко мучилъ меня, а другое для милой сестры нашей Сесилии. Слѣдовало бы поставить кресла и для тетюшки Изабеллы, но мы не любимъ ее, это однако не заставить насъ забыть, что она сестра нашего отца.

Родольфъ говорилъ такъ много и такъ скоро, что не было ни какой возможности остановить его.

Нотаріусъ просилъ позволенія прочитать контрактъ, написанный Родольфомъ еще за два дня.

Когда нотаріусъ прочиталъ: «Женихъ приноситъ четыре тысячи ливровъ годового дохода», Альбертъ посмотрѣлъ на брата своего съ удивленіемъ, а старикъ Дофинъ вскричалъ:

— Экой плутъ!.. а вѣдь увѣряетъ насъ, что живетъ уроками! потомъ, обратясь къ нотаріусу, прибавилъ:

— Дочь моя ничего не приноситъ.

— Какъ ничего? вскричалъ Родольфъ, она приноситъ мнѣ красоту, молодость, доброту, счастье... а вы говорите ничего! Одно только мнѣ досадно... зачѣмъ не могу я положить къ ногамъ ея всю вселенную... Но какъ она довольствуется хижинкой... то мы и поселимся въ ней... Да, кстати... послушай, братъ... я беру себѣ хижину.

— Помилуй...

— Сдѣлай милость, безъ помилованій... послѣ я скажу тебѣ,

зачѣмъ я такъ дорожу хижиной, И такъ, исключая четырехъ тысячъ франковъ, у меня есть еще прекрасная хижина, (жители помѣстья нашего называютъ ее домомъ), и шесть десятинъ земли, окружающихъ ее.

Нотаріусъ продолжалъ:

— Состояніе супруговъ нераздѣльно; все будетъ принадлежать тому, кто послѣдній останется въ живыхъ.

— Слѣдовательно, тебѣ нечего надѣяться на мое наслѣдство, другъ Албертъ.

— Послушай...

— Не хочу слушать, перебилъ Родольфъ. Если хочешь, зачинай съ нами процессъ, но это такъ должно быть и будетъ.

— Перестань дурачиться, Родольфъ... ты очень хорошо знаешь. . . что я не то хотѣлъ сказать...

— Да... но вотъ въ чемъ штука... я не хочу именно, чтобъ ты говорилъ то, что ты хотѣлъ сказать.

Свадебный договоръ былъ подписанъ, и всѣ отправились обѣдать къ Дофину. Албертъ обнялъ Агату, поцѣловалъ ее и подарилъ ей великолѣпныя брильянтовыя серьги.

Прощаясь, онъ назвалъ Агату милою своею сестрою и просилъ брата не опоздать.

Вечеромъ того же дня должно было совершить брачный договоръ Алберта и Сесиліи.

По возвращеніи домой, Агата немедленно побѣжала на верхъ и заперлась въ своей комнатѣ. Тамъ она упала на колѣна и въ теплыхъ молитвахъ благодарила Создателя за свое счастье.

Послѣ обѣда, Родольфъ радужными красками описывалъ свою хижину, садъ, рѣку, рошу. Это была великолѣпная будущность для Агаты и отца ея: жить въ деревнѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, и притомъ еще имѣть четыре тысячи франковъ въ годъ дохода! имъ не вѣрилось и казалось, что это одна только мечта.

— Послушай, любезный сынокъ, сказалъ Дофинъ, что хотѣлъ сказать братъ твой?.. Можетъ быть, ему не нравится, что ты хочешь оставить все свое состояніе Агатѣ, въ случаѣ, еслибъ она имѣла несчастье потерять тебя?

— Какъ можно!.. Нѣтъ, вы его не знаете. Напротивъ, онъ гораздо богаче меня и хотѣлъ бы прибавить къ моей части; но

онъ женится на дѣвушкѣ, родители которой не отдали бы ее за него, еслибъ у него было хоть немного меньше. Послѣ этого, вы понимаете... я не могу согласиться на его самопожертвованіе. Я ничего не долженъ принимать отъ него, иначе счастье его будетъ разрушено. Къ тому же, развѣ съ насъ мало того, что мы имѣемъ? а если неравно не хватить... то брать у насъ подъ бокомъ... стоять слово ему сказать...

— Разумѣется, сказала Агата, и къ чему намъ больше? Ты говоришь, Родольфъ, что у дома, подъ самымъ окномъ, растетъ кустъ розановъ?..

— Да, онъ смотритъ прямо въ окно вашей комнаты, мадамъ Рейно.

Пробило семь часовъ, и Родольфъ отправился за братомъ, чтобъ ѣхать вмѣстѣ къ Гольберу.

Когда они пріѣхали, нотаріуса еще не было, и потому Родольфъ нашелъ средство провести два часа глазъ на глазъ съ Гольберомъ. Это время показалось минутою Алберту, который просидѣлъ тоже глазъ на глазъ съ Сесиліей.

Родольфъ и Гольберъ взяли на себя составить брачный договоръ. Пріѣхалъ нотаріусъ, и началось чтеніе договора.

Когда онъ дошелъ до того пункта, гдѣ говорится о томъ, что приносить съ собою каждый изъ новобрачныхъ, и когда громкогласно прочиталъ, что Албертъ Рейно приносить двадцать четыре тысячи франковъ въ годъ дохода, то Албертъ хотѣлъ остановить его.

— Сдѣлай милость молчи, сказалъ Родольфъ шепотомъ, или навсегда откажись отъ Сесилии.

— Но я нехочу обманывать.

— А развѣ ты думаешь, что я хочу? Послѣ я тебѣ все объясню, а теперѣ молчи.

Контрактъ былъ подписанъ, нотаріусъ ушелъ.

Не смотря на восторгъ свой, Албертъ ждалъ съ нетерпѣніемъ той минуты, когда братъ объяснитъ ему тайну, почему у него очутилось больше, чѣмъ было. Онъ догадывался, и сердце его болѣзненно замирало. Ни за что въ мірѣ онъ не хотѣлъ бы принимать жертвъ отъ Родольфа.

Свадьба назначена была черезъ недѣлю. Братья распрощались и уѣхали.

— Какъ странно, сказала мадамъ Гольберъ мужу, что братъ Алберта ничего не подарилъ Сесиліи.

По правдѣ сказать, Родольфъ объ этомъ и не подумалъ; но за то отдалъ брату большую половину своего состоянія, безъ чего Албертъ долженъ былъ отказаться отъ своего счастья. Онъ торговался съ Гольберомъ, какъ могъ, но Гольберъ ничего не хотѣлъ уступить.

Пріѣхавъ домой, братья объяснились, и Родольфъ насилу могъ уговорить Алберта принять даръ его.

Албертъ былъ въ отчаяніи.

— Такъ вотъ причина, говорилъ онъ, рыдая, почему ты взялъ на себя составленіе контракта?

— Разумѣется... Но выслушай меня хладнокровно: Агата всегда жила въ бѣдности. Теперь у нея въдесятеро больше прежняго, и она никогда не мечтала о такомъ богатствѣ. Я оставилъ ее въ совершенномъ изумленіи отъ такого неслыханнаго для нея счастья. Къ тому же она вовсе не корыстолюбива и была бы въ восторгъ отъ одной любви моей... А если у меня чего не хватаетъ, я попрошу у тебя.

— Все равно, но, помилуй, двѣ трети твоего состоянія...

— Это необходимо... безъ этого ты принужденъ бы былъ отказаться отъ Сесиліи. Послушай, Албертъ: еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, а ты на моемъ, неужели ты не сдѣлалъ бы для меня того, что я для тебя сдѣлалъ?

— Я бы подумалъ.

— Не правда! ты не сталъ бы думать. Теперь я вижу, что я тебя больше люблю и лучше сужу о твоемъ сердцѣ, чѣмъ ты о моемъ. Еслибъ я не могъ обладать Агатою иначе, какъ имѣя вдвое больше того, что имѣю, то я бы обратился къ тебѣ и попросилъ бы уступить мнѣ часть твоего состоянія, еслибъ только это не помѣшало тебѣ жениться на Сесиліи.

Братья крѣпко обнялись и поцѣловали другъ друга.

Братья Рейно, не смотря на нетерпѣніе свое, весьма понятное, отсрочили на недѣлю свои свадьбы, потому что обоимъ имъ надо было ѣхать приготовить и убраться въ дома для своихъ невѣстъ.

На другой день контракта они отправились въ деревню.

Тетушка Изабелла приняла ихъ ласковѣе, чѣмъ они ожидали; даже не позволила себѣ ни малѣйшаго замѣчанія на счетъ ихъ женитьбы, и объявила, что ѣдетъ жить въ свои помѣстья.

Молодые люди предложили ей выбрать нѣсколько комнатъ въ замкѣ и остаться тамъ жить по-прежнему.

Тетушка, ожидая заранѣе этого предложенія, согласилась, не заставляя себя долго просить.

— Тетушка сдѣлалась добрѣе, сказалъ Албертъ брату, когда они остались одни.

— Это не мѣшаетъ ей однако метать на насъ, особенно на меня, злобные взгляды. Дай Богъ, чтобъ близкое съ нею сосѣдство не нанесло тебѣ горя.

Такъ какъ замокъ былъ въ большомъ порядкѣ, то Алберту не много стоило труда приготовить все для принятія Сесилии.

Что же касается до Родольфа, то на его долю пришлось довольно хлопотъ: во-первыхъ, надо было выслать изъ дому прежнихъ жильцовъ и помѣстить ихъ въ другой; потомъ, надо было все вычистить, выкрасить, убрать. Родольфъ, въ память отца, сохранилъ соломенную кровлю фермы и всю наружную простоту ея; но за то совершенно перемѣнилъ внутренность дома. Онъ соединилъ тамъ все: роскошь, комфортъ, изящество и вмѣстѣ съ тѣмъ вкусъ и простоту. Тетушкѣ весьма не нравилась соломенная крыша, она говорила, что племяннику ея неприлично жить на фермѣ, и совѣтовала поселиться тоже въ замкѣ, прибавя: «Замокъ такъ великъ, что всѣмъ будетъ мѣсто». Албертъ упрашивалъ, умаливалъ, настаивалъ, но Родольфъ былъ непреклоненъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ брату, когда тотъ снова сталъ просить его оставить ферму. Агата и Сесилия должны быть хозяйками каждая у себя въ домѣ, и любить другъ друга; онъ уже расположенъ къ этому, потому что любятъ насъ; но зародышь привязанности этой надо поддерживать, особенно въ началѣ, гдѣ малѣйшее столкновеніе не впадетъ, можетъ быть пагубно на всю жизнь. И потому мы женимся въ разное время; Агата тогда только познакомится съ Сесиліей, когда обѣ будутъ уже носить нашу фамилію. Я не хочу, чтобъ Агата выходила изъ сферы, въ которой я намѣренъ жить, и не хочу тоже, чтобъ она страдала отъ

сравненій. Если мы будемъ вѣнчаться вмѣстѣ, у насъ въ помѣстьѣ, то Агата явится туда дочерью бѣднаго писаря, а Сесилія богатаго дворянина. Прежде, чѣмъ онѣ увидятъ другъ друга, надо сравнять ихъ положенія, и потому мы сведемъ ихъ тогда, когда одну изъ нихъ будутъ называть мадамъ Албертъ Рейно, а другую мадамъ Родольфъ Рейно.

— Равенство это теперь невозможно... великодушіе твое уничтожило его. Отдавъ мнѣ большую часть своего состоянія, ты не можешь доставлять Агатѣ того, что я долженъ дѣлать для Сесиліи... Я говорю о томъ равенствѣ, которое наиболѣе трогаетъ женщинъ... то есть: равенство въ нарядахъ.

— Это вовсе не такъ важно, какъ ты думаешь. Агата, выходя за меня, дѣлаетъ блестящую партію; она будетъ въ такомъ положеніи, о которомъ никогда не мечтала. Сесилія же, напротивъ, родилась и выросла въ богатомъ домѣ. Но богатство это должно раздѣлиться между ею и братомъ, не говоря уже, что большую часть состоянія родители оставляютъ себѣ и даютъ сыну гораздо больше, чѣмъ дочери. Но не менѣе того, Сесилія выросла въ такомъ домѣ, гдѣ проживаютъ болѣе пятидесяти тысячъ франковъ, и не смотря на любовь ея къ тебѣ, она будетъ считать себя бѣдною и униженною, если у нея не будетъ того, къ чему она привыкла. Слѣдовательно, въ началѣ, положеніе мое гораздо легче твоего. Если же мнѣ чего не хватитъ, то еще разъ повторяю, я попрошу у тебя. Не все ли равно у кого лежатъ деньги, у тебя или у меня? Еслибъ я былъ богатъ, неужели ты считалъ бы себя бѣднымъ?

Недѣлю спустя, молодые люди возвратились въ Парижъ.

Дофинъ продалъ свою контору.

Черезъ два дня послѣ пріѣзда, Родольфъ обвѣнчался съ своею возлюбленною Агатой. Свадьба была въ восемь часовъ утра. Кромѣ Дофина и Алберта, другихъ гостей не было.

Свадьба Алберта была въ одиннадцать часовъ утра, но тутъ, кромѣ Родольфа, была бездна гостей.

Вечеромъ обѣ четы отправились къ себѣ въ помѣстье. Албертъ, въ сопровожденіи отца, матери и брата Сесиліи, а Родольфъ въ сопровожденіи Дофина, который вѣхалъ жить съ дѣтьми своими.

Баронесса, придворными манерами и важнымъ своимъ видомъ

очень понравилась Гольберамъ. Она приняла Сесилію, какъ нельзя лучше.

Гольберы нашли, что въ замкѣ можно жить, но что надо сдѣлать нѣкоторыя перемѣны и прибавить убранства.

На другой день вездѣ были рабочіе.

Агата не могла придти въ себя отъ изумленія, глядя на такое великолѣпіе.

Входя въ хижину, которая снаружи показалась ей *прехорошенькою*, она думала, что найдетъ двѣ комнатки, обыкновенно убранныя. Но когда увидѣла вездѣ ковры, зеркала, дорогіе обои и фарфоры, то остолбенѣла отъ удивленія. Спальня ея была обита дорогимъ ситцемъ и убрана съ такимъ вкусомъ и роскошью, о которыхъ она и понятія не имѣла.

— Боже мой! вскричала она, это волшебная сказка, сонъ! Дай Богъ не просыпаться никогда!

На другой день утромъ, Албертъ пошелъ на могилу родителей, тамъ онъ засталъ Родольфа, тамъ они возобновили клятву всей душой любить другъ друга, помолились Богу и просили родителей благословить ихъ на новую жизнь.

Черезъ два дня Родольфъ съ женою и тестемъ отправился въ замокъ, такъ какъ онъ былъ младшій, ему слѣдовало сдѣлать первый визитъ. Агата одѣлась просто, но съ большимъ вкусомъ. Къ тому-жъ во всей ея особѣ было столько врожденной граціи, что никому и въ голову не могло войти, что она родилась и воспитывалась въ бѣдности.

Прежде всего молодые пошли къ баронессѣ, которая старалась угадать, но напрасно, что такое могли быть Дофинъ и дочь его.

Сесилія и Агата обнялись и поцѣловались съ чувствомъ. Что же до Гольберовъ и Дофина, то съ обѣихъ сторонъ, кромѣ учтивости, ничего не было.

За обѣдомъ баронесса сводила разговоръ на такіе предметы, которые могли бы ей помочь въ розыскахъ на счетъ Агаты.

Легко было догадаться, что Агата, не смотря на благородство манеръ своихъ, никогда не была въ свѣтѣ, и не имѣла понятія ни о балахъ, ни о театрѣ.

— Тетушка, сказалъ Родольфъ, Агата не знаетъ ничего этого... Провидѣніе, назначившее ее украшать жизнь такого незатѣй-

ливаго челоуѣка, какъ я, внушило родителямъ ея воспитать ея въ уединеніи, вдали отъ свѣта.

По возвращеніи домой, Агата расхваливала красоту и привѣтливость Сесиліи. Родольфъ старался узнать, какое впечатлѣніе произвели на нее роскошь и весь бытъ замка.

— Я всѣхъ богаче, душа моя, отвѣчала Агата; любовь твоя въ уютной комнаткѣ старичка Дофина, навсегда обогатила меня. Я никому не могу завидовать, а боюсь только, чтобъ мнѣ не позабывали и не сглазили моего счастья. Изъ бѣдной дѣвушки, назначенной быть женою какого нибудь ремесленника, ты сдѣлалъ богатую, уважаемую, счастливую и самую благородную тебѣ женщину. Еслибъ ты зналъ, какъ я горжусь этимъ счастьемъ и этой благодарностію!

IV.

На другой день всѣ жители замка явились обѣдать на ферму.

Сесилія немножко принарядилась. Албертъ, мимоходомъ замѣтилъ ей это; но баронесса и Гольберы громогласно возстали противъ этого замѣчанія. Сесилія тотчасъ же уступила желанію мужа, но замѣтно было, что тутъ примѣшивалась маленькая доза неудовольствія и вынужденной покорности. Албертъ началъ упрашивать ее надѣть шаль и шляпу съ перьями, которыя она передъ тѣмъ сняла изъ угожденія къ нему, и Сесилія снова уступила его просьбамъ.

Всѣ гости точно будто сговорились и наперерывъ расхваливали ферму и все, что въ ней находилось. Родольфу это показалось не совсѣмъ ловко; но онъ видѣлъ тутъ доброжелательство и благосклонность; что же до Агаты, которая ничего въ мірѣ не находила лучше своего убѣжища, то она пресерьозно вѣрила всѣмъ похваламъ, по правдѣ сказать, немного преувеличеннымъ.

Впрочемъ, Агатѣ легко было повѣрить имъ: природа убрала ея домикъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ. Старые, огромные кусты розъ и жасминовъ разбросали вѣтви по всѣмъ стѣнамъ дома и совершенно закрывали его; соломенная крыша скрывалась подъ густымъ мохомъ, по которому разбросаны были пучки ири-

са, такъ что весь домикъ цвель и испарялъ изъ себя тысячу ароматовъ.

Съ одной стороны огромный лугъ спускался до самой рѣки, за которой находился замокъ; овцы и коровы расхаживали по немъ и паслись на свободѣ. Съ другой стороны гора, вся заросшая травой изумруднаго цвѣта, а на горѣ дубовая роща. Далѣе, анбары, конюшни, сараи и скотный дворъ. Внутреннее изящество дома дѣлало прелестную противоположность съ наружною простотою его. За то Агата принимала всѣ похвалы скромно, вовсе не думая, что ихъ говорили изъ угодливости или снисхожденія.

На слугахъ Родольфа не было ливреи. Ему служили люди, которые родились и жили на фермѣ, занимаясь полевыми работами.

Въ этомъ отношеніи Агата не могла завидовать Сесили; она понимала, что полюбить этихъ добрыхъ и простыхъ людей, какъ родныхъ, и будетъ тоже любима ими.

Обѣдъ былъ самый веселый. Вечеромъ хозяева проводили гостей своихъ до рѣки.

Братья, прощаясь, обнялись въ невыразимомъ восторгѣ. Все шло по ихъ желанію, даже лучше, чѣмъ они надѣялись.

Прошла недѣля.

Гольберамъ надо было ѣхать въ Парижъ. Они уѣхали и увезли съ собою дочь и зятя.

Черезъ нѣсколько дней Албертъ возвратился одинъ; онъ привезъ брату хорошія и дурныя вѣсти: Сесилія была беременна; но беременность эта начиналась трудно. По слабому своему сложенію она захворала. Мадамъ Гольберъ испугалась, созвала консилиумъ, и по приговору домоваго доктора, Сесилии приказано ѣхать въ Италію и провести тамъ всю зиму.

Такая непредвидѣнная разлука страшно огорчила братьевъ, тѣмъ болѣе, что они никогда не разставались.

Но тутъ нельзя было прекословить: они покорились своему горю и общались писать, какъ можно чаще.

Передъ отъѣздомъ Сесилія пріѣхала съ родителями на нѣсколько дней въ замокъ; потомъ всѣ они отправились за границу.

Родольфъ жестоко грустилъ; Агата удвоила любовь свою и попеченія о немъ.

Албертъ часто писалъ и въ страстныхъ выраженіяхъ высказывалъ тоску свою брату, котораго еще больше полюбилъ въ разлукѣ.

Здоровье Сесиліи поправлялось; но мадамъ Гольберъ прежде весны боялась возвратиться во Францію. Прошла зима, настала весна; но какъ пуститься въ дорогу съ женщиною въ такомъ положеніи? это было слишкомъ опасно, и мать Сесиліи не хотѣла брать на себя такой отвѣтственности. Наконецъ Сесилія освободилась отъ своего бремени; но какъ пускаться въ такую дальнюю дорогу съ такимъ маленькимъ ребенкомъ. Наступила осень, а тутъ снова и зима. И потому рѣшено было возвратиться весною. Сесилія жила во Флоренціи; каждый день или выѣзжала, или къ себѣ принимала, однимъ словомъ, все семейство жило открыто, на большую ногу.

Сесилія писала два или три раза къ Агатѣ; но молодыя женщины слишкомъ мало знали другъ друга, чтобъ переписка эта могла быть для нихъ интересна. Сесилія въ письмахъ своихъ жалѣла, что давно не видала Агату, и хотѣла бы поскорѣе вернуться; но по всему видно было, что въ самомъ дѣлѣ она была очень счастлива и чувствовала совершенно противное тому что писала.

Наконецъ Албертъ и Сесилія возвратились. Братья плакали отъ радости. Всѣ веселились и праздновали ихъ возвращеніе. Сесилія похорошѣла; она привезла съ собою красиваго, здороваго мальчика.

Въ первый разъ Агата позавидовала ей, а Родольфъ былъ огорченъ, хотя и не показавъ этого, что не онъ крестилъ малютку.

Братья, задолго еще до женитьбы согласились, что если когда женятся, то будутъ крестить другъ у друга дѣтей. Такимъ образомъ у дѣтей ихъ вмѣсто одного, было бы два отца, и связь эта еще болѣе скрѣпила бы ихъ любовь.

Такъ какъ Генри родился въ Италіи, то Албертъ отложилъ крестины до возвращенія во Францію; онъ хотѣлъ, чтобъ Родольфъ крестилъ его ребенка; но ребенокъ захворалъ, и мадамъ Гольберъ стала настаивать, чтобъ его окрестили немедленно, тѣмъ болѣе, что она должна была крестить его съ какимъ-то итальянскимъ княземъ, который не могъ долго оставаться во Флоренціи. Сесилія держала сторону матери. Алберту надо было уступить, и онъ уступилъ.

Агатъ нечего было долго завидовать Сесилии. Она тоже пополнила, и черезъ девять мѣсяцевъ родила дочку. Албертъ крестилъ ее и назвалъ Маргаритой.

Братьямъ предстояло новое горе — новая разлука.

Мадамъ Гольберъ, по той же причинѣ, увозила Сесилию за границу. Тотъ же докторъ приказывалъ ѣхать во Флоренцію. При этомъ извѣстїи Родольфъ не могъ скрыть своей досады.

— Что за странный докторъ, сказалъ онъ: только за глазами умѣетъ лечить больныхъ своихъ... и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Не смотря на это, надо было ѣхать, и Сесилия, послѣ многихъ колебаній поручила сына своего попеченїямъ Агаты.

Но на этотъ разъ не все пошло такъ, какъ хотѣлось мадамъ Гольберъ и дочери ея. Во Флоренціи они встрѣтились съ прошлогодними знакомыми и предались исключительно всѣмъ возможнымъ удовольствїямъ, въ слѣдствїе чего Сесилия выкинула. Благо-разумная матушка привязалась къ этому случаю, чтобъ еще годъ прожить въ Италїи, и даже рискнула сдѣлать предложенїе вотъ какого рода: продать замокъ Рейно и купить виллу во Флоренціи. Но Албертъ недалъ ей договорить, и они вернулись къ концу года.

Агата съ большимъ горемъ и трудомъ возвратила Генри его матери.

Въ сердцѣ ея онъ составлялъ одно съ ея малюткою Маргаритою.

— Знаешь что, сказалъ, однажды Албертъ брату своему: я открылъ маленькую тайну: болѣзнь Сесилии, всѣ поѣздки наши за границу и всѣ остальные причуды, все это было придумано еще до свадьбы. Это была фантазія мадамъ Гольберъ; а какъ мужъ не осуществлялъ этой фантазіи, то она сказала дочери: «Когда ты выйдешь замужъ, мы поѣдемъ въ Италїю»... Сесилия не могла противиться матери, къ тому же она и сама была рада посмотрѣть на свѣтъ и на людей... Но я увѣряю тебя, что этого больше не будетъ, и я скорѣе останусь одинъ съ Генри, котораго объявлю моимъ единственнымъ наслѣдникомъ, но не покину своей родины... Поѣздки эти надобѣли мнѣ; онѣ разстроили всѣ наши съ тобою планы, которые начали такъ хорошо сбываться... все пошло верхъ дномъ, я не хочу этого.

— Какъ я радъ, что ты одного со мною мнѣнія! Наша безпрестанная разлука измучила меня.

— Еслибъ ты зналъ какъ я страдалъ!..

Сесилія, всегда жившая въ свѣтѣ, не могла отстать отъ него. Зиму она проводила въ Парижѣ у матери, а лѣто въ замкѣ Рейно, куда съѣзжались гости. Отецъ и мать Сесилии каждое лѣто постоянно жили у нея, а осенью увозили ее съ собою.

Албертъ часто прѣѣзжалъ изъ Парижа и проводилъ у брата двѣ, три недѣли. Генри по зимамъ жилъ тоже у Агаты, которую обожалъ.

Старичекъ Дофинъ здравствовалъ. Генри и Маргарита безъ души любили его, и онъ имъ платилъ тѣмъ же и кажется сосредоточилъ на нихъ всю любовь свою. Для нихъ онъ снова сдѣлался молодъ и постоянно веселъ.

Агата могла бы приревновать дѣтей къ старику, и старика къ дѣтямъ. Но какъ не любить такихъ красивыхъ малютокъ? и какъ бороться съ человѣкомъ, который зналъ и рассказывалъ столько сказокъ? между прочимъ, онъ зналъ исторію Полишинеля, которая ужасно нравилась дѣтямъ, и потому длилась болѣе двухъ лѣтъ, хотя Дофинъ каждый вечеръ рассказывалъ по главѣ. Сказка эта походила на *Тысячу одну ночь*, потому что кончалась и начиналась непременно однѣми и тѣми же словами.

Когда наставала пора укладывать дѣтей спать, Агатѣ стоило большаго труда отозвать ихъ отъ рассказчика. Тогда начинались крикъ и слезы. Но Дофинъ выдумалъ средство облегчить разставанье ихъ съ Полишинелемъ: въ четверть десятаго Агата дѣлала знакъ отцу, что дѣтямъ пора спать; тогда Дофинъ, продолжая сказку, говорилъ, что Полишинелю хочется ѣсть, пить или отдохнуть, и вводилъ его въ кофейную. Тамъ онъ сажалъ его на стулъ, и давалъ въ руки журналъ, который Полишинель читалъ до тѣхъ поръ, пока дѣти засыпали.

— Послушай, дѣдушка, сказалъ однажды Генри, зачѣмъ Полишинель такъ часто ходитъ въ кофейную?

— Чтожъ дѣлать? Это недостатокъ всѣхъ Полишинелей. Когда выростешь, смотри не бери съ него примѣра. Маргаритѣ нечего объ этомъ говорить. Дѣвочки не бываютъ подвержены недостаткамъ такого рода. За то у нихъ есть другіе.

— Но развѣ ты не можешь, дѣдушка, прибавила Маргарита, сказать намъ просто за просто: «Полишинель вошелъ въ кофейную, взялъ журналъ и началъ читать его.» Въмѣсто того, чтобъ читать вслухъ, развѣ онъ не можетъ читать про себя. Мы ничего не понимаемъ, что онъ читаетъ; это такъ скучно, что мы начинаемъ зѣвать и засыпаемъ?

— Маргарита правду говоритъ, сказалъ Генри.

— А я нахожу, что неправду, отвѣчалъ старикъ, и вотъ почему: Въдъ вамъ хочется знать всю исторію Полишинеля? Не такъ ли?.. Ну, а если я пропущу хоть что нибудь, то потеряю нить исторіи, и совсѣмъ ее забуду, а когда вы скажете мнѣ: «Дѣдушка, расскажи намъ исторію Полишинеля». Я отвѣчу вамъ «Милыя дѣтушки, я въ отчаяніи, не помню гдѣ остановился.» Тогда надо будетъ или снова начинать исторію, или совсѣмъ замолчать.

Послѣ такого отвѣта дѣти покорились, и просили, чтобъ ничего не пропускали изъ исторіи Полишинеля.

Такимъ образомъ они засыпали каждый вечеръ.

Въ это время, Родольфъ съ большимъ рвеніемъ и охотою занимался своимъ имѣніемъ. Земли, доставшіяся на его долю послѣ раздѣла съ Албертомъ, возвысились въ цѣнѣ и приносили втрое больше прежняго, такъ, что онъ былъ гораздо богаче, чѣмъ думалъ. Агата съ своей стороны пристрастилась къ деревенскому хозяйству, такъ, что никогда не просила у мужа денегъ на домашній расходъ, на свой туалетъ или на Маргариту. Ей за глаза было довольно того, что она получала съ коровъ своихъ, огородовъ, фруктовыхъ садовъ и оранжерей. Всѣ продукты эти она посылала въ Парижъ или ближайшій городокъ, и каждое первое число отдавала Родольфу оставшуюся отъ расходовъ сумму, которая доходила иногда до двухъ тысячъ франковъ.

Остальное отъ хозяйства время она занималась своею малюткой Маргаритой.

Занятія эти незамѣтно перемѣнили ихъ образъ жизни.

Они ложились спать въ десять часовъ и вставали съ первыми лучами солнца. За то, даже лѣтомъ, когда Албертъ и Сесилія жили съ ними, они почти не видались.

Братья, чтобъ видѣться хоть одинъ разъ въ недѣлю, согласились обѣдать по субботамъ у Родольфа и проводить тамъ весь вечеръ.

Сначала Сесилія являлась довольно акуратно, потомъ начала бывать рѣже, извиняясь нездоровьемъ, потомъ совсѣмъ перестала ходить. Албертъ же не пропускалъ ни одной субботы, онъ приходилъ рано и уходилъ поздно; а зимой нарочно прїѣзжалъ изъ Парижа и ночевалъ у брата.

Домъ Алберта все болѣе и болѣе наполнялся друзьями и прїятелями Гольберовъ, и потому сдѣлался ему не такъ прїятель, какъ домъ брата, гдѣ добрая и прївѣтливая Агата любила его отъ всей души, глядѣла въ глаза, придумывала чѣмъ бы ему угодить; сама набивала трубку и не знала, куда посадить и чѣмъ угостить. Трубка Алберта и ружье постоянно находились на фермѣ. Онъ ждалъ субботы съ нетерпѣнїемъ, и часто устраивалъ себѣ двѣ, три субботы въ недѣлю.

Родольфъ и Агата отпраплялись иногда обѣдать въ замокъ. Сесилія и родные ея принимали ихъ очень ласково; но имъ было тамъ скучно. Незнакомыя лица, разговоры, въ которыхъ, по удаленію своему отъ свѣта, они не могли принимать участія, наводили на нихъ тоску. Тогда они вспоминали о своемъ домицѣ и спѣшили итти слушать продолженіе исторіи Полишинеля.

Тетушка Изабелла, изъ-за какой-то бездѣлицы, поссорилась съ мадамъ Гольберъ, прибѣжала къ Родольфу и сказала ему кисло-сладкимъ голосомъ:

— Родольфъ, я сестра отца твоего, я воспитала тебя съ братомъ и спасла ваше состояніе. Въ домъ брата твоего... ко мнѣ не имѣютъ должнаго уваженія. Я рѣшилась оставить ихъ... Надѣюсь, ты ни откажешь въ пристанищѣ своей старухѣ теткѣ?

— Тетушка, отвѣчалъ Родольфъ, я убѣжденъ, что если съ вами обходятся не такъ, какъ слѣдуетъ, то братъ этого не знаетъ; если же оставите домъ его, то жестоко оскорбите его, къ тому же вамъ здѣсь не понравится; наши привычки и образъ жизни совершенно противоположны съ вашими. Я никогда не освѣдомлялся о вашемъ состояніи; если вы намѣрены оставить Алберта и жить сами по себѣ... то я съ большимъ удовольствіемъ положу вамъ приличную пенсію, если вашего состоянія вамъ не хватитъ, чтобъ жить, какъ слѣдуетъ особѣ вашего званія. Но мы такъ счастливы, что боимся даже лишней радости.

— Къ чему хитрить, Родольфъ, и подслащивать свой отказъ; въ тебѣ никогда не было доброты Алберта. Напрасно старалась

я забыть, сколько горя причинялъ ты мнѣ за всѣ мои благодѣянія.

Баронесса помирилась съ мадамъ Гольберъ и скрыла досаду свою на Родольфа. Напротивъ, она сдѣлалась гораздо ласковѣе и внимательнѣе съ Агатой и Маргаритой, въ слѣдствіе чего Родольфъ сказалъ однажды:

— Благоразуміе требуетъ теперь какъ можно больше остерегаться тетушки.

Однажды, просматривая счета свои, Албертъ былъ страшно изумленъ и испуганъ открытіемъ, что издержки его, со дня свадьбы всегда превышали доходы, и каждый годъ издержки эти возрастали и повидимому должны были еще удвоиться. Албертъ былъ весь въ долгу; но у Родольфа были деньги; онъ заплатилъ долги брата, и Албертъ, по совѣту его, рѣшительно объявилъ, что они будутъ жить въ деревнѣ не два мѣсяца, а восемь, и во-вторыхъ, что поѣздки на воды прекратятся, или по-крайней-мѣрѣ отложатся на нѣсколько времени, и при томъ замѣтилъ, что въ тѣсныхъ трактирахъ, наполненныхъ разнымъ сбродомъ, гораздо хуже и дороже жить, чѣмъ въ собственномъ имѣніи, въ кругу своего семейства.

Сесилія плакала, но на этотъ разъ Албертъ, не смотря на свою слабость, не уступилъ ей. Необходимость снова принять отъ Родольфа, дала ему жестокой урокъ. Гольберы предложили, чтобъ Сесилія жила у нихъ, а лѣтомъ, мѣсяца на два возвращалась къ мужу; но Албертъ отвѣчалъ, что какъ онъ рѣшился жить у себя въ имѣніи, то не думаетъ, чтобъ жена его могла жить гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ. Слѣдовательно Сесилии надо было покориться; но Гольберы не могли рѣшиться разстаться съ Парижемъ, и потому пріѣзжали только лѣтомъ и то не на долго.

Съ этой минуты оба семейства Рейно очутились лицомъ къ лицу другомъ съ другомъ.

Сесилія объѣхала съ визитами всѣхъ сосѣдей; ей отдали визиты, но она ни съ кѣмъ не сошлась. Только одинъ сосѣдъ, Клодоміръ де-Понтарисъ, который уже нѣсколько лѣтъ сряду занималъ домъ недалеко отъ замка, и жилъ тамъ каждое лѣто съ женою и племянницею, навѣщалъ Алберта постоянно и довольно часто.

Однажды за обѣдомъ Родольфъ признался, что дружба Пантариса съ Албертомъ жестоко огорчаетъ его, и прибавилъ:

— Можетъ быть, это происходитъ отъ ревности; въ привязанности къ брату я чувствую всю нѣжность, всю прелесть страсти, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что къ ней примѣшалась и горечь ревности.

— Понтарисъ самый благородный, откровенный, храбрый и великодушный человекъ, сказалъ Дюфинъ.

— Кто же вамъ сказалъ это, батюшка? Вѣдь вы его никогда не видали.

— Кто мнѣ сказалъ!.. Ктожъ иной если не онъ самъ?.. А если я слышалъ отъ него самаго, значить я видѣлъ его. Впрочемъ, братъ твой и жена его тоже о немъ хорошаго мнѣнія.

Въ это время Генри отдали въ пансіонъ. Тайное намѣреніе Гольберовъ было разлучить дядю съ племянникомъ.

— Чтожъ мнѣ дѣлать? говорилъ Албертъ, отецъ и мать Сесиліи вбили ей въ голову, что такъ должно быть. Я не хотѣлъ этого, спорилъ, не уступалъ; но наконецъ мнѣ надоѣло, и я согласился. Я убѣжденъ, что это ужасная глупость; но жена воображаетъ, что я не люблю сына, и хочу сдѣлать изъ него мужика. Кладоміръ правду говоритъ, что всегда кончается такъ, какъ хотять женщины, и если онѣ ужъ заберутъ себѣ что въ голову, то постоянно и стремятся къ этой цѣли; ничто не можетъ разсѣять ихъ: онѣ идутъ тогда напроломъ и всѣмъ жертвуютъ, только чтобъ поставить на своемъ. Слѣдовательно, гораздо проще согласиться сейчасъ, чѣмъ спорить и бороться, по-крайней-мѣрѣ избавляешь себя отъ усталости, вспышекъ гнѣва и униженія... потому что рано или поздно, а надо будетъ уступить. Я притворяюсь, какъ будто согласенъ.

Родольфъ ничего не отвѣчалъ, а только вздохнулъ и пожалъ плечами.

Сесилія съ горемъ и досадою увидѣла, что принуждена жить въ деревнѣ восемь мѣсяцевъ, и что Агату всѣ обожаютъ.

Агата была въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ другіе хотять казаться; она любила все, что было слабо, бѣдно, убого, страждуще; у нея былъ чудный и благородный инстинктъ. Она угадывала болѣзнь птички, немочь цвѣтка, и они становились любим-

цами ея. За то Родольфъ ввѣрилъ ей бѣдныхъ, убогихъ, страждущихъ. Сесилія не хотѣла предоставить ей одной этого права, не потому, чтобъ любила дѣлать добро, но потому, чтобъ ее хвалили. Она принялась за богоугодныя дѣла съ большою пользою и шумомъ. Во-первыхъ послала сказать деревенскому священнику, что намѣрена заниматься бѣдными, помогать страждущимъ и просила прислать ей списокъ всѣхъ несчастныхъ; потомъ, въ пухъ разряженная, разносила милостыню бѣднымъ. Иногда видѣли, какъ она несла супъ какойнибудь больной, живущей довольно далеко, но чашка, въ которой она несла его, до того была проста и дѣлала такую противоположность съ одеждою Сесилии, что не было возможности, если кто встрѣчалъ ее, не спросить «куда это вы идете?» Тогда она останавливалась и отвѣчала:

— Я несу бульонъ одной убогой старушкѣ.

Потомъ начинала говорить о своихъ благодѣяніяхъ и повторяла на счетъ милосердія, двѣ, три заученныя фразы, которыя на всякій случай держала наготовѣ.

Такъ какъ въ разговорахъ этихъ проходило много времени, и какъ Сесилія, чтобъ ее видѣли, ходила не проселочной, но большою дорогою, то бульонъ простывалъ, но цѣль достигалась: ее видѣли и хвалили. Крестьяне, обманутые наружностью, говорили между собою:

— Какая она добрая, и вовсе не гордая! Посмотрите-ка, вся въ шелку, въ золотыхъ браслетахъ, а несетъ сама такую простую глиняную миску!

Агата же, напротивъ, занималась всѣмъ этимъ такъ тихо и естественно, что никто и не думалъ хвалить ее или благодарить. Всѣ любили ее, но не удивлялись, точно будто бы такъ и должно быть. Сесилія удостоивала бѣдныхъ своими благодѣяніями; Агата молила Бога, чтобъ Онъ удостоилъ ее быть имъ полезною, и помогала имъ съ наслажденіемъ сердца. Къ тому жъ, у нея не было такихъ богатыхъ нарядовъ, какъ у Сесилии, особенно для посѣщенія бѣдныхъ. Поселяне считали ее равною себѣ, и на столько были ей благодарны, на сколько другъ или родственникъ заслуживаетъ благодарность, когда помогая другому, исполняетъ свою обязанность. Сесилія же была для нихъ чужая барыня, не обязанная входить въ ихъ нужды, но удостоивающая ихъ своимъ вниманіемъ.

Разсказывая Агатъ о благотворительности Сесиліи, они говорили:

— Какая она не гордая! вчера она была у насъ и говорила со мною вотъ такъ, какъ я говорю съ вами, сѣла вотъ на этотъ гадкій стулъ, на которомъ вы теперь сидите, и разспрашивала обо всемъ такъ ласково, точно ровная намъ.

Агатъ бывало иногда немного досадно. Она знала, что Сесилія дѣлала добро только изъ тщеславія, а между тѣмъ Сесилія были гораздо больше благодарны, чѣмъ ей самой, которая всѣмъ сердцемъ стремилась къ ихъ благополучію.

Однажды, послѣ подобнаго разговора, невольный ропотъ вырвался у нея изъ сердца, и она горько жаловалась Родольфу на неблагодарность людей.

— Добрый другъ, отвѣчалъ Родольфъ, выбрось скорѣе изъ сердца такое недостойное тебя чувство. Что заставляетъ тебя заботиться о бѣдныхъ? Милосердіе и жалость къ ихъ немощамъ и недостаткамъ. Ты бы не могла обѣдать, если бъ знала, что у такой-то матери нечѣмъ накормить дѣтей. Какая бы ни была причина, заставляющая Сесилію дѣлать добро, результатъ все таки хорошъ; слѣдовательно ты должна радоваться; неблагодарность ихъ не должна огорчать тебя, а напротивъ, восхищать; это торжество твое: они думаютъ, что ты уже и тѣмъ счастлива, что облегчаешь ихъ горе. Благодаренія твои имъ кажутся такъ же естественны, какъ розы на кустѣ своемъ. Тутъ нечему удивляться, добро нераздѣльно съ тобою. Они любятъ тебя... и мнѣ кажется, что это достаточная награда за все счастье, которое ты должна ощущать, дѣлая добро. Впрочемъ, попробуй бросить этихъ несчастныхъ, и мы увидимъ, кто будетъ больше страдать, ты или они!

Агата, обнявъ мужа, сказала:

— Ты правъ, Родольфъ, я кругомъ виновата, и больше чѣмъ ты думаешь: вотъ уже нѣсколько дней, какъ я перестала утѣшать и навѣщать своихъ бѣдныхъ, а только посылала имъ деньги и все, въ чемъ они нуждаются.

— А главное, продолжалъ Родольфъ, не позволяй себѣ толковать въ дурную сторону поступки Сесиліи, отъ этого зависитъ Албертово и мое счастье. Надо, чтобъ вы любили другъ друга.

Генри пріѣхалъ на каникулы.

Не прошло и четверти часа, какъ онъ былъ уже на фермѣ и обнималъ дядю, тетку, Маргариту и старичка Дофина.

Албертъ прѣзжалъ съ сыномъ.

— Рекомендую вамъ философа, сказалъ онъ. Клодоміръ хотѣлъ было экзаменовать его, но онъ, какъ заяцъ, пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Такъ ты умѣешь еще бѣгать? спросилъ Родольфъ.

— Какъ же, умѣю!

— Тѣмъ лучше! Потомъ обратясь къ Алберту прибавилъ тихо: я боялся что его тамъ испортятъ, но я займусь имъ въ каникулы.

И въ самомъ дѣлѣ, Родольфъ выучилъ его плавать, ѣздить верхомъ, стрѣлять въ цѣль.

— Слава Богу, хоть этому выучился, сказалъ Родольфъ, когда Генри уѣзжалъ послѣ каникулъ въ пансіонъ.

Невѣстки не старались сблизиться, да и не могли. Агата посвятила себя дому и семейству, Сесилія принимала гостей, и понемногу составила себѣ кругъ, въ которомъ Родольфу, особенно же Агатѣ и старику Дофину нечего было дѣлать. Даже самъ Албертъ не принадлежалъ къ обществу жены своей. Настоящій его домъ, настоящее его семейство было у Родольфа.

Алберту какъ-то вздумалось сблизить Родольфа съ Понтарисомъ, но Родольфъ отвѣчалъ:

— Друзьямъ твоимъ я всегда буду радъ; но кромѣ тебя у меня не будетъ другихъ друзей, слѣдовательно Понтарису нечего у меня дѣлать.

Однажды Албертъ держалъ на колѣнахъ крестницу свою Маргариту; она спросила его: скоро ли будетъ Генри, безъ котораго ей скучно.

— Скоро, скоро, много что черезъ мѣсяцъ, отвѣчалъ Албертъ. Вчера я получилъ отъ него письмо и онъ поручаетъ мнѣ поцѣловать тебя.

Родольфъ посмотрѣлъ на брата съ восторженною улыбкою. Любовь дѣтей ихъ напоминала имъ намѣреніе, которое они согласились привести въ исполненіе, еще въ то время, когда дѣтей этихъ не было на свѣтѣ, когда они были женихами и предава-

лись всѣмъ возможнымъ радужнымъ мечтамъ, въ надеждѣ на предстоящее блаженство.

Албертъ покраснѣлъ и скоро ушелъ домой; не то, чтобъ онъ переѣмнилъ свое намѣреніе, напротивъ, онъ всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобъ сынъ его женился на Маргаритѣ; но онъ вспомнилъ, что накануне баронесса, говоря о племянницѣ Понтариса, сказала: «Сесилія очень хороша и будетъ прекрасно воспитана. Вотъ чудесная партія для Генри, когда они оба выростутъ.» При этомъ Сесилія улыбнулась. Албертъ твердо былъ убѣжденъ, что сынъ его женится на Маргаритѣ, и онъ рѣшился всѣми силами содѣйствовать этому браку, если будущіе женихъ и невѣста будутъ любить другъ друга. Онъ ни минуты не сомнѣвался, чтобъ желаніе это, столь сладостное сердцу обоихъ братьевъ, могло не исполниться; но заранѣе уже видѣлъ, что ему придется вступить въ борьбу съ Сесиліей, и это пугало его.

Что же до Родольфа, то онъ даже и не замѣтилъ смущенія брата.

— Я все вижу, сказалъ Дофинъ; ничто не ускользнетъ отъ моего глаза; и я былъ тронутъ до слезъ, глядя на Алберта: какая радость засіяла на лицѣ его при мысли, что со временемъ сынъ его женится на нашей красавицѣ Маргаритѣ. Онъ покраснѣлъ даже отъ восторга... право!

V.

— Что за дикарь братъ-вашъ! сказалъ однажды Понтарисъ Алберту. Вы позволили мнѣ охотиться въ имѣніи своемъ, но я не могъ пользоваться позволеніемъ вашимъ, потому что охотничье платье мое не было готово. Вчера только я получилъ его изъ Парижа, и надо правду сказать, портной мой превзошелъ самого себя. Сегодня утромъ я надѣваю свою обновку и отправляюсь на охоту, но ничего не нахожу. Лѣсничій говоритъ: «Вы пришли слишкомъ поздно: младшій баринъ убилъ всѣхъ рябчиковъ; теперь вамъ придется ждать недѣли двѣ, три...

— Родольфъ очень ловокъ, сказалъ Албертъ улыбаясь... Пока вы ожидали своего охотничьяго костюма, онъ отправился въ блузъ.

— Да развѣ Родольфъ не можетъ охотиться на своей землѣ? сказала баронесса. Говорятъ, что земли его, хотя не очень пространны, однако на нихъ гораздо больше дичи, чѣмъ здѣсь.

— Это право предосадно! подхватила Сесилія, когда ни пошли за дичью, никогда не найдешь!

— Хотите, я скажу вамъ правду? сказалъ Албертъ.

— Только прошу Клодоміра необижаться. Я думаю что жалѣя свой охотничій костюмъ, онъ не пускается въ такія мѣста, гдѣ можетъ испортить его, и гдѣ Родольфъ стрѣляетъ безъ церемоніи въ своей блузѣ,—или Клодоміръ не такой ловкій охотникъ, какъ братъ. Потомъ, обратясь къ Клодоміру прибавилъ: Да вѣдь я вамъ также позволилъ охотиться на земляхъ Родольфа, но я не воспользуюсь этимъ безъ его особеннаго позволенія.

— Напрасно! Впрочемъ онъ самъ попроситъ васъ, если узнаетъ, что вы ждете приглашенія, и я увѣренъ, что вы застрѣлите не одного, а сотню рябчиковъ; но тогда... берегитесь, если вернетесь съ пустою сумкою. Я располагаю фермою точно такъ же, какъ и Родольфъ замкомъ.

Тетушка посмотрѣла на Понтариса и оба улыбнулись.

Сесилія объяснила эту улыбку.

— Ты хочешь показать этимъ безкорыстіе Родольфа?

— Мнѣ нечего показывать, оно всѣмъ извѣстно.

— И ему самому вѣрно тоже? потому что онъ гоняетъ твоихъ ѣздовыхъ лошадей также, какъ ты бы могъ взять его ломовыхъ и рабочихъ лошадей. Вчера еще... твой арабскій жеребецъ вернулся весь въ пѣнѣ.

— Что такое? вскрикнулъ Албертъ въ испугъ и позвонилъ челоуѣка. Бѣги на ферму и узнай, всѣ ли тамъ здоровы. Дай Богъ, чтобъ лошадь была въ пѣнѣ отъ катанья, а не отъ чего другаго.

Пока Албертъ написалъ записку, Сесилія, Понтарисъ и баронесса продолжали разговаривать шепотомъ.

— Родольфъ благодѣтель нашъ... продолжалъ Албертъ.

Сесилія мигнула мужу, показывая глазами на Клодоміра.

— Мнѣ нечего скрывать, сказалъ Родольфъ, къ тому жъ Клодоміръ такъ намъ преданъ, что можетъ знать наши семейныя дѣла.

Если я до сихъ поръ молчалъ, такъ потому только, что это было желаніе Родольфа.

Собесѣдники, кромѣ Алберта, снова перемигнулись и улыбнулись.

— Знаете ли почему я богаче брата? Тетушка, которая знаетъ дѣла наши, должна была догадаться... Родольфъ, видя что Сесилію не отдадутъ за меня, если узнаютъ, что я владѣю только половиною состоянія, оставленнаго родителями нашими...

— То есть отцемъ вашимъ, перебила баронесса, потому что у матери вашей ничего не было.

— У нея было доброе сердце, прекрасная душа и всѣ добродѣтели, которыя составляли счастье отца нашего. И такъ, Родольфъ, видя что счастье мое состоитъ въ обладаніи моей прекрасной Сесиліи, оставилъ себѣ только необходимое, а все остальное отдалъ мнѣ... Когда я узналъ это, то не смотря на обожаніе мое къ Сесиліи, хотѣлъ отказаться; но онъ до того сталъ упрашивать меня и доказывать, что не будетъ счастливъ, если я откажусь отъ своего счастья, что я согласился на его жертву. Послѣ этого вы видите могу ли я обладать чѣмъ нибудь, что не принадлежало бы также и брату!

Крупныя слезы текли по лицу Алберта.

Водворилось глубокое молчаніе; тетушка прервала его:

— Родольфъ прекрасно поступилъ; женитьба отца твоего страшно унизила нашу фамилію...

— Тетушка!

— Я говорю на счетъ состоянія, успѣшила прибавить баронесса, Родольфъ не сдѣлалъ ничего особеннаго. Прежде это было установлено закономъ, и только недавно прекратилось: онъ отдалъ старшему то, что должно ему принадлежать, и далъ ему возможность поддержать съ достоинствомъ званіе нашего дома. Къ тому жъ, онъ совершенно справедливъ, считая себя счастливымъ: дѣвушка, на которой онъ женился, семейство, въ которое ему заблагодарасудилось вступить, не имѣетъ права быть взыскательнымъ.

— Прошу васъ, тетушка, сказалъ Албертъ, говорить съ большимъ уваженіемъ о семействѣ брата моего, или вовсе не говорить... по-крайней-мѣрѣ при мнѣ. Сказавъ это онъ ушелъ.

— Неужели братъ Алберта и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ему такое пожертвованіе? спросилъ Понтарисъ.

— Что бы тамъ ни было, сказала Сесилія, а Албертъ все-таки обманулъ моего отца и мать. Если мы признаемъ чьи нибудь права на такія-то вещи, значить онѣ не наши.

— Албертъ вознаградилъ брата въ послѣдствіи за такую жертву, сказала баронесса; онъ и Родольфъ дѣлають все, чтобъ дѣти ихъ полюбили другъ друга, и черезъ нѣсколько лѣтъ мы увидимъ...

— Надѣюсь, что этого никогда не будетъ! вскричала Сесилія. Генри нельзя жениться на внучкѣ писаря.

— Не возставай противъ этого такъ явно, душа моя, сказала баронесса. Въ этомъ случаѣ онъ пойдетъ на проломъ и ни за что тебѣ не уступитъ. Не спѣши и дѣйствуй въ тихомолку. Я совершенно согласна съ твоимъ мнѣніемъ, и молю Бога, чтобъ Генри исправилъ глупость двухъ поколѣній и вошелъ въ какое нибудь порядочное семейство, потому что, между нами будь сказано, и ваша фамилія не принадлежитъ къ важнымъ дворянскимъ родамъ. Тутъ тетушка остановилась, чтобъ насладиться удовольствіемъ уколотъ Сесилію, за мать, на которую баронесса была еще сердита и потому мстила дочери. Отецъ, продолжала Изабелла, женился на простой крестьянкѣ, Албертъ, сдѣлалъ партію получше, это правда; за то Родольфъ, женись на дѣвушкѣ совершенно бѣдной, безъ званія... пошелъ по стопамъ своего родителя. Но надо и то сказать, вѣдь я справедлива, Агата неоспоримо хороша, и для мужа это лучшее богатство, неправда ли, Понтарисъ?

Тетушка снова взглянула на Сесилію, чтобъ узнать, какое произведетъ на нее это впечатлѣніе. Сесилія поблѣднѣла.

Въ эту самую минуту, какъ баронесса наносила ей этотъ послѣдній ударъ, Албертъ вбѣжалъ въ комнату съ радостнымъ лицомъ.

— Слава Богу, сказалъ онъ, тамъ всѣ здоровы; а Родольфъ бралъ лошадь только для катанья.

— Онъ шибко катается... сказала Сесилія.

— Каждый катается, какъ ему пріятно, душа моя, отвѣчалъ Албертъ.

— Разумѣтся; только дай Богъ, чтобъ онъ не укаталъ лошадей нашихъ.

— На то лошади, чтобъ на нихъ ѣздили, любезная Сесилія. Но дѣло теперь не о томъ: я разсказалъ Родольфу, что Понтарисъ бѣсится на него за то, что онъ не оставилъ ему ни одного рябчика.

Родольфъ ждетъ насъ завтра всѣхъ обѣдать, и чуть свѣтъ, пойдетъ за мной и Клодоміромъ, чтобъ идти на охоту. А вышерѣченному Клодоміру я совѣтую послать за ружьемъ своимъ и великолѣпнымъ костюмомъ, самому ночевать здѣсь, у меня, а супругѣ своей написать, чтобъ она пріѣхала къ намъ пораньше, а отъ насъ отправилась-бы вмѣстѣ съ Сесиліей и тетушкой къ брату обѣдать.

Какъ предвидѣлъ Албертъ, такъ и случилось: Родольфъ далъ Понтарису застрѣлить нѣсколько рябчиковъ; но братьямъ лучше *посчастливилось*; такъ по-крайней-мѣрѣ, они объясняли, вѣроят-но изъ учтивости, почему сумки ихъ были набиты гораздо туже, чѣмъ у Понтариса.

Сесилія, мадамъ де-Понтарисъ и баронесса пріѣхали за часъ до возвращенія охотниковъ.

Тетушка Изабелла, которая все дѣлала только для другихъ, но не для себя, сказала:

— Ну, Сесилія, ѣду только для тебя на этотъ деревенскій обѣдъ.

Она одѣлась съ большимъ тщаніемъ, *чтобъ не уронить достоинства своего рода*.

Сесилии было неловко. Въ началѣ замужства своего она начинала передъ Агатой, хвасталась роскошью своего дома и презирала простоту домика Агаты. Но съ тѣхъ поръ, какъ узнала жертву Родольфа, простота эта унижала ее, и возвышала Агату во мнѣніи всѣхъ, кто зналъ это происшествіе; а оно было извѣстно многимъ, потому что Албертъ, не смотря на запрещеніе Родольфа, разсказывалъ его многимъ по секрету.

Родольфъ старался оживить общество и не дать замѣтить кислыя мины баронессы и Сесилии. Старанія его увѣнчались успѣхомъ; всѣ развеселились, исключая тетушки и любимой ея племянницы.

— Какъ вы хорошо стрѣляете, сказалъ Понтарисъ Родольфу.

— Не то, что хорошо, а только счастливо, отвѣчалъ Родольфъ. Я понимаю, отчего я былъ сегодня счастливѣе васъ: вашъ охотничій нарядъ повредилъ вамъ, испугалъ дичь. Птица, увидѣвъ насъ съ братомъ въ блузахъ и соломенныхъ шляпахъ, подумала: «Вотъ двое добрыхъ фермеровъ, они гуляютъ, собираютъ травы для настойки и не думаютъ о насъ.» Между тѣмъ мы подошли... «Пифъ! пафъ!» и нѣсколько рябчиковъ упало. Вы же совсѣмъ иное дѣло: какъ только рябчикъ завидѣлъ вашъ зеленый кафтанъ, онъ собралъ знакомыхъ, друзей и родныхъ и сказалъ имъ шепотомъ: «Слушайте, дѣти, ни гу-гу!.. Видите ли.. вотъ идетъ самый страшный охотникъ... каждая пуговица его кафтана изображаетъ жертву, безжалостно умерщвленную имъ.» Вотъ почему я совѣтую вамъ бросить вашъ охотничій нарядъ.

Всѣ расхохотались.

Маргарита подошла поздороваться съ тетужкой своей Сесилей и спросила, скоро ли будетъ Генри.

— Прелестный ребенокъ! сказала баронесса, которая боялась, что Сесилия можетъ быть не разслышала вопроса дѣвочки: какъ все въ ней соответствуетъ желаніямъ ея родителей.

Спустя нѣсколько дней, все общество, исключая Агаты, сидѣло за завтракомъ.

— Маргарита будетъ прехорошенькая, сказала баронесса.

— Скажите лучше красавица, замѣтилъ Албертъ. Она вылитый портретъ нашей матери, на которую такъ походитъ Родольфъ.

— По моему, сказала Сесилии, такъ Сидонія де Понтарисъ гораздо лучше: у нея ротикъ меньше, чѣмъ у Маргариты.

— Носъ правильнѣе, тоньше, прибавила баронесса.

— Женщины не могутъ судить о женской красотѣ, перебилъ Родольфъ: онѣ не знаютъ въ этомъ толку. Вѣдь красота эта создана не для васъ, и потому вы никогда не можете увѣрить мужчину, что вотъ такая-то хороша, и такая-то дурна. Истинная красота та, которая нравится, а не та, что создана по правиламъ теоріи.

Когда Родольфъ ушелъ, Албертъ сдѣлалъ выговоръ женѣ и теткѣ за неделикатность хулить дочь при отцѣ. Если Маргарита вамъ не нравится, прибавилъ Албертъ, вы бы лучше вовсе про нее не говорили.

— Да неужели ты и въ самомъ дѣлѣ находишь что Маргарита такъ же хороша, какъ Сидонія? вскричала Сесилія. Теперь нѣтъ Родольфа, ты можешь говорить откровенно.

— Я нахожу, отвѣчалъ спокойно Албертъ, что Маргарита не такъ хороша, какъ Сидонія; но во сто разъ лучше ея, что не мѣшаетъ однако Сидоніи нравиться людямъ безъ вкуса.

— Я бы хотѣла, сказала Сесилія, чтобъ Генри былъ въ числѣ этихъ людей *безъ вкуса*.

— А я буду въ отчаяніи, сказалъ Албертъ.

— Почему это?

— Да потому, любезная Сесилія, что мы съ братомъ давно задумали обвѣнчать дѣтей нашихъ, и что это наша любимая мечта.

— А если Генри полюбитъ Сидонію?

— Тогда я женю его на ней.

— Чтожъ скажетъ тогда твой грозный братъ?

— Мой возлюбленный братъ? Онъ будетъ горевать вмѣстѣ со мною и стараться всѣми силами устроить эту свадьбу. Всегда выходило хорошо, когда братъ брался устроить что нибудь для меня. Это благодѣтель нашъ, моя прекрасная Сесилія, и еслибъ не Родольфъ, то я не былъ бы теперь твоимъ мужемъ.

— Ну, опять пошли упрекать меня благодѣянiami!

— Для чего заранѣе ссориться, перебила тетушка. Какъ Богъ захочетъ, такъ и устроить: безъ Его воли ничего не дѣлается.

— И слава Богу! сказалъ Албертъ, уходя.

— Если мы не успѣемъ, душа моя, сказала баронесса, то сами будемъ виноваты. Если я принялась за это дѣло, такъ единственно изъ участія къ тебѣ; къ тому же, я не хочу, чтобъ и Генри также женился на необразованной деревенщинѣ.

— Какъ же намъ избавиться отъ вліянія этого ненавистнаго Родольфа?

— Это довольно трудно, потому что мнѣ и самой однажды не удалось, но все таки возможно... и если ужъ я чего захочу, то поставлю на своемъ.

VI.

Родольфъ нѣжно любилъ Генри. Онъ былъ твердо увѣренъ, что дочь его выйдетъ за племянника, и прилагалъ всевозможныя ста-

ранія для образованія его ума и сердца. Однимъ словомъ, Родольфъ былъ его настоящимъ воспитателемъ и воспитывалъ его со всѣмъ тщаніемъ и любовью отца.

— Воспитаніе, говорилъ онъ, нужно для жизни, а не для гостинной, и потому пользовался каждой прогулкой, всѣми дѣтскими играми, чтобъ показать на практикѣ, безъ разглагольствованій, какъ надо думать и дѣйствовать.

У каждаго изъ дѣтей былъ свой собственный садикъ. Кромѣ того у Маргариты была огромная клѣтка въ нѣсколько отдѣленій, гдѣ помѣщались разныя птицы и большая рама подъ стекломъ съ насѣкомыми. Такимъ образомъ они учились ботаникѣ и естественной исторіи.

Въ праздники, когда Генри бывалъ дома, они съ большимъ усердіемъ занимались своими садиками, а иногда уходили на большую дорогу, гдѣ разсадили, съ обѣихъ сторонъ, нѣсколько кустовъ розановъ, и заранѣе радовались удивленію проѣзжихъ, которые увидятъ эти кусты столь пышно убранные своими цвѣтами. Но этого еще было долго ждать, потому что юные друзья ихъ только что посадили. Но они занимались не одними цвѣтами, у нихъ были тоже фруктовыя деревья и овощи. Какъ радовалась Маргарита, когда въ огородѣ ея прежде, чѣмъ у Генри поспѣетъ первый горошекъ. Она сама снимала его, сама чистила, и когда Генри пріѣзжалъ въ воскресенье, подавала его на столъ и говорила съ гордостью:

— Этотъ горохъ изъ моего огорода.

Родольфъ, часто присутствовалъ при этихъ работахъ и помогалъ имъ словомъ, дѣломъ и совѣтомъ.

Иногда онъ заставлялъ Генри рассказывать исторію героевъ древности и знаменитыхъ людей среднихъ вѣковъ и нашего времени.

Однажды, бесѣдуя съ нимъ, Родольфъ спросилъ:

— Ну, кого жъ ты любишь больше изъ всѣхъ этихъ героевъ, мудрецовъ и полководцевъ?

— Ахиллеса, отвѣчалъ Генри.

— Ну, такъ выбери его себѣ образцомъ, другомъ, и старайся походить на него. Напримѣръ, если ты въ недоумѣніи и не знаешь какъ поступить, то спроси самого себя: «что сдѣлалъ бы, на

моемъ мѣстѣ Ахиллъ? Былъ ли онъ когда въ такомъ положеніи, въ какомъ я теперь нахожусь?» Если въ исторіи его ты ничего не найдешь, что подходило бы къ этому случаю, то зная характеръ его и всѣ подвиги, ты легко угадаешь, (если подумаешь и постараешься вспомнить всю жизнь его), что онъ сдѣлалъ бы на твоёмъ мѣстѣ.

Многіе, подслушавъ разговоръ дяди съ племянникомъ, вѣроятно бы расхохотались, особенно, когда Генри поступалъ не такъ, какъ слѣдовало, и Родольфъ пресерьіозно говорилъ ему:

— Ахиллесъ этого бы не сдѣлалъ; ты хитришь.

Маргарита не заходила въ такую древность. Образцемъ ея была мать, и нельзя представить, какую пользу это обожаніе приносило Агатъ, какъ развернуло оно благотворныя сѣмена, хранившіяся до тѣхъ поръ въ сердцѣ ея. Мысль, что она служитъ постояннымъ примѣромъ дочери, заставляла ее обдумывать каждый шагъ, каждое слово.

Генри былъ уменъ отъ природы, и благодаря Родольфу, сдѣлался скоро презанимательнымъ ребенкомъ. Онъ всѣми силами стремился походить на Ахилла. Это послужило къ тому, что Генри ничего не боялся. Чтобъ умѣрить неустрашимость эту, Родольфу пришлось однажды перечитать всю Иліаду и собрать всѣ событія, гдѣ Ахиллъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно.

— Матери твоей, сказалъ онъ, не удалось окунуть тебя въ Стиксъ, и потому ты долженъ укрѣплять постепенно силы свои разными тѣлесными упражненіями, только береги свою пятку. У каждаго есть своя слабая сторона, какъ пятка Ахилла, а я увѣренъ, что ты и въ моральномъ отношеніи хочешь походить на него.

Когда Генри былъ въ чемъ нибудь виноватъ, то Родольфу стоило только сказать: «А, я вижу твою пятку!» и Генри краснѣлъ, опускалъ глаза въ землю и давалъ слово наблюдать за собою какъ можно строже.

VII.

Агата пошла однажды съ отцемъ своимъ навѣстить Сесилію; тутъ сидѣла баронесса. Не успѣли они еще поздороваться, какъ вошелъ Клодоміръ. Сесилія съ любезною улыбкою побранила его,

зачѣмъ не былъ онъ у нихъ наканунѣ, потому они заговорили о своихъ знакомыхъ, объ извѣстныхъ парижскихъ гостиныхъ, о театрахъ, оперѣ, итальянцахъ, актерахъ. Агата и старикъ Дофинъ ничего не понимали, какъ будто разговоръ шелъ на иностранномъ языкѣ. Они съ большимъ трудомъ удерживались отъ зѣванья, и мигая другъ другу, говорили глазами: «Не пора ли намъ домой?» Агата два или три раза пробовала зачать такой разговоръ, въ которомъ бы отецъ ея могъ принять участіе, и потому обращалась съ нѣкоторыми вопросами къ Сесилии, но та, отвѣтивъ ей наскоро, снова пускалась въ свѣтскія сплетни. Клодоміръ часто и умильно посматривалъ на Агату, Сесилия кусала съ досады губы.

За то, когда онъ уѣхалъ и когда Сесилия осталась съ Дофиномъ и Агатой, которыхъ считала своими врагами, и тетушкой Изабеллой, которую, по весьма важнымъ причинамъ, почитала за свою союзницу, то разсчитала, что не будетъ лишнимъ поколоть немножко жену Родольфа, котораго она такъ ненавидѣла.

— Я узнала престранную вещь, душа моя, Агата, сказала она, и не скрываю отъ васъ, что вовсе не увѣрена простила ли я еще за это мужа своего. Вообразите, онъ обманулъ меня, обманулъ все мое семейство, выдавая себя за чловѣка весьма богатаго. Чтожъ вышло на повѣрку? Мужъ вашъ, чтобъ родители мои не отказали Алберту, отдалъ ему часть своего состоянія. Правда, что Родольфъ не сдѣлалъ тутъ ничего необыкновеннаго. Признаюсь, мужъ вашъ поступилъ великодушно, но не такъ безкорыстно, какъ кажется съ перваго взгляда. Правда, онъ пожертвовалъ нѣкоторыми денежными интересами, но за то можетъ быть увѣренъ, что старшій въ родѣ его, глава семейства, съ достоинствомъ поддержитъ званіе свое.

Агата смотрѣла на старика, а старикъ на Агату, и ни тотъ, ни другая ни слова не понимали изъ замысловатой рѣчи Сесилии, которая продолжала:

— Разумѣется, я цѣню благородіе Родольфа и предоставляю глупой толпѣ восхищаться тѣмъ, что она такъ легко принимаетъ за великодушное самоотверженіе. Я пойду далѣе и скажу, что даже самъ Родольфъ не считаетъ этого великодушіемъ; иначе онъ дѣйствовалъ бы съ нами гораздо деликатнѣе; каждый благодѣтель желаетъ оставить за собою всю честь благодѣянія, дѣлаетъ видъ будто прежняя собственность никогда и не принадлежала ему.

Родольфъ же, напротивъ, не довольствуется тою частію, которую оставилъ себѣ и которая превышаетъ во сто разъ то, что прежніе законы давали меньшему брату, онъ пользуется всѣмъ, что принадлежитъ брату его, какъ будто между ними не было раздѣла. Албертъ восхищенъ этимъ, я не осуждаю его; но все таки это доказываетъ, что въ сущности Родольфъ не благодѣтель брата своего, потому что пользуется тѣмъ, что отдалъ ему...

— О чемъ вы это говорите, милая сестрица? спросила Агата, которая воспользовалась минутой, когда Сесилии необходимо было перевести духъ. Я ничего не понимаю въ денежныхъ дѣлахъ.

— Я хочу говорить съ вами откровенно, любезная мадамъ Родольфъ, продолжала Сесилія. Мнѣ показалось, можетъ быть, вы сами этого не замѣтили, что вы преувеличиваете благодѣнія своего мужа и чрезъ чуръ пользуетесь положеніемъ своимъ...

— Какимъ положеніемъ? спросила Агата.

Сесилія, не отвѣчая, продолжала:

— Но я хотѣла показать предметы въ ихъ настоящемъ видѣ.

— Милая Сесилія, тутъ есть какое-то недоумѣніе; я слушала васъ съ величайшимъ вниманіемъ все время, пока вы говорили, и должна признаться, что не поняла ни слова.

— Чего тутъ не понимать, любезная племянница! сказала Изабелла. Сесилія говоритъ о двѣнадцати тысячахъ дохода...

— Какого дохода?

Послѣдовало еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, изъ которыхъ видно было, что Агата ничего не знала, такъ, что Сесилія и тетушка принуждены были наконецъ убѣдиться, что Родольфъ не говорилъ ни женѣ своей, ни Дюфину о томъ, что сдѣлалъ для брата.

Агата, которую Сесилія обвиняла въ важничань передъ нею, ушла, не понимая еще въ чемъ дѣло; но когда, возвратясь домой, она рассказала мужу, какъ угостила ее невѣстка, онъ объяснилъ ей все.

Нѣжно обнявъ мужа, она сказала:

— О! мой Родольфъ, какъ я счастлива и горда, что принадлежу тебѣ, моему ненаглядному другу!

— Бѣдная женщина! сказала Изабелла, когда ушла Агата, онъ ей рѣшительно ничего не говорить.

— Я не считаю себя умнѣ другихъ, думалъ просебя старичекъ Дюфинъ; однако хорошо понялъ, что эта недобрая женщина хотѣла упрекнуть Агату, зачѣмъ не принесла она приданого мужу своему. Это можно было сказать гораздо короче; она же говорила, говорила и ничего не сказала.

— Такъ ты не сердись на меня, спросилъ Родольфъ Агату, что я отнял у тебя и отдалъ Сесилии?

— Да вѣдь я теперь гораздо богаче, чѣмъ смѣла надвяться даже и во снѣ, и такъ счастлива, что мнѣ иногда бываетъ страшно.

Родольфъ не обращалъ никакого вниманія на слова Сисилии и по-прежнему охотился въ лѣсахъ Алберта и бралъ лошадей его.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА.

Сочиненіе Гизо.

—

I.

РОМЕО И ЮЛІЯ.

(1595 г.).

Двѣ знаменитыя фамиліи въ Веронѣ, Монтекки и Капулетти, издавна жили во враждѣ, часто подававшей поводъ къ кровавымъ стычкамъ на улицахъ. Алберто делла-Скала, второй безсмѣнный капитанъ Вероны, бесполезно старался помирить ихъ, но по крайней мѣрѣ успѣвалъ удерживать ихъ на столько, что при встрѣчѣ, говорить веронскій историкъ, Джироламо делла Корте, «молодые люди сторонились предъ старшими, и что тѣ и другіе взаимно раскланивались».

Въ 1303 году, при Бартоломео делла Скала, избранномъ въ безсмѣнные капитаны, по смерти отца его Алберта, Антоніо Капулетто, глава своей партіи, во время карнавала далъ большой праздникъ, на который пригласилъ часть веронскаго дворянства. Ромео Монтекио, который былъ двадцати или двадцати одного года, и одинъ изъ первыхъ красавцевъ и самыхъ любезныхъ молодыхъ людей въ городѣ, явился на этотъ праздникъ замаскированнымъ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Спустя нѣсколько времени, снявши маску, онъ сѣлъ въ углу. Очень удивились смѣлости его притти такимъ образомъ въ среду своихъ враговъ. Однакожь, какъ онъ былъ молодъ и пріятенъ въ обхожденіи, то послѣдніе, го-

ворить историкъ, «не обратили на его появленіе столько вниманія, какъ еслибъ онъ былъ постарше». Скоро глаза его встрѣтились съ глазами Юліи Капулетто и, одинаково пораженные удивленіемъ, Ромео и Юлія не переставали уже смотрѣть другъ на друга. При окончаніи праздника танцемъ, называемымъ у насъ, говоритъ Джироламо, «танцемъ шляпы» (*dal cappello*), одна дама взяла Ромео, который такимъ образомъ былъ введенъ въ танецъ; сдѣлавши нѣсколько туровъ съ своей дамой, онъ оставилъ ее, чтобъ взять Юлію, танцовавшую съ другимъ: «Лишь только она почувствовала прикосновеніе его руки, то говоритъ ему: да благословенъ будетъ вашъ приходъ! Онъ, пожимая ей руку, спрашиваетъ: Чѣмъ приходъ мой можетъ вамъ быть полезенъ? А она, улыбаясь, прерываетъ его: не удивляйтесь, что я благословляю вашъ приходъ: г. Маркуріо такъ долго морозилъ меня, а вы по своей вѣжливости пришли меня согрѣть. (У молодого человѣка, называвшагося Маркуріо, т. е. коеымъ, и за пріятность ума любимого всеми, руки всегда были холоднѣе льда). На это Ромео отвѣчаетъ: Я въ высшей степени счастливъ, что могу оказать вамъ услугу, въ чемъ бы то ни было. Танецъ оканчивался, и Юлія могла сказать только: «Увы! я больше принадлежу вамъ, чѣмъ самой себѣ».

Такъ какъ Ромео не рѣдко приходилъ въ небольшую улицу, на которую выходили окна Юліи, то однажды вечеромъ она узнала его «по его чиханію или другому какому знаку» и открыла окно; они раскланялись весьма вѣжливо (*cortesissimamente*), и, проговоривши долго о своей взаимной любви, согласились, что вступать другъ съ другомъ въ бракъ, во что бы то ни стало, и что это надобно сдѣлать при посредствѣ брата Леонардо, францисканца, философа, удивительнаго дистиллятора, знатока въ магіи и духовника почти всего города. Ромео пошелъ къ нему, и братъ Леонардо, думая о значеніи, которое онъ пріобрѣтетъ не только у беземѣннаго капитана, но и во всемъ городѣ, если успѣетъ примирить обѣ фамиліи, согласился на желанія молодыхъ людей и обвѣнчалъ ихъ тайно.

Между тѣмъ, послѣ Пасхи, многочисленная толпа Капулетти встрѣтила не въ дальнемъ разстояніи отъ воротъ Вероны нѣсколькихъ Монтекки и напала на нихъ, подстрекаемая Тебальдо, двоюроднымъ братомъ Юліи, который, видя что Ромео употреблялъ все усилія къ тому, чтобъ остановить битву, присталъ къ нему и, принудивши его защищаться, получилъ ударъ шпагою въ горло, отъ котораго палъ тотчасъ мертвымъ. Ромео былъ изгнанъ, и немного времени спустя, Юлія, принуждаемая выйти замужъ за другаго, прибѣгла къ помощи брата Леонарда; онъ далъ ей проглотить порошокъ, отъ дѣйствія котораго ее

должны были принять за мертвую и, значить, перенести въ фамильный склепъ, находившійся при церкви того монастыря, въ которомъ былъ Леонардо. Онъ долженъ былъ вывести ее оттуда и проводить потомъ, переодѣтую, въ Мантуу, гдѣ былъ Ромео, котораго онъ взялся обо всемъ увѣдомить.

Все шло такъ, какъ предполагалъ Леонардо; но Ромео, узнавши стороной о смерти Юліи, до получения письма отъ Леонардо, тотчасъ отправился въ Верону съ однимъ слугою и, запасшись сильнымъ ядомъ, пришелъ къ гробницѣ, открылъ ее, облилъ слезами Юлію, принялъ ядъ и умеръ. Юлія очнулась минутою спустя, увидя Ромео мертвымъ и узнавши отъ только что пришедшаго монаха о томъ, что произошло, была поражена столь сильною скорбію, что «не могла сказать ни слова и умерла тотчасъ на груди своего Ромео» *.

Эта исторія выдается за истинную Джироламомъ делла Кортте; онъ увѣряетъ, что много разъ видѣлъ могилу Юліи и Ромео, которая возвышаясь нѣсколько надъ землей и находясь близъ колодца, служила въ то время платянымъ корытомъ при сиротскомъ домѣ св. Франциска, построенномъ на этомъ мѣстѣ. Онъ передаетъ въ тоже время, что кавалеръ Джерардо Болдіеро, его дядя, водившій его къ этой могилѣ, показывалъ ему въ углу стѣны, близъ монастыря капуциновъ, мѣсто, откуда, слышалъ онъ, назадъ тому много лѣтъ, извлекли остатки Юліи и Ромео, также какъ и многихъ другихъ. Капитанъ Бреваль, въ свое путешествіе также видѣлъ въ Веронѣ, въ 1762 г., старое зданіе, бывшее тогда сиротскимъ домомъ и заключавшее въ себѣ, по словамъ проводника, могилу Ромео и Юліи; но она уже не существовала.

Вѣроятно не по разсказу Джироламо делла Кортте Шекспиръ сочинилъ свою трагедію; она была представлена первоначально, кажется, въ 1593 г., у лорда Гунедона, камергера королевы Елисаветы, и напечатана въ первый разъ въ 1597 году. Но сочиненіе Джироламо делла Кортте, долженствовавшее состоять изъ двадцати двухъ книгъ, прерывается на срединѣ двадцатой книги, въ 1560 году, болѣзнію автора. Видимъ далѣе, въ предисловіи издателя, что эта болѣзнь была продолжительна и имѣла послѣдствіемъ смерть историка, что необходимость пересмотрѣть работу, которой Джироламо не могъ самъ дать окончательной отдѣлки, заняла значительное время и наконецъ, что процессъ, столько же «гражданскій, какъ и уголовный», сильно безпокоившій издателя, не позволилъ ему довести свое предпріятіе до конца такъ скоро,

* См. «Istorie di Verona del sig. Jirolamo della Corte», и пр. Т. I, стр. 589 и слѣд., изд. 1594 г.

какъ онъ желалъ, такъ, что сочиненіе Джироламо могло быть издано только спустя долгое время послѣ его смерти; и такъ изданіе 1594 г., по всей вѣроятности, первое и не могло быть въ 1595 г. уже извѣстно Шекспиру.

Но исторія Ромео и Юліи, безъ сомнѣнія весьма народная въ Веронѣ, была уже сюжетомъ повѣсти, сочиненной Луиджи да Порто и изданной въ Венеціи въ 1535 г., шесть лѣтъ спустя по смерти автора, подъ названіемъ *Джюльетта*. Эта повѣсть, перепечатанная, переведенная, передѣланная на многіе языки, дала Артуру Бруку сюжетъ англійской поэмы, изданной въ 1562 г. * и вѣрно изъ этой поэмы почерпнулъ Шекспиръ сюжетъ своей трагедіи. Заимствованіе полное. Юлія, въ поэмѣ Брука, также какъ и въ повѣсти Луиджи да Порто, убиваетъ себя кинжаломъ Ромео, вмѣсто того, чтобъ умереть отъ скорби, какъ въ исторіи Джироламо делла Корте; но странно то, что въ поэмѣ Артура Брука и у Шекспира, слѣдовавшего ей, Ромео умираетъ, какъ въ исторіи, до пробужденія Юліи, между тѣмъ, какъ въ повѣсти Луиджи да Порто онъ умираетъ послѣ того, какъ она очнулась, и послѣ скорбнаго взаимнаго прощанія. Упрекали Шекспира въ отступленіи отъ этого обстоятельства, дававшего ему въ высшей степени патетическое положеніе, и заключали изъ этого, что онъ не зналъ италянскіе повѣсти, хотя и переведенной на англійскій языкъ. Однакожъ нѣкоторыя обстоятельства даютъ поводъ думать, что Шекспиръ зналъ этотъ переводъ. Что касается до причинъ, побудившихъ его предпочесть рассказъ поэта рассказу романиста, то онъ могъ имѣть ихъ нѣсколько: во-первыхъ, можетъ быть, Артуръ Брукъ, авторъ поэмы, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о настоящемъ происшествіи, какъ рассказывалъ его Джироламо делла Корте, что и побудило его отступить въ столь важномъ пунктѣ отъ повѣсти Луиджи да Порто, которой онъ почти во всѣхъ другихъ слѣдовалъ съ точностью; какъ современникъ Шекспира, онъ могъ ему сообщить эти свѣдѣнія, а стараніе Шекспира приближаться, сколько можно, къ истиннымъ имъ рассказамъ, не позволило ему колебаться въ выборѣ. Сверхъ того, Шекспиръ никогда почти не рѣдѣлъ твердой рѣшимостью на что либо, не помѣщалъ длинной рѣчи: «слова, говорить Макбетъ, слишкомъ охлаждають дѣйствіе». Простившись съ Ромео и оплакавши вмѣстѣ съ нимъ смерть его, Юлія, можетъ быть, проплакала бы всю жизнь, вмѣсто того, чтобъ убить себя тотчасъ. Гаррикъ передѣлалъ эту примогильную сцену по предположенію,

* Подъ названіемъ *Трагическая исторія Ромео и Юліи, содержащая въ себѣ рядкій примѣръ истинной вѣрности, съ тонкими предположеніями и поступками стараго монаха и ихъ печальнымъ исходомъ*.

принятому повѣстью Луиджи да Порто; сцена вышла трогательная, но не эффектная. Въ лаконизмѣ Юліи и Ромео у Шекспира, въ эти минуты, гораздо болѣе страсти и истины.

Этотъ лаконизмъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что въ теченіе всей пьесы Шекспиръ невоздержно предавался обилію мыслей и словъ, составляющему одинъ изъ характерическихъ признаковъ его генія. Нигдѣ нѣтъ такой разительной противоположности между глубиною чувствованій, изображаемыхъ поэтомъ, и формою, въ которую онъ ихъ выливаетъ. Шекспиръ превосходно понимаетъ человѣческія чувствованія, именно такъ, каковы онѣ дѣйствительно въ природѣ, не преднамѣренными, не вынужденными человѣкомъ у самаго себя, простосердечными и пылкими, смѣшанными изъ добра и зла, изъ грубыхъ инстинктовъ и высокихъ порывовъ, какова и душа человѣческая въ своемъ основномъ и самобытномъ состояніи. Что истиннѣе любви Ромео и Юліи, этой молодой, живой, наивной любви, полной физической страсти и вмѣстѣ нравственной нѣжности, безмѣрно увлекающей, но не грубой, потому что тонкія сердечныя ощущенія постоянно соединяются съ увлеченіемъ чувственности! Нѣтъ въ этой любви ничего ни утонченно-искусственного, ни поддѣльнаго, ни остроумно сведеннаго поэтомъ; это ни безчинная любовь испорченныхъ и развращенныхъ натуръ, это сама любовь, любовь всецѣлая, невольная, невоздержная и не испорченная, какъ она блистательно обнаруживается при наступленіи юношескаго возраста въ сердцѣ каждаго человѣка. *Ромео и Юлія* истинная трагедія любви, какъ *Отелло* трагедія ревности, а *Макбетъ* трагедія честолюбія. Каждая изъ великихъ драмъ Шекспира посвящена одному изъ сильнѣйшихъ чувствованій человѣка, и чувствованіе, наполняющее драму, дѣйствительно то самое, которое наполняетъ человѣческую душу и овладѣваетъ ею, когда она предается ему; Шекспиръ не убавляетъ, не прибавляетъ и не измѣняетъ ничего; онъ выводитъ чувство на сцену просто, смѣло, во всей его энергической и полной истинѣ.

Перейдите теперь отъ содержанія къ формѣ и даже отъ чувствованія къ языку поэта: какая противоположность! Сколько чувствованіе истинно и глубоко, просто и понятно, столько выраженіе его неестественно, обременено распространеніями и украшеніями, въ которыхъ любителю собою умъ поэта, но которыя неправдоподобны въ устахъ дѣйствующаго лица. Изъ всѣхъ пьесъ Шекспира, въ *Ромео и Юліи* болѣе всего бросается въ глаза этотъ недостатокъ. Шекспиръ какъ будто хотѣлъ подражать той роскошной и плодovitой рѣчи, которая какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, характеризуетъ вообще южные народы; онъ вѣрно читалъ, по крайней мѣрѣ, въ переводѣ, нѣкоторыхъ итальянскихъ поэтовъ. Без-

численные утонченности, изъ которыхъ сотканъ, такъ сказать, языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ *Ромео и Юліи*, и всѣ блестящія и граціозныя, но перелитыя черезъ край сравненія съ солнцемъ, цвѣтками и звѣздами, очевидно ничто иное, какъ подражаніе слогу сонетовъ и долгъ, отданный мѣстному колориту; потому что итальянскіе сонеты почти всегда изысканны въ особенности въ жалобахъ двухъ любящихся. Выраженіе краткаго счастья, особенно въ устахъ Юліи, вохитительно просто; и когда любовники достигаютъ конца своей участи, когда поэтъ вступаетъ въ послѣднюю сцену этой скорбной трагедіи, онъ отказывается отъ всѣхъ своихъ попопозвоженій къ подражанію, отъ всѣхъ своихъ остроумно-изысканныхъ размышленій; его дѣйствующія лица, которымъ, говоритъ Джонсонъ, «и въ бѣдѣ влагалъ онъ блестящія, но неидущія къ дѣлу мысли», не гоняются уже за ними. Лишь только бѣдствіе поражаетъ ихъ своими страшными ударами, воображеніе теряетъ игривость; самая страсть проявляется уже только въ степенныхъ, важныхъ, почти суровыхъ чувствованіяхъ. Удивительная черта пониманія нравственной природы и здраваго смысла въ геніѣ, имѣющемъ пристрастіе къ изображенію страстей!

Впрочемъ, Шекспиръ ошибался, когда, расточая размышленія, сравненія и пышныя слова, онъ думалъ, что подражаетъ Италіи и ея поэта́мъ. Онъ подражалъ по крайней мѣрѣ не главнымъ представителямъ итальянской поэзіи. Между ними и имъ огромная разница: по пониманію природныхъ чувствованій, Шекспиръ стоитъ много выше; онъ изображаетъ ихъ на столько же вѣрно, просто въ основаніи, на сколько придаетъ имъ неестественности причудливостью въ языкѣ; напротивъ, знаменитые итальянскіе поэты XIV вѣка, въ особенности Петрарка, въ самыя чувствованія вводятъ часто столько же изысканности и мелочной утонченности, что они по своимъ литературнымъ вкусамъ искажаютъ и извращаютъ инстинкты и страсти человѣческаго сердца, которымъ Шекспиръ оставляетъ ихъ природныя черты и первоначальную свободу. Есть-ли что нибудь менѣе сходное между собою, какъ любовь Петрарки къ Лаурѣ, и любовь Юліи къ Ромео? У Петрарки выраженіе почти всегда столько же естественно, какъ чувствованіе искусственно, а у Шекспира въ высшей степени простыя и истинныя душевныя движенія являются въ странной и неестественной формѣ.

Мы приведемъ образчикъ этой разницы между двумя поэтами, по образчикъ очень поразительный, потому что оба они, въ этомъ случаѣ, изображаютъ одно и тоже положеніе, одно и тоже чувствованіе, почти одинъ и тотъ же образъ.

Лаура умерла. Петрарка хочетъ изобразить только что уснувшую сномъ смерти возлюбленную:

Non come fiamma che per forza è spenta,
 Ma che per se medesima si consume,
 Sen' andò in pace l'anima contenta,
 A guisa d'un soave e chiaro lume,
 Cui nutrimento a poco a poco manca,
 Tenendo al fin il suo usato costume.
 Pallida nò, ma piu che neve bianca
 Che senza vento in un bel colle fiocchi,
 Parea posar come persona stanca.
 Quasi un dolce dormir ne'suoi begli occhi,
 Sendo la spirito già da lei diviso,
 Era quel che morir chiaman gli schiocchi.
 Morte bella parea nel suo bel viso *,

«Не какъ погашенный свѣтильникъ, но какъ свѣтильникъ угасающій самъ собою, ея чистая душа отошла въ миръ, подобно яркому и пріятному свѣту, которому мало по малу недостаетъ питанія, но который до конца сохраняетъ свой обыкновенный вѣншній видъ. Она не была блѣдна, но будучи блѣде снѣга, падающаго безъ дуновенія вѣтра на прелестный холмъ, она казалось, покоилась, какъ утомленная. Духъ уже отлетѣлъ отъ нея, но ея прекрасные глаза, казалось, спали сладко тѣмъ сномъ, который безсмысленные называютъ смертию, и смерть казалась прекрасною на ея прекрасномъ лицѣ.»

Юлія также умерла. Ромео смотритъ на нее и также находитъ ее все еще прекрасною:

. . . . . O, my love, my wife!
 Death, that has suck'd the honey of thy breath,
 Has had no power yet upon thy teauty;
 Thou art not conquer'd; beauty's ensign yet
 Js crimson in thy lips and in thy checks;
 And death's pale flag is not advanced there!

«О моя любовь, моя супруга! Смерть, высосавшая сладость твоего дыханія, не приобрѣла еще власти надъ красотою твоею; тобой не завладѣла она; цвѣтъ красоты, румянецъ играетъ еще у тебя на губахъ и

на щечкахъ, и смерть не водрузила еще на нихъ своего блѣднаго знамени!»

Не продолжаю сравненія; кто не чувствуетъ, на сколько форма у Петрарки проще и изящнѣе? Это блестящая поэзія юга рядомъ съ сплывшимъ, тяжелымъ и порывистымъ воображеніемъ сѣвера.

Любовь Ромео къ Розалиндѣ, удержанная въ поэмѣ Артура Брука, выдумана Луиджи да Порто. Это обстоятельство такъ мало придаетъ интереса первымъ дѣйствіямъ пьесы, что Шекспиръ вѣроятно принялъ его только, чтобъ лучше выставить на видъ характеръ внезапности, свойственный страстямъ юга. Меркутію ему обрисовали слѣдующіе стихи англійской поэмы:

A courtier that eche where was highly had in price,
For he was courteous of his speech, and pleasant of devise.
Even as a lyon would among the lambs be bold,
Such was among the bashful maydes Mercutio to behold.

«Волокита, котораго, гдѣ бы онъ не находился, всякій много уважалъ за то, что онъ былъ учтивъ въ разговорахъ и весело болталъ; сколько левъ былъ бы смѣлъ между ягнятами, столько же Меркутію казался смѣлымъ среди робкихъ молодыхъ дѣвицъ.»

Таковъ былъ безъ сомнѣнія свѣтскій левъ во времена Шекспира, и онъ изобразилъ Меркутію, какъ типъ любезнаго и забавляющаго человека. Однакожъ, роль Меркутію, кажется, была ему не по вкусу и несогласовалась съ прямизною его ума. Драйденъ передаетъ, какъ преданіе своего времени, будто Шекспиръ говорилъ, что онъ былъ вынужденъ убить Меркутію въ третьемъ актѣ, изъ опасенія быть самому имъ убитымъ; впрочемъ Меркутію сохранялъ въ Англій ревностныхъ приверженцевъ. Джонсонъ, напримѣръ, довольно сурово обходится съ Драйденомъ за нѣсколько непочтительныхъ словъ объ этомъ любезномъ Меркутію, котораго «остроты, говоритъ онъ, можетъ быть, не всегда ему по плечу.» Нерасположеніе Шекспира къ такого рода уму, какой онъ расточалъ въ *Ромео*, достаточно доказывается словами Лавренція, когда Ромео начинаетъ объяснять ему свои дѣла слогомъ сонета: «сынъ мой, говори просто.» Братъ Лавренцій представленъ мудрымъ человекомъ, и рѣчь его вообще на столько проста, сколько позволялось ему въ то время быть философомъ.

Роль Юліиной кормилицы также представляетъ мало утонченности, Шекспиръ, въ этомъ произведеніи, кажется сберегалъ ее для людей высшаго класса и иногда для слугъ, подражающихъ имъ. Характеръ

кормилицы обозначенъ въ поэмѣ Артура Брука, но тамъ онъ далеко не имѣетъ той грубой истинны, какъ въ пьесѣ Шекспира.

Вездѣ, гдѣ вѣтъ неудущихъ къ дѣлу размышленій, стихи въ *Ромео и Юлии* самые прелестные, самые блестящіе изъ всѣхъ, вышедшихъ изъ-подъ Шекспирова пера; они по большей части рифмованные, — другая честь, отланная итальянскимъ обычаемъ.

II.

ГАМЛЕТЪ.

(1596 г.).

Гамлетъ не самая лучшая изъ драмъ Шекспира; *Макбетъ* и, по моему, даже *Отелло* гораздо выше ея; но въ *Гамлетѣ*, можетъ быть, находятся самые разительные образцы — какъ высочайшихъ красотъ поэта, такъ и самыхъ неприятныхъ недостатковъ. Никогда не раскрывалъ онъ съ большой самостоятельностью, съ большой глубиной и съ сильнѣйшимъ драматическимъ дѣйствіемъ внутреннее состояніе великой души; никогда также не предавался онъ больше ужасающимъ или шуточнымъ прихотямъ своего воображенія и плодovitой неводержности ума, разсыпающаго безъ разбора идеи, и сильнымъ, остроумнымъ и неожиданнымъ выраженіямъ, дѣлающимъ ихъ поразительными, безъ всякой заботы объ естественности и чистотѣ ихъ формы.

По своему обыкновенію, Шекспиръ не заботился въ *Гамлетѣ* ни объ изобрѣтеніи, ни о стройномъ расположеніи сюжета; онъ взялъ факты, какими нашелъ ихъ въ сказочныхъ разсказахъ древней датской исторіи Саксона Грамматика, превращенныхъ Беллефоретомъ, около половины XVI вѣка, въ трагическія исторіи и вскорѣ переведенныхъ и сдѣлавшихся народными въ Англіи, не только въ публикѣ, но и на театрѣ, потому что шестью или семью годами раньше Шекспира, въ 1589 г., одинъ англійскій поэтъ, извѣстный Томасъ Кидъ, сдѣлалъ уже изъ Гамлета трагедію. Вотъ текстъ историческаго разсказа, изъ котораго, какъ ваятель изъ куска мрамора, Шекспиръ создалъ свою трагедію:

«Фенгонъ, подговоривши тайно людей, бросился однажды на пиру на брата своего Горвендилла, котораго и убилъ измѣннически, потомъ лукаво оправдался предъ его подданными въ этомъ новонавистномъ убійствѣ. Прежде, чѣмъ онъ наложилъ братоубійственную руку на своего брата, онъ соблазнилъ жену того, котораго лишилъ чести, потомъ погубилъ...

«Ободренный такою безнаказанностью, Фенгонъ осмѣлился еще совокуниться бракомъ съ той, съ которой онъ былъ въ гнусной связи при жизни добраго Горвендилля... И эта несчастная, имѣвшая честь быть супругою одного изъ самыхъ доблестныхъ и мудрыхъ принцевъ сѣвера, допустила себя унизиться до такой мерзости, что покрывила передъ нимъ душою и, что хуже еще, вышла замужъ за того, кто былъ убійцей ея законнаго мужа...

«Когда Герута до такой степени забылась, принцъ Амлетъ, видя опасность и оставленный матерью, чтобъ обмануть Фенгона, такъ хитро и тонко притворился дуракомъ, что скрылъ свои намѣренія и спасъ свою жизнь. Всякій день бывалъ онъ во дворцѣ королевы, заботившейся болѣе о томъ, чтобъ нравиться своему соблазнителю, чѣмъ объ отмщеніи за своего мужа и о возвращеніи сыну его наслѣдства. Амлетъ бѣгалъ, какъ бѣшеный, не говорилъ ничего, что не обнаруживало бы изступленія его чувствъ, и всѣ его жесты и поступки показывали чело-вѣка, лишенаго совершенно разсудка, такъ что онъ служилъ уже только забавою для вѣтренныхъ пажей и придворныхъ, бывшихъ въ свитѣ его дяди и вотчима... Однакожь были поступки, полные значенія, и отвѣчалъ онъ такъ кетати, что умный чело-вѣкъ скоро увидѣлъ бы, отъ какого ума происходитъ такое сужденіе...»

«Амлетъ этимъ средствомъ узналъ, въ какую опасность онъ поставилъ бы себя, еслибъ какимъ бы то ни было образомъ подчинился милымъ ласкамъ и приголубиваньямъ дѣвушки, подосланной его дядей. Принцъ, тронутый красотою дѣвушки, былъ ею защищенъ отъ измѣны, потому что она любила его съ дѣтства и была очень опечалена его бѣдствіемъ...

«Надобно, говорилъ одинъ изъ друзей Фенгона, чтобъ сказали, что король уѣхалъ куда нибудь, а между тѣмъ запретъ Амлета одного съ матерью, въ комнатѣ, въ которой былъ бы спрятанъ кто нибудь, чтобъ поделушать ихъ разговоръ и узнать о злыхъ замыслахъ этого умнаго дурака и хитраго собеседника... Онъ даже предложилъ себя въ шпіоны и свидѣтели разговора сына съ матерью... Король съ большимъ удовольствіемъ принялъ эту выдумку...

«Между тѣмъ совѣтникъ вошелъ тайно въ комнату королевы и спрятался подъ какое-то одѣяло не задолго до того, какъ заперли въ ней сына съ матерью. Амлетъ былъ хитеръ и догадливъ; вошедши въ комнату и подозрѣвая измѣну или коварный умыселъ, онъ продолжалъ по-своему дѣлать глушости и дурачества, вскочилъ на это одѣяло и, чувствуя, что подъ нимъ что-то скрыто, тотчасъ вонзилъ туда свой мечъ... Открывъ такимъ образомъ ковъ и на-

казавъ избрѣтателя его, онъ возвращается къ плакавшей королевы; потомъ, осмотрѣвъ еще всю комнату и видя себя наединѣ съ нею, онъ заговорилъ съ нею очень умно и строго, осыпая ее укорами за измѣну отцу:

«Хотя королева чувствовала себя сильно уязвленною, но какъ Амлетъ живо тронулъ ее тѣмъ, въ чемъ она болѣе принимала участія, то она забыла негодованіе и предалась великой радости, увидѣвъ, что сынъ ея не сумасшедшій. Съ одной стороны она несмѣла поднять глазъ, чтобъ посмотрѣть на него, вспоминая о своемъ проступкѣ, а съ другой она охотно обняла бы своего сына за умныя увѣщанія.

«Съ нимъ были посланы въ Англію два вѣрные министра Фенгона съ письмами, вырѣзанными на деревѣ, въ которыхъ поручалось англичанамъ умертвить Амлета. Но хитрый принцъ, во время сна своихъ спутниковъ, осмотрѣвъ письма и узнавъ о вѣроломствѣ дяди и злобѣ придворныхъ, ведшихъ его на убіеніе, срѣзалъ слова, въ которыхъ говорилось о его смерти, и вмѣсто нихъ вырѣзалъ приказаніе англичанамъ повѣсить своихъ спутниковъ...»

Очевидно, что въ этомъ разказѣ Гамлетъ поразилъ и прельстил Шекспира. Молодой принцъ, дурачекъ по расчету, и можетъ быть немного по природѣ хитрый и меланхолическій, горячій мститель за смерть отца и искусно спасающій собственную жизнь, обожаемый молодою дѣвушкой, подосланной погубить его, предметъ ужаса и въ тоже время нѣжности его виновной матери и, почти до конца скрытнѣй и непостижимый для обѣихъ, лицо, полное страсти и тайны, знающее сокровенныя науки, и которому, можетъ быть, «при посредствѣ его глубокой меланхоліи, удавалось угадывать то, чего никто не сообщалъ ему»—какія удивительныя данныя для Шекспира, столь любопытнаго и столь глубокаго изслѣдователя темныхъ тревоженій души человѣческой! Изобрази онъ только, ясно обрисовавши и ярко разцвѣтивъ своею кистию этотъ характеръ и это положеніе такими, какъ дала ихъ хроника, и онъ навѣрное создалъ бы капитальное твореніе.

Но Шекспиръ сдѣлалъ гораздо больше: подъ его рукой сумасбродство Гамлета становится совѣмъ не упорнымъ умысломъ или меланхолическою восторженностью молодаго принца среднихъ вѣковъ, поставленнаго въ страшное положеніе и погруженнаго въ мрачное намѣреніе: нѣтъ, это нравственное состояніе—душевная болѣзнь, поражающая часто самыхъ благородныхъ людей смятеніемъ, очень близкимъ къ сумасшествію. Міръ исполненъ зла и всякаго рода зла. Сколько страданій, преступленій, заблужденій! Сколько неправдъ общихъ и частныхъ, открытыхъ и незнаемыхъ! Сколько заслугъ подавленныхъ или неприз-

нанныхъ, потерянныхъ для общества, обременительныхъ для владѣющихъ ими! Сколько лжи и холодности, и легкомыслія, и неблагодарности, и забвенія въ отношеніяхъ и чувствованіяхъ людей! Жизнь такъ коротка, и между тѣмъ такъ тревожна, тягостна и пуста! Будущее темно! Столько неизвѣстности послѣ столькихъ испытаній! Понятно, что у тѣхъ, кто видитъ только эту сторону міра и человѣческой участи, умъ смущается, сердце изнемогаетъ, и человѣкенавистная меланхолія дѣлается обычнымъ расположеніемъ, повергающимъ ихъ попеременно въ раздраженіе или въ сомнѣніе, въ ироническое презрѣніе или въ уныніе.

Конечно, это болѣзнь не того времени, въ которое, по хроникѣ, жилъ Гамлетъ, и ни того, въ которое жилъ самъ Шекспиръ. Средніе вѣки и XVI вѣкъ были эпохами слишкомъ дѣятельными и слишкомъ грубыми для того, чтобъ эти горькія размышленія и это болѣзненное развитіе человѣческой чувствительности легко могли развиться. Они гораздо скорѣе принадлежатъ временамъ утонченной жизни живаго и вмѣстѣ празднаго нравственнаго возбужденія, когда души лишены всякаго сильнаго и обязательнаго занятія. Тогда-то раждается это мыслящее недовольство, эти пристрастныя и раздраженныя впечатлѣнія, это забвеніе благъ, эта страстная воспримчивость и весь этотъ искусственный гнѣвъ человѣка на все, его окружающее.

Эту-то скорбную болѣзненность, это-то глубокое смятеніе, которыя входятъ въ душу отъ мрачной и ложной оцѣнки вѣшняго вообще и самаго человѣка въ особенности, и которыхъ Шекспиръ не встрѣчалъ ни въ своемъ времени, ни въ томъ, къ которому относится разсказъ, онъ угадалъ и создалъ изъ нихъ фигуру и характеръ Гамлета. Прочитайте четыре большіе монолога, въ которыхъ датскій принцъ выражаетъ свои внутреннія чувствованія *; соберите разсыянные во всей пьесѣ, отдѣльныя выраженія, въ которыхъ онъ обнаруживаетъ ихъ мимоходомъ; отыщите и сведите воедино все, что ясно и что скрывается во всемъ томъ, что онъ думаетъ и что говоритъ, и вы вездѣ встрѣтите эту нравственную болѣзнь, которую я только-что описалъ. Въ ней-то дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ въ печаляхъ и личныхъ опасностяхъ заключается источникъ меланхоліи Гамлета: это его господствующая мысль и его помѣшательство.

Съ удивительнымъ геніальнымъ смысломъ для того, чтобъ сдѣлать не только выносимымъ, но поразительнымъ зрѣлище столь мрачной болѣзни, Шекспиръ самой болѣзни придалъ усладительныя, прелестныя качества. Онъ создалъ Гамлета прекраснымъ, любимымъ наро-

* Актъ I, сцена II; актъ II, сцена II; актъ III, сцена I; актъ IV, сцена IV.

домъ, великодушнымъ, даже нѣжнымъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ инстинктивный характеръ его героя возвысилъ нѣкоторымъ образомъ въ немъ челоуѣческую природу надъ недоуѣриемъ и проклятіями, которыми подавляла ее философская его меланхолія.

Но въ тоже время, руководимый инстинктомъ гармоніи, никогда не оставляющимъ истиннаго поэта, Шекспиръ разлилъ по всей драмѣ мрачный цвѣтъ: привидѣніе убитаго короля съ самаго начала сообщаетъ движеніе пьесѣ и ведетъ ее до конца. И при концѣ также царствуетъ смерть; всѣ умираютъ, невинные и виновные: и принцъ, и молодая дѣвушка, болѣе помѣшанная, чѣмъ онъ; всѣ соединяются съ привидѣніемъ, вышедшимъ изъ могилы только затѣмъ, чтобъ всѣхъ увлечь въ нее за собою. Цѣлое событіе также печально, какъ мысль Гамлета. Остаются на сценѣ только иноземцы, норвежцы, появившіеся на ней въ первый разъ и непринимавшіе никакого участія въ дѣйствіи.

За этой великой нравственной картиной слѣдуетъ вторая высокая Шекспировская красота—драматическое дѣйствіе. Нигдѣ оно небывало такъ полно, такъ поразительно, какъ въ *Гамлетѣ*, потому что здѣсь находятся оба условія великаго драматическаго дѣйствія—единство и разнообразіе. Смерть паритъ надъ всей драмой; привидѣніе убитаго короля представляетъ и олицетворяетъ ее; оно всегда тутъ, то само на сценѣ, то въ мысли и въ рѣчахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Великіе и малые, виновные и невинные, принимающіе въ немъ участіе или равнодушные къ его участи, постоянно имъ заняты; одни съ угрызеніемъ совѣсти, другіе съ иривязанностью и скорбью, иные просто изъ любопытства, нѣкоторые даже и не изъ любопытства, а единственно по случаю: напимѣръ, этотъ суровый могильщикъ, который началъ свое ремесло въ тотъ день, въ который этотъ великій король одержалъ важную побѣду надъ соседомъ своимъ, норвежскимъ королемъ, и который, продолжая рыть могилу прекрасной Офеліи, помѣшавшейся возлюбленной помѣшаннаго Гамлета, находитъ черепъ бѣднаго Юрика, бывшаго шутомъ при покойномъ королѣ, черепъ шута этого привидѣнія, которое выходитъ каждую минуту изъ своей могилы тревожить живыхъ и добиваться праведнаго наказанія за свое убійство. Всѣ эти дѣйствующія лица, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, попеременно выведены на сцену; сведены съ нея и опять являются каждое съ своей физиономіей, съ своимъ языкомъ, съ своимъ собственнымъ впечатлѣніемъ; и всѣ безпрестанно содѣйствуютъ поддержанію, распространенію, укрѣпленію этого единаго и общаго впечатлѣнія смерти, смерти справедливой или несправедливой, естественной или насильственной, забытой или оплакан-

ной, но всегда присущей смерти, которая и должна бы быть постоянной мыслию людей.

На театрѣ, предъ зрителями, собравшимися въ большомъ числѣ, дѣйствіе этой драмы, столь печальной и вмѣстѣ столь одушевляемой, неотразимо; душа взволнована до глубины своей въ то самое время, какъ воображеніе и чувства заняты и увлечены вѣдшимъ непрерывнымъ и быстрымъ движеніемъ. Здѣсь видѣнъ двойственный геній Шекспира, одинаково неисчерпаемаго философа и поэта, моралиста и машиниста попеременно, съ одинаковымъ искусствомъ наполняющаго шумно сцену и проникающаго въ самыя сокровенныя тайны человѣческаго сердца, вѣрнымъ ихъ изображеніемъ. Подвластные непосредственному дѣйствію такой могучей силы, собравшіеся зрители не требуютъ отъ нея ничего сверхъ того, что она даетъ имъ; она господствуетъ надъ ними и завладѣваетъ ихъ сочувствіемъ и удивленіемъ. Неподатливые и разборчивые умы, которые судятъ почти въ тотъ же моментъ, въ который чувствуютъ, и которые даже при самыхъ живыхъ своихъ удовольствіяхъ не оставляютъ требовать совершенства, также наслаждаются Шекспиромъ и удивляются ему; но ихъ удивленіе и наслажденіе непріятно прерываются то сгроможденіемъ и сумятицей дѣйствующихъ лицъ и ненужныхъ случаевъ, то длиннымъ и мелочнымъ развитіемъ сужденій или идеи, на которую слѣдовало бы указать мимоходомъ, но на которой поэтъ останавливается, любуясь самъ собою, а еще чаще причудливою смѣсью грубости и изысканности въ языкѣ, дающею иногда самымъ вѣрнымъ чувствованіямъ поддѣльную и изысканную форму, самымъ лучшимъ вдохновеніемъ философіи и поэзіи—грубый видъ. Этихъ недостатковъ много въ *Гамлетѣ*. Не хочу ни брать на себя непріятнаго труда доказывать это, ни умолчать объ этомъ. Въ геніяльности Шекспиръ не имѣетъ, можетъ быть, соперниковъ; но въ высшихъ и чистыхъ областяхъ искусства онъ не можетъ быть образцемъ.

III.

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

(1605 г.).

Въ 3105 году отъ сотворенія міра, говорятъ хроники, взшелъ на тронъ Британіи Лиръ, сынъ Баллуда, сильный и могущественный государь, который поддержалъ свою страну и подданныхъ въ великомъ благоденствіи и основалъ городъ Кирлиръ, нынѣшній Лейстеръ. У него были три дочери,

Гонерилла, Регана и Корделія, послѣдняя была гораздо моложе сестеръ и больше любима отцемъ. Достигнувъ старости и сдѣлавшись отъ того слабоумнымъ, Лиръ хотѣлъ удостовѣриться въ привязанности къ себѣ дочерей, чтобъ оставить королевство той изъ нихъ, которая всѣхъ болѣе заслуживаетъ его любовь. «Поэтому онъ спросилъ сначала Гонериллу, старшую, какъ много она любитъ его? Она, призывая боговъ въ свидѣтели, утверждала, что любитъ его больше собственной жизни, которая, по праву и разсудку, ей должна быть весьма драгоценна. Довольный такимъ отвѣтомъ, отецъ обратился ко второй и спросилъ: какъ много она любитъ его? Она отвѣчала (подтверждая свои слова клятвами), что любитъ его больше, чѣмъ можно выразить словами, и гораздо больше, чѣмъ всякое другое созданіе въ мірѣ. Когда онъ сдѣлалъ такой же вопросъ Корделіи, то она отвѣчала: Сознавая всегдашнюю вашу любовь и отеческія заботы обо мнѣ (по какой причинѣ, не могу отвѣчать вамъ иначе, чѣмъ думаю и какъ велитъ мнѣ совѣсть), я утверждаю передъ вами, что всегда любила васъ и буду любить, пока живу, какъ отца по природѣ; и если вы хотите лучше знать какую я питаю къ вамъ любовь, то увѣрю васъ, что сколько вы сами любите, столько и я люблю васъ, а не болѣе.» Отецъ, недовольный такимъ отвѣтомъ, выдалъ замужъ двухъ старшихъ дочерей, одну за Геннинуса, герцога Корнваллискаго, а другую за Маглануса, герцога Албанскаго, сдѣлалъ ихъ наслѣдницами своихъ владѣній послѣ своей смерти, отдавъ имъ напередъ половину. Онъ не оставилъ ничего Корделіи. Но случилось, что Аганиппъ, одинъ изъ двѣнадцати королей, правившихъ тогда Галліей, узнавъ о красотѣ и достоинствахъ этой принцессы, онъ просилъ ее себѣ въ супружество. На это ему отвѣчали, что у нея нѣтъ приданого, потому что все отдано ей сестрамъ; Аганиппъ настаивалъ, получилъ Корделію и увезъ ее въ свои владѣнія.

Между тѣмъ два зятя Лира, находя, что онъ царствовалъ слишкомъ долго, вооруженною рукою завладѣли тѣмъ, что онъ оставилъ себѣ, и назначили ему только доходъ на содержаніе и поддержаніе сана; но и этотъ доходъ былъ постепенно уменьшаемъ. Все это дѣлалось съ крайней жестокостью со стороны дочерей, которыя казалось думали, что всего, что имѣлъ ихъ отецъ, было слишкомъ много для него, такъ что переходя отъ одной къ другой, Лиръ дошелъ до такой бѣдности, что ему едва давали слугу. Въ отчаяніи старый король убѣждалъ изъ своей страны въ Галлію, гдѣ Корделія и мужъ ея приняли его съ великими почестями; они собрали войска и снарядили флотъ для возвращенія ему его владѣній, наслѣдованіе которыми онъ обѣщалъ Корделіи, сопровождавшей отца и мужа въ этотъ походъ. Послѣ дан-

наго Аганиппомъ сраженія, въ которомъ оба герцога были убиты и войска ихъ разсѣяны, Лиръ взошелъ снова на тронъ, и умеръ по прошествіи двухъ лѣтъ, царствовавши сорокъ лѣтъ, считая съ перваго возшествія на престолъ. Корделія наслѣдовала ему и царствовала пять лѣтъ; но когда мужъ ея умеръ, сыновья ея сестеръ, Марганъ и Купедагъ возстали противъ нея, побѣдили и заключили ее въ тюрьму, въ которой она, «какъ была женщина мужской храбрости», отчаявшись возвратить себѣ свободу, рѣшилась на самоубійство.*

Этотъ рассказъ Голлиншеда заимствованъ у Жоффруа де Монмута, который вѣроятно построилъ исторію Лира на анекдотѣ объ Инѣ, король саксовъ и на отвѣтѣ самой «младшей и самой умной изъ дочерей» этого короля, которая, въ такомъ же положеніи, какъ Корделія, отвѣчаетъ точно также отцу, что хотя она любитъ его, уважаетъ и почитаетъ въ высшей степени столько, сколько требуютъ этого природа и дочернинъ долгъ, однако жъ думаетъ, что со временемъ можетъ быть и случится ей любить своего мужа, для котораго она должна оставить отца, мать, и проч. Не видно, чтобъ Ина не одобрилъ «мудрой рѣчи» своей дочери; и продолженіе исторіи Корделіи вѣроятно дѣло воображенія лѣтописцевъ, основавшихся на этомъ первомъ данномъ. Какъ бы то ни было, гнѣвъ и несчастія короля Лира, до Шекспира, входили въ составъ многихъ поэмъ и были предметомъ одной театральнoй пьесы и многихъ балладъ. Въ одной изъ этихъ балладъ, переданной Джонсономъ подъ названіемъ: *Alamentable song of the death of king Leir and his three daughters*, Лиръ, какъ и въ трагедіи, сходитъ съ ума, и послѣ того, какъ Корделія была убита въ сраженіи, выигранномъ однако жъ войсками французскаго короля, отецъ ея умираетъ съ печали надъ ея трупомъ, а сестры осуждены на смерть. Предшествовала или нѣтъ баллада трагедіи Шекспира, но вѣроятно и сочинитель баллады, и драматическій поэтъ заимствовали изъ одного источника, и что Шекспиръ по чьему либо примѣру въ своей развязкѣ отступилъ отъ лѣтописей, дающихъ побѣду Корделіи. Эта развязка была измѣнена Тамелемъ, и Корделія возстановлена въ своихъ правахъ. Пьеса осталась на театрѣ подъ этой второй формой, къ большому удовольствію Джонсона и, какъ говоритъ Стивенсъ (Steevens), «самыхъ верхнихъ галерей» (*upper gallery*). Аддисонъ высказался противъ этого измѣненія.

Что касается до эпизода о графѣ Глостерскомъ, то Шекспиръ взялъ его изъ приключенія, бывшаго съ королемъ пафлагонскимъ, рассказаннаго въ *Аркадіи* Сиднеемъ; только въ оригинальномъ рассказѣ

* *Chroniques de Hollinshed: Hist. of England, кн. II, гл. V, т. 1, стр. 12.*

самъ незаконнорожденный сынъ доводитъ отца до положенія, подобнаго положенію Лира. Леонатъ, законный сынъ, осужденный на смерть, и бѣжавшій искать службы въ иноземномъ войскѣ, узнавъ о несчастіяхъ отца, оставляетъ все въ ту минуту, когда его подвиги доставляли ему высшее мѣсто, для того, чтобы съ опасностью жизни раздѣлить и облегчить несчастіе стараго короля. Король, возведенный снова на престолъ помощію своихъ друзей, умираетъ отъ радости, коронуя сына своего Леоната, а незаконнорожденный сынъ притворнымъ раскаяніемъ обезоруживаетъ гнѣвъ брата.

Очевидно, что положеніе короля Лира и положеніе пафлагонскаго короля, преслѣдуемыхъ предпочтенными ими дѣтьми и вспомоствуемыхъ отвергнутыми, представились Шекспиру матерьяломъ для одного и того же сюжета, потому что онѣ относились къ одной и той же идеѣ. Упрекавшіе его въ искаженіи, въ этомъ случаѣ, простоты дѣйствія, не взяли на себя труда изслѣдовать систему автора, котораго они критиковали. Можно бы отвѣтить имъ, даже принимая правила, которыя они хотятъ наложить, что любовь двухъ женщинъ къ Эдмонду, ведущая за собой ихъ наказаніе, и вмѣшательство Эдгара въ эту часть развязки достаточны, чтобъ избавить пьесу отъ упрековъ двойственности дѣйствія, потому что, лишь бы только все соединялось въ одинъ и тотъ же удобоуловимый узелъ; простота хода дѣйствія гораздо меньше зависитъ отъ числа интересовъ и дѣйствующихъ лицъ, содѣйствующихъ ему, чѣмъ отъ естественной и ясной игры пружинъ, приводящихъ его въ движеніе. Но сверхъ того не должно забывать, что единство, для Шекспира, состоитъ въ господствующей идеѣ, которая, воспроизводясь подъ разными формами, востановляется, продолжаетъ и удваиваетъ безпрестанно одно и то же впечатлѣніе. Такимъ образомъ какъ въ *Макбеттѣ* поэтъ представляетъ человѣка въ борьбѣ съ преступными страстями, такъ въ *Королѣ Лирѣ* изображаетъ его въ борьбѣ съ несчастіемъ. Первое зрѣлище, представляемое намъ въ Корделіи, Кентѣ и Эдгарѣ, есть зрѣлище несчастія добродѣтели или преслѣдуемой невинности. Потомъ слѣдуетъ несчастіе тѣхъ, которые, въ слѣдствіе своей страсти или ослѣпленія, сдѣлались орудіями несправедливости, какъ Лиръ и Глостеръ, и на нихъ сосредоточивается состраданіе. Что касается до злодѣевъ, то страданій ихъ не должны видѣть: зрѣлище ихъ несчастія было бы смущаемо воспоминаніемъ объ ихъ преступленіи—они могутъ имѣть наказаніе только въ смерти.

Кентъ и Эдгаръ обнаруживаются во всей полнотѣ: первый, также какъ и Корделія, жертва долга; второй интересенъ сначала только своей невинностью, но впасть въ несчастіе въ то самое время, какъ вступилъ

въ жизнь, онъ постепенно развертывается, узнаетъ за-разъ и жизнь, и горе, открываетъ въ себѣ качества, которыми одаренъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ впередъ, умножаются и обязанности, и затрудненія, и значеніе его. Кентъ, напротивъ, усталый, но твердый старикъ, съ перваго момента все знаетъ, все предвидѣлъ, и когда онъ вступаетъ въ дѣйствіе, его поступъ тверда, цѣль опредѣлена. Онъ не по необходимости, не при встрѣтившемся случаѣ дѣйствуетъ; его воля опредѣляетъ его дѣйствіе; ничто ее не измѣняетъ, не останавливаетъ, и зрѣлище несчастія, которому онъ покоряется, едва вырываетъ у него скорбное восклицаніе.

Лиръ и Глостеръ, при сходномъ положеніи, получаютъ отъ него колоритъ, соответствующій ихъ различнымъ характерамъ. Лиръ порывистый, раздражительный, возстаетъ и противъ своего положенія, и противъ собственнаго убѣжденія; онъ не можетъ вѣрить тому, что знаетъ; его разсудокъ не выдерживаетъ этого: онъ сходитъ съ ума. Глостеръ, отъ природы слабый, изнемогаетъ подъ бѣдствіемъ и не выноситъ уже радости: онъ умираетъ, признавая Эдгара. Если бѣ Корделія была жива, Лиръ нашелъ бы еще въ себѣ силы жить; его убиваетъ усиленіе его скорби.

И при путаницѣ случаевъ, и при грубости нравовъ, интересъ и патетическое можетъ быть нигдѣ недостигали до такой степени, какъ въ этой трагедіи. Время, въ которое Шекспиръ перенесъ свое дѣйствіе, кажется освободило его отъ всякой принятой формы; и какъ онъ не беспокоится тѣмъ, что помѣстилъ за восемь сотъ лѣтъ до Р. Х. французскаго короля, герцога Албанскаго, герцога Корнваллискаго и проч., точно также онъ не обращаетъ вниманія на необходимость согласить языкъ и свойства дѣйствующихъ лицъ съ опредѣленною эпохой; одну только намѣренную черту можно замѣтить въ слогѣ пьесы, неопредѣленную грамматическую конструкцію, принадлежащую только находящемуся въ дѣтствѣ языку; въ то же время довольно большое число выражений, приближающихся къ французскому языку, указываютъ на эпоху, если и не соответствующую той, въ которой предполагается существованіе короля Лира, то по крайней мѣрѣ, далеко предшествовавшую той, въ которую писалъ Шекспиръ.

IV.

МАКБЕТЪ.

(1606 г.)

Въ 1034 г. Дунканъ наследовалъ престолъ шотландскій послѣ дѣда своего Малькольма. Право на престолъ имѣлъ онъ по матери своей

Беатриксъ, старшей дочери Малькольма; младшая его дочь, Дозда, была матерью Макбета, который приходился такимъ образомъ двоюроднымъ братомъ Дункану. Отцемъ Макбета былъ Финлегъ, танъ Глемисскій, названный Синеллемъ въ трагедіи и въ хроникѣ Галлингеда, по примѣру Гектора Биса, у котораго заимствованъ былъ рассказъ о событіяхъ, относящихся къ Дункану и Макбету. Такъ какъ Шекспиръ съ совершенною точностію слѣдовалъ хроникѣ Галлингеда, то необходимо припомнить факты, заключающіеся въ этой хроникѣ; кромѣ того и сами по себѣ они довольно интересны.

Макбетъ сдѣлался знаменитъ своею храбростію, все почитали бы его совершенно достойнымъ царствовать, если бы онъ не былъ «отъ природы нѣсколько жестокъ.» Напротивъ, Дунканъ, мало воинственный государь, доходилъ до крайности въ мягкости и добротѣ, такъ что, если бы можно было слить характеры обоихъ двоюродныхъ братьевъ и умѣрить ихъ одинъ другимъ, то вышелъ бы достойный король и превосходный полководецъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мирнаго царствованія, когда слабость Дункана ободрила злодѣевъ, Банко, тану Лекаберекому пришлось потерять жизнь, но онъ ускользнулъ, хотя съ трудомъ и покрытый ранами. Какъ скоро раны позволили ему отправиться ко двору, онъ принесъ жалобу Дункану и убѣдилъ его наконецъ позвать виновныхъ въ судъ; но они приготовились къ защитѣ, возбуждаемые Макдовальдомъ, самымъ значительнымъ изъ нихъ. Возстаніе распространилось особенно на западныхъ островахъ, откуда толпа вооруженныхъ пришла въ Локаберъ къ Макдовальду; надежда на добычу привлекла также изъ Ирландіи огромное число Кериссовъ и Галлогласесовъ, (*) готовыхъ слѣдовать за Макдовальдомъ, куда бы онъ ни повелъ ихъ. При помощи такого подкрѣпленія Макдовальдъ разбилъ посланное противъ него королевемъ войско, взялъ его предводителя Малькольма и, послѣ сраженія велѣлъ ему отрубить голову.

Дунканъ, оробѣвшій при этомъ извѣстіи, собралъ совѣтъ, на которомъ Макбетъ, съ живостію упрекая его въ слабости и въ замедленіи наказанія бунтовщиковъ, взялся между тѣмъ, вмѣстѣ съ Банко, за распоряженіе войной. Когда предложеніе его было принято, то одинъ слухъ объ его приближеніи съ новымъ войскомъ такъ устрашилъ бунтовщиковъ, что большая часть разбѣжалась, и Макдовальдъ, попытавшійся съ остальными протівостать Макбету, былъ разбитъ на голову и принужденъ убѣжать въ замокъ, въ которомъ оставались его жена и дѣти, но, от-

(*) Пѣхотные солдаты, первые легковооруженные, вторые тяжело вооруженные.

чаявшись удержаться въ немъ и боясь казни, онъ убилъ себя, убивши напередъ жену и дѣтей. Макбетъ безпрепятственно вошелъ въ замокъ, котораго ворота остались отворенными. Онъ нашелъ въ немъ только трупъ Макдовальда между трупами его семьи. Макбетъ велѣлъ отрубить у Макдовальда голову, чтобъ послать ее королю, а трупъ его привязалъ къ висѣлицѣ. Онъ заставилъ островитянъ весьма дорого заплатить за ихъ возстаніе, что не помѣшало ему велѣть казнить всѣхъ, кого могъ взять онъ еще въ Локаберѣ. Жители открыто закричали противъ такого нарушенія обѣщанія, и до такой степени раздражили Макбета, что онъ готовъ былъ итти на острова съ войскомъ, но былъ остановленъ совѣтами друзей и особенно подарками, которыми островитяне купили себѣ во второй разъ прощеніе.

Когда, велѣдъ за тѣмъ, Свенонъ, король норвежскій, сдѣлалъ высадку въ Шотландію, Дунканъ пошелъ противъ него во главѣ самой значительной части своего войска, остальную же часть ввѣрилъ Макбету и Банко. Дунканъ, разбитый и обращенный въ бѣгство, скрылся въ замокъ Пертъ, въ которомъ Свенонъ его осадилъ. Дунканъ, сообщивъ тайно Макбету о своихъ намѣреніяхъ, показалъ видъ, что хочетъ мириться, и тянулъ переговоры; наконецъ, увѣдомленный о соединеніи Макбетомъ значительныхъ силъ, назначилъ день для сдачи укрѣпленія, а между тѣмъ предложилъ послать норвежцамъ съѣстныхъ припасовъ. Они приняли предложеніе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что уже много дней сильно страдали отъ голода. Въ хлѣбъ и пиво, посланные имъ, былъ примѣшанъ чрезвычайно усыпительный сокъ одной ягоды, такъ что они всѣ впали въ такой сонъ, отъ котораго нельзя было ихъ пробудить. Тогда Дунканъ далъ знать Макбету, а тотъ, вошедъ безпрепятственно въ лагерь, перебилъ всѣхъ норвежцевъ, изъ которыхъ большая часть и непросыпались, а другіе были въ такой одури отъ дѣйствія снотворнаго сока, что не могли защищаться. Большая часть матросовъ норвежскаго флота, пришедшихъ получить свою часть изъ появившагося въ лагерьѣ изобилія, раздѣлили участь своихъ соотечественниковъ. Свенонъ, спасшійся самъ-одинадцать отъ этой бойни, едва нашелъ довольно число людей для управленія кораблемъ, на которомъ бѣжалъ въ Норвегію. Оставленные корабли, три дня спустя, отъ восточнаго вѣтра разбились другъ о дружку и погрузились въ море, въ мѣстѣ, называемомъ Дровнеловскими песками, въ которомъ они находятся еще и понынѣ (1574 г.), говоритъ хроника, «къ великой опасности кораблей, идущихъ къ берегу, потому что море покрываетъ ихъ совершенно во время прилива, между тѣмъ, какъ при отливѣ нѣкоторыя части ихъ появляются поверхъ воды.» Это

бѣдствіе было причиной такого огорченія въ Норвегіи, что еще много лѣтъ спустя не посвящали въ ней никого въ рыцари, не взявши съ него клятвы мстить за соотечественниковъ, убитыхъ въ Шотландіи. Дунканъ, въ честь своего освобожденія, назначилъ большіе крестные ходы, но въ то время, какъ ихъ отправляли, узнали о высадкѣ датскаго войска, подъ предводительствомъ Канута, датскаго короля, пришедшаго отмстить за брата своего Свенона. Макбетъ и Банко пошли на датчанъ, разбили ихъ, принудили уйти на корабли и заплатитъ значительную сумму за позволеніе предать землѣ мертвыхъ въ Сент-Колмесъ, гдѣ, говоритъ хронника, видно еще большое число древнихъ могилъ, на которыхъ вырѣзано датское оружіе.

Таковы, по Голлинсгеду, тѣ изъ подвиговъ Макбета и Банко, которыми Шекспиръ воспользовался въ своей трагедіи. Немного времени спустя, Макбетъ и Банко, отправляясь въ Форесъ, гдѣ былъ король, и охотясь въ лѣсу, внезапно остановлены были, среди пустыря, тремя женщинами, странно одѣтыми, которыя привѣтствовали Макбета точно такъ, какъ это видимъ въ трагедіи. На что Банко сказалъ: «Какимъ образомъ, будучи женщинами, вы такъ мало благосклонны ко мнѣ, что назначаете моему спутнику не только важныя должности, но еще и королевство, между тѣмъ, какъ мнѣ не даете ничего?»—«Нѣтъ, сказала первая изъ нихъ: тебѣ мы обѣщаемъ большія блага, чѣмъ ему, потому что онъ дѣйствительно будетъ царствовать, но конецъ его будетъ несчастливъ и не останется отъ него потомства, чтобъ наслѣдовать ему; между тѣмъ какъ ты, хотя не будешь царствовать вовсе, но отъ тебя произойдутъ тѣ, которые будутъ править Шотландіей при продолжительномъ, непрерывномъ потомствѣ.» Вслѣдъ за этимъ онѣ исчезли. Когда, нѣсколько времени спустя, танъ Кавдорскій былъ преданъ смерти за измѣну, то его титулъ пожалованъ былъ Макбету, начавшему, также какъ и Банко, сильно вѣрить предсказаніямъ колдуній и мечтать о средствахъ достигнуть короны.

У него была вѣроятность получить ее законно, потому что сыновья Дункана не достигли еще совершеннолѣтія, а въ Шотландіи былъ законъ, что если король умиралъ, не оставя сыновей или потомковъ въ прямой линіи, довольно взрослыхъ, чтобъ править дѣлами, то избирается вмѣсто нихъ ближайшій родственникъ покойнаго короля. Дунканъ однакожъ назначилъ сына своего Малькольма, не достигшаго совершеннолѣтія, принцемъ Кумберлендскимъ и наслѣдникомъ престола. Макбетъ, видя, что надежды его этимъ разрушены, почелъ себя въ правѣ мстить за несправедливость, имъ испытанную. Кромѣ того, безпрестанно побуждала его къ этому Гуакъ, жена его, которой очень хотѣлось

идѣть себя королевой; «какъ и всѣ женщины, она не переставала упрекать его въ недостатокъ мужества.» И такъ Макбетъ, собравши въ Инвернесѣ, другіе говорятъ въ Ботсванѣ, всѣхъ своихъ приверженцевъ, которымъ отчасти сообщилъ о своемъ замыслѣ, убилъ Дункана и отправился съ своей партіей въ Скоунъ, гдѣ безпрепятственно завладѣлъ короной.

Хроника Голлинсгеда сообщаетъ объ убійствѣ Дункана безъ всякихъ подробностей. Случай, выведенные на сцену Шекспиромъ, взяты изъ другаго мѣста этой же хроники, относящагося къ смерти короля Дуффа.

Возвратимся къ Макбету. Первые десять лѣтъ его царствованія были ознаменованы мудрымъ, справедливымъ и мощнымъ правленіемъ.

Современные историки говорятъ, что всѣ законы его времени были мудрые и благодѣтельные, и если бъ Макбетъ достигнулъ престола законными средствами, если бъ продолжалъ царствовать правосудно, какъ началъ, то могъ бы «считаться въ числѣ величайшихъ государей, когда либо царствовавшихъ».

Но, продолжаетъ хроника, это была только поддѣльная ревность къ справедливости, противорѣчащая его природной склонности. Макбетъ выказался наконецъ такимъ, какимъ былъ; и тоже самое сознание своего положенія, которое побуждало его приобрести народное расположеніе справедливостью, перемѣнило справедливость въ жестокость, «потому что угрызенія совѣсти держали его въ постоянной боязни, онъ страшился, чтобы не поступили съ нимъ также, какъ онъ поступилъ съ своимъ предшественникомъ». Отсюда начинается Макбетъ трагедіи. За убіеніемъ Банко, совершеннымъ точно такъ и по тѣмъ же побудительнымъ причинамъ, какъ у Шекспира, слѣдуетъ множество другихъ преступленій. «Онъ находитъ такое наслажденіе предавать дворянъ смерти, что его жажда крови не можетъ уже быть удовлетворена, и народъ не болѣе дворянства безопасенъ отъ его жестокостей». Колдуны предупреждали его остерегаться Макдуфа, котораго могущество сверхъ того наводило на него тѣнь, и ненависть его искала только предлога. Макдуфъ, предупрежденный объ опасности, задумалъ отправиться въ Англію, уговорить Малькольма, скрывшагося тамъ, требовать своихъ правъ. Макбетъ былъ извѣщенъ объ этомъ, потому что держалъ при всѣхъ дворянахъ королевства шпионовъ на жалованьѣ. Бѣгство Макдуфа, истребленіе всего, ему принадлежащаго, его разговоръ съ Малькольмомъ—факты, извлеченные изъ хроники. Малькольмъ противопоставилъ сначала настояніямъ Макдуфа свою собственную невоздержность, и Макдуфъ отвѣчалъ ему, какъ у Шекспира, прибавивши только: «Все-таки будь королемъ, я поведу дѣла съ такимъ благора-

зуміємъ, что ты можешь наслаждаться, сколько душъ угодно, такъ скрытно, что никто не узнаеть объ этомъ». Прочее въ сценѣ вѣрно списано поэтомъ съ хроники, и все относящееся къ смерти Макбета, предсказанія, ему дѣлаемая, и способъ, посредствомъ котораго избѣгали ихъ осуществленія, извлечено почти слово въ слово изъ хроники, въ которой мы видимъ наконецъ, какъ «по дьявольскому навожденію, самую ужасною жестокостью онъ обезчестилъ царствованіе, начало котораго было полезно его народу» *. Макбетъ убилъ Дункана въ 1040; самъ былъ убитъ въ 1057 году, послѣ семнадцатилѣтняго царствованія.

Таковы факты, которымъ Шекспиръ взялся дать душу и жизнь. Онъ просто становится среди событій и лицъ и представляетъ намъ зрѣлище ихъ бытія. Далекій отъ того, чтобъ прибавить что либо къ случаямъ, доставленнымъ ему повѣствованіемъ, изъ котораго онъ заимствуетъ свой сюжетъ, онъ выбрасываетъ изъ него много; онъ выбрасываетъ особенно то, что искажало бы простоту хода пьесы и затрудняло бы дѣйствіе ея дѣйствующихъ лицъ; онъ выпускаетъ то, что помѣшало бы ему проникнуть ихъ одною мыслию и изобразить ихъ въ нѣсколькихъ чертахъ. Макбетъ съ преступленіями и великими качествами, приписываемыми ему его исторіей, былъ бы существомъ слишкомъ сложнымъ; надобно бы дать ему слишкомъ много честолюбія и вмѣстѣ слишкомъ много добродѣтели, чтобъ одно изъ его расположений могло держаться нѣкоторое время при другомъ, и нужны бы слишкомъ большія средства, чтобъ дать наконецъ перевѣсъ той или другой сторонѣ. Макбетъ Шекспира блеститъ только своими военскими достоинствами и особенно личной храбростью; онъ отваженъ, но не чуждъ страха опасности, жестокъ и чувствителенъ минутно, вѣроломъ по непостоянству, всегда готовъ уступить представляющемуся искушенію, будетъ ли это преступленіе или добродѣтель. Свойство его въ честолюбіи и въ злодѣянствѣхъ, необдуманность и скорость, принадлежащія почти дикой цивилизаціи; его страсти повелительны, но не опредѣляютъ ихъ и не править ими никакое обскуживаніе, никакой замысль: это высокое дерево, но безъ корней, которое малѣйшій вѣтеръ можетъ потрясти, и паденіе котораго есть разрушеніе. Отсюда рождается его трагическое величіе; оно болѣе въ участи его, чѣмъ въ характерѣ. Макбетъ, неимѣя надеждъ на престолъ, остался бы добро-

* Хроники Голлингеда, изд. in-fol. 1586 г., т. I. стр. 168 и слѣд., а относящееся къ убіенію короля Дуфа, стр. 150 и слѣд. Эти факты вѣроятно перешли въ эту хронику отъ Гектора Боеца. Букананъ, передавая гораздо короче исторію Макбета, говоритъ: *Multa hic fabulosa quidam nostrorum affingunt; sed quia theatri aut milesiis fabulis sunt aptiora quam historiae, ea omitto.* (Rerum Scot. Hist., l. VII).

дѣтельнымъ, и его добродѣтель была бы тревожна, потому что была бы только плодомъ обстоятельствъ; преступленіе становится для него казнію, потому что обстоятельство побудило его совершить его. Это преступленіе не вышло изъ глубины природы Макбета, однакожь оно при вызывается къ нему, охватываетъ его, сковываетъ, разрываетъ во всѣ стороны и создаетъ ему такимъ образомъ тревожную и неизбѣжную участь, изъ которой онъ напрасно порывается.

Леди Макбетъ настоящая жена такого человѣка, съ такимъ именно направленіемъ страстей. Къ этому женщина, то есть, безъ предусмотрительности, безъ общности въ понятіяхъ, схватываетъ только одну сторону идеи и предается ей. Чувствованія, свойственныя ей полу, не чужды ей: она любитъ мужа, знаетъ удовольствія матери, и не могла сама убить Дункана, потому что онъ походилъ на ея спящаго отца; но она хочетъ быть королевой; для этого Дункану надо погибнуть; она видитъ въ смерти Дункана только удовольствіе быть королевой; ея мужество твердо, потому что она не понимаетъ того, что могло бы заставить ее отступить. Когда страсть будетъ удовлетворена и дѣло сдѣлано, тогда только другія послѣдствія этого откроются ей, какъ новость, которой она ни мало неспредвидѣла. Она недумала никогда объ опасностяхъ, которыя предвидѣлъ ея мужъ. Ей очень хотѣлось сложить преступленіе на двухъ камергеровъ, но не она задумываетъ убить ихъ, не она готовитъ убіеніе Банко, избіеніе семейства Макдуфа; она не видѣла столь далеко, она даже, входя въ комнату зарѣзаннаго Дункана, не угадывала дѣйствія, которое произведетъ на нее подобное зрѣлище. Она выходитъ изъ нея разстроенною, не насмѣхаясь уже надъ страхами мужа. Ударъ нанесенъ и обнаружится въ удивительной и страшной сценѣ сомнамбулизма; тутъ мы узнаемъ, чѣмъ становится этотъ, по наружности, столь непоколебимый характеръ, когда его неподдерживаетъ уже слѣпое увлеченіе страсти. Макбетъ крѣпнетъ въ преступленіи, послѣ того, какъ колебался совершить его, потому что понималъ его; мы увидимъ, что его жена, изнемогая подъ сознаніемъ, пріобрѣтеннымъ ею слишкомъ поздно, замѣнитъ одну неизмѣнную идею другой, умереть, чтобъ освободиться отъ нея, и будетъ наказана помѣшательствомъ отчаянія за преступленіе.

Другія лица, выведенныя для пополненія этой великой картины преступленія, имѣютъ только ту краску, которая пріостекаетъ изъ положенія, даннаго имъ исторіей. Колдуньи то, чѣмъ онѣ должны-быть, и не знаю, почему съ отвращеніемъ возстаютъ противъ этой части представленія Макбета: когда видишь эти презрѣнныя твари властительницами жизни, смерти, всѣхъ случайностей и всѣхъ интересовъ человѣчества и располагающими всѣмъ этимъ по самымъ пре-

зрѣннымъ прихотямъ ненавистой ихъ натуры, то къ страху, внушаемому ихъ властію, присоединяется ужасъ, порождаемый ихъ безуміемъ, и даже смѣшное такого зрѣлища усиливаетъ его дѣйствіе.

Слогъ Макбета замѣчательнъ по своей дикой энергіи, изысканности, въ которой имѣемъ основаніе упрекать его, по ошиблись бы, еслибы почли ее столько же противною истинѣ, сколько противна она естественности: изысканность не совмѣстна съ грубостью нравовъ и идей, она даже кажется довольно обыкновенною временамъ и положеніямъ, которымъ недостаетъ общихъ идей. Умъ, который не можетъ оставаться празднымъ, привязывается тогда къ малѣйшимъ соотношеніямъ, любитъ собой и пріобрѣтаетъ къ нимъ привычку, которую встрѣчаемъ во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ. Ничего нѣтъ головоломнѣе духа литературы среднихъ вѣковъ; въ рѣчи дикарей заключается много изысканныхъ идей; изысканность есть свойство остряковъ низшаго класса; даже брань простонародья составлена иногда съ особенною изысканностью, какъ будто бы въ тѣ минуты, въ которыя гнѣвъ разгорячаетъ способности, умъ схватывалъ съ большою легкостью и въ большемъ числѣ соотношенія этого рода, которыя одни только онъ способенъ уловить.

Думаютъ, что Макбетъ былъ представленъ въ 1606 г.: мысль создать трагедію на этотъ сюжетъ, необходимо пріятный королю Іакову, только что вступившему на англійскій престолъ, была вѣроятно внушена Шекспиру небольшою пьесой въ стихахъ, которую въ 1605 г. оксфордскіе студенты говорили по-латини предъ королемъ и по-англійски предъ королевою, сопровождавшей его. Студентовъ было трое, и говорили они, вѣроятно, по-переменно; ихъ рѣчь вертѣлась на предсказаніи, сдѣланномъ Банко; и намекая на тройное привѣтствіе, полученное Макбетомъ, они привѣтствовали Іакова королемъ Англій, Шотландіи и Ирландіи. Они привѣтствовали его даже королемъ Франціи, что уничтожило довольно бездоказательно значеніе числа *три*.

V.

ОТЕЛЛО.

(1611 г.).

«Былъ нѣкогда въ Венеціи доблестный мавръ, который своею отважностью, благоразуміемъ и искусствомъ на войнѣ сдѣлался драгоценнымъ вельможамъ республики... Случилось, что одна достойная дама дивной красоты, по имени Дездемона, прельщенная достоин-

ствами мавра, влюбилась въ него и что онъ, въ свою очередь, побѣжденный красотою и благородными чувствованіями дамы, также запалилъ къ ней страстію. Любовь ихъ была такъ счастлива, что они соединились бракомъ, хотя родственники дамы дѣлали всевозможное, чтобъ убѣдить ее выйти за другаго. Пока они были въ Венеціи, они жили въ столь совершенномъ согласіи и столь сладкомъ покоѣ, что никогда не было между ними, ужъ не говорю, самого ничтожнаго случая, но самого не важнаго слова, которое бы не происходило отъ любви. Случилось, что венеціанскіе вельможи перемѣнили гарнизонъ, который держали на Кипрѣ, и избрали мавра начальникомъ посылаемаго туда отряда. Онъ, хотя весьма довольный отданною ему честию, не такъ радовался, думая о продолжительности и трудности пути. Дездемона, видя смущеніе мавра, огорчилась этимъ и, не угадывая причины, сказала однажды за столомъ: Милый мавръ, отчего, послѣ чести, полученной тобою отъ Сенаты, ты такъ печаленъ?—Смущаетъ мою радость, отвѣчалъ мавръ, любовь моя къ тебѣ: или я долженъ тебя взять съ собою и подвергать опасностямъ плаванія по морю, или оставить въ Венеціи. Первое рѣшеніе мнѣ прискорбно, потому что всѣ утомленія, которыя ты будешь испытывать, всѣ опасности, которыя могутъ случиться, будутъ для меня мученіемъ; второе мнѣ невыносимо потому, что разстаться съ тобою для меня тоже, что разстаться съ жизнію.— Милый мужъ, что значать всѣ эти мысли, волнующія твое сердце? Я пойду съ тобою всюду, куда ты пойдешь. Еслибъ надобно было пройти черезъ огонь въ рубашкѣ, я это сдѣлала бы. Отчего же не отправиться съ тобою моремъ, на прочномъ и хорошо сваряженномъ кораблѣ?—Очарованный мавръ обвинилъ жену и нѣжно поцѣловавъ, сказалъ: Да подастъ намъ Богъ надолго, моя милая, такую любовь! И они отправились, и прибыли на Кипръ, совершивъ самое счастливое плаваніе.

У мавра былъ прапорщикъ, прекрасной наружности, но по природѣ величайшій злодѣй, какой когда либо былъ на свѣтѣ.. Этотъ злой человѣкъ также привезъ въ Кипръ жену, прекрасную и честную женщину, и, какъ она была итальянка, то очень нравилась женѣ мавра, и онѣ большую часть дня проводили вмѣстѣ. Въ этой же экспедиціи былъ весьма любимый мавромъ офицеръ, онъ бывалъ очень часто въ домѣ мавра и обѣдалъ съ нимъ и женой его. Дама, зная, что онъ очень нравится ей мужу, показывала ему большое расположеніе, чѣмъ мавръ былъ весьма доволенъ. Злой прапорщикъ, не думая ни о вѣрности, въ которой онъ клялся женѣ, ни о дружбѣ, ни о признательности, которыми обязанъ былъ мавру, влюбился въ Дездемону. Но она, не думая ни о комъ кромѣ мавра, не обращала вниманія на выходки прапорщика. Этотъ вообразилъ, что она влюблена въ офицера..

Любовь его къ дамѣ обратилась въ страшную ненависть, и онъ принялся отыскивать средства, по которому бы могъ, раздѣлавшись съ офицеромъ, обладать дамою, или по крайней мѣрѣ помѣшать мавру владѣть ею. Перебравъ въ своей головѣ тысячу безславныхъ и злодѣйскихъ плановъ, онъ рѣшился обвинить Дездемону предъ мужемъ въ прелюбодѣяннн и заставить его повѣрить, что офицеръ былъ его соперникъ... Это было трудно, и нуженъ былъ случай... Немного времени спустя, Мавръ лишилъ офицера должности за проступокъ противъ дисциплины. Дездемона была огорчена этимъ и много разъ старалась помирить его съ мужемъ. Мавръ сказалъ однажды прапорщику, что жена до такой степени упрасивала его за офицера, что онъ приметъ его опять. Можетъ быть, сказалъ вѣроломный, у Дездемоны есть на то свои причины: ей хочется почаще его видѣть. А почему, прервалъ мавръ?—« Не хочу вмѣшиваться между мужемъ и женой, но если вы будете смотрѣть, то увидите сами.» И какихъ усилій ни дѣлалъ мавръ, онъ немогъ заставить его сказать больше *.

Романистъ продолжаетъ и рассказываетъ о всѣхъ уловкахъ вѣроломнаго прапорщика убѣдить Отелло въ невѣрности Дездемоны. Нѣтъ въ трагедии Шекспира ни одной подробности, которой бы не было въ повѣсти Чинти: носовой платокъ Дездемоны, этотъ драгоценный платокъ, который получилъ мавръ отъ своей матери и который отдалъ жемъ въ первое время ихъ любви—способъ, посредствомъ котораго прапорщикъ досталъ его и потомъ нашель у офицера, котораго хотѣлъ погубить; настоянне мавра у Дездемоны посмотреть этотъ платокъ и смущенне, наведенное на нее потерей его; лукавый разговоръ прапорщика съ офицеромъ, при которомъ присутствуетъ издали мавръ; умыселъ обманутаго мавра и обманывающаго его злодѣя умертвить офицера; ударъ, наносимый ему прапорщикомъ сзади и переламывающій ему ногу; наконецъ, всѣ факты, важные и не важные, на которыхъ основываются послѣдовательно всѣ сцены пьесы, были доставлены поэту романистомъ, который безъ сомнѣннн болѣе число ихъ прибавилъ къ историческому преданню, имъ собранному. Въ одной только развязкѣ разница: въ повѣсти мавръ и прапорщикъ вмѣстѣ убиваютъ Дездемону ночью, потомъ обрушиваются на постель, на которой она спала, потолокъ комнаты и рассказываютъ, что она была задавлена этимъ паденнемъ. Нѣкоторое время не знали настоящей причины. Скоро мавръ получаетъ отвращенне къ прапорщику и отсылаетъ его къ войску. Другое приключенне доводитъ прапорщика, по возвраще-

* *Heatommythi anvero cento novelle di G. B. Giraldi Cinthi. Част. 1., декод. 3, пов. 7, стр. 313—321; изд. въ Венеціи, 1608.*

ни въ Венецію, до обвиненія мавра въ убійствѣ его жены. Призванный въ Венецію, Мавръ подвергается допросу и отпирается отъ всего; его изгоняютъ; родственники Дездемоны умерщвляютъ его въ ссылкѣ. За новое преступленіе заключаютъ прапорщика въ темницу, и онъ умираетъ, измученный въ пыткахъ.

— Жена прапорщика, говоритъ Джиральди Чинти, которая знала все, рассказывала, по смерти мужа, все такъ, какъ я сейчасъ рассказала.

Ясно, что эта развязка не могла идти къ театральному представленію; Шекспиръ измѣнилъ ее, потому что необходимо было это сдѣлать. Прочее все онъ удержалъ, воспроизвелъ, и не только ничего не упустилъ, но и ничего не прибавилъ; онъ кажется не придавалъ самымъ фактамъ почти никакой важности; онъ принималъ ихъ, какъ нашелъ, не взявши на себя труда изобрѣсти самой незначительной пружины, измѣнить самый ничтожный случай.

Однакожъ онъ все создалъ, потому что въ эти факты, съ такой точностью заимствованные у другаго, онъ вложилъ жизнь, которой въ нихъ не было. Рассказъ Джиральди Чинти полонъ: въ немъ нѣтъ недостатка въ интересѣ повѣствованія; положенія, случаи, послѣдовательное развитіе главнаго событія, это такъ сказать, внѣшнее и матерьяльное построеніе патетическаго и рѣдкаго приключенія, окончено въ немъ вполне; нѣкоторые разговоры не лишены даже простодушной и трогательной простоты. Но гений, создающій лица, налагающій на каждаго изъ нихъ внѣшній образъ; характеръ, дающій видѣть ихъ дѣйствія, слышать ихъ слова, предузнавать ихъ мысли, проникать ихъ чувствованія; эта животворная сила, повелѣвающая фактамъ возстать, идти, развертываться, совершаться, принадлежитъ одному только Шекспиру: посредствомъ этого творчества онъ изъ забытой повѣсти создалъ *Отелло*.

Дѣйствительно, все осталось тоже, но все измѣнилось. Это уже не мавръ, не офицеръ, не прапорщикъ, не жена, жертва ревности и вѣроломства, это Отелло, Кассіо, Яго, Дездемона—дѣйствительныя и живыя существа, не похожія ни на какое другое, являющіяся предъ зрителемъ съ плотию и кровію, связанные общимъ положеніемъ, увлекаемыя однимъ и тѣмъ же событіемъ, но имѣющія каждое свою личную природу, свою отличительную фізіономію, содѣйствующіе общему дѣйствию идеями, чувствованіями, страстями, поступками, свойственными каждому и вытекающими изъ его личности. Не фактъ, не положеніе господствовало надъ поэтомъ, и не въ нихъ онъ искалъ всѣхъ своихъ средствъ трогать и волновать. Положеніе было для него источникомъ условій великой драматической сцены; фактъ поразилъ его, какъ удачная рамка, въ ко-

тору можно было вставить жизнь. Вдруг породил онъ существа, полныя сами по себѣ, одушевленные и трагическія независимо отъ всякаго частнаго положенія и отъ всякаго опредѣленнаго факта; онъ породилъ ихъ способными чувствовать и раскрыть передъ нами все, что могло возбудить и произвести въ человѣческой природѣ частное событіе, среди котораго они будутъ обращаться; и онъ поставилъ ихъ въ это событіе, будучи увѣренъ, что при каждомъ взятомъ изъ разсказа обстоятельствѣ, онъ найдетъ въ нихъ, при такой природѣ, съ какою онъ ихъ создалъ, изобильный источникъ патетическихъ дѣйствій и истины.

Такъ создаетъ поэтъ и таковъ поэтическій геній. До событій, до самыхъ положеній ему нѣтъ нужды, онъ не прельщается изобрѣтеніемъ ихъ: его сила не хочетъ заниматься присканіемъ болѣе или менѣе рѣдкихъ случаевъ, болѣе или менѣе трогательныхъ приключеній; въ созданіи самаго человѣка проявляется она; и когда создаетъ она человѣка, то создаетъ его полнымъ, вооруженнымъ всѣмъ, такимъ, какимъ ему должно быть, чтобъ его стало на все превратности жизни и чтобъ онъ могъ во всѣхъ отношеніяхъ казаться дѣйствительнымъ. Отелло всеѣмъ не то, что ревнивый и ослѣпленный мужъ, побуждаемый ревностью къ самоубійству; въ этомъ только его положеніе въ продолженіе пьесы, а характеръ его выходитъ далеко за предѣлы его положенія. Мавра, опаленнаго солнцемъ, съ горячею кровью, съ живымъ и грубымъ воображеніемъ, легковѣрнаго по буйной стремительности его темперамента, также какъ и по буйной пылкости его страсти; выслужившагося солдата, гордаго своимъ счастіемъ и своей славой, уважательнаго и покорнаго къ власти, отъ которой зависитъ его положеніе, незабывающаго никогда, среди восторговъ любви, военныхъ обязанностей и горько сожалѣющаго о наслажденіяхъ войны, при потерѣ всего счастья любви; человѣка, котораго жизнь была сурова, тревожна, для котораго и сладкія, и нѣжныя удовольствія нѣчто новое, удивляющее его, очаровывая, и не дающее ему чувства безопасности обладанія имъ, хотя его характеръ полонъ великодушія и довѣрчивости; Отелло наконецъ, изображеннаго не только съ тѣхъ сторонъ его самого, которыя находятся въ настоящемъ и прямомъ отношеніи съ случайнымъ положеніемъ, въ которое онъ поставленъ, но во всемъ объемѣ его природы такимъ, какимъ слѣлала его судьба — вотъ что представляетъ намъ Шекспиръ. Точно также Яго не просто раздраженный и желающій отомстить за себя врагъ, или обыкновенный злодѣй, желающій разрушить счастье, видъ котораго тяготитъ его; это безстыдный и умствующій злодѣй, обращающій эгоизмъ въ философію, а преступленіе въ на-

уку, видящій въ людяхъ только орудія или препятствія для своихъ личныхъ интересовъ, сохраняющій при самомъ разболѣнномъ поведеніи независимость своей мысли и, въ тотъ моментъ, въ который его преступленія будутъ стоить ему жизни, наслаждающійся еще съ звѣрской гордостью сдѣланнымъ имъ зломъ.

Возмите одно за другимъ все лица трагедіи, начиная съ ея героев до наименѣе значительныхъ: Дездемону, Кассію, Эмилию, Біанку: все они не съ неопредѣленной только наружностью, не съ одними только чертами, относящимся къ ихъ драматическому положенію, но съ точными и полными формами составляющими личность. Кассію не просто предметъ ревности Отелло и необходимость драмы: у него есть свой характеръ, свои склонности, свои качества, свои недостатки, и изъ того, чѣмъ онъ есть, естественно вытекаетъ вліяніе, которымъ онъ пользуется на пропеходящее. Эмилія не просто компаньонка, употребленная поэтомъ какъ орудіе для обнаруженія вѣроломствъ, ведущихъ къ развязкѣ, она жена Яго, котораго не любитъ, которому однакожъ повинуется, потому что боится его, хотя и недовѣряетъ ему; въ обществѣ такого человѣка она свыклась нѣсколько съ безнравственностью его духа, ничего нѣтъ чистаго ни въ мысляхъ, ни въ словахъ ея; однакожъ она добра, привязана къ своей госпожѣ; она гнушается зломъ и чернотою души. У самой Біанки своя физиономія, совершенно независимая отъ маленькой роли, которую она играетъ въ дѣйствіи. Забудьте событія, выйдите изъ драмы и, все эти лица останутся дѣйствительными, одушевленными, отличными; онѣ живутъ сами собою, ихъ существованіе не исчезнетъ съ ихъ положеніемъ. Въ нихъ—то раскрывается творческая сила поэта, а факты для него только театръ, на которомъ онъ ихъ представляетъ.

Какъ изъ повѣсти Джиральди Чинти, въ рукахъ Шекспира, вышелъ *Отелло*, точно также, въ рукахъ Вольтера *Отелло* сдѣлался *Заирой*. Я не хочу сравнивать: такіа сближенія почти всегда пустая игра ума, недоказывающая ничего; кромѣ личнаго мнѣнія того, кто судить.

Шекспиръ заимствовалъ у итальянскаго романиста факты; кромѣ развязки, онъ неотвергнулъ и не избрѣлъ ни одного изъ нихъ. Но факты—то Вольтеръ и не заимствовалъ у Шекспира. Вся ткань драмы, мѣста, случаи, пружины, все новое, все имъ создано. Что поразило Вольтера, что хотѣлъ онъ воспроизвести, такъ это страсть, ревность, ея ослѣпленіе, ея буйная пылкость, борьба любви съ долгомъ и ея трагическія послѣдствія. Все его воображеніе устремлено на развитіе этого положенія. Свободно придуманная баснь построена только для этой цѣли.

Онъ не напечатлѣлъ на своихъ лицахъ характера особеннаго, полного, независимаго отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они являются. Они живутъ только страстію и для страсти. Въ ихъ любви и ихъ несчастія, Оросманъ и Заира не имѣютъ ничего отличающаго ихъ, дающаго имъ собственную фizioномію, по которой бы можно было узнать ихъ повсюду. Это не дѣйствительныя лица, въ которыхъ открываются, при одномъ изъ случаевъ ихъ жизни, частныя черты ихъ природы и отпечатокъ всего ихъ существованія. Это существа нѣкоторымъ образомъ общія и слѣдовательно нѣсколько неопредѣленныя, въ которыхъ временно олицетворяются любовь, ревность, несчастіе, и которыя интересуютъ не столько сами собой, сколько тѣмъ, что они становятся, такъ сказать, и на одинъ день, представителями этой стороны возможныхъ чувствованій.

Изъ этого способа пониманія сюжета у Вольтера произошли важныя пробѣлы и недостатки. Самый важный изъ всѣхъ есть романическій оттѣнокъ, превращающій, такъ сказать, въ любовь—всего человѣка, съуживающій поле поэзіи, и отступающій отъ истины. Приведу только одинъ примѣръ дѣйствій по этой системѣ, его достаточно будетъ, чтобъ угадать по немъ остальные.

Венеціанскій Сенатъ только что утвердилъ за Отелло спокойное обладаніе Дездемоной; онъ счастливъ; но ему должно отплыть на Кипръ, заняться экспедиціей, ему ввѣренной: «Иди, говоритъ онъ Дездемонѣ, я могу провести съ тобою только часъ въ любви, удовольствіи и нѣжныхъ заботахъ. Надобно повиноваться необходимости.»

Эти два стиха поразили Вольтера, онъ подражаетъ имъ, но подражая что-же онъ заставляетъ говорить Оросмана, также счастливаго и довѣрчиваго? Совершенно противное тому, что говоритъ Отелло:

«Je vais donner une heure aux soins de mon empire,
Et le reste du jour sera à Zaire.»

(Иду часъ удѣлить заботамъ о государствѣ, остальной день будетъ совершенно принадлежать Заирѣ).

Такимъ образомъ Оросманъ, этотъ гордый султанъ, только что горившій о завоеваніяхъ и войнѣ, безпокоившійся о судьбѣ мусульманъ и порицавшій *изнѣженность*, уже не султанъ и не воитель; онъ забываетъ обо всемъ, онъ уже только влюбленный. Навѣрное Отелло не менѣе Оросмана страстенъ, и страсть его также легковѣрна, также пылка; но онъ не отказывается въ одну минуту отъ всѣхъ интересовъ, отъ всѣхъ помысловъ своей прошедшей и будущей жизни. Любовь обладаетъ его сердцемъ, не порабоцая всего его существованія. Страсть Оросмана—страсть молодого человѣка, который ничего еще не сдѣлалъ, никогда ничего не имѣлъ

въ виду сдѣлать, который не извѣдалъ еще необходимостей и трудовъ дѣйствительнаго міра. Страсть Отелло существуетъ при характерѣ болѣе полномъ, болѣе искусившемся и болѣе важномъ. Считаю это менѣе искусственнымъ, а болѣе соответствующимъ нравственному правдоподобию, такъ же, какъ и положительной истинѣ. Но, какъ бы то ни было, различіе двухъ системъ вполнѣ открывается въ одной этой чертѣ. Въ одной страсть и положеніе составляютъ все, изъ нихъ поэтъ почерпаетъ всѣ свои средства; въ другой—онъ разрабатываетъ особенные характеры и цѣлое человѣческой природы; страсть, положеніе представляютъ ему только случай выставить ихъ на сценѣ съ болѣею энергіей и съ болѣешимъ интересомъ.

Дѣйствіе, составляющее сюжетъ *Отелло*, должно быть отнесено къ 1570 г., ко времени паденія Турокъ на островѣ Кипрѣ, находившемся тогда во власти Венеціанъ. Что касается до времени сочиненія самой трагедіи, то Малонъ относитъ ее къ 1611 году. Нѣкоторые критики сомнѣваются въ томъ, что Шекспиръ зналъ самую повѣсть Джиральди Чинти, и предполагаютъ, что у него въ рукахъ было только французское подражаніе, изданное въ Парижѣ, въ 1584 году Габріелемъ Шаптойсомъ. Но точность, съ которою Шекспиръ согласуется съ италіанскимъ рассказомъ, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, побуждаетъ меня думать, что онъ пользовался какимъ нибудь болѣе близкимъ англійскимъ переводомъ.

СОВРЕМЕННАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ИСПАНІИ.

Статья К. Мазада.

Комическій элементъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ старинныхъ драматическихъ произведеніяхъ Испаніи, имѣеть свой особенный характеръ. Испанская комедія не занимается глубокимъ изученіемъ характеровъ, она обрисовываетъ ихъ, не углубляясь въ ихъ сущность. Она ищетъ разнообразія, сплетаетъ случаи, запутываетъ интриги, проливаетъ на все дѣйствіе волшебный колоритъ рыцарскихъ временъ. На воображеніе сильно дѣйствуетъ этотъ быстрый вихорь, этотъ граціозный и живой образъ женщины подъ покрывалами, молодыхъ людей вѣтренныхъ и расточительныхъ, всегда готовыхъ обнажить мечъ за какую нибудь незнакомку, въ которую они влюбляются съ первой встрѣчи, этихъ таинственныхъ искателей приключеній, старухъ, дуэнь, искусныхъ въ веденіи интриги; хитрыхъ, смѣлыхъ слугъ, охотно раздѣляющихъ участь своихъ господъ и принимающихъ живое участіе въ ихъ приключеніяхъ. Эта романическая картина полна драматической живости, остроты, бойкой веселости, смѣлой, удачной ироніи, но безъ всякой примѣси горькихъ современныхъ истинъ, безъ желчи противъ человѣка или общества. Здѣсь нѣтъ злобы и ненависти: изрѣдка только какой нибудь шутъ-слуга, воспитанный въ школѣ Санчо-Пансы, скажетъ слово, напоминающее людямъ, что они живутъ на землѣ, а не въ идеальной сферѣ... Эта комедія не

подвергаетъ челоѳчества строгому анализу, который заставляетъ плакать и смѣяться въ одно и тоже время и находить въ основаніи идеи комической грустную и трогательную думу о нашемъ ничтожествѣ.

Лопе де-Вега былъ настоящимъ творцемъ этого рода комедіи, поэтически названной *комедіей плаща и шпаги*. Онъ внесъ на сцену блестящій, рыпарскій духъ, но, давъ искусству новое направленіе, онъ не довелъ его до совершенства. Сочиненія Кальдерона могутъ назваться самыми совершенными типами оригинальности и изящества. Полнота обрисовки, неожиданныя столкновенія, нѣжность чувствъ, все ставитъ пьесы его: *Женщина-призракъ*, *Недолжно шутить любовью*, и проч. на ряду съ восхитительными шутками Шекспира. Габріель Теллець, одинъ изъ самымъ сатирическихъ комиковъ испанскихъ, прославившій принятое имъ имя Тирео де-Молины, также не занимается нравственнымъ изученіемъ страстей; лучшія произведенія его тѣ, которыя больше всего приближаются къ комедіи интриги; таковы: *Испытанія любви и дружбы*, *Ревнивая къ самой себѣ*. Правда, нѣкоторые писатели пытались изучать характеры, основывать дѣйствіе на глубокомъ развитіи идеи смѣшнаго, но попытки ихъ были только рядомъ колкихъ замѣчаній, а не глубокимъ изученіемъ. Даже Аларконъ не совершенно выполнилъ условія комедіи характерной въ своей *Verdad sospechosa*; лжець, выведенный въ ней, вовсе не живое олицетвореніе челоѳческой слабости. Донъ Гарсія, герой его, дворянинъ скорѣе пустой и вѣтренный, чѣмъ низкій лжець. Если онъ не говоритъ ни слова правды, если онъ, по словамъ своего слуги, употребляетъ все языки, изученные имъ въ Саламанкѣ, для того, чтобъ побольше солгать, то это онъ дѣлаетъ не съ злымъ намѣреніемъ, не для того, чтобъ узнать тайны, которыя потомъ можно было бы выболтать, не для того, чтобъ извлечь изъ своего хвастовства какую нибудь выгоду; онъ лжетъ по логкомыслию, по увлеченію молодости. Если подъ какимъ нибудь балкономъ слышали серенаду, будьте увѣрены, что онъ назоветъ себя ея виновникомъ; если въ городѣ надѣлала шуму какая нибудь дуэль, онъ и тутъ былъ дѣйствующимъ лицомъ; онъ даже убилъ своего противника, если вамъ угодно; онъ, пожалуй, признается вамъ, что онъ тайно женатъ; расскажетъ вамъ исторію своей жизни, безчисленные приключенія, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова правды, и проч. и проч. и проч.

Испанская комедія въ судьбахъ своихъ слѣдовала тому же закону, какому подверглась и вся испанская литература. Она исчезаетъ въ переворотахъ конца XVII столѣтія, умираетъ съ обществомъ, котораго она была выраженіемъ, и, оживая вновь, является уже во французской

одеждѣ. Странно и поразительно то глубокое забвеніе, въ которое упадаютъ вдругъ образцы древняго театра въ XVIII вѣкѣ, бывшемъ для Испаніи временемъ медленнаго образованія, подъ вліяніемъ Франціи. Духъ литературы измѣняется вмѣстѣ съ правами. Школа Лузано и Монтиано переводить, подражаетъ, выражаетъ языкомъ Кальдерона декламационно моральныя изобрѣтенія французской сцены. Но не должно оставлять безъ вниманія и хорошаго вліянія этого движенія въ отношеніи къ комедіи; французское вліяніе ввело въ испанское искусство новый способъ возрѣнія на дѣйствія людей и на ихъ характеры, оно понудило къ изученію челоувѣческой природы.

Въ толпѣ подражателей французамъ и переводчиковъ съ французскаго, можно указать на высокія и замѣчательныя дарованія; можно отмѣтить прекрасныя произведенія. Въ Испаніи въ это время были два челоувѣка рѣдкаго ума, изъ которыхъ каждый образовалъ особый родъ комедіи: это—Рамонъ де-ла-Круцъ, веселый живописецъ народности, авторъ сайнетъ, очень мало извѣстныхъ, собраніе которыхъ недавно издано въ Мадридѣ, и Маратинъ, названный испанскимъ Теренціемъ. Рамонъ де-ла-Круцъ, собственно говоря, создалъ сайнету; нельзя сказать, чтобъ онъ изобрѣлъ этотъ родъ комедіи, потому что его употребляли уже Лопесъ де-Руэдо и Сервантесъ, подъ именемъ «pasos» и «intermeses», но онъ создалъ въ этомъ родѣ цѣлое собраніе, далъ своимъ пьесамъ особенности, рѣзко отличавшія ихъ отъ всеобщаго направленія современной ему литературы, выказалъ въ нихъ много ума и наблюдательности, искусство схватывать смѣшныя стороны, заставлялъ свои лица говорить быстрымъ и живымъ языкомъ. Оригинальность, едва замѣтная въ испанскихъ комедіяхъ, заимствованныхъ въ это время у французовъ, въ которыхъ смѣхъ какъ бы ледеветъ подл классическою формою, ярко отличаетъ маленькія интермедіи Рамона, эти, такъ сказать, случайныя комедіи, игравшіяся для препровожденія времени, для отдыха отъ скуки, наводимой представленіями большихъ классическихъ произведеній. Сайнеты можно назвать народной поэіей испанцевъ XVIII столѣтія. Дѣйствительно, у Рамона де-ла-Круца одна цѣль: вѣрно обрисовать народныя нравы. «Пусть, говоритъ онъ, люди, посѣщавшіе гулянье Сан-Исидоро, видѣвшіе утромъ Ристро, площадь Майоръ въ праздникъ, Прадо вечеромъ; пусть все, бывшіе въ собраніи всѣхъ сѣловій, скажутъ, точно ли я изобразилъ то, что они видѣли, что слышали ихъ уши, и не составляютъ ли эти очерки вѣрной исторіи нашего времени?» Рамонъ де-ла-Круцъ водить читателя по всѣмъ кварталамъ Мадрида, по всѣмъ мѣстамъ, сохраняющимъ народный отпечатокъ, вездѣ, гдѣ встрѣчается смѣшеніе ни-

щеты и веселости, гдѣ можно на свободѣ изучать характеры и обычаи низшихъ классовъ, имѣющихъ, также, какъ и высшіе, свои недостатки и свои смѣшныя стороны. Ни одна привычка, ни одинъ недостатокъ не ускользаетъ отъ глазъ комика; стоитъ только прочесть его: *Люди одни*, *Бутылка забвенія*, и проч. Авторъ задѣваетъ даже смѣшное въ литературѣ: самую ѣдкою сатирою на подражаніе классикамъ можетъ служить его *Маноло*, *трагедія для смѣха* или *комедія для слезъ*, въ которой всѣ лица умираютъ въ концѣ — отъ смѣха. Впрочемъ, Рамонъ де-ла-Круцъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ кажется; ему извѣстна цѣль комедіи, цѣль серьезная и благодѣтельная.

Сайнеты проливаютъ яркій свѣтъ на испанское общество XVIII вѣка. Многіе дворяне на время и для вида, оставляли свою гордость и дружились съ остальными слоями общества, съ которыми особенно связывали ихъ пороки. Испанскій грандъ надѣвалъ платье какого нибудь *Маноло* или *Тореро* для того, чтобъ искать приключеній; онъ съ охотою принималъ участіе въ самыхъ грубыхъ народныхъ удовольствіяхъ; необузданная, испорченная натура простолудиновъ разжигала въ немъ желанія, притупившіяся отъ свѣтскаго разочарованія. Народъ, съ своей стороны, не отставая отъ своихъ пороковъ, принималъ еще тѣ, которые ему прививало новое знакомство. Вотъ картина, которую театръ Рамона де-ла-Круца ярко освѣщаетъ для всякаго внимательнаго ума, не пренебрегающаго легкимъ названіемъ *сайнетъ*. Эти очерки имѣютъ историческое достоинство, если разсматривать ихъ въ отношеніи къ обществу, котораго они служатъ отраженіемъ. «Официальныя доказательства», говоритъ Дюранъ, одинъ изъ самыхъ строгихъ и добросовѣстныхъ испанскихъ критиковъ, могутъ, разсказывая о происшествіяхъ, подтвердить ихъ справедливость; но сайнеты Рамона де-ла-Круца объясняютъ, почему такъ было и какъ все случилось».

Цѣль, къ которой стремится Маратинъ, сходна съ цѣлью автора сайнетъ; только онъ шелъ къ ней болѣе серьезнымъ путемъ, и съ значительнѣйшими средствами. Въ этомъ отношеніи онъ болѣе служитъ выразителемъ умственнаго движенія своего времени. Послѣ цѣлаго вѣка рабскаго подражанія, Маратинъ первый далъ оригинальный характеръ классической комедіи; онъ сдѣлалъ ее народною. Комедіи его написаны по правиламъ теоріи, но въ нихъ въ тоже время есть жизнь. Въ немъ преобладаетъ разсудокъ прямой, чистый и творческій; онъ проникаетъ въ тайныя изгибы характеровъ, схватываетъ смѣшныя стороны, замѣчаетъ противорѣчія человѣческой природы, развиваетъ дѣйствіе изъ нравственныхъ началъ, и оживляетъ свои творенія чувствомъ благороднымъ и высокимъ.

Маратинъ писалъ мало, а между тѣмъ и немногое, имъ написанное, ясно указываетъ на возрожденіе комедіи въ Испаніи въ концѣ XVIII вѣка; новое направленіе проявляется въ пьесахъ: *Двѣ молодыя дѣвушки*; *Баронъ*, *Старикъ и молодая дѣвушка*; въ нихъ видно увлеченіе, умъ, наблюдательность, знаніе человѣка. Въ комедіи *Лицемерка* авторъ становится еще выше, онъ идетъ по слѣдамъ Мольера, создаетъ Тартюфа въ женскомъ платьѣ; вѣрность изображенія и живость красокъ здѣсь поразительны.

Послѣ Маратина наступаетъ XIX вѣкъ. Маратинъ былъ послѣднимъ, единственнымъ представителемъ Испанской комедіи конца XVIII столѣтія; едва онъ умеръ, началось новое движеніе въ литературѣ, новое поле открылось для сатирической поэзіи. Замѣчательно, что большая часть сколько нибудь извѣстныхъ писателей, даже изъ тѣхъ, которые скорѣе могли быть трагиками, пытались обогатить область поэзіи комической. Зорилла, славнѣйшій лирическій поэтъ этого времени, и авторъ извѣстной драмы *Ремесленникъ*, писалъ комедіи, хотя успѣхъ ихъ всегда былъ очень сомнителенъ. Герцогъ де-Ривасъ, написавшій трагедію *Мавръ*, написалъ также умный, комическій очеркъ: *Цѣна денегъ*. Есть наконецъ имена, принадлежащія исключительно комедіи, это Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, Вентура де-ла-Вега и Родригесъ Руби. Двойное вліяніе обнаруживается въ этомъ современномъ возрожденіи комедіи; два стремленія замѣчаются здѣсь: съ одной стороны, возвышенное и благородное желаніе связать между собою древнія преданія, снова заняться народностью, такъ давно забытою, такъ ярко освѣщенной новѣйшею критикою; съ другой, подчиненіе литературному вліянію Франціи, избраніе того самого пути, который избрала теперь и французская литература. Это двойное направленіе заключало въ себѣ и двойную опасность. Восходя слѣпо къ прошедшему, стараясь обновить блескъ былого времени, возстановить поэтическую оригинальность, порожденную стеченіемъ обстоятельствъ, которыя уже не могутъ повториться, не рискуетъ ли писатель попасть въ пустой и безплодный архаизмъ? Зорилла часто провинялся въ этомъ въ своихъ комическихъ произведеніяхъ. Съ другой стороны, смотря постоянно на Францію, живя ея мыслями, рабски подражая ея произведеніямъ, не подвергалась ли испанская литература опасности остаться въ состояніи бездѣйствія и умственной слабости? Между этими двумя крайностями могло существовать только одно среднее направленіе, которое состояло бы въ совокупной обработкѣ какъ того, что осталось отъ литературы древней, такъ и того, что занято испанцами у французовъ. Это пытались сдѣлать три писателя:

Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, Вентура де-ла-Вега и Родригесъ Руби: они истинные виновники этого измѣненія, ими приготовленнаго, но не совершеннаго.

Бретонъ де-лосъ-Герреросъ одинъ изъ умвѣйшихъ двигателей современной реформы въ комедіи. Онъ первый, послѣ Маратина, началъ отыскивать оригинальность, и снова навелъ на сцену наблюдательный глазъ комической музы. Въ дарованіи его поразительны его исключительное остроуміе и чисто испанскій характеръ: этими двумя чертами ярко отличаются все произведенія его репертуара. Въ Парижѣ играли недавно одно изъ его произведеній (*El pelo de la dehesa*); публика холодно смотрѣла на личность дона Фрутоса, простаго арагонскаго поселяннина, привезеннаго въ Мадридъ, предпочитающаго свою замарру щегольскимъ платьямъ, готоваго отдать всю оперную музыку за лай собакъ своей родины, и наконецъ разрывающаго съѣтъ коварныхъ оболъщений, которыми опутала его одна разорившаяся женщина, съ цѣлью женить его на своей дочери. Холодный приѣмъ, сдѣланный французами этой комедіи, понятенъ и ничуть не удивителенъ. Бретонъ представляетъ въ наше время обновленный типъ комедіи умной, живой и острой, забывающей дѣйствіе для подробностей, поражающей неистощимостью насмѣшки, живостью и вѣрностью изображенія, однимъ словомъ, комедіи, которую трудно все же понять иностранцу или перевести на другой языкъ. *Pelo de la dehesa* не есть еще, въ этомъ родѣ, лучшая изъ комедій Бретона; первое мѣсто между ними принадлежитъ комедіи: *Марцелла или кому изъ трехъ?* Въ ней ярко отражаются все достоинства и недостатки Бретона, а именно: слабость интриги, простота въ изобрѣтеніи дѣйствія, и оригинальная прелесть въ подробностяхъ. Марцелла живое олицетвореніе женскаго кокетства: она безмятежно наслаждается своею красотою, а между тѣмъ все жалуется на непріятности, говоря, что эта красота привлекаетъ толпу несносныхъ поклонниковъ. Что же остается дѣлать гордой Марцеллѣ, какъ не пользоваться своею свободой и посмѣиваться надъ своими вздыхателями? Попробуйте перевести эту комедію, полную комической живости, тонкихъ и умныхъ замѣчаній, что останется отъ нея? Останется мысль, лишенная интереса, придаваемого ей въ оригиналѣ удачнымъ выраженіемъ, мысль представить презрительное кокетство, играющее страстями другихъ, и отвѣчающаго на все преслѣдованія ироническою улыбкой.

Въ этой комедіи, какъ и во многихъ Бретона, есть отличительная черта, свойственная автору: это — изученіе женскаго сердца. Бретонъ отмѣчаетъ все, что есть непостояннаго и прихотливаго въ женщинѣ,

и истина, высказываемая имъ, такъ поэтически выражена, что не можетъ казаться оскорбительною. Онъ любитъ слѣдить за легкостью женскаго нрава въ разныхъ его оттѣнкахъ, измѣняющихся, смотря по возрасту или общественному положенію женщины; онъ изучаетъ эту легкость и въ молодой дѣвушкѣ, сердце которой въ одно время открывается и для каприза, и для любви, и въ женщинѣ, наслаждающейся своею красотою, и въ хитрой и дерзкой старухѣ, обращающей свою опытность въ насмѣшливость. Марцелла идеальный типъ, подлѣ который подходятъ, съ разными измѣненіями, почти всѣ героини Бретона. По его воззрѣнію, всѣ женщины, которыхъ онъ выводитъ на сцену, отличныя дипломатки, умѣютъ скрывать свои намѣренія и притворяются такъ, какъ будто на лицахъ ихъ маски, скрывавшія нѣкогда улыбки и пламенные взоры героинь Кальдерона. Онъ сегодня вѣрять клятвамъ, а завтра забываютъ ихъ, такъ, что тотъ, кто вздумалъ бы имъ напомнить эти клятвы, въ ихъ глазахъ оказался бы смѣшнымъ и жестокимъ. Любовь у нихъ просто прихоть воображенія, уступающая мѣсто всякой другой прихоти, для нихъ болѣе занимательной. Это страсть преходящая; не думайте, что она отравитъ ихъ жизнь, овладѣетъ всѣми ихъ способностями, заставитъ ихъ плакать, мучиться, и вселитъ въ нихъ чувство преданности и самопожертвованія. Смятеніе, страданіе, слезы, безпокойство, — все это прогоняется однимъ взмахомъ вѣтра, и на лицѣ ихъ снова спокойствіе, на губахъ улыбка, въ душѣ желаніе начать новыя побѣды. Шекспиръ опредѣлялъ этотъ характеръ одною рѣзкою чертою: «коварна, какъ волна!» Это опредѣленіе можно примѣнить и здѣсь, только не въ такомъ глубокомъ значеніи. Непостоянство, представляемое Бретономъ, можно уподобить непостоянству волнъ, измѣняющихся отъ дуновенія вѣтра; но эти волны не заключаютъ въ себѣ глубокихъ, поглощающихъ пропастей, надъ ними не разражаются страшныя бури. Здѣсь хитрость имѣетъ свою прелесть, кокетство не бываетъ причиною горькихъ разочарованій, потому что оно не притворяется, не говоритъ страстнымъ языкомъ. Это улыбающееся коварство скорѣе забавляетъ, чѣмъ оскорбляетъ. Искусство Бретона состоитъ въ разборѣ и смѣломъ, умномъ описаніи этой поверхностной стороны натуры нѣкоторыхъ женщинъ; никто не можетъ такъ искусно представлять это смѣшеніе испорченности и изящества, составляющее основаніе кокетства. Не должно думать однакоже, что эта сторона составляетъ единственный интересъ комедій Бретона; подлѣ этихъ героинь, представляющихъ одну и ту же мысль автора, но въ разныхъ видахъ, есть много другихъ вѣрныхъ типовъ. Таковы, въ *Марцеллѣ*, донъ Фрутеъ, типъ пустаго щеголя, занимающагося только новыми мо-

дами; въ Tercego en la discordia простакъ Циріакъ, непремѣнно желающій имѣть свое собственное мнѣніе и всегда повторяющій чужое; донъ Сатуріо, олицетвореніе глупаго чванства, онъ мечтаетъ о славѣ, думаетъ, что имя его будетъ гремѣть даже на сценѣ, и надежда его на успѣхъ заключается въ слѣдующихъ словахъ, проницески указывающихъ на многія смѣшныя стороны въ писателяхъ: «Отчего бы, говоритъ онъ, я не написалъ комедіи? я читалъ Канизареса, Ареллано, Валладареса, Комеллу; я знаю, что въ комедіи должна быть непремѣнно любовь съ препятствіями, что каждая комедія должна оканчиваться свадьбою, что она должна длиться два часа, должна быть раздѣлена на дѣйствія, дѣйствія на явленія, и что въ концѣ пьесы нужно обращаться къ публикѣ... На этой недѣлѣ я подписался на драматическій журналъ и купилъ лексиконъ. Чего-же мнѣ недостаетъ? Развѣ того, что я не поэтъ?» Такимъ образомъ Бретонъ-де-лосъ-Герреросъ сатирическимъ перомъ своимъ задѣваетъ разныя смѣшныя стороны общества. Ему удалось найти источникъ народной веселости, и часто иронія его принимаетъ болѣе живой, серьезный тонъ, обличающій въ немъ человѣка современнаго. Дѣйствительно, комическая легкость автора *Марцеллы* исчезаетъ передъ болѣе глубокою мыслью о неосновательности человѣческой природы въ пьесѣ его: *Muerete у vegas (Умри и увидишь)*. — Мысль этой комедіи—неблагодарность человѣка. «Умрите, говоритъ поэтъ съ горечью, худо скрываемою подъ притворною веселостію: умрите, и вы увидите, что будутъ говорить о васъ на землѣ, въ то время, когда ужъ некому васъ бояться и нечего отъ васъ надѣяться. Васъ ждетъ горькая картина: измѣна женщины, которую вы считали постоянною; забвеніе друга, котораго вы почитали искреннимъ; проклятіе ростовщика, у котораго ваша смерть вырываетъ добычу... Вы еще счастливы, если чье нибудь сердце, на которое вы при жизни не обращали вниманія, хранитъ въ себѣ вѣрную и безнадежную преданность къ вамъ!» Иронія его находитъ обильную пищу въ сплетеніи этихъ мыслей. Теперь представьте себѣ человѣка, который живъ, но котораго считают умершимъ; онъ присутствуетъ при комедіи, разыгрывающейся на его могилѣ, представьте это, и вы получите комедію Бретона, полу-серьезную, полусуточную, въ которой важность и глубина мысли безпрестанно ослабляется игривостію и легкостію выраженія. Герой комедіи, Донъ Пабло, молодой Сарагосскій офицеръ, оставленный на полѣ сраженія между мертвыми. Онъ выздоравливаетъ и возвращается домой; но что видитъ онъ! Прошло только нѣсколько дней, а ужъ невѣста его Гіацинта готова выдти за другаго, безъ сожалѣнія, безъ угрызенія со-

вѣсти. «Есть, говоритъ она, женщины, которыя могутъ любить двухъ мужчинъ разомъ, но я люблю каждаго поочередно. И небыло ли бы безумно и жестоко убивать живаго, для того только, чтобъ не оскорбить мертваго?» Новый женихъ Гіацинты донъ Матіасъ, былъ другомъ дона Пабло, и первый принесъ извѣстіе о его смерти. Если донъ Пабло типъ великодушія и самоотверженія, то донъ Фроиласъ, другое лицо комедіи, можетъ служить типомъ самаго закоренѣлаго эгоизма. Печальныя зрѣлища возмущаютъ его; онъ скорѣе готовъ пойти въ оперу, чѣмъ на поминки дона Пабло, гдѣ будутъ плакать и вспоминать объ усопшемъ. Замѣчательно еще лицо жида-ростовщика, занимавшаго покойнику деньги подъ большіе проценты, и горяющаго о его смерти. И такъ, донъ Пабло, вмѣсто слезъ и сожалѣнія, видитъ одно забвеніе и эгоизмъ; только въ одной молодой дѣвухкѣ открываетъ онъ искреннее чувство, котораго онъ до сихъ поръ не замѣчалъ, и которое теперь обнаруживается непритворною ея скорбію. Это жестокое разочарованіе рядомъ съ неожиданнымъ счастьемъ, это смѣшеніе радостей уничтожающихся и радостей новыхъ, являющихся какъ бы для того, чтобъ удержать въ сердцѣ человѣка надежду и не вселить въ него совершенное презрѣніе къ своей собственной натурѣ, все это развѣ не составляетъ сильнаго, энергическаго выраженія жизни? Правда, что гениальный талантъ могъ бы больше оживить свое произведеніе, глубже проникнуть въ сущность своей мысли, рѣзче обрисовать характеры; Шекспиръ или Мольеръ сдѣлали бы это. Но все таки самая мысль указываетъ на дарованіе необыкновенное, и въ очеркѣ Бретона де-лосъ-Геррероса, за недостаткомъ высшихъ качествъ, все таки видны умъ, ловкость выраженія и сила концепціи, ярко отличающія его дарованія.

Если и замѣтна еще какая-то неопредѣленность въ попыткахъ новыхъ испанскихъ писателей: Бретона, Вентуры де-ла-Вега и Руби, то не должно удивляться: эта неопредѣленность направленія существенная принадлежность всѣхъ дѣятелей развивающейся только литературы; она проистекаетъ отъ совершившагося еще нравственнаго преобразованія общества, и не уничтожится до тѣхъ поръ, пока это преобразованіе не укоренится въ народныхъ нравахъ и идеяхъ. Оригинальность комическихъ попытокъ испанскихъ современныхъ писателей была бы, можетъ быть, гораздо живѣе и очевиднѣе, еслибъ они изображали нравы временъ Габріеля, Телеца и Кальдерона, но за то эта оригинальность была бы ложная, искусственная. Достоинство сочиненій, которыя при первомъ взглядѣ кажутся теперь блѣдными, состоитъ въ томъ, что въ нихъ найдена настоящая современная форма истинно народнаго выраженія идей и

понятій, занимающихъ общество. Таковъ характеръ комедіи «Свѣтскій человѣкъ» (*Hombre de mundo*) Вентуры де-ла-Вега, уществъ котораго не ослабѣваетъ съ перваго появленія его не сценѣ. Вега сначала исключительно занимался переводами; никто лучше его не умѣлъ при-мѣнить французскую комедію къ испанской сценѣ. Наконецъ онъ написалъ комедію оригинальную, въ которой истинная, простая и высокая мысль развита съ замѣчательнымъ искусствомъ. Вотъ содержаніе ея. Человѣкъ, который провелъ разгульно молодость, насладился всеми удовольствіями, приобрѣлъ славу въ свѣтѣ, видѣлъ, какъ все преклонялось предъ его богатствомъ и прихотями, начинаетъ наконецъ скучать и ищетъ счастья болѣе спокойнаго, болѣе душевнаго въ женитьбѣ. Здѣсь мысль принимаетъ драматическій оборотъ: возможно ли это спокойное счастье для сердца, полнаго воспоминаній и разочарованія, испорченнаго, привыкшаго къ обманамъ и хитростямъ? Едва женившись, донъ-Люи видитъ уже какъ предъ нимъ возстаетъ призракъ его прошедшаго; собственные проступки пугаютъ его теперь. Это прошедшее какъ бы олицетворяется и мучитъ его въ видѣ донъ-Хуана, одного изъ старыхъ его друзей. Борьба между воспоминаніями и условіями его новой жизни разражается въ самомъ началѣ, въ сценѣ, гдѣ донъ-Хуанъ приходитъ къ нему въ домъ, и не зная, что другъ его женатъ, поздравляетъ его съ новой побѣдой. Хуану скоро объясняютъ дѣло; но когда донъ Люи говоритъ ему о своемъ супружескомъ счастьи, о радостяхъ, приносимыхъ доброю, милою женою и совѣтуетъ послѣдовать своему примѣру, донъ-Хуанъ отвѣчаетъ мужу словами, которыя когда-то говорилъ самъ донъ-Люи; онъ напоминаетъ ему прежнюю жизнь ихъ, и наконецъ, невольно заживо трогаетъ сердце новаго мужа, который начинаетъ думать, что и его жена можетъ употребить тѣже хитрости, которыя прежде такъ льстили его самолюбію. Донъ-Люи ставитъ себя на мѣсто мужа, котораго когда-то онъ обманулъ; это преслѣдуетъ и бѣситъ его, и отъ довѣрчивой нѣжности онъ переходитъ къ оскорбительному самолюбію, къ сильному безпокойству и страху. Одинъ отрывокъ можетъ дать понятіе о ходѣ этой сцены, въ которой вся мысль комедіи ясно высказана:

ХУАНЪ.

Ахъ, другъ Люи! вѣдь сколько жертвъ съ тобою
Мы сдѣлали! Ты помнишь ли, скажи
Объ управителѣ?

ЛЮИ.

А, да, о Габріелъ,
Который все любилъ играть въ бисъ-бисъ.

ХУАНЪ.

А какъ тебя жена его любила?

ЛЮИ.

Однакожь я иль сильно ошибаюсь,
Иль этотъ мужъ былъ просто слишкомъ добръ.
Ну, можно ли сейчасъ же не замѣтить?..
Не знаю я, но кажется мнѣ, право,
Что я-бы все сейчасъ же угадалъ.

ХУАНЪ.

Да какъ же ты узнать бы могъ все это?
Все было съ тѣмъ устроено искусствомъ,
Которое лишь женщинѣ дано.
Умѣла такъ она запутать мужа,
Что страннаго не могъ онъ ничего
Увидѣть въ томъ...

ЛЮИ.

Да, правда!

ХУАНЪ.

Что съ тобою?

ЛЮИ (*отирая холодный потъ.*)

Такъ, ничего...

ХУАНЪ.

А, понимаю я!
Вспоминанія!..

Когда Донъ-Хуанъ уходитъ, Люя продолжаетъ разсуждать:

Да, да! самъ мужъ!.. и онъ такъ добродушно
 Своей женѣ представилъ вѣдь меня!
 И роль потомъ онъ сталъ играть смѣшную...
 Изъ всего Мадрида онъ одинъ
 Не зналъ о томъ... Мнѣ что-то дурно стало!
 Моя жена просила, чтобы ей
 Антонито представить; что же будетъ,
 Когда его я въ домъ къ себѣ введу?
 Что-жъ? отказать! Но подь какимъ предлогомъ?
 Вѣдь Клара вдругъ замѣтитъ подозрѣнье...
 Нѣтъ, немогу... Когда моя боязнь
 Безъ основанія,—то оскорблю я Клару;
 Когда-жъ я правъ, она остережется
 И средства лучшія успѣеть отыскать!..
 Ужели правда это все? Что, если
 Составила она коварный планъ
 Сюда ввести возлюбленнаго друга!
 Она мнѣ все толкуетъ будто онъ
 Эмилией одною вѣчно занять;
 Эмилиа-жъ не сознается... Клара
 Въ смущеніи мнѣ объ этомъ говорила...
 Злѣсь что-то есть... увѣренъ въ этомъ я...
 Какъ хорошо узнать значеніе жизни
 И женщину на дѣлѣ изучить!
 Мнѣ дорогой урокъ дала Розита,
 Когда она съ такою простотой
 И кротостью супруга убѣждала!
 Нѣтъ хитрости, которой бы ужъ я
 Давно не зналъ, не изучилъ на дѣлѣ.
 Да, опытность прекраснѣйшая вещь!
 И хорошо, что донъ Хуанъ такъ кетати
 Напомнилъ мнѣ...

И такъ, вотъ наука свѣтскаго человѣка, вотъ опытность, плодъ разгульной жизни! Приобрѣтенная обманами, она видитъ во всемъ одинъ обманъ; она бросаетъ тѣнь на все существованіе, уничтожаетъ все, къ чему прикасается, вызываетъ безпрестанно несправедливыя подозрѣнія,

напитываетъ, такъ сказать, ядомъ самыя простыя поступки, вноситъ въ сердце самый бесплодный скептицизмъ. Въ каждомъ словѣ, въ каждой улыбкѣ, движеніи, въ выраженіи радости или страха, она видитъ что-то скрытое и вредное, и считаетъ себя проникательною, потому что во всемъ видитъ зло. Человѣкъ, владѣющій этою грустною опытностью, постоянно мучится отъ совѣтовъ свѣтской своей науки, и изъ этой-то борьбы рождается драма или комедія. Въ комедіи *Свѣтскій человекъ* замѣчательно то, что каждое лицо ея способствуетъ развитію главной мысли. Мы указывали уже на донъ Хуана, это олицетвореніе совѣсти донъ Луи, это человекъ, который постоянно напоминаетъ ему его прежнія шалости, и, какъ бы въ наказаніе, рисуетъ всѣ картины прежнихъ покушеній его на честь и счастье другихъ. Возьмемъ теперь характеръ Клары, молодой жены. Она вышла за Луи, прельстясь свѣтскою его славою, и теперь, ревнуя его къ прошедшему, кокетничаетъ съ нимъ, какъ бы для того, чтобъ лучше привязать къ себѣ; но это только возбуждаетъ недовѣрчивость мужа. Онъ усиливаетъ пощеченія, нѣжныя заботы; онъ начинаетъ дѣйствовать еще хитрѣе прежняго, употребляетъ большія усилія для того, чтобъ открыть какую нибудь тайную интригу. Прошедшее возбуждаетъ ихъ другъ противъ друга и поселяетъ между ними безпрестанно раздоръ и взаимныя подозрѣнія. Даже слуга Рамонъ, бывшій повѣренный донъ Луи въ былые дни и не ласково смотрящій на семейную его жизнь, которая лишила его нѣкоторыхъ выгодъ, разжигаетъ воспоминанія въ сердцѣ своего господина и старается оторвать его отъ домашняго очага. Чтоже однако вызываетъ и поддерживаетъ подозрѣнія недовѣрливаго мужа? Это—тайная и невинная любовь одного молодаго человека къ сестрѣ донъ Клары, любовь, которой Клара покровительствуетъ. Этой тайны достаточно для того, чтобъ возбудить сильное подозрѣніе донъ Луи. Чтожъ это за свѣтская опытность, которая такъ путается въ догадкахъ и преслѣдуетъ несбыточные идеи, которыя она сама создаетъ? Не справедливы ли слова донъ Клары, говорящей въ концѣ комедіи, что недостаточно *дурно думать обо всемъ*, чтобъ быть совершенно свѣтскимъ человекомъ. — «Свѣтскій человекъ» одна изъ прелестнѣйшихъ испанскихъ комедій новѣйшаго времени; это одно изъ тѣхъ произведеній, которыя хотя не совершенно новы, но превосходно соединяютъ въ себѣ мысли, уже отчасти высказанныя прежде.

Одно особенное обстоятельство доказываетъ еще, какъ много есть серьезнаго и живаго въ драматическомъ движеніи, открывшемся въ Испаніи, не смотря на вліяніе чужеземнаго заимствованія, это—разно-

образіе усилій въ попыткахъ, къ пріисканію всёхъ формъ, которыя можетъ принимать комическая мысль въ Испаніи. Нѣтъ ни одного рода, который не имѣлъ бы послѣдователей, начиная съ легкой и умной комедіи, представителемъ которой могъ служить Бретонъ де-лосъ Герреросъ, до комедіи, изучающей человѣка въ исторіи, описывающей какое нибудь время съ его страстями, обычаями и смѣшными наклонностями. Въ этомъ—то послѣднемъ родѣ особенно успѣлъ авторъ комедіи «Колесо счастья», одинъ изъ самыхъ молодыхъ драматическихъ писателей, составляющихъ еще надежду для Испаніи. Руби взялъ изъ XVIII столѣтія одно изъ историческихъ лицъ, и вывелъ его на сцену, чтобъ въ немъ выразить судьбу честолюбца, который возвышается и падаетъ отъ одного поворота колеса счастья. Двѣ части комедіи посвящены этому изображенію возвышенія и паденія человѣка. Эти двѣ части составляютъ одно и тоже произведеніе; одна идетъ за другою, съ тѣми же лицами, хотя съ различнымъ дѣйствіемъ, но съ единственной мыслью о непостоянствѣ общественной жизни. Въ этомъ раздѣленіи есть, по нашему мнѣнію, существенная выгода, которую мы встрѣчаемъ во многихъ произведеніяхъ современной испанской литературы; раздѣленіе это позволяетъ распространить драматическую мысль, нарисовать противоположныя стороны судьбы человѣка, не ускоряя хода дѣйствія, не жертвуя одной частью для другой, а напротивъ того, соединяя въ каждой изъ нихъ весь интересъ и всю силу жизненной драмы. Обѣ драмы, какъ бы освѣщаютъ одна другую предъ внимательнымъ зрителемъ, который видитъ, какъ онѣ развиваются передъ его глазами, слѣдить за однимъ и тѣмъ же человѣкомъ въ различныхъ дѣйствіяхъ его, видитъ, какъ онъ преобразовывается подъ вліяніемъ возраста нравственныхъ испытаній и всёхъ обстоятельствъ жизни. Комедія Руби, какъ комедія историческая, довольно поверхностно касается исторіи; можно бы пожелать въ ней болѣе прочной связи событій, болѣе соображеній, больше истины въ изобрѣтеніи; но развѣ неслучается часто, что произведеніе, полное несообразностей, имѣетъ другія несомнѣныя достоинства, привлекающія читателя и заставляющія его задумываться. Таково «Колесо счастья», главное литературное произведеніе Руби, стоящее гораздо выше его живописныхъ очерковъ андалузскихъ нравовъ, его попытокъ въ серьезной комедіи и т. п. Эти различныя произведенія доказываютъ гибкость таланта Руби, а «Колесо счастья» доказываетъ его возвышеніе.

XVIII вѣкъ, какъ мы сказали, представилъ автору сюжетъ для его комедіи; покрайней мѣрѣ, онъ служитъ рамкою для драматическаго изобрѣтенія. Дворъ Фердинанда VI мѣсто, которое Руби выбралъ для

своей картины. Онъ беретъ неизвѣстнаго человѣка, чтобъ повести его къ богатству, славѣ, владычеству, и чтобъ потомъ обрушить надъ его головою все это блестящее воздушное зданіе. Представьте же себѣ препятствія, раждающіяся каждую минуту предъ человѣкомъ, ничего не значущимъ, презрѣніе къ нему и въ тоже время тайное покровительство, помогающее ему идти впередъ, скрытыя страсти, двигающія имъ, лесть, окружающую его по мѣрѣ возвышенія и исчезающую по мѣрѣ паденія, представьте все это и скажите, не заключается ли здѣсь самый обильный источникъ для вымысловъ драматическаго писателя.

«Колесо счастья» открывается картиною, полною оригинальной простоты. Дѣйствіе въ одномъ Ріойскомъ селеніи, у зажиточнаго поселянина, уважаемаго всѣми. Въ домѣ его живетъ знатный вельможа, графъ Сан-Телло, удаленный отъ двора, вмѣстѣ съ дочерью, донною Кларою. Поселянинъ далъ пріютъ изгнанникамъ и смотритъ на нихъ, какъ на новыхъ членовъ своего семейства. Графъ, какъ новый Агрикола, отказался отъ всѣхъ обольщеній свѣта, и хочетъ провести остальную жизнь въ мирныхъ занятіяхъ сельскаго трудолюбія. Дети растутъ подъ надзоромъ родителей и подъ просвѣщеннымъ направленіемъ Сан-Телло. Клара и Зенонъ, сынъ поселянина Мавриціо, любятъ другъ друга. Въ молодой, наивной дѣвушкѣ, еще неиспорченной вліяніемъ свѣта, любовь эта составляетъ потребность сердца; въ молодомъ человѣкѣ, въ которомъ образованіе развило высшія чувства и склонности, ищущія только простора, она также естественна. Самъ Мавриціо не видитъ въ этомъ ничего страннаго, когда ему открываютъ тайну, и думаетъ, что всего лучше женить молодыхъ людей, но при этомъ неожиданномъ предложеніи, гордость графа Сан-Телло пробуждается; притомъ же въ это самое время онъ получаетъ прощеніе и приглашеніе снова явиться въ Мадридъ, поэтому онъ смотритъ на предложеніе Мавриціо, какъ на оскорбленіе и отвергаетъ его. Онъ уязвляетъ, забывъ о благодарности, и дочь его слѣдуетъ за нимъ, унося въ сердцѣ вѣрную любовь.

Мавриціо чувствуетъ обиду и униженіе, и Зенонъ, съ юношескою гордостью, съ жаромъ страсти и увлеченіемъ духа, чувствующаго высшее призваніе, ободряется и идетъ искать побѣды и мщенія. Этотъ молодой человѣкъ, полный желаній, влюбленный, и смѣло бросающійся впередъ, исполнитъ обѣщаніе свое. Зенонъ де Сомодевилла дѣлается маркизомъ де-ла-Энсенادا, государственнымъ человѣкомъ и покрывается славою. Въ глазахъ историка необыкновенныя способности могли бы объяснить возвышеніе Сомодевиллы, но поэтъ отыскиваетъ другую причину: у него сильная страсть и негодованіе за оскорбленіе стано-

вятся первыми двигателями силы и вдохновителями поступковъ выходца!

Авторъ рѣзкою и превосходною чертою обозначаетъ скромное и темное происхожденіе своего героя, какъ бы для того, чтобъ лучше выказать блескъ, которымъ онъ потомъ окружаетъ его. Можно подуматъ, что Руби нарочно противопоставляетъ эту картину мирной сельской жизни волненіямъ свѣта, въ которыхъ Зенонъ оставитъ не одинъ благой порывъ, не одну надежду, не одно благородное, безкорыстное желаніе. Мы не намѣрены подробно разбирать *Колесо счастья*, слѣдить, шагъ за шагомъ, все обстоятельства, рассмотреть отдѣльно каждую сцену. Достаточно взглянуть на развитіе характеровъ, чтобъ получить полное понятіе объ этой комедіи. Одно изъ главныхъ лицъ въ ней Маркиза Торрекузо, являющаяся на первомъ планѣ въ обѣихъ частяхъ комедіи. Она знаетъ все тайны, искусно ведетъ политическія интриги, скрываетъ свои страсти, одарена въ высшей степени знаніемъ свѣта, она вездѣ и всегда свѣтская женщина, но въ каждой части комедіи она является въ различномъ видѣ. Въ первой она знатная покровительница, очарованная умомъ Зенона, пролагающая ему дорогу къ возвышенію, для того, чтобы наконецъ сдѣлать его достойнымъ любви, которую она тайно къ нему питаетъ. Она вкрадчива, нѣжна и умна. Во второй части она женщина мстительная, потому что Энсенада пренебрегъ ея любовью. Быстрая въ ненависти, какъ и въ любви, она употребляетъ все средства, какія только можетъ придумать оскорбленное сердце, для гибели бывшаго своего любимца. Она зла и неумолима, горда и презрительна, насмѣшлива и коварна, и удовлетворяется только тогда, когда ей удается подрыть могущество того, кто такъ жестоко оскорбилъ ея самолюбіе. Ничто неможетъ быть развязнѣе и остроумнѣе объявленія войны между этими двумя лицами. Маркиза является здѣсь, въ своемъ настоящемъ видѣ, съ ѣдкими намеками, задѣвающими за живое Энсенаду, и между ними начинается довольно живой и быстрый разговоръ, полный свѣтской, утонченной дерзости:

ЭНСЕНАДА.

Я признаюсь, что въ каждомъ вашемъ словѣ
Есть тайный ядъ...

МАРКИЗА.

Вы думаете такъ?

ЭНСЕНАДА.

И это все такъ клонится къ разрыву...

МАРКИЗА.

Какъ сильно вы желаете его.

ЭНСЕНАДА.

Желаю—нѣтъ, сударыня! признаться,
Я не ищу его и небоюсь!

МАРКИЗА.

Пусть будетъ такъ.

ЭНСЕНАДА.

Прекрасно! въ самомъ дѣлѣ,
Зачѣмъ же нѣтъ! И такъ пускай война.
Но надо вамъ обдумать хорошенько;
Вѣдь все же я во всемъ сильнѣе васъ,
И ни за что я нехотѣлъ бы, право,
Чтобы въ такой борьбѣ неравной, васъ,
Испаніи жемчужину, заставить
Въ чужой землѣ остатокъ дней провесть.

МАРКИЗА.

Угрозы!..

ЭНСЕНАДА.

Нѣтъ, я васъ предупреждаю!

МАРКИЗА.

И васъ совсѣмъ неустрашаетъ мысль,
Что женщина, умѣвшая возвыситься,
Съумѣетъ вновь заставить васъ упасть?

ЭНСЕНАДА.

О, эти дни минули...

МАРКИЗА.

Но настанутъ
Другіе дни... какъ можете вы знать?

ЭНСЕНАДА.

Вы силы всё къ тому употребите?..

МАРКИЗА.

Довольно вамъ смѣяться надо мной!
Смотрите, вотъ, вы видѣли, недавно
Быль свѣжъ, красивъ въ рукахъ у васъ цвѣтокъ,
Теперь ужъ онъ безъ запаха и цвѣта:
Быть можетъ, такъ завянетъ ваша власть.

ЭНСЕНАДА.

Маркиза, вы, конечно, позабыли:
Я не цвѣтокъ; но можно Энсенаду
Пожалуй, съ сильнымъ деревомъ сравнить.

МАРКИЗА.

Но буря сильная однакожь вырываетъ
И крѣпкія деревья на горахъ.

ЭНСЕНАДА.

И такъ, ужъ вы увѣрены въ успѣхѣ!
Но надо вамъ и то, Маркиза, знать,
Что корни у меня глубоко впились въ землю.

МАРКИЗА.

Прекрасно! пусть устроишь время все!

ЭНСЕНАДА.

Законъ мой—вамъ во всемъ повиноваться.

Изъ этого разговора можно, кажется, ясно понять характеръ маркизы, изображенной авторомъ въ *Колесахъ счастья*. Возьмите еще характеръ Мавриціо, рѣзко противоположный характеру Маркизы, и совершенно оригинальный. Прямой, откровенный и простой. Мавриціо является въ комедіи какъ-бы олицетвореніе здраваго смысла; подъ грубой оболочкой скрываетъ онъ возвышенныя чувства, выражающіяся часто въ сильныхъ и краснорѣчивыхъ словахъ. Таковъ онъ, когда въ селеніи своемъ высказываетъ негодованіе въ нѣсколькихъ словахъ: «Сынъ мой, кажется насъ презираютъ!» Таковъ онъ, когда приходитъ во дворецъ своего сына, принося ему совѣты и ста-

раясь предохранить отъ заблужденій, въ которыя могло бы ввести его новое могущество. Что касается до самаго героя комедіи, Зенона де-Сомодевиллы, то нужно сознаться, что характеръ его изображенъ неудачнѣе всѣхъ. Поэтъ былъ здѣсь въ затрудненіи, потому что его окружали всѣ историческія воспоминанія о личности Эисенады. Трудно было не повредить этому сильному въ дѣйствительности характеру, заключивъ жизнь его въ рамку романическаго дѣйствія. Если однако не обращать вниманія на историческія невѣрности, которыми полна комедія Руби, то нельзя не признать, что авторъ влилъ много человѣчности, истины и интереса въ изображеніе этого лица въ различныхъ его положеніяхъ. Прослѣдите за Сомодевиллой въ обихъ частяхъ комедіи, гдѣ онъ героемъ: въ первой части, все ему улыбается, жизнь открыта предъ его глазами, и препятствія только возбуждаютъ его дѣятельность. Онъ живо идетъ впередъ, двигаемый высокими побужденіями, полный благородной гордости. Умъ и любовь сливаются, такъ сказать, въ душѣ его, и представляютъ ему одну и ту же цѣль. Если онъ любимъ, то любимъ собственно лично, а не его званіе и богатство. Такова безкорыстная любовь доны Клары, встречающейся съ нимъ въ то время, когда онъ еще ничего не значить. Если онъ возвышается надъ всѣми, такъ это за его заслуги; вражда не успѣваетъ въ своихъ замыслахъ противъ него, не можетъ остановить его полета, и успѣхъ оканчиваетъ первый періодъ его жизни. Не то видимъ мы во второй половинѣ. Здѣсь все измѣняется: благородныя стремленія къ высокому ослабѣваютъ, чувства измѣняютъ свое значеніе. Благородное желаніе общественнаго блага обращается въ честолюбіе, любовь уже неупоительная сила, двигавшая имъ прежде: она теперь стала чистымъ расчетомъ; она уже не внушаетъ сердцу благородныхъ стремленій, но становится препятствіемъ и дѣлается простымъ препровожденіемъ времени. Духъ гордости овладѣваетъ тѣмъ, кто еще недавно самъ терпѣлъ отъ гордости другихъ; у него нѣтъ уже безкорыстныхъ друзей, его окружаютъ только льстецы, готовые оставить его при первомъ несчастіи. Онъ теряетъ прежнія свои качества и остается безоруженъ противъ враговъ, онъ унижается до интригъ, и интриги побѣждаютъ его. Нельзя сказать, чтобъ Руби изобразилъ эту картину во всей ея полнотѣ; но онъ, по крайней мѣрѣ, указалъ въ своей комедіи на элементы, которыхъ уже не нужно создавать тому, кто хотѣлъ бы ихъ вышолнить съ большимъ талантомъ.

Таковы самыя замѣчательныя дарованія, обнаружившіяся въ послѣднее время въ области драматической поэзіи испанцевъ, дарованія, правда, болѣе поверхностныя, чѣмъ глубокая, скорѣе обнаруживающія

превосходныя мысли, чѣмъ вполне выражающія ихъ, и скорѣе очерчивающія предметъ, чѣмъ совершенно рисующіе его. Если сравнить между собою дарованія Веги, Бретона и Руби, то легко опредѣлить каждое изъ нихъ особенною чертою.

Въ Вегѣ есть нѣкотораго рода правильность и оборотъ мысли, напоминающій Маротина; онъ кажется, особенно занимается изученіемъ человѣческихъ слабостей и отысканіемъ интереса, происходящаго изъ сплетенія страстей.

Бретонъ де-лосъ-Герреросъ разнообразіе въ своихъ очеркахъ; утонченная живость его ума не стѣсняется въ выборѣ предметовъ, не сдавлена предшествовавшими образцами; никто, лучше его, не умѣетъ схватить послѣднюю черту уничтожающагося обычая, или *смынное* при самомъ его появленіи. Онъ особенно занимается изученіемъ нравовъ классовъ среднихъ и низшихъ. Дарованіе Руби имѣетъ болѣе серьезное значеніе, направленіе его выше и въ немъ больше изящества. Онъ владѣетъ тою свободою языка, которая необходима для точнаго изображенія жизни и привычекъ высшихъ классовъ, гдѣ все принимаетъ какой-то особенный цвѣтъ, гдѣ даже недостатки скрываются подъ болѣе благовидною наружностью. Вотъ какъ новая испанская комедія является въ главныхъ своихъ видахъ въ сочиненіяхъ этихъ трехъ писателей. Въ комедіяхъ Бретона преобладаетъ живая и насмѣшливая фантазія; нравственный анализъ составляетъ интересъ комедіи *Сельскій человекъ*; Руби сдѣлалъ попытку въ исторической комедіи, написавъ *Колесо счастья* и *Дворъ Карла II*. Нужно еще прибавить къ этимъ попыткамъ нѣсколько очерковъ поэтическихъ нравовъ, между которыми достойно замѣчанія *Честолюбіе* Наваретта.

III.

ЗАОКЕАНІЙСКІЯ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

СУГАНДИ.

Въ Бомбей носильщики паланкиновъ — люди крѣпкаго сложенія; цѣлый день бѣгутъ они, молча, ровнымъ шагомъ, по улицамъ и песчаному взморью. Въ Калькутѣ это народъ другой породы, ловкій, живой, способный быстро бѣжать подъ крикъ: *гавасъ, гавасъ!* «смѣлый, смѣлый!» Въ Пондшери и вообще на берегу Коромандельскомъ, въ странѣ паріевъ, иногда закачиваютъ васъ на своихъ плечахъ носильщики крикливые, неугомонные, которые безпрестанно болтаютъ, спорятъ и производятъ такой шумъ, что непременно притянутъ къ вашему паланкину со всѣхъ сторонъ нищихъ. Эти носильщики, не принадлежащіе къ кастамъ, отверженные отъ общества индусовъ, сами себя не уважаютъ и сильно предаются крѣпкимъ напиткамъ. По этому—то одинъ браминскій законодатель въ негодованіи и назвалъ ихъ *последними изъ людей*.

Года три тому возвращался я изъ поѣздки моей въ Транкебаръ; мнѣ оставалось всего проѣхать нѣсколько миль до Пондшери, главнаго

французекаго города въ Индіи, который, не смотря на свой упадокъ, все еще прекрасенъ. Это было въ іюнѣ. Береговой вѣтеръ, отъ жгучаго дуновенія котораго сохнутъ листья и трескаются камни, владычествовалъ уже съ недѣлю. Всѣ ручки высохли; горячая пыль, какъ вулканическій пепель, наполняла раскаленную атмосферу. Надо было на нѣсколько часовъ остановиться близъ рѣки Аріанкупамъ. Между тѣмъ какъ я искалъ защиты въ тѣни старыхъ манговыхъ деревь, носильщики паланкина растянулись подъ навѣсомъ какого-то жилья и поочередно ходили туда потягивать пальмовый сокъ. Едва солнце стало тонуть въ красноватомъ туманѣ и опускаться за деревья, мы опять пустились въ путь, въ надеждѣ, что луна освѣтитъ намъ дорогу до самаго Пондшери. Нѣсколько задыхающихся буйволовъ оставили на насъ печальные, угрюмые глаза, они до того были тупы и неподвижны, что вороны садились къ нимъ на спину и клевали морщинистую ихъ кожу. Терпѣливыя животныя даже не шевелились, чтобъ прогнать отъ себя безпокойныхъ гостей. Рыжіе коршуны, подобравъ крылья, понутивъ головы и раскрывъ клювы сидѣли тамъ и сямъ на сухихъ вѣтвяхъ высокихъ деревь, какъ-бы погруженные въ дремоту, и только по временамъ издавали особенный звукъ, похожій на громкое званье. Вся природа, казалось, была утомлена; земля, растенія, животныя, какъ-будто съ болезненнымъ самоотверженіемъ ждали періодическихъ дождей, предвозвѣщаемыхъ нѣсколько уже дней тучами, которыя за день вѣтеръ разсѣивалъ, но которыя каждый вечеръ снова собирались въ болѣе и болѣе грозномъ видѣ. Растянувшись въ паланкинѣ, я проклиналъ жары, о которыхъ теперь сожалею, и приводилъ себѣ на память наши зимы, чтобъ хотя мысленно освѣжиться, потому что и въ самой водѣ не было ни малѣйшей прохлады.

Носильщики сначала шли бодро, потомъ я сталъ чувствовать колебаніе, толчки, такъ что моя покойная карета походила уже на барку, бросаемую волнами, когда послѣ тишины поднимется на морѣ буря. Чѣмъ удары были сильнѣе, тѣмъ медленнѣе мы подвигались; всѣ четверо говорили разомъ, и къ нестройнымъ ихъ звукамъ присоединялся пискливый, бранчивый голосъ моего слуги. Видя, что пальмовое вино очень подѣйствовало на ихъ головы, я выскочилъ изъ паланкина и рѣшился идти пѣшкомъ. Поступокъ мой оскорбилъ носильщиковъ: они шли сзади меня, стыдась, что несутъ на плечахъ пустые носилки и что услуги ихъ остаются въ пренебреженіи. Индусъ мой посмотрѣлъ на нихъ свысока, какъ-бы говоря, что, вѣдь говорилъ я вамъ! Потомъ подѣжалъ ко мнѣ, чтобъ удостовѣриться, что не участвуетъ въ общей опалѣ.

Мы прошли шаговъ сто, какъ встрѣтились съ двумя странными, самыми безобразными существами, у которыхъ, кромѣ слова, ничего не было человѣческаго. Одинъ едва носилъ на тонкихъ ногахъ блѣдно-синее сухашавое тѣло, испещренное черными широкими полосами; другой ковылялъ жидкимъ туловищемъ и походилъ скорѣе на скелета съ чудовищными ногами, чѣмъ на живаго человѣка. Оба кричали, протягивая къ намъ скорлупу кокосоваго орѣха, въ которую прохожіе бросали милостыню. Я тоже бросилъ въ нее нѣсколько мѣдныхъ монетъ, смотря съ ужасомъ на несчастныхъ, въ высшей степени обезображенныхъ двумя страшными болѣзнями, почти неизвѣстными въ Европѣ: бѣлою проказой и элифантизмомъ—жестокій бичъ, ниспосылаемый природою на этотъ благодатный климатъ! Они спрятали это жалкое подаваніе въ ладони своихъ рубищъ и удалились подъ купу кокосовыхъ деревьевъ, въ шалашъ, служившій имъ приютомъ. Казалось, они жили дружно, какъ люди, которымъ нечему было другъ въ другъ завидовать.

Между тѣмъ появленіе ихъ въ этомъ уединенномъ мѣстѣ заставляло меня полагать, что по близости должна быть гдѣ нибудь пагода.

— Гануманъ, сказалъ я слугѣ, стоявшему позади меня съ зонтикомъ въ рукахъ: если я не ошибаюсь, за этими деревьями должно быть старинное капище, или какія нибудь развалины, на которыя стоитъ взглянуть?

— Такъ точно, отвѣчалъ Гануманъ, тамъ есть страшныя статуи краснаго, кроваваго цвѣта, онѣ еще безобразнѣе тѣхъ, которыя показывали вамъ въ пагодахъ шиламбарамскихъ.

Индусъ говорилъ съ такою вольностью объ идолахъ своей родины потому, что принадлежалъ къ семейству паріевъ, давно обратившемуся въ христіанство.

Когда мы подходили къ шалашу, гдѣ жили нищіе, намъ представился цѣлый рядъ уродливѣйшихъ изображеній и, въ тоже время, изъ развалинъ небольшой пагоды вышла старуха, почти нагая, черная, вся въ морщинахъ. Прислушиваясь къ нашему говору, она остановилась, какъ бы желая осмотрѣться, потомъ пошла впередъ, протягивая съ осторожностью руки; она цѣла довольно гармоническіе стансы, аккомпанируя движеніями рукъ, и подобно баядеркамъ, медленно отступала назадъ, держась на однихъ носкахъ и складывая предъ лицомъ своимъ ладони. Гануманъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ ужасомъ и закричалъ на ихъ языкѣ: — Возьми это, Суганди.

Старуха взяла серебряную монету ощупью и тщетно подымала на насъ глаза: она была слѣпая. Обратясь потомъ къ идоламъ, она каза-

лось исторгала у этихъ истукановъ благословенія, которыя потомъ полными руками къ намъ пересылала. Гануманъ между тѣмъ ускорялъ свои шаги съ довольнымъ видомъ, какъ школьникъ, задобившій кускомъ хлѣба попавшуюся на дорогѣ собаку.

— Господинъ милостивый, продолжалъ онъ, приближаясь и вперяя глаза въ пагоду: вотъ идолы, счетомъ ихъ семь, кромѣ изображенія Пуліара, сидящаго на корточкахъ въ малой пагодѣ.

Статуи грубѣйшей работы, испачканныя охрою и сажею, стояли передъ нами рядомъ, посреди просторной площадки, осыпанной столѣтними деревьями, съдыми пальмами и мангами безъ вѣтвей, остатками какого-то сада.

Безъ всякой церемоніи я снялъ свою соломянную шляпу и надѣлъ ее на голову Пуліара, эмблему мудрости съ головою слона и хоботомъ, достигающимъ до огромнѣйшаго чрева. Если въ капищѣ не было прохлады, то была за то темнота. Мифологическая эта группа, по правдѣ сказать, не стоила особеннаго вниманія: казалось, видишь предъ собою въ человѣческой ростъ куклы, годныя на пугала для младенческаго народа. Въ нихъ не было и слѣда той художественности, которой удивляются въ сѣверной Индіи и въ другихъ мѣстахъ полуострова.

— Точно ли ты увѣренъ, Гануманъ, сказалъ я, отдохнувъ не много, что прокаженные и старуха не злые духи, обитающіе въ преддверіяхъ капищъ? Смотри пожалуй какъ она похаживаетъ предъ истуканами!

— Язычники имѣютъ свои повѣрья, отвѣчалъ Индусъ; у нихъ, напримѣръ, оспа означаетъ посѣщеніе Сивы, и потому въ большомъ почетѣ; они уважаютъ идиотовъ наравнѣ съ мудрецами; что-же касается до старухи....

— Признайся, ты трусишь ее?

Если я и трушу, то не ее собственно, а того, что она на себѣ носить, и что индійцы называютъ *сана*, а Европейцы проклятіемъ. Одни говорятъ, что она читаетъ въ будущемъ, другіе, что знаетъ прошедше и настоящее; но бѣдная женщина не колдунья, и еслибъ солнце не заходило за эту тучу, которая можетъ обрушиться на насъ дождемъ, и не наступила ночь, я бы могъ разсказать вамъ, милостивый господинъ, печальную ея исторію. Едва ли кто лучше меня ее знаетъ, потому что я слышалъ ее еще ребенкомъ отъ стараго сипая, служившаго противъ англичанъ.

Рискуя быть застигнутымъ грозой и провести ночь въ пагодѣ, въ компаніи идоловъ, какъ это мнѣ не разъ уже случалось, я полюбоществовалъ узнать исторію Суганди, полагая что она можетъ быть

хорошо разсказана и паріемъ; пять столѣтій тому, старый трубадуръ, порою еврей, говаривалъ на исковерканномъ испанскомъ языкѣ:

Non vale el azor menos
 Por nascer en vil nio,
 Ni los enxiempls buenos
 Por los decir Iudio,

«Ястребъ не теряетъ своей цѣны, хотя и вышелъ изъ низкаго гнѣзда, равно какъ и добрые примѣры.»

I.

Гануманъ началъ:

«Очень далеко отсюда, на югѣ, есть знаменитая Пагода, называемая Тирупатти. Много заключается въ ней богатствъ: золота и серебра, драгоценныхъ вещей и камней, лошадей, коровъ, парчей и мало ли еще чего; поклонники приносятъ и приводятъ къ ногамъ Вишну все, что у нихъ есть драгоценнаго. Въ тотъ день, когда торжественно возятъ идола въ колесницѣ, брамины, управляющіе поѣздомъ, ищутъ въ толпѣ хорошенькихъ дѣвушекъ для служенія истукану. — Я, господинъ милостивый, не болѣе, какъ парія, но я не лгу.»

Гануманъ принялъ въ дурную для себя сторону движеніе мое и взглядъ на меньшую изъ семи статуй. Въ это время воронъ сѣлъ на плечо истукана, и какъ эти птицы имѣютъ привычку острить свой клювъ обо что нибудь жесткое, то казалось, что онъ шепчетъ что-то на ухо идолу.

— «Этотъ маленькій великанъ, продолжалъ Гануманъ, указывая пальцемъ на седьмую статую, самый хитрый изъ семи братьевъ; онъ скачетъ ночью по деревнямъ и узнаетъ все, что тамъ дѣлается: есть волшебныя птички, которыя про всё ему разсказываютъ; такъ вѣрять, по крайней мѣрѣ, язычники.— Впрочемъ, всё, сказанное мною о пагодѣ Тирупатти, справедливо, и я не боюсь ни великана, ни его вора. — «Когда добровольно завербованныя дѣвушки начнутъ старѣться, (въ нашемъ климатѣ молодость проходитъ скоро), брамины отпечатываютъ на ихъ груди раскаленнымъ желѣзомъ особый знакъ, показывающій, что истуканъ не имѣетъ въ нихъ болѣе надобности. Тогда растворяются двери пагоды, и онѣ могутъ идти на всѣ четыре стороны. Обыкновенно онѣ живутъ милостынею, потому что именуются *лакми*,

т. е. женами Вишну; но, господинъ милостивый, горестно ихъ существованіе! Нашъ братъ изъ низшей касты, идетъ въ ремесленники, слуги, хлѣбопашцы, по крайности добываетъ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ. Миссіонеры научаютъ насъ читать, писать и считать, такъ, что въ глазахъ европейцевъ, мы могли бы показаться не изъ послѣднихъ людей, еслибъ только имѣли право носить башмаки....»

Я не хотѣлъ сказать бѣдному паріѣ, что онъ раздѣляетъ это запрещеніе съ невольниками Французскихъ колоній и южныхъ провинцій Соединенныхъ Штатовъ. Въ Европѣ не многимъ извѣстно, что право носить обувь означаетъ благородство не только между язычниками, но и въ странахъ подвластныхъ народамъ, которые считаютъ себя по преимуществу образованными!

«И такъ, мой милостивый господинъ, мать этой слѣпой старухи была одною изъ прелестнѣйшихъ баядерокъ идола Тирушати, продолжалъ Гануманъ. Однажды, исполняя самую одушевленную пляску предъ колесницей Вишну, она поскользнулась и вывихнула ногу. При капищѣ не было искуснаго хирурга, и потому ее дурно пользовали. Брамины, наскучивъ видѣть между баядерками хромоногую *лакми*, дали ей отставку. Когда лошадь разбита ногами, растворяютъ конюшню, чтобъ она околѣла подальше; такъ сдѣлали и съ бѣдною женщиной, которая была еще молода и любима своими подругами. Оставивъ пагоду; она пошла по большимъ дорогамъ, испрашивая подаянія; она такъ пріятно пѣла выученные въ капищѣ гимны, что никто не отказывался бросить ей нѣсколько *пайкаса*, или дать полную чашу лучшаго сарачинскаго пшена. Продолжая идти, она собрала небольшую сумму денегъ, и была въ нѣсколькихъ уже миляхъ отъ Пондишери, какъ встрѣтилась съ толпою *Кураверъ*. Эти люди вѣчно путешествуютъ, никто не знаетъ откуда они пришли, куда и зачѣмъ идутъ; они живутъ хищничествомъ, ѣдятъ собакъ и воровать; это разбойники, у которыхъ нѣтъ ни шалашей, ни пагодъ; бродяги, кочующіе подъ навѣсами и называющіе себя корзишниками. Если у кого что пропало, значить наканунѣ въ сосѣдствѣ кочевали *кураверы*; но будьте увѣрены, что за ночь они уже скрылись.

Толпа этихъ мошенниковъ отняла у *лакми* все ея достояніе, и деньги, и вышитую блѣстками кисею, которую бросили въ огонь, чтобъ получить изъ нее золотую выжигу. Бѣдняжка въ отчаяніи упала на дорогѣ. По счастью настигъ ее *падре*, или католическій монахъ, которыхъ тогда было довольно въ Индіи. Падре ѣхалъ верхомъ на лошади,

навѣститъ одного больного въ *альдъ* *, отстоящей на милю отъ Пондишери; слуга бѣжалъ позади его. Двоемъ они подняли нищую, посадили на лошадь и продолжали свой путь. Достигнувъ до одного дома, обнесеннаго заборомъ, они вошли въ него. Бѣдная женщина думала, что опять попалась въ пагоду, но вскорѣ поняла свое заблужденіе. Съ утра до вечера приходили туда подобныя ей несчастныя и читали вслухъ молитвы, которыя и она выучила. Сначала падре внушалъ ей страхъ своимъ чернымъ платьемъ, но проживъ шесть мѣсяцевъ въ маленькой альдѣ, она вышла оттуда христіанкою, да, сударь, она окрестилась какъ вы и я!

Падре снабдили ее деньгами такъ, что она могла открыть лавку и продавать сладкіе пирожки, которые дала на славу. Каждый день, выключая воскресенья, она сидѣла съ своимъ пирожнымъ подъ деревьями, гдѣ прогуливаются въ Пондишери. Язычники говорили, что она имъ измѣнила, что она носитъ на груди знакъ раскаленнаго желѣза; но христіане распространяли слухъ, что это вдова одного синая; между тѣмъ она такъ хорошо умѣла надѣвать на себя покрывало, что никто не могъ видѣть проклятаго знака на ея груди.»

Въ продолженіе этого разсказа, который Гануманъ спѣшилъ окончить, надъ горизонтомъ поднялись тучи, вихрь срывалъ съ высокихъ деревьевъ сухіе листья и крутилъ ихъ въ столбъ пыли. Молнія фіолетоваго цвѣта разрѣзывала тучи, но грома еще не было слышно. Большая изъ семи статуй (въ одной рукѣ она держала мечъ, въ другой отрубленную голову) находилась прямо противъ густой тучи, которая служила ей чудной декораціей. Я сложилъ тетрадь, въ которую ерисовывалъ пагоду, и спряталъ карандаши; по всему видно было, что въ эту ночь муссонъ вступить въ свои права, и намъ не придется уйти отсюда. Носильщики паланкина укрылись въ кустарникѣ, между тѣмъ какъ двое прокаженныхъ укрѣпляли вѣтвями свои шалаши изъ пальмовыхъ листьевъ; даже слѣпая, чувствуя перемѣну въ атмосферѣ, удалилась въ свою кануру въ развалинахъ маленькой пагоды, куда натаскала охапки сухой травы. Смотри на старуху, сидящую подлѣ кувшина, въ глубинѣ этой уединенной кельи, можно было принять ее за плѣнницу, прикованную къ стѣнѣ темницы.

Гануманъ глядѣлъ на нее съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, къ которому я не считалъ его способнымъ. — Бѣдное созданіе! сказалъ онъ, качая головою.

* Небольшое селеніе.

— Гануманъ, ты потерялъ нить своего разсказа, и если я тебѣ не помогу, ты все перемѣшаешь по восточному.

— «Я остановился, милостивый господинъ, на сладкихъ пирожкахъ *лакми*, возразилъ съ живостью Индусъ; она приготовляла ихъ изъ риса съ очищеннымъ масломъ, кокосовымъ молокомъ, индійскимъ перцемъ, корицей, мушкатнымъ орѣхомъ, со всеми снадобьями, отъ которыхъ морщатся европейцы—до того наши лакомства кажутся имъ вкусными! И такъ, лавка ея процвѣтала; когда дѣти приходили на гулянье, они дергали матерей своихъ за руку и приводили къ хромоножкѣ. Богатымъ она продавала пирожки, бѣднымъ давала ихъ даромъ. Когда же маленькіе нищіе окружали ея печку, вмѣсто того, чтобъ прогнать ихъ, какъ дѣлаютъ другіе, она надѣляла ихъ вчерашними пирожками и отирала глаза, какъ будто-бы плакала.

«Ахъ! въ это время она мечтала о своей дочери, прекрасной малюткѣ, оставленной ею еще въ колыбели и рожденной въ пагодѣ, потому что *лакми* была женою одного изъ главнѣйшихъ браминовъ Тирупатти. Когда *лакми* отпустили, она хотѣла взять съ собою свою дочь, но жрецъ воспротивился этому, потому ли что любилъ малютку, или потому, что намѣревался со временемъ сдѣлать изъ нея ученѣйшую баядерку въ пагодѣ. Одинъ поэтъ индійскій, много тому уже вѣковъ, сказалъ въ своихъ прекрасныхъ стихахъ: «Тотъ не зналъ истиннаго благополучія, кто не слышалъ у себя въ домѣ крика своего перваго младенца!» Бѣдная мать страдала, не слыша лепета своей дочери, не видя улыбки младенца, не качая его на рукахъ своихъ!

— Этотъ поэтъ, о которомъ ты говоришь, не назывался ли Тируваллаверъ? не былъ ли онъ паріа?

— Да, да, сударь, паріа и язычникъ.

— Я читалъ гдѣ-то, что онъ однажды пришелъ къ укрѣпленному городу, гдѣ властвовали брамины; они непустили его въ свои стѣны, потому что онъ принадлежалъ къ самой низкой кастѣ, но поэтъ взялъ лютию и пропѣлъ такіе стансы, что ворота сами собою предъ нимъ растворились, и онъ получилъ право гражданства въ городѣ браминовъ.

— Правда, правда, отвѣчалъ Гануманъ. Не знаю только гдѣ это случилось; но я читалъ исторію и стихи поэта въ древнемъ манускриптѣ на пальмовомъ листѣ.... «Такъ вотъ, милостивый господинъ, эта маленькая дѣвочка, о которой такъ горевала ея мать, которую такъ вѣжилъ и лелѣялъ отецъ, носила на шеѣ дорогое жемчужное ожерелье, въ ушахъ брилліантовыя серьги, на головѣ цвѣточную гирлянду, теперь вы видите ее предъ собою—это слѣпая старуха, Суганди, у которой

вмѣсто всѣхъ украшеній, старая тряпка для прикрытія чреслъ; она навѣдываетъ страхъ на проходящихъ; ее презираютъ даже прокаженные. Жизнь нѣкоторыхъ людей подобна весеннимъ днямъ нашей страны; поутру свѣтитъ солнце, вечеромъ льется потоками дождь и раздаются такіе удары грома, что, кажется, конецъ свѣту пришелъ.

Въ ту минуту, какъ индусъ оканчивалъ свою метафору, тучи повисли надъ нашими головами; сильнѣйшая молнія, разорвавъ густую массу, освѣтила зловѣщія статуи, у которыхъ виднѣлись теперь одни только профили. Ударъ грома тотчасъ послѣдовалъ за огненной молніей; раскаты его пронесли до самыхъ оконечностей горизонта; потомъ послышался шумъ, отъ котораго я давно уже отвыкъ; крупныя капли дождя падали на листья кокосовыхъ деревьевъ. Этотъ первый ливень означалъ наступленіе муссона; вой шакала въ кустарникахъ предувѣдомлялъ путника о наступленіи ночи.

II.

Если маленькая пагода Пуліара не представляла удобнаго убѣжища мнѣ и индусу, то носильщики паланкина еще хуже были укрыты: они сдѣлали себѣ наскоро шалашъ изъ кривыхъ сучьевъ *кашевы* и покрыли его листьями *вакуа*. Я сердечно жалѣлъ о бѣднякахъ, хотя невоздержность ихъ и была отчасти причиною нашего ночлега вдали отъ всякаго жилья. Нищіе скорчились въ своей канурѣ, какъ ежи въ норѣ, и уже храпѣли; что касается до слѣпой, то она вздрагивала при каждомъ ударѣ, и прятала голову подъ солому. Молнія не могла предувѣдомлять ее какъ другихъ о громѣ, который внезапною своею жестоко пугалъ старуху. Между тѣмъ Гануманъ приготавливалъ мнѣ скромный ужинъ изъ банановъ, апельсиновъ и чашки чая; потомъ сваривъ свой рисъ и поставивъ паланкинъ подъ пагоду, чтобъ я могъ покойнѣе уснуть, онъ позаботился сыскать и для себя убѣжище въ углу капища, конечно, въ почтительномъ отъ меня разстояніи. Мнѣ однакожъ вовсе не хотѣлось спать, когда вся природа оживлялась благотворнымъ дождемъ; притомъ же европеецъ не обладаетъ способностью дикаря — тотчасъ засыпать когда зажмуритъ глаза.

— Послушай, Гануманъ, сказалъ я, снеси старухѣ остатки отъ нашего ужина, а потомъ приходи ко мнѣ досказать исторію. Гроза удаляется; слѣпая теперь уже не такъ боится.

Индусъ скоро воротился. — Она ѣла точно какъ шакалъ, сказалъ онъ, ставя фонарь на паланкинъ и зонтикъ, съ котораго лилась вода въ уголъ

пагоды. Она не знаетъ, что теперь ночь, и много уже лѣтъ ужинаетъ безъ свѣта. Едва она начала ходить, отецъ сталъ уже брать ее съ собою на всѣ церемоніи; мало-по-малу выучилась она читать, танцовать и сочинять гимны. Въ легкомъ платьицѣ, усыянномъ золотыми блестками, съ кольцами на ногахъ, браслетами на рукахъ, въ кашмировыхъ шаль-варахъ, застегнутыхъ брилліантовыми пряжками повыше лодыжки, она бѣгала, скакала и рѣзвилась у портиковъ пагоды, какъ гурія магометова рая. Да, милостивый господинъ, она тогда была столько же хороша, сколько теперь безобразна. Истуканъ Тирупатти могъ ревновать ее; дѣвушка эта казалась царицею пагоды; но съ лѣтами и увеличивались ея шалости.

«Когда человекъ счастливъ въ юности, надо бояться за его будущность. Суганди на древнемъ языкѣ значитъ *благодарящая*; но не всякій цвѣтокъ сохраняетъ ароматъ свой до вечера. Молодой дѣвухкѣ наскучила пагода; чего бы, кажется, ей недоставало? Не отворялись только двери, когда ей того хотѣлось! Украшенія ея не успѣвали блекнуть: ихъ перемѣняли по ея желанію; но надлежало носить ихъ все предъ тѣми же лицами. И притомъ, господинъ милостивый, между баядерками и дѣтьми ихъ не всегда существовало полное согласіе. По мѣрѣ того какъ Суганди подростала, пожилыя становились равнодушнѣе къ ея играмъ; подруги старались раздражать ее. Сначала сами ее баловали, а потомъ сдѣлались строги къ ея тщеславію и шалостямъ.

«Однажды при главномъ торжествѣ, на которое собралось множество народа, везли идола на его деревянной колесницѣ, вокругъ которой плясали баядерки. Наканунъ Суганди не много пожурили, и она отказалась занять свое мѣсто въ числѣ подругъ, которыя большими опахалами отгоняли мухъ отъ истукана. Отецъ звалъ ее, она не слушалась; начальникъ браминовъ грозилъ ей, она надъ нимъ смѣялась. Случиться могъ соблазнъ, еслибъ громъ барабановъ, звукъ морскихъ раковинъ и роговъ, крикъ и визгъ толпы не заглушили этой сцены. Но Суганди понимала, что ее ожидаетъ строгое наказаніе; брамины въ такихъ случаяхъ безжалостны, и тѣмъ хвалятся, говоря, что идолы не прощаютъ извѣстныхъ проступковъ; они стараются имъ въ этомъ подражать, чтобъ быть живымъ ихъ подобіемъ. Гнѣвъ ихъ и кара ужасны; если виновный скроется отъ ихъ мщенія, они призываютъ на него проклятіе, которое, по ихъ увѣренію, такъ дѣйствительно, что они сами уже не въ состояніи его снять.

«Боясь послѣдствій своей вѣтренности, молодая дѣвушка покинула пагоду и смѣшалась съ толпою. Отецъ сначала печалился о потерѣ своей

дочери, но гнѣвъ одолѣлъ родительское чувство, и браминъ проклялъ дочь, которую такъ любилъ. Онъ налилъ воды въ свои пригоршни и бросилъ ее на воздухъ, сказавъ: неблагодарная дочь, оставляющая пагоду и отца! не видать тебѣ никогда идола, которому была обручена! Исполнивъ это, онъ перестать думать о Суганди, и принялся по прежнему мазать кокосовымъ масломъ статуи въ капищѣ; сердце у него было спокойно, онъ сдѣлалъ свое дѣло—отметилъ!»

Вдругъ вихрь потушилъ въ фонарѣ свѣчу; за дождемъ послѣдовалъ сильный порывъ вѣтра. Настала мрачная ночь; изъ-за тучъ, бѣгущихъ къ горизонту, показась луна. Она освѣщала широкія лужи вокругъ статуй семи гигантовъ, и бросала по влажной землѣ колоссальныя ихъ тѣни. Я понялъ тогда, что человѣкъ въ нѣкоторыя минуты можетъ бояться собственныхъ своихъ издѣлій и приписывать сверхъестественную силу изображеніямъ, вышедшимъ изъ его рукъ. При сомнительномъ свѣтѣ луны, при трепещущемъ мерцаніи звѣздъ, смотря пристально на статуи, чудилось, что онѣ шевелятся, дрожать, дѣлаютъ движенія, сообразныя своимъ положеніямъ. Всякій разъ, какъ лучъ свѣта упалъ на семь стоящихъ предо мною каменныхъ изображеній, мнѣ казалось, что ихъ страшныя лица медленно ко мнѣ обращаются и поднимаютъ длинныя свои руки, вооруженныя мечами и пальцами.

— Я думаю, сказалъ я, послѣ нѣкотораго молчанія Гануману, что Суганди для бѣгства своего выбрала ночь получше теперешней: подъ такимъ дождемъ не ушла бы она далеко въ прозрачномъ платѣ баядерки.

«Да, милостивый господинъ, торжество было въ засуху, безъ чего не собралось бы такого множества народа. Молодая дѣвушка, слышавшая о своей матери, о причинѣ, по которой она оставила пагоду и какимъ ремесломъ занималась въ Пондишери, присоединилась къ толпѣ купцовъ, пришедшихъ на праздникъ столько же изъ усердія, сколько и для барышей. Это были честныя *баніаны*, они на телѣгахъ своихъ ежедневно дѣлали небольшіе переѣзды и возвращались во французскій городъ послѣ длиннаго странствованія по южнымъ провинціямъ. Война возмутила всю эту землю. Съ одной стороны мусульмане мизорскіе, съ другой Низамъ, вице-король Декканскій и Марраты, здѣсь французы и англичане, всего пять народовъ сражались и опустошали селенія. Тяжелое было времячко и для браминовъ и для паріевъ; не разъ жрецовъ Вишну выгоняли изъ лучшихъ пагодъ, обращааемыхъ въ крѣпости, закладывали входы портиковъ, снабжали зубцами стѣны; пули и ядра разбивали головы идоламъ, также какъ и людямъ.

«Много прошло съ тѣхъ поръ времени. Прибывъ въ Пондишери, Суганди отчаивалась отыскать мать свою, такъ много было солдатъ, офицеровъ, моряковъ на площадяхъ, улицахъ и на валахъ. Въ ту пору военная форма была довольно странная: господа посыпали свою голову бѣлымъ порошкомъ, какъ рисовая мука, и съ бѣлыми, какъ у стариковъ волосами, долѣе сохраняли видъ молодости и свѣжести; я думаю, этой самой пудрой, брюнетки, родившіяся въ Индіи, потихоньку бѣлятъ лицо, плеча, шею, чтобъ лучше походить на европейнокъ. Странная, сударь, эта мода; но скажите, зачѣмъ приходящія сюда суда изъ Европы привозятъ безпрестанно новыя моды? Мы, съ давнихъ временъ, не перемѣняемъ своей одежды; посмотрите на эти статуи и на другія, древнѣйшія: онѣ точнехонько такъ одѣты, какъ одѣваются и нынче въ Индіи. Покрайней мѣрѣ, не смѣшесь надъ своими предками и знаешь, что не будутъ и надъ тобою смѣяться потомки.

— Гануманъ, зажги другую свѣчу, сказалъ я индусу, когда онъ окончилъ свою фразу, я хочу яснѣе видѣть лицо человѣка, который разсуждаетъ такъ умно.

— «Господинъ милостивый позволилъ мнѣ говорить; когда будетъ ему угодно, я замолчу.... Но, право, я мало забочусь о томъ, для чего эта слѣпая старуха вся въ морщинахъ, какъ худой буйволъ, торчитъ въ развалинахъ, въдали отъ города и селеній, у ногъ этихъ гадкихъ идоловъ! Суганди не имѣла недостатка въ совѣтахъ: мать давала ей, сударь, превосходныя наставленія. Но надо прежде сказать, какъ она нашла свою мать. Однажды, на гуляньѣ, Суганди увидѣла хромающую женщину, которая суетилась около лавочки съ пирожками. У молодой дѣвушки сильно забилося сердце; она подошла къ столу, на которомъ еще дымились горячіе пирожки, но продавица стояла къ ней спиною. Суганди была жива, нетерпѣлива, вмѣсто того, чтобъ ждать, когда женщина обернется къ ней, она сдернула съ нее покрывало, плечи обнажились, и знакъ на груди лакми открылся. Дѣвушка бросается къ ней на шею, какъ сумасшедшая, называетъ ее своею милою матерью, пожирая глазами слѣды раскаленного желѣза, которые причиняютъ ей столько же радости, сколько стыда окрещенной лакми. Молодая дѣвушка ясно читаетъ въ этомъ знакѣ имя своей матери; что касается до послѣдней, ей не трудно было удостовѣриться, что Суганди ея дочь. Отъ избытка чувствъ она не произноситъ ни одного слова, не можетъ свести глазъ съ молодой дѣвушки и наконецъ заливается слезами.

«Велика была для бѣдной женщины радость найти свою дочь, спасенную изъ пагоды. Надлежало послѣдней быть столь же благоразумной,

какъ была она прекрасна! Въ это время въ Пондшери много было военныхъ; молодые офицеры любили смотрѣть на пляски баядерокъ. Но продавица сладкихъ пирожковъ не дремала, и не позволяла своей дочери имѣть сообщеніе съ потерявшими себя танцовщицами. Суганди, будучи язычницей, не понимала, чего боится ея мать. При звукахъ пѣсенъ и тамбурина она скакала, побрякивая кольцами на своихъ ножкахъ. Воспитанная быть кокеткою, зная, что можетъ нравиться своею красотою, пѣніемъ, она жаждала рукоплесканій въ пляскахъ, которыя, не знаю почему, такъ нравятся европейцамъ, не понимающимъ настоящаго смысла заключающейся въ нихъ миѳологіи.

— «Суганди, сдѣлайся христіанкою, часто говаривала лакми своей дочери, рассказывая ей свои походы со времени оставленія пагоды; но слова эти падали на бесплодную почву. Въ пятнадцать лѣтъ у дѣвочки мало было разсудка; она веселилась и пѣла, какъ весенняя птичка. Но весна непродолжительна: настала и для Суганди день, въ который она что-то посерьезничала. И какъ бы вы думали, отъ чего? Молодой, красивый офицерикъ, недавно пріѣхавшій изъ Европы, напудренный, въ треугольной шляпѣ, въ башмакахъ съ пряжками, дѣлалъ своей ротѣ ученье близъ гулянья, гдѣ была лавочка съ сладкими пирожками. Слѣпая вѣрно думаетъ, что офицеры и теперь носятъ такую же форму; бѣдная старуха! давно сомкнуты глаза ея!

«Въ эту эпоху, господинъ милостивый, Пондшери могъ считаться наилучшимъ городомъ въ Индіи. Англичане разъ его взяли и разорили; но, при заключеніи мира, онъ ожилъ, какъ фениксъ изъ пепла. Когда возгорѣлась вторая война, пять тысячъ были употреблены на вырытіе рововъ и исправленіе укрѣпленій. Нѣкоторые изъ индусовъ убѣжали въ Мадрасъ, Транкеберъ и другія дальнія селенія; городъ сдѣлался не такъ многолюденъ, но за то лучше былъ снабженъ жизненными припасами. Губернаторъ Белькомбъ внушалъ жителямъ довѣренность своимъ мужествомъ и искусствомъ; непріятеля ожидали съ увѣренностью въ себѣ.

«Между военными заботами, молодой капитанъ не думалъ объ удовольствіяхъ. Суганди часто скрывалась за деревьями, чтобъ вдоволь насмотрѣться на бѣлаго, румянаго офицера, который не успѣлъ еще загорѣть отъ солнца Индіи. Онъ казался серьезнымъ и немного печальнымъ, потому что скучалъ о Франціи. Говорятъ, однако, что въ этой землѣ очень холодно, что бананы тамъ не зрѣютъ, что....

Вдругъ Гануманъ сдѣлалъ скачекъ изъ пагоды: змѣя, привлекаемая огнемъ, ползла подъ паланкинъ. Мы кивнули носильщиковъ и прогна-ли пресмыкающееся животное.

— «Въ Европѣ нѣтъ въ домахъ опасныхъ животныхъ, сказала я Гануману, нѣтъ и несносныхъ москитовъ, которые жужжатъ теперь вокругъ фонаря, покрайней мѣрѣ, это служить вознагражденіемъ за тѣ блага, въ которыхъ отказала ей природа.

— «Точно такъ, господинъ милостивый, но отъ чего же это ѣдутъ къ намъ европейцы, а не мы къ нимъ, исключая однакожь Суганди, которая готова была всюду слѣдовать за Французскимъ офицеромъ, потому что любила его. Послѣ ученья онъ часто приходилъ въ лавку пирожницы зажигать сигару, молодая дѣвушка подносила ему огонь, какъ жертву Тируппати. Пустивъ нѣсколько клубовъ дыму, для удостовѣренія, что сигара закурилась, офицеръ благодарилъ учтивымъ образомъ и удалялся, не обращая особаго вниманія на молодую дѣвушку, которая стояла какъ неподвижная статуя, сложа руки на груди. За то другіе засматривались на Суганди и называли ее *хорошенькой*, но она отворачивалась отъ нихъ съ сердитымъ видомъ.

Разъ ударили по всему городу тревогу: многочисленный непріятель обложилъ едва оконченныя укрѣпленія; пришлось драться.

Гарнизонъ расположился на валу, женщины носили солдатамъ пищу. Суганди отыскала молоденькаго офицера на одномъ бастіонѣ, близъ воротъ, изъ которыхъ французы дѣлали частыя вылазки для истребленія непріятельскихъ работъ. Каждый день, въ извѣстный часъ, молодая дѣвушка являлась къ капитану съ корзиною самыхъ отборныхъ плодовъ; тотъ принималъ приношеніе, и, улыбаясь, говорилъ: «Благодарю, благодарю, милая; когда окончится война, не оставлю тебя безъ вознагражденія.» — При этихъ словахъ дѣвушка съ особеннымъ чувствомъ устремляла на него свои большіе глаза. По утрамъ, помогая своей матери, она не забывала опускать въ корзину самые лучшіе пирожки, между тѣмъ какъ лакми осыпала свою дочь нѣжнѣйшими ласками. Эти двѣ женщины, не смотря на незавидную участь осажденнаго города, находили отраду въ любви другъ къ другу.

Нѣсколько разъ непріятельскія нападенія были отбиты, напоследокъ англичане тѣсно обложили Пондишери, громили укрѣпленія и обстрѣливали рейдъ съ семнадцати батарей. Послѣ шестидесяти-дневной осады, губернаторъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію: у него не оставалось и тысячи человекъ гарнизона, и онъ не могъ ожидать никакой помощи ни съ сухаго пути, ни съ моря. За нѣсколько дней до сдачи города, завязалось кровопролитное дѣло на сѣверной сторонѣ, которую защищалъ молодой капитанъ холоднымъ оружіемъ. Суганди проложила себѣ дорогу между ранеными; она закрывала глаза, когда надо было

перешагнуть чрезъ тѣла убитыхъ, и наконецъ достигла до бастиона въ ту самую минуту, когда непріятельская пуля ударила молодаго офицера въ самое сердце, и онъ упалъ навзничъ. Бѣдная дѣвушка видѣла, какъ онъ, блѣднѣя, судорожно сжималъ эфесъ сабли и закрылъ навѣкъ глаза.... Суганди отбѣнѣла отъ ужаса, думали что и она умерла. Когда одинъ солдатъ хотѣлъ удалить ее отъ тѣла капитана, она вдругъ какъ будто ожила, наклонилась къ убитому, и прильнула губами къ блѣдному лбу. — «Это сумасшедшая, сказалъ сержантъ, ей вѣрно хочется, чтобъ ее убили; здѣсь пули и картечь такъ сыплются градомъ!» — Женщинамъ нечего здѣсь дѣлать! вскричалъ раненый солдатъ, назадъ! убирайся ты съ твоими плодами и пирожками»... Въ эту минуту пушечное ядро засыпало землю весь бастионъ и погребло до половины убитаго капитана, который былъ впереди всѣхъ. Тогда Суганди бросилась бѣжать чрезъ городъ, какъ газель, преслѣдуемая своєю гончихъ; на углу, гдѣ бывало гулянье, она зацѣпилась ногою за стволъ сбитаго ядромъ дерева, грохнулась на землю и долго пролежала бозъ чувствъ.

— «Ночью въ полѣ всегда слышатея странные звуки; ночныя животныя, (а ихъ очень много), о которыхъ и не думаютъ днемъ, да едва ли знаютъ какъ и назвать ихъ, выходятъ изъ своихъ норъ и начинаютъ таинственныя прогулки. Въ странахъ тропическихъ, особенно въ теплые лѣтніе вечера, вы слышите какъ рыскаютъ въ кустарникахъ, крадутся въ травѣ, скачутъ по вѣтвямъ деревъ, свищутъ въ воздухѣ четвероногія, пресмыкающіяся, фантастическія пернатые, у которыхъ нельзя рассмотреть ни формъ, ни движеній, а еще менѣе удостовѣриться, что они дѣлаютъ въ этотъ таинственный часъ.

Ни что не мѣшало мнѣ думать, что крысы, бѣгающія вокругъ пагоды, совы, хлопающія крыльями надъ статуями, шакалы, перекликающіеся тамъ и сямъ исполняютъ, подъ управленіемъ пуліара, или каменныхъ гигантовъ, чего нибудь похожаго на ночной шабашъ. Ночь не много прояснилась, луна катилась по небесному своду, подернутому многими облаками и оправдывала эпитетъ, который даютъ ей индійскіе поэты: *«Звѣзда съ холодными лучами, свѣтящая безъ теплоты!»* Гануманъ налилъ мнѣ вторую чашку чаю.

— «Суганди, можетъ быть, желала въ ту минуту умереть, продолжалъ онъ; но она живетъ, если только можно назвать ея существованіе жизнью! Городъ былъ взятъ, молодая дѣвушка долго предавалась отчаянной грусти и видимо блекла. Но въ эти годы, господинъ милостивый, велика жизненная сила, и смерть нейдетъ, какъ ни зови ее.

«Лакми опять предлагала дочери своей сдѣлаться христіанкою, но послѣдняя точно потеряла разсудокъ, стремилась къ жизни скитальческой, и рѣшилась бѣжать. Тщетно мать со слезами умоляла ее воротиться домой, дѣвушка была непреклонна; мать даже пустилась за нею въ погоню до самыхъ городскихъ воротъ, но немогла настигнуть ослушницу.

«Боже мой! зачѣмъ она была возвращена мнѣ!» и бѣдная лакми оставалась неподвижною, задыхаясь отъ слѣзъ. Сипаи, стоявшіе у городскихъ воротъ, насмѣхались надъ хромоногою женщиною, которая, ковѣляя, намѣревалась было догнать такую ловкую проворную серну. Собралась толпа прохожихъ и била въ ладоши, смотря какъ она летитъ впередъ какъ сайга. Пристыженная лакми потушила глаза. Бываетъ неблагодарность, надрывающая сердце. Можетъ быть, Суганди, по своей молодости и вѣтренности не вполне понимала какъ было велико ея преступленіе противъ матери, такъ нѣжно ее любящей.

«Бѣдное дитя! вскричала лакми, ты оставляешь меня и бѣжишь далеко, далеко, къ идоламъ! Предвижу, что ты отвержена будешь всѣми, и дни твои будутъ отравлены.

«Скоро исполнились слова бѣдной матери. Когда Суганди ночью подходила къ пагодѣ, въ такую же грозу, какъ нынѣшняя, сильная молнія разразилась передъ нею и ослѣпила ее навсегда. Съ тѣхъ поръ Суганди влачить жизнь въ пустыняхъ, какъ отверженница. Но и бѣдная лакми перестала продавать сладкіе пирожки, вѣроятно, она недолго прожила послѣ этого горестнаго дня!

— Но вѣдь слѣпой теперь около восьмидесяти лѣтъ, сказалъ я Индусу, какъ же могла она сюда придти, и сколько времени гнѣздится въ этой пагодѣ?

«Да, сударь, ей точно лѣтъ восемьдесятъ, отвѣчалъ Гануманъ, и полагаютъ, что она дотянетъ до сотни. Одинъ *джоги*, который тутъ жилъ, принялъ ее къ себѣ и вызвался проводить до Тирупатти, не смотря на дурное время года, въ надеждѣ награды отъ браминовъ; но когда она на пути потеряла зрѣніе, онъ бросилъ ее. Нѣсколько разъ она переходила изъ рукъ въ руки къ поклонникамъ *Суніасси*, которые заставляли ее пѣть по деревьямъ, и собирали себѣ за это деньги. Богъ знаетъ, сколько она пропутешествовала по южнымъ провинціямъ, не зная сама куда идетъ и никогда не достигая назначеннаго мѣста. Видъ молодой дѣвушки, въ такомъ горестномъ положеніи, наводилъ какой-то страхъ, даже тѣ, кто принималъ странницу, векорѣ опять ее отвергали.

Наконецъ Суганди очутяся близъ этихъ гадкихъ статуй, вспомни-

ла о проведенной ею ночи въ этой пагодѣ. Большая изъ двухъ маленькихъ пагодъ сдѣлалась постояннымъ ея мѣстопробываніемъ, пока не выгналъ ее оттуда одинъ чужестранный нищій. Спустя нѣсколько лѣтъ, одна болѣзненная дѣвушка, невыше этого паланкина, сдѣлалась ея товарищемъ. Онѣ ходили вмѣстѣ по дорогамъ и просили милостыню; маленькая нищая предувѣдомляла Суганди, когда приближался прохожій или путешественникъ, и та начинала пѣть, какъ это было вчера. Мадрасскіе фигляры, возвращавшіеся изъ Мадуре, остановились разъ у этихъ статуй; болѣзненная дѣвушка, по малому своему росту, показала имъ находкой, могущей приносить пользу: они предложили ей слѣдовать, на что она и согласилась.»

Съ тѣхъ поръ Суганди живетъ здѣсь одна или лучше сказать прозябаетъ, повторяя пѣсни, но не помня ничего болѣе изъ своей юности. Даже не осталось у нея столько разсудка, чтобъ жалѣть о своихъ страданіяхъ и раскаиваться.

Рано поднялись носильщики паланкина, поглядывали на горизонтъ и разговаривали между собою, покуривая одинъ послѣ другаго отуманивающее снадобье, которое называютъ *бангъ*. Удивительно, что всѣ они инстинктивно встали разомъ предъ разсвѣтомъ; утро предвѣщало добрую погоду и можно было пуститься въ дорогу. Дождь освѣжилъ атмосферу, и я надѣялся хорошо выспаться въ паланкинѣ, чѣмъ, конечно, воспользовался бы послѣ такой ночи каждый путешественникъ на моемъ мѣстѣ. «Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ я себѣ, вотъ странная ночь, проведенная въ страннѣйшемъ обществѣ! Зачѣмъ не владѣю я искуснымъ карандашемъ, чтобъ воспроизвести черты этихъ полуфантастическихъ лицъ, которыми теперь окруженъ!»

Между тѣмъ, какъ Гануманъ укладывалъ мой небольшой скарбъ, я полюбопытствовалъ ближе посмотрѣть на слѣпую старуху. Казалось, она свободнѣе дышала послѣ грозы, причинившей ей столько страха. Ея длинныя, сѣдые волосы падали въ безпорядкѣ на сухую морщинистую шею; можетъ быть, она спала, потому что вздрогнула, когда я подошелъ къ ней и произнесла какія-то слова на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Не говоря ей ни слова, я запѣлъ индійскую пѣсню, голосъ которой часто отзывался въ моихъ ушахъ, голосъ впрочемъ пріятный, если не акомпанируетъ ему дисгармоническій оркестръ. Вдругъ слѣпая вся вытянулась, какъ привидѣніе, обращала вокругъ себя потухшіе глаза, подняла ихъ къ небу, какъ-бы стараясь что-то припомнить; округлила свои сухія руки и приставъ къ одной нотѣ, которая напоминала ей всю музыкальную фразу, сама запѣла дрожащимъ голосомъ эту пѣсню. Ея движенія скорѣе были грустны, чѣмъ смѣшны. Мало по малу

голосъ ея утихалъ, она преклонила одно колѣно, подражая пантомимѣ танцовщицы, которая повергается въ умиленной позѣ предъ Кришной. Тактъ становился все тише; слезы текли изъ глазъ Суганди; она закрыла лице руками и упала на соломянную постель, уничтоженная своими напряженными движеніями. Для поддержанія ея существованія я распорядился, чтобъ она въ опредѣленные дни получала нѣсколько горстей риса. Ганумана я отрядилъ посломъ, чтобъ онъ извѣстилъ ее объ этомъ.

Паланкинъ закачался на плечахъ четырехъ паріевъ. Я бросилъ послѣдній взглядъ на комически-важное изображеніе Пуліара, на семь допотопныхъ гигантовъ съ глупѣйшими лицами, и оставивъ позади себя прокаженныхъ и полоумную Суганди, забывшую о страдальческой своей жизни, вскочилъ въ паланкинъ и закричалъ носильщикамъ: «Впередъ, впередъ! Надѣюсь, что теперь недотронетесь до пальмоваго вина, пока не доставите меня на главную площадь въ Пондшеріи.» — «Впередъ, впередъ! повторилъ повелительнымъ голосомъ Гануманъ, и мы пустились скорымъ шагомъ въ дорогу.

БѢДСТВІЯ НА МОРѢ.

СПАСИТЕЛЬНЫЯ ЛОДКИ И ДРУГІЯ ОРУДІЯ.

Кто не читалъ и не сохранилъ въ памяти печальныхъ эпизодовъ изъ множества кораблекрушеній, которыми наполнены морскія путешествія? Всѣмъ извѣстны: крушеніе Французскаго фрегата «*Медузы*» въ 1816 году, на берегу Сенегала, гдѣ погибло 140 человекъ и только десять спаслось на плоту; крушеніе англійскаго фрегата «*Альцесты*» на островахъ Филиппинскихъ, въ 1817, гдѣ экипажъ спасеніемъ своимъ былъ обязанъ примѣрной дисциплинѣ и мужеству капитана Маквиля; гибель корабля «*Рояль-Жоржъ*» на Спитгедскомъ рейдѣ, въ 1782, когда потонули 900 человекъ, въ томъ числѣ и адмиралъ; гибель судна ость-индской компаніи «*Кентъ*» и бѣдствія, претервѣнныя его экипажемъ?

Крушеніе пароваго фрегата «*Королева Викторія*» въ февралѣ 1853, на пути изъ Ливерпуля въ Дублинъ, доказываетъ, что и большіе пароходы также подвергаются бѣдственнымъ случаямъ на морѣ, какъ и суда парусныя. Этотъ пароходъ, имѣя 120 человекъ пассажировъ, пришелъ ночью на видъ Гаутскаго (Howth) маяка. На Гаутъ находятся два маяка; но въ это время шелъ густой снѣгъ; капитанъ не могъ хорошенько осмотрѣться, и принялъ одинъ маякъ за другой. Паро-

ходъ, не уменьшивъ хода, сильно стукнулся объ мель, и тутъ же до 70 человѣкъ, большею частію спящихъ, потонули. Пассажиры тотчасъ бросились на шлюпку, висѣвшую съ правой стороны на бокацахъ, но при спускѣ она опрокинулась, и все бывшіе на ней погибли. Тогда принялись за шлюпку съ лѣвой стороны, спустили ее на воду, но и эта также бы потонула, потому что вода стала вливаться въ нее чрезъ отверстіе отъ одного выдернутаго болта; къ счастью, одинъ юнга успѣлъ заткнуть отверстіе, и шлюпка кое-какъ добралась до берега. Изъ этого и изъ многихъ другихъ случаевъ видно, что шлюпки на судахъ не всегда находятся въ должной исправности.

Мы могли бы привести изъ недавнихъ примѣровъ гибель прекраснаго желѣзнаго парохода «Duke of Sutherland» при входѣ его въ портъ Абердинъ, среди бѣлаго дня, въ апрѣль 1853, для доказательства, что и самыя крѣпкія суда платятъ дань могуществу грозной стихіи. Часть пассажировъ погибла, стараясь достигнуть берега, съ котораго за немѣнимъ спасительныхъ орудій не могли подать никакой помощи. Тогда осуждали, что многіе изъ экипажа не показали довольно присутствія духа. Конечно, можно прекрасно разсуждать и много требовать сидя спокойно въ своемъ кабинетѣ, но кто дѣйствительно испыталъ подобныя несчастія и, какъ говорится, видѣлъ смерть лицомъ къ лицу, тотъ судить снисходительнѣе и хорошо знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ нельзя ожидать отъ всехъ одинакаго мужества и хладнокровія.

Статистика погибающихъ англичанъ представляетъ страшныя числа.

Въ 1850 году Англія на всехъ моряхъ и океанахъ потеряла 692 судна въ 127, 188 тоновъ; въ томъ же году 681 судно разныхъ націй разбилося на берегахъ Британскихъ. Изъ этого послѣдняго числа, 277 судовъ разбиты были въ щепки, 84 потонули отъ сдѣлавшейся въ нихъ течи или отъ столкновеній съ другими судами, 16 были покинуты экипажемъ, 304 до такой степени повреждены, что надлежало снять съ нихъ грузъ. При всехъ этихъ случаяхъ 780 человѣкъ лишились жизни. Въ 1851 на берегахъ Британскихъ разбилося 701 судно, причѣмъ погибли 750 человѣкъ, 351 судно совершенно разбилося; въ одномъ сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. во время осенняго равноденствія, когда настаютъ жестокия бури, было 153 такихъ случаевъ, 1852 годъ представляетъ еще болѣе печальныя результаты: число кораблекрушеній достигло до 1100, число погибшихъ людей до 900. И такъ въ продолженіе 1850, 51 и 52 годовъ было 2482 кораблекрушенія и 2430 жертвъ въ однихъ водахъ Великобританіи, — слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится по два кораблекрушенія и по двѣ жертвы на каждый день въ году. 1853 годъ былъ нисколько не утѣшительнѣе предыдущихъ. Эми-

граціи въ колоніи Австраліи и другія причины, усилившія мореплаваніе, увеличили и несчастные случаи *. Иногда такіе бывали ураганы, что берега Англіи усыпались корабельными обломками. 31 августа и 1 сентября 1833, брошено было на банки ** сѣвернаго моря и на восточные берега Англіи 61 судно. Во время бури 13 января 1843, погибло не менѣе 100 судовъ на берегахъ Великобританіи. Въ 1846 сильнѣйшими порывами вѣтра брошено 39 судовъ на берегъ въ одномъ только заливѣ Гартль-Пуль. Мартъ мѣсяць 1850 озачменованъ былъ 134 кораблекрушеніями у береговъ Англіи; въ сентябрѣ того же года число ихъ достигло до 153, т. е. по пяти кораблекрушеній на день; но бѣдственные случаи въ октябрѣ и ноябрѣ 1852 превышаютъ всѣ предыдущіе: въ теченіе тридцати дней 300 судовъ выброшены на Британскіе берега и 217 чел. погибли. Если еще считать столкновенія между судами и тому подобные случаи, то выдутъ невѣроятныя числа. Изъ обнародованныхъ, по повелѣнію парламента Лойдомъ, за четыре года съ 1847 — 1851 свѣдѣній на 193 печатныхъ страницахъ in-folio, оказывается 13,000 случаевъ, изъ которыхъ двѣ трети принадлежатъ къ важнѣйшимъ. Вообще же приходится по девяти несчастныхъ случаевъ на день.

Кораблекрушенія случаются чаще нежели полагаютъ отъ причинъ нравственныхъ. «Я думаю, говорилъ капитанъ Фице-Рой въ донесеніи своемъ комитету нижней палаты, что бѣдственные случаи съ Англійскими судами на морѣ, по большей части бываютъ отъ нерадѣнія или незнанія капитановъ. Подъ нерадѣніемъ я разумѣю необращеніе надлежащаго вниманія на положеніе судна, небросаніе лота, невзятіе всѣхъ предосторожностей, о которыхъ долженъ помышлять всякій капитанъ, заботящійся о сохраненіи ввѣреннаго ему судна. Къ незнанію или неспособности я отношу неумѣнье дѣлать необходимыя обсерваціи и недостатокъ въ практическихъ свѣдѣніяхъ, между тѣмъ какъ отъ этого зависятъ не только надлежащій путь судна и сохранность груза, но и жизнь всѣхъ находящихся на кораблѣ.» Справедливость требуетъ приевокуить, что съ тѣхъ поръ много старались объ усиленіи образованія моряковъ, и что нынѣшніе капитаны купеческихъ кораблей, шкиперы и боцманы болѣе знающіе и болѣе трезвы, чѣмъ было назадъ тому лѣтъ десять.

Недостатокъ предосторожности, когда подходишь къ берегу, часто

* Изъ имѣющихся свѣдѣній, число погибшихъ судовъ въ 1853 году простирается до 800, число погибшихъ людей до 870-ти.

** Песчаная отмель.

бываетъ причиною гибели судна; изъ многихъ примѣровъ напомнимъ здѣсь кораблекрушеніе «*Meridiana*» на островѣ Амстердамѣ, 24 августа 1853.

Ледяныя поля и ледяныя горы, встрѣчаемыя въ сѣверной части Атлантическаго океана, ежегодно бываютъ причиною гибели многихъ судовъ: довольно вспомнить гибель въ 1848 «*Maria*», шедшей изъ Лимерика въ Канаду, съ десятью человѣками команды и тысячею ста пассажирами. Только девять человѣкъ остались въ живыхъ отъ этого крушенія, въ томъ числѣ двѣ женщины и два мальчика, успѣвшіе, въ ту минуту, какъ судно пошло ко дну, выскочить на ледъ, съ котораго на другой день были сняты судномъ, посланные, какъ бы Провидѣніемъ, для ихъ спасенія.

Иногда несчастные случаи происходятъ отъ погрѣшностей въ постройкѣ самыхъ судовъ или отъ дурной ихъ нагрузки, нарушающей въ разныхъ частяхъ надлежащее равновѣсіе. Последней причинѣ приписываютъ потерю «*Dalhousie*» прекраснаго судна въ 800 тоннъ, которое погибло 18 октября 1853, на высотѣ мыса Бичи, и котораго весь экипажъ потонулъ, выключая одного человѣка.

Мы не будемъ дѣлать здѣсь перечня всѣхъ кораблекрушеній, ни описывать ихъ подробностей, но обратимся къ главной цѣли нашей статьи.

Первая спасительная лодка, именно для этой цѣли, построена была въ 1790 году. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ предыдущаго года, угольный корабль «*Адвентюръ*» разбился при устьѣ Тины: тысячи зрителей смотрѣли съ берега на это кораблекрушеніе, не имѣя возможности подать какую-либо помощь. Горестно было видѣть какъ люди экипажа одинъ за другимъ падали съ снастей, за которыя цѣплялись и погибали въ волнахъ. Это происшествіе произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Одинъ комитетъ предложилъ награду за наилучшую модель спасительной лодки. Награда присуждена была г. Гретгеду, корабельному мастеру въ Саутъ-Шильдѣ. Шлюпка, построенная по его плану, имѣла 30 футовъ длины и 10 ширины, длина по килю была 10 футовъ, глубина внутренности посрединѣ $3\frac{1}{4}$ фута и $5\frac{3}{4}$ фута на обоихъ концахъ. Шлюпка походила на парходный кожухъ, носъ и корма были одинаковы. Верхняя часть шлюпки обивалась внутри толстымъ поясомъ изъ пробки, такой же поясъ былъ и снаружи. Шлюпка была очень легка на водѣ въ нормальномъ положеніи; но трудно было вычерпывать изъ нея налившуюся воду и поставить прямо, когда перевертывалась. Съ 1790 по 1798, только и была одна такая спасительная шлюпка; въ этотъ промежутокъ времени она спасла экипажи десяти погибавшихъ судовъ, и изобрѣтатель ея получилъ

національную награду. Въ 1798 онъ построилъ шлюпку, которая находилась въ Саутъ-Шильдсѣ, а въ 1803 году съ его верфей снушено было уже болѣе тридцати такихъ шлюпокъ.

Съ тѣхъ поръ строители судовъ и шлюпокъ, моряки, механики, любители, не переставали придумывать новыя спасительныя лодки.

Еслибъ все ихъ болѣе или менѣе остроумныя изобрѣтенія достаточны были для спасенія экипажей, мы тогда рѣже оплакивали бы случающіяся бѣдствія. Трудно представить себѣ баснословное число этихъ изобрѣтателей, слѣдовавшихъ одни за другими, не знавшихъ часто что уже сдѣлано было ихъ предшественниками, но вообще во всѣхъ такихъ лодкахъ, употребленіе пробковаго дерева и пустыхъ непроницаемыхъ для воды ящиковъ считалось необходимымъ. Когда же появились каучукъ и потомъ гутта-перча, приложеніе этихъ веществъ къ спасительнымъ лодкамъ открыло новое поле для изобрѣтеній. Затрудняемые обиліемъ матерьяловъ, мы упомянемъ только о лодкѣ г. Голькрофта, сдѣланной изъ рамы, покрытой каучукомъ, которая можетъ складываться, подобно портфелю, и занимаетъ тогда только шестую долю своей настоящей величины; о лодкѣ доктора Паттерсона, которой дно устроено такимъ образомъ, что попадающая въ лодку вода можетъ стекать чрезъ отверстіе съ клапанами; о шлюпкѣ капитана Смита, замѣчательной не столько оригинальностью своего устройства, сколько удобностью помѣщенія ея на пароходныхъ кожухахъ, откуда легко можно ее спускать на воду. Когда Леди Франклинъ устраивала экспедицію для отысканія неустрашимаго своего мужа, капитанъ Форсайтъ, начальствовавшій этою экспедиціею, взялъ съ собою лодку изъ гутта-перчи, или, чтобъ точнѣе выразиться, лодку, у которой каркасъ былъ деревянный, обтянутый гутта-перчею. Лодка эта такъ была полезна, что одинъ небольшой протокъ, посредствомъ ея открытый, названъ проливомъ гутта-перчи. Она выдерживала очень хорошо удары не только о ледяные острова и льдины, но и объ остроконечныя льды, чего не могла бы выдержать никакая другая шлюпка.

Такіе успѣхи рѣшили употреблять гутта-перчу на большую часть вновь сдѣланныхъ спасительныхъ лодокъ.

Многіе удивлялись, видя въ кристалльномъ дворцѣ такое множество моделей спасительныхъ лодокъ: одно общество выставило пятьдесятъ четыре модели, отъ пятидесяти четырехъ различныхъ изобрѣтателей. Одна изъ этихъ моделей насмѣшила зрителей, какъ будто бы дѣло шло не о серьезной вещи. Въ ней торчали длинныя трубочки съ крышками, по числу людей, могущихъ помѣститься въ шлюпкѣ, напоминая невольно о кувіинахъ съ масломъ въ сказкѣ о сорока разбойникахъ.

Въ теченіе 1849 и 1850 годовъ, одна спасительная лодка опро-

кинулась, и всѣ бывшіе на ней люди потонули; многія лодки не могли достигнуть до погибавшихъ судовъ, другія оказывались крайне неудобными, и вообще эта часть требовала многихъ усовершенствованій. Въ этихъ обстоятельствахъ герцогъ Нортумберландскій предложилъ награду въ 100 гиней за лучшую модель спасительной лодки. Многіе вызвались на это дѣло, и 280 моделей и плановъ представлены были на конкурсѣ.

Вотъ какимъ образомъ приступлено было къ сравненію всѣхъ проектированныхъ спасительныхъ лодокъ. Сначала предложенъ былъ вопросъ: какія условія или существенныя качества должна имѣть хорошая спасительная лодка? Такихъ условій или качествъ найдено было пятнадцать, и каждому изъ нихъ соотвѣтствовала цифра, смотря по важности.

Такимъ образомъ качество идти во всякую погоду на веслахъ означалось числомъ 20, и наилучшая въ этомъ отношеніи модель получала эту цифру. Способность идти подъ парусами, считалась въ ряду важнѣйшихъ качествъ и означалась цифрою 18, и такъ далѣе. Каждая изъ моделей, по этимъ основаніямъ, была разсматриваема и, по степени удовлетворенія каждому качеству, получала соотвѣтственную цифру. Общее число всѣхъ качествъ составляло сумму 100: это былъ максимумъ удовлетворенія всѣхъ возможныхъ требованій, и тотъ изъ конкурентовъ, чья модель получала полное число балловъ или ближе подходящее къ 100, долженъ былъ получить премію.

Бичингъ изъ Ярмута, котораго модель, соединявшая въ высокой степени всѣ требуемыя качества, получила 84 бала, удостоенъ былъ награды. Слѣдующія за тѣмъ модели получили 78, 75, 72 и 70 балловъ.

Шлюпка Бичинга своею формою нѣсколько походитъ на китоловную лодку. Длина ея составляетъ 36 футовъ, длина киля 31, наибольшая ширина $9\frac{1}{2}$ фут., глубина $3\frac{1}{2}$ ф., а толщина киля 8 дюймовъ. Она приводится въ движеніе двѣнадцатью гребцами; снаружи обшита поясомъ изъ пробковаго дерева въ 6 дюйм. ширины и 8 толщины, сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ пустые ящики, увеличивающіе ея легкость.

Баластъ ея состоитъ изъ воды и желѣза: для воды, занимающей вмѣстительность $2\frac{1}{2}$ тона, находится внизу особый плоскій резервуаръ; желѣзо вѣсомъ въ десять центнеровъ, имѣетъ видъ киля. Двѣнадцать трубокъ, надлежащимъ образомъ расположенныхъ, могутъ выливать воду, попадающую въ шлюпку. Всѣ всѣ лодки, со всѣми принадлежностями

простирается до 67 центнеровъ, и можетъ держать 70 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и свой экипажъ.

Судьи конкурса не ограничились произнесеніемъ своего рѣшенія. Они описали тридцать изъ представленныхъ къ состязанію лодокъ съ приложеніемъ рисунковъ, и поручили одному изъ своихъ членовъ г. Пикю (Peake) представить собственнаго его изобрѣтенія модель, соединяющую всѣ лучшія качества, замѣченныя въ лодкахъ, представленныхъ на конкурсъ. Г. Пикъ исполнилъ возложенное на него порученіе, и адмиралтейство приказало построить въ Вулвичѣ лодку по его модели.

Подаваніе помощи гибнущимъ при кораблекрушеніяхъ не было оставляемо на произволъ каждаго частнаго человѣка. Товарищества или общества, составляемыя въ Англіи и замѣняющія учрежденія отъ правительства, явили въ этомъ человѣколюбивомъ дѣлѣ похвальное соревнованіе. Особое, основанное для этой цѣли, въ 1824 году, общество, собрало капиталъ для устройства сараевъ, чтобъ хранить въ нихъ спасительныя лодки, на постройки самыхъ лодокъ, для заведенія другихъ снарядовъ и на обученіе береговой стражи какъ обращаться съ этими снарядами. Общество получаетъ извѣстіе и публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе обо всѣхъ случающихся кораблекрушеніяхъ и о средствахъ, употребленныхъ къ спасенію людей; оно награждаетъ заслуги одобрительными отзывами, выдаетъ денегъ и медалями.

Съ 1824 по конецъ 1853 выдано было 79 золотыхъ и 539 серебряныхъ медалей и около 9,000 фунтовъ стерлинговъ (54,000 р. серебр.)

Лица, получившія эти награды, спасли 8153 человѣка, не считая экипажей различныхъ судовъ.

Въ одномъ 1852 году, 773 человѣка обязаны жизни усердію этихъ спасителей, награжденных обществомъ.

Общество имѣло въ своемъ распоряженіи въ 1853 году—34 спасительныя лодки, большею частію построенныя на его капиталъ. Лодки эти были различныхъ размѣровъ, но средняя величина ихъ можетъ быть выражена слѣдующими числами: длина 24 фута; ширина $7\frac{1}{2}$, глубина 3 фута, тяжесть 30 центнеровъ; весель восемь; стоимость каждой лодки 120 фунтовъ стерлинговъ (720 р. сер.). Такимъ образомъ, лодка, имѣющая вѣсу полтора тона, можетъ удобно переноситься по берегу и спускаться на воду, что въ практическомъ примѣненіи весьма важно.

Каждая спасительная лодка имѣетъ еще слѣдующія принадлежн-ости: якорь и канатъ; дрекъ, примѣрно въ 25 фунтовъ, чтобъ держать лодку нѣкоторое время подлѣ погибающаго судна; перлень для завозовъ

или швартововъ, полтора комплекта коротенькихъ еловыхъ весель; два большіе весла вмѣсто руля, три крюка; ручной дрекъ, два топорика съ молотками; небольшія веревки съ узлами, которыя висятъ по обѣимъ сторонамъ лодки; нактоузъ и компасъ; лампа въ надлежащей исправности; ламповое масло и зажигательныя спички; зрительная труба; фонарь; ручныя ракеты, чтобъ бросить веревку на погибающее судно; лоть съ линемъ; пробочный поясъ для каждаго человѣка; боченокъ свѣжей воды и кружка, наконецъ еще нѣкоторыя морскія принадлежности, техническое названіе которыхъ было бы непонятно для большей части читателей.

Что касается до экипажа каждой лодки, то онъ состоитъ изъ старшины, въ родѣ урядника, помощника его и гребцовъ. Для каждой лодки вербуютъ двойное число людей, чтобъ быть готовымъ на всякій случай. Это добровольное вербованіе обыкновенно бываетъ между матросами, рыбаками и береговою стражею. Старшина получаетъ ежегодно небольшое жалованье, всѣ же прочіе награду за каждый выходъ на практику или для поданія помощи погибающему судну. На каждой станціи спасительныхъ лодокъ есть мѣстный комитетъ: отъ него даются надлежащія приказанія экипажамъ, и однимъ изъ параграфовъ учрежденія предписывается посылать завербованныхъ матросовъ, иногда въ сильную погоду, въ море для практики. Старшина имѣетъ также подробную инструкцію для управленія своею лодкою и экипажа во время дѣйствія. Лодка должна всегда стоять на подставкѣ въ сараѣ, отъ котораго имѣются три ключа, чтобы, въ случаѣ потери одного, не вышло никакой остановки. Старшина наблюдаетъ погоду и принимаетъ мѣры предъ начатіемъ бури: онъ собираетъ своихъ людей сигналомъ, днемъ посредствомъ флага, а ночью ракетами.

Достигнувъ до гибнущаго судна, онъ обязанъ прежде всего заботиться о спасеніи людей, не обращая вниманія на грузъ, товары, и проч., наконецъ онъ долженъ ознакомиться съ средствами, употребляемыми для возвращенія къ жизни утопленниковъ.

Общество или учрежденіе издаетъ журналъ, подъ названіемъ «*Спасительная лодка.*» Этотъ журналъ, по своей ничтожной цѣнѣ, доступный матросамъ и рыбакамъ, не только даетъ извѣстія о всѣхъ дѣйствіяхъ общества, но и о всѣхъ усовершенствованіяхъ въ спасительныхъ орудіяхъ. При сообщеніи подробностей кораблекрушеній описываются отважные подвиги спасителей и присуждаемыя имъ награды; на послѣдокъ журналъ служитъ средоточіемъ корреспонденціи обо всемъ, что относится къ этому предмету. Общество недавно получило непріятное свѣдѣніе, что одна спасительная лодка, построенная по модели, удосто-

енной преміи, опрокинулась, и весь экипажъ съ потонулъ. Желали разъяснить: точно ли лодка построена была по модели? и кому слѣдуетъ приписать несчастный случай: строителю, или самому экипажу? Мы не беремся рѣшить этого вопроса, но очевидно, что остается многого еще желать для усовершенствованія спасительныхъ орудій.

Если подумаешь объ опасностяхъ, какимъ добровольно подвергаются люди на спасительныхъ лодкахъ, когда помыслишь, что имъ предстоитъ бороться съ неистовымъ вѣтромъ и сильно взволнованнымъ моремъ, съ молніей и темнотой, съ водою, холодомъ и смертію, то нельзя не похвалить благородной ихъ отважности. Мы могли бы наименовать многихъ безстрашныхъ моряковъ, героевъ человечества, и въ числѣ первыхъ изъ нихъ указать на Вилліама Гиллери, съ острова Мана, одного изъ учредителей спасительнаго общества, но это уклонило бы насъ отъ настоящей цѣли. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не привести здѣсь одного трогательнаго эпизода о Миссъ Граціи Дарлингъ.

Пароходъ «Forfarshire», шедшій изъ Гуля въ Дунди, во время жесточайшей бури, сталъ на мель 5 сентября 1838, у острововъ Фарнъ. Эти островки, числомъ 25, находятся противъ Нортумберлендскаго берега. На одномъ изъ нихъ, отстоящемъ на милю отъ твердой земли, устроенъ маякъ, сторожемъ котораго былъ отецъ Граціи Дарлингъ. Когда судно разбилося въ щепы и большая часть экипажа и пассажировъ потонула, замѣтили, что девять человѣкъ держатся еще за острие утеса. Грація находилась въ это время на маякѣ съ своими родственниками. Она такъ неотступно просила отца своего дозволить отправиться ей на помощь къ этимъ несчастнымъ, что онъ долженъ былъ рѣшиться ѣхать вмѣстѣ съ нею, хотя по долговременной опытности и видѣлъ, какъ велика была опасность. Мать Граціи помогла спустить на воду шлюпку (это была вовсе не спасительная лодка). Отецъ и дочь взяли по веслу, и гребли что было мочи. Не смотря на разъяренные волны и кипящее море, они успѣли, съ крайнею опасностью, добраться до утеса, къ которому прильзались какъ улитки, потерпѣвшіе кораблекрушеніе. Можно представить себѣ ихъ удивленіе и признательность, когда въ одномъ изъ своихъ избавителей они увидѣли молодую дѣвушку! Всѣ они перевезены были на маякъ и исторгнуты отъ неминуемой смерти*.

Часто случается при кораблекрушеніи, что именно когда бросаются спускать шлюпку, что нибудь и помѣшаетъ. Обыкновенно шлюпки висятъ съ боковъ судна на цѣпяхъ или веревкахъ, намотанныхъ на план-

* Поэтъ Вордсвортъ въ честь героическаго подвига Граціи Дарлингъ написалъ небольшую поэму.

ки, и только стоитъ отдать веревки, чтобъ шлюпка собственно своею тяжестью упала на воду. Но при этомъ необходимо обращать вниманіе на многія мелочи, которыя можно забыть въ минуту опасности и смятенія, какъ это случилось во время пожара въ 1852 году, на прекрасномъ пароходѣ «Амазонка». «Большая шлюпка, говоритъ очевидецъ, опрокинулась въ ту минуту, какъ спустили ее на воду; на ней сидѣли 25 человѣкъ и все они потонули. Другое гребное судно, *Пинасъ*, бросилось воды прежде, чѣмъ бросившіеся въ него люди успѣли съ носа и кормы отцѣпить веревки: нашедшая волна всехъ ихъ поглотила, а шлюпка повисла носомъ на талыхъ. Въ ту минуту, какъ принялись спускать третью шлюпку, въ нее ударила волна, отъ чего выскочилъ передовой какъ съ талыми, шлюпка пошла носомъ въ воду, и все находившіеся въ ней, за исключеніемъ двоихъ уцѣпившихся за банки гребцовъ, упали въ море и также потонули. Съ величайшимъ трудомъ успѣли наконецъ спустить на воду съ правой стороны послѣднюю шлюпку, чтобъ спасти кого нибудь изъ несчастныхъ пассажировъ; но море страшно волновалось, и все усилія были бесполезны. Въ это время я бросился съ провіантмейстеромъ, однимъ пассажиромъ и двумя матросами въ маленькую гичку, которую удалось намъ бросить на воду; чрезъ полчаса мы были настигнуты спасительною лодкой, которая, снявъ насъ къ себѣ, взяла маленькую нашу гичку на буксиръ и отправилась къ гнущему судну. Но вѣтеръ ежеминутно усиливался и море страшно волновалось, гичка наша перевернулась, и мы принуждены были для собственнаго нашего спасенія бросить ее и повернуть къ берегу. Хотя мы видѣли на нашемъ траверзѣ шлюпку съ пятью человѣками, но буря такъ свирѣствовала, что мы не имѣли возможности достигнуть до шлюпки и скоро потеряли ее совсѣмъ изъ виду.» 115 человѣкъ погибли при этомъ бѣдствіи и, безъ сомнѣнія, большая часть отъ того, что шлюпки дурно были спускаемы на воду.

Морской уставъ требуетъ, чтобъ каждое судно снабжаемо было достаточнымъ количествомъ шлюпокъ, для принятія команды и пассажировъ, но уставъ не можетъ входить во все подробности управленія шлюпками: это уже предоставляется опытности капитановъ. Катастрофа «Амазонки» обратила на себя живѣйшее вниманіе публики и вопросъ, столь простой по-видимому, спускъ шлюпокъ на воду, породилъ много новыхъ плановъ и соображеній. Между прочими г. Жеффри предлагалъ, чтобъ шлюпка, находясь еще на вѣсу, вмѣщала уже всехъ людей, и когда спустится вдругъ, освобождалась отъ талей двумя проворными людьми. Лейтенантъ Мак-Киллопъ полагалъ не ставить шлюпки на кожухахъ пароходовъ, но привѣшивать ихъ къ наружнымъ бокамъ кожу-

ховъ съ надлежащимъ приборомъ талей и блоковъ, чтобъ шлюпка быстро могла быть спущена на воду. Практика должна рѣшить, какое изъ разныхъ предположеній полезнѣе и удобоисполнимѣе; главное же состоитъ въ томъ, чтобъ въ каждый данный моментъ для спуска шлюпки все было готово.

Ричардсоны, въ 1852 году, предпринимали нарочно плаваніе изъ Ливерпуля въ Лондонъ, на особаго рода спасительномъ плоту, собственнаго ихъ изобрѣтенія. Плотъ этотъ имѣеть въ основаніи два желѣзные пустые цилиндра, длиною въ $4\frac{1}{2}$ фута и въ діаметръ въ $2\frac{1}{2}$ фута, которые полагаются одинъ къ другому параллельно въ разстояніи трехъ футовъ, и соединяются оконечностями, которыя для наименьшаго сопротивленія водѣ имѣють надлежащей погнбѣ. На эти цилиндры, внутренность которыхъ раздѣлена на непроницаемыя для воды отдѣленія, кладутся поперегъ узкіе брусья и на нихъ настиляется помость, длиною около 30-ти футовъ, такъ чтобъ между досками оставался маленькій промежутокъ для стока воды. Эта платформа устроена такъ, что шестнадцать гребцовъ могутъ дѣйствовать на ней веслами и ставить паруса. 80 человекъ удобно на ней помѣщаются; вѣсъ же всего этого прибора, который погружается въ воду только на 11 дюймовъ, не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ тоннъ. Пустыя отдѣленія въ цилиндрахъ заключаютъ въ себѣ наполненные воздухомъ пузыри и пробковые обрѣзки. Этотъ странный плотъ, на пути своемъ вдоль береговъ, застигнутъ былъ сильною погодою, которую однакожь хорошо выдержалъ.

Мы не знаемъ, употребляли ли его для посылки съ берега въ бурю къ погибающему судну, но онъ часто плавалъ вдоль береговъ, при весьма сильныхъ вѣтрахъ. Обыкновенные плоты, строимые изъ обломковъ разбившагося судна, начиная съ Робинзона Крузе до нашихъ временъ, употреблялись часто какъ спасительныя орудія и при благопріятныхъ обстоятельствахъ съ успѣхомъ:

Нельзя не удивляться какъ равнодушны и холодны капитаны купеческихъ кораблей ко всѣмъ открытіямъ и усовершенствованіямъ, отъ которыхъ не рѣдко зависитъ спасеніе судна и самой ихъ жизни. Дѣйствительно, есть очень много простыхъ спасительныхъ средствъ, которыя легко могли бы быть употребляемы экипажами, но не употребляются. Г. Бремнеръ еще въ 1792 году предложилъ обыкновенную шлюпку обращать въ непотопляемую, на подобіе спасительной. Проектъ состоялъ въ томъ, чтобъ привязывать два пустые, непроницаемые для воды боченка къ носу шлюпки и одинъ къ кормѣ; онъ предлагалъ еще привѣшивать къ килю до трехъ центнеровъ желѣза. Въ теченіе 60-ти лѣтъ никто не опровергъ этого простаго, но умно придуманнаго способа.

Между тѣмъ нѣтъ ни одного судна съ переселенцами, транспорта съ товарами, ни одного изъ многочисленныхъ пароходовъ, снующихъ по Атлантическому океану, которое бы не имѣло у себя средствъ, безъ всякихъ издержекъ, и менѣе чѣмъ въ полчаса обратить свои шлюпки по этому плану въ спасительныя лодки, если заранѣе все къ этому приготовлено, между тѣмъ никто объ этомъ не заботится. Замѣтимъ еще, что лодка, отваливающая отъ погибающаго судна, находится въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели лодка, идущая къ судну отъ берега. Часто случается, что судно бросается на мель, во время сильнѣйшаго вѣтра прямо на берегъ, на которомъ нѣтъ ни одной спасительной лодки; слѣдовательно шлюпка, отвалившая отъ судна, принесется къ берегу самыми волнами, между тѣмъ какъ отъ берега гораздо труднѣе ей будетъ итти и бороться съ вѣтромъ и волнами.

Буйки и другія плавающія тѣла, которыя могутъ давать точку опоры во время опасности, такъ различны и многочисленны, что казалось бы трудно утонуть; но, къ сожалѣнію, и съ этими приборами случается обыкновенная исторія: когда они нужны, ихъ нѣтъ подъ рукою. Капитанъ Гордонъ, тридцать лѣтъ тому изобрѣлъ родъ треугольника изъ бамбуковыхъ тростей разной длины, соединенныхъ вмѣстѣ и покрытыхъ пробковымъ деревомъ; два такіе треугольника присоединенные къ шлюпкѣ, дѣлали ее непотопляемою. Бойсъ придумалъ аппаратъ, состоящій изъ двухъ деревянныхъ внутри пустыхъ и непроницаемыхъ для воды цилиндровъ, на которые кладется деревянная рѣшетка, служащая вмѣсто плота: этотъ аппаратъ держится на кормѣ судна и долженъ всегда быть на готовѣ, чтобъ тотчасъ бросить его когда нужно въ воду; онъ снабжается рулемъ, мачтою и парусомъ. Капитанъ Лиликрапъ предлагалъ, въ 1830, употреблять для спасенія людей обыкновенныя буйки, прикрѣпляя къ нимъ тонкія дощечки, за которыя могутъ хватиться утопающіе: такимъ образомъ спасенъ былъ экипажъ одного небольшого судна на портемутскомъ рейдѣ. Лейтенантъ Кукъ изобрѣлъ буюкъ, который употребителенъ во флотѣ; онъ состоитъ изъ двухъ мѣдныхъ пустыхъ шаровъ, соединенныхъ желѣзною осью, на срединѣ которой утверждёнъ вертикальный пруть для поддержки фитиля: фитиль зажигаютъ и буюкъ спускается въ воду за корму судна. Человѣкъ, упавшій ночью въ море, можетъ плыть на этотъ огонь, и достигнувъ буйка, за него ухватиться. Капитанъ Бедонъ предложилъ другой буюкъ, состоящій изъ металлическаго цилиндра осьми футовъ длины и одного фута въ діаметрѣ. У этого аппарата есть киль и родъ сѣдла, на которомъ человекъ сидитъ верхомъ, какъ на лошади; шесть, къ вершинѣ котораго можно привѣшивать фонарь или зажженный фитиль и

весело для управленія. Спасительный боекъ лейтенанта Ирвина настоящей чехоманъ, непроницаемый для воды и воздуха, который можетъ держать на себѣ двухъ человекъ, хотя бѣ былъ наполненъ пожитками. Буй капитана Генвея состоитъ изъ легкой деревянной рамы, въ видѣ подковы, на которой можетъ помѣститься человекъ; она держится на водѣ помощію досокъ и пробковыхъ кружковъ. Всемирная выставка произвела множество новѣйшихъ спасительныхъ буйковъ. Одно изъ этихъ изобрѣтеній, принадлежащее Сильверу—плавающій матрацъ: онъ состоитъ изъ многихъ непроницаемыхъ трубочекъ, наполненныхъ лошадинымъ волосомъ, шерстяными хлопками и волокнами скорлупы кокосоваго орѣха. Въ случаѣ порчи одной или нѣсколькихъ трубочекъ, остальные все еще могутъ держать на себѣ известную тяжесть. По вычисленіямъ, такой аппаратъ, имѣющій въ себѣ вѣсу 67 фунтовъ, можетъ держать на поверхности воды тяжесть въ 284 фун.; одинъ изъ этихъ аппаратовъ, нагруженный 96 фунтами, оставленъ былъ пять дней на водѣ, въ продолженіе которыхъ во внутренность его не только не проникла влажность, но и легкость его нисколько не измѣнилась. Для судовъ, отправляющихся съ переселенцами, приготавливаютъ такіе матрацы по 9-ти шиллинговъ (2 руб. 70 коп.) за штуку. До тѣхъ поръ, пока непромокаемая матерія не получила такого развитія, никто не обращалъ вниманія на приготовленіе одежды, способной держать человека на водѣ. Всѣ опыты тогдашняго времени имѣли общимъ основаніемъ пробковое дерево и трубки, наполненные воздухомъ, которыя различнымъ образомъ прикрѣплялись къ человеку. Одно изъ странныхъ изобрѣтеній въ этомъ родѣ—воздушная шляпа: она была такъ устроена, что можно было пропустить нѣсколько воздуха между подкладкою и самою шляпою; отъ этого она не тонетъ, и человекъ можетъ въ водѣ за нее держаться. Въ послѣдствіи братья Мекинтошъ выдумали непромокаемый плащъ, сдѣланный изъ двухъ матерій, между которыми впускается воздухъ. Такой плащъ можетъ легко держать человека на водѣ. Г. Рисъ (Reese) сдѣлалъ въ 1843 году каучуковую подушку, которая наполнялась воздухомъ. Человекъ, подложивъ ее подъ спину, могъ плавать такъ, что лацо его не погружалось въ воду. Мы сейчасъ говорили о спасительныхъ буйкахъ: ихъ цѣлыя сотни были представлены въ 1851, на всемирную выставку. Въ томъ же кристалльномъ дворцѣ было много и послѣднихъ снарядовъ; конечно, нѣкоторые изъ нихъ казались болѣе странными, чѣмъ полезными; между тѣмъ, такъ и хотѣлось броситься съ ними въ воду, чтобъ испробовать эти замысловатыя изобрѣтенія.

Одинъ способъ подавать помощь гибнущему судну, существенно различающійся отъ всѣхъ приведенныхъ выше, состоитъ въ томъ, чтобъ

бросить веревку съ берега на судно. Не рѣдко случается, что судно становится на мель близъ берега и можетъ воспользоваться этимъ способомъ для спасенія людей, или по недостатку лодокъ, или какъ средствомъ вспомогательнымъ. Иногда бываетъ рѣшительно невозможно употребить спасительную лодку, напримѣръ, когда судно разбивается у подножія отвѣсной скалы, такъ что съ берега нельзя къ нему спуститься. Такое крушеніе лѣтъ двадцать тому случилось съ судномъ «Вильгельмина», пониже устья Тины, близъ самаго берега, въ виду множества собравшихся людей, которые не могли спуститься къ водѣ, и что либо предпринять для спасенія погибающихъ. Это кораблекрушеніе подало мысль Дависону къ изобрѣтенію морской телѣжки, въ родѣ платформы или рамы, спускаемой съ утеса внизъ на берегъ, гдѣ она можетъ прикрѣпляться посредствомъ острыхъ шиповъ, вонзающихся въ землю. На эту платформу спускаются, посредствомъ веревокъ и блоковъ, три или четыре чоловѣка, снабжаемые спасительными буйми и проч. для поданія возможной помощи утопающимъ.

Но аппаратъ, болѣе полезный и чаще употребляемый, это спасительная веревка капитана Манби. Онъ придумалъ бросать на гибнущее судно веревку посредствомъ огнестрѣльнаго оружія. Послѣ многихъ опытовъ, офицеръ этотъ убѣдился, что веревка можетъ быть присоединена къ снаряду посредствомъ кожанаго ремня и брошена изъ мортиры. Онъ изобрѣлъ также способъ легко переносить этотъ приборъ съ мѣста на мѣсто, и имѣлъ счастье спасти цѣлый экипажъ помощію своего аппарата. Г. Картъ замѣнилъ огнестрѣльный снарядъ ракетой. На легкомъ треножникѣ, хорошо укрѣпленномъ, кладутъ раму, посредствомъ которой ракета можетъ быть пущена по любому направленію и подъ какимъ угодно угломъ. Ракеты вѣсятъ отъ 3 до 12 фунтовъ и летятъ отъ 90 до 190 сажень съ веревкою, имѣющею вѣсу отъ 12 до 32 фунтовъ. Если веревка достигаетъ судна, то между имъ и берегомъ устанавливается сообщеніе, и тогда легко уже доставить погибающимъ спасительные буйки, корзины, пояса и проч. Ракеты шестифунтовые, длиною въ 15 дюймовъ, прикрѣпляются къ пяти-фунтовымъ набойникамъ, которые направляютъ полетъ ракеты. Если ракеты и спасительныя мортиры не всегда приносили ожидаемую пользу, то все же ихъ можно считать драгоценными вспомогательными средствами въ ряду изобрѣтений, полезныхъ для человѣчества. Теперь считаютъ уже 250 чоловѣкъ спасенныхъ посредствомъ веревокъ, брошенныхъ на погибающія суда ракетами и мортирами, и конечно, эта цифра гораздо ниже настоящаго числа людей, которымъ оказана была дѣйствительная помощь. Въ 1851

устроено было на берегахъ Англїи 90 станцій, снабженныхъ ракетами, 38 станцій снабженныхъ мортирами и 38 ракетами и мортирами.

Нѣкоторыя подробности кораблекрушенія, бывшаго въ январѣ 1851, близъ мыса Финистера, могутъ дать понятіе объ обстоятельствахъ, въ которыхъ иногда прибѣгаютъ къ спасительнымъ ракетамъ. Бригъ «*Нью-Коммерсьяль*» изъ Висби ударился о скалу, возвышающуюся на 50 или 60 футовъ отъ горизонта воды, недалеко отъ опаснаго мыса Корн-валя. Судно разбилось въ дребезги, и весь экипажъ, искавшій спасенія на утесѣ, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, былъ унесенъ разъяренными волнами. Одинъ изъ трехъ, уцѣпившись за обломокъ судна, былъ прибитъ къ берегу и спасенъ; другіе два, капитанъ и его жена держались еще на утесѣ. Таможенный ботъ «*Сильвія*», съ пятью гребцами, тщетно боролся съ жестоко взволнованнымъ моремъ, чтобъ подать имъ помощь. Приморскій берегъ покрытъ былъ зрителями, которые сочувствуя погибающимъ, ничего не могли предпринять для ихъ спасенія. Двое несчастныхъ провели тяжкую ночь на этомъ страшномъ утесѣ, обдаваемомъ кругомъ свирѣпыми волнами, безъ огня, безъ крова и пищи, и почти безъ всякой надежды на спасеніе. На другой день поутру, это было въ воскресенье, зрители считались уже не сотнями, а тысячами, и нѣсколько шлюпокъ отправилось въ море для новыхъ попытокъ. Капитанъ береговой стражи Дависъ запасся спасительною ракетой въ 9 фунтовъ. Море продолжало свирѣпствовать, и ни одна шлюпка не могла подойти ближе 50 сажень къ утесу. Капитанъ Дависъ, остановя свою шлюпку и направивъ ракету къ цѣли, какъ только позволяло ему волненіе моря, зажегъ фитиль, и веревка, привязанная къ ракетѣ, достигла до утеса, но къ несчастію, она упала на острый камень и перерѣзалась надвое. Этотъ неуспѣхъ, поразившій всѣхъ присутствующихъ, непоколебалъ неустрашимаго офицера, онъ, не смотря на собственную опасность, еще разъ пустилъ ракету и такъ мѣтко, что гибнущіе поймали веревку. Капитанъ крѣпко обвязалъ ею свою жену, она бросилась въ воду и была вытащена на шлюпку. Третья ракета принесла веревку къ капитану, онъ, въ свою очередь, былъ принятъ на слабую лодку. Въ продолженіе всей этой операціи, волны, съкомые неистовымъ вѣтромъ, поднимались до такой высоты, что несчастныя жертвы кораблекрушенія и лодка совершенно исчезали изъ глазъ зрителей. Наконецъ капитанъ и жена его достигли уже берега; но все, что перенесла эта женщина, было выше силъ ея: когда шлюпка коснулась берега, она была уже мертвою. При этомъ случаѣ небыло въблизи ни одной спасительной лодки; между тѣмъ мы видимъ возмож-

ность бросать съ шлюпки спасительную веревку и во время сильнѣйшей бури.

Ракета г. Карта была также въ одномъ случаѣ весьма полезна для экипажа разбившагося судна на берегу Дургамы. Потерпѣвшіе крушеніе схватили веревку, брошенную къ нимъ ракетой и старались ею воспользоваться, но были до того истомлены, что не могли ее держать въ окоченѣлыхъ рукахъ. Одинъ изъ зрителей предложилъ тогда послать имъ въ каменной посудѣ горячаго кофе. Вздумано, сдѣлано: посудина спущена по веревкѣ съ берега къ разбившемуся судну и люди, оживленные этимъ напиткомъ, могли трудиться для собственнаго своего спасенія.

Береговая стража можетъ приносить великую услугу судамъ, потерпѣвшимъ крушеніе. Она ознакомилась съ употребленіемъ спасительныхъ мортиръ и ракетъ, и готова всегда дѣйствовать. Порядокъ и военная дисциплина, къ которой приучена эта команда, даютъ ей большое преимущество предъ рыбаками и переводчиками, которыхъ отважныя усилія бывають иногда бесполезны отъ недостатка единства въ управленіи.

Есть еще одна опасность на морѣ, которая должна была обратить на себя вниманіе друзей человѣчества: это молнія. Не проходитъ года, чтобъ нѣсколько судовъ не были поражаемы и часто сжигаемы молніею, иногда въ обстоятельствахъ весьма замѣчательныхъ. Въ 1840, «*Чичестеръ*», военный крейсеръ, пораженъ былъ молніею на высотѣ береговъ Ирландіи. Мачты и часть палубы и бортовъ были расколоты и разрушены. Молнія пробѣжала съ вершины мачты въ видѣ огненнаго шара и проникла чрезъ палубу, сшибла съ ногъ многихъ людей, которые почувствовали какъ будто упало на нихъ что-то тяжелое. Капитанъ въ это время былъ въ каютѣ, за столомъ, съ двумя своими дочерьми: огненный шаръ прошелъ сквозь столъ, разбилъ въ дребезги блюда, тарелки, рюмки, но не причинилъ ни какого вреда присутствующимъ. Стекляныя рамы съ шумомъ разлетѣлись, средняя часть палубы приподнялась съ бимсовъ, и огни вездѣ потухли. Электрическая струя прошла чрезъ подводную часть судна, слѣдуя по направленію мѣдныхъ болтовъ и раздирая, даже подъ водою, мѣдные листы обшивки. Судно нѣсколько времени наполнено было дымомъ, но пожара не произошло.

«Я былъ лейтенантомъ на суднѣ «*Thétis*» говоритъ капитанъ Фитцрой, когда молнія ударила въ нашу фокъ-мачту, на Рио-Жанейрскомъ рейдѣ. Никогда не забуду я, что чувствовалъ въ эту минуту. Былъ темный вечеръ: небо совершенно мрачное, воздухъ тяжелый и жаръ душливый, но не падало ни капли дождя. Вдругъ ужасный ударъ, со-

проводимый шумомъ, поколебала все судно. Я былъ съ нѣкоторыми офицерами въ каютъ-компаніи: одни думали, что дали залпъ изъ пушекъ, другіе, что взорвало порохъ; но одинъ вскричалъ: Это ударъ молніи! и не ошибся. Брамстеньги не были подняты, но форъ-салингъ раскололся, бугеля фокъ-мачты лопнули и она снаружи и внутри получила неисправимыя поврежденія. Съ фокъ-мачты электрической токъ пробѣжалъ чрезъ какіе-то проводники не причинивъ другихъ поврежденій; но на бакѣ чувствуемъ былъ запахъ сѣры, и бывшіе тамъ люди думали, что что-нибудь наполненное порохомъ взорвало. Ни одинъ человекъ не былъ раненъ. Для большей точности, я долженъ сказать, что форъ-стенгга не была совершенно разрушена, потому что осталась на мѣстѣ, но она раскололась и походила на пучекъ рейковъ. Молнія свернула топъ-мачты и, вмѣсто того, чтобъ побѣжать по кратчайшей линіи, проникла во внутренность ея и вышла на высотѣ бугелей, которые были совершенно разбиты.»

«*Танжеръ*», прекрасное судно Ост-Индской компаніи, поражено было молніею въ 1820 году, въ водахъ Цейлона. Около восьми часовъ горизонтъ помрачился, и жесточайшій порывъ вѣтра упредилъ нѣсколькими секундами страшнѣйшую грозу, какую едва ли кому случилось испытывать. Молнія вспыхнула и разомъ убила двухъ человекъ, тѣла которыхъ буквально были растерзаны. Электрическая струя проникла въ боченокъ съ ромомъ, зажгла его, и вскорѣ все судно объято было пламенемъ. Все это случилось такъ скоро, что едва успѣли спустить на воду двѣ шлюпки, на нихъ столпились сорокъ восемь человекъ, взявъ съ собою компасъ, нѣкоторыя бумаги и мѣшокъ съ доллерами, но захвативъ нѣсколько провизіи и воды. У нихъ было только три весла на обѣихъ шлюпкахъ, и потому они съ великимъ трудомъ могли удалиться отъ пылающаго судна, которое чрезъ шесть часовъ пошло ко дну. Они находились въ 40 миляхъ отъ берега, и къ счастью, чрезъ четырнадцать часовъ достигнуты были англійскимъ судномъ, которое и привезло ихъ.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ печальныхъ подробностяхъ. Ясно, что молнія также ударяетъ въ судно на морѣ, какъ и въ зданіе на землѣ; только на суднѣ есть множество обстоятельствъ усугубляющихъ это бѣдствіе. Корабль, совсѣмъ въ немъ находящимся, составляетъ одно цѣлое; если ударить въ него молнія, онъ не можетъ ожидать внѣшней помощи, но долженъ находить ее у себя, или другими словами, быть снабженъ надлежащими предохранительными орудіями. Смотря на вопросъ этотъ даже со стороны статистической, мы находимъ, что Англійскій флотъ, напримѣръ, претерпѣваетъ отъ молніи

страшныя потери. Въ теченіе сорока лѣтъ, съ 1793 по 1833, болѣе 250 военныхъ судовъ поражены были молніей, слѣдовательно, по шести судовъ въ годъ. Въ 150 случаяхъ, преимущественно съ 1793 по 1815, около 100 нижнихъ мачтъ и стенегъ на линійныхъ корабляхъ и фрегатахъ съ запаснымъ рангоутомъ и прочими принадлежностями были или вовсе, или отъ части разрушены. 70 человекъ матросовъ убиты, число раненыхъ простиралось до 140. Независимо отъ потерь положительныхъ, въ людяхъ и матеріалахъ, весьма важно время, потребное для исправленія въ большихъ судахъ поврежденій, потому что содержаніе военнаго корабля обходится среднимъ числомъ по 100 фунтовъ стерлинговъ (600 р. сер.) на каждый день, считая только дѣйствительныя издержки, безъ процентовъ на капиталъ, употребленный на постройку его и вооруженіе. А какъ купеческій флотъ несравненно многочисленнѣе военнаго, то приведенныя нами цифры могутъ дать только слабое понятіе о потеряхъ, претерпѣваемыхъ Англійскою націею отъ страшныхъ ударовъ молніи.

Если причиняемыхъ молніею бѣдствій невозможно вовсе уничтожить, то покрайней мѣрѣ, ихъ можно значительно ослабить, потому что человѣческій умъ нашелъ средство исторгать у молніи ея вредоносное жало. Какъ и всѣ полезныя изобрѣтенія, громоотводы только со временемъ и очень медленно могли достигнуть до настоящей степени усовершенствованія. Древніе Фракіяне метали стрѣлы противъ громоносной тучи, думая отогнать этимъ угрожающую молнію. Нѣкоторые народы въ древности полагали, что молнія не можетъ проникать въ землю глубже пяти футовъ, почему во время грозы и укрывались въ глубокихъ подземельяхъ и гротахъ. Кемпферъ рассказываетъ, что Япоцы убѣгаютъ въ пещеры, наполненныя водою, полагая что вода тушитъ молнію. Римляне думали, что кожа тюленя предохраняетъ отъ молніи, да и въ нынѣшнее время, говорятъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ пастухи носятъ въ своихъ шляпахъ куски змѣиной кожи, для защиты отъ молніи. Императоръ Тиверій, во время грозы, надѣвалъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ, для отогнанія молніи. Вотъ какъ впрочемъ изъясняется Алберти въ сочиненіи своемъ объ архитектурѣ, писанномъ около 1480 года: «Въ природѣ нѣкоторые предметы одарены особенными свойствами, которыми пренебрегать не должно: такимъ образомъ лавръ, орѣхъ и тюлень никогда не привлекаютъ къ себѣ молніи; почему нѣкоторые и предполагали для предохраненія отъ молніи зданій, закладывать эти предметы въ стѣны.» Давно уже было въ обыкновеніи имѣть толстые стеклянные шары на выдающихся частяхъ зданій, судовъ и маяковъ; еще въ 1836 году видѣнъ былъ такой шаръ на стержнѣ флюгера донкас-

терской церкви. Бывали примѣры, что особы слишкомъ нервныя устроивали себѣ стеклянныя кѣлѣтки, чтобъ укрываться въ нихъ во время грозы. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, когда гремитъ громъ, закрываютъ плотно окна и двери, евреи, напротивъ, ихъ открываютъ.

Когда мнѣнія о свойствахъ молніи были различны, нельзя было и ожидать приложенія какого либо дѣйствительнаго средства къ предохраненію отъ нихъ кораблей; но какъ скоро было дознано, въ особенности, благодаря опытамъ Франклина, — что молнія ищетъ легчайшаго для себя пути въ землю, то не замедлили развить послѣдствія этого начала. Неподлежитъ сомнѣнію, что электрической токъ преимущественно устремляется на тѣла, которыя хорошо его проводятъ, а потому и разрушенія случаются въ тѣхъ только точкахъ, гдѣ теряется это свойство и правильный токъ электричества прерывается. Такимъ образомъ для предохраненія зданій и судовъ, довольно приготовить непрерывную линію, по которой бы пробѣгало электричество въ землю или воду, т. е. желѣзную дорогу для наибыстрѣйшаго паровоза. Доказано, что металлы всего лучше для устройства этого пути. Человѣкъ въ латахъ сохраннѣе человѣка въ обыкновенномъ платьѣ, и желѣзное судно сохраннѣе построеннаго изъ дерева, потому что въ немъ непрерывается металлическая поверхность, и слѣдовательно кратчайшая линія, для проведенія электричества. Мысль притянуть на латы или на желѣзное судно молнію, сначала какъ бы устрашаетъ; но дѣйствительно лучше, чтобъ этотъ непреодолимый дѣятель слѣдовалъ по дорогѣ нами самими заблаговременно приготовленной, нежели бросался въ стороны, разрушая все встрѣчающееся на прерванномъ пути.

Кондукторъ для проведенія молніи съ вершины зданія въ землю и съ верху мачты въ море, можетъ быть составленъ изъ металлическихъ полосокъ, проволокъ, прутиковъ и трубочекъ, это все равно, лишь была бы непрерывная линія изъ какого нибудь металла. Впрочемъ опыты показали, что нѣкоторыя формы проводниковъ, равно какъ и металлы одни другихъ предпочтительнѣе. Такъ, напримѣръ, жѣсть лучше свинца, желѣзо — лучше жести, цинкъ лучше желѣза, а мѣдь лучше цинка, отсюда слѣдуетъ, что свинецъ самый худшій, а мѣдь самый лучшій проводникъ электричества. Обыкновенно же для громоотводовъ употребляются желѣзо или мѣдь, и въ особенности послѣдняя, соединяющая въ себѣ всѣ выгоднѣйшія условія. Что касается до формы проводниковъ, то лучшими почитаются полоски и тонкія трубочки, представляющія болѣе поверхности при томъ же количествѣ металла. На зданіяхъ довольно легко проводить длинную металлическую нить, которой бы верхняя точка господствовала надъ самыми высшими частями строения, а ниж-

ния опускалась во влажную землю; но приспособленіе громоотводовъ къ кораблямъ представляетъ тѣмъ большее затрудненіе, что мачты, реи, и снасти часто перемѣняютъ свои положенія при поворотахъ и вообще при разныхъ маневрахъ судна.

Первые аппараты, придуманные для предохраненія кораблей отъ дѣйствія молніи, состояли изъ мѣдныхъ трубочекъ, которыя, вкладываясь концами одна въ другую, составляли родъ цѣпи; эта цѣпь присоединялась къ веревкѣ, у которой одинъ конецъ привязывался къ верхнѣи мачты, а другой бросался за бортъ въ воду. Такой аппаратъ, предложенный назадъ тому девяносто лѣтъ докторомъ Ватсономъ, былъ принятъ въ Англии, и всѣ военныя суда снабжались этими цѣпочками, хранившимися въ ящикахъ. Но самое храненіе цѣпочки въ ящикѣ составляло уже неудобство и большею частію лишало аппаратъ ожидаемой отъ него пользы. Полагали, что цѣпь можетъ оставаться въ ящикѣ до приближенія грозы, и что тогда успѣютъ на-скоро прикрѣпить ее, гдѣ слѣдуетъ. Но мы уже видѣли, что Англійскіе моряки довольно безпечны и не думаютъ объ опасностяхъ, могущихъ еще послѣдовать. Оттого случалось, что часто аппарата нѣтъ подъ руками, когда нужно его употребить; случалось и то, что ящикъ такъ крѣпко былъ закупоренъ, что молнія ударяла прежде, чѣмъ могли добраться до спасительной цѣпи. Притомъ скоро удостовѣрились, что надо предохранять не одну, а всѣ мачты, потому что молнія можетъ упасть и на такую, у которой нѣтъ аппарата. Во Французскомъ флотѣ, лѣтъ тридцать назадъ, введены были веревки изъ мѣдныхъ проволокъ, которыя прикрѣплялись къ флюгеру клотика и спускались за бортъ въ воду. Но эти кондукторы имѣли не болѣе успѣха, какъ и цѣпочки, употребляемыя на Англійскихъ судахъ.

Въ тоже время Сиръ Вилліамъ Гаррисъ, человекъ вмѣстѣ ученый и практическій, принялся за изученіе вопроса о морскихъ громоотводахъ, и достигъ до того, что Англійскій флотъ принялъ усовершенствованный имъ аппаратъ, выгоды котораго въ настоящее время не подлежатъ никакому сомнѣнію. Сиръ Вилліамъ преодолѣлъ всѣ затрудненія. Впрочемъ, ему способствовали въ успѣхѣхъ предпріятія положеніе его въ обществѣ, состояніе и настойчивость характера, побуждавшая всякія препятствія.

Система Сира В. Гарриса состоитъ въ томъ, чтобъ обращать самыя мачты въ кондукторы. Къ мачтамъ присоединяютъ мѣдныя полоски, длиною по четыре фута, а шириною отъ одного съ половиною до пяти дюймовъ, смотря по толщинѣ мачты. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: по всей длинѣ мачты, къ сторонѣ кормы, вырѣзываются

вертикальные желобки не много шире мѣдныхъ полосокъ, которыя въ эти желобки вставляются вдвойнѣ, такъ, чтобъ концы ихъ могли принимать новыя полоски. Потомъ линія полосокъ идетъ по желобкамъ бимсовъ и наконецъ чрезъ борты опускается въ воду, составляя всегда готовый и непрерывный для молніи проводникъ. Такимъ образомъ, во время приближенія грозы, нѣтъ ни затрудненій, ни заботъ о поставкѣ аппарата. Какъ пустыя колонны въ кристалльномъ дворцѣ проводили дождевую воду съ крыши зданія въ землю, такъ точно непрерывная нить полосокъ Гарриса всегда готова проводить электрическую струю изъ облака въ море.

«Стопушечный корабль» говоритъ изобрѣтатель въ особомъ трактатѣ объ этомъ предметѣ, имѣетъ 900 человекъ команды и стоитъ, включая и вооруженіе, не менѣе 170,000 ливровъ (болѣе одного милліона руб. сер.). И такъ, эту пловучую крѣпость можно предохранити отъ одного изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій цѣною издержки, непревышающей 100 ливр. (600 р. сер.), чего будутъ стоить мѣдныя полоски и ихъ приспособленіе. Впрочемъ, дѣйствительная издержка будетъ еще незначительнѣе, потому что этотъ аппаратъ, прослуживъ на одномъ кораблѣ, въ послѣдствіи, когда судно признано будетъ негоднымъ, можетъ быть перенесенъ на новый корабль такого же ранга.»

Эти новые громоотводы имѣли полный успѣхъ. Многіе изъ кораблей съ кондукторами Гарриса подверглись ударамъ молніи, но мѣдныя полоски проводили электрическую струю по указанному пути, и буда оставались совершенно сохранны. Вотъ какъ рассказываетъ капитанъ Сулливанъ о бывшемъ не такъ давно случаѣ на военномъ суднѣ «Vesagle», въ водахъ Монте-Видео. «Я находился, говоритъ онъ, въ Рио-Жанейро, на суднѣ «Thétis», когда фокъ-мачта его совершенно разрушилась отъ молніи. Съ тѣхъ поръ я всегда изучалъ признаки, предшествующіе сильнѣйшимъ грозамъ. Случившаяся предъ Монте-Видео, принадлежитъ къ самымъ жесточайшимъ. Удары молніи безпрестанно слѣдовали одинъ за другимъ, и все къ намъ приближалось. Я былъ на палубѣ и наблюдалъ дѣйствія этой грозы, какъ вдругъ при страшномъ шумѣ весь корабль точно облитъ былъ огнемъ, и получилъ такой же сильный ударъ, какой мы испытали на суднѣ «Thétis.» Молнія ударила въ корабль, и какъ гротъ мачта вся была въ огнѣ, то я не сомнѣвался, что электрическая струя направилась по проводнику, устроенному на этой мачтѣ. Между тѣмъ судно получило весьма чувствительное колебаніе. Я бросился внизъ, чтобъ узнать не случилось ли тамъ чего, и на трапѣ встрѣтился съ нашимъ комиссаромъ, выбѣжавшимъ изъ своей каюты, въ которой чрезъ бимсъ проходила вѣтвь

главнаго кондуктора: онъ сказалъ мнѣ, что молнія вѣроятно пробѣжала по бимсу, потому что онъ слышалъ въ этомъ мѣстѣ шумъ, подобный водѣ, низвергающейся съ величайшею быстротою. Корабль не потерпѣлъ однакожъ ни малѣйшаго поврежденія, но я твердо увѣренъ, что безъ кондуктора слѣдствія удара этой молнии были бы для насъ гибельны.»

Вотъ новѣйшія открытія науки и практики въ пользу предохраненія человѣчества отъ разъяренныхъ стихій. Они такъ любопытны и важны, что вѣрно займутъ каждаго, кто даже и не близокъ къ морскому дѣлу, и стоили того чтобъ распространиться о нихъ въ особенной статьѣ.

П. НОВОСИЛЬСКІЙ.

ОБА ОКЕАНА.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЖАКА АРАГО.

(*Автора Воспоминаній Сльпаго.*)

—

I.

ОТВѢЗДЪ.

Какое дѣло до тяжелаго пути пѣшеходамъ, привыкшимъ къ продолжительнымъ и труднымъ переходамъ? Что за дѣло до опасностей предпріятія тѣмъ путникамъ, которые при прощаніи сказали другъ другу: «вотъ наша цѣль; мы не прежде остановимся какъ достигнувъ до нея.»

Утомленіе не всегда происходитъ отъ продолжительнаго пути: гораздо чаще отъ скуки отъѣзда, — вотъ почему вы встрѣчаете по временамъ малодушныхъ храбрецовъ, которыхъ тѣнь пугаетъ больше существенной опасности. Страхъ достигаетъ сердца и посредствомъ слуха: шумъ пугаетъ также сильно. Сколько лицъ блѣднѣютъ при раскатахъ грома.

Убѣдитесь въ твердости людей гораздо труднѣе, нежели въ твердости гранитной скалы.

Но изъ этого развѣ слѣдуетъ, чтобъ мы приходили другъ къ другу съ недоувѣрчивостью въ душѣ, отыскивая съ безпокойнымъ взоромъ подъ одеждою ближняго остріе угрожающаго намъ кинжала.

Нѣтъ, нѣтъ! Если коварство служить иногда мечемъ, то добросердечіе — вѣрный щитъ.

Подавайте вашу руку, но вмѣстѣ съ нею и сердце; говорите только искренно и прямодушно, отыскивайте взглядъ, отвѣчающій вашему, —

и дурныя чувства замрутъ въ груди непріятели. Вы тамъ найдете помощь и безопасность, гдѣ другіе встрѣчали опасности и смерть.

Такъ поступалъ я въ Овайги, на томъ самомъ берегу, гдѣ Кукъ жизнью своею заплатилъ за суровость своихъ дѣйствій противъ островитянъ. Такъ я поступалъ въ Омбеѣ, когда, благодаря моимъ фокусъ-покусамъ, спасся я отъ зубовъ дикарей, которые наканунѣ съѣли пятнадцать Англичанъ, попавшихъ въ ихъ власть. Вотъ почему, не смотря на то, что я слѣпъ, рѣшился я принять начальство надъ опасною экспедиціею, познакомясь только наканунѣ отъѣзда съ лицами, составляющими ее.

На ихъ слова, ласковыя и добродушныя, я отвѣчалъ неограниченною довѣренностью. Я ѣду съ ними, какъ съ старыми друзьями, какъ съ братьями. Они заранѣе раздѣляютъ мои опасности, я раздѣляю ихъ радости; пѣнистая волна, которая будетъ угрожать одному изъ насъ, обрушится на всѣхъ. Отдѣльное несчастіе сдѣлается всеобщимъ, — и если намъ надобно будетъ умереть, то послѣднимъ нашимъ взглядомъ будетъ прощанье съ жизнью, но не съ дружбою.

И такъ, мы готовы съ беззаботностью идти навстрѣчу опасностей, которыми пугаютъ насъ озабоченныя семейства.

Насъ ни больше, ни меньше, какъ пятьдесятъ человекъ; у каждого изъ насъ сердце на своемъ мѣстѣ, — и обратный нашъ взглядъ говоритъ только: *до свиданія* друзьямъ, протягивающимъ намъ руку, брату, сжимающему насъ въ своихъ объятіяхъ.

Нѣкоторые изъ насъ знакомы съ моремъ, этою вѣчною угрозою природы. Другіе еще въ первый разъ слышатъ шумъ его волнъ, а я, такъ долго презиравшій всѣ его ужасы, я съ душевною молитвою вспоминаю его гнѣвъ, шумъ, смертельныя объятія, страстные порывы, и въ особенности его мертвое безмолвіе, болѣе гибельное, нежели свирѣпѣйшія волны, воздымаемыя ураганомъ на подобіе горъ.

За заставою собрались мы за дружескимъ банкетомъ; мы были веселы, какъ люди здоровые душою. Засвисталъ свистокъ вагона, мы бросились изъ-за стола, вбѣжали, заперлись въ свой ящикъ. Тяжелая машина двинулась впередъ съ порывистымъ дыханіемъ; мы продолжали болтать, — и пріѣхали.

Вотъ Руанъ, родина Корнеля и Боельдье, двухъ знаменитыхъ мужей двухъ разныхъ искусствъ. Въ Руанѣ хлопаютъ еще оперѣ *la Dame Blanche* и повторяютъ въ домашнемъ кругу мелодическія эти вдохновенія; но увы! мало изъ здѣшнихъ гражданъ читали *Сиды* и *Родогуну*. Проза торговли истребляетъ поэзію театра.

Гавръ — торговый городъ, полный движенія даже и въ ту минуту,

когда въ торговлѣ застой. Съ трепещущимъ сердцемъ пріѣхали мы сюда, потому здѣсь послѣдняя наша сухопутная станція въ этой однообразной Франціи, воспоминаніе о которой будетъ однакоже сопровождать насъ за Океанъ. Я сѣлъ въ яликъ, который доведетъ меня до *Эдуарда*; взлѣзъ на него,—я дома.

Дома! Кому же принадлежитъ это прекрасное трехъ-мачтовое судно?—Арматору, шкиперу, экипажу?

Нѣтъ! оно принадлежитъ вѣтрамъ, которые овладѣютъ имъ, штилямъ, которые будутъ останавливать его, ураганамъ, которые будутъ играть имъ, какъ щепкою. Не намъ приподнять завѣсу судьбы; мы улыбаемся, вѣря счастью и ввѣряясь Провидѣнію.

Всѣ на своихъ мѣстахъ: капитанъ, матросы, пассажиры. Городъ вѣкорѣ исчезаетъ въ волнахъ, — и около корабля только вода и небо: первая шумитъ подъ рулемъ, повинаясь ему покуда; второе усеяно облаками, гонимыми вѣтромъ.

Болтовня наша сперва шумная, сдѣлалась теперь рѣдкою и прерывистою. Фраза, блистательно начатая, умираетъ неожиданно, прерванная рѣдкимъ вздохомъ. Лица поблѣднѣли, глаза помутились, по палубѣ ходятъ уже невѣрными шагами. Тѣ, которые еще недавно храбро подбоченивались, теперь судорожно держатся за мачты, или за нителсы.

Что дѣлаютъ другіе? увы! тоже, что и я—страдаютъ. Ихъ кидаетъ почти безъ чувствъ изъ стороны въ сторону, — и у нихъ нѣтъ столько силы, чтобъ жаловаться на это.

Замолчите, избѣженные жители столицъ, вскрикивающіе при толчкѣ кареты, при столкновеніи съ пѣшеходами. Что значать ваши испуги предъ ужасными припадками морской болѣзни! Посмотрите на этихъ страдальцевъ: они лежатъ почти безъ движенія, глаза ихъ потухли, они едва дышатъ. Кожа ихъ, то холодна какъ мраморъ, то горяча, какъ въ пароксизмѣ горячки. Не говорите имъ ни о родныхъ, ни о славѣ, ни о почестяхъ, ни объ удовольствіяхъ жизни: это для нихъ въ эту минуту слова, неимѣющія смысла.

Бѣдное человѣчество! Попадались ли вы когда подъ грозу и проливной дождь лѣтомъ? Разумѣется, попадались, и видѣли, какъ всѣ бѣгутъ, спѣшатъ скрыться, высушиться, браня пренятствіе, помѣшавшее ихъ прогулкѣ или занятіямъ. Но какъ скоро выглянетъ опять солнце, всѣ снова высыплютъ на улицу, забывъ все случившееся.

Точно также поступили и пассажиры *Эдуарда*. И они высыпали опять на палубу, но только на сухомъ пути, послѣ грозы и дождя мы опять выходимъ живы и веселы, тогда какъ тутъ лица остаются блѣдными, походки невѣрными.

Морская болѣзнь не вдругъ проходитъ, а оставляетъ по себѣ слѣды, какъ лихорадка.

Втѣрь сдѣлался попутный; корабль накренился, пассажиры привыкають къ ходьбѣ по палубѣ — и мы принялись по прежнему за болтовню. Я, недавно еще бывшій слабѣе всѣхъ моихъ товарищей, принялся за разказы о прежнихъ моихъ путешествіяхъ и изобразилъ много случаевъ, какъ бы еще вчера со мною происшедшихъ. Слѣща болѣе всего утѣшаютъ разказы о быломъ.

II.

ЧЕЛОВѢКЪ УПАЛЪ ВЪ МОРЕ!

Вотъ уже и драма, вотъ трауръ! Человѣкъ упалъ въ море! Этотъ печальный крикъ пробѣжалъ вдругъ съ кормы до носа, и Буржъ, нашъ подшкиперъ, тотчасъ же распорядился всѣми спасительными средствами.

Видѣли, какъ несчастный упалъ съ большой райны, перевернулся на воздухъ, погрузился въ воду, всплылъ опять и легъ на спину, какъ искусный пловецъ, который бережетъ свои силы. Лодка медленно спущена съ корабля, медленно плыветъ къ нему, а караульный на марсѣ не сводитъ глазъ съ него.

Корабль сталъ въ дрейфъ и ждетъ. Нѣтъ еще ничего; лодка все еще ѣдетъ къ утопающему, но караульный уже видитъ, что онъ чаще и чаще сталъ исчезать въ волнахъ. Лодка, казалось, шла быстро, но смерть подоспѣла еще быстрѣе.

Цѣлый часъ искали несчастнаго и медленно воротились на корабль. Море поглотило свою жертву. И вотъ судьба человѣка! Мы бьемся, трудимся, составляемъ планы, какъ будто-бы *завтра* намъ принадлежить.

Происшествіе было записано въ журналъ, засвидѣтельствовано, и тѣмъ все кончилось. А между тѣмъ я принужденъ сказать правду. На кораблѣ не было приготовлено ни какихъ средствъ къ подобнымъ случаямъ. Не было ни боченковъ, ни даже курятника, чтобъ бросить на помощь несчастному; лодку спустили съ ужасною медленностью; прилагивали къ ней долго весла, однимъ словомъ, не спасли человѣка потому что не умѣли, не успѣли, не приготовились.

Остается у насъ теперь пятнадцать человѣкъ экипажа. Для трехъ-мачтоваго судна въ 1000 тоннъ этого мало.—Намъ придется бороться съ бурями мыса Горна, гдѣ у насъ будетъ двадцать часовъ ночи.

Капитанъ Кюре говоритъ, что этого довольно. Да! Если онъ хочетъ всѣхъ потопить, то это даже слишкомъ.

III.

ЭДУАРДЪ И ЕГО ПАССАЖИРЫ.

Корабль нашъ проченъ, твердъ, хорошо обшитъ, мачты крѣпки. Онъ какъ будто устроенъ для бурь мыса Горна. Я люблю все, что призираетъ опасности и смѣло идетъ въ бой.

Кромѣ нашей компаніи, ѣдетъ на *Эдуардъ* много искателей золота въ Калифорнію. Вотъ и женщины между ними. И имъ нужно золото! Легкомысленныя! Но за что же бранить ихъ, неуживъ сперва цѣли ихъ путешествія. — Вотъ одна дѣвушка сидитъ у борта и меланхолически смотритъ вдаль. Слѣному много позволяется и прощается. Я подошелъ къ ней.

«Неправдали, что корабль нашъ идетъ, какъ рыцарь, смѣло въ бой. Съ нимъ и опасности не страшны.

— Какія же опасности? отвѣчала она. Мы еще не видали ни одной бури.

— Для женщины есть опасности вездѣ, особливо если она одна.

— Развѣ мы бываемъ *одни* въ девятнадцать лѣтъ?

— И то правда! Въ молодости все весело и розово.

— А еслибъ было и грустно, то что значить одна слеза, упавшая въ Океанъ!

— Для него, конечно, не много, но для той, которая прольетъ ее... Лучше поговоримъ о пріятныхъ воспоминаніяхъ.

— Лучше забывать, чѣмъ помнить, г. Араго. Впрочемъ съ *вами* я готова говорить о чемъ угодно.

— Вы извините, слѣпцы привязчивы. Мнѣ много наговорили о вашей красотѣ и любезности. Какъ же слѣпцу не поговорить съ вами? Вѣдь мы въ тюрьмѣ на нѣсколько недѣль, и наша тюрьма «*Эдуардъ*».

— Я очень рада такому знакомству. Оно для меня пріятнѣе всякаго другаго.

— Благодарю васъ, и принимаю это какъ подарокъ слѣпцу... Но я все таки хотѣлъ бы говорить только о томъ, что *вамъ* пріятно. Напримѣръ, о вашемъ мужѣ.

— У меня его нѣтъ. Я сирота и независима. Я уѣхала изъ Парижа, чтобъ спастись отъ несчатія, противъ котораго вся философія бесполезна.

— Слѣдственно боязнь придала вамъ мужество.

— И можетъ быть, воображаемая опасность повергла меня въ дѣйствительную.... Впрочемъ, вы сказали, что мы нѣсколько недѣль про-

ведемъ въ одной тюрьмѣ, такъ я успѣю еще разсказать вамъ все, — а теперь — вотъ находить шкваль, убѣжимъ.

— То физическій, то моральный шкваль, — не въ этомъ ли состоитъ вся наша жизнь?

Мы разошлись, но моя собесѣдница ушла не въ каюту, а уѣхала почти на носу, чтобъ встрѣтить дождь и вѣтеръ. Это обстоятельство обнаружило мнѣ сильный характеръ въ ней или сильное отчаяніе. Увидимъ!

Но вотъ еще женщины: отчего это мнѣ не правится и печалитъ меня? Что такое женщина посреди бурь Океана? Что молнія женскихъ взглядовъ, когда настоящія молніи разбѣгаютъ тучу и выются по мачтамъ? Столько слабости подлѣ такой исполинской силы внушаетъ сожалѣніе и прискорбіе.

Но вотъ и капитанъ Кюре. Онъ выдержалъ десять битвъ противъ Антильскихъ урагановъ, и хотя еще незнакомъ со шквалами мыса Горна, но говоритъ о нихъ съ презрѣніемъ. Будемъ надѣяться, что онъ поддержитъ свою славу въ минуту испытанія.

Кюре очень любезный болтунъ, это хорошо; онъ уроженецъ небольшой деревни близъ Тулона, гдѣ море всегда спокойно.

Матросы *Эдуарда* прозвали Кюре *сухаремъ* за то, что онъ ихъ кормитъ плохо, а предоставляетъ имъ лакомиться рыбною ловлей.

Едва прошло нѣсколько дней, какъ уже все пассажиры раздѣлились на партіи: у всякаго свои друзья и свои непріатели. Началась качка, — и вы къ одному бѣжите, чтобъ поддержать его, а на другаго смотрите съ улыбкою, какъ онъ ударился о мачту.

Чувствуя симпатію, влекущую меня въ молодой незнакомкѣ, съ которою уже разговаривалъ, я опять подошелъ къ ней у гротъ-мачты.

— Случай насъ опять свелъ, — сказала я.

— Да, и я чувствую, отвѣчала она, что скорѣе можно привыкнуть къ неправосудію людей, нежели къ своенравію Океана.

— А вы развѣ пострадали отъ первыхъ? спросилъ я, взявъ ее за руку, которую она мнѣ оставила безпрепятственно.

— Развѣ кто нибудь не страдалъ на свѣтѣ?

— И васъ заставилъ страдать — *онъ*?

— Да!

— Теперь я все понимаю, — вскричалъ я, — и мое любопытство будетъ почти лишнее.

— А развѣ я сказала, что буду продолжать свой разсказъ?

— Это почти и не нужно. При томъ же — лѣвушка, и не увлечется страстію къ разсказамъ.

— Такъ вы думаете, что я болтунья? Вѣдь это неучтиво.

— Въ такомъ случаѣ попробуйте разсердиться на меня.

— Къ чему?

— Это льстить самолюбію женщинъ.

— Вы сами должны быть очень самолюбивы, г. Араго. — Женщины сердятся только на тѣхъ, кого любятъ, а вы, — вы можете быть только другомъ.

— Тогда я васъ буду звать *милое дитя мое*. Говорятъ, что вы прелестны. Но для слѣпаго — красота не существуетъ: для меня нѣтъ мраморнаго чела, увѣчяннаго черными локонами, нѣтъ нѣжнаго взгляда, нѣтъ поэтической походки и прелести одежды: для меня красота состоитъ въ свѣтломъ, пріятномъ голосѣ, который отзывается въ сердцѣ, какъ слова стариннаго друга, оно для меня въ соприкосновеніи нѣжной руки.....

Въ эту минуту она выдернула свою руку.

— Какъ! продолжалъ я печально: вы не хотите доставить бѣдному слѣпцу пріятнаго сновидѣнія, тогда какъ существенность навсегда для него исчезла. Это кокетство, или жестокость.

Она замолчала, и въ собесѣдницѣ моей видна была борьба: продолжать ли ей свои признанія, или прекратить начатое знакомство. Я конечно зналъ чѣмъ борьба кончится, но далъ ей полную свободу подумать.

Предоставьте женщинѣ полную свободу дѣйствій, если хотите сдѣлать ее своею невольницею. Попробуйте наложить на нее оковы, — она разорветъ ихъ, — и вы въ свою очередь очутитесь въ ея власти. Наша сила не въ ея слабости, а въ сопротивленіи. Еслибъ женщина сама чего нибудь пламенно желала, а вы стали бы насильно принуждать ее къ этому, она отказалась бы.

IV.

МОЯ ИСТОРИЯ.

Веселые мои товарищи безпрестанно говорятъ и мечтаютъ о будущемъ. Я думаю только о прошедшемъ и спрашиваю самого себя: стоило ли дать жизнь такому существу, какъ я!

Богатая деревня, поэтически окаймленная Пиренеями; прекрасныя озера; вѣчно-ясный сводъ небесъ; отецъ — образецъ честности; мать, напоминающая всѣ добродѣтели, всю любовь, всѣ богатства души; — гдѣ же послѣ этого счастье, если люди ищутъ его въ другихъ мѣстахъ

Но эта вѣжно обажаемая мать мечтала иную судьбу для своихъ дѣтей. Она сдѣлалась бережливою, отказалась отъ всего, чтобъ только шестеро дѣтей ея могли получить хорошее воспитаніе.

Мое дѣтство было безпрестаннымъ страданіемъ. Конечно, никогда не было такой слабой головы и такого слабаго здоровья. — Трусость моя была родомъ лихорадки, отъ которой немогла меня вылечить никакая логика, никакія увѣщанія матери, ни лесть, ни угрозы, ни наказанія. Я боялся совы, которой крикъ производилъ во мнѣ припадки; — я трусилъ волка, змѣи; я ужасался потемокъ — а при первомъ раскатѣ грома прятался подъ подушки.

Одинъ Мальтіецъ вылечилъ меня ударомъ сабли. Я былъ публично оскорбленъ — и потребовалъ удовлетворенія. Съ лихорадочною дрожью явился я на мѣсто боя, и почти закрывши глаза дрался.

— Я нечаянно вышелъ побѣдителемъ. Я вообразилъ себѣ, что сдѣлался героемъ, и изъ тщеславія превратился въ негоднаго юношу, въ настоящаго забіяку. Мнѣ тогда было восемнадцать лѣтъ.

Пройдемъ мимо и постараемся забыть. Воспоминанія были бы очень печальны для меня. Прошли годы. Исчезли черные и густые волосы, погасъ огонь взоровъ, голова покрылась снѣгомъ. Настали дни, когда вездѣ обо мнѣ говорили: онъ сумасшедшій.

Слово *Калифорнія* раздалось вдругъ по всей Европѣ. — Раскрылись вездѣ сундуки, и бѣдные накупили себѣ замковъ. Юноши, жадные къ душевнымъ волненіямъ, летѣли за океанъ, чтобъ повторить въ нашъ вѣкъ чудеса Пизарровъ, Кортесовъ и Колумбовъ.

Всѣ знали, что я кое-гдѣ былъ, кое-чему учился; день и ночь являлись ко мнѣ съ распросами всѣ любопытные празднолюбцы, всѣ спекуляторы, жадные до золота: всѣ спрашивали моего мнѣнія о эпопее, развивающейся въ новомъ штатѣ Сѣверо-Американскаго Союза. Я всѣмъ отвѣчалъ, всѣмъ говорилъ правду. Въ газетахъ безотчетно повторяли мои слова, и съ движеніемъ рѣшительныхъ людей предприняли совершить экспедицію въ Калифорнію.

Меня серьезно завербовали. Я прежде говорилъ: *пользжайте*, те перь долженъ былъ сказать: *пойдемъ*, и съ той минуты число участниковъ въ экспедицію быстро возросло.

Мужество тоже заразительно. Еслибъ я захотѣлъ, то поставилъ бы цѣлый легионъ *аргонавтовъ* въ три тысячи человекъ. Но корабли имѣютъ опредѣленные размѣры, и *Эдуардъ* не могъ расшириться по мѣрѣ всеобщихъ желаній.

Иные, правда, говорили: «онъ не поѣдетъ?» Ссылаюсь на всѣхъ васъ, друзья мои, колебался ли я хоть минуту? не боролся ли я всѣми си-

лами убѣжденій противъ первыхъ затрудненій предпріятія. Я вамъ сказалъ: *пду съ вами!* Вы мнѣ повѣрили. Благодарю васъ.

И вотъ я въ ящикѣ шириною въ шестьдесятъ пять сантиметровъ, лечу чрезъ Атлантическій океанъ съ сѣвера на югъ. Надо мною, въ такомъ же выдвигномъ ящикѣ сидитъ, думаетъ, болтаетъ и насвистываетъ молодой человѣкъ Сентенъ-Бадри, добръ, какъ братъ, веселъ, какъ застольная пѣсня. Онъ преслѣдуетъ фортуна, которую у него отняли, но которую хочетъ опять поймать трудами и благородными усилиями.

Я вѣрно буду еще имѣть случай говорить вамъ о немъ; много бы могъ я вамъ разсказать и о другихъ товарищахъ, которые теперь такъ разстроены морскою болѣзнію. Кампанія началась. Черезъ два года она кончится. Сколько происшествій случится еще до тѣхъ поръ, а особенно если справедливы всѣ слухи о драмахъ, происходящихъ въ Калифорніи.

Во всякомъ случаѣ драмы эти не пугаютъ насъ. Напротивъ того, опасности придаютъ намъ бодрость. Какъ первымъ завоевателямъ Америки, намъ кажется, что ничто не въ состояніи противиться миролюбивому нашему вторженію.

Я понимаю, что нечаянная опасность заставляетъ колебаться. Я понимаю малодушіе при видѣ неожиданныхъ препятствій. Но какъ скоро дѣло рѣшено, мечъ извлеченъ и Рубиконъ перейденъ, тогда всякій страхъ только срамитъ насъ. Трусость—природное несчастіе; малодушіе—стыдъ, и конечно, моей горячей компаніи не сдѣлаютъ этого упрека. Я люблю видѣть, какъ въ палубныхъ разговорахъ самые робкіе оживляются дерзостью другихъ. Вы не можете вообразить себѣ, сколько любопытныхъ изученій характеровъ можно дѣлать во время этихъ столкновеній спорящихся мнѣній, гдѣ часто страхъ скрывается подъ гасконскою и гдѣ колеблющаяся рѣчь забавно противорѣчитъ хвастовству мысли.

Вообще хвастуны не опасны. Я видалъ многихъ, которые на словахъ убили сотни людей, спокойно гулявшихъ около нихъ. Мы въ нашей компаніи дѣйствуемъ иначе: если есть безразсудные храбрецы, то есть и робкіе, которые своею робостью никого не унижаютъ. Я почти увѣренъ, что эти мнимые трусы будутъ впереди всѣхъ, когда намъ встрѣтятся пумасы, крокодилы, колокольчатая змѣя, краснокожіе дикари, и когда всѣ сердца будутъ объаты тоскою по родинѣ, самую жестокою и опасною болѣзнію въ отдаленныхъ краяхъ.

Болѣе всего нравится мнѣ въ этихъ преніяхъ, гдѣ характеры такъ ярко и безотчетно обрисовываются, нетерпѣніе наименѣе храбрыхъ.

Имъ поскорѣе хочется сразиться съ хитрымъ ягуаромъ; они хотятъ видѣть мѣтко-ли стрѣляютъ краснокожіе, — и я увѣренъ, что они нѣкогда по возвращеніи явятся съ трофеями, приобретенными на берегахъ Сакраменто. Радуйтесь, друзья мои! Васъ скоро испытаютъ на дѣлѣ. Каждый изъ насъ будетъ первымъ въ опасности, и наши подвиги будутъ такъ многочисленны, что все дѣвухи столицы будутъ ловить ваши взгляды, слова и мысли.

Тогда подайте милостыню и бѣдному Велларію.

V.

ПОРТРЕТЫ. — КАПИТАНЪ КЮРЕ.

Я началъ портретъ, я и кончу, потому что не люблю не досказаннаго.

По выговору его вы можете тотчасъ видѣть, что онъ не Парижанинъ; вы знаете, что онъ Тулонскій или Марсельскій уроженецъ. Это настоящій типъ, не обдѣланный образованностью, не сглаженный ученіемъ, не освоенный ни съ одною музыкальною нотою. Есть люди, которые рождаются провансалами, каталанами, пикардцами, нормандцами и бретанцами, какъ капуста рождается капустою, полинь — полипомъ.

Конечно, продолжительное путешествіе образовало нашего капитана для морской жизни. Онъ изрядно знаетъ свое ремесло, и разъ десять находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Онъ всего слышался, и говорить смѣло о физикѣ, астрономіи, экономіи, такъ что иные могутъ его почестъ ученымъ.

Я еще спрашивалъ дѣлаетъ ли онъ много жестовъ во время разговора его, но слышалъ, какъ онъ иногда стучитъ кулаками по столу. Впрочемъ, онъ южный уроженецъ, онъ былъ матросомъ, онъ живъ, бурливъ; нѣсколько лѣтъ уже плаваетъ по морямъ; онъ въ первый разъ окруженъ обществомъ пятидесяти человѣкъ, ищущихъ сильныхъ ощущеній, онъ знаетъ, что рассказы его съ жадностью слушаютъ, и слѣдственно онъ долженъ говорить много и съ сильными жестами.

Слогъ составляетъ одежду мысли, жесты—мечъ мысли. Кюре вооруженъ съ головы до ногъ. До сихъ поръ онъ только плавалъ по Атлантическому океану и Средиземному морю. Чтожь будетъ, если онъ обогнетъ мысъ Горнъ, бывшій свидѣтелемъ столькихъ несчастій! Тогда слова его польются какъ бурный потокъ; только сомнѣваюсь, будетъ ли въ нихъ смыслъ. Хаосъ—очень печальная вещь!

Если небо чисто и море благопріятно, Кюре гордъ и грубъ.

Но если начинается буря, если умный барометръ предсказываетъ

непогоду, Кюре грозенъ и подозрителенъ. Увидя его, вы подумаете, что корабль горитъ и что всякая надежда исчезла.

— Взять два рифа!—кричить онъ прежде всего, (одного никогда, этого ему мало). И мѣра эта остается въ исполненіи даже и тогда, когда можно употребить все верхніе паруса.

Если матросы прозвали его *сухаремъ*, то я предлагаю прозвать *двойнымъ рифомъ*. Это будетъ не такъ обидно...

Въ это время вошелъ кто-то въ мою каюту и подаль мнѣ руку, она была жестка и груба.

— «Вотъ рука, привыкшая къ работѣ, сказалъ я.

— «И сердце, привыкшее любить васъ, отвѣчалъ этотъ человѣкъ съ чувствомъ.

— «Ты меня знаешь?

— И очень.

— «Гдѣ ты меня видѣлъ?

— И здѣсь, и тамъ, и близко, и далеко. Я ѣздилъ съ вами во кругъ свѣта.

— «Тебя зовутъ?..

— Буржъ, — марсовый матросъ.

— «О! помню, храбрый мой товарищъ, и благодарю тебя за доставленную мнѣ радость. Какое мѣсто занимаешь ты здѣсь?

— Я боцманъ.

— «Матросъ Буржъ былъ моимъ другомъ, надѣюсь, что и боцманъ будетъ тоже..

— Отъ всего сердца, г. Араго.

Какъ я радъ, что подобный человѣкъ боцманомъ на «Эдуардѣ». Что за прекрасная душа! Съ какимъ самоотверженіемъ онъ страдаетъ, и молча подаетъ руку помощи. Матросы все полюбили уже Буржа. За что? за то, что есть люди, которые съ перваго взгляда внушаютъ презрѣніе, а другіе любовь и уваженіе. Буржъ изъ числа послѣднихъ. Я еще поговорю о немъ.

Пойдемъ далѣе.

Драма наша будетъ разыгрываться въ Санъ-Франциско и можетъ быть даже за Скалистыми Горами. Она займетъ много рукъ и воспламенитъ много головъ. Изъ каждаго мозга изливаются потоки мыслей объ огромныхъ богатствахъ, и я не знаю ни одного бѣдняка въ рубищѣ, который бы заранѣе не купилъ для своей фамиліи нищихъ великолѣпнаго дворца.

На всехъ корабляхъ, идущихъ въ Калифорнію, матросы думаютъ какъ бы бѣжать. Они хотятъ только пріѣхать туда, чтобъ уже не возвращаться,

запасаясь лопатою и другими золотокопательными орудіями; а какъ не много надобно ума и труда, чтобъ отрывать отъ скалъ заключенные въ нихъ самородки, то очевидно, что сильтѣйшіе, терпѣливѣйшіе и наиболѣе привыкшіе ко всякой непогодѣ, векорѣ обогатятся, или покрайней мѣрѣ скорѣ другихъ.

Около насъ такъ мало этихъ людей, что мнѣ не трудно исчислить ихъ. Да они же и не скрываютъ ни своихъ намѣреній, ни характера. На что имъ лицемѣрство, составляющее ежеминутный трудъ? Жизнь ихъ такъ занята, что имъ даже нѣтъ времени жаловаться на счастье. Нашимъ матросамъ отъ двадцати пяти до тридцати пяти лѣтъ. Старшему сорокъ четыре года, изъ которыхъ онъ двадцать три провелъ на морѣ. У него жена и дѣти, которымъ онъ привозитъ барыши каждой своей поѣздки. На эти барыши жена себѣ шьетъ обновку для воскресныхъ дней, а дѣти лакомятся.

Кромѣ его у насъ еще четыре матроса. Прочіе такіе же люди, какъ вы и я. Это типы, это исключенія, это черепа для изученія краіологамъ. Вглядитесь въ нихъ — и мысль ваша серьезно займется этимъ изученіемъ.

Первый изъ этихъ головорѣзовъ—Бленъ, представляющій видъ правильнаго квадрата. Онъ скорѣ напоминаетъ Геркулеса Фарнезскаго, нежели Милона Кротонскаго. Онъ хорошъ собою, смугль, почти оливковаго цвѣта; въ немъ смѣсь испанца съ арабомъ. Онъ искусѣ всѣхъ подвизываетъ рифы и ловитъ акулъ. Его удочка никогда даромъ не бросается въ море.

Второй — Жанъ-Мари Пети, болтунъ, расказикъ, вѣчно смѣется, вѣчно ссорится, вѣчно хвастаетъ. Всякая угроза его — ударъ. Руки, ноги его безпрестанно говорятъ и убѣждаютъ другихъ. У Жана-Мари голубые глаза, все остальное цвѣта смолы. Въ бурю Жанъ-Мари также хорошъ, какъ и Бленъ для корабельныхъ маневровъ. Въ спокойное же время онъ лучше разказываетъ, его лучше слушаютъ, онъ этимъ гордится и пользуется своимъ правомъ.

Третье лицо — Пике. Онъ дороденъ какъ бочка, и Жанъ-Мари, который любитъ его, говоритъ, что около Пике можно съ удовольствіемъ прогуливаться.

Еще есть одно лице на «Эдуардѣ», о которомъ я едва было не забылъ сказать, это было бы дурно съ моей стороны, потому что онъ страдалецъ, а если кто захочетъ, чтобъ о немъ когда нибудь сожалѣли, то долженъ подавать руку помощи несчастнымъ, — это юнга. Какъ его зовутъ, не знаю; каждый зоветъ его по-своему, какъ угодно, и онъ на всякое имя откликается, и всякому повинуется. Фац-Фанъ, Риголе,

Шоншонъ, Каскетъ, былъ въ первые дни не ловокъ, робокъ, но линьками и пинками матросы вскорѣ образовали его. Онъ сдѣлался расторопнѣе, и хотя пинки не уменьшились, но онъ сдѣлался къ нимъ нечувствительнѣе. Я его прозвалъ *Уистити*, и надѣюсь видѣть его матросомъ лѣтъ черезъ десять.

Вотъ все, что есть на «Эдуардъ». Пусть бушуютъ шквалы, бури, наши пять, шесть молодцовъ будутъ бороться съ ними. Каждый получить за это тридцать франковъ. Чего же больше? И мой Уистити получить сколько вѣдугъ.

Вчера, проходя по палубѣ, вдругъ услышалъ я, что Уистити хохочетъ. Уистити смѣялся!!

— «Что съ тобою, дитя мое? — спросилъ я, подавая ему дружески руку, которую онъ не смѣлъ пожать.

— «Виноватъ, г. Араго, — отвѣчалъ онъ, держа себя за бока. Я смѣюсь, что славно надулъ нашего лейтенанта.

— «Чѣмъ же, расскажи.

— «Недавно налетѣлъ шкваль; лейтенантъ Буше закричалъ: *взять на гитовы паруса на марсель*. Я былъ ближе всѣхъ и побѣждалъ мимо его. Онъ по дорогѣ пустилъ въ меня славнымъ пинкомъ, но я такъ искусно повернулся въ эту минуту, что ударъ попалъ въ воздухъ.

И этому мальчикъ радовался!

Я еще не сказалъ вамъ ни слова о лейтенантѣ Колиньянѣ. Я еще изучаю его: этотъ человекъ составленъ изъ противорѣчій, но хорошія качества преобладаютъ въ немъ. Я послѣ поговорю о немъ. Я лучше люблю говорить о Уистити.

Бѣдный ребенокъ! Когда ты будешь проходить мимо моей каюты, постучись: у меня всегда тебѣ найдется кусокъ хлѣба съ сыромъ, улыбка и пожатіе руки. Одно мое тебѣ наставленіе — молись и трудись.

VI.

КТО БЫ ЭТОГО ОЖИДАЛЪ?

Моя знакомая незнакомка сама пришла ко мнѣ, взяла меня подъ руку, и мы пошли ходить по палубѣ. Видя ея довѣрчивость, я началъ атаку.

— «Вы еще мнѣ не рассказали своей участи. Я обещаю вамъ выслушать ее со всевозможною разсѣянностью и равнодушіемъ, чтобъ вамъ свободнѣе можно было рассказывать.

— «Я не сдѣлала никакого преступленія, и ни какой вины нѣтъ на моей совѣсти.

— «Не ошибитесь. Одинъ философъ сказалъ, что мудрецъ грѣшитъ семь разъ въ день. Но все равно, я васъ слушаю.

— «Исторія моя очень проста и коротка. Я еще была въ пансіонѣ, когда къ намъ изъ провинціи пріѣхалъ молодой мой кузень.

— «А! романъ начинается...

— Да! Мы почувствовали другъ къ другу склонность, и дали слово другъ другу соединиться бракомъ по выходѣ моемъ изъ учебнаго заведенія.

— И потомъ?

— «Потомъ мать моя скончалась. Я должна была ѣхать въ Англію по нѣкоторымъ денежнымъ дѣламъ по наслѣдству. Тутъ я узнала, что мой кузень женился.

— «Ай, ай! да онъ чудовище!

— «Онъ мужчина.

— «Чтожь вы сдѣлали?

— «Я воротилась въ Парижъ и узнавъ, что въ Калифорнію отправляется экспедиція подъ начальствомъ слѣнца Араго, рѣшилась навсегда уѣхать изъ Европы.

— «Такъ романъ почти конченъ.

— «Къ несчастію, нѣтъ еще. Только сегодня утромъ узнала я, что этотъ кузень, сдѣлавшись свободенъ, послѣдовалъ за мною.

— «Какъ, онъ здѣсь? на этомъ кораблѣ?

— «На «Эдуардѣ.»

— «Чтожь изъ этого будетъ?

— «Я хочу выйти на берегъ въ Вальпарайсо.

— «Онъ послѣдуетъ за вами.

— «Тогда я буду умѣть умереть. Однажды обманутое сердце не прощаетъ.

Съ этимъ словомъ она быстро оставила меня.

Увы! я потомъ видѣлъ гробницу обоихъ въ Калифорніи.

Разскажу вамъ еще анекдотъ.

«Я объѣхалъ свѣтъ съ прелестнѣйшею женщиною, г-жею Фрейсине, женою нашего капитана. Она всегда ходила въ мужскомъ платьѣ.—Первая наша стоянка была въ Гибралтарѣ; Лордъ-Донъ былъ комендантомъ. Это былъ самый холодный и чепорный англичанинъ во всей Англіи. Весь штабъ нашей *Ураніи* отправился къ его превосходительству съ визитомъ. Она приняла насъ какъ истинный джентльменъ и пригласила *всѣхъ* на другой день къ обѣду.

Г-жа Фрейсине была съ нами въ мужской своей одеждѣ—и Лордъ

Донъ, не смотря на свою англійскую флегму, замѣтилъ это хорошенькое лицо.

— Вы тоже *офицеръ* на «Ураніи?»—спросилъ онъ ее.

— Эта моя жена, отвѣчалъ нашъ капитанъ.

— А, ваша супруга! Очень радъ!... Потомъ прибавилъ, ударивъ себя по-лбу: «Ахъ, Боже мой! я и забылъ, что мой поваръ на дачѣ, и что я живу на бивакахъ. Извините меня, господа, обѣдъ нашъ не состоится.»

Мы ушли, очень разсерженные, что мужская одежда женщины лишила насъ хорошаго обѣда.—Лордъ Донъ не повѣрилъ, чтобъ г-жа Фрейсине была женою капитана.

VII.

СОЖАЛѢНІЕ.

Вотъ всѣ собрались на палубѣ, мужчины и женщины, молодые и старые. Всѣ вытанули шею, устремили взоръ впередъ и издають звуки восторга, сопровождая голосъ жестами.

— Какъ это прекрасно! Какъ величественно! Какъ высокъ Создатель въ своемъ твореніи!

Замолчите и слушайте. Тамъ города, крѣпости, бойницы. Тамъ волны, оружіе, пушки; можетъ быть, мы услышимъ трескъ оружія, столкновения всадниковъ, громъ орудій. Послушаемъ.

Вотъ равнины, которыхъ пространство утомляетъ взоръ; вотъ горы съ отвѣсными своими вершинами, вотъ лѣса съ вѣковыми своими деревьями.

Вотъ волшебная гармонія безмолвія пустынь, наполняющая ваше сердце ужасомъ....

Вотъ на суживающемся горизонтѣ видны огнедышщія горы въ минуту своего гнѣва, — это рѣки огня, озера кипящей смолы, океанъ лавы; вездѣ огонь, пожаръ, раскаленная печь, расплавляющая все вокругъ....

Вотъ тяжелыя и густыя облака, величественно несущіяся надъ волнами. Вотъ вдали сѣрый, густой туманъ, которымъ вскорѣ овладѣетъ вѣтеръ и превратитъ его въ водопады надъ испуганнымъ кораблемъ.

Собравшіеся на палубѣ люди видятъ всѣ эти волшебныя картины, эти величественныя закаты солнца. Изумленіе торжественнаго зрѣлища исторгаетъ у нихъ возгласы....

Одинъ я,—увы! я одинъ живу только воспоминаніями, и спрашиваю: наказаніе слѣнца не состоитъ ли больше въ зависти на зрѣніе другихъ, нежели на собственную свою слѣпоту?

Вотъ еще недавно кричалъ онъ:

— Поскорѣе, поскорѣе сѣти! вотъ бониты, вотъ доряды! Они плещутся у самаго бугшприта. Мы славно пообѣдаемъ.

И все они бросились за этими рыбами, весело слѣдовавшими за кораблемъ, который шелъ по девяти узловъ въ часъ,

Я одинъ былъ неподвиженъ; одинъ восхищался только прошедшимъ; одинъ не радовался о завтрашнемъ днѣ.

Вотъ потомъ бросились все на палубу ловить *фрегаты*, это моллюски розовыя, краснояркія, синія, оранжевыя. Поймали въ сѣти нѣсколькихъ изъ этихъ странныхъ животныхъ, и съ любопытствомъ смотрѣли на предсмертныя ихъ боренія и на постепенную потерю красокъ, исчезающихъ вмѣстѣ съ жизнью.

Я одинъ не присоединился къ этой группѣ, которая столько же восхищалась моллюсками, сколько мечтала восхищаться богатствомъ Калифорніи.

Когда акула караулитъ свою добычу у кормы, какъ волкъ у овчарни; когда китъ выбрасываетъ изъ ноздрей великолѣпныя каскады воды; когда летучія рыбы выскакиваютъ толпами изъ моря, какъ саранча Африканскихъ степей, и когда весь экипажъ наблюдаетъ за всеми этими явленіями богатой и разнообразной природы, — я сижу одинъ и молчу, будучи отчужденъ отъ дневнаго свѣта.

Лучше бы мнѣ было никогда не быть зрячимъ. Я не зналъ бы всей своей потери. Лучше бъ милліонеру никогда неимѣть ни одного су, нежели потомъ впасть въ нищету, протягивать руку для подаянія.

Я думалъ, что удалясь изъ Парижа, мнѣ будетъ легче переносить свою слѣпоту. Я ошибся. Уныніе тѣснитъ грудь мою.... Но отчего же это я такъ упалъ духомъ?

Все оттого, что убійственный штиль приковалъ насъ на экваторѣ; нестерпимый жаръ измучилъ насъ, — и когда наступятъ бури, силы наши уже будутъ истощены. Что противопоставить безвѣтрію и жару? Какъ бороться съ непріятелемъ, который не сражаясь отнимаетъ у васъ все силы. Нѣтъ ужаснѣе врага какъ тотъ, который не хочетъ сражаться.

Мы неподвижны; воздухъ молчитъ, термометръ въ тѣни показываетъ 33°. Вдали отъ насъ стоятъ тоже корабли, захваченные подобно намъ, и тоже посреди мученій ожидающіе дуновение вѣтерка.

Наша жизнь мрачна, а весела не лично отъ насъ, а отъ окружающаго насъ, если мы не заражены неизлечимымъ эгоизмомъ, — и я логически желаю «Эдуарду» сильную бурю, чтобъ выйти изъ этого безмолвія и неподвижности.

Когда намъ грустно, то всякая переменѣ кажется намъ къ лучшему. — Увы! Когда будемъ у мыса Горна, мы съ сожалѣніемъ будемъ желать нынѣшней неподвижности на экваторѣ. Таковъ человѣкъ!

Но вотъ мнѣ говорятъ, что молодая акула плыветъ за кормомъ и ждетъ кусочка сала съ корабля. Дѣйствительно, кусокъ брошенъ; обжорливое животное видитъ это, бросается, переворачивается, раскрываетъ пасть, хватается, и черезъ нѣсколько минутъ лежитъ на палубѣ безъ хвоста и головы, чтобъ сдѣлать намъ къ обѣду лишнее блюдо.

Что это? Сплинь мой кажется пропадаетъ. . . Да! — Вѣтерокъ подулъ и понесъ «Эдуарда» къ созвѣздію Южнаго Креста.

Опять дожди, опять безпрестанные шквалы.

Матросы поймали еще акулу, и эта въ шесть футовъ длиною. Всѣ привѣтствуютъ добычу. Но вотъ странный случай!—За два дня тому назадъ встрѣтили мы корабль, шедшій изъ Портсмута въ Сидней. Нѣсколько офицеровъ заѣхали къ намъ повидаться и между прочимъ рассказали, что у нихъ на дняхъ умерла на кораблѣ молодая женщина, ѣхавшая къ своему мужу въ Портъ-Джаксонъ, и ее, по обыкновенію, бросили въ море.

И чтожь? теперь въ желудкѣ у пойманной акулы нашли перочинный ножикъ, кусокъ кружевъ и серебряное кольцо.

Не смотря на это, матросы говорили, что рыба была очень вкусная.

Подобный случай былъ уже со мною. Когда я ѣхалъ на «Ураніи» вокругъ свѣта, то въ Бразиліи разстался съ добрымъ моимъ другомъ Лабордомъ. Онъ поѣхалъ на островъ Маврикія, гдѣ его ждала невѣста, а я продолжалъ путь на Уранію; мы поймали тоже акулу, и въ ней остатки Лаборда.

VIII.

ПОДЪ ПАРУСАМИ.

Радостно хватаемся мы за всякій случай, чтобъ прервать наше утомительное однообразіе. Вотъ трехмачтовое судно въ нашихъ водахъ, — и мы сѣшимъ поговорить съ нимъ. Оно идетъ изъ Роттердама въ Батавію. Нашъ капитанъ Кюре приглашаетъ голландскаго капитана завтракать, и тотъ отправляетъ къ нему своего лейтенанта и лекаря.

Какъ весело провести полчаса съ незнакомцами, какъ пріятно поговорить о буряхъ, о штляхъ, о разныхъ происшествіяхъ. Поѣли, попили, простились, но цѣлый день не расходились. Только къ утру Голландцы повернули къ востоку, а «Эдуардъ» къ западу. Кто знаетъ? Можетъ быть мы и сойдемся на той сторонѣ полушарія, въ тихомъ океанѣ.

Но вотъ поутру встрѣтили мы еще легкій, веселый и красивый гальетъ, онъ подошелъ къ намъ.

— Какъ называется вашъ корабль?

— *Эдуардъ*, — капитанъ Кюре.

— Сенскій уроженецъ?

— Точно такъ.

— Я то же, — капитанъ Фиске.

— Какъ приятно!... Куда идете?

— Въ Гваделупу, — а вы?

— Въ Калифорнію. Съ нами Жакъ Араго, братъ знаменитаго астронома. Онъ начальникъ общества пятидесяти молодыхъ людей, которымъ поручено изслѣловать эту страну.

— Скажите имъ, что всѣ мы желаемъ Г. Араго и компаніи его всякаго успѣха.

— Благодарю за всѣхъ.

Кто путешествовалъ по морямъ, кто ѣздилъ по песчанымъ пустынямъ, тотъ пойметъ, какъ радостны подобныя встрѣчи. У г. Кюре противъ обыкновенія родилась счастливая мысль. Онъ проситъ капитана Фиске стать въ дрейфъ, подождать съ четверть часа и отвезти отъ насъ письма въ Гваделупу для пересылки ихъ оттуда во Францію. Добрый Фиске согласился; мы бросились къ перьямъ; письма готовы, отправлены, и наши родные и друзья получаютъ объ насъ извѣстія. Я даже послалъ къ г. Фиске свою визитную карточку, а онъ мнѣ прислалъ свою.

На морѣ всякая бездѣлица занимаетъ, и все остается въ памяти.

Но вотъ мы опять одни, и «Эдуардъ» опять залѣнился. Нѣтъ вѣтра. Разкажать развѣ о томъ великолѣнномъ домѣ, въ которомъ я пишу эти записки.

Отворите дверь, поднимите ногу, опустите голову, и вы у меня; не пробуйте дѣлать ни шагу, это невозможно. Кровать моя состоитъ изъ ящика въ шестьдесятъ пять сантиметровъ ширины и пять футовъ восемь дюймовъ длины. Это длина моей комнаты. Сундукъ мой занимаетъ полкомнаты, то есть три фута. Какая роскошь!

Я вхожу въ свой ящикъ посредствомъ табурета, въ видѣ первой ступеньки и стула, который дозволяетъ мнѣ садиться въ профиль и растянуться на одѣялѣ. Чтобъ надѣть на желѣзный пруть родъ занавѣски желтаго цвѣта съ красными каймами, устроенъ уступъ въ каютѣ, который заставляеть меня входить руки впередъ, чтобъ не разбить лба. Впрочемъ, эту небольшую неприятность испытываю я при каждомъ нѣскольکو смѣломъ движеніи, потому что уступы есть вездѣ и дере-

вянные, и желѣзные, а архитекторъ вовсе не потрудился округлить ихъ. Онъ, правда, не зналъ, что я поѣду въ Калифорнію. Какъ жаль, что я не знаю его имени!

Ложѣ мое находится въ четырехъ съ половиною футахъ отъ полу. Оно состоитъ изъ одѣяла, подушки, тюфяка и небольшого мѣшка рубленой соломы.

Чтобъ предохранить меня отъ ушибовъ во время качки, вколотили доску къ моей кровати. Этотъ брустверь, безъ котораго я бы не разъ былъ выброшенъ въ ахтерлюкъ, откуда конечно меня бы вытащили только для того, чтобъ предать на съѣдѣніе акуламъ; теперь я буду покуда цѣль, а онъ попростая.

Подо мною на полу и на телячьей шкурѣ расположился ученый мой Сентень, о которомъ я еще поговорю. Если онъ подниметъ голову, то ударится объ мои ноги, свѣщенные съ кровати. Если онъ высушетъ голову, то повстрѣчается съ табуретомъ, стуломъ или какимъ нибудь угломъ. Бѣдный Сентень! Какъ намъ тѣсно жить *на этомъ свѣтѣ!*

Надѣво подъ рукою прибиты у меня два футляра для моихъ карандашей, которыми я пишу. Надъ головою сдѣлано у меня отверстіе, въ которое входитъ воздухъ, направо другой футляръ, гдѣ лежитъ мой альбомъ, куда я записываю свои мысли для друзей своихъ; благодарятъ ли они меня за нихъ?

Арсеналъ мой крѣпко утверждёнъ у кровати и состоитъ изъ двухъ пистолетовъ, сабли и ружья, которыя познакомятся съ краснокожими, если они вздумаютъ напасть на насъ. Сентень видѣлъ уже оранскихъ арабовъ и разбойниковъ Сахары. Все остальное пространство каюты наполнено книгами.

Вотъ весь мой домъ. Сюда проглядываютъ головы, здороваются со мною, я отвѣчаю улыбкою, пожатіемъ руки—и визитъ конченъ. А какъ я очень плохой ѣдокъ, то изъ сквернаго нашего обѣда у меня всегда остается сардинка, картофель, бисквитъ, или чашка кофе. Я знаю кому отдавать это, и мнѣ благодарны за эту дешевую щедрость.

Вотъ уже тридцать пять дней какъ мы въ дорогѣ. Еще полгода подобной жизни, и мы простимся со всеѣмъ этимъ комфортомъ, съ соленою водою, съ каютою, съ сухарями, съ кашкою и духотою. Еще полгода, и мы начнемъ новый кочующій образъ жизни. Нога наша будетъ уже на твердой почвѣ. Въ это время перейдемъ мы все климаты земнаго шара.

Что значать шесть мѣсяцевъ передъ вѣчностью!

IX.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЭКВАТОРЪ.

Если я созданъ для безпрестанной борьбы противъ страстей и стихій, то борьба на морѣ мнѣ лучше всего нравится. Здѣсь она серьезна, непрерывна, здѣсь мы безпрестанно должны быть вооружены съ головы до ногъ.

Здѣсь кромѣ волнъ много опасныхъ враговъ. И теченіе, котораго мы не можемъ вычислить, и подводная скала, которая выросла отъ усерднаго труда мадрепоровъ и раздираетъ нашу мѣдную обшивку; и негостепримный берегъ, куда насъ можетъ забросить буря, и ураганъ, разрывающій наши паруса и снасти; и молнія, угрожающая намъ смертію и пожаромъ; и смерчи, которые обходятся съ кораблемъ какъ съ мальчикомъ. Здѣсь все противъ насъ. Намъ остается только мужество, хладнокровіе и покорность.

Третьягодная великолѣпная гроза бушевала надъ неподвижнымъ «Эдуардомъ», и молніи въ видѣ огненныхъ сноповъ вылетали изъ черныхъ тучъ. Вчера шелъ цѣлый день дождь, и мы не могли даже вытти на палубу. И безъ того движенія мало на кораблѣ, а тутъ цѣлыя сутки сидѣть въ каютѣ!

Что вдругъ за звуки трубъ раздаются на палубѣ и спускаются внизъ къ капитанской каютѣ? Грозный голосъ спрашиваетъ его сквозь дверь:

— Кто тутъ?

— *Капитанъ.* Я.

— *Голосъ.* Я спрашивалъ: кто тутъ?

— *Капитанъ.* Я отвѣчалъ, что я.

— *Голосъ.* Я—значитъ глупость. На все есть имя.

— *Капитанъ.* Я, Кюре, уроженецъ Сейны въ Варскомъ департаментѣ.

— *Голосъ.* А! я знаю тебя.

— *Капитанъ.* Очень радъ.

— *Голосъ.* Ты порядочный уродъ, и если у васъ много такихъ, то я сожалѣю о вашихъ невѣстахъ.

— *Капитанъ.* Однакоже я женатъ.

— *Голосъ.* И съ украшеніемъ.

— *Капитанъ.* Что ты хочешь сказать?

— *Голосъ.* Не твое дѣло. Скажи-ка мнѣ лучше Кюре, переходилъ ли твой корабль черезъ линію?

— *Капитанъ.* Нѣтъ еще.

— *Голосъ.* Ну, такъ я посылаю тебѣ моего главнаго курьера, который мнѣ и принесетъ твой отвѣтъ. Если ты порядочный человѣкъ, то я буду къ тебѣ милостивымъ морскимъ богомъ. Еще вопросъ: куда ты идешь?

— *Капитанъ.* Въ Калифорнію.

— *Голосъ.* Везешь ты туда золото?

— *Капитанъ.* Нѣтъ, ѣду за нимъ.

— *Голосъ.* Съ тобою все мужчины?

— *Капитанъ.* Есть и женщины.

Явился курьеръ и подалъ капитану письмо отъ Нептуна. Въ письмѣ сказано слѣдующее:

«Посылаю тебѣ Рафала-урагана. Дай ему отвѣтъ: ходила ли твоя скорлупка «Эдуардъ» черезъ линію. Если ходила, то продолжай путь, если же нѣтъ, то я велю срубить твою гальюнъ, развѣ ты, какъ порядочный человѣкъ, откупишься.

Нептунъ, король линіи и всѣхъ морей.»

Кюре далъ въ отвѣтъ посланному, что готовъ исполнить все обряды откупа, и тутъ началась комическая процессія. Бѣлый медвѣдь и Рафалъ-Ураганъ пошли по палубѣ, щедро одѣлая всехъ попадавшихся имъ ударами плети и пинками.

Но вотъ и самъ Нептунъ съ своею супругою. И что за супруга! Въ шестьдесятъ лѣтъ, съ сѣдыми, подстриженными волосами, косая, подслѣповатая и безъ зубовъ. Весь экипажъ и все пассажиры должны были подходить къ морскимъ супругамъ и клясться, что никогда не будутъ влюбляться въ чужихъ женъ, а особливо моряковъ.

Клятва эта произносится сидя на доскѣ. Посредствомъ устроеннаго механизма доска поворачивается и клянуційся падаетъ въ чанъ съ водою. Его подхватываютъ изъ воды, и онъ уже поданный властителя линіи Нептуна.

А какъ у насъ на кораблѣ были женщины, формулу же клятвы не вздумали перемѣнить для нихъ, то и онѣ клялись въ томъ же. По странному капризу, моя Аменаида отказалась, и два раза выкупалась не совсемъ добровольно.

Увы! мнѣ бы надобно было сердиться на нее. Но къ чему? Вообразите себѣ, я узналъ, что весь ея разсказъ былъ нечто иное, какъ утка, пухъ, мистификація. У нея не было кузена ни на сухомъ пути, ни на морѣ. Она хотѣла посмѣяться надъ слѣпцомъ; нѣкоторые пассажиры знали ее въ Парижѣ. Она была прачка, и тотчасъ же занялась на *Эдуардъ* своимъ ремесломъ, долго торгуясь съ каждымъ и за каж-

дую *штуку* бѣлья. Добрые пріятели рассказали мнѣ все это, и я улыбнолся. Неужели въ самомъ дѣлѣ сердиться? Стоить ли того моя жизнь?

А чтобъ не задерживать читателя, еслибъ онъ интересовался участіемъ Аменаиды, то прибавлю, что она на розсыпяхъ вышла замужъ за богатаго мексиканца, столь же довѣрчиваго какъ я. Онъ съ нею жилъ и счастливъ, и доволенъ.

X.

МЫ.

Мы на паралели Ріо де-ла-Платы, этой грозной рѣки, которой берега опустошаетъ еще болѣе грозный *Памперо*, съ непреодолимымъ стремленіемъ летящій съ южнаго полюса, ниспровергая бразильскіе лѣса до береговъ Уругвая.

Поутру въ этотъ день я созвалъ *Судъ Чести*.

Еще до отъѣзда нашего придумалъ я учрежденіе этого суда, и сообщилъ свою мысль всѣмъ моимъ товарищамъ въ день прощальнаго банкета. Всѣ приняли ее, а о цѣли учрежденія всякій догадается.

Пятьдесятъ молодыхъ людей, пятьдесятъ пылкихъ головъ, страстныхъ сердець, жадныхъ къ золоту, — и я былъ ихъ предводитель. Какъ предупредить ссору, споры, несогласіе, дуэли? Я зналъ по опыту какія раскаянія слѣдуютъ за всякимъ дуэлемъ, и долженъ былъ отдать отчетъ матерямъ, сестрамъ и отцамъ, ввѣрившимъ этихъ людей на мое попеченіе.

Я учредилъ *Судъ Чести*, которому всякій долженъ былъ повиноваться безапелляціонно, и что всеобщее строжайшее осужденіе должно постигнуть того, кто бы захотѣлъ уклониться отъ повиновенія приговорами этого суда. Зачѣмъ же я созвалъ его?

Я сказалъ уже, что *Эдуардъ* летѣлъ подъ всѣми парусами къ югу, гдѣ его встрѣчали льды и морозы. Насъ заносило снѣгомъ, проникало сырымъ туманомъ, а когда солнце изрѣдка и проглядывало, то оно было холодно, безжизненно, блѣдно, какъ фонарь, который безпрестанно задували бури.

Что тогда дѣлало наше общество? Что дѣлали мои пятьдесятъ друзей, которымъ я посвятилъ свои попеченія? Увы! *они играли!* Карты, косточки, домино поглощали деньги, которыя заботливая мать, можетъ быть, оторвала отъ своего существованія. На многихъ лицахъ проявлялось уже безпокойство; дружескіе разговоры уже замолкли; протягиваемыя руки уже сжимались съ недовѣрчивостью.

Я долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры. Я созвалъ Судъ чести, и положено было прекратить игры. Все общали повиноваться, но на другой же день общаніе было нарушено.

Еще разъ попробовалъ я и написалъ слѣдующее:

«Съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ я, что игры, отъ которыхъ мы общали отказаться, продолжаются и угрожаютъ будущей нашей безопасности.

Именемъ погибающей чести и нравственности призываю я васъ, господа, отказаться отъ этой язвы, если хотите сохранить наше братство. Вспомните, что мы скоро прїедемъ, и что каждому нужно сохранить все свои средства. Другъ вашъ Араго.»

Увѣщаніе подѣйствовало, но болѣзнь приняла другое направление. Вместо игры устроились лотереи. Когда мы отъѣзжали, то многіе сознавались, что не успѣли запасть всею необходимомъ, теперь же вдругъ у всехъ оказалось множество излишнихъ вещей. Раздача билетовъ поручалась нашимъ *пассажиркамъ*, и все съ жадностью разбирали.

Отдавали въ лоттерею ружья, пистолеты, цѣпочки, часы, кинжалы, мѣха, халаты, кольца, шампанское, сорочки, сюртуки и даже серебряныя монеты. Это было просто изступленіе. Раздаватели билетовъ посадили васъ на каждомъ шагу, точно какъ продавцы *Presse* въ Парижѣ. И я покорился вліянію этой страсти, такъ что не достигнувъ еще до первой стоянки, у меня уже кошелекъ былъ пустъ.

Что жъ я буду дѣлать въ Вальпарайсо?

Погибай эти лотереи, лучше расскажу вамъ что нибудь другое, только и то непріятное.

Пассажиры перессорились съ г. Кюре. Мы всегда называемъ капитанами этихъ господъ, но это одна привычка, которую эти люди употребляютъ въ свою пользу, придавая себѣ видъ капитановъ; чиновъ у нихъ отъ роду не бывало: это частныя лица, которымъ судохозяева ввѣряютъ свои корабли по чьей либо рекомендаціи. Кромѣ жалованья отъ хозяина, шкиперъ пользуется выгодою продовольствія всего экипажа и пассажировъ. Съ нимъ уговариваются чѣмъ и когда онъ будетъ кормить ихъ дорогою. За извѣтную плату, порядочный шкиперъ добросовѣстно выполняетъ условія. Но много ли такихъ людей? Большая часть старается нажиться, отнимая у бѣдняка часть скудной его пищи.

На *Эдуардѣ* наше общество имѣло свои условія съ г. Кюре, и онъ ихъ чрезвычайно дурно выполнялъ, но мы не жаловались. Но разрядъ пассажировъ, ѣхавшій въ Калифорнію съ богатыми мечтами, но съ пустымъ кошелькомъ, отдалъ капитану все свое имущество, чтобы

его только довести до мѣста и кормить дорогою наравнѣ съ пассажирами. Эти люди менѣе всѣхъ расположены были молчать и терпѣть.

Въ этотъ самый вечеръ, сидя за столомъ, стали многіе жаловаться на скудную и дурную пищу. Г. Кюре принялъ эти жалобы съ высока, и дурнымъ своимъ обращеніемъ еще больше ожесточилъ ихъ. Всѣ закричали.

Недобросовѣстность всегда въ началѣ только дерзка, но потомъ дѣлается малодушною. Кюре сталъ успокаивать всѣхъ, и прислалъ нѣсколько жестянокъ мяса и зелени, которыя тотчасъ же исчезли въ проголодавшихся желудкахъ.

Кюре явился въ наше общество и старался оправдаться продолжительностью дороги. Мы холодно приняли его оправданія, говоря, что онъ долженъ былъ заpastись на полгода, и если раньше пріѣдемъ, то лучше бросить все оставшееся, нежели морить голодомъ людей, ввѣрившихъ ему свою жизнь.

А какъ Кюре пришелъ къ намъ во время астрономическаго курса, то чтобъ прекратить непріятный разговоръ, мы пригласили его остаться на лекцію. Ее читалъ г. Ленуаръ.

Для отвлеченія моихъ товарищей отъ игры и лотерей, мы придумали составить политехническую школу, въ которой каждый обязался читать тотъ предметъ, который хорошо изучилъ: кто земледѣліе, кто торговлю, кто ботанику, кто зоологію. Ленуаръ взялся читать геологію, математику и астрономію.

Кюре могъ бы многому поучиться, но онъ ушелъ и завелъ на палубѣ ссору съ своимъ лейтенантомъ. (Это тоже дурное обыкновеніе называть почетными морскими чинами людей, вовсе не бывавшихъ въ службѣ. На купеческомъ кораблѣ лейтенантъ значитъ подшкиперъ).

Но вотъ мы наконецъ у южной оконечности Америки. Вотъ островъ Пустынника (l'Hermitte), самый западный пунктъ мыса Горна. Вотъ еще Діего-Ремиресъ, вулканическая гора, безлѣсная и пустынная. Мы уже вступаемъ въ *другой океанъ*.

Будемъ надѣяться, что онъ будетъ не такъ однообразенъ, какъ Атлантическій. Мы такъ мало еще видѣли. Не было еще порядочной бури, ни одного смерча; молнія ни разу не разбивала нашихъ мачтъ, киты почти не показывались; ледяныхъ горъ не видать.

Увидимъ. Будущее въ рукахъ Божіихъ!

Ф Е Я.

ПОВѢСТЬ-КОМЕДІЯ.

Октава Фёлье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГРАФЪ ГАНРИ де **КОМЕНЖЪ**, тридцати двухъ лѣтъ.

ВИКОНТЪ ГЕКТОРЪ де **МОЛЕОНЪ**, тридцати лѣтъ.

ДѢВИЦА АВРОРА де **КЕРДИКЪ**, шестидесяти лѣтъ. Волосы сѣдые, слегка напудренные; нарядъ, соответствующій лѣтамъ, потщательный.

ФРАНСОА, слуга ея, осемидесятилѣтній дряхлый старикъ. Волосы и брови сѣдые; въ черныхъ штанахъ и чулкахъ. Башмаки съ пряжками.

ИВОННЕ, слуга Виконта, въ ливреѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ наше время, въ Бретани, на опушкѣ Броселейндскаго лѣса. Этотъ лѣсъ прославленъ въ старинныхъ бретонскихъ легендахъ. Еще донинѣ показываютъ тамъ фонтанъ Мерлина. Домъ дѣвицы Кердикъ. Небольшая зала, убранныя въ сельскомъ вкусѣ. Надѣво каминъ, окно. Въ глубинѣ большой буфетъ съ разными украшеніями. Надѣво отъ него дверь въ двѣ половинки; направо другая поменьше. Посрединѣ столъ; маленький столикъ, фортепьяно. Темнѣетъ. На каминѣ канделябры съ двумя зажженными свѣчами. При поднятіи завѣсы, Франсоа зажигаетъ свѣчи въ другомъ канделябрѣ, стоящемъ на столѣ. Графъ де Коменжъ входитъ скоро изъ двери въ глубинѣ. Онъ блѣденъ и быстро осматривается во всѣ стороны. Увидѣвъ Франсоа:

ГРАФЪ. А, наконецъ—то человѣческое лицо. (*Смотритъ на Франсоа, который горбясь осматриваетъ его съ своей стороны любопытнымъ взглядомъ. Графъ во все продолженіе этой сцены и до половины слѣдующей сохраняетъ серьезное и безстрастное*

выраженіе лица и ни разу не улыбается. Всторону). Странный старичишка! (*громко*) Извините, милостивый государь, смѣю спросить не вы ли хозяинъ этого домика?

ФРАНСОА (*говоритъ медленно, дребезжащимъ голосомъ*) Домикъ! Строеніе съ садомъ, съ дворомъ, со стойломъ на двѣ коровы, съ сараемъ, голубятней и прочими службами? Домикъ! Вы, вѣроятно, живете въ Тюильрійскомъ дворцѣ.

ГРАФЪ. Я совсѣмъ не хотѣлъ обидѣть васъ, милостивый государь. Вы ли хозяинъ этого замка?

ФРАНСОА. Хозяинъ!.. нѣтъ, сударь, я не хозяинъ, а слуга, къ вашимъ услугамъ, разумѣется, только въ такомъ случаѣ, если онѣ будутъ по моимъ силамъ. Я уже въ такихъ лѣтахъ, что сверхъ силъ не дѣлаю ничего и ни для кого, кромѣ моей госпожи.

ГРАФЪ. И прекрасно, мой другъ. А твоя госпожа, вѣрно, та дама подъ вуалемъ, которая сейчасъ вошла въ домъ? Мнѣ хотѣлось бы извиниться предъ нею: мнѣ кажется, я испугалъ ее? Случай свелъ меня съ нею поздно вечеромъ въ сосѣднемъ лѣсу, въ Броселейндскомъ, такъ кажется, подлѣ знаменитаго фонтана... Мерлина, кажется... я не знаю, какъ онъ называется...

ФРАНСОА (*смотритъ весело*). Фонтанъ Мерлина... волшебника Мерлина... Неблагополучное мѣсто для встрѣчъ, молодой человекъ. Хе, хе!

ГРАФЪ (*всторону*). Странный старикъ! (*громко*). Думая, что она заблудилась, я хотѣлъ было предложить ей мои услуги...

ФРАНСОА. А, вотъ что!

ГРАФЪ. Кажется, она испугалась, и это недоразумѣніе привело меня сюда... Она побѣжала отъ меня, а я за нею... Какъ ты думаешь, согласится ли она выслушать мои оправданія?

ФРАНСОА (*съ любезностью*). Почему же нѣтъ. Хе хе! (*смотритъ на него лукаво и смѣясь идетъ къ боковой двери*.)

ГРАФЪ (*всторону*). Этотъ старичишка кажется смѣется надо мною! Посмотримъ. (*Громко*). Скажи мнѣ, другъ мой, кто твоя госпожа?

ФРАНСОА. Дѣвица Аврора де Кердикъ, хотя здѣсь въ околоткѣ она извѣстна подъ именемъ Броселейндской Феи.

ГРАФЪ (*всторону*). Какъ это странно! (*громко*). Ты говоришь Феи?.. Вѣрно она хороша собой, какъ Фея.

ФРАНСОА. Она очаровательна, по крайней мѣрѣ, на мои глаза.

ГРАФЪ. Вѣдь она молода, неправда ли?

ФРАНСОА. Да, молода,—то есть относительно.

ГРАФЪ. Относительно къ чему?

ФРАНСОА. Относительно ко мнѣ.

ГРАФЪ. Да тебѣ сто лѣтъ, по крайней мѣрѣ.

ФРАНСОА. О Рождествѣ будетъ только семьдесятъ девять.

ГРАФЪ. По этому твоей госпожѣ?..

ФРАНСОА (*съ любезностью*). Весной исполнится пятьдесятъ девять.

ГРАФЪ (*живо, но серьезно*). Не безпокой ее напрасно, мой другъ. Я и безъ того уже виновать предъ нею. (*Всторону*). Не мистификація ли это? Неужели насмѣшка случая свела меня съ этимъ идиотомъ старикомъ, — и съ провинціальной старой дѣввой, вѣроятно полусумасшедшей... Впрочемъ, мнѣ все равно!... Я не возьму на себя труда проникнуть эту тайну... Вѣрно только то, что я не намѣренъ болѣе влечить это нееносное существованіе... Вотъ уже три мѣсяца какъ оно держалось на одной нити—на любопытствѣ. Теперь эта нить порвалась... все кончено. (*Даетъ Франсоа денегъ*) Возьми это, любезный, и прощай. (*Дѣлаетъ шагъ впередъ и оборачивается*). Скажи мнѣ... (*всторону*). Да, эта мысль мнѣ нравится... (*громко*). Фонтанъ Мерлина глубоокъ? По крайней мѣрѣ, какъ говорятъ?

ФРАНСОА (*взглянувъ на него изподлобья*). Собака утонетъ въ немъ.

ГРАФЪ (*устремивъ на него пронизательный взглядъ*). Что ты хочешь сказать?

ФРАНСОА (*въ концѣ этой сцены его стариковскій голосъ пріобрѣтаетъ твердость*). Что человекъ, который хочетъ утопиться, не лучше собаки.

ГРАФЪ (*съ гнѣвомъ*). Почему ты знаешь, что я хочу утопиться? Тебя подучили... тебя подкупили, чтобъ ты сказалъ мнѣ это?

ФРАНСОА. Да вы разговариваете вслухъ сами съ собою. Что мудренаго узнать ваши мысли... Правду говорятъ, что всякое время имѣетъ свои обычаи... И дѣдъ вашъ, и отецъ пали на полѣ битвы за отечество, а вы хотите утопиться въ лужѣ — для собственнаго удовольствія... Вотъ, что называется, поколѣніе идетъ впередъ... Ха, ха.

ГРАФЪ (*грозя ему*). Жалкій старикъ.

ФРАНСОА. Ну, да, конечно, я жалкій старикъ... жалкій потому, что въ теченіе моей продолжительной жизни не разъ имѣлъ случай страдать въ жизни и покончить всѣ земные расчеты, — но мнѣ никогда не приходило этого даже въ голову. Если я часто бывалъ безъ куска хлѣба, то по крайней мѣрѣ это не мѣшало мнѣ быть человекомъ съ душою и сердцемъ.

ГРАФЪ. Дерзкій! Кто ты такой? Еще разъ спрашиваю тебя, кто заплатилъ тебѣ за то, чтобъ говорить со мною такимъ образомъ? Но я

знаю, ты только подставное лицо въ интригѣ, которою меня опутываютъ... Я не отъ тебя потребую отчета... Я доберусь до главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой оскорбительной комедіи... Они узнаютъ, что нельзя безнаказанно смѣяться надо мной... Гдѣ твоя госпожа? Теперь я хочу ее видѣть!...

ФРАНСОА. Вотъ она, молодой человекъ (*боковая дверь отворяется и входитъ мадамъ де Кердикъ*).

ГРАФЪ (*грубо*). И прекрасно... Милостивая государыня (*дѣлаетъ быстро два шага, и вдругъ останавливается, пораженный благородствомъ, которымъ дышатъ черты старухи; онъ кланяется*).

АВРОРА. Что угодно этому господину, Франсоа?

ФРАНСОА. Ему угодно утопиться, сударыня.

АВРОРА (*просто но съ достоинствомъ*). Что это такое? (*Графъ смотритъ на нее попеременно съ замѣшательствомъ, удивленіемъ и подозрѣніемъ*). Государь мой, я думала, что здѣсь, дома, у себя, я избавлюсь отъ вашего преслѣдованія, по истинѣ непонятнаго. Сколько я ни стараюсь припомнить, — я васъ не знаю. Чего вы хотите отъ меня?

ГРАФЪ. Извините... но я не могу понять... это невозможно... (*смотритъ на нее*).

АВРОРА. По вашей наружности надо полагать, что вы въ здоровомъ разсудкѣ, а между тѣмъ...

ГРАФЪ (*очень вѣжливо*). Мое поведеніе безумно и неприлично, не такъ ли? Но повѣрьте моему слову— странныя обстоятельства, которыя вертять мною, — оправдываютъ отчасти мои поступки. Впрочемъ, едва я взглянулъ на васъ, тотчасъ убѣдился, что вы не можете участвовать въ интригѣ,—и я душевно сожалею о моей настойчивости и любопытствѣ,—я виноватъ предъ вами.

АВРОРА (*съ лекою улыбкой*). Вполнѣ вѣрю, что вамъ стоило только взглянуть мнѣ въ лицо, чтобъ пожалѣть, что вы меня преслѣдовали: многія женщины, даже моихъ лѣтъ, простили бы вамъ скорѣе оскорбленіе, которое нанесли вы мнѣ давеча, нежели теперешнее ваше разочарованіе... Что же касается до меня, то благодаря Бога, я вамъ прощаю отъ чистаго сердца и то и другое...

ГРАФЪ. Вы меня жестоко обижаете, если думаете, что я преслѣдовалъ васъ съ пошлою цѣлью, какъ какой нибудь фатъ... Я имѣлъ уже честь сказать вамъ, что нахожусь подъ вліяніемъ самыхъ странныхъ, самыхъ непонятныхъ обстоятельствъ и...

АВРОРА. Довольно объ этотъ. У каждаго свои обстоятельства. Од-

нако, какъ бы то ни было, вы вѣрно порядочно устали; не угодно ли вамъ присѣсть?

ГРАФЪ. О, я не смѣю васъ долѣе беспокоить.

АВРОРА. Вы меня советѣмъ не беспокойте... напротивъ, когда успокоившись, приятно видѣть вблизи предметъ страха,—а признаюсь, вы вѣлѣсу не на шутку меня испугали... Оставайтесь же, если только мы не помѣнялись ролями, и я теперь въ мою очередь не навожу на васъ страха.

ГРАФЪ. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, отрекомендоваться. Я графъ Ганри де-Коменжъ.

АВРОРА (*указываетъ ему на кресло подлѣ камина и сама садится. Франсоа, со времени появленія своей госпожи слѣдитъ съ участіемъ, улыбаясь, за разговоромъ. Онъ сохраняетъ это выраженіе лица въ продолженіе всей сцены. Только каждый разъ, когда требуютъ его услугъ, онъ хмурится*). Но, Франсоа, въ каминѣ нѣтъ огня... Здѣсь можно замерзнуть, слышишь ли, другъ мой?

ФРАНСОА (*нахмурясь*). Замерзнуть... (*Подходитъ къ камину и съ трудомъ нагибается, чтобъ раздуть огонь*). Что же вы скажете, когда доживете до моихъ лѣтъ? Эхъ, Боже мой, еслибъ вамъ приходилось раздувать огонь для другихъ, такъ право не такъ бы скоро вы мерзнули.

АВРОРА (*кротко*). Да полно же, замолчи. (*Графу*). Вы не здѣшній житель?

ГРАФЪ. Нѣтъ, я живу въ Парижѣ. Я даже никогда не былъ въ Бретани.

ФРАНСОА (*на колынахъ предъ каминомъ*). П дрова—то еще сырые... Я вѣдь говорилъ вамъ, что они не успѣютъ высохнуть къ зимѣ... Но гдѣ мнѣ знать!.. вы всегда правы... а потомъ и мерзнете... Эхъ, Боже мой!

АВРОРА (*спокойно*). Ты просто становишься невыносимъ, Франсоа. Прошу извинить его, графъ, это старый слуга. (*Франсоа*). Поди прочь, пусти меня... я сейчасъ разведу огонь... нужно только немножко терпѣнья... (*Встаетъ*).

ГРАФЪ (*встаетъ все еще съ пасмурнымъ лицомъ*). Позвольте избавить васъ отъ этого труда.

АВРОРА. Нѣтъ, графъ, вы не привыкли къ этимъ хозяйственнымъ заботамъ.

ГРАФЪ. Прошу васъ, позвольте... (*Становится на колѣна и раздуваетъ огонь*).

АВРОРА (*сидя*). Такъ вы никогда не были въ нашей сторонѣ? Если вы хотѣли познакомиться съ Бретанью, то извините, выбрали самое дурное время года... Бретань, зимою, представляетъ очень мало занимательнаго для туриста.

ГРАФЪ (*все еще на колынахъ*). Я не туристъ, и не выбиралъ удобнаго времени, чтобъ познакомиться съ Бретанью... я даже вовсе не чувствовалъ желанія путешествовать по Бретани... Есть у васъ мѣхъ?.. Прекрасно!.. Тайнственныя и довольно странныя обстоятельства заставили меня рѣшиться на это путешествіе. Самому мнѣ никогда бы не пришло въ голову пріѣхать сюда, тѣмъ болѣе, что я собирался въ другой путь, подальше...

АВРОРА (*просто*). Въ новый свѣтъ?

ГРАФЪ (*садясь, безпечнымъ тономъ*). Да... (*Перемѣнивъ тонъ*). Но мнѣ совѣстно утомлять ваше вниманіе бесѣдою о томъ, что касается собственно до меня... Вы живете въ поэтической странѣ. Если я не ошибаюсь, то кажется, я имѣлъ честь встрѣтиться съ вами въ такомъ мѣстѣ, которое пріобрѣло народную извѣстность, благодаря стариннымъ легендамъ. Броселейндскій лѣсъ и фонтанъ Мерлина играли важную роль въ здѣшней народной мифологіи.

АВРОРА (*улыбаясь и съ легкой ироніей*). Да, и благодаря этой славѣ, мы не всегда бываемъ довольны сосѣдями. Если мы съ Франсоа запоздаемъ вечеромъ, то подвергаемся страннымъ оскорбленіямъ... Мѣстное суевѣріе, при помощи сумерекъ, набрасываетъ на насъ фантастическій оттѣнокъ, отъ котораго бѣгутъ прохожіе... Правда и то, что иногда этотъ же оттѣнокъ и привлекаетъ ихъ, это очень пріятное вознагражденіе.

ГРАФЪ (*пристально смотря на нее*). Вы знаете мое приключеніе?

АВРОРА. Нѣтъ, не знаю, и прибавлю даже, что не чувствую особеннаго желанія знать его. Но—хотя очень трудно согласить такое предположеніе съ здравымъ разсудкомъ, которымъ вы кажется пользуетесь, а мнѣ кажется, что, преслѣдуя меня, вы воображали, что гонитесь за какимъ-то сверхъестественнымъ видѣніемъ. Можетъ быть, за волшебницей!.. Увы! зачѣмъ это только мечта! Повѣрьте, я объ этомъ не меньше васъ сожалѣю: волшебницы молодѣли.

ГРАФЪ (*улыбаясь*). Комплименты не въ моемъ характерѣ и не въ настоящемъ моемъ расположеніи духа. Слѣдовательно, вы можете повѣрить, если я скажу, что чѣмъ больше васъ вижу и слушаю...

ФРАНСОА (*приближаясь*). Пора обѣдать, сударыня.

АВРОРА. Ахъ, Франсоа, право, это не хорошо съ твоей стороны.

Ты невѣжливъ въ отношеніи къ графу и жестокъ ко мнѣ... Въ мои лѣта недосказанный комплиментъ не повторяется...

ГРАФЪ (*встаетъ*). Извините меня, я ухожу. (*Со смѣхомъ*). Но вы ничего не повторяете... я хотѣлъ сказать, что вы заставили меня сознать истину, въ которой я прежде сомнѣвался... Есть женщины, для которыхъ цвѣтеть вѣчная молодость... она называется любезностью. (*Кланяется ей*).

АВРОРА. Вы голодны, графъ?

ГРАФЪ Я никогда не бываю голоденъ.

АВРОРА. Тѣмъ лучше, такъ я безъ церемоніи предложу вамъ раздѣлить трапезу пустынницы... Поставь два прибора, Франсоа. (*Франсоа, съ салфеткою на рукѣ постлалъ уже скатерть на столъ, стоящій посреди комнаты. Онъ кажется доволенъ тѣмъ, что слышитъ. Онъ садится на стулъ, вытирая тарелку и слѣдитъ за разговоромъ, ободрительно кивая головою*).

ГРАФЪ. Я право не знаю, какъ благодарить васъ за этотъ ласковый приѣмъ!..

АВРОРА. Такъ не благодарите вовсе, тѣмъ болѣе, что я признаюсь вамъ откровенно: тутъ отчасти вмѣшалось любопытство... Ну, Франсоа, ты заснулъ, мой другъ?

ФРАНСОА (*встаетъ, нахмурясь, и идетъ ворча въ буфетъ, за стаканами и тарелками. Графъ кладетъ шляпу, пальто и ставитъ палку*).

ФРАНСОА (*облокотясь обѣими руками на столъ, продолжаетъ*). Надо признаться, что богатые очень счастливы.

АВРОРА. Что ты хочешь этимъ сказать?

ФРАНСОА. Вы забываете, что я не то, что вы, не въ цвѣтѣ лѣтъ. Отъ восьмидесятилѣтняго старика нельзя требовать силы носильщика и живости пажа.

АВРОРА. Правда. Оставь это... Я сама все сдѣлаю. Сходи только внизъ и посмотри, все ли тамъ готово. Да смотри, пди тихонько...

ФРАНСОА. Будьте спокойны. (*Готовый выйти, оборачивается и говоритъ*). Ведите себя хорошенько, молодые люди. (*Уходитъ*).

АВРОРА. Видите, графъ, я счастливая старуха; конечно, у меня передъ глазами зеркало, которое упорно показываетъ мнѣ мою особу въ пятнадцать лѣтъ... Однако если мы хотимъ обѣдать, такъ не взыщите, если я сама поставлю еще приборъ... (*Идетъ къ буфету*).

ГРАФЪ. Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, предложить мои услуги.

АВРОРА (*весело*). Охотно... вотъ, несите это (*Даетъ ему тарелки, стаканы, и пр.*).

ГРАФЪ (*совершая путешествіе отъ буфета къ столу и обратно*). Но къ чему вамъ служить этотъ старикъ?

АВРОРА. Вы видите, что онъ мнѣ совѣмъ не служить.

ГРАФЪ (*продолжая носить посуду*). Такъ зачѣмъ же вы его держите? Вѣдь онъ занимаетъ столько же мѣста, какъ и хорошій слуга?

АВРОРА. И даже больше, увѣрю васъ. Но я его держу потому, во-первыхъ, что если онъ дурно служитъ мнѣ, за то хорошо служилъ моему отцу. Во-вторыхъ, затѣмъ, чтобъ во мнѣ не заснули христіанскія добродѣтели: терпѣніе и смиреніе.

ГРАФЪ. О! на это мнѣ нечего сказать.

АВРОРА. Я думаю. (*Осматриваетъ приборъ*). А! вы все это сдѣлали очень хорошо. Благодарю васъ. (*Графъ ставитъ стулья по обѣимъ сторонамъ стола. Франсоа возвращается, неся на подносъ разныя блюда*). Садитесь вотъ здѣсь. Вы заработали вашъ обѣдъ.

ГРАФЪ (*сидясь*). Знаете ли, что я чувствую аппетитъ, а этого со мною давно не бывало.

АВРОРА. Вы можете быть никогда такъ не работали. (*Подаетъ ему тарелку съ кушаньемъ*).

ГРАФЪ (*по прежнему весело*). Вы недавно произнесли слово, «любопытство.» Извините же, если и я буду любопытенъ. Для меня просто необъяснимое чудо найти здѣсь, среди этой дикой пустыни, женщину, понимающую такъ хорошо все наслажденія, всю прелесть образованной жизни, (*съ легкимъ поклономъ*) и умѣющую придать очарованіе самой жизни. (*Мадмоазель де-Кердикъ кланяется*). Вы не всегда живете въ этомъ уединеніи?

АВРОРА. Я живу въ этомъ домѣ всего пять мѣсяцевъ, со смерти одной особы, дорогой моему сердцу. Но переѣхавъ сюда, я только перемѣнила мѣсто уединенія.. Я всегда жила вдали отъ свѣта... Не прикажите ли теплаго пастета, графъ?

ГРАФЪ. Самый маленькій кусочекъ, покорно благодарю.

АВРОРА. Признаюсь, весьма удивительно встрѣтить здѣсь... во вторникъ... день, въ который играютъ итальянцы... среди бретонской пустыни... молодого человѣка, который, кажется, такъ способенъ оцѣнить все изящныя, утонченныя наслажденія парижской жизни (*съ поклономъ*) и украсить ихъ своимъ присутствіемъ.

ГРАФЪ (*съ поклономъ и легкимъ вздохомъ*). Я вижу, что долженъ разсказать вамъ мою исторію... Этимъ только я могу оправдать мое поведеніе... между тѣмъ мнѣ такъ тяжело, такъ больно прогнать

съ моего лица улыбку... Я уже столько лѣтъ не улыбаюсь... (*Смотритъ на нее*) Не знаю, какой волшебной силой вы ее вызвали. Скажу вамъ коротко и просто, я несчастный человѣкъ.

АВРОРА (*тономъ состраданія съ легкой ироніей*). Право? кусочекъ бекаса, графъ? (*жалобнымъ тономъ*) бекасъ, жалкая птица...

ГРАФЪ. Но не такъ жалка, какъ я, за это ручаюсь. Да, я несчастенъ, и вотъ почему. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ я бросился въ вихрь парижской жизни... (*Колѣблѣсь*) Но можетъ быть, вы не привыкли слушать рассказы о такой пустой, вѣтренной жизни?

АВРОРА. О! я въ такихъ лѣтахъ, что могу все слушать... Впрочемъ, я по началу догадываюсь уже отчасти какого рода будутъ ваши признанія, и могу избавить васъ отъ труда рассказывать самыя щекотливыя главы въ вашемъ романѣ. Гоняясь изъ салона въ салонъ, можетъ быть, изъ будуара въ будуаръ, и даже, кто знаетъ, изъ кулисы въ кулису, за всеми очарованіями, которыя такъ заманчивы для богатаго и красиваго молодаго человѣка... вы устали... жизнь утомила васъ... вы хотите сдѣлаться траппистомъ... не такъ ли?

ГРАФЪ (*удивленный*). Да вы просто волшебница!.. именно такъ, исключая развязки. Мое утомленіе и отвращеніе къ жизни дошли до такой степени, что между мною и жизнью—отшельническая дверь уже недостаточна.

АВРОРА (*непринужденно*). А, такъ значитъ, дѣло идетъ просто о самоубійствѣ?.. Еще крылушко, пожалуйста, графъ?

ГРАФЪ. Мнѣ право совѣстно... я ѣмъ очень много... Да, я намѣренъ разстаться съ жизнью... я этимъ не хвастаюсь и не скрываю этого... Я уже давно чувствовалъ влеченіе къ этой развязкѣ, а восемнадцать мѣсяцевъ тому тяжкое угрызеніе совѣсти ускорило мою рѣшимость.

АВРОРА. Угрызеніе совѣсти?

ГРАФЪ. Такое, что у васъ неостанетъ духу посмѣяться надъ нимъ, не смотря на ваше милое остроуміе (*перестаетъ ѣсть*). Между тѣмъ какъ я велъ въ Парижѣ жизнь, которую вы слегка обрисовали, моя мать, почтенная женщина, жила въ Овернѣ, въ нашемъ фамильномъ замкѣ... Я любилъ ее, и мнѣ горько думать, что она могла усомниться въ моей любви... Посреди безпрестаннаго шума и суеты, въ которыхъ я утопалъ, я любилъ ее съ благоговѣйною нѣжностью. Напрасно, въ продолженіе десяти лѣтъ, я умолялъ ее пріѣхать жить со мною.

АВРОРА. Зачѣмъ же вы не переселились къ ней?

ГРАФЪ. Сказать ли вамъ правду? Я былъ такъ малодушенъ, что не чувствовалъ въ себѣ довольно силы разстаться съ привычками париж-

ской жизни. Я былъ опутанъ ими, какъ сѣтью. Мать моя, не смотря на ея лѣта, не разъ подвергалась всѣмъ неудобствамъ дальняго путешествія и прїѣзжала въ Парижъ обнять неблагодарнаго сына... но въ послѣдніе годы старость и болѣзни лишили ее и этого утѣшенія... Конечно, я поѣхалъ бы къ ней... но моя бѣдная мать, привлекая меня къ себѣ одною рукою, сама того не подозрѣвая, отталкивала другою... Ей хотѣлось, чтобъ я женился въ Овернѣ на какой-то провинціалкѣ... Во всѣхъ письмахъ говорила она мнѣ объ этой свадьбѣ... Эта перспектива пугала меня...

АВРОРА. Это очень понятно.

ГРАФЪ. Мать моя была въ такомъ восторгѣ отъ своего выбора и отъ своей мечты, что я не смѣлъ написать ей рѣшительнаго отказа... Ъхать къ ней за тѣмъ, чтобъ первымъ словомъ отнять у нея самую дорогую надежду въ жизни, у меня не доставало духу... Я не зналъ, на что рѣшиться, а между тѣмъ время шло (*измѣнившимся голосомъ*) и я лишился матери. (*Встаетъ, закусивъ губы, и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Потомъ садится, и послѣ мнутаго молчанія говоритъ*) Извините, ради Бога. (*Равнодушно*). Вы понимаете, что такія обстоятельства не могли примирить меня съ жизнью.

АВРОРА. Прекрасно, но я не понимаю... какимъ же образомъ, потому только, что мы не исполнили одной изъ нашихъ обязанностей, мы освобождаемся отъ всѣхъ другихъ? (*Улыбаясь*) Но... наконецъ?..

ГРАФЪ. Наконецъ... я совершенно упалъ духомъ. Меня тяготила какъ свинець, ничѣмъ неотразимая тоска, у меня не было ни желанія, ни надежды, ни улыбки... я сталъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ обольщеніямъ молодости. Даже мое здоровье пострадало. У меня не было сна, пропалъ аппетитъ... я началъ бояться за мой разумъ... Наконецъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, я рѣшился разбить пустую чашу, покончить съ жизнію, и ни за что въ мірѣ не отступлюсь отъ моего намѣренія.

АВРОРА. Конечно, все это въ вашей волѣ... Но только я не понимаю, почему именно выбрали вы Бретань театромъ такого трагическаго происшествія.

ГРАФЪ. Я вамъ это сейчасъ объясню. Это зависѣло вовсе не отъ моей прихоти.

(*Франсоа ставитъ на столикъ подлѣ камина подносъ съ чашками и уходитъ*).

АВРОРА (*вставая*). Вы будете кушать кофе, не правда ли?

ГРАФЪ. Съ удовольствіемъ... (*подходитъ къ камину*). Сегодня ровно три мѣсяца и одинъ день, какъ я пригласилъ нѣкоторыхъ прія-

телей отобѣдать. Это былъ прощальный обѣдъ; я не скрылъ отъ нихъ ничего. Они пробовали было отвлечь меня отъ моего намѣренія разными, болѣе или менѣе убѣдительными доводами... Но я не смѣю повторять вамъ разговоръ молодежи...

АВРОРА. Ничего! продолжайте, продолжайте...

ГРАФЪ. Какъ, говорили они, ты хочешь умереть? Неужели ты ужъ неспособенъ чувствовать наслажденія жизни? Развѣ нѣтъ радостей?— Ихъ нѣтъ для меня, отвѣчалъ я... Я не вижу и даже не вѣрю, чтобъ могъ еще существовать на землѣ цвѣтокъ, который бы привлекъ меня... любовь, которая искусила бы мое сердце. Всѣ женщины, послѣ коварной измѣны одной изъ нихъ, которую я любилъ, въ моихъ глазахъ похожи одна на другую, до такой степени, что я не чувствую къ нимъ ничего, кромѣ равнодушія... Короче, для меня существуетъ на землѣ только одна женщина, и я не люблю ее...

АВРОРА. Все это очень лестно для насъ.

ГРАФЪ. Замѣьте, что я тогда не имѣлъ чести васъ знать... Наконецъ, я сказалъ моимъ друзьямъ: вы видите, до чего я дошелъ, послѣ этого кажется ясно, что я не могу долѣе жить.

АВРОРА. Конечно, это очень ясно... тѣмъ болѣе, если въ жизни нѣтъ другой цѣли, какъ только любить женщинъ... Не мало ли сахару, графъ?... Однакожъ, вы все еще живы!

ГРАФЪ (*живо, но очень серьезно*). Это не моя вина! Мое намѣреніе непоколебимо, и я на другое же утро исполнилъ бы его, еслибъ этотъ вечеръ не имѣлъ неожиданныхъ послѣдствій...

АВРОРА. А!

ГРАФЪ. Въ минуту прощанья, въ минуту послѣднихъ сердечныхъ изліаній, я осмѣлился довѣрить друзьямъ моимъ страшную, почти безумную мысль, которая мучила меня по временамъ... Мнѣ иногда хотѣлось жить въ тѣ времена *суевѣрія*, когда позволялось человѣку питать надежду на сверхъестественную любовь... во времена нимфъ, гениевъ и волшебницъ (*одушевляясь*). Я чувствовалъ, что тогда меня привязало бы къ жизни пламенное ожиданіе такой таинственной привязанности... одной изъ тѣхъ заколдованныхъ привязанностей, подъ очарованіемъ которыхъ наслаждались жизнью пастушки и охотники въ сказкахъ и легендахъ... Да... только волшебница могла бы еще меня заставить надѣяться, любить и жить! Я чувствовалъ, что мое сердце могло бы еще ожить и биться въ груди подъ вліяніемъ этихъ чарующихъ взглядовъ, среди шелеста этихъ не земныхъ одеждъ, легкихъ какъ облако...

АВРОРА. Да это просто сумасшествіе!

ГРАФЪ (*холодно*). Я вамъ сказалъ, что это безумная мысль. На другой день утромъ, когда я оканчивалъ мои послѣднія распоряженія, какой-то незнакомецъ принесъ мнѣ вотъ эту надушенную записку. (*Вынимаетъ изъ бокового кармана записку и подаетъ мадамозель де-Кердикъ. Франсоа возвратился и слушаетъ*).

АВРОРА. Посмотримъ. (*Читаетъ*). «Смертный! ты думаешь, что ты безумецъ среди мудрецовъ, но ты мудрецъ среди безумцевъ! Между небомъ и землей существуетъ сфера, населенная существами выше людей. Я волшебница. Твоя тайная мечта тронула меня. Черезъ три мѣсяца отъ нынѣшняго дня, при наступленіи сумерекъ, явись одинъ, если у тебя достанетъ столько мужества, въ древній армориканскій лѣсъ, въ Броселейндъ, къ фонтану Мерлина. Я буду тамъ.» (*Окончивъ чтеніе, мадамозель де-Кердикъ улыбается. Франсоа смѣется какъ-то странно. Графъ смотритъ на нихъ*). Да, это явная мистификація! (*Франсоа уходитъ*).

ГРАФЪ. Я въ этомъ и не сомнѣвался... А между тѣмъ я былъ такъ любопытенъ и такъ малодушенъ, что дождался срока, и какъ видите, явился.

АВРОРА. И вы пришли одни на это страшное свиданіе?

ГРАФЪ. Я хотѣлъ итти одинъ, но другъ мой и единственный повѣренный этой тайны, виконтъ Гекторъ де-Молеонъ, горячая голова, но благородное сердце, хотѣлъ непремѣнно проводить меня до опушки лѣса. Онъ взялъ съ собою слугу, здѣшняго уроженца, который долженъ былъ служить намъ проводникомъ и толмачемъ, и который только выводилъ насъ изъ терпѣнія всю дорогу своею трусостью и суевѣріемъ. Они оба остались въ моей каретѣ. Но рѣшась, во что бы то ни стало, ни въ какомъ случаѣ не выйти изъ этого лѣса, я взялъ съ виконта слово, что онъ не раньше тронется съ мѣста, какъ по истеченіи часа... Теперь простите ли вы, что я такъ глупо перепугалъ васъ?

АВРОРА. Такъ я отгадала. Вы приняли меня за волшебницу. . Впрочемъ, почему же и не такъ? Волшебницы появлялись на любовныя свиданія въ видѣ старухъ, одѣтыхъ въ рубише... Вы должны быть благодарны мнѣ, по крайней мѣрѣ, за то, что я не нарядилась въ лохмотья...

ГРАФЪ. Вы будете смѣяться надо мною... но скажу вамъ откровенно, что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, вы сами, вашъ разговоръ, подробности вашей домашней жизни, и наконецъ какое-то непостижимое очарованіе, подъ вліяніемъ котораго я нахожусь въ вашемъ присутствіи, однимъ словомъ все — такъ удивляетъ меня, что я не одинъ разъ задавалъ себѣ вопросъ: не осуществилась ли ужъ для меня какая нибудь старинная легенда, или не нахожусь ли я въ области фантазіи!

АВРОРА (*съ двусмысленною улыбкой*). Право!

ФРАНСОА (*входя*). Сію минуту прибѣжали къ вамъ отъ Кадо... отъ этого дровосѣка, къ которому вы ходили утромъ... Ему очень худо!

АВРОРА. Въ самомъ дѣлѣ? Что съ нимъ?

ФРАНСОА. Его малютка, Марія, говоритъ, что съ нимъ дрожь и онъ бредить.

АВРОРА. О! я ожидала этого припадка, я его сейчасъ прекращу.

ГРАФЪ. Какъ, развѣ вы медикъ?

АВРОРА. Послушай, Франсоа, я дамъ тебѣ лекарство и напишу, какъ употреблять его... Ты отнесешь.

ФРАНСОА. Помилуйте! неужели вы хотите, чтобъ меня завтра же похоронили? Да я не успѣю пройти и пятнадцати шаговъ, какъ меня пришибетъ градомъ, или вихорь унесетъ... Послушайте-ка какова погода... Снѣгъ, вѣтеръ, выюга, все вмѣстѣ!

АВРОРА (*подойдя къ окну*). Правда, погода не очень хороша... Ты правъ, мой другъ... не ходи... въ твои лѣта это неосторожно. (*Думаетъ*). Я послала бы старуху Марту, да она очень глупа... Я просто пойду сама... Вы извините меня, графъ, неправда ли? (*Внимаетъ изъ буфета стеклянку съ лекарствомъ и бумагу*).

ГРАФЪ. Не позволите ли вы мнѣ оказать вамъ эту ничтожную услугу?

АВРОРА. Вы! возможно ли это! (*Франсоа уходитъ*).

ГРАФЪ. Увѣряю васъ, что вы меня чрезвычайно обяжете, если доставите случай быть вамъ полезнымъ... Скажите, что надо дѣлать. Неужли такъ трудно дать это лекарство?

АВРОРА. Такъ вы непремѣнно хотите?

ГРАФЪ. Непремѣнно.

АВРОРА (*посль минутной неръшимости*). Пусть будетъ по вашему. Ничего нѣтъ легче. Вотъ лекарство. (*Даетъ ему стеклянку съ лекарствомъ*). Здѣсь сказано, какъ надо употреблять его. По несчастію никто тамъ не умѣетъ читать. Вы растолкуете имъ, что надо дѣлать. Франсоа проводитъ васъ до калитки сада... оттуда вы по тропинкѣ дойдете прямо до хижины больного. Это дровосѣкъ, его зовутъ Кадо... вѣдь вы знаете, гдѣ феи, тамъ и дровосѣки... Франсоа... гдѣ же онъ?

ФРАНСОА (*входитъ съ зажженнымъ фонаремъ и большимъ плащомъ*). Вотъ, возьмите это, надѣньте, а не то вы дорого заплатитесь.

ГРАФЪ. Благодарю, любезный. (*Беретъ фонарь и надѣваетъ плащъ. Всторону, взглянувъ на себя въ зеркало*). Нечего сказать, шегольской нарядъ! Я похожъ теперь на Діогена!

АВРОРА. Вы возвратитесь?

ФРАНСОА. Еще бы! Кто жъ принесетъ намъ фонарь и плащъ?

ГРАФЪ. Конечно... я возвращусь за тѣмъ, чтобъ проститься съ вами. *(Выходитъ съ Франсоа въ маленькую дверь. Аврора одна не больше минуты. Потомъ Гекторъ де Молеонъ, Ивонне, Франсоа).*

АВРОРА *(задумчиво).* Надо извлечь этаго человѣка изъ такой глубокой пропасти... *(Раздаются громкіе удары въ дверь дома съ наружной стороны).* Что это за шумъ? *(Стукъ усиливается).* Это къ намъ! Кто бы могъ придти въ это время? *(Отворяетъ до половины большую дверь, въ глубинѣ и слушаетъ. Слышенъ громкій говоръ).* Виконтъ де-Молеонъ!.. А! это тотъ другъ, про котораго онъ говорилъ... Марта, проси! *(Беретъ вышиванье и садится. Входятъ Гекторъ и занимъ Ивонне. Гекторъ въ охотничьемъ костюмѣ, за поясомъ два пистолета. Ивонне держится немного позади. На лицъ его написано смущеніе и робость. Оба съ любопытствомъ разсматриваютъ залу. Мадмоазель де Кердикъ встаетъ, кланяется Гектору на его поклонъ и продолжаетъ вышивать и въ тоже время разговаривать стоя).*

ГЕКТОРЪ. Мнѣ совѣстно, что я почти силою вошелъ къ вамъ въ домъ. Но крайняя необходимость принудила меня къ этому. Мое имя...

АВРОРА. Виконтъ Гекторъ де Молеонъ, кажется?

ИВОННЕ *(еще больше испуганный, дергая виконта за рукавъ).* Она знаетъ ваше имя!

ГЕКТОРЪ. Такъ точно, я Гекторъ, и прошу у васъ извиненія, что напомнилъ вамъ моего знаменитаго соименника съ самой невыгодной стороны его характера.

АВРОРА *(серьезно).* Сына Приама?.. Немного вспыльчивый, а впрочемъ прекрасный молодой человѣкъ!

ГЕКТОРЪ. Вы, можетъ быть, знали его?

АВРОРА. Можетъ быть.

ГЕКТОРЪ. Въ такомъ случаѣ можно держать пари, что вы знаете, зачѣмъ я пришелъ сюда.

АВРОРА. Очень можно.

ГЕКТОРЪ. Какъ бы то ни было, я скажу вамъ...

ИВОННЕ *(вполголоса).* Право, это лишнее.

ГЕКТОРЪ. Замолишь ли ты?

ИВОННЕ. Вотъ увидите, что вамъ худо придется. Я Бретонскій уроженецъ... Эти исторіи мнѣ знакомы... Ради Бога, сударь, поговоримте объ этомъ серьезно... Я вѣдь не совершенный же неучъ, и еслбъ не чтеніе и не письмо, которыя никакъ не дались мнѣ...

ГЕКТОРЪ. Осель!

ИВОННЕ. Божусь вамъ, сударь, я замѣтилъ одно очень важное обстоятельство. (*Отводитъ его немного всторону*). Въ природѣ есть два рода феноменовъ, натуральные и не натуральные. (*Гекторъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе*). Такъ вотъ, сударь, все, что мы видимъ нынѣшній вечеръ, ненатурально. Этотъ мрачный лѣсъ, эта страшная буря, этотъ уединенный домъ, эта величественная дама, которая преспокойно себѣ занимается вышиваньемъ. Посмотрите-ка, посмотрите, какъ блестятъ у ней глаза! Въ ея годы натурально ли это? а по этому я заключаю...

ГЕКТОРЪ. Если ты скажешь еще слово, я выброшу тебя въ окошко; вотъ этотъ феномень—такъ будетъ натуральный. (*Мадмоазель де-Кердикъ*). Извините. Я хотѣлъ сказать, что одинъ мой другъ, мой лучший другъ...

АВРОРА. Графъ Ганри де-Коменжъ?

ГЕКТОРЪ. Такъ точно. (*Между тѣмъ Франсоа вошелъ тихонько изъ маленькой двери и осторожно сталъ подлѣ Ивонне*).

ИВОННЕ (*увидѣвъ его*). Баринъ, баринъ, взгляните-ка на этого... Я готовъ биться объ закладъ, что это самъ волшебникъ Мерлинъ. Повѣрьте, мнѣ, сударь, я истинно бретонскій уроженецъ, увѣряю васъ въ томъ честию... замѣтите, у него еще цѣлы всѣ зубы... Въ его лѣта, это...

ГЕКТОРЪ. Да замолчишь ли ты, негодяй? Убирайся, если ты трусишь.

АВРОРА. Успокойся, мой другъ. Развѣ ты не видишь, что у твоего барина за поясомъ цѣлый арсеналъ?.. Кетати, виконтъ, извините провинціалку, отставшую отъ свѣта: развѣ нынче въ Парижѣ этотъ костюмъ въ модѣ, когда идутъ на приступъ будуаровъ и сердца... Это очень удобно... очень упрощено...

ФРАНСОА (*стариковскимъ голосомъ*). Это по рыцарски! (*Гекторъ смотритъ на нихъ съ удивленіемъ*).

ИВОННЕ. Они смѣются надъ огнестрѣльнымъ оружіемъ... Я вамъ говорю, я знаю каковы они...

ФРАНСОА (*въ глубинѣ, мужественнымъ голосомъ, складывая салфетку*). Справедливо.

ГЕКТОРЪ (*быстро оборачивается*). Кто говорить?

АВРОРА (*спокойно вышиваетъ*).

ИВОННЕ. Баринъ, уйдемте отсюда или я сойду съ ума.

ГЕКТОРЪ (*разгорячась*). Глупый трусъ! Я не намѣренъ, сударыня, быть жертвою мелочнаго шарлатанства. Я не выйду отсюда, пока не

увидю моего друга цѣла и невредима... Я знаю, что онъ вошелъ въ этотъ домъ за часъ до этого...

АВРОРА. Развѣ онъ вамъ поручилъ явиться сюда его отыскивать? Если онъ встрѣтилъ здѣсь таинственное существо, которое ожидалъ, то почему вы знаете, будетъ ли онъ вамъ благодаренъ, если вы помѣшаете ему?

ГЕКТОРЪ. Таинственное существо!.. Э, сударыня, предупреждаю васъ, я не вѣрю ни въ волшебницъ, ни въ духовъ, ни въ вертящіяся столы. Здѣсь нѣтъ волшебницы, здѣсь какая-то интрига, можетъ быть, опасная, но я открою ее.

АВРОРА. А если я вамъ дамъ неоспоримое доказательство, что вы находитесь въ присутствіи одного изъ этихъ сверхъестественныхъ существъ, что вы тогда скажете?

ИВОННЕ. Что, сударь? Повѣрите ли мнѣ теперь? Она признается! это волшебница!

ГЕКТОРЪ (*отталкивая его*). Я скажу тогда, я скажу... но это невозможно!

АВРОРА. Въ двухъ шагахъ отсюда, я дамъ вамъ это доказательство. Я избавлю отъ него вашего слугу, онъ не выдержитъ. (*Беретъ свѣчку*). Слѣдуйте за мною, если смѣете.

ИВОННЕ (*схватясь за платье Гектора*). Не ходите, сударь, ради Бога, не ходите, вы погибли!

ГЕКТОРЪ (*послѣ минутной нерешимости съ силою отталкиваетъ Ивонне*). Я иду за вами! (*Мадмоазель де Кердикъ уходитъ въ боковую дверь, Гекторъ слѣдуетъ за нею*).

ИВОННЕ. Онъ оставилъ меня одного съ Мерлиномъ! (*Смотритъ на Франсоа украдкою*).

ФРАНСОА. Послушай-ка, молодой человекъ!

ИВОННЕ (*съ любезностью*). Милостивый государь... (*Всторону*). Онъ меня превратитъ въ какого нибудь звѣря!

ФРАНСОА. Подойди. (*Ивонне подходитъ противъ воли. Франсоа смотритъ на него, улыбаясь. Ивонне съ своей стороны смѣется принужденнымъ, глупымъ смѣхомъ, чтобъ покривиться волшебнику. Франсоа слегка треплетъ его по щеку*).

ИВОННЕ (*схватясь рукой за щеку*). Прекрасно! Теперь эта щека заколдована!

ФРАНСОА. Какъ тебя зовутъ?

ИВОННЕ. Ивонне, ваша милость.

ФРАНСОА. Ну, такъ мой милый Ивонне...

ИВОННЕ (въ сильномъ смущеніи). Онъ знаетъ мое имя!.. Они все знаютъ, эти существа!

ФРАНСОА. Хочешь ли сдѣлать мнѣ удовольствіе?

ИВОННЕ. Очень обяжете, ваша милость. (*Всторону*). Онъ отъ меня потребуетъ чего нибудь ужаснаго... Я умру отъ страха!

ФРАНСОА (показывая столъ, уставленный остатками обѣда). Возьми этотъ столъ и вынеси.

ИВОННЕ. Сейчасъ... (*Всторону*). Это заколдованный столъ.. берегись, Ивонне. (*Беретъ столъ съ безпокойствомъ. Франсоа открываетъ обѣ половинки дверей въ глубинь. Ивонне ставитъ столъ въ другую комнату и возвращается*).

ФРАНСОА. Теперь, Ивонне...

ИВОННЕ. Что прикажете? (*Всторону*). Ай, теперь я пропала!

ФРАНСОА (указывая на стулъ). Сядь и отдохни! (*Ивонне, сильно встревоженный, повинуется. Франсоа смотритъ на него серьезно. Ивонне какъ будто чувствуетъ себя подъ вліяніемъ очарованія. Молчаніе. Вдругъ отворяется боковая дверь. Гекторъ со свѣчю въ рукъ идетъ впереди Авроры де Кердикъ, съ видомъ глубочайшаго уваженія*).

ИВОННЕ (вставая). Ну, вотъ и затянула его въ омутъ, теперь онъ околдованъ. (*Подходя къ виконту*) Ну, что, баринъ, довольны ли вы теперь?.. Вѣдь я говорилъ вамъ... Я ниже-бретонецъ... Еслибъ вы знали, какъ Мерлинъ отдѣлалъ меня... Вотъ негодный старикъ!

ГЕКТОРЪ (*сухо*). Молчи. (*Беретъ въ углу свой плащъ, подходитъ къ мадмоазель де Кердикъ и почтительно ей кланяется. Потомъ точно также кланяется Франсоа. Ивонне слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ и съ точностью подражаетъ его поклонамъ и движеніямъ. Затѣмъ оба уходятъ. Ивонне скорымъ шагомъ слѣдуетъ за Гекторомъ, обарачивается и еще разъ кланяется. Мадмоазель де Кердикъ и Франсоа смотрятъ другъ на друга и смѣются*).

АВРОРА (*у маленькой двери въ глубинь, прислушиваясь*). Это онъ!.. Давно бы ужъ пора... (*Графъ съ фонаремъ въ рукъ и въ плащъ, совершенно мокромъ отъ снѣга, входитъ изъ двери направо*). Боже мой, какъ вы промокли! Съ васъ течетъ, какъ съ крыши! (*Помогаетъ ему снять плащъ*). Отогрѣйтесь поскорѣ!

ГРАФЪ. Уфъ! Это не мѣшаетъ! (*Приближается къ камину*). Больной вашъ, когда я ушелъ, заснулъ спокойно.

АВРОРА. А, тѣмъ лучше! Благодарю васъ. У васъ еще не совсѣмъ остыло сердце, право.

ФРАНСОА (*прибавляетъ дровъ въ каминъ и уходитъ, унося плащъ и фонарь. У дверей онъ оборачивается*). Ведите себя хорошенько, молодые люди.

ГРАФЪ. Васъ охраняетъ настоящій драконъ.

АВРОРА (*со смѣхомъ*). Его служба въ этомъ отношеніи не слишкомъ обременительна. Сокровища моихъ лѣтъ охраняются сами собою.

ГРАФЪ. Это доказываетъ, что люди со вкусомъ рѣдки въ здѣшной сторонѣ.

АВРОРА. Не вздумайте, чего добраго, увѣрять, что въ меня можно влюбиться?..

ГРАФЪ. Вы, должно быть, были очень хороши?

АВРОРА. Да... во времена королевы Берты... Вы не хотите съѣсть? (*Садится*).

ГРАФЪ (*вздыхаетъ*). Я не долженъ больше употреблять во зло вашего гостепріимства. (*Проводитъ рукою по лбу съ мрачнымъ видомъ и отходитъ отъ камина*). Пора!

АВРОРА (*слѣдитъ безпокойнымъ взоромъ за всѣми движеніями графа*). Куда-же вы идете?

ГРАФЪ. Я? Да право и самъ не знаю. Но не безпокойтесь... Я не оставляю въ странѣ, гдѣ вы живете, непріятнаго воспоминанія... не бойтесь.

АВРОРА (*тихо*). Благодарю.

ГРАФЪ (*идетъ за шляпой и тростью; проходя мимо фортепяно, говоритъ съ поддѣльной безпечностью*). Вы играете на фортепяно?

АВРОРА. Немножко и незavidно.

ГРАФЪ (*кланяясь*). Совершенства нѣтъ на землѣ. (*Беретъ со стула пальто, потомъ подходитъ къ мадамъ де-Кердикъ, которая смотритъ на него съ любопытствомъ, и цѣлуетъ ея руку*). Прощайте, будьте счастливы. Вы вполне этого достойны... (*Послѣ тягостнаго минутнаго молчанія*). Осмѣлюсь ли обезпокоить васъ просьбою?

АВРОРА. Какою?

ГРАФЪ (*беретъ со столика перо, вырываетъ листикъ изъ бумажника и пишетъ нѣсколько строкъ*). Я былъ свидѣтелемъ въ

этой хижинѣ сцены, о которой не имѣлъ понятія... Бѣдное семейство... маленькія дѣти... безъ хлѣба, безъ дровъ... дрожащія отъ холода и плачущія полѣ постели больнаго.. Я оставляю имъ мое богатство. Вотъ моя послѣдняя воля. Поручаю вамъ ее исполнить.

АВРОРА (*оплачетъ шагъ къ нему и говоритъ расстроганнымъ голосомъ, но просто и съ благородствомъ*). Развѣ вы хотите, чтобъ эти дѣти забыли свою мать?.. чтобъ они раззнакомились со всѣми великими обязанностями и лучшими истинами жизни?.. чтобъ они дошли до того, до чего дошли вы? Ахъ, оставьте имъ ихъ нищету, она не такъ ужасна, какъ ваша!

ГРАФЪ (*въ нерышimoto*). Но...

АВРОРА. Извините меня, но я долго думала, что ваше намѣреніе ничто иное, какъ безразсудная шутка... Даже и теперь еще, я сомнѣваюсь... возможно ли, чтобъ существованіе человѣка... душа человѣка... имѣла такъ мало значенія въ вашихъ глазахъ? чтобъ вся жизнь заключалась для васъ въ дамскомъ будуарѣ... и чтобъ внѣ будуара, для васъ не существовало ни радостей, ни обязанностей? Это слово: *обязанность*, слово, выражающее всю цѣль нашего существованія, написано ли оно хоть на одной страницѣ вашей жизни? Жертвовали ли вы хоть комунибудь вашимъ удовольствіемъ, вашими наклонностями, вашими причудами? Вышли ли вы хоть когданибудь изъ холоднаго и тѣснаго круга вашего суетнаго эгоизма?.. Нѣтъ! ни для кого вы не принесли этой жертвы, вы не принесли ее даже для вашей матери!

ГРАФЪ. Сударыня...

АВРОРА. Вы не можете жить, потому что нѣтъ болѣе на землѣ женщины, которую бы вы могли любить?.. Но скажите, развѣ нѣтъ несчастныхъ, которымъ вы можете помочь?.. Развѣ нѣтъ слезъ, которыя вы можете осушить, превратить въ благословенія! Вы требуете отъ жизни неизвѣданныхъ наслажденій... О! у нея еще много наслажденій для васъ, повѣрьте мнѣ... она хранитъ вамъ отрадное сознаніе исполненнаго долга, утѣшеніе оказанной услуги, глубокой миръ душевный, послѣ хорошо употребленнаго дня... и счастливый сонъ, слѣдующій за пожертвованіемъ... Попробуйте извѣдать эти удовольствія, и если вамъ и тогда жизнь покажется также пуста и безцвѣтна... разбейте себѣ голову, я вамъ позволяю... Простите меня еще разъ... (*Все болѣе и болѣе расстроганнымъ голосомъ*). Но я говорю вамъ, какъ говорила бы вамъ та, которую вы оплакиваете, еслибъ она имѣла утѣшеніе остановить на васъ свой послѣдній взоръ и передать вамъ въ поцѣлуѣ послѣдній вздохъ свой.

ГРАФЪ (*опустивъ голову, глухимъ и встревоженнымъ голосомъ*). Да... я вамъ вѣрю... Можетъ быть, я дурно понялъ жизнь... но теперь ужъ поздно... зло пустило слишкомъ глубокіе корни... Благодарю... но, простите...

АВРОРА (*съ какою-то лихорадочною веселотью*). Хорошо, пусть будетъ по вашему... но, по крайней мѣрѣ, графъ, окажите мнѣ еще одну услугу.

ГРАФЪ. Отъ всего сердца.

АВРОРА. Подержите мнѣ мотокъ шерсти... согласны?... (*Графъ вѣжливо кланяется въ знакъ согласія. Она надѣваетъ ему на руки мотокъ шерсти и садится. Графъ садится на кончикъ кресла. Пока она мотаетъ шерсть, раздается въ лѣсу баллада*).

ГРАФЪ. Это бретонскій напѣвъ?

АВРОРА. Да, это баллада про Рожера Бомануара.

ГРАФЪ. Она напоминаетъ мнѣ одну овернекую пѣсню... Есть слова на этотъ напѣвъ?

АВРОРА. Да, въ этой балладѣ рѣчь идетъ о феяхъ, которыхъ вы такъ любите.

ГРАФЪ. Будьте такъ добры, скажите мнѣ слова баллады.

АВРОРА. Они советъмъ усыпятъ васъ, потому что вы и безъ того ужъ дремлете.

ГРАФЪ. Нѣтъ, право, увѣряю васъ... это маленькая усталость.

АВРОРА. Нѣтъ, вамъ хочется спать... и замѣтите, только одинъ вечеръ, посвященный услужливости и милосердію, возвратитъ вамъ аппетитъ и сонъ, въ ожиданіи лучшаго... не церемоньтесь... засните... сонъ успокоитъ васъ. Я вамъ помогу заснуть! (*Аврора поетъ*).

БАЛЛАДА

Кто спитъ тутъ подъ дубомъ въ полуденный жаръ?
То рыцарь отважный Рожеръ Бомануаръ.
А межъ тѣмъ его датскія быстрыя своры
Гоняютъ оленя чрезъ дебри и горы.

ГРАФЪ (*вполголоса*) Продолжайте, прошу васъ. (*Засыпаетъ по-немногу*).

АВРОРА.

И видитъ во снѣ онъ волшебный фонтанъ
 И рветъ у фонтана цвѣтокъ мiorанъ.
 А межъ тѣмъ его датскія быстрыя своры
 Гоняютъ оленя чрезъ дебри и горы.

(Графъ заснулъ. Мадемозель де-Кердикъ тихонько встаетъ, наклоняется надъ нимъ и смотритъ на него, потомъ продолжаетъ все болѣе слабымъ голосомъ).

И фея фонтана, покинувъ русло
 Ему убираетъ цвѣтами чело.
 А межъ тѣмъ его датскія быстрыя своры
 Гоняютъ оленя чрезъ дебри и горы.

ГРАФЪ (*вдругъ просыпаясь*). А! гдѣ я?.. (*встаетъ, удивленный*). Это сонъ!.. но я видѣлъ васъ, точно васъ... (*Смотритъ на нее съ изумленіемъ. Мадемоазель де-Кердикъ помолодѣла, морщины ея разгладились, волосы стали почти черны*). Это удивительно!

АВРОРА (*улыбаясь*). Что такое?

ГРАФЪ. Вы помолодѣли, вамъ не пятьдесятъ лѣтъ!..

АВРОРА. Ба! вы видите меня сквозь послѣдніе лучи вашего сна.

ГРАФЪ. Можетъ быть... должно быть такъ... а между тѣмъ, я готовъ поклясться, что вы помолодѣли двадцатью годами.

АВРОРА. Еслибъ и такъ, чтожъ тутъ удивительнаго, графъ? Лѣтописи волшебства наполнены подобными приключеніями. Я льщу себя мечтою, что заслужила вашу привязанность... Вамъ извѣстно, что любовь отважнаго рыцаря разрушала чары, скрывавшія красоту феи подъ морщинами старости... Къ несчастью, вы не чувствуете ко мнѣ ничего, кромѣ дружбы, и я помолодѣла только вполовину... Можетъ быть, чувство болѣе нѣжное совершило бы полное превращеніе.

ГРАФЪ. О! за этимъ дѣло не станетъ... это странное признаніе жжетъ мнѣ губы... Кто бы вы ни были, но я иногда схожу съ ума, пытаюсь проникнуть эту тайну... кто бы вы ни были, я не смѣю сказать, что люблю васъ... я такъ часто употреблялъ во зло это слово... но никогда, ни къ одной женщинѣ не чувствовалъ я такого глубокаго и вмѣстѣ страстнаго уваженія, какое внушаютъ мнѣ ваше присутствіе, вашъ разговоръ, вашъ взглядъ... Да, за одинъ этотъ вечеръ, исполненный

простоты, спокойствія и истины, которымъ я вамъ обязанъ, за отрадное умиленіе, которымъ вы освѣжили мои чувства, я хотѣлъ бы отдать вамъ мою перерожденную душу... я хотѣлъ бы, если это только опять не эгоизмъ... провести всю мою жизнь подлѣ васъ... нѣтъ, у вашихъ ногъ!

АВРОРА (*растроганная, съ достоинствомъ взглянувъ на графа.*)
Правда ли это, графъ?

ГРАФЪ. Правда, клянусь вамъ честью.

АВРОРА. Въ такомъ случаѣ... (*смотритъ на него съ ясною улыбкой.*) Я пойду, пошепчусь съ моимъ волшебнымъ зеркаломъ. (*улыбается ему еще разъ и исчезаетъ въ боковую дверь.*)

ГРАФЪ (*въ изумленіи.*). Кто эта женщина?... Мой разсудокъ взволнованъ... я слишкомъ усталъ... душевныя потрясенія утомили меня... Я въ бреду... я мечтатель... Попробуемъ разсуждать хладнокровно. Здѣсь кроется какой нибудь обманъ... Но нѣтъ!... такая женщина не можетъ быть искательницею приключеній, интриганткой... Это предположеніе всего нелѣпѣе... Это воображаемое превращеніе—слѣдствіе моей дремоты... она сама сказала мнѣ это... Это просто добрая старушка, которой стало жаль меня, и она пробуетъ вылечить мой недугъ, лѣтя моей безумной мечтѣ... (*входитъ Франсоа. Онъ держится прямо. У него быстрый взглядъ, свѣжій цвѣтъ лица и волосы съ легкой просѣдью.*)

ФРАНСОА (*мужественнымъ голосомъ.*) Вашъ нижайшій слуга.

ГРАФЪ. Это что?... Кто ты?..

ФРАНСОА. Я пришелъ поблагодарить васъ, графъ. Я старый Франсоа. Я находился подъ вліяніемъ того же очарованія, какъ и моя госпожа, и освободился отъ него вмѣстѣ съ нею. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, графъ, но когда вы женитесь на моей госпожѣ, то надѣюсь, мнѣ будетъ только тридцать.

ГРАФЪ. Что жъ это значитъ, въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ я нахожусь? Это то самое лицо... но это превосходить мое легковѣріе... Послушай, другъ мой, ты надо мною смѣешься, но я тебѣ прощаю, больше—я обогащу тебя, если ты мнѣ сію же минуту, безъ малѣйшаго отлагательства, разгадаешь загадку.

ФРАНСОА. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстны нравы нашего племени, и мнѣ нечего объяснять вамъ по этому предмету. Я бѣдный подчиненный духъ, очарованный когда-то могуществомъ Мерлина, вмѣстѣ съ благородною феей, моей госпожей. Мы цѣлое столѣтіе ждали въ этомъ

лѣсу, чтобъ явился какой нибудь благородный молодой человекъ, который предпочелъ бы душевныя качества непрочной земной красотѣ. Вотъ почему я встрѣтилъ васъ съ худо скрытой радостью: я предвидѣлъ въ васъ избавителя. Вотъ зачѣмъ пришелъ я сейчасъ изъяснить вамъ мою благодарность... Изъ пріятнаго измѣненія, происшедшаго въ моей особѣ, я заключилъ, что благодаря вамъ, очарованіе рушилось.

ГРАФЪ. И тебѣ больше нечего сказать мнѣ?

ФРАНСОА. Нечего.

ГРАФЪ. Въ такомъ случаѣ, да поможетъ тебѣ Мерлинъ, потому что мое терпѣніе лопнуло!.. *(схватываетъ его за воротъ..)*

ФРАНСОА *(съ силою удержавъ его руку).* Потихе... слушайте! *(Боковая дверь открывается. Яркій свѣтъ наполняетъ залу. Графъ оборачивается. Выходитъ мадмоазель де Кердикъ. Ей двадцать лѣтъ. Она въ бѣломъ платьи, на головѣ вѣнокъ изъ дикихъ цвѣтвъ. Она подходитъ медленно, держа въ рукѣ волшебный жезлъ, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графа роняетъ его).*

АВРОРА *(голосомъ молодой дѣвушки).* Графъ, я должна сложить предъ вами знакъ власти, болѣе несуществующей, потому что уже не фея, увы! а почти просительница говорить съ вами. Я та самая провинціалка, которую ваша мать, по своей добротѣ и снисходительности, нашла достойною носить ваше имя.

ГРАФЪ. Мадмоазель д' Атонь!

АВРОРА. Да, Жанна д' Атонь... Вы вѣрно находите, что я поступила слишкомъ смѣло, почти непростительно, избравъ, хотя съ помощью и одобреніемъ брата, *(смотритъ на Франсоа)* такія театральныя средства, чтобъ совершить обращеніе, которое было послѣднимъ желаніемъ, послѣднимъ приказаніемъ умирающей вашей матери. Мой подвигъ былъ бы оконченъ, еслибъ я убѣдила васъ, что вы избрали не тотъ путь, что есть другая жизнь, болѣе достойная человекъ и Того, кто ему далъ ее, что есть очарованія, болѣе утѣшительныя и существенныя, нежели тѣ, къ которымъ влекло васъ воображеніе... да, мой подвигъ былъ бы конченъ... *(растроганнымъ и печальнымъ голосомъ)* и я была бы счастлива... еслибъ даже эта минута была для васъ только сномъ...

ГРАФЪ *(въ восторгѣ).* Ради Бога... не будите меня никогда отъ этого сна! *(Беретъ ее за руку и кланяется до полу).*

АВРОГА (*качая головой*). Это почтеніе относится еще къ фѣѣ, не такъ ли?

ГРАФЪ. Нѣтъ... къ генію хранителю! (*припадаетъ къ рукъ молодой дѣвушки, какъ бы желая скрыть свое волненіе*).

АВРОГА (*Фронсоа, который смотритъ на нее вопросительно*). Онъ плачетъ... значитъ онъ спасенъ!

С. С—ВА.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Празднства 15 августа.—Усиленіе холеры.—Окончаніе Лувра.—Отправленіе на дачи.—Письмо о парижскихъ дачникахъ, вмѣсто музыкальной статьи.—Воды.—Банкирша и брильянты.—Марсель, Бретань и Гомбургъ.—Вѣчное прощаніе Гомбургу.—Отдохновеніе Энгра.—Апотеоза Іоанни д'Аркъ.—Смерть Сувестра и Жоржа Боске.—Всемирная бібліотека.—Les Binnettes Contemporaines.—Пародіи — Завѣщаніе Пауля Рошетъ.—Монтионовы награды за лучшее нравственное сочиненіе.—Расходы г-жи Помпадуръ.—Конкурсъ консерваторіи.—Дворецъ промышленности.—Жюльенъ въ Америкѣ.—Путешествіе доктора Опперта.—Надежды, подаваемые парижскими театрами.—Les coeurs dog.—Богатство театра Разнообразія.—Вебрь на театрѣ Веселости.—Гарри въ Амбигю.—Сусанна.—Феномень на театрѣ Палерояля.—Смерть Помпея.—Лѣтнее воскресеніе.—Осень гуляки.—Еще піесы.—Домъ Горіа.—Лекарство отъ болѣзни винограда.—Кушанья на рельсахъ.—Чиханье и холера.—Послѣднія драматическія новости.

Празднство 15 августа заняло все умы, и долго еще будетъ служить предметомъ разговоровъ, сужденій, сравненій.

Парижъ на нѣсколько дней забылъ о политикѣ, о биржѣ и даже о холерѣ. Вездѣ слышны разсужденія о блистательной декорации ратуши, о воздушной флотиліи шаровъ, объ эффектѣ фейерверковъ, и все дѣла, все толки о серьезныхъ дѣлахъ оставлены на время.

Только холера, которая вѣроятно не любитъ, чтобы ее оставляли безъ вниманія, жестоко напомнила о себѣ на другой же день празднства. Число жертвъ ея почти удвоилось, что очень натурально, потому что огромныя массы народа провели весь день на открытомъ воздухѣ, тѣсясь въ небольшихъ пространствахъ, торопясь съ одного мѣста на другое и не заботясь ни о палящемъ солнцѣ, ни о довольно свѣжемъ вечерѣ.

Многіе изъ гулякъ заплатили жизнью за наслажденіе, но за то не пропустили ни одного изъ увеселеній, особенно изъ даровыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько трудовъ и денегъ брошено, чтобъ позабавить толпу нѣсколько часовъ, тогда какъ можно было употребить ихъ съ пользою. Впрочемъ и тутъ работники и фейерверкеры много выигрвали, а нѣкоторые рестораны нажились въ одинъ день. Чего же больше требовать отъ праздника! И если бы не холера, то его можно бы причислить къ самымъ удачнымъ.

Теперь Парижъ опять опустѣлъ и пресмирѣлъ сравнительно. Большая часть его гостей разъѣхались, боясь болѣе всего холеры; всѣ торопятся опять на воды или на дачи, воображая, что зелень и вода скорѣе всего прогоняютъ эту незванную посѣлительницу парижскихъ праздниковъ. Страсть къ дачамъ особенно развилась въ парижанамъ съ такою силою, что они мѣняютъ просторную, удобную квартиру въ городѣ, выходящую на широкую улицу или на площадь, на тѣсный, грязный уголокъ въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, гдѣ нѣтъ ни сада, ни воды, и потомъ удивляются, что *дача*, вмѣсто того чтобъ поправить здоровье, разстроила его совершенно, тѣмъ болѣе, что за городомъ очень трудно найти докторовъ и еще труднѣе уберечься отъ простуды. Но мода не позволяетъ жить лѣтомъ въ городѣ, и потому хоть плачь, а отправляйся на дачу.

Одинъ изъ сотрудниковъ музыкальнаго журнала *Menestrel*, очень вѣрно описалъ дачную жизнь Парижанъ въ слѣдующемъ письмѣ къ директору журнала:

«Любезный директоръ!

«Вы были такъ добры, что дали мнѣ отпускъ на лѣто, чтобъ я наслаждался сельскою жизнью, отдохнулъ отъ трудовъ, а главное потому, что я вамъ больше не нуженъ. Зимой рамки вашего музыкальнаго журнала кажутся вамъ тѣсны, и вы не можете помѣстить и половины отчетовъ о ежедневныхъ концертахъ и музыкальныхъ праздникахъ. Лѣтомъ же никто не даетъ концертовъ кромѣ соловья, а гдѣ найдутся критики, чтобъ разбирать его пѣніе?

Воспользовавшись вашимъ позволеніемъ, я рѣшился *отдыхать* лѣтніе мѣсяцы, общая однакоже прислать вамъ хоть одну музыкальную статью. Но я чувствую, что не въ силахъ исполнить это необдуманное обѣщаніе, и вмѣсто разсужденій о мелодіи, посылаю вамъ описаніе моей дачной жизни.

Мода просто угнетаетъ бѣдное человѣчество, и мы такъ слабы, что не смѣемъ противиться ей. Она выдумала для женщинъ шляпки безъ полей и безъ тульи, выкроила для мужчинъ длиннополые сюрту-

ки, выгодные только для портныхъ; посылаетъ здоровыхъ на воды, и наконецъ выгоняетъ людей изъ города, подъ предлогомъ, что лѣтомъ необходимо жить на дачѣ, и мы бѣдные терпѣливо переносимъ ея деспотизмъ.

Вы знаете, что я живу въ одной изъ пріятныхъ улицъ Парижа, хотя и немного высоко. Передо мною разстилается большой садъ, надѣляющій меня чистымъ воздухомъ, благоуханіемъ цвѣтовъ... Шумъ Паржа не доходитъ до меня, и я даже не слышу шарманокъ. Чего же мнѣ было лучше, чтобъ *отдыхать* по вашему совѣту! Но самолюбіе и мода не позволили мнѣ остаться въ этомъ мѣстѣ, и потому что *все* живутъ на дачѣ, я тоже почелъ своею обязанностью выѣхать изъ Парижа.

Недалеко отъ Парижской заставы есть небольшое селеніе, которое, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и страсти къ дачамъ, скоро будетъ довольно значительнымъ городомъ. Тутъ-то я нанялъ довольно дорого двѣ небольшія, неудобныя комнатки на два мѣсяца. Пріятели поздравляютъ меня, что наконецъ и я рѣшился переѣхать на дачу.

Передъ моими окошками есть садъ безъ тѣни, принадлежащій всѣмъ жильцамъ дома, которыхъ больше семнадцати семействъ, а садъ этотъ такъ малъ, что если походить вокругъ него десять минутъ, то закружится голова. Два раза въ день, когда позволяетъ дождь, всѣ мы сходимъ въ этотъ зеленый омшубусъ, осматриваемъ другъ друга молча съ головы до ногъ, и опять спѣшимъ по своимъ комнатамъ, боясь познакомиться короче съ сосѣдями. Это называется жить на дачѣ.

Въ дождливые дни я далъ себѣ слово работать надъ музыкальною статью, которую вы мнѣ заказали, и въ первый же пасмурный день расположился предъ письменнымъ столомъ. Но вообразите мой ужасъ: всѣ мои сосѣди, съ перваго до послѣдняго, музыканты или любители, всѣ сосѣдки—пѣвицы. Удержанные дурною погодою въ своихъ комнатахъ, всѣ вдругъ начали такой отчаянный концертъ, составленный изъ гаммъ, вариаций, арій, романсовъ, что я позавидовалъ глухимъ, и какъ сумасшедшій выбѣжалъ на дождь въ садъ. Меня утѣшила только мысль, что я живу на дачѣ.

Такъ какъ я человѣкъ одинокій, то, разумѣется, не держу стола дома, и хожу обѣдать въ сосѣдній ресторанъ. Сюда же приходятъ многія семейства и вообще дамъ больше, чѣмъ мужчинъ. За три франка насъ кормятъ очень хорошо, ни чуть не хуже Парижа, такъ что хоть на время обѣда можно забыть о дачѣ.

Нельзя же за обѣдомъ не услуживать дамамъ и не говорить съ ними. Первая моя сосѣдка, женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, была очень

любезна и разговорчива. Она успѣла въ продолженіе обѣда разсказать мнѣ біографію всѣхъ присутствующихъ за столомъ, и прибавила много анекдотовъ на счетъ дамъ. Слѣдующія мои сосѣдки, разумѣется, говорили о ней много дурнаго, называя ее интриганткой. Всѣ разспрашивали меня о моихъ дѣлахъ, состояніи, лѣтахъ, занятіяхъ, и къ концу недѣли мнѣ начали сватать выгодную невѣсту... Вотъ обычныя бесѣды на дачѣ!

Послѣ обѣда мы обыкновенно отправлялись гулять въ лѣсъ, и такъ какъ тамъ немножко свѣжо и сыро, то сборы къ прогулкѣ похожи были на сборы къ путешествію въ Лапландію. Не успѣвали еще вздохнуть прохладой, какъ подъ опасеніемъ простуды всѣ бѣжали опять въ ресторанъ, гдѣ начинался ланскнехтъ. Вокругъ стола говорили о биржѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, объ акціяхъ, процентахъ— словомъ это былъ настоящій дачный разговоръ.

Иногда, для разнообразія, составляется концертъ, въ которомъ маленькія дѣвочки играютъ на фортепіано трудныя варіаціи, а большіе поютъ легкіе романсы. Никто ихъ не слушаетъ, потому что въ это время всѣ говорятъ о своихъ дѣлахъ. Въ десять часовъ всѣ уже спятъ... такъ установлено на дачѣ.

Но эта дачная жизнь сдѣлалась мнѣ до того несносною, что несмотря на любезность моей сосѣдки, я отказался отъ квартиры и завтра же ѣду въ Парижъ.

Сосѣдка говоритъ, что я, вѣрно, хочу жениться. Она права, я бросаю мое обручальное кольцо въ бурныя волны города, какъ въ адріатическое море, и навсегда прощаюсь со всѣми дачами.

Эмиль Барато.»

Лѣтняя жизнь на водахъ тоже не очень привлекательна по причинѣ уже слишкомъ большаго разнообразія въ лицахъ, составляющихъ общество. Тамъ васъ или обманутъ, или примутъ за плута, потому что на водахъ каждый, имѣющій деньги, можетъ выдать себя за графа, герцога, если только онъ хорошій актеръ. Тамъ бываютъ часто любопытныя встрѣчи, и случается множество анекдотовъ, которые разсказываются въ продолженіе всей зимы.

Надавно разыгралась небольшая драма на Гомбургскихъ водахъ, и недожидаясь зимы, быстро распространилась по всему Парижу.

Извѣстный банкиръ имѣлъ въ числѣ своихъ сокровищъ хорошенькую жену, что нисколько неудивительно, но жена эта была кокетка, что еще меньше удивительно.

Банкирша вздумала однажды затмить своихъ соперницъ великолѣп-

нымъ брилліантовымъ уборомъ, явившимся въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ, и начала упрашивать мужа, чтобъ онъ подарилъ ее. Къ несчастію, цѣна убора была такая баснословная, что даже банкиръ не могъ позволить себѣ купить его, и потому просьбы, слезы, ласки банкирши оставались безъ всякаго дѣйствія и не могли тронуть ни сердца, ни кошелька мужа. Разумѣется, что по этому случаю произошла между супругами холодность, и банкиръ, любя жену, придумалъ наконецъ средство къ примиренію.

— Милая моя, сказалъ онъ ей однажды—ты знаешь, что послѣднія спекуляціи немного разстроили мои дѣла, почему я и не могу удовлетворить твоего каприза, купить тебѣ брилліанты. Но мой корреспондентъ въ Марсели пишетъ, что если я только на недѣлю пріѣду въ этотъ городъ, то могу участвовать въ одномъ торговомъ оборотѣ и выручить огромную сумму. Улыбнись же мнѣ на прощанье, и будь увѣрена, что я вернусь съ брилліантами.

Банкиръ уѣхалъ въ Марсель; банкирша съ нетерпѣніемъ ждала его въ Парижѣ, потому что капризъ имѣть брилліанты превратился въ мѣнацію, тѣмъ болѣе, что она уже успѣла похвастать своимъ знакомымъ, что купила уборъ. Но прошла недѣля, и мужъ пишетъ, что *дѣла* не могутъ кончиться такъ скоро, какъ онъ предполагалъ, и потому онъ еще недѣлю, а можетъ быть долѣе останется въ Марсели. О брилліантахъ же ни слова.

Банкирша пришла въ отчаяніе. Теперь она немогла ни какъ отказать отъ убора. Сколько насмѣшекъ, униженій! Нѣтъ, если мужъ не хочетъ купить ей брилліантовъ, то она купитъ сама.

Но какъ? У нея въ кошелькѣ не больше трехъ тысячъ франковъ, а ихъ надобно помножить почти на двадцать. Правда, на биржѣ можно выиграть эту сумму, но для этого надобно участника, который можетъ употребить во зло ея довѣренность, а она хотѣла дѣйствовать одна.

— Во Франціи запрещены игры, сказала молодая женщина, разбирая журналы, и вдругъ глаза ея остановились на одномъ объявленіи, занимавшемъ чуть не всю четвертую страницу газеты.

«Гомбургъ.—Скорое и пріятное путешествіе. Всѣ возможныя увеселенія. Выигрышъ почти вѣрный, и ко всему этому возможность самаго строгаго инкогнито.»

Все это до того прельстило банкиршу, что она тотчасъ же приказала собираться въ дорогу. Въ это время навѣстила ее одна изъ знакомыхъ, которая провела нѣсколько лѣтнихъ сезонныхъ на гомбургскихъ водахъ и которая чрезвычайно жаловалась на счастье, что не можетъ болѣе ѣхать туда.

— Это рай, прибавила она. Стоить побывать тамъ разъ, и каждый годъ будетъ невольно тянуть васъ въ Гомбургъ; а вы куда собираетесь безъ мужа?

— Мужъ еще долго останется въ Марсели по дѣламъ, отвѣчала банкирша, такъ я ѣду къ моей старой тетускѣ въ Бретань, она не такъ здорова.

Если у мужей бываютъ часто дѣла, то у женъ тоже иногда бываютъ *тетушки* въ провинціяхъ.

На другой день молодая женщина отправилась по страсбургской желѣзной дорогѣ, и черезъ двѣнадцать часовъ была въ Гомбургѣ, дрожа отъ страха и удовольствія, и говоря:

— Можетъ ли мой мужъ вообразить гдѣ я. Бѣдный Адольфъ, онъ скучаетъ въ Марсели!

И банкирша поспѣшила въ игорную залу, и краснѣя какъ неопытный ученикъ, подошла къ зеленому столу и положила свертокъ золота на *красную*. Въ это же время мужская рука протянулась возлѣ нее, и тоже бросила горсть монетъ на красную.

Оба игрока подняли головы въ одно время и вскрикнули отъ удивленія и гнѣва.

— Боже мой!

— Что я вижу!

— Адольфъ!

— Аделаида!

— Вы не въ Марсели?

— Вы не въ Кемперъ-Корантевъ?

И супруги, видя, что на нихъ обращено всеобщее вниманіе, оставили свои деньги на столѣ и удалились въ уголь, продолжая распросы.

— Я пріѣхалъ сюда, говорилъ мужъ, потому что не было никакой другой возможности поправить мои дѣла.

— Я хотѣла выиграть брильянты, говорила жена.

— Можно было бы посоветоваться со мною.

— Не въ Марсель ли ѣхать къ вамъ за совѣтами?

И проч. и проч. и проч.

Супруги горячились и совершенно забыли объ игрѣ, которая шла своимъ чередомъ.

Мужчина, одѣтый въ черномъ, подошелъ къ банкиршѣ и спросилъ ее:

У васъ все идетъ?

— Отстаньте отъ меня, отвѣчала молодая женщина, да!

И ссора продолжалась.

Потомъ тотъ же господинъ шепнулъ банкиру:

— Вы держите все?

— Да, убирайтесь..... пробормоталъ разсердившійся мужъ, не понимая о чемъ его спрашиваютъ.

Вдругъ ропотъ раздался вокругъ стола и все обернулись къ супругамъ съ поздравленіями.

— Что это значить? спросили они, конфузясь.

— Это значить, что вы проиграли каждый.

Супруги протянули другъ другу руки.

— Помиримся.

— Съ удовольствіемъ.

— У меня будутъ брильянты... только одна просьба... Уйдемъ сегодня же...

— Ъдемъ сейчасъ и никогда больше не заглянемъ сюда.

— Никогда!

Супруги вернулись въ Парижъ, гдѣ дѣла банкира пошли превосходно, а банкирша каждый день примѣряетъ свои брильянты.

Только что-то невѣроятно, чтобъ они оба забыли о Гомбургѣ и сдержали свое слово. Недаромъ говорила подруга банкирши:

— Кто побывалъ разъ въ этомъ мѣстѣ, тотъ не можетъ удержаться чтобъ не побывать десять.

Не смотря на всеобщую страсть къ увеселеніямъ, есть однакожъ и въ Парижѣ люди, которые *отдыхаютъ* только за работой. Давно ли весь Парижъ сбѣгался восхищаться превосходнымъ плафономъ Энгра, изображающимъ апотеозу Наполеона I; теперь Люксембургскій музей обогатился новымъ образцовымъ произведеніемъ этого артиста. Сюжетъ картины принадлежитъ тоже исторіи Франціи или скорѣе поэзіи. Живописецъ изобразилъ Іоанну д'Аркъ. Вотъ сюжетъ картины, замѣчательной какъ по мысли, такъ и по исполненію: Реймскій соборъ приготовленъ къ торжеству коронаванія, стѣны украшены гербами, кадилницы курятся; солнце ярко свѣтитъ сквозь цвѣтныя окна. На ступеняхъ алтаря стоятъ Іоанна, протянувъ руку къ коронѣ Франціи, которой жизнь ея уже принесена въ жертву. Другою рукой она держитъ свою орифламу. Іоанна въ панцырѣ, но безъ шлема, который лежитъ у ея ногъ; длинная бѣлая туника, вышитая золотомъ, спускается къ ея ногамъ; тяжелый мечъ прикрѣпленъ къ поясу. Съ лѣвой стороны Іоанны Паскель, духовникъ героини, молится на колѣняхъ, и возлѣ него стоитъ Долонь, ея оруженосецъ; нѣсколько пажей составляютъ группу вдали, вотъ и вся картина. Артистъ не хотѣлъ представить ни Карла VII, ни его двора, за то все вниманіе зрителя сосредоточивается на чудной

фигурѣ дѣвушки, которая была проста и невинна, но храбра какъ Дюнуа и Ксентраль. Трудно описать словами выраженіе грусти и наивности прекраснаго лица, окруженнаго густыми свѣтлыми волосами. Черты Долона напоминаютъ самаго Энгра, хотѣвшаго вѣроятно напомнить, что онъ самый жаркій приверженецъ героини и защитникъ ея памяти. Талантъ артиста прекрасно выразилъ мысль, и кисть его живѣе словъ и стиховъ напомнила подвигъ Іоанны и заставила снова удивляться ей. Апотеозъ ея принадлежитъ къ образцовымъ произведеніямъ, приносящимъ честь живописцу.

Литература потеряла одного изъ лучшихъ своихъ представителей, талантливаго серьезнаго писателя Эмиля Сувестра, умершаго еще въ молодыхъ лѣтахъ. Авторъ *Послѣднихъ Бретонцевъ*, человекъ честный, трудолюбивый, нравственный, не любилъ шума, не искалъ похвалъ и былъ увѣренъ, что все сочиненія его написаны добросовѣстно, съ моральною цѣлью, отъ которой онъ никогда не отдалялся. Въ Германіи и Швейцаріи рассказы его имѣли огромный успѣхъ. Онъ недавно поселился въ Швейцаріи, гдѣ читалъ курсъ литературы, который издалъ потомъ подъ названіемъ *Литературныхъ и историческихъ бесѣдъ*, въ которыхъ разбираетъ Гомера, Данта, Шекспира и другихъ поэтовъ. Разумѣется, это не ученая критика, открывающая новые факты, но занимательные, вѣрные рассказы о великихъ людяхъ и ихъ произведеніяхъ, удобопонятные для читателей всехъ классовъ общества. При концѣ жизни онъ смѣло могъ сказать, что употребилъ съ пользою свой талантъ, и что ни одинъ поступокъ, ни одно слово, ни одна строка не могутъ заставить его краснѣть. Эмиль Сувестръ принадлежитъ къ рѣдкимъ людямъ; характеръ которыхъ и качества цѣнятся почти больше чѣмъ литературная ихъ слава, и это лучшая похвала писателю, особенно, въ наше время, когда французская литература не можетъ похвалиться нравственностью своихъ представителей.

Жоржъ Буске, музыкальный критикъ и бывший дирижеръ оркестровъ итальянской оперы и національнаго театра тоже умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, къ сожалѣнію всехъ артистовъ. Этотъ молодой человекъ имѣлъ большой музыкальный талантъ. Опера его *Табарень* имѣла значительный успѣхъ въ прошлую зиму, и въ портфель его нашли другое оконченное произведеніе, которое уже принято дирекціею Лирическаго театра и будетъ вскорѣ поставлено на сцену.

Все артисты, находящіеся въ Парижѣ, провожали своего любимаго товарища и участвовали въ похоронной службѣ, которая привлекла такую толпу слушателей, что и половина ея не могла помѣститься въ огромной церкви св. Винцента.

Недавно весь Парижъ былъ покрытъ огромными объявленіями, во-кругъ которыхъ толпились группы зѣвакъ.

Афиша начиналась слѣдующими словами:

«*Всемирная библіотека дастъ абонентамъ тотчасъ же пять франковъ...*»

Разумѣется, что эта фраза заинтересовала многихъ читателей, бросившихся въ контору библіотеки въ Сень-Мартенскую улицу, № 10.

Тутъ объяснилась загадка... нельзя сказать, чтобъ къ общему удовольствію.

Мысль всемирной библіотеки прекрасна и похвальна. Она хочетъ какъ можно болѣе распространить чтеніе лучшихъ произведеній литературы, за самое ничтожное вознагражденіе, такъ что за *пять франковъ* въ мѣсяцъ вы можете имѣть самое великолѣпное изданіе, стоящее двадцать или тридцать франковъ. Это большая выгода для бѣднаго класса, гораздо удобнѣе дешевыхъ ливрезоновъ, издававшихся недавно, въ которыхъ классическія произведенія печатались отрывками и все таки обходились недешево, потому что за нихъ надобно было платить каждую недѣлю. Всемирная же библіотека не требуетъ даже платы вдругъ, а *впритѣ* своимъ подписчикамъ до двадцати франковъ. Желательно, чтобъ это полезное учрежденіе имѣло успѣхъ.

Въ литературѣ дѣлаетъ много шума новое изданіе Комерсона подъ названіемъ «*Les Binettes Contemporaines*». Это комическій сколокъ съ біографій современниковъ, сочиненія Эжена Миркура, и написанъ такъ остроумно, что будетъ имѣть огромный успѣхъ. Одно эксцентрическое названіе привлечетъ много читателей; когда же пробѣгутъ юмористическіе очерки Мери, Ипполита Люка, Натареля и другихъ, то вѣроятно будутъ довольны. Комерсонъ издаетъ малоизвѣстный журналъ «*le Tintamarre*», и успѣхъ Миркура заставилъ его пародировать умныя біографіи-причинившія много неудовольствій и ссоръ между пишущею братією.

Вообще въ Парижѣ давно ведется обычай, что все, имѣющее успѣхъ, должно быть представлено въ карикатурѣ, къ какому бы роду произведеній оно не принадлежало. И это не только не сердитъ авторовъ, но, напротивъ, льститъ ихъ самолюбію. Многіе даже добиваются этой чести. Сколько пародій сдѣлано на романы Сю, пьесы Гюго и Дюма, игру Рашель и Леметра, на все открытія въ наукахъ, художествахъ, промышленности, на все замѣчательныя происшествія! И многіе находятъ, что эта комическая исторія гораздо занимательнѣе серьезной. *Современники Миркура* доставили ему много процессовъ, жалобъ, безконечную полемику и ненависть многихъ собратьевъ, хотя біографіи его написаны добросовѣстно, вѣрно и учтиво. *Бинетки* же Комерсона только заставляютъ

смѣяться самихъ оригиналовъ, а кто смѣется, тотъ обезоруженъ, говоритъ пословица.

Кромѣ карикатуръ, значительныя произведенія увлекаютъ подражателей, если не по содержанию сочиненія, то по крайней мѣрѣ подражателей заглавія. Такъ, напримѣръ, *Мемуары парижскаго мѣщанина* Верона послужили моделью остроумной и даже злой пародіи, подъ названіемъ: *Мемуары Бильбоке, другаго парижскаго мѣщанина*. Теперь вышелъ третій сколокъ съ этого же произведенія, названный: *Мемуары провинціального мѣщанина*. Авторъ этой книги, Мерикле, уже извѣстенъ превосходнымъ сочиненіемъ: *Парижская биржа*, имѣвшемъ большой успѣхъ. *Мемуары* же его, точно также какъ Мемуары Верона и Бильбоке, описываютъ Парижъ со всеми его опасными наслажденіями, тайными игорными домами, публичными балами, тайными обществами, блескомъ роскоши и страшной нищеты. Похожденія провинціала въ этихъ *адахъ* довольно забавны, но чаще грустны. Испытавъ все парижскія удовольствія, а болѣе неудовольствія, онъ возвращается въ свою провинцію и очень радъ, что успѣлъ спасти если не кошелекъ свой, то честь и сердце.

На дняхъ умеръ тоже членъ Института, извѣстный археологъ Рауль Рошетъ. Посреди предсмертныхъ страданій онъ успѣлъ написать слѣдующія строки:

«Послѣдняя моя просьба состоитъ въ томъ, чтобъ въ день моихъ похоронъ не читали рѣчей. Я хочу, чтобъ на моей могилѣ читали только молитвы, и чтобъ друзья мои молча пожалѣли обо мнѣ».

Французская академія уже нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ надъ оцѣнкою лучшихъ нравственныхъ сочиненій, достойныхъ получить награду Монтиона. Наконецъ она объявила свой выборъ. Нѣсколько религиозныхъ сочиненій признаны полезными для улучшенія нравовъ, и кромѣ того, переводъ Данта, Ратисбона, Жакъ Керъ, Пьера Клеманъ и Людовикъ XVII Бошена.

Леруа, смотритель версальской бібліотеки, нашелъ любопытный документъ, который сообщилъ публикѣ. Это счетъ расходовъ маркизы Помпадуръ, отъ 1745 до 1764 года.

Изъ этихъ отчетовъ слѣдуетъ, что г-жа Помпадуръ прожила въ это время *тридцать шесть милліоновъ*. Кромѣ полученныхъ подарковъ и суммъ, истраченныхъ единовременно на разныя фантазіи, маркиза получала въ мѣсяць сначала 2,400 ливровъ, потомъ 30,000 ливровъ, а наконецъ 40,000. Извѣстно, что она имѣла страсть къ постройкамъ, содержала своего отца, который дѣлалъ много долговъ, помогала многимъ бѣднымъ родственникамъ, и любила произведенія искусства.

Въ Консерваторіи музыки и декламации былъ годовой конкурсъ, на которомъ раздавались награды ученикамъ и ученицамъ всѣхъ классовъ. Онъ продолжался нѣсколько дней, и нѣкоторые изъ получившихъ награды подають большія надежды. Неизвѣстно только сбудутся ли они; а между тѣмъ давно уже чувствуютъ необходимость новыхъ талантовъ, особенно въ драматическомъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ которыхъ поръ не было ни одного порядочнаго дебютанта для драмы, трагедіи и комедіи. Извѣстные артисты, заслужившіе репутацію, уже состарѣлись въ своихъ амбуа, и пора бы замѣнить ихъ новыми талантами. Неужели Дюма правъ, увѣряя, что Консерваторія не въ состояніи образовывать первокласснаго артиста? Если изъ нея и вышли Рашель, Леметръ и нѣсколько другихъ талантовъ, то это, по мнѣнію Мушкетера, только счастливыя исключенія, а общимъ правиломъ можно принять то, что Консерваторія въ состояніи только создать хористовъ для оперъ, музыкантовъ для оркестровъ и композиторовъ для водевильныхъ куплетовъ. Это, разумѣется, уже слишкомъ преувеличено, однако не смотря на ежегодныя поощренія, на огромныя средства Консерваторіи, на отличныхъ учителей во всѣхъ родахъ, все таки въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не явился ни одинъ замѣчательный талантъ, и роли молодыхъ героевъ играютъ Леметръ, Меленгъ, Бокажъ, Лакресоньеръ и другіе артисты, которымъ всѣмъ близъ пятидесяти лѣтъ. Вотъ почему можетъ быть и драматическіе писатели не создаютъ ничего примѣчательнаго, и сочиняя пьесы, принаравливаются къ средствамъ артистовъ, искажая характеры иногда даже историческихъ лицъ, и все потому, что на каждой сценѣ всегда одинъ гениальный артистъ, для котораго пишутся роли, а всѣ другіе персонажи только даютъ ему реплики. Будемъ однако надѣяться, что успія Консерваторіи будутъ имѣть удовлетворительные результаты, и что появятся новый Тальма, новая Марсъ, которые докажутъ Дюма, что и въ Консерваторіи могутъ образоваться таланты.

Дворецъ промышленности быстро подвигается къ концу и общааетъ превзойти великолѣпнѣмъ Сейденгемскій дворецъ и всѣ кристаллыя зданія, которыя теперь въ такой модѣ, что скоро не только столичныя города, но и незначительныя селенія захотятъ непременно имѣть свой собственный кристаллыный домъ, хоть бы онъ былъ величиною въ кошакъ, которымъ садовники покрываютъ дыни и арбузы. Давно ли страсть къ статуямъ и надгробнымъ памятникамъ была такъ велика, что воздвигали монументы самымъ незначительнымъ людямъ и даже живымъ знаменитостямъ, только чтобъ непременно на каждой площади или на рынкѣ возвышалась статуя, которую жители могли бы гордиться. Теперь же Пакстонъ, этотъ необыкновенный человѣкъ, сдѣлавшійся изъ садов-

ника великимъ архитекторомъ, избрѣлъ новый родъ постройки по плану оранжерей, совершенно удавшійся для временной выставки въ гейдпаркъ и усовершенствованный для Сейденгемскаго дворца. Компанія этого дворца и Пакстонъ рѣшили уже соорудить подобные же дворцы въ Эдимбургѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ, въ которыхъ будутъ музеи, базары, бальныя залы, выставки, словомъ мѣсто любимыхъ сходбищъ для жителей всего города. Америка уже давно присвоила себѣ открытіе Пакстона, и французскій скрипачъ-композиторъ Жюльенъ давалъ свой прощальный концертъ въ кристалльномъ дворцѣ Нью-Йорка, гдѣ собралось *двадцать пять тысячъ слушателей!* Кажется еще ни одна артистическая знаменитость не собирала такой многочисленной публики. Не мудрено, что послѣ такого концерта онъ пріѣхалъ въ Парижъ, отдохнуть отъ восторговъ и похвалъ американцевъ, которые провозгласили его гениальнымъ музыкантомъ. Вѣроятно Янкамъ надобно аплодировать артистамъ, прославленнымъ въ Европѣ, и они хотѣли сами составить репутацію молодого артиста Жюльена, хорошаго дирижера, одушевляющаго оркестръ, подобно Берліозу, но сочиненія котораго основаны на пошлыхъ эффектахъ, дѣлающихъ изъ музыки какую-то трескотню безъ мелодіи и гармоніи.

Парижскій дворецъ промышленности не весь кристалльный, потому что архитекторы почли это неудобнымъ и непрочнымъ въ парижскомъ климатѣ; но свѣтъ будетъ падать все-таки сверху, почему большая часть крѣпи будетъ изъ стеколъ.

Главный входъ, обращенный къ большой аллеѣ Елисейскихъ полей, изображаетъ триумфальную арку Максимъ Севера въ Римѣ. Форма всего зданія имѣетъ видъ паралелограма. На сѣверномъ фасѣ находится Императорская дверь, великолѣпный фронтонъ которой уже оканчивають. Десять всадниковъ въ полномъ вооруженіи могутъ вѣхать въ рядъ въ эту дверь.

Внутри зданія по всемъ четыремъ сторонамъ устроена галерея въ одинъ этажъ, поддерживаемая четырьмя рядами чугунныхъ колоннъ. Надъ нею колоссальный желѣзный куполь кажется съ низу наброшеною блестящею паутиною, сквозь которую солнце освѣщаетъ огромную четырехъ-угольную залу, въ которой можетъ помѣститься весь садъ Палерояля. Зала имѣетъ 80 метровъ ширины и триста или четыреста длины. Десять полковъ пѣхоты могутъ маневрировать въ этой залѣ, и сто тысячъ зрителей помѣститься въ первомъ этажѣ галереи.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и галереи наполнятся товарами всехъ странъ, произведеніями искусства, безчисленными толпами зрителей, собравшихся со всехъ концовъ свѣта. Англійскія академіи наукъ и ис-

кусствѣ назначили уже депутатовъ изъ воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній королевства, которые будутъ отправлены на выставку на казенный счетъ, и потомъ должны представить описаніе о ней на конкурсѣ, въ которомъ назначены будутъ награды за лучшія сочиненія.

Географическое общество въ послѣднемъ засѣданіи слушало съ большимъ вниманіемъ отчетъ доктора Опперта, только что возвратившагося изъ путешествія по Азіатской Турціи. Онъ привезъ много занимательныхъ подробностей и рисунковъ развалинъ, на мѣстѣ которыхъ былъ древній Вавилонъ. Докторъ не успѣлъ еще доставить подробное описаніе своего любопытнаго путешествія, но вѣроятно въ скоромъ времени представить его публикѣ, вниманіе которой обращено теперь на Востокъ.

Театры въ Парижѣ представляютъ мало замѣчательнаго, потому что послѣдніе лѣтніе мѣсяцы самые невыгодные. Гости, навѣщающіе столицу лѣтомъ, уже разъѣхались, а обычная публика еще не вернулась съ дачъ и воль.

Ждутъ изъ Турина Понсара, обѣщавшаго тоже привезти новую пьесу, неизвѣстно еще въ какомъ родѣ. Только вѣроятно онъ не представитъ ее въ дирекцію французскаго театра, отказавшуюся отъ его комедіи *l'Honneur et l'argent*. Жоржъ Зандъ отдала на сцену Амбигю драму, въ которой главная роль назначена Бокажу.

Олеонъ откроется 1-го октября, тоже новою драмой въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ *Совѣсть*, сочиненія Александра Дюма и Локкруа.

Театръ водевиля открылся 15-го сентября новою пьесой и подъ новымъ начальствомъ директора Бойе, бывшаго прежде инспекторомъ театровъ. Онъ собралъ труппу изъ тридцати человекъ, между которыми находится Брендо, только что вышедшій изъ французскаго театра, Феликсъ, Делоне, г-жи Фаржелъ, Лютеръ, Арманъ и почти всѣ прежніе артисты водевиля. Будетъ ли этотъ директоръ счастливѣе своихъ предшественниковъ, покажетъ будущее.

Розина Штольцъ опять ангажирована на сцену Большой оперы. Вѣроятно она не довольна двухъ-лѣтнимъ пребываніемъ въ Италіи и Германіи, и вернулась въ Парижъ, гдѣ лучше умѣютъ цѣнить ея таланты.

Маріи Кабель тоже предлагали перейти на эту сцену, но превосходная пѣвица, сдѣлавшаяся извѣстною въ комической оперѣ, не хочетъ перемѣнять амплуа, чувствуя, что средства ея и родъ таланта не могутъ много выиграть въ серьезныхъ роляхъ, тогда какъ въ комическихъ она всегда будетъ на первомъ мѣстѣ. Притомъ же надобно очень много времени на изученіе репертуара Большой оперы, публика которой горазд

взыскательнѣе. Стало быть, хорошенькая г-жа Кабель, восхищающая теперь Лондонъ веселыми ролями, очень умно сдѣлаетъ, если не погонится за славою Крувелли и Гризи, и останется любимую примадонною комической оперы, репертуаръ которой гораздо разнообразнѣе и богаче всѣхъ лирическихъ театровъ Парижа.

«Золотыя сердца» Les sœurs d'or, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, былъ игранъ съ большимъ успѣхомъ на театрѣ Гимназіи. Онъ написанъ умно и занимательно двумя извѣстными писателями Леономъ Лайа и Жюлемъ Премарей. Это исторія любви въ молодости, которая кажется никогда не кончится, но которая разыгрывается при первомъ удобномъ случаѣ и забывается легко... мужчинами. Чтоже касается до бѣдныхъ жертвъ, то онѣ или окончательно погибають, или умирають несчастными, отказавшись отъ всѣхъ радостей, отъ общества, отъ семейства. Одинъ графъ и артистъ весело живутъ въ Парижѣ, и разумѣется, оба влюблены. Обѣ интриги кончаются тѣмъ, что графъ и артистъ найдя выгодныхъ невѣсть, оставляють женщинъ, пожертвовавшихъ имъ всѣмъ, не обезпечивъ даже ихъ будущности.

На этотъ сюжетъ авторы написали прекрасную пьесу, въ которой, разумѣется, больше драмы, чѣмъ водевиля. Характеры волокитъ довольно вѣрны; женскія роли въ этомъ родѣ всегда неблагодарны на сценѣ, но были прекрасно исполнены. *Золотыя сердца* долго останутся на сценѣ.

Театръ Разнообразія такъ и торопится ставить новыя пьесы одна за другою, и привлекаетъ публику если не достоинствомъ пьесъ, то новизною.

«Свадьба Мерлюше» Les Noces de Merluchet, веселый и даже немного эксцентрическій водевиль, чрезвычайно смѣшитъ публику. Дѣйствіе происходитъ въ средніе вѣки, когда феодальныя права въ полной силѣ. Поселянинъ Мерлюше женился на хорошенькой Луизѣ, и долженъ въ день свадьбы представить жену барону де ла Петодіеру. Молодой въ отчаяніи, боится, что красота Луизы сдѣлаетъ на барона сильное впечатлѣніе, и онъ, пожалуй, не позволитъ жениться на ней своему вассалу. Вдругъ къ Луизѣ подходитъ молодая женщина, неизвѣстная въ селеніи и предлагаетъ, чтобъ Мерлюше свелъ ее подъ покрываломъ вмѣсто Луизы въ замокъ... Эта женщина—переодѣтый шевалье де Люссанъ, который хочетъ во что бы то ни стало проникнуть въ замокъ барона, чтобъ увидѣться съ его племянницею, въ которую влюбленъ и которую дядя держитъ взаперти и хочетъ выдать замужъ за старика.

Мерлюше является съ незнакомкой къ барону, и увидя лакея въ

богатой ливреѣ, а барона въ простомъ костюмѣ, принимаетъ перваго за барона, а втораго за слугу. Во время комической сцены, собравшей въ одну комнату всѣхъ жителей замка, которые не устаютъ смѣяться надъ новобрачнымъ, мнимая молодая пробирается въ комнату племянницы барона и уводитъ дѣвushку, оставивъ записку, что женится на ней въ этотъ же день.

Только что баронъ прочиталъ это, какъ велѣлъ тотчасъ же посадить Мерлюше въ тюрьму и позвать судъ, чтобъ приговорить преступника къ смертной казни. Что я сдѣлалъ? кричитъ Мерлюше. Какой я преступникъ! пустите меня къ женѣ!—У тебя нѣтъ жены, отвѣчаютъ ему, потому что ты привелъ сюда мужчину! Положеніе Мерлюше самое комическое. Онъ не знаетъ чему вѣрить, не можетъ безъ ужаса подумать, что полюбилъ истинно Луизу, не подозревая, что она не женщина. Наконецъ, испуганный послѣдствіями суда, онъ чрезъ трубу бѣжитъ изъ тюрьмы. Дѣло объясняется на другой день, и Мерлюше женится окончательно на Луизѣ, а баронъ прощаетъ Шевалье де Люссана и свою племянницу.

Пьеса хорошо ведена и разыграна, и понравилась публикѣ, которая хотѣла въ продолженіе всѣхъ трехъ актовъ. Это самый лучший успѣхъ для водевиля.

«Провинціалъ, который формируется» Un provincial qui se forme, тоже хорошенькій водевилъ, который долженъ нравиться провинціаламъ. Серафина, молодая вдова, обязана по завѣщанію одного богатаго родственника, вытти непременно замужъ за одного изъ трехъ своихъ дальнихъ родственниковъ, или лишиться наслѣдства. Первый изъ претендентовъ Поллдоръ, настоящій парижанинъ, красивый, ловкій, одѣтый по послѣдней модѣ. Онъ играетъ на биржѣ и рассчитываетъ на наслѣдство, чтобъ удивить биржевыхъ агентовъ. На вдову же онъ обращаетъ мало вниманія, вполнѣ увѣренный, что она влюблена въ него.

Второй женихъ Коріоланъ, романтическій писатель, съ длинными желтыми волосами, въ отчаянномъ костюмѣ и съ драматическими фразами. Онъ говоритъ всѣмъ, что у него чахотка, но въ самомъ дѣлѣ эта болѣзнь давно у него въ карманѣ, и онъ ухаживаетъ за приданымъ тетушки.

Третій претендентъ настоящій провинціалъ, робкій, застѣчивый, неловкій, неувѣренный въ себѣ; но скоро любовь развиваетъ всѣ его достоинства. Онъ является благороднымъ, любезнымъ, остроумнымъ, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что вдова отдаетъ свою руку и богатства провинціалу Анахарсису. Парижане, наполнявшіе театръ, совершенно согласны съ нею, а провинціалы долго еще будутъ поддерживать эту пьесу.

«Плата тою же монетою» *Les represailles*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, первое произведеніе молодаго писателя, и потому о немъ нельзя судить строго, не смотря на его недостатки. Викторъ Манженъ пишетъ очень недурно повѣсти, романы, даже отдѣльныя сцены, но у него нѣтъ опытности или драматическаго таланта, чтобъ составить пьесу. Въ его комедіи разговоръ живъ и пріятенъ, характеры довольно вѣрны, хотя вѣчные фаты-спортмены и вдовы-кокетки могутъ наконецъ и надоесть. Притомъ, напрасно авторъ перенесъ дѣйствіе въ Парижъ, не зная хорошенько парижскихъ нравовъ. Самъ онъ, живи въ провинціи, гораздо лучше могъ изучить окружающіе его типы, а о столичныхъ жителяхъ не можетъ судить, потому что для этого надобно долго жить съ ними, а не довольствоваться рѣдкими и короткими поѣздками въ Парижъ. Стало быть, первая пьеса Манжена не удалась. Впрочемъ, это можетъ быть оттого, что сюжетъ очень избитъ. Лора любитъ Андре, и день свадьбы ихъ назначенъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ молодая вдова и начинаетъ кокетничать съ женихомъ. Лора плачетъ и жалуется бабушкѣ, что Андре не обращаетъ на нее никакого вниманія. «И ты плати ему тѣмъ же,» отвѣчаетъ бабушка. Лора начинаетъ кокетничать на-пропалую съ однимъ отчаяннымъ львомъ, и Андре, забывъ вдову, опять возвращается къ невѣстѣ. Вотъ и все. Подобная месь была уже въ столькихъ пьесахъ, что пора бы ее оставить и придумать что нибудь по новѣ. Эта вѣчная уловка женщинъ извѣстна даже дѣвочкамъ, и наивная Лора могла придумать ее сама, безъ совѣтовъ доброй бабушки.

Въ этой комедіи дебютировала вновь бывшая артистка петербургскаго театра г-жа Лажье. Она создала роли въ *Пятнадцати-лѣтней вдовѣ* и *Ужасномъ ребенкѣ* на сценѣ Разнообразія, и была тогда стройною, тоненькою, гибкою дѣвочкою. Теперь она очень перемѣнилась, и съ величественною наружностью ей можно смѣло итти на первыя драматическія роли.

«Господинъ Баннеле» *M. Vannelet*—небольшія забавныя сцены, написанныя очень умно. Старый профессоръ забрался во дворецъ просить у министра мѣста, и осыпанный насмѣшками, хочетъ уйти домой, но не зная дороги, пугается въ дверяхъ и попадаетъ въ кабинетъ министра, гдѣ успѣваетъ прежде всѣхъ переговорить съ нимъ. При выходѣ его отъ министра, лица, осмѣявшія его, лъстятъ ему, просятъ его покровительства, предлагаютъ свои услуги.

Антиподы, или Парижъ и Пекинъ (*Las Antipodes ou Paris et Peking*). Фарсъ довольно удачный, новый и къ тому же короткій. Дѣйствіе происходитъ въ одно время въ Парижѣ и Пекинѣ, и выходитъ,

что за исключеніемъ костюмовъ и декорацій, нравы и поступки жителей обѣихъ столицъ имѣютъ большое сходство. Сцена раздѣлена на двѣ половины. Съ одной стороны китайскій будуаръ, съ другой квартира въ Парижѣ. Съ обѣихъ сторонъ двѣ молодыя дѣвушки жалуются на судьбу: старые опекуны ихъ хотятъ насильно на нихъ жениться, и не позволяютъ видѣться съ молодыми Альмавивами Китая и Франціи. Разумѣется, что обѣ Розины, не смотря на раздѣляющее ихъ пространство, кончаютъ тѣмъ, что дурачатъ своихъ Бартоло, какъ будто обѣ родились подъ небомъ Испаніи. Подобные фокусы не долговѣчны на сценѣ, но нравятся тѣмъ, что смѣшать. И этого довольно.

Театръ Веселости поставилъ ужасную драму, подъ названіемъ: «Арденскій вепрь» (*Le sanglier des Ardennes*). Неужели вернулись опять блаженные времена, когда мелодрамы Пиксерикюра были въ большой модѣ и нѣсколько часовъ терзали публику всевозможными ужасами, убійствами, привидѣніями, страшными преступниками, невинными жертвами и окончательнымъ вельколѣннымъ эффектомъ, потрясающимъ сердца зрителей неожиданностью.

Вепрь Арденскій выкроенъ по этой же мѣркѣ Эмилемъ Вандербуркомъ, и успѣхъ его доказываетъ, что вкусъ публики не измѣнился, и что она послѣ чахоточныхъ драмъ и наивныхъ пословицъ все таки предпочитаетъ мелодрамы съ трескучими эффектами. И она совершенно права. Публика, особенно бульварныхъ театровъ, засыпаетъ, слушая острый разговоръ какого нибудь графа и маркизы, которые поговорятъ очень блистательно о разныхъ мелочахъ и разойдутся. Она любитъ сильныя впечатлѣнія и хочетъ, чтобъ ее заставляли плакать, смѣяться, дрожать отъ страха, вскрикивать отъ восторга. И директоръ Веселости совершенно правъ, что для своей пользы и для удовольствія зрителей взялъ *вепря* изъ того же зоологическаго музея, гдѣ занимаютъ первыя мѣста *Сорока воронка* и *Обрѣва собака*.

Названіе вепря получилъ графъ де ла Маркъ, за то, что давно уже принялъ обыкновеніе обижать своихъ сосѣдей, грабить ихъ, жечь ихъ замки, убивать прохожихъ и проѣзжихъ.

Король Людовикъ XI, узнавъ о подобныхъ безпорядкахъ въ своемъ государствѣ, отправляется въ замокъ вепря подъ чужимъ именемъ, чтобъ уличить графа въ разбойничествѣ, но графъ этотъ хитеръ и, узнавъ короля, ловко отдѣляетъ его отъ придворныхъ, и всѣхъ ихъ поодиночкѣ сажаетъ въ комнаты, откуда они никакъ не выйдутъ.

Въ замкѣ графа ходитъ по ночамъ привидѣніе, пугающее самаго вепря, увѣреннаго, что привидѣніе это должно сидѣть подъ крѣпкимъ замкомъ въ какомъ-то подвалѣ. Это жена графа, которую грозный мужъ за

перъ въ подземельѣ вмѣстѣ съ дочерью. Но, такъ какъ давно извѣстно, что дѣвушка невозможно нигдѣ спрятать, то пажъ Аймаръ какъ-то нечаянно открылъ квартиру несчастныхъ страдалицъ, и пускаетъ мать прогуливаться по ночамъ, а самъ занимается воспитаніемъ дочери, предчувствуя, что она выгодная невѣста. Привидѣніе, подобравъ вѣроятно ключи ко всѣмъ дверямъ, видится съ заключенными, и берется спасти короля. Вепрь узнаетъ продѣлки пажа, и клянется всѣхъ истребить. Публика въ страхѣ за привидѣніе, дочь ея, Тристана, Оливье ле Денъ, пажа... жизнь ихъ на волоскѣ; но вдругъ сосѣди графа, выведенные изъ терпѣнія его поступками, окружаютъ замокъ и вызываютъ его на смертный бой. Онъ соглашается драться съ ними по-очереди, и тогда начинается блистательный бой на мечахъ, копьяхъ, кинжалахъ, палашахъ и дубинахъ. Вепрь какъ ни храбръ, но не могъ устоять противъ такого арсенала, и умираетъ, изрубленный въ куски. Публика хлопаетъ съ восторгомъ. Жертвы вепря спасены.

Разумѣется, что обдумавъ все хорошенько, чепуха эта покажется смѣшною, но на сценѣ, при богатой монтировкѣ, при увлекательной игрѣ и быстрыхъ переменѣхъ, все это сильно поражаетъ и не даетъ опомниться. Ничего нѣтъ мудренаго, что вепрь будетъ имѣть продолжительный успѣхъ.

Театръ Амбигю тоже поставилъ блистательную драму съ страшнымъ названіемъ и запутаннымъ дѣйствіемъ, но она гораздо выше Вепря по литературному достоинству и потому, вѣроятно, успѣхъ ея будетъ не такъ ничтоженъ.

Harry le diable—это Генрихъ Валлійскій, самый отчаянный изъ молодежи своего времени. Ужиная въ тавернѣ, толпа молодыхъ людей пьетъ, поетъ и играетъ въ кости, и Гарри, проигравъ деньги, предлагаетъ итти гулять и похитить первую попавшуюся дѣвушку. Эдгаръ, графъ Нортумберлендскій, сохранившій еще свой рассудокъ, уговариваетъ друзей быть осторожнѣе, но его не слушаютъ; и Гарри похищаетъ Люси, дочь лорда Спенсера, которую Эдгаръ любитъ. Тотъ, чтобъ спасти ее, посылаетъ за конетаблемъ, и Гарри вмѣстѣ съ товарищами отведенъ въ тюрьму.

Во второмъ дѣйствіи Эдгаръ женатъ на Люси, а Гарри сдѣлался важнымъ лицомъ въ Англіи. Однако онъ не забылъ ни красоты графини, ни измѣны Эдгара, и чтобъ овладѣть Люси, обвиняетъ мужа ея. Тотъ долженъ погибнуть, но молодая женщина рѣшается сама отравиться. Наконецъ бывшему Гарри становится совѣстно, и онъ прощаетъ графа и отказывается отъ графини.

Піеса была прекрасно обставлена и разыграна довольно бѣгло. Шарль Леметръ былъ превосходный Эдгаръ. Этотъ молодой человекъ съ каж-

дою ролью выказываетъ больше дарованія, такъ что имя его на афишѣ означаетъ успѣхъ пьесы. Хорошо еслибъ онъ во всемъ былъ второй Леметръ.

«Сусанна» (Suzanne), драма въ шести дѣйствіяхъ, была играна тоже на этомъ театрѣ, но не имѣла успѣха, можетъ быть потому, что герои ея простые современные мошенники, а не вепри и діаволы. Тутъ тоже безконечная исторія жалостной судьбы матеря, которая бросила дѣтей, мужа, и убѣжала съ кассиромъ мужа, не забывшимъ взять съ собою и кассу. Послѣ этого пролога можно ли требовать, чтобъ Сусанна была интересна для публики, чтобъ страсть Монталья извиняла его воровство? Въ продолженіе всѣхъ шести актовъ, Сусанна, брошенная Монталемъ, раскаивается, проситъ прощенія и хочетъ видѣть дочерей. Монталь же разбогатѣвъ въ Америкѣ, пріѣзжаетъ во Францію, и за пощечину, полученную отъ банкира, мужа Сусанны, собирается отомстить жестоко. Но мать узнаетъ о намѣреніяхъ его и мѣшаетъ имъ. За это мужъ ея прощаетъ; но она уже отравилась, потому что жизнь ей невыносима. Монталья же застрѣливаетъ банкиръ, когда тотъ влезалъ къ нему въ окно для совершенія преступленія.

Не смотря на усилія артистовъ, прекрасно выполнившихъ свои роли и на нѣкоторыя эффектныя, хорошо написанныя сцены, пьеса все таки неудалась. Эти убійства, отравленія, похищенія нейдутъ къ нашимъ нравамъ и костюмамъ. Это урокъ писателямъ, чтобъ они брали подобные сюжеты изъ временъ давнопрошедшихъ.

Театръ Палерояля не думалъ отдыхать, не смотря на кавикулярное время. Онъ слѣдуетъ примѣру театра Разнообразія, который заботится только о томъ, чтобъ было какъ можно больше пьесъ, а дѣло публики выбирать, которыя лучше и должны остаться въ репертуарѣ. Система эта прекрасна, но очень невыгодна для артистовъ, которые должны трудиться, учить безконечныя роли, репетировать, и все для того, чтобъ послѣ двухъ или трехъ представленій бросить пьесу и приняться за другую.

Театръ Палерояля владѣетъ маленькимъ феноменомъ, Целиною Монталанъ, восьмилѣтнею дѣвочкою, показывающею на сценѣ необыкновенныя способности какъ въ танцахъ, такъ въ пѣніи и игрѣ. Дирекція, боясь, чтобъ она не выросла, заказываетъ для нея пьесы, и миниатюрная артистка съ готовностью играетъ всѣ роли.

Une Majesté de dix ans довольно забавный водевиль, хотя и написанъ только для маленькой Целины. Десятилѣтній король Людовикъ XV окруженъ игрушками. Онъ дѣлаетъ курочекъ изъ важныхъ бумагъ, вскакиваетъ на спину министровъ, словомъ онъ совершенно счастливъ,

какъ вдругъ встрѣчаетъ свою молочную сестру Марцелину въ слезахъ. Молодая дѣвушка рассказываетъ королю, что жениха ея взяли въ солдаты, и свадьба ихъ отложена. Людовикъ XV берется устроить это дѣло, лишь-бы только Марцелина не плакала. Въ самомъ дѣлѣ, маленькій король ласками и угрозами заставляетъ министра освободить жениха Марцелины отъ службы, обѣщая за это твердо выучить урокъ. Министръ исполняетъ прихоть ребенка; но когда дѣло доходитъ до урока, то оказывается, что Людовикъ XV и не начиналъ учить его. Тогда Марцелина изъ благодарности научаетъ его, чтобъ онъ положилъ тетрадь въ шляпу и читалъ по ней, что удается совершенно. Стало быть, всѣ счастливы: Марцелина выходитъ замужъ, ребенка всѣ хвалятъ за его успѣхи, профессора его за стараніе.

Маленькая артистка была чрезвычайно мила, была вызвана и осыпана конфетами.

Въ пьесѣ *Cerisette en prison* она играетъ непослушную ученицу, которую въ наказаніе заперли одну въ карцеръ. Дѣвочка со скуки поетъ и танцуетъ, потомъ узнаетъ, что у нея есть сосѣдъ, тоже наказанный шалунъ; она рассказываетъ ему свои несчастія, и тотъ отдаетъ ей свой завтракъ, состоящій изъ печенки и стакана вина.

Эти сцены очень забавны и доказываютъ разнообразіе таланта маленькаго феномена, который обѣщаетъ много въ будущемъ.

La pile de Volta основанъ на томъ, что нѣкто Вольта чрезвычайно ревнивъ, и всякаго прохожаго, взглянувшаго нечаянно на жену его, колотитъ палкою.

Однажды молодой человѣкъ останавливаетъ его на улицѣ и спрашиваетъ улицу, домъ и номеръ. Такъ какъ это его собственная квартира, то онъ вмѣсто отвѣта нападаетъ на незнакомца и колотитъ его, думая, что тотъ непременно влюбленъ въ его жену.

Возвратясь домой, онъ дѣлаетъ женѣ сцену за невѣрность ея, какъ вдругъ приносятъ ему молодаго человѣка, котораго онъ недавно поколотилъ. Тутъ уже Вольта не сомнѣвается, и хочетъ доколотить негодая, но тотъ останавливаетъ его словомъ: дядюшка! Въ самомъ дѣлѣ, это его племянникъ, пріѣхавшій изъ провинціи, чтобъ жениться на молодой родственницѣ Вольты. Ревнивецъ успокоивается наконецъ, и обѣщаетъ вылечить племянника и дать приданое его невѣстѣ. Стало быть и побой иногда бываютъ выгодны.

Водевиль не имѣлъ большаго успѣха.

«Смерть Помпея» *La Mort de Pompee!* Какое заманчивое названіе для водевиля, и какъ публикѣ не полюбопытствовать, что это за Помпей, выведенный Жюлемъ Кордье. Въ первомъ дѣйствіи, два молодые

человѣка хотять лишить себя жизни въ Булонскомъ лѣсу. Оскаръ собирается повѣситься, потому что разорень, разочарованъ, и ему не остается ничего болѣе въ жизни. Гекторъ де Серней хочеть застрѣлиться съ отчаянія, что ему измѣнила его возлюбленная. Самоубійцы объясняются предъ смертію. Гекторъ обѣщаетъ Оскару заплатить его долги, Оскаръ уговариваетъ Гектора быть философомъ—и оба отдумываютъ умярять. О Помпей ни слова.

Во второмъ дѣйствіи дочь банкира Дюбреля, Женни, скучаетъ, что давно не видитъ Оскара, который забавлялъ ее своими шутками и развлекалъ отъ какого-то тайнаго горя. Вдругъ Оскаръ являеться весь въ новомъ платьѣ, какъ журнальная картинка, и видя радость дѣвушки, воображаетъ, что она любитъ его, и тотчасъ же просить руки ея у Дюбреля, показывая портфель, туго набитый банковыми билетами. Банкиръ, зная бѣдственное состояніе повѣсы, воображаетъ, что деньги украдены, что Оскаръ мошенникъ и можетъ быть, убійца, и пославъ за полицією, сажаетъ его въ тюрьму. Опять никакого Помпея.

Въ третьемъ дѣйствіи балъ у Дюбреля, и Гекторъ объясняется съ Женни, которую любитъ, и которая не думала ему измѣнять. Оскара же выпускають изъ тюрьмы и женять на богатой невѣстѣ, которая увозить его въ провинцію.

Но гдѣ же Помпей, гдѣ смерть его? спросить зритель. Помпей—это лошадь Женни, которая понесла ее однажды въ Булонскомъ лѣсу, и Гекторъ спасъ дѣвушку отъ гибели тѣмъ, что убилъ лошадь и принесъ Женни домой, послѣ чего, разумѣется, влюбился въ нее. Отъ этой смерти Помпея и произошелъ весь водевиль.

Пьеса не дурно написана и хорошо разыграна. Роль Оскара особенно состоитъ изъ отчаянныхъ каламбуровъ не всегда удачныхъ, но смѣшныхъ до чрезвычайности. Она одна выкупаеть всѣ несообразности, но все таки *смерть Помпея* не долго останется на афишѣ, потому что одной роли и каламбуровъ мало, чтобъ составить порядочную пьесу. Странно, какъ авторъ не помѣстилъ въ ней Целину. Маленькая артистка, можетъ быть, поддержала бы этотъ плохой фарсъ, достойный времени *Помпея*. Въ наше время публика взыскательнѣе.

Delassements comiques поставилъ «Лѣтнее воскресенье», Un dimanche d'été, хорошенькій водевиль à propos, имѣвшій успѣхъ, потому что очень вѣрно изображаетъ жизнь парижскихъ лавочниковъ и бѣдныхъ чиновниковъ, которые ждуть съ нетерпѣніемъ воскресенья, чтобъ нагуляться вдоволь на цѣлую недѣлю. Все семейство встаетъ въ этотъ день вмѣстѣ съ солнцемъ. Мужъ надѣваетъ черный фракъ, бѣлый галстухъ, жена и дочь легкія платья и свѣженькія шляпки, укладываютъ

пирогы, дичь и вино, и отправляются въ Монморанси или въ другое загородное мѣсто, чтобъ провести весь день на чистомъ воздухѣ. Словомъ подобную картину можно найти со всеми подробностями въ романахъ Поль-де-Кока. Прибавьте къ этому любовную интригу, проливной дождь, разорванное платье, комическія сцены старой дѣвы, отказывающей все имѣніе своей собакѣ, которая пропадаетъ, и которую все бросаются отыскивать, чтобъ получить приличную награду. Водевиль этотъ веселъ, остроуменъ, занимателенъ и будетъ имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что разыгрывается съ большою живостью и увлеченіемъ.

«Осень гуляки» *L'automne d'un fageur*, тоже не дурно написанный водевиль, который смѣшитъ до слезъ. Одинъ гуляка, насладившись всеми возможными увеселеніями, женится и хочетъ вести самую тихую жизнь. Но жена его не согласна сидѣть все дома съ мужемъ, и хочетъ непременно понасть на балъ. Для этого она дѣлаетъ куклу, которую одѣваетъ въ свое платье, чепчикъ, и кладетъ ее на постель, а сама уѣзжаетъ на балъ. Мужъ, войдя къ женѣ, будитъ ее, разговариваетъ съ нею, спрашиваетъ, куда она спрятала спички, потому что ему нечѣмъ зажечь свѣчу. Кукла все молчитъ. Наконецъ онъ дотрогивается до нея, и чувствуя холодное тѣло, думаетъ, что жена его умерла. Онъ въ отчаяніи бѣжитъ за докторомъ; но жена возвращается съ бала недовольная, потому что ее тамъ обидѣли, и ложится на мѣсто куклы. Мужъ и докторъ находятъ, что покойница ожила и къ тому же еще согласна отказать отъ баловъ. Пьеса понравилась публикѣ.

Вотъ еще нѣсколько самыхъ свѣжихъ театральныхъ новостей изъ Парижа. Театръ Большой Оперы или Императорская академія музыки отошла изъ-подъ управленія антрепренера и переходитъ въ казенное управленіе, какъ это было со временъ Лудовика XIV до Карла X. Рокепланъ оставленъ однако директоромъ этого театра. Въ залѣ дѣлаютъ много перемѣнъ и улучшеній. Публика ждетъ новыхъ произведеній и новыхъ артистовъ. Неизвѣстно еще исполнятся ли ожиданія.

Комическая опера поставила на сцену новое произведеніе Варнея, либретто для котораго написалъ извѣстный драматургъ Поль Фуше, почему многіе критики говорятъ, что музыка была совершенно лишнею, и что пьеса имѣла бы успѣхъ и безъ нея. Однако надобно сознаться, что Варней не только не испортилъ *Оперы въ лагерь*, но еще нашелъ много новыхъ пріятныхъ мотивовъ, которые такъ легки, что ихъ поютъ уже вездѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1715 году, на канунѣ сраженія при Фонтенуа, въ лагерѣ маршала де Сакса, гдѣ находится оперная труппа и хорошенькая пѣвица Фаваръ, которую знаменитый маршалъ преслѣдуетъ

своею любовью. Главная интрига состоитъ въ томъ, что одинъ сержантъ обвиняется въ мародерствѣ и долженъ быть судимъ военнымъ судомъ, но Фаваръ, узнавъ, что онъ былъ на свиданіи съ дочерью сосѣдняго фермера, берется спасти его. Она кокетничаетъ съ маршаломъ, спрашиваетъ его; однако несмотря на это, маршалъ отказывается, потому что правила дисциплины не могутъ быть измѣняемы по капризу. Тогда г-жа Фаваръ рѣшается на хитрость, и прося маршала подписать привилегію опернаго театра, незамѣтно подмѣняетъ бумагу, и главнокомандующій нечаянно подписываетъ прощенье сержанту, который женится на фермершѣ.

Въ піесѣ нѣтъ никакихъ эффектовъ и даже очень мало дѣйствія, но она написана превосходно, характеры вѣрны и главная роль пѣвицы Фаваръ создана художнически.

Варней, написавшій музыку этой оперы, извѣстенъ уже давно въ музыкальномъ мірѣ. Его оперетка *le Moulin joli* играется и теперь на театрѣ Велоселости съ большимъ успѣхомъ и была играна у насъ, на Михайловскомъ театрѣ. *Опера въ лагерѣ* тоже вѣроятно долго удержится на сценѣ, тѣмъ болѣе, что разыграна превосходно; г-жа Фавель пѣла ничуть не хуже настоящей Фаваръ, и композиторъ написалъ для нея большую арію, наполненную трудностями, въ которой она могла выказать весь свой талантъ и рѣдкую методу. Особенно аллегро аріи, написанное на тему вальса, чрезвычайно понравилось публикѣ, потребовавшей повторенія. Военный хоръ въ первой сценѣ и маршъ произвели тоже большой эффектъ. Вообще успѣхъ Варнея былъ значительный и заслуженный, и публика вправѣ ожидать отъ него новаго большаго произведенія, потому что таланта композитора достанетъ и не на одинъ актъ.

Театръ Разнообразія поставилъ еще три новые водевила почти на одной недѣлѣ, и всѣ они имѣютъ нѣкоторыя достоинства.

Si ma femme le savait! очень забавная и хорошо разыгранная піеса. *Если бы жена моя знала!* говоритъ Гросперонъ, отправляясь тихонько на загородный балъ, куда провожаетъ двухъ хорошенькихъ гризетокъ; *если бы она видѣла меня*, продолжаетъ онъ, предлагая своимъ спутницамъ букеты, ужинъ, шампанское и танцуя съ ними отчаянныя польки. Что, если жена узнаетъ! шепчетъ онъ опять, провожая гризетокъ домой въ десятый этажъ.

И чтожь? жена узнаетъ всѣ шалости мужа. Она слѣдитъ за нимъ уже давно и наконецъ застаётъ въ комнатѣ гризетокъ, гдѣ рѣшается объясниться въ послѣдній разъ и потомъ разстаться съ нимъ. Къ счастью дѣло объясняется очень просто. Гросперонъ въ молодости жилъ очень весело и потерялъ свою дочь посреди удовольствій. Одна

изъ гризетокъ поразила его чрезвычайнымъ сходствомъ съ ея матерью, которой онъ когда-то обѣщалъ заботиться о ребенкѣ, и Гросперонъ слѣдитъ вездѣ за молоденькою Лелією, чтобъ предохранить ее отъ несчастій и отъ прикащиковъ. Стало быть, только отцовская любовь, а не невѣрность заставляла его въ почтенныхъ лѣтахъ бѣгать по баламъ, пить шампанское, танцовать мазурку. Супруга прощаетъ его и выдаетъ Лелію замужъ.

Публика приняла этотъ водевиль съ такими рукоплесканіями, не смотря на лѣтнее время, что можно сказать смѣло: успѣхъ водевиля былъ зимній.

Другой водевиль *Un Spahi*, составленъ тоже очень удачно. Въ немъ главную роль играетъ слѣпой случай.

Случай привелъ одного молодаго офицера спаговъ въ Парижъ, гдѣ его хотятъ посадить за долги въ тюрьму, и онъ, убѣгая отъ полицейскаго комиссара, вбѣгаетъ въ первый домъ, понавѣяшійся ему на дорогѣ.

Случилось, что онъ въ этомъ домѣ встрѣчаетъ одного пріятеля, который платитъ его долги и за это рассказываетъ свою печальную исторію, говоря, что онъ влюбленъ безнадежно въ одну молодую дѣвушку, и что родители ея, гордые аристократы, не соглашаются на этотъ бракъ.

Видя печаль своего благодѣтеля, офицеръ берется уладить это дѣло, увѣренный, что случай, благопріятствующій ему всегда, не измѣнитъ и на этотъ разъ. И вотъ молодой повѣса отправляется къ графу и графинѣ съ двумя талисманами въ карманѣ. Это черный клокъ волосъ изъ хвоста лошади Граціелы, спасшей ему жизнь въ сраженіи, и нѣсколько векселей, уплаченныхъ его другомъ.

Между прочимъ, въ разговорѣ съ графомъ, африканскій воинъ узнаетъ, что старый аристократъ былъ когда-то очень чувствителенъ къ танцамъ Испанки Розиты, и догадываясь, что они были знакомы между собою, смѣло говоритъ, что Розита все еще помнитъ его и прислала ему прядь своихъ черныхъ волосъ. Графъ въ восторгѣ; но спагъ отдаетъ волосы только на томъ условіи, что тотъ согласится на бракъ дочери съ его другомъ.

Потомъ, отправляясь къ графинѣ, офицеръ сочиняетъ другой романъ съ тайною страстію, свиданіями, путешествіемъ, и такъ какъ случай не перестаетъ благопріятствовать своему любимцу, выходитъ, что романъ спага есть истинное происшествіе. Онъ даже говоритъ, что въ рукахъ его находятся письма графини, и та умоляетъ уничтожить ихъ, обѣщая исполнить все, что онъ захочетъ. Офицеръ требуетъ согласія на бракъ друга, и великодушно сжигаетъ свои векселя, благодаря въ душѣ *случай*.

Уморительна сцена, когда графъ и графиня узнаютъ, что повѣса ихъ одурачилъ, но свадьбы уже нельзя остановить, и потому они поневолѣ прощаютъ эту шалость. Пьеса весела, жива, остроумна и прекрасно разыграна. Послѣ такого успѣха нечего говорить, что она неправдоподобна. Успѣхъ оправдываетъ и не такіе случаи.

Thibaut l'ébéniste, недурно написанный водевиль, хотя сюжетъ его не очень новъ. Одна баронесса дала на сохраненіе Тибо ящикъ съ какими-то бумагами. Мужъ ея подозрѣваетъ, что въ ящикѣ находятся письма, доказывающія вѣтренность супруги, и чтобъ увѣриться въ этомъ, возбуждаетъ ревность жены Тибо, говоря, что въ ящикѣ хранится корреспонденція ея мужа съ одной танцовкой. Тибо, узнавъ объ этомъ, прячетъ письма баронессы въ другое мѣсто, а въ ящикъ кладетъ письма барона къ этой же танцовщицѣ! Можно вообразить себѣ удивленіе стараго Ловеласа и ревнивой жены. Баронъ проситъ прощенія у жены, что смѣлъ подозрѣвать ее, а ревнивица обѣщаетъ мужу исправиться. Пьеса понравилась публикѣ если не по содержанію, то потому что была прекрасно разыграна.

На сценѣ Folies-dramatique смѣшить до слезъ небольшой водевиль: Deux messieurs claqués. Англичанинъ и французъ поссорились на станціи желѣзной дороги и наконецъ подрались и назначили дуэль. Въ это время поѣздъ отправился, и они остались вдвоемъ въ темную ночь, вдали отъ всякаго жилья. Рѣшившись кое-какъ добраться до ближняго города, враги принуждены идти вмѣстѣ по ужаснымъ дорогамъ и въ проливной дождь. Англичанинъ какъ настоящій джентльменъ предлагаетъ врагу половину своего зонтика, французъ, чтобъ не оставаться въ долгу, достаетъ какую-то телѣгу и приглашаетъ довести Джонъ Буля. Непріатели послѣ долгаго пути заблудились въ лѣсу и останавливаются въ хижинѣ дровосѣка. Тотъ даетъ имъ комнату и одну кровать. И такъ враги принуждены и послѣднюю ночь провести вмѣстѣ. Они опять есортятся, спорятъ за кровать, опять готовы драться, но усталость одолеваетъ ихъ, и они крѣпко засыпаютъ на одной постелѣ. На другой день они смѣются надъ своими происшествіями и отправляются опять на желѣзную дорогу, продолжать свое путешествіе. водевиль смѣшить сначала до конца, стало быть его будутъ давать часто. Успѣхъ смѣха всегда продолжительнѣе успѣха слезъ.

Régéparation. Подъ этимъ названіемъ поставили новый водевиль на театрѣ Палерояля, имѣвшій значительный успѣхъ. Гарнье, извѣстный ученый, объявилъ въ газетахъ, что беретъ приготовить молодыхъ лю-

дей къ экзаменамъ по всеѣмъ отраслямъ наукъ; другъ его Менвиль присылаетъ къ нему изъ Орлеана сына своего Амедея, чтобъ онъ кончилъ образованіе. Но молодой человѣкъ, полагающій, что онъ уже довольно знаетъ, поспѣшилъ по пріѣздѣ въ Парижъ влюбиться, а къ профессору послалъ вмѣсто себя фермера Бенуа, общая ему порядочную сумму. Гранье принимаетъ мнимаго сына своего друга со всевозможными учтивостями, ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его на убой, и фермеръ совершенно счастливъ. Когда же дѣло доходитъ до Эуклида или Сенеки, ученикъ вдругъ чувствуетъ себя нездоровымъ, и ученіе откладывается. Впрочемъ, профессоръ обращаетъ мало вниманія на странныя манеры и неграмматическія выраженія Бенуа, потому что самъ занятъ крестинами своего перваго сына. Дочь его уже оканчивала воспитаніе въ одномъ пансіонѣ, и переписывалась съ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ. Однако все таки онъ задаетъ своему ученику сочиненіе, и тотъ, умѣя едва подписать свое имя, подаетъ профессору черезъ нѣсколько часовъ цѣлую исписанную тетрадь. Тотъ удивляется, но взглянувъ на сочиненіе, видитъ, что хотя оно написано и не на тотъ сюжетъ, но доказываетъ большія познанія. Бенуа нашель одну изъ тетрадей Амедея и употребилъ ее въ дѣло. Наконецъ настаетъ день крестинъ сына Гранье Ахилла. Собираются гости. Пріѣзжаетъ и дочь профессора, пансіонерка Агнеса, и за нею вѣбгаетъ молодой человѣкъ, въ которомъ Бенуа узнаетъ Амедея. Тутъ происходитъ комическая сцена, въ которой Гранье, не зная, какимъ образомъ у него очутились два ученика одного имени; Бенуа не смѣетъ объясниться, боясь потерять обѣщанныя деньги, а настоящій Амедей Менвиль только преслѣдуетъ пансіонерку своею любовью ко всеобщему неудовольствію чопорныхъ гостей. Наконецъ Агнеса признается отцу, что любитъ этого молодаго человѣка, который проситъ ея руки. Гранье соглашается, но прежде выгоняетъ Бенуа, который самъ съ охотою спѣшитъ въ свою ферму съ туго набитымъ кошелькомъ, проклиная всѣхъ Цицероновъ и Гораціевъ, о которыхъ поминутно упоминалъ профессоръ.

Пьеса доставила удовольствіе зрителямъ, что нисколько не удивительно, потому что она написана Биевилемъ, остроумнымъ авторомъ, имѣвшимъ успѣхъ на всѣхъ театрахъ.

Но театръ *Delassements comiques* перещеголялъ всѣхъ своихъ соперниковъ, поставя пьесу *Les animaux de Granville*. Это не пьеса, не водевиль, но какая-то фантазмагорія, имѣвшая успѣхъ. *Метаморфозы Гранвиля* извѣстны всѣмъ. Это произведеніе такъ полно оригинально-

сти, комизма, что составляет огромную современную комедию, начертанную карандашѣмъ, и какой не въ состояннн написать ни одинъ изъ знаменитыхъ драматическихъ писателей.

Дирекція театра Delassements вздумала вывести на сцену типы Гранвиля, состава изъ нихъ незначительный сюжетъ, только чтобъ было какое нибудь дѣйствіе. И вотъ передъ вами оживаютъ и движутся люди не только съ названіями животныхъ, но съ ихъ привычками, характерами и даже наружностью. За комическими сценами слѣдуютъ чувствительныя и даже драматическія. Картины дѣйствительности смѣняются фантастическими сценами, переносащими зрителя въ волшебный міръ. Ни одно дѣйствующее лицо не выходитъ изъ своего амбуа, не смѣетъ ни на минуту снять маски, надѣтой на него великимъ художникомъ Гранвилемъ. Вообще можно сказать, что авторы этого страннаго произведенія употребили весь свой талантъ и старанія, чтобъ не только не испортить твореніе Гранвиля, но придать ему новую извѣстность и живость, представя его на сценѣ. Цѣль ихъ была вполне достигнута, и публика пришла въ такой восторгъ, что теперь дирекція можетъ быть обезпечена на нѣсколько мѣсяцевъ. Не только парижане, но провинціалы иностранцы поспѣшатъ смотрѣть *звѣрей Гранвиля*, и безъ комментариевъ узнаютъ cadaго, такъ превосходно обставлена и сыграна эта необыкновенная пьеса, которой нельзя придумать ни какого названія. Довольно того, что публика и дирекція знаютъ, что она принадлежитъ къ роду занимательныхъ пьесъ, имѣющихъ огромный успѣхъ и приносящихъ большія выгоды всеѣмъ. Впрочемъ имя Гранвиля ручалось бы за успѣхъ и слабѣйшей пьесы. Странно только какъ до сихъ поръ ни одинъ театръ не воспользовался этою счастливою мыслию! А еще драматическіе авторы жалуются на недостатокъ сюжетовъ!

Вообще, не смотря на недостаточное количество театровъ въ Парижѣ, публика чувствуетъ, что ей этого мало, и потому теперь уже утвердительно говорятъ, что разрѣшено построить еще театръ близъ Ратуши, въ Риволийской улицѣ. Утверждаютъ даже, что театръ этотъ будетъ готовъ въ первые мѣсяцы будущаго года и будетъ открытъ къ выставкѣ. Директоромъ его будетъ Деннери. Если предпріятіе это счастливо кончится, то Риволийскій театръ скоро затмитъ остальные парижскіе театры какъ по своему великолѣпію, такъ и по огромнымъ средствамъ, потому что онъ предпринятъ обществомъ капиталистовъ. А какъ извѣстно, что съ капиталами можно добыть лучшія драматическія произведенія и отличнѣйшихъ артистовъ, то не мудрено, что дирекціи

нынѣшнихъ театровъ начинаютъ побаиваться опаснаго соперника. Впрочемъ опасенія эти напрасны. Во время выставки будетъ столько гостей въ Парижѣ, что достанетъ публики на все театры. Вопросъ однако не въ томъ. Разумѣется, что въ такое время, когда Парижъ будетъ набитъ любопытными со всего свѣта, все театры обезпечены, что бы они ни давали, но послѣ выставки, когда гости разъѣдутся, надобно продолжать сборы, а если одинъ театръ привлечетъ къ себѣ лучшихъ артистовъ и писателей, то за ними послѣдуетъ и большая часть публики. Впрочемъ артисты всегда найдутся, если ихъ хорошо пощутъ.

Между тѣмъ дома въ Парижѣ разрушаются съ величайшею скоростью, но точно также скоро и отстраиваются. Любопытно знать, куда дѣваются жильцы всехъ домовъ, выгнанные изъ своихъ квартиръ, иногда очень неожиданно, еще не успѣвъ найти себѣ другаго помѣщенія?

Извѣстный пианистъ Горіа испыталъ на себѣ все неудовольствія насильственной перемѣны квартиры. Занятый дѣлами и своимъ искусствомъ, онъ не воображалъ, что домъ, въ которомъ онъ занималъ квартиру, будетъ скоро сломанъ; какъ вдругъ однажды работники пришли къ нему и вынесли всю его мебель на площадь Магдалины. Артистъ находился въ большомъ затрудненіи посреди своихъ инструментовъ, держа въ одной рукѣ зонтикъ, въ другой лиру, какъ вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль:

— Если я опять найму квартиру, думалъ онъ, то очень можетъ быть, что домъ назначатъ къ сломкѣ, и меня выгонятъ. Если же я самъ буду хозяиномъ дома, то меня ни кто не смѣетъ беспокоить; стоить только купить домъ не въ центрѣ города. Рѣшено, покупаю домъ.

И помѣстивъ все свое имущество на возы, Горіа отправился прямо къ заставѣ Звѣзды, и выйдя изъ города пошелъ прямо къ Отельскому селенію. Было уже поздно когда онъ остановился у одного дома съ надписью на дверяхъ: домъ продается. Горіа нашелъ хозяина, тотчасъ же условился въ цѣнѣ, и началъ переносить свою мебель въ пустыя комнаты *собственного* дома.

Вдругъ приходятъ сказать новому хозяину, что огромный его рояль не можетъ войти ни въ одну дверь. Горіа, какъ настоящій хозяинъ, тотчасъ же позвалъ работниковъ, заставилъ ихъ проломать стѣну, внести инструментъ, и опять поправить все какъ было.

Черезъ нѣсколько дней артистъ замѣтилъ, что жилище его очень не-

удобно, а главное такъ непрочено построено, что въ немъ страшно оставаться на зиму. Когда кто нибудь чихаль, стѣны тряслись. На балконъ никакъ нельзя было выйти вдвоемъ, изъ боязни, чтобъ онъ не обрушился, и даже полы были такъ ненадежны, что Горіа боялся играть на своемъ зрарѣ, вполне увѣренный, что при первыхъ могучихъ акордахъ полъ не выдержитъ тяжести, и инструментъ провалится въ погребъ вмѣстѣ съ музыкантомъ.

Горіа началъ всѣхъ увѣрять, что можно жить только въ домѣ, построенномъ по собственному плану, и потому началъ торговать землю, на которой намѣревается построить домъ по своему желанію. Онъ нашель огромное мѣсто за дешевую цѣну. Теперь остается самое легкое—вывести зданіе. Но это не должно беспокоить артиста. Онъ знаетъ, что Амфіонъ, играя на золотой лирѣ, построилъ стѣны Фивъ. Стоить Горіа поставить свое фортепяно посреди купленного имъ мѣста и начать играть, кирпичи сами придутъ въ движеніе, и домъ будетъ готовъ безъ помощи строителей.

Покуда Горіа былъ жильцемъ, онъ былъ порядочно разсѣянъ, теперь же у *хозяина* столько хлопотъ, неудовольствій, расходовъ, что кончится вѣроятно тѣмъ, что артистъ опять переѣдетъ въ Парижъ, хотя бы въ домъ, назначенный къ сломкѣ.

Между безчисленными средствами для предохраненія винограда отъ болѣзни, средствами, къ несчастію неудобноисполнимыми или дорогими, одинъ крестьянинъ нашель нечаянно самое простое лекарство для сохраненія винограда, только онъ не хочетъ открыть его безъ большаго вознагражденія.

Вотъ какъ это случилось. У одного винодѣла испортился почти весь виноградъ, такъ что онъ захворалъ съ горя. Жена его сдѣлала ему какую-то микстуру изъ простыхъ травъ, и отдала служанкѣ, чтобъ она снесла бутылку на погребъ и дала лекарству остыть. Работница, занятая другимъ дѣломъ, не дошла до погреба и поставила бутылку въ виноградникъ, гдѣ она осталась всю ночь.

На утро винодѣль, осматривая свой виноградъ, нашель, что онъ еще больше испортился; только въ одномъ мѣстѣ грозды поправились замѣтно. Не зная чему приписать это, онъ началъ наблюдать за этимъ мѣстечкомъ, и чрезъ три дня тутъ былъ самый здоровый виноградъ, тогда какъ остальной никуда не годился.

Поселянинъ началъ ломать свою довольно тупую голову, придумы-

вая, отчего бы это случилось, какъ вдругъ замѣтилъ у корня лозы какую-то незакупоренную бутылку съ жидкостью. Тотчасъ же въ головѣ его мелькнула мысль, что можетъ быть запахъ или испаренія этой микстуры дѣйствуютъ благотѣтельно на виноградъ.

Не сказавъ никому ни слова, винодѣль перенесъ бутылку на другое мѣсто, гдѣ виноградъ почти совсѣмъ пропалъ, и чрезъ три дня грозды были здоровы и сочны, какъ будто никогда не хворали.

Этотъ второй опытъ убѣдилъ работника, что онъ нашелъ вѣрное и дешевое средство къ уничтоженію болѣзни винограда, и онъ тотчасъ же побѣжалъ съ бутылкой къ начальникамъ департамента, требуя *милліона* за свое открытіе.

Но такъ какъ милліоны нигдѣ не даются такъ скоро, то просили, чтобъ изобрѣтатель сдѣлалъ публичный опытъ и объявилъ назначенной комиссіи, изъ чего состоитъ его лекарство.

Простолюдины вездѣ упрямы и недоверчивы, и нашъ винодѣль твердитъ одно:

— Дайте мнѣ милліонъ, и я отдамъ вамъ бутылку. Я даю вамъ средство вылечить весь виноградъ Бургони, Шампани, Лангедока, Бордо— а это стоитъ милліона. Я знаю, что вы хотите даромъ воспользоваться моимъ открытіемъ, да я не такъ глупъ.

Никакія просьбы и увѣщанія не могли поколебать упрямства винодѣла, и виноградникъ его процвѣтаетъ въ полномъ смыслѣ, тогда какъ у сосѣдей нѣтъ почти ни одной здоровой кисти.

Если это правда, то очень жаль, что секретъ этотъ останется неизвѣстенъ. Впрочемъ это невозможно. Жена работника, приготовлявшая ему микстуру, знаетъ хорошо, какія травы она варила, слѣдственно невѣроятно, чтобъ она промолчала.

Впрочемъ супруги увѣрены, что скоро будутъ милліонерами и собираются уже купить замокъ и помѣстье. Незвѣстно, чѣмъ кончится это происшествіе, обещающее такъ много пользы тысячамъ людей, занимающимся этою отраслю почти главной торговли Франціи.

Одинъ изъ парижскихъ журналистовъ, путешествующій по Германіи, рассказываетъ, что онъ присутствовалъ на одномъ изъ самыхъ оригинальныхъ обѣдовъ.

Въ Баденѣ былъ конгрессъ директоровъ и главныхъ акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ, и разумѣется, по этому случаю нельзя было не дать нѣ-

сколько обѣдовъ. Самый великолѣпный былъ на третій день, когда общество директоровъ пригласило нѣсколько важныхъ лицъ. За столомъ, длиннымъ какъ дорога, сидѣло полтора ста человѣкъ, и на немъ положены были двойные рельсы. Послѣ супу, метръ-дотель подалъ сигналъ обычнымъ свисткомъ, и на рельсахъ показалась въ миниатюрѣ машина, везущая цѣлый поѣздъ самыхъ вкусныхъ кушаньевъ. Локомотивъ подвигался не торопясь, какъ все дѣлается въ Германіи, гдѣ желѣзныя дороги учреждены для того, чтобъ ѣздить тише, чѣмъ на почтовыхъ. Проѣхавъ всю длину безостановочно, машина повернула назадъ и начала останавливаться у каждаго прибора, терпѣливо ожидая, чтобъ гости наполнили свои тарелки. Къ дебаркадеру поѣздъ подѣхалъ почти пустой. Въ продолженіе четырехъ часовъ локомотивъ съ огромнымъ числомъ вагоновъ, наполненныхъ самыми вкусными и рѣдкими кушаньями, безпрестанно ѣздилъ взадъ и впередъ, покуда всѣ гости не насытились. Это одинъ изъ замѣчательныхъ обѣдовъ, данныхъ въ Германіи.

Въ Парижѣ умеръ отъ холеры скульпторъ Соје, воздвигавшій іюльскую колонну, статую герцога Орлеанскаго и другіе значительные памятники. Публика давно уже забыла его имя, и даже артисты не вспоминали о немъ никогда, такъ онъ мало сдѣлалъ для своей извѣстности. Вотъ что значитъ слава артиста при перемѣнахъ въ правленіи!

Другою жертвою этой ужасной болѣзни была г-жа Гальярде, супруга автора *Нельской башни*. Бѣдный Фредерикъ Гальярде! Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Европу, какъ *сотрудникъ* его Александръ Дюма, послѣ двадцати лѣтъ поднялъ старую исторію объ авторствѣ знаменитой пьесы, разумѣется, приписывая себѣ всю честь сочиненія. Онъ очень наивно говоритъ въ своихъ запискахъ: Я взялъ планъ Гальярде, его дѣйствующія лица, сцены, интригу, ходъ пьесы, разговоръ, слогъ занялъ у Жанена, который дѣлалъ поправки, ввелъ даже одну его тираду и пересыпавъ все остроуміемъ и умѣньемъ того же Жанена, я *продиктовалъ* заново всю пьесу секретарю, потому что самъ былъ немного болѣвъ и не могъ писать—слѣдственно пьеса *моя*, и молодой писатель Гальярде не сдѣлалъ для нея ровно *ничего*, не смотря на рѣшенія суда, на многихъ свидѣтелей, на самыя ясныя доказательства.»

Послѣ этой выходки Гальярде, вовсе не оставившій литературу, какъ думали въ Европѣ, потому что онъ былъ главнымъ редакторомъ журнала *Courrier des Etats-Unis* и писалъ много ученыхъ статей по ча-

сти ботаники и естественной исторіи, не могъ удержаться, чтобъ не отвѣчать своему бывшему сотруднику, и сдѣлалъ это такъ умно, просто, хладнокровно и разсудительно, что Д'артаньянъ пересталъ трубить о своемъ *лучшемъ* произведеніи, *Нельской башнѣ*, написанной не имъ. И послѣ этихъ литературныхъ дразгъ г. Гальярде поразило другое горе: холера въ нѣсколько дней похитила его жену.

Кстати вотъ одинъ случай, доказывающій легкое средство леченія противъ холеры. Докторъ Роже прописалъ одному больному принять ине-какуану въ порошокѣ. Женщина, ходящая за больнымъ или не поняла, или недослышала доктора, и когда принесли порошки, она вѣроятно нашла, что они похожи на табакъ, и начала давать ихъ *пыхать* больному. Тотъ началъ чихать съ такою силою, что съ нимъ сдѣлались конвульсіи, и отъ этого потрясенія мускуловъ холера исчезла совершенно, такъ что на другой день больной былъ внѣ опасности и скоро совсѣмъ выздоровѣлъ.

Не мѣшаетъ испытать это средство въ другой разъ. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, холера боится чиханья.

Предъ законодательнымъ дворцемъ начались работы, чтобы поставить на пьедесталъ великолѣпную бѣлую мраморную статую, изображающую Францію. Статуя эта работы извѣстнаго скульптора Фешера заслужила одобреніе знатоковъ и артистовъ, видѣвшихъ ее въ мастерской. Неизвѣстно еще какой эффектъ произведетъ она передъ огромнымъ зданіемъ и на чистомъ воздухѣ. Часто произведеніе приводитъ въ восторгъ когда она еще находится въ тѣсной мастерской, наполненной учениками и любопытными. На площади же или въ открытомъ мѣстѣ оно теряетъ свои достоинства, и прежніе восхищенные зрители не узнаютъ ее.

Окончимъ наше уже безъ того длинное письмо еще нѣсколько самыми свѣжими новостями парижскихъ театровъ, дѣятельность которыхъ просто изумительна.

Водевильный театръ открылся тремя новыми пьесами, и публика, наполнивъ всю залу, доказала, что она не смотря на всѣ неудачи и несчастія директоровъ, все таки любитъ эту сцену, на которой являлось столько превосходныхъ произведеній, особенно въ послѣднее время и было такъ много отличныхъ артистовъ. Нынѣшній директоръ Бойе, человекъ опытный и знающій дѣло. Онъ прежде всего позаботился о составѣ труппы, зная, что образцовыя пьесы трудно найти, но при хорошихъ артистахъ и посредственное произведеніе можетъ произвести силь-

ный эффектъ. Вотъ почему онъ ангежировалъ Брендо, только что вышедшаго изъ французской комедіи и сохранившаго свой талантъ, молодость и развязность, актрису театра Гимназіи г-жу Лютеръ, превосходную во всѣхъ роляхъ, веселаго Феликса, комика Делануа, Шамбери и др.

Le Fausconnier, хорошо написанный водевиль, хотя сюжетъ его могъ бы быть новѣе, особенно для открытія театра. Жанна, бѣдная дѣвушка, любитъ тоже бѣднаго молодого человѣка Гюбера, который общается жениться на ней, какъ вдругъ невѣста узнаетъ, что женихъ ея графъ Мальи, извѣстный повѣса, обманывающій всѣхъ женщинъ. Жанна выгоняетъ обманщика и не отвѣчаетъ ни на просьбы графа, ни на его увѣренія въ истинной любви, ни на его страстныя посланія. Не зная какъ увидѣться съ бѣдною дѣвушкою, графъ Мальи переодѣвается старикомъ и приходитъ къ Жаннѣ подъ именемъ своего отца герцога Мальи. Дѣвушка находится въ большой опасности. Но къ счастью приходитъ настоящій герцогъ и заставляетъ сына сдержать свое слово, то есть жениться на Жаннѣ, на что онъ соглашается съ восторгомъ.

Пьеса понравилась публикѣ, потому что была превосходно разыграна.

Les marquises de la fourchette, просто уморительный фарсъ, заставившій хохотать публику съ первой сцены до послѣдней. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ, куда приходятъ обѣдать двѣ пары, и мужчины, оставя своихъ дамъ въ особенныхъ комнатахъ, составляютъ карту обѣда. Одинъ изъ нихъ, молодой, собирается проститься съ холостою жизнью, и въ послѣдній разъ пообѣдать съ маркизой de la fourchette. Другой, кавалеръ уже пожилой, съ трепетомъ рѣшается на первую шалость. Вдругъ эти господа съ ужасомъ узнаютъ другъ друга. Молодой—будущій зять стараго повѣсы. Надобно видѣть смущеніе обоихъ, хитрости ихъ, чтобъ выпутаться изъ щекотливаго положенія, обманы и увертки. Въ это время дамы ихъ, проголодавшись и ожидая напрасно обѣда, начинаютъ стучать въ дверь своихъ комнатъ, гдѣ ихъ заперли кавалеры, бить посуду, кричать. Тестъ и зять совершенно растерялись и наконецъ признаются во всемъ.

Феликсъ и Делануа превосходно сыграли двѣ роли, кромѣ того въ пьесѣ есть превосходный типъ служителя ресторана, много видѣвшаго подобныхъ сценъ, и который совершенно хладнокровенъ къ человѣческимъ страстямъ, не понимая какъ могутъ люди заниматься разными глупостями, когда самое важное занятіе въ жизни—обѣдъ.

Публика громко аплодировала каламбурамъ и остроумію фарса, который долго останется на сценѣ.

А qui mal veut... тоже забавный водевиль и хорошо разыгранный, хотя сюжетъ его такъ старъ, что о немъ не стоить говорить. Въ немъ очень недурень новый комическій актеръ Парадъ, который подаетъ надежду, что со временемъ сравнится съ первыми парижскими комиками.

И такъ первый дебютъ директора Водевиля Бойе былъ блистательный. Артисты исполнили свое дѣло превосходно. Чего же больше для успѣха. Театръ Водевиля необходимъ для Парижа, и потому директоры могутъ мѣняться сколько имъ угодно, но водевиль—безсмертенъ.

На театрѣ Разнообразія играли съ большимъ успѣхомъ La fille Mousquetaire. Съ какими приправами не подавали уже публикѣ этихъ мушкетеровъ! Были и мушкетеры короля, и мушкетеры королевы, мушкетеры красные и сѣрые, три мушкетера, четыре мушкетера, старые мушкетеры, сынъ мушкетера и наконецъ къ этой коллекціи присоединилась *дѣвушка-мушкетеръ*.

Эта особа имѣла вѣроятно особенное призваніе къ военной службѣ, потому что скрывъ свой полъ, вступила въ полкъ мушкетеровъ. Это очень возможно и вѣроятно, и недавно еще случилось въ Парижѣ происшествіе въ этомъ же родѣ, о которомъ упоминали въ нѣкоторыхъ газетахъ. Вотъ оно:

Въ полицейскую контору одного парижскаго комиссара пришла молодая женщина высокаго роста, красивая и прилично одѣтая и объявила, что хочетъ вступить во вновь формирующуюся гвардію. Полицейскій комиссаръ принялъ это за шутку, но героиня настоятельно требовала, чтобъ ее приняли въ гвардію, тѣмъ болѣе, что у нея ростъ, назначенный для этого корпуса, что всѣ оружія ей знакомы, что она смѣла и терпѣлива, какъ лучшій солдатъ. Видя настойчивость страннаго рекрута, комиссаръ, узнавъ имя и мѣсто жительства его, послалъ за родственниками и передалъ имъ амазонку. Тѣ объявили, что воинственные наклонности дѣвушки, впрочемъ прекрасно воспитанной и кроткой, приводятъ ихъ въ отчаяніе, и они рѣшились лечить ее, принимая эту страсть за сумасшествіе. Неизвѣстно вылечутъ ли эту дѣвушку, но дѣвушка-мушкетеръ была такимъ превосходнымъ солдатомъ, что ни капитанъ, ни начальникъ не подозрѣвали ея пола. Вдругъ капитанъ замѣтилъ въ новомъ мушкетерѣ какое-то легкое отступленіе отъ дисциплины, и какъ строгій начальникъ, приказалъ судить

его военнымъ судомъ. Тогда мушкетеръ сбрасываетъ свой мундиръ и является къ капитану въ самомъ кокетливомъ женскомъ костюмѣ. После нѣсколькихъ комическихъ сценъ, въ которыхъ женщина-мушкетеръ дурачить своихъ прежнихъ товарищей и заставляетъ ихъ дѣлать тысячу глупостей, капитанъ, очарованный незнакомкою, предлагаетъ ей свою руку и сердце. Мушкетеръ женскаго пола готовъ разчувствоваться и забыть воинскую славу, но въ эту минуту объявляютъ, что непріятель подходитъ къ городу, гдѣ стоятъ мушкетеры гарнизономъ, и дѣвушка-солдатъ схватываетъ шпагу и кричитъ капитану: прогонимъ враговъ, и тогда будемъ говорить.

Подобныя пьесы будутъ всегда имѣть успѣхъ, потому что публикѣ чрезвычайно нравится, когда хорошенькія актрисы играютъ мужскія роли, а тѣмъ болѣе военные. Впрочемъ дѣвушка-мушкетеръ написана не дурно, и въ ней превосходно выведено нѣсколько типовъ французскихъ солдатъ.

Voyage autour de ma femme, очень остроумный водевилъ, совершенно въ новомъ родѣ, а главное съ необыкновеннымъ, неводевильнымъ окончаніемъ. У г. Дюривеля жена кокетка, окружена обожателями, и онъ цѣлый день бродитъ вокругъ нея, чтобъ замѣтить доказательства ея слабости и объяснить съ нею. Но молодая женщина такъ ловка и хитра, что мужъ не можетъ ничего узнать и съ отчаянія идетъ спать. Эта благоразумная метода Жоржа Дандена поневолѣ наблюдается нѣкоторыми мужьями, которые сами виноваты, что берутъ жену не изъ своего общества. И такъ пьеса эта кончается не благополучно, какъ всѣ водевили, и супруги, не помирясь и не объяснившись, расходятся въ разныя стороны. Въ эту минуту слуга выноситъ огромный арбузъ, и завѣса опускается. Публика очень хохотала.

Театръ Амбигю не перестаетъ угощать публику раздражительнымъ мелодрамами и въ тоже время наполнять свою кассу, потому что публика, привлеченная заманчивымъ названіемъ *Les gues de Paris*, шестью актами и восемью картинами, наполняетъ этотъ театръ каждый вечеръ.

Парижскія улицы! На этотъ сюжетъ можно написать цѣлые томы исторій, романовъ, статистикъ, составить тысячи картинъ, въ какомъ угодно родѣ, но авторы мелодрамы были такъ умѣренны, что сдѣлали только восемь картинъ. И то пьеса окончилась уже на другой день, то есть послѣ полуночи, и зрители, измученные разными ужасами, со страхомъ шли домой по улицамъ того же Парижа, который въ мело-

драмѣ представленъ наполненнымъ злодѣями всѣхъ сортовъ и жертвами ихъ.

Планъ всѣхъ мелодрамъ, имѣвшихъ блистательные успѣхи и печальныя паденія, всегда одинъ и тотъ же. Одинъ или нѣсколько злодѣевъ хотятъ погубить какую нибудь невинность и преслѣдуютъ ее въ продолженіи всѣхъ картинъ, изобрѣтая всѣ возможныя и даже невозможныя западни. На сценѣ герои и особенно героини необыкновенно живучи, и всегда въ минуту опасности является нечаянная помощь, которая спасаетъ несчастныхъ отъ порока. Но порокъ упрямъ. Въ каждомъ дѣйствіи онъ придумаетъ новое злодѣйство.

Точно тоже происходитъ и на *улицахъ Парижа*. Банкиръ Дюбрель хочетъ овладѣть богатымъ наслѣдствомъ, но для этого надобно, чтобъ наслѣдница *умерла*. И вотъ не успѣваетъ она выйти на улицу, какъ съ нею случаются самыя печальныя происшествія. То на нее нападаетъ толпа гулякъ, то наѣзжаютъ экипажи, то носильщики съ страшными тяжестями сталкиваются съ нею, то сверху падаютъ камни, а бѣдная Маргарита все-таки жива. Наконецъ банкиръ подпиливаетъ рѣшетку балкона, на который часто опирается наслѣдница, но самъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ съ четвертаго этажа на улицу.

Разумѣется, что къ главному дѣйствію приплетено много эпизодовъ Парижской жизни то комическихъ, то грустныхъ, выведено много разнообразныхъ типовъ, словомъ авторы (ихъ трое) не пожалѣли никакихъ эффектовъ, и мелодрама имѣла желаемый успѣхъ.

Въ ней почти главную роль должны играть декорации, потому что зрители знаютъ Парижъ, и всѣ улицы должны быть представлены вѣрно. Много работы было декораторамъ. Но за то давно не припоминаютъ такого шумнаго приѣма, какой заслужили *улицы Парижа*.

Театръ *Folies dramatiques* можетъ тоже похвастать колоссальнымъ успѣхомъ волшебной пьесы *La fille du feu*. Лѣтъ десять тому назадъ или болѣе *два воздуха* выдержала болѣе ста представленій, отчего же не представить *два огня*? И вотъ дирекція созвала декораторовъ, машинистовъ, костюмеровъ, балетмейстеровъ, музыкантовъ, самыхъ хорошихъ актрисъ и любимыхъ актеровъ, потомъ заказала двумъ авторамъ написать сказку съ превращеніями, колдовствомъ, полетами, переодѣваніемъ, танцами, словомъ великолѣпную глупость, которая заставила бы весь Парижъ бѣгать смотрѣть на *два огня*.

Кто же эта пламенная особа? Это Фламина, созданная феями огня.

Разумѣется, въ пьесѣ нѣтъ ничего новаго и занимательнаго, — да кто и заботится о сюжетѣ въ волшебной сказкѣ? Были бы превращенія, танцы, комическія сцены, блистательныя декораціи, изображающія фантастическій міръ—и публика будетъ въ восторгѣ.

Тутъ есть уморительная роль наставника Флаminy, котораго зовутъ *Газовымъ розжкомъ*, и надъ которымъ поминутно потѣшается злой волшебникъ, превращая его то въ кастрюлю, то въ кресло, то въ кувшинъ, то въ бутылку, и пр., словомъ это самый несчастный и самый невинный изъ всѣхъ сказочныхъ наставниковъ, страдающихъ за своихъ учениковъ.

Между тѣмъ Рашель, рѣшительно остающаяся на сценѣ, вышла въ роли *Маріи Стюартъ*, одной изъ лучшей ея репертуара. Эта изуродованная трагедія Шиллера знакома и Петербургу, была прекрасно обставлена, и публика слушала ее съ любопытствомъ какъ новость. Знаменитая артистка была встрѣчена довольно холодно, но ея талантъ и увлекательная дикція разогрѣли наконецъ публику, которая наградила свою любимицу громкими аплодисментами.

Въ октябрѣ мѣсяцъ откроется Италіянская опера, и Рагани, оставшись директоромъ ея, разослалъ извѣстнымъ дилетантамъ и особамъ высшаго круга объявленіе, въ которомъ проситъ по-прежнему поддерживать его театръ.

Врядъ ли Италіянская опера будетъ имѣть успѣхъ въ нынѣшнемъ году. Ужъ и въ прошломъ она была не очень блистательна, не смотря на участіе Маріо и любимицы публики Альбони. Теперь оба эти артиста не ангажированы. Фрецолини нравилась въ немногихъ операхъ, а вѣчная Беатриче ди Тенда можетъ и надоѣсть.

Изъ новыхъ сюжетовъ ангажированы пѣвица Бозіо, пѣшная во Французской оперѣ, контральтъ Борги и новый теноръ Бокарде. Увидимъ, что изъ нихъ будетъ. Рагани обѣщаетъ публикѣ поставить нѣсколько новыхъ оперъ и ангажировать еще первыхъ сюжетовъ, смотря по надобности. Последнее еще возможно, хотя и очень трудно, но первое болѣе чѣмъ сомнительно. Откуда директоръ возьметъ новыхъ композиторовъ Италіянскихъ оперъ? Теперь существуетъ только одинъ Верди, но парижская публика приняла его оперы такъ холодно, что на него нельзя рассчитывать. Остается только возобновлять старыя оперы или ставить произведенія неизвѣстныхъ маэстро.

Опера не водевиль, который можно, пожалуй, поставить на одно представление и потом бросить. Она требует больших хлопот, учений, и потому надобно много умѣнья, чтобъ выбрать именно такую оперу, которая должна имѣть успѣхъ. Впрочемъ всѣ желаютъ, чтобъ Рагани не ошибся въ своихъ расчетахъ.

ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Новости въ Лондонѣ.—Обѣды и спичи.—Театры и концерты.—Сейденгемскій дворецъ.—
Англійскій банкротъ.—Американскіе вампиры.—Знаменитости всѣхъ странъ, превращенныя
въ города.—Продажа парнаго молока на англійскихъ улицахъ.—Отчего жители Лондона стара-
ются не жить въ немъ.—Страсть къ деревенской жизни.—Изъ чего составился Лондонъ.—
Дороговизна.—Парки и скверы.—Сады и увеселенія въ нихъ.—Воскресенье.—Концерты въ
ботаническомъ саду.—Скука въ публичныхъ собраніяхъ.—Чопорность англичанъ.—Спянь и
костюмы.

Сбираясь писать къ вамъ изъ Лондона, не обещаю однакоже дѣ-
лать это постоянно, а буду сообщать вамъ мои замѣтки по мѣрѣ на-
копленія какихъ нибудь литературныхъ, промышленныхъ или обществен-
ныхъ новостей.

При открытіи Сейденгемскаго дворца, былъ огромный банкетъ. Въ
Англіи ни одно торжество не можетъ обойтись безъ гастрономическихъ
наслажденій и рѣчей, и любители первыхъ поневолѣ должны переносить
скуку вторыхъ, которыя иногда способны своею безконечностью лишить
аппетита.

Митчель, бывший директоръ Сент-Джемскаго театра, все еще про-
должаетъ покровительствовать всѣмъ артистамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ
призвалъ германскихъ пѣвцовъ, жертвующихъ своими сборами на окон-
чаніе Кельнскаго собора, и послѣ двадцати пяти выгодныхъ концертовъ
пригласилъ всѣхъ артистовъ и друзей ихъ посмотрѣть Виндсоръ, а по-

томъ обѣдать въ Ричмондѣ, на берегу Темзы. Послѣ этого кельнскіе пѣвцы отпразднели въ свое отечество и объявили, что въ нынѣшнемъ году сборъ ихъ былъ гораздо значительнѣе прошлагодняго. Несмотря на довольно большія цѣны за входъ (12 фр. 50 с.) каждый концертъ въ Лондонѣ, Бадфордѣ, Манчестерѣ и Ливерпулѣ былъ полонъ. На возвратномъ пути артисты давали еще концертъ въ Лиллѣ, за который герцогиня Сондерлендъ прислала имъ большое серебряное блюдо, украшенное барельефомъ, изображающимъ битву амазонокъ.

На Сент-Джемской сценѣ лирическая труппа съ прекрасною г-жею Кабель заняла мѣсто комической, только не смотря на таланты артистовъ и разнообразіе репертуара, оперы не могутъ похвастать такимъ огромнымъ успѣхомъ, какой имѣли французскіе комическіе актеры Ренье и г-жа Алланъ. Пьеса г-жи Жирарденъ *La joie fait peur* произвела такой сильный энтузіазмъ, что театръ Лицея поспѣшилъ ее перевести и представить подъ названіемъ: *Лучъ солнца между тучами*. А *sunshine through the clouds*. Только ни Франкъ Метьюсъ, ни г-жа Вестрисъ не могутъ сравниться съ французскими артистами, въ чемъ сознаются даже англійскіе критики, не смотря на британское самолюбіе.

Изъ оригинальныхъ англійскихъ произведеній въ этомъ сезонѣ имѣла значительный успѣхъ, на театрѣ Адельфи, драма Марка Лемона подъ названіемъ: *Трогательная исторія* и пьеса Мортонна на театрѣ Принцессы. Только лондонская публика что-то очень хладнокровна къ драматическимъ произведеніямъ и пристрастна болѣе къ операмъ. Ковент-гарденская зала была полна каждый вечеръ, благодаря талантамъ Гризи, Маріо, Віардо, а Дрюриленскій театръ ангажировалъ три труппы англійскую, нѣмецкую и итальянскую. Нѣмецкая опера имѣетъ больше успѣха. Въ ней первое мѣсто занимаетъ пѣвецъ Формесъ, знакомый Петербургу.

Концерты, и особенно утренніе, собираютъ весьма не многочисленную публику. Но любители музыки должны были вполне насладиться при открытіи Сейденгемскаго дворца. Англичане всѣми силами стараются, чтобъ не упрекали ихъ въ томъ, что они самый матеріальный народъ или «народъ лавочниковъ», какъ ихъ называлъ Наполеонъ I, и что занятые только торговлею и промышленностью, они не заботятся объ изящномъ. Сейденгемскій дворецъ соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества. При томъ же какъ необдумать со всѣхъ сторонъ предпріятіе, стоящее двадцать пять миліоновъ! Акціонеры могутъ надѣяться самыхъ блистательныхъ результатовъ; потому что слава Сейденгемскаго дворца все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Однако, хотя англичане знают средства скоро наживаться, за то ни какой другой народъ не умѣетъ прожиться такъ отчаянно. Недавно выпустили изъ тюрьмы мистера Саквила, объявившаго себя несостоятельнымъ. Онъ принадлежитъ къ высшему обществу, былъ членомъ парламента и считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ жителей Лондона. Въ 1840 году получилъ онъ еще наслѣдство въ 12,000 фун. стер. годового дохода, то есть семьдесятъ двѣ тысячи серебромъ, и въ десять лѣтъ промоталъ все. Семьдесятъ пять кредиторовъ подали на него жалобы и посадили въ тюрьму, но и это не помогло, потому что Саквилъ получилъ свободу, объявивъ себя несостоятельнымъ. Богатый повѣса можетъ объявить себя несостоятельнымъ, и кредиторы, которыхъ онъ можетъ быть разорилъ, не смѣютъ удерживать его въ тюрьмѣ. Странные нравы!

Въ Америкѣ никакъ не могутъ быть покойны, чтобъ не выдумать еще какой нибудь новости. Европа уже получила оттуда грузы Мормоновъ и стучащихъ духовъ, и можетъ быть, скоро получить вампировъ, которые опять появились въ Америкѣ, въ чемъ свидѣтельствуешь Норвичская газета. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, умеръ въ Джессетъ-Сити Горасъ Рей, и передъ нимъ умерли два его сына отъ чахотки. Третій сынъ тоже слегъ въ постель отъ этой болѣзни; семейство и друзья покойника рѣшили, что отецъ и сыновья вампиры, и чтобъ спасти послѣдняго мальчика отъ смерти, надобно вырыть трехъ покойниковъ и сжечь ихъ. Чтожъ! этой нелѣпости повѣрили, и останки трехъ умершихъ были торжественно сожжены. Если мальчикъ выздоровѣетъ, мнѣніе о вампирахъ еще болѣе утвердится, если же умретъ, то и его сожгутъ, чтобъ онъ не погубилъ еще кого нибудь. Хорошо еще, что для общественнаго спасенія не вздумали сжечь большого до смерти. И послѣ этого Новый свѣтъ гордится своимъ образованіемъ, отсутствіемъ всѣхъ старыхъ европейскихъ предрасудковъ, а самъ во-скрешаетъ у себя древнее преданіе, давно перешедшее въ сказки и романы Александра Дюма. Одинъ американскій журналъ публиковалъ недавно реестръ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, носящихъ имена извѣстныхъ людей. Всего городовъ Вашингтоновъ считается сто пятьдесятъ, кромѣ того есть Вашингтонова долина, горы и озера Вашингтона и подюжины Вашингтонвилей. Франклинъ далъ свое имя девятинадцати графствамъ и ста шестнадцати городамъ, селеніямъ, Франклинтонамъ, Франклинвилямъ, и проч. Джефферсонъ и Мадисонъ тоже въ большомъ уваженіи. Шестнадцать графствъ, одинъ приходъ и пятьдесятъ городовъ носятъ имя Мадисонъ. Восемнадцать графствъ, семьдесятъ

два города и селенія называются Джеферсонами, не считая двадцати Джеферсонвилей.

Англійскія знаменитости не исключены изъ карты Соединенныхъ Штатовъ. У нихъ есть тридцать семь Мильтоновъ, три Мильтонвиля, одинъ Мильтонбургъ, семь Гампденовъ и семь Сиднеевъ. Кромвель, которому Англія отказала въ статуѣ, далъ свое имя пяти американскимъ городамъ. Въ Америкѣ семь городовъ Наполеоновъ, семь Нельсоновъ и шесть Веллингтоновъ. Лордъ Байронъ далъ свое имя десяти городамъ, Мальбрукъ шестнадцати. Римъ, Лондонъ и другіе города имѣютъ своихъ омонимовъ въ Америкѣ, гдѣ пять Лондоновъ, двадцать двѣ Вѣны, семнадцать Лиссабоновъ, пять Кадиксовъ, шесть Каировъ, четыре Мемфиса, и проч., но ни одного Константинополя. Впрочемъ, можетъ быть, скоро и это названіе явится вмѣстѣ съ Абдуль-Междидомъ и Омеръ-Пашею. Американцы помѣщаютъ на своей картѣ всѣ европейскія происшествія. Одно селеніе названо Женни Линдъ, и семь городовъ гордятся названіемъ Ламартина. Странно, что въ Америкѣ нѣтъ ни одного Шекспира, но есть три Ромео и два Гамлета.

Лѣтній сезонъ кончился въ Лондонѣ. Маріо и Гризи простились съ англичанами и отправились въ Америку собирать доллары.

Въ Лондонскомъ вавилонскомъ шумѣ, между тысячь возгласами разносчиковъ, которые всякій день здѣсь будятъ меня рано поутру, услышалъ я съ просонковъ на дняхъ новый родъ fortissimo съ довольно длиннымъ періодическимъ округленіемъ. Этотъ разносчикъ кричалъ такъ громко, что могъ бы казаться разбудить мертваго. Я поневолѣ всталъ, чтобъ посмотреть, что именно продаетъ этотъ гомерическій крикунъ, потому что дѣйствительно здѣсь нельзя никогда понять криковъ разносчиковъ, а по привычкѣ можно только догадываться, что предлагаютъ они.

Передъ окномъ моимъ посрединѣ улицы стояли чистыя, красивыя смиренныя коровы, несвязанныя никакою веревкою; передъ ними шель мужъ—крикунъ, за ними жена. Со всѣхъ сторонъ отпирались двери домовъ, и полусонные жители выходили изъ своихъ подземныхъ кухонь съ горшками и кувшинами, въ которые женщина при коровахъ тутъ же допла свѣжее молоко. При этомъ мужъ продолжалъ кричать изъ всѣхъ силъ: «Milk in your own jug, fresh from the cow, возвышая свой голосъ на словѣ cow до такой степени, что конечно достигалъ знаменитаго ге въ аріи въ *Волшебной флейтѣ*.

Такимъ образомъ въ величайшемъ городѣ въ свѣтѣ, выдающемъ себя за самый образованный, наввно продаютъ молоко тотчасъ же доеное, чтобъ убѣдить, что это не смѣсь известки и воды, которою уго-

щаютъ здѣсь молочныя лавки. Конечно, за то *натуральное* молоко прямо изъ коровы гораздо дороже платится, нежели фабрикація. Я былъ пораженъ этимъ простодушнымъ сельскимъ зрѣлищемъ. Добрыя коровы безпрестанно останавливались и съ примѣрнымъ послушаніемъ давали доить себя, повинуюсь не только голосу хозяйки, но даже всякому ея знаку. Эта сцена заставила меня задуматься.

Отчего въ Англіи на рынкахъ такъ охотно покупаютъ у оборванныхъ прландцевъ связанные пучки овса, ржи, пшеницы, ячменя, только что срѣзанные съ поля жнецомъ? Въ Парижѣ и Берлинѣ никто не посмотрѣлъ бы на такой странный товаръ. Отчего вообще никакой полупорядочный англичанинъ, или который по крайней мѣрѣ хочетъ прослѣдить порядочнымъ, не живетъ въ городѣ постоянно? Отчего каждый купецъ, дѣловой или государственный человекъ тотчасъ же по окончаніи своихъ денежныхъ и общественныхъ дѣлъ въ городѣ, послѣдно опять уѣзжаетъ въ деревню? Купцы Сити живутъ въ Брейтовѣ, Гревсендѣ до шестидесяти миль отъ Лондона, и каждое утро, каждый вечеръ уѣзжаютъ туда, чтобъ въ деревнѣ отобѣдать, переночевать и выбриться. Даже поденщикъ, подмастерье и прикащикъ ѣдетъ куда нибудь въ зеленые *коттеджи* Ислингтона или Куинтишъ-Тоуна? Отчего *Sporkeeper* десять, пятнадцать лѣтъ своей жизни мучится въ лавкѣ и ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о барышѣ, чтобъ потомъ прожить его спокойно въ зелени подъ деревьями, а въ городѣ ѣздитъ на своемъ *пони* закупать запасы. Однимъ словомъ, общая цѣль англійскаго горожанина состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлаться *the retired gentleman*, отставнымъ джентльменомъ.

Вотъ почему въ Англіи нѣтъ постоянныхъ жителей въ городахъ; они не хотятъ жить весь свой вѣкъ въ законтѣльныхъ стѣнахъ, и за неимѣніемъ занятій проводятъ вечера за картами. Аристократы и безъ того живутъ въ одно время въ городѣ и въ деревнѣ. Въ Лондонѣ живутъ они по парламентскимъ дѣламъ, но для домашней жизни всегда въ деревнѣ. Всѣ національныя удовольствія Англичанъ: скачки, охота, спорходы, общества игръ въ мячи, воланы, общества гонокъ на морѣ, яхт-клубы, все это дѣлается не въ городѣ. Вся страсть англичанъ къ паркамъ, садоводству, рѣдкимъ растеніямъ, къ лошадямъ, ихъ новѣйшая *roulstromania* происходитъ отъ преобладающей склонности къ деревенской жизни. Однимъ словомъ, англичанъ можно назвать *урбанизированными поселянами*.

Въ этомъ состоитъ существенная ихъ разность съ жителями материка Европы, гдѣ между деревнею и городомъ видна еще разительная противоположность. Въ Германіи, Франціи городская жизнь преобладаетъ, и число городскихъ жителей болѣе сельскихъ. Въ Англіи же горожане

и поселяне составляютъ одно нераздѣльное народонаселеніе города, живутъ въ деревняхъ, а деревни торгуютъ въ городѣ. Въ Англіи между городомъ и деревнею нѣтъ уже различія, а еще менѣе рѣзкаго противорѣчія. Города растутъ и поглощаютъ деревни, а деревни присоединяются къ городамъ. Лондонъ въ этомъ отношеніи самый обширный примѣръ, и всего менѣе можетъ назваться городомъ. Первоначально, это было соединеніе двухъ городовъ, потомъ ежегодно онъ сталъ расширяться и составилъ еще изъ слиянія болѣе ста деревень. Однимъ словомъ Лондонъ—составъ деревень, обратившихся въ городъ. Такъ, на примѣръ, въ сѣверо-западной части Лондона, видимъ мы на протяженіи восьмидесяти квадратныхъ миль виллы и коттеджи, поросшія зеленью, цвѣтами, деревьями, фруктовыми садами, оранжереями, курами, маленькими лошадами (пони). Всякій домикъ стоитъ отдѣльно за своею огорою зелени, какъ рыцарскій замокъ, и снабженъ колокольчиками, одинъ для *послѣдителей*, а другой для *служителей*. За этими виллами простирается еще на тридцать миль рядъ деревень и городовъ съ своею городской и сельскою промышленностью.

На югъ къ кристальному дворцу, на западной сторонѣ Темзы еще болѣе подобныхъ сельскихъ построекъ, и теперь Лондонъ нигдѣ почти не начинается и нигдѣ не кончается. Со всѣхъ сторонъ городъ съ деревнями. Взойдите на верхнія галереи кристальнаго дворца, и взглядъ на окружающій ландшафтъ удостовѣритъ васъ въ этомъ. Вы въ подзорную трубу больше ничего не увидите, какъ непрерывный рядъ домовъ, идущихъ во всѣ стороны.

Въ Америкѣ иначе устраиваютъ города. Улицы тамъ проводятъ весьма широкія и обсаживаютъ ихъ двойнымъ рядомъ деревьевъ. Тамъ городъ и деревня соединены удобствами сообщеній. Вездѣ желѣзныя дороги, и вы въ нѣсколько минутъ переноситесь въ новыя мѣста. Въ Америкѣ все дешевле въ сравненіи съ Англіею. Тамъ путешествуютъ на коврахъ, въ мягкихъ креслахъ, съ зеркалами и мраморомъ вокругъ, такъ что многіе нарочно путешествуютъ, чтобъ жить дешевле и комфортабельнѣе.

За то какія баснословныя суммы употреблены въ Лондонѣ на эти сотни маленькихъ парковъ и скверовъ, и сколько ежегодно отпускается парламентомъ денегъ на поддержаніе ихъ! И у всякаго изъ жителей этого двухъ съ половиною милліоновъ народонаселенія одна только мысль нажать себѣ отдѣльный *коттеджъ*. Никто въ Лондонѣ не живетъ постоянно, а старается только нажать, чтобъ уѣхать изъ него. У кого нѣтъ деревни, виллы, тотъ не можетъ считаться порядочнымъ человѣ-

комъ. Сверхъ того каждый долженъ путешествовать, или прятаться на зиму, показывая видъ, что живетъ въ деревнѣ.

Здѣшнія народныя увеселія только тогда составляютъ для народа удовольствіе, когда даются въ саду. Концерты, балы, спектакли, балеты, скачки, фейерверки все дается въ садахъ. За входъ въ эти сады берется очень дешево. Рочервильскій садъ открытъ ежедневно съ танцами на канатъ, концертомъ и баломъ. Розмери-Бенчскій садъ въ Ислингтонѣ съ *танцами всѣхъ націй*; Санкт-Еленскій садъ въ Ротергеймѣ съ воздушными путешествіями Грина, съ собачьимъ театромъ нѣмца Карла, съ двумя оркестрами и танцами *al fresco*; садъ Флоры въ Кембервелѣ, съ венеціанскимъ геркулесомъ, который поетъ романсы, съ учеными собаками; большой зоологическій Сюррейскій садъ, со звѣринцами, фейерверкомъ, концертомъ и освѣщеніемъ фонарями; во всѣхъ этихъ заведеніяхъ ежедневно гуляетъ публика. Сверхъ того открыты въ нынѣшнемъ году знаменитые сады Кью (Kew) и садъ кристальнаго дворца. Когда открывался кристальный дворецъ, то по воскресеньямъ онъ былъ закрытъ. Эта мѣра едва не разорила его. Единственный день, когда народъ свободенъ, его не впускали въ кристальный дворецъ. Поневолю измѣнили постановленіе.

Къ садовымъ увеселеніямъ нынѣшняго сезона принадлежатъ, для фешіонебльнаго общества, концерты по средамъ въ ботаническомъ саду Реджентс-парка. Онѣ даются посреди парка въ огромномъ кругу, около котораго устроены дороги для ѣзды. Во время концерта дороги эти наполнены экипажами. 26 Іюля получилъ я два билета на послѣдній концертъ. Билеты не продаются, а раздаются членами ботаническаго общества. Часто я скучалъ въ моей жизни, но никогда еще въ такой сильной степени и въ такомъ отборномъ кругу. Собралось безчисленное множество посѣтителей и посѣтельницахъ въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ; все это собраніе сидѣло подъ сводомъ зонтиковъ, и въ этомъ состояло все его занятіе и удовольствіе. Не было ни разговоровъ, ни закусокъ, ни чаю, ни сигаръ, ни любезности, все однѣ важныя, лица, отъ которыхъ такъ и вѣяло скукою.

Отчего всѣ эти люди молчатъ? Почему они не веселятся? Почему дамы ни на что не смотрятъ, а закрываются только зонтиками? Безжизненность и некрасивость лицъ еще болѣе выставлялись этимъ холоднымъ молчаніемъ. Мнѣ скажутъ, что неучтиво говорить подобнымъ образомъ о прекрасномъ полѣ. Но чтожъ дѣлать? Я долженъ говорить правду. Лице создается природою, но фізіономію придаетъ себѣ самъ человѣкъ. Развѣ я виноватъ, что англійскія дамы не употребляютъ викакихъ средствъ, чтобъ быть *милыми*? Зачѣмъ онѣ не думаютъ, не чувству-

ютъ, не живутъ? Нигдѣ мнѣ такъ очевидно не обнаружился упадокъ хорошаго общества какъ въ Англіи. Я ужаснулся, видя это самоубійство всѣхъ радостей жизни!

Надобно пожить въ Англіи, чтобъ понять этотъ всеобщій отгнѣнокъ сплина. Всѣ эти лорды и джентльмены эксцентрики живутъ оборотомъ спиною ко всему свѣту, сходятся помолчать въ клубахъ, и умирая оставляютъ завѣщанія, доказывающія ихъ оригинальность и ненависть къ людямъ.

Въ англійскомъ обществѣ нельзя даже думать: это неприлично. Самая одежда его подвержена строжайшимъ правиламъ. Однажды позвали меня съ англичаниномъ на вечеръ въ одно нѣмецкое семейство; англичанинъ пришелъ совѣтоваться со мною въ какомъ быть костюмѣ; я захохоталъ и отвѣчалъ, чтобъ онъ такъ и приходилъ, какъ теперь одѣтъ. Онъ серьезно посмотрѣлъ на меня, какъ будто обидѣлся, и объявилъ, что *на вечеръ* должно быть одѣтымъ во фракъ и съ *воздиккою въ петлицу*. Я пошелъ въ сюртукъ. Но англичанинъ явился какъ на выставку. *Вечеръ* состоялъ изъ однихъ родныхъ, которые хотѣли весело поболтать часа два, три. Костюмъ англичанина все разстроилъ. Ему самому было совѣстно, но онъ неговорилъ ни слова, а потомъ сталъ говорить о погодѣ, которую хвалилъ въ ту минуту, какъ дождь стучалъ въ стекла. Весь вечеръ былъ испорченъ, и мы разошлись рано и съ нѣкоторою досадою на англійское условное приличіе.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни сербовъ. — Надгробный памятникъ Салаватъ-Хана (*индійская сага*). — Новая изслѣдованія Лаузицко-сербскаго нарѣчія. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Нынѣшнее состояніе физической географіи. — Электрическій телеграфъ для поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Спасительный плоть. — Псевдоскопъ. — Новый способъ добывать фосфоръ изъ костей. — Признаки смерти. — Сила электрическаго тока въ мускулахъ. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Царство животныхъ въ Калифорніи (Зыбная птица, черный куликъ, крыса-кангуру, лѣсная крыса, слѣпой бархатный кроль). — Комнаты въ Англіи. — Удивительное спасеніе посредствомъ пироговъ. — Китайскій календарь. — Страданія знатныхъ англійскихъ домовъ (*изъ записокъ путешественника*). — Анатомическіе корсеты. — Турецкій почтамтъ (*изъ разсказа путешественника*). — Мой ночлегъ съ кугуаромъ (*разсказъ американца*). — Планета и ея спутники (*разсказъ Мери*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Народныя пѣсни сербовъ. — Не одна небольшая область, извѣстная подъ названіемъ Сербіи, служитъ отечествомъ *сербскихъ народныхъ пѣсень*. Діалектъ, на которомъ онѣ сочинены и поются, распространяется съ весьма малыми измѣненіями въ нарѣчійяхъ по Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи, Далмаціи, Славоніи и юго-восточнымъ частямъ Кроаціи. Сверхъ того діалектомъ этимъ говорятъ тысячи славянъ отъ Землина вверхъ по лѣвому берегу Дуная, до Санктъ-Андре у Буды. Такимъ образомъ языкъ этотъ принадлежитъ миллионамъ людей, изъ которыхъ болѣе половины исповѣдуютъ православную вѣру; въ Босніи же большая часть присоединилась къ исламу, а самая малая принадлежитъ къ латинской церкви въ Далмаціи, Кроаціи и Славоніи.

Поэтическая впечатлительность и творческое дарованіе почти одинаково распредѣлены по всему пространству, гдѣ говорятъ сербско-славянскимъ языкомъ, потому что если *героическія* пѣсни болѣею частью рождаются въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи и южныхъ областяхъ Сербіи, теряясь уже въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ пѣсни *гусларовъ* обыкновенно предоставлены слѣпымъ и нищимъ, — то въ Сирміи,

Баватъ и Бачкѣ болѣе развита западная образованность. Здѣсь поютъ только небольшія *любовныя пѣсни*.

Кромѣ историческихъ преданій XIV и XV столѣтій о всегдашнихъ войнахъ между сербами и турками, описывается жизнь *гайдуковъ*.

Сербскія народныя пѣсни раздѣляются на двѣ категоріи: на любовныя и героическія. Вукъ Стефановичъ Караджичъ собралъ почти всѣ героическія. Его отецъ, дѣдъ и дядя знали ихъ наизусть; даже двое послѣднихъ были сами поэтами. Они то пѣли ихъ съ акомпаниментомъ *гуслей*, то декламировали безъ акомпанимента. Это занятіе составляетъ общій обычай. Каждый вечеръ и въ каждомъ домѣ кто нибудь поетъ эти пѣсни.

Люди всѣхъ званій занимаются этими пѣснями. Прусскій путешественникъ Отто Пирхъ рассказываетъ, что въ Сербіи одинъ князь хотѣлъ угостить его этою народною поэзіею и позвалъ своего служителя гусляра. Но когда тотъ неудовлетворительно пропѣлъ, то хозяинъ взялъ у него изъ рукъ гусли и самъ исполнилъ эту обязанность лучшимъ образомъ. Даже духовныя лица поютъ иногда героическія пѣсни.

Наконецъ сами магометанскіе босняки любятъ эти пѣсни, не смотря на свое мусульманство. Одинъ плѣнный въ Семендріи получилъ свободу за свое искусство въ пѣніи, потому что кади любилъ пѣсни и просилъ за пѣвца.

Замѣчательно, что у всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ мелодическая часть пѣсень если непреобладаетъ надъ поэтической, то идетъ наравнѣ съ нею, тогда какъ въ Сербіи о музыкѣ очень мало заботятся, а думаютъ только о словахъ. Даже любовныя пѣсни иногда непоются, а декламируются.

Только съ XIV вѣка начинается историческій рядъ пѣсень. По всему видно, что пѣсни эти сочинялись во время подвиговъ самихъ героевъ, или тотчасъ же послѣ нихъ. Эти пѣсни можно теперь назвать настоящею народною исторіею. Не смотря на тогдашнее христіанство этихъ странъ, въ пѣсняхъ видно еще много мифологическихъ преданій. Напримѣръ, въ пѣснѣ *о построеніи Скутари* говорится о великанахъ, драконахъ, многоглавыхъ змѣяхъ и пр.

Между героями пѣсень XVII и XVIII столѣтій замѣчается множество гайдуковъ со всѣми ихъ подвигами противъ турокъ. Но въ этомъ періодѣ очень мало историческаго.

Изъ любовныхъ или женскихъ пѣсень многія происходятъ со временъ идолопоклонства. Въ нихъ множество мифологическихъ картинъ, которыхъ теперь и сами поющіе непонимаютъ.

Всего прелестнѣе *брачныя пѣсни*. Въ собраніи Караджича сто двадцать семь такихъ пѣсень, и при нихъ описаніе сербской свадьбы. Выписываемъ его для любопытства.

Изъ всего видно, что сочинителями брачныхъ пѣсень были женщины, потому-то въ нихъ сохранено все приличіе и нѣжность.

Когда послѣ сватовства послѣдуетъ согласіе, то черезъ два—три дня отправляется герольдъ (*чавсг*), а иногда и *дружка* съ деревянною бутылкою (*щутуру*) изъ дома въ домъ, и приглашаетъ гостей

свати). Цутура украшена цвѣтами и монетами. Каждый приглашенный привязываетъ еще къ ней свою монету, выпивъ изъ нее нѣсколько глотковъ при пожеланіи всякаго счастья (здравица). Между тѣмъ женихъ, или отецъ его распределяетъ всѣ должныя званія при свадьбѣ, и въ особенности приискиваетъ *кума вѣнчаннаго* (*kum wjenani*). Отъ званія этого никто не смѣетъ отказаться. Обыкновенно выбираютъ въ это званіе крестнаго отца жениха. Ему дается помощникъ (*прикумокъ*), который несетъ вѣнчалное знамя; старѣйшина (*старосватъ*), который наблюдаетъ за порядкомъ и пользуется большимъ уваженіемъ; предводитель (*войвода*), который ведетъ все шествіе, но играетъ впрочемъ довольно праздную роль; дружка невесты (*деверь*), братъ жениха, а если его нѣтъ, то племянникъ или другъ. Это званіе можетъ исправлять десяти-лѣтній мальчикъ, а также и женатые люди. Онъ принимаетъ невесту, всячески защищаетъ ее, помогаетъ ей при угощеніи гостей; *чавсъ*, лицо увеселяющее все общество. Будучи самымъ страннымъ образомъ одѣтъ, онъ по обязанности долженъ быть въ веселомъ духѣ, и имѣетъ право говорить всякія остроты и дерзости. Съ комическимъ преувеличеніемъ провозглашаетъ онъ всѣ подарки гостей новобрачнымъ и вообще старается о ихъ пользѣ, также какъ волинщикъ (*исляръ*), котораго должность видна изъ названія.

Прочіе гости называются сватами, или въ шутку *приклебателями*. Между ними не всегда есть женщины. Только въ городахъ Босніи, Сербіи и въ деревняхъ Бачки и Сирміи сохранился этотъ обычай. Въ городахъ же послѣднихъ двухъ провинцій не бываетъ ихъ. Эти женщины названы турецкимъ именемъ: *Индебулень*.

Гости мало по малу собираются. Ихъ привѣтствуютъ слѣдующею свадебною пѣснью:

Бѣдетъ кумъ вѣнчанный, слышенъ звукъ копытъ.
Скажите, гдѣ привязать его коня?
Много ли добрая мать жениха
Насажала яблоковъ и цвѣтовъ.
Къ этимъ деревьямъ привяжите коня
Кума вѣнчаннаго и старосватовъ;
Къ нему же привяжите и коня воеводы.

Къ воеводу:

Что блеститъ изъ-за зеленаго горнаго лѣса?
Солнце ли это, или лунный блескъ?
Нѣтъ, не солнце, нѣтъ, не мѣсяцъ свѣтлый —
Это деверь пріѣзжалъ къ воеводѣ.

Такимъ образомъ привѣтствуютъ каждаго вновь пріѣзжающаго. Женихъ погружается въ думы страха и сомнѣнія. Повраится ли ему та, которую ему выбрали? Она старается утѣшать себя:

Мило стоитъ и подковываетъ своего коня.
Но не такъ его подковываетъ, какъ другихъ,

Онъ куетъ подкову свинца и серебра
 Конь лягается и встаетъ на дыбы.
 Тихо говорить коню Мило:
 «Стой, мой конь, мой вѣрный товарищъ!
 Если мы отсюда повеземъ чтонибудь хорошее,
 То и тебѣ и мнѣ будетъ хорошо.
 Я тебѣ сплету ясли изъ чистаго клена,
 Засыплю ихъ душистыми травами,
 Чтобъ ты ѣлъ ихъ и игралъ ими.
 Но если мы повеземъ чтонибудь плохое,
 То и тебѣ и мнѣ будетъ плохо.
 Я сплету тебѣ ясли изъ черной ивы
 И засыплю ихъ горькою чемерицею;
 Чтобъ ты нехотя ѣлъ и заболѣлъ.

Всякій чувствуетъ, какъ важенъ этотъ шагъ, и не безъ наставленія отпускаютъ жениха изъ дома:

«Поскорѣе, Павелъ, поскорѣе, любезный братъ,
 Подавай кольцо прелестной невѣстѣ.
 А когда ты приѣдешь въ домъ тещи,
 Когда выведутъ напоказъ красавицу,
 Не смотри ты на вѣнокъ ея и серьги,
 Не смотри на пеструю ея куртку
 И на ярко вышитые рукава.
 Портной красиво сшилъ куртку;
 Швей прекрасно вышили рукава,
 А мастера хитро сплели золотой вѣнецъ.
 Смотри ты лучше на ростъ и на лицо,
 Съ ними ты проведешь всю жизнь.

Но вотъ снаряжается и шествіе; знамя развѣвается. Всѣ вооружены какъ бы на войну. Женихъ прощается съ своими.

Мчится облако по ясному небу,
 Кланяется женихъ во всѣ стороны;
 Просить онъ мать о прощеніи,
 Просить мать, просить и отца,
 Милая мать моя, прости ты меня,
 Прости меня и дай свое благословеніе.
 Хочу я ити въ чужую деревню,
 Въ чужую деревню, за чужою сестрою,
 За чужою сестрою, за моею женою.

Начинается шествіе. Жениха легко узнать по бѣлому платку, приколотому къ его шляпѣ; воеводу по розану (натуральному, или искусственному). Всякаго встрѣчнаго по дорогѣ угощаютъ виномъ и водкою. Если шествіе идетъ черезъ деревню, то всѣ жители выносятъ ему съѣстные припасы. Не смотря на частое употребленіе водки и на всеобщее вооруженіе, рѣдко бываютъ ссоры.

Въ это время и въ домѣ невѣсты дѣлаютъ большія приготовленія.
Надъ дѣвучкою шутятъ:

Сосѣдка! любезная подружка!
Ты была товарищемъ дѣтскихъ нашихъ игръ,
Теперь ты измѣнила, вѣроломная,
Еще вчера ты намъ клялась,
Что не пойдешь къ чужому человѣку;
Что не поцѣдуешь руки у чужаго,
Что на чужую руку не наденешь кольца,
А теперь пойдешь къ чужому въ домъ,
А теперь сосѣдка, поцѣдуешь его руку,
Теперь надѣнешь кольцо на нее.

Окончивъ шутки, зашѣваютъ задшевную пѣсню:

Вотъ вдали звонятъ колокола,
И съѣзжаются къ дѣвучкѣ свадебные гости,
Она ждала своего брачнаго дня.
Во весь день сѣяла она базиликъ,
Загадывая о счастья съ своимъ женихомъ,
Если она будетъ съ нимъ жить счастливо,
То базиликъ къ вечеру взойдетъ,
Къ полночи скрестится изъ четырехъ листовъ,
А къ утру совьется въ пучекъ.
— И судьба рѣшила, что ей жить счастливо.
Къ вечеру базиликъ взошелъ,
Къ полночи листья скрестились,
Къ разсвѣту образовался кустъ,
Каждый гость получилъ пучекъ цвѣтовъ,
А женихъ получилъ дѣвучку-красавицу,
Одинъ воевода не получилъ цвѣтка,
И невѣста-красавица сказала ему:
«Не сердись на меня, любезный мой деверь,
Я тебѣ лучшій дамъ цвѣтокъ,
Я тебѣ дамъ мою подругу.

Когда всѣ съѣдутся, то садятся по мѣстамъ за столъ. Женихъ въ замѣшательствѣ. Онъ не ѣстъ, не говоритъ, не поднимаетъ глазъ. Его во всемъ замѣняетъ посаженный отецъ, занимающій вообще первое мѣсто. За обѣдомъ теща и другіе родственники прикалываютъ еще нѣсколько платковъ къ шляпѣ жениха.

Невѣсту одѣваютъ въ это время подруги ея въ ея комнатѣ. Она заливается слезами. Наконецъ подруги окутываютъ ее въ большое покрывало.

Не листокъ ли падаетъ съ поля,
Падаетъ на зеленый дѣвичій вѣнокъ,
На вѣнокъ и на русые волосы.
Нѣтъ! не листокъ это съ поля,

Это бѣлое покрывало,
 Бѣлое покрывало — и большая забота!
 Чужую мать должна я назвать своею,
 Чужаго брата должна я звать своимъ братомъ,
 А своего собственного забыть.

Гости выражаютъ свое нетерпѣніе слѣдующею пѣснью:

Выводи сестру, выводи на показъ!
 — Сейчас выведу, только мнѣ жаль ее!
 Жаль не жаль, — а выводи скорѣй
 Потому что она наша;
 Выводи, — она намъ принадлежитъ.

Наконецъ братъ выводитъ рыдающую сестру.

Тише, не плачь, добрая дѣвушка!
 Но мать твоя будетъ о тебѣ плакать,
 И плакать и печалиться о тебѣ.
 Плакать будутъ дѣвушки, твои подруги,
 Когда у колодца не будутъ встрѣчать тебя,
 И когда вода безъ тебя будетъ мутная.

Братъ сдаетъ невѣсту шаферу. Жениха дружески уговариваютъ.

Молодой женихъ, тебѣ вручаютъ розу!
 Тебѣ дають цвѣтокъ съ розмариннымъ стебелькомъ.
 Еслибъ цвѣтокъ этотъ завялъ,
 Тебѣ бы и стыдно и грѣшно было,
 Поливай же прекрасный цвѣтокъ,
 Заботься о немъ, чтобъ онъ не завялъ!

Тутъ начинается очень тяжелая роль для невѣсты. Деверь подводитъ ее къ каждому гостю, и она должна у каждого цѣловать руку. Этотъ обрядъ повторяется и послѣ свадьбы всякій разъ, когда соберутся гости у молодыхъ. Только тогда освобождается молодая отъ унижительнаго обычая, когда объявлена будетъ беременною.

Подруги поютъ пѣсню, призывающую невѣсту обратно:

« Не бузинная вѣтка сорвана съ куста;
 Отрывается красавица Смила отъ матери.
 Отъ матери и отъ всѣхъ родныхъ.
 Воротись, Смила, мать зоветъ тебя. —
 — Раньше бы вамъ звать меня,
 Раньше матери приказывать,
 Прежде нежели я стояла у посаженнаго отца,
 Прежде нежели мнѣ на руку кольцо надѣли,
 Прежде чѣмъ голову покрыли вѣнкомъ.

Вообще невѣста уже видимо покоряется своей участи и смотритъ на свою свадьбу съ хорошей стороны.

Звонъ колоколовъ раздается вдали,
 Прелестную Мару ведутъ въ домъ жениха,
 Милая Мара, плачешь ли ты о матери?
 — Зачѣмъ мнѣ плакать объ матери?
 У моего милаго мать еще добрѣе.
 Милая Мара, плачешь ли ты объ отцѣ?
 Зачѣмъ мнѣ плакать объ отцѣ?
 У моего милаго отецъ еще лучше.
 Милая Мара! плачешь ли ты о братѣ?
 — Зачѣмъ мнѣ плакать о братѣ?
 У моего милаго братъ еще добрѣе.
 Милая Мара! плачешь ли ты о сестрѣ?
 — Зачѣмъ мнѣ плакать о сестрѣ?
 У моего милаго сестра еще лучше.

Далѣе получаетъ она наставленія какъ жить въ домѣ у тещи.

Какъ хорошо сидитъ невѣста
 Подъ вѣнкомъ подлѣ посаженнаго отца!
 Какъ внимательно она смотритъ на жениха!
 И женихъ говоритъ ей:
 «Что ты такъ всматриваешься, душа моя?
 — Смотрю, мой будущій господинъ,
 Какое наставленіе дашь ты мнѣ,
 Чтобъ мнѣ понравиться твоей матери.»
 — Это легко, моя милая!
 Ложись поздно, и вставай рано,
 Носи воду, держи дворъ въ чистотѣ,
 И опрятно чеши свои русые волосы.

Но вотъ гонцы (обыкновенно зятья того же дома) возвѣщаютъ о приближеніи поѣзда:

Раздался выстрѣлъ—вотъ одинъ всадникъ;
 Раздался другой—вотъ и второй;
 Раздался третій, вотъ и воевода.
 Гдѣ, воевода, брачная чета?
 — Я оставилъ ихъ на морѣ подъ веслами.
 — А кто же, воевода, гребетъ веслами?
 — Гребла прелестная невѣста.
 Съ вѣнкомъ на головѣ перевозитъ она
 Жениха своего черезъ море,
 Радуйся, женихова мать,
 Вотъ ѣдетъ женихъ, и везетъ невѣсту.
 До сихъ поръ шла ты
 Воду съ пылью и полынью,
 Теперь будешь пить чистую
 Съ базиликомъ и липями.

Наконецъ поѣздъ прибылъ:

Летить соколъ, ведетъ съ собою подругу.

Да здравствуетъ мать, какъ ей весело и радостно!

Невѣсту встрѣчаетъ за воротами жена брата или сестра жениха. Она несетъ на правой рукѣ ребенка, а на лѣвой кусокъ холста. Деверь снимаетъ невѣсту съ лошади. Невѣста беретъ на руки ребенка и опоясываетъ его красною лентой. Холстъ разстилаютъ предъ нею, и она идетъ по немъ, бросая при этомъ черезъ голову разный зерновой хлѣбъ, который ей подаютъ.

Въ домѣ подаютъ ей самопрялку съ куделью льна; она прикасается ею ко всѣмъ четыремъ стѣнамъ. Потомъ выступаетъ она во внутренне покое, держа подъ каждую мышкою по хлѣбу, во рту кусочикъ сахара, въ одной рукѣ бутылку воды, а въ другой вина. Тамъ складываетъ она все на приготовленный столъ.

На слѣдующій день шествіе повторяется и приглашенія возобновляются, но на этотъ разъ съ примѣчаніемъ, чтобъ всякій приносилъ съ собою что поѣсть и на чѣмъ сѣсть. Гости сходятся съ разными съѣстными припасами, и у каждаго должна быть бутылка вина или водки.

Чавсъ съ разными шутками и прибаутками возглашаетъ обо всякомъ блюдѣ: «вотъ это *тотъ-то* принеси себѣ въ честь и всѣмъ на употребленіе. Онъ же распредѣляетъ между гостями подарки невѣсты, платки, сѣрочки и проч. въ то время, какъ она сама стоитъ все подъ покрываломъ и безпрестанно кланяется.

На другое утро невѣста ходитъ съ кувшиномъ и полотенцемъ, поливая каждому гостю воду на руки, за что каждый бросаетъ ей монету въ кувшинъ. Ей дозволены всякаго рода хитрости, чтобъ выманить больше денегъ. Уловки ея болѣе всего радуютъ самого жениха.

На другой день вѣнчанія приносятъ къ молодой всѣ знакомыя женщины головные уборы, какіе слѣдуютъ для замужней, припѣвая:

Ты пшеничное зернышко!

Умѣй теперь жить умомъ-разумомъ.

Больше всего укорачивай свой язычекъ.

Помолчишь, такъ и хорошо будетъ,

А не помолчишь,—на себя пѣнай.

Въ это время всѣ пьютъ, ѣдятъ и шутятъ. Чѣмъ больше шуму на свадьбѣ, тѣмъ пріятнѣе. Такъ проходитъ цѣлая недѣля. Сербская пословица говоритъ: «онъ безпокоенъ и наглъ, какъ сербскій свадебный гость», а другая поговорка: «ну, что ты разшумѣлся? вѣдь ты же на свадьбѣ».

Вотъ одна изъ пѣсень, которую поютъ на свадьбѣ:

На дворѣ Ранко росла яблонь;

Пень былъ серебряный, вѣтви золотыя,

Вѣтви золотыя, листья жемчужные.

Листья жемчужные, яблоки коралловые.

Слеталось къ ней много сизыхъ голубей,

Сиделись на нее и ворковали,

Воркуя, клевали они жемчугъ;
 Одна только голубка не ворковала.
 Мать Ранко прогнала всѣхъ голубей,
 «Летите прочь отсюда, сѣрые голуби!
 Это дерево посадилъ Ранко,
 Самъ посадилъ, самъ поливалъ,
 Чтобъ свадебные его гости сидѣли подъ деревомъ
 И вино въ тѣни его пили.

Впрочемъ есть пѣсни и на всѣ случаи: на игры, пляски, во время жатвы, при самопрядкѣ. Вся жизнь серба полна пѣснями и поэзіею. (Das Ausland).

Надгробный памятникъ Салабатъ-Хана. (*Индійская сага*). Чандъ-Биби-ке—Нагаръ, то есть «городъ бѣлой женщины» (такъ зовуть и теперь Гиндусы Ахмед—Нагаръ, въ Декканской области), былъ, за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ управляемъ прелестною Роміею. Она была бѣла, свѣтла и блистательна, какъ серебро; зрѣческое лицо ея сіяло какъ свѣтъ луны. Дворецъ ея внутри цитадели былъ чудомъ архитектуры, украшенной удивительною филигранною работою и богатою мебелью изъ цѣльнаго золота и серебра. Дворецъ былъ окруженъ прекраснѣйшими садами, и тысячи фонтановъ производили благотворную прохладу.

Можно вообразить себѣ, что Ромія была окружена толпою обожателей, искавшихъ руки ея. Знаменитѣйшіе раджпуты, набабы, декканскіе раджи лежали у ногъ прелестной владѣтельницы, но она всѣмъ отказывала, нежелая имѣть надъ собою повелителя.

Салабатъ-Ханъ прибылъ также ко двору Роміи и почувствовалъ къ ней любовь. Онъ былъ молодъ, красивъ и мужественъ. Онъ одинъ произвелъ надъ сердцемъ Роміи живое впечатлѣніе, но получилъ также отказъ гордой владѣтельницы.

Салабатъ-Ханъ въ отчаяніи удалился и бросился искать смерти въ битвахъ. Тогда Индія была раздираема междоусобными войнами, но къ которой сторонѣ Салабатъ ханъ не приставалъ, вездѣ одерживалъ верхъ. Въмѣсто смерти находилъ онъ вездѣ славу и побѣду.

Прошли годы. Салабатъ-Ханъ продолжать побѣждать, а Ромія отказывать своимъ женихамъ. Но настала и для нее черная година. Девліи-скіе князья давно уже съ завистью смотрѣли на цвѣтущую область Роміи и рѣшились овладѣть ею.

Однажды съ высокихъ валовъ Чандъ-Биби усмотрѣны были густыя тучи приближающагося войска. Ромія видѣла невозможность сражаться съ многочисленными врагами въ открытомъ полѣ, и рѣшилась защищаться въ крѣпости, умереть какъ королева.

Въ эту минуту вспомнила она о Салабатъ-Ханѣ и отправила къ нему гонца, прося о помощи. Къ несчастію, онъ былъ далеко и нескоро могъ поспѣть.

Между тѣмъ осада продолжалась. Горсть защитниковъ день отъ дня уменьшалась и надежды на спасеніе не было.

Когда истощены были все усилія, и Ромія увидѣла, что непріятельская армія двинулась на приступъ, она, не желая достаться живою во власть враговъ, поспѣшила къ колодцу и бросилась въ него.

Едва совершилось это ужасное дѣло, какъ на горизонтѣ показались отряды Салабатъ-Хана. Черезъ часъ городъ былъ свободенъ, враги истреблены, а Салабатъ-Ханъ съ торжествомъ спѣшилъ къ ногамъ Роміи.

Громова вѣсть поразила его. Мрачнымъ взоромъ посмотрѣлъ онъ на влажную могилу Роміи, и сѣвши подлѣ нея, велѣлъ себѣ подать чашу шербетъ, всыпалъ въ него какого-то зелья и хладнокровно выпилъ ее.

Черезъ минуту потомъ лежалъ онъ уже мертвый у колодца.

Тутъ же друзья воздвигли ему памятникъ, который и теперь существуетъ. Все несчастные любовники приносятъ туда всегда цвѣты и плоды которыми украшаютъ этотъ памятникъ. (Erheiterung).

Новыя изслѣдованія лаузицко-сербскаго нарѣчія. — Лаузицко-сербскій языкъ раздѣлился на двѣ вѣтви, а именно: на верхне и нижне-лаузицкій. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою литературу. Въ послѣднее время верхне-лаузицкій языкъ приобрѣлъ нѣкоторое значеніе между прочими славянскими племенами, потому что на немъ изданы нѣкоторыя сочиненія, напечатанныя южно-славянскими письменами.

Нижне-лаузицкій языкъ далъ до сихъ поръ только собраніе народныхъ пѣсень, и оно не у многихъ въ рукахъ, по своей дороговизнѣ (11 талеровъ 15 грошей). На верхне-лаузицкомъ языкѣ вышелъ недавно переводъ басень Фелра. Онъ дешевъ и доступенъ всемъ славянскимъ племенамъ.

Въ предисловіи этой книги издатель указалъ, какъ на все драгоцѣнныя свойства нижне-лаузицкаго языка, сохранившагося съ древнѣйшихъ временъ славянскаго міра, такъ и на частности этого языка по различію его съ другими славянскими діалектами. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній.

Звукъ *ч* (*дъвиче-дѣвушка*) превратился большею частію въ *ц*. Въ-сто *часъ*, *чакамъ*, говорятъ уже *цасъ*, *цакамъ* (я жду).

д. Превращается при смягченіи послѣ шипящихъ буквъ въ *дже*, какъ въ верхне-лаузицкомъ и польскомъ. Напримѣръ, *гоздъ* (кустъ) въ *гоздѣжъ*. Большею же частію превратился этотъ звукъ въ *ж* или *з*. *Жера* (дыра), *зень* (день), родит. (*дня*) (*dnja*), *жеръжъ* (жердь), *жольжъ* (желудь) и пр.

Въ существительныхъ именахъ средняго рода на *ло* буква *д* то остается, то совсемъ выбрасывается. Говорятъ *зрѣло* и *зрдло* (источникъ), *гледало* и *гледадло* (зеркало), *сало* и *садло* (жирь). Часто вставляютъ эту букву *д* только для удобства выговора. *Режъ* (рожь) въ родительномъ *ржи* и *рджи*.

е выговаривается въ иныхъ словахъ какъ *и*, напримѣръ: *книги* (дама), *спивамъ* (пою), *зисе—дете* (дитя), *зиса—денса* (сегодня).

h (латинское) употребляется въ видѣ придыхательнаго звука. Въ-сто *око*, *ухо*, *уста* говорятъ: *юко*, *ухо*, *уста*. Въ-сто *вы* произносятся *гу*, напр. *гусоки* вмѣсто *высоки*; *гудаватъ* вмѣсто *выдаватъ* (выдаю).

x смягчилось въ *k* въ словахъ *клебѣ* (хлѣбъ), *кребятѣ* (хребетъ). *л* произносится, какъ въ русскомъ и польскомъ. Странно, что говорятъ *книгли* вмѣсто *книги*.

t послѣ шипящихъ буквъ превращается въ *ч*, напримѣръ: *листвъ* (письмо), въ *листвъ* (въ письмѣ). Кромѣ того *t* превращается въ *с* въ словахъ: *свѣтъ—въ свѣтъ* (въ свѣтъ), *сма* (тьма), *даваств* (давать) *сви-на* (личь) *сванки* (тенки) тонко.

v выброшено въ словѣ *вила* (*хвила*—досугъ), а иногда вмѣсто *ви* употребляютъ только *и*, *Буковина*, *рукавица*, *хвалюще*, вмѣсто *Буковина*, *рукавица*, *Хваловице* (мѣстечко).

Буква *и* послѣ *ц*, *д*, *г*, *х*, *л*, *с*, *т*, *з*, выговаривается какъ *ы*; послѣ *л* и *ж* остается выговоръ *и*. Послѣ *г* и *к* буква *е* произносится какъ *е* (*je*).

Сравнивая ниже-лаузицкій языкъ съ древне-славянскимъ видимъ мы, что въ послѣднемъ болѣею частію ставятъ *ь* вмѣсто *я*, употребляемаго въ верхне-лаузицкомъ нарѣчій.

Древне-славянская полугласная буква *ъ* изображается въ ниже-лаузицкомъ различными звуками, (1 буквою *е*; *мехъ* (мохъ), *режь* (*рожь*), *серць*, *зень* (день), *зерно*, *чесь* (честь); (2 буквою *о*: *полный*, *желтый*, *солнце* (солнце); (3 буквою *у*, напримѣръ: *длуйко* (долгій), *длугъ* (долгъ), *глустый* (толстый), (4 буквою *а* и *я*, напримѣръ: *пласъ* (собака) *гвардый* (гордый), *клярмъ* (кормъ); *ласки* (легкій), *самки* (темный), *глярцъ* (горшокъ), *чарни* (черный); *цартъ* (чертъ), *тварды* (твердый) и пр.

Отрицательная частица *не* замѣнена частицею *ня* (*пја*) въ словахъ *пьябю* (убогій), *пьямъ* (неимѣю), *пьямоу* (немогу).

Двойственное число сохранилось въ ниже-лаузицкомъ нарѣчій, какъ въ склоненіяхъ такъ и въ выраженіяхъ, напримѣръ въ мужскомъ: *му-жа* (оба мужа), *мужоми* (обоимъ мужьямъ) и проч. Въ женскомъ родѣ: *кули* (обѣ пули), *жонже* (обѣ жены), *руце* (обѣ руки); въ среднемъ: *мори* (оба моря), *оци* (оба глаза), *уци* (оба уха).

Двойственное число въ прилагательныхъ составляется въ именительномъ, винительномъ и звательномъ—*добрей* (добрый), въ родительномъ *добрейу*; въ дательномъ, творительномъ—*добрими*.

Глаголы въ лаузицко-сербскомъ языкѣ сохранили прошедшее время древне-славянское. Напримѣръ, въ ниже-лаузицкомъ вспомогательномъ глаголѣ осталось *бьахъ* (былъ), *бь* (ты былъ), *бьамей* (мы были оба); *бьствъ* (вы оба были), *бьамы* (мы были), *бьско* (вы были) *бьху* (они были). Въ первомъ спряженіи: *пьяхъ* (я пилъ), *пьясо*, *до-пи*, *пьямей*, *пьясте*. Во второмъ спряженіи: *падтухъ* (я палъ), *падну*; въ третьемъ спряженіи: *лазахъ* (я лежалъ), *лазаго* и пр.; въ четвертомъ спряженіи: *палахъ* (я горѣлъ), *за-палихъ*. Въ пятомъ спряженіи: *волахъ* (я звалъ)

волозо, и пр. Въ шестомъ спряженіи: *куповахъ* (я купилъ), *куповазо* и проч.

Первое лицо настоящаго времени большею частію на *и* составляется посредствомъ приставленія впереди гласной буквы, требуемой каждымъ спряженіемъ отдѣльно, на примѣръ: 1-е спряженіе *пійемъ* (я пью), 2-е—*пукнемъ* (я учу); 3-е спряж.: *лазимъ* (я лежу); 4-е *палимъ* (я горю), 5-е—*воламъ* (я зову); 6-е спряженіе: *купуйемъ* (я покупаю).

Выписываемъ изъ ниже-лаузицкаго лексикона нѣсколько словъ особеннаго свойства:

вьельми (очень), *розъ* (разъ), *введъ* (сейчасъ), *прецъ* (почему?) *гронисъ* (говорить), *гроно* (рѣчь), *вотгроно* (отвѣтъ), *розграниссе* (разговаривать), *хонисъ* (начинать), *захопенкъ* (начать), *вещей* (больше), *разлегиссе* (отозвалось), *кражу* (тайно), *плесъ* (плавать), *сромота* (стыдъ), *п.мисцъ* (жалоба), *редни* (красивый), *тужни* (печальный), *тужница* (печаль), *уйспивасъ* (упрекать), *мальспосъ* (быстрота). *Нальна* (обезьяна), *михтъ* (никто), *хитасъ* (кидать), *трусъ* (обманывать), *рикасъ* (рыкать, реветъ), *зукъ* (звукъ), *порасъ* (длитель), *вронъ* (воронъ), *гадъ* (ядъ), *бейа* (сука), *скободну* (смѣлый), *живвазъ* (вепрь), *горниви* (гнѣвный), *злудзей* (воръ), *лайасъ* (лаять), *бизонъ* (журавль), *ергель* (орель), *помста* (мечь), *ловля* (головня), *приода* (случай), *рампо* (свинья), *карвона* (варона), *попава* (черепаха), *збажо* (рогатый скоть), *ювъ* (здѣсь), *преможеень* (имѣнье), *блидо* (столь), *поскасъ* (цѣловать), *впаза* (домъ), *дербство* (наслѣдство), *изпа* (комната—изба), *постоль* (постель), *лото* (жалъ), *лотовасъ* (жалѣть) *млоги* (много), *наледъ* (видъ), *самострыль* (лукъ), *гадасъ* (гадать), *дабросъ* (доброта), *пулускъ* (уголь) *всаки* (разный, всякій), *копье* (копье), *вшикки* (всѣ), *слобрани* (серебряный), *коваль* (кузнецъ), *презъ* (безъ), *делько* (доска), *налогъ* (привычка), *свожба* (семья), *люй* (шотъ), *какатъ* (пѣтухъ), *ясколица* (засточка), *куда* (куда), и пр. (Das Ausland).

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

— **Изнѣшившее состояніе физической географіи.** Мери Соммервиль, ученая женщина, пользующаяся извѣстностью, всѣми уважаемая мать и жена, успѣла пріобрѣсть столько математическихъ познаній, что, казалось, надобно было употребить на это всю свою жизнь и занятія. Ея *трактатъ о механикѣ небесныхъ тѣлъ* доказываетъ, что она изучала сочиненія знаменитаго Лапласа, за теоритическими опытами котораго не многіе могли слѣдовать. Ньютонъ говоритъ, что въ книгѣ Лапласа есть главы, которыя могутъ затруднить даже опытнаго математика, и совѣтуетъ при первомъ чтеніи пропустить ихъ, занявшись скорѣе изслѣдованіями, относящимися въ системѣ міра. Еще больше можно было бы выпустить подобныхъ главъ въ сочиненіи Лапласа *Mechanique Céleste*. Но Соммервиль изложила ихъ съ простѣйшими ис-

численіями, съ особеннымъ планомъ и замѣчательнымъ упрощеніемъ выводовъ.

Надобно прибавить, что переводъ американскаго геометра Боудича книги Лапласа на англійскій языкъ еще не появился, когда Коммервилъ издала свое сочиненіе.

Вторая книга ея: *О изученіи физическихъ наукъ* переведена на французскій языкъ г-жею Туллиею Меліанъ. Это сочиненіе составлено по образцу *Изображенія системы міра* Лапласа, и соединяетъ въ себѣ тѣ же недостатки, то есть: накопленіе фактовъ и результатовъ, которыхъ невозможно развить въ одной книгѣ. Физическая астрономія, метеорологія, оптика, земной магнетизмъ, всѣ результаты физики изложены, или лучше сказать поименованы въ этой книгѣ. Это сочиненіе дѣлается день отъ дня болѣе недостаточнымъ, но не менѣе того заключаетъ въ себѣ огромную массу полезныхъ свѣдѣній, опредѣляя степень состоянія наукъ въ данную эпоху.

Наконецъ, въ послѣднемъ сочиненіи своемъ: *Физическая географія*, Коммервилъ отступила отъ учебной рамки этой науки. Это не только физическое описаніе земли, материковъ ея и морей, климатовъ, атмосферическихъ теченій, дождей, снѣговъ, рѣкъ, метеорологическаго вліянія вѣтровъ, бурь, грозъ, всѣхъ явленій электричества, свѣта и теплоты. Въ этой книгѣ повторяется еще значительная часть описаній Гумбольдта въ его *картинахъ природы*. Разныя полосы земнаго шара описаны со всѣми растеніями, деревьями, насѣкомыми, рыбами, пресмыкающимися, птицами, четвероногими и ископаемыми, представляющими намъ слѣды допотопныхъ временъ, точно такъ какъ Геркуланумъ и Помпея оставили намъ слѣды римской жизни въ началѣ нашей эры.

Извлечемъ изъ новаго сочиненія г-жи Коммервилъ замѣчательнѣйшіе факты.

При первомъ взглядѣ на земной шаръ поражаетъ преобладаніе воды надъ сушею. Материки занимаютъ только четвертую часть поверхности планеты, и эта масса земли болѣе всего скопилась на сѣверѣ.

Атлантическій Океанъ представляетъ глубокую равнину, залитую съ одного полюса до другаго соленою водою иногда на десять верстъ глубины. Онъ извилинами разливается между древнимъ и новымъ свѣтомъ. И Колумбъ, и Америкъ Веспучцій думали, что Америка составляетъ оконечность Азии. Для нихъ Тихій Океанъ не существовалъ, и однако же онъ одинъ больше всѣхъ материковъ вмѣстѣ взятыхъ.

Индійскій Океанъ менѣе другихъ, потому что неидетъ далѣе Южной Азии, тогда какъ Атлантическій и Тихій простираются отъ полюса до полюса.

Извѣстно, что португалець Магелланъ прославилъ свое имя первымъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ. Дойдя до Америки, онъ поплылъ на югъ вдоль береговъ ея до грознаго пролива, названнаго его именемъ, по которому теперь мореходцы рѣдко рѣшаются плыть, предпочитая обгибать мысъ Горня. Но тогда Магелланъ не зналъ, что море свободно за оконечностью Америки. Онъ думалъ, что оно идетъ до южнаго полюса, и потому прошелъ проливъ и вступилъ въ Тихій Океанъ. Тамъ

поднялся онъ опять къ сѣверу до острововъ, изобилующихъ пряными кореньями. Это была цѣль испанской экспедиціи. Надобно было приѣхать къ этимъ островамъ раньше другихъ державъ по неизвѣстному пути. Магелланъ погибъ въ этихъ мѣстахъ, но корабль его и спутники возвратились въ Европу путемъ, открытымъ Васко де Гама около мыса Доброй Надежды и измѣнившимъ всю торговлю, которая прежде шла черезъ Венецію, Александрію и другія гавани Средиземнаго моря.

Обыкновенно говорятъ, что Магелланъ не вполне совершилъ свое кругосвѣтное плаваніе. Это ошибка. Онъ предпринялъ достигнуть меридіана Молукскихъ острововъ съ запада, и бывши прежде въ этихъ же водахъ обыкновеннымъ путемъ, дѣйствительно совершилъ кругосвѣтное путешествіе. А какъ въ Испанской экспедиціи, которою онъ командовалъ, не было, конечно, ни одного изъ Португальцевъ, которыхъ онъ въ первую поѣздку встрѣтилъ у Молукскихъ острововъ, то можно приписать *ему одному* честь объѣзда всѣхъ меридіановъ земнаго шара.

Всѣ горы, кромѣ огнедышащихъ, составлены изъ скалистыхъ слоевъ, приподнятыхъ съ одной стороны и на нѣсколько сотъ метровъ наклоненныхъ на противоположную, а съ другой углубленныхъ въ землю на огромное разстояніе. Странно, что изгибистые берега материковъ, маленькіе островки, составляющіе вершины горъ тѣхъ странъ, которыя поглощены моремъ, наконецъ тысячи разорванныхъ скалъ въ горныхъ цѣпяхъ, отдѣляющихъ бассейны рѣкъ: все носитъ отпечатокъ геологическихъ переворотовъ.

Положимъ, что мы находимся на южномъ берегу Франціи, посреди песковъ Аркажонскаго бассейна. Замѣтимъ, что по временамъ сильная буря вздымаетъ пески морскихъ береговъ и образуетъ песчаный холмъ. Западный вѣтеръ, господствующій во Франціи, наноситъ все болѣе и болѣе морской песокъ, заставляя какъ бы подвигаться впередъ, во внутренность населенныхъ областей, образовавшіеся холмы песка. Это видимое передвиженіе составляетъ въ годъ одинъ метръ. Удалимся теперь отъ берега и будемъ слѣдовать за этими песчаными холмами, мы найдемъ всю страну покрытую ими и далеко уже подвинувшимися впередъ. Всѣ эти холмы получаютъ новое приращеніе песку при всякомъ западномъ вѣтрѣ, ссыхающимъ вершины ихъ и подвигающимъ ихъ на одинъ метръ впередъ каждый годъ. Надобно мимоходомъ сказать, что это физическое явленіе природы составляетъ совершенное разореніе для этой страны. Оно не только лишаетъ ее плодородія, но засыпая воду, производитъ болота, весьма вредныя для здоровья.

Засореніе Тибра въ продолженіе историческихъ временъ, сравненное съ древнѣйшими, даетъ тотъ же результатъ. Тоже оказывается и при исчисленіи слоевъ, смываемыхъ ежегодно дождями съ крутыхъ скалъ.

Для уразумѣнія этихъ явленій должно допустить, что почва материковъ покоится на жидкообразномъ ядрѣ. Это доказывается частыми землетрясеніями, когда дѣйствіемъ подземныхъ силъ поверхность почвы волнуется какъ при безвѣтряной бурѣ. Въ 1755 году погибло въ Лиссабонѣ шестьдесятъ тысячъ жителей. Послѣ первыхъ ударовъ, раз-

рушившихъ дома, которые загорѣлись отъ огня, оставшагося въ печахъ, вдругъ новое волненіе земли подняло русло Тага въ нижнихъ частяхъ города, отъ этого рѣка не могла выливаться въ море и превратилась въ обширное озеро, затопивъ часть Лиссабона. Нѣсколько времени спустя рѣка вошла въ свои берега, и унесла съ собою все, что могла. Надобно признаться, что при этомъ случаѣ люди были достойны еще худшей участи. Разбой, грабежи производились повсюду, и для водворенія порядка окружили городъ цѣлыми кордонами висѣлицъ.

Оказалось, что въ это же время землетрясеніе распространилось отъ Сѣверной Лапландіи до Южной Испаніи, отъ устьевъ Рейна до устьевъ Дуная. Какъ не заключить, что внутренность планеты находится въ жидкообразномъ состояніи.

Обнаруживается сверхъ того другое явленіе: въ странахъ самыхъ удаленныхъ отъ огнедышащихъ горъ, температура земли возвышается по мѣрѣ углубленія въ землю. Исчисляя постепенность этого возвышенія, находимъ, что на глубинѣ шестидесяти верстъ, всѣ матеріи во внутренности земнаго шара должны быть въ расплавленномъ состояніи, что оказывается и на опытѣ. Извѣстно, что вода ручьевъ и фонтановъ, падающая въ колодцы, глубоко изрытые самою природою, возвращается оттуда въ видѣ горячихъ водъ, отъ соприкосновенія со внутреннею теплою земли. Воды Гренельскаго колодца въ Парижѣ, выходя изъ глубины шести сотъ футовъ, почти равняются теплымъ источникамъ, а въ глубокихъ рудоконьяхъ царствуетъ всегда лѣтняя температура.

Когда, въ слѣдствіе землетрясеній дѣлаются разсѣлины въ почвѣ, наружу выступаетъ *лава*. Эта расплавленная матерія тяжелѣе земли и на ней могутъ держаться верхніе слои почвы, какъ вода держитъ на себѣ ледъ; но когда ледъ треснетъ, она прорывается и покрываетъ его. При дѣйствіи волкана видна эта жидкая масса, поднимающаяся вверхъ и льющаяся въ разсѣлины. Она служитъ образчикомъ состоянія внутренности планеты. Замѣчательно, что она всегда одинакова во всѣхъ странахъ свѣта.

Кромѣ колебанія земли во время землетрясеній, обнаруживается еще постоянное возвышеніе материковъ. А именно: на берегахъ Балтійскаго моря, на Атлантическомъ океанѣ отъ Кале до Байоны. Соленые сѣвнйскіе озера перестали заливаться морскими волнами по причинѣ возвышенія почвы, или, какъ несправедливо выражаются, по причинѣ отступленія моря. Въ Рошфортѣ верфи, построенныя при Людовикѣ XIV, теперь на одинъ метръ выше нынѣшнихъ. Нѣкоторые острова, напримеръ Нуармутъ, вскорѣ присоединятся къ твердой землѣ, тогда какъ во времена Генриха IV по этимъ мѣстамъ разѣзжали въ лодкахъ. Въ другихъ же мѣстахъ почва осѣдаетъ въ море, какъ замѣчено въ Греціи, Индіи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Италіи.

До сихъ поръ наука не придумала инструментовъ для измѣреній движенія почвы во время землетрясеній. Когда она снабдитъ насъ ими, то вѣроятно, кромѣ случайныхъ и насильственныхъ измѣненій почвы узнаемъ мы и другія медленно и незамѣтно происходящія.

Перейдемъ теперь отъ явленій земныхъ къ морскимъ. Возьмемъ на примѣръ морскія теченія. Мы видимъ тропическія моря текущими съ востока на западъ отъ Старога Свѣта къ Новому. Достигнувъ до глубины Мексиканскаго залива, теченіе идетъ къ сѣверу вдоль Ньюфаундленда и возвращается къ Европѣ на высотѣ Англій и Норвегіи; потомъ спускается опять къ Африкѣ, пройдя около испанскихъ береговъ, и возвращается къ прежнему большому тропическому теченію. Время кругообращенія этого океаническаго теченія составляетъ три года съ половиною. Оно извѣстно подъ названіемъ Гольф-Стрима (Gulf-Stream); отъ него переѣздъ кораблей изъ Европы въ Америку дѣлается медленнѣе, нежели обратно. Но изъ этого явленія можно извлечь другія важнѣйшія послѣдствія.

Во-первыхъ теплыя воды, приносимыя теченіемъ къ верхнимъ сѣвернымъ широтамъ, уменьшаютъ холодъ этихъ странъ. Поразительна разность климатовъ между Европою и Америкою подъ одинаковыми широтами. Западные вѣтры, царствующіе въ Европѣ, перелетая черезъ теплыя воды Гольф-Стрима, приносятъ ей теплоту. Рожь родится даже у Нордъ Кана, тогда какъ подъ тою же широтою въ Америкѣ все безплодно. Устье рѣкъ св. Лаврентія на одной высотѣ съ Сеною, но первая замерзаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Въ Бостонѣ, гдѣ бы долженъ быть одинаковый климатъ съ южною Франціею, пруды даютъ ледъ болѣе метра толщины. Правда, что Американцы пользуются и этою суровостію климата, производя обширную торговлю *льдомъ*. Болѣе четырехъ сотъ кораблей развозятъ этотъ товаръ даже въ Калькуту, предохраняя его отъ таянія древесными опилками, тростникомъ и мансовыми листьями.

Подобное же морское теченіе существуетъ и на югѣ Атлантическаго океана. Тамъ тропическія воды спускаются къ югу вдоль восточныхъ береговъ Америки, но какъ оконечность южной Америки гораздо ниже экватора, то количество теплой воды здѣсь уже меньше, нежели на сѣверѣ. Тоже самое можно сказать и о Великомъ океанѣ, и результатъ этихъ явленій состоитъ въ томъ, что на югѣ гораздо холоднѣе въ одинаковыхъ широтахъ, нежели на сѣверѣ. Этотъ важный фактъ, для объясненія котораго придумывали самыя странныя гипотезы, очень простъ. Сѣверъ получаетъ больше теплой тропической воды, нежели югъ. Не нужно утверждать, что южное небо холоднѣе, тогда какъ воздухъ тамъ не такъ прозраченъ, и слѣдственно менѣе лучистой теплоты теряется въ пространствѣ.

Тихій океанъ тоже между тропиками устремляетъ теплыя волны отъ востока къ западу. Воды эти встрѣчаютъ на пути Сондскіе острова и Австралію; какъ и въ Атлантическомъ океанѣ большая часть водъ течетъ здѣсь къ сѣверу вдоль китайскихъ и японскихъ береговъ. Отъ этого подъ вліяніемъ западныхъ вѣтровъ Колумбія пользуется одинаковымъ климатомъ съ Европою. Слабѣйшая же часть теченія спускается къ югу вдоль австраійскихъ береговъ, и возвращаясь къ западнымъ берегамъ Америки, вступаетъ опять въ тропическое круго-

обращеніе. Слѣдственно и здѣсь количество теплой воды болѣе получается сѣверомъ, нежели югомъ.

Въ Маломъ индѣйскомъ океанѣ есть также свое теченіе къ югу вдоль Африки и Мадагаскара, возвращающееся потомъ по западному берегу Австраліи. Верхняя часть этого океана между экваторомъ и Азіею не имѣетъ никакого теченія водъ, отчего происходятъ сильныя жары лѣтомъ на берегахъ Азіи. Ужасно подумать, чего стоило Англій владычество ея въ Остѣ-Индіи, и сколько людей погибло отъ климата! Даже въ Америкѣ, гдѣ англо-саксонское племя должно было, кажется, свыкнуться съ климатомъ, средняя продолжительность жизни короче, нежели въ Европѣ. Въ равномъ количествѣ жителей Соединенныхъ-Штатовъ и Европы, гораздо менѣе стариковъ въ новомъ свѣтѣ, нежели въ старомъ.

Такимъ образомъ, вотъ уже пять океаническихъ круготеченій, а именно: два въ Атлантическомъ океанѣ, два въ Тихомъ и одинъ въ Индѣйскомъ. Прибавивъ къ этому два полярныя теченія около ледовитыхъ морей на полюсахъ, будетъ всего семь теченій. Изученіе ихъ составляетъ важную часть науки мореплаванія. Умѣнье пользоваться этими теченіями представляетъ слѣдующій фактъ. Для переѣзда съ Антильскихъ острововъ въ Ямайку употребляютъ ровно столько же *недѣль* сколько *дней* изъ Ямайки на Антильскіе острова.

Вотъ еще извѣстное водяное явленіе. Съ поверхности морей поднимается вода въ видѣ паровъ, и ступаясь въ облакахъ, спускается въ видѣ дождя и снѣга, а потомъ втекая въ ручьи и рѣки, возвращается опять въ прежній видъ, оросивъ поля. Паскаль называлъ рѣки *ходлячими дорогами*. Въ рѣкахъ, гдѣ дѣйствуетъ морской приливъ, какъ на примѣръ въ Сенѣ, отъ Гавра до Руана, ходячая эта дорога движется два раза въ день по двумъ разнымъ направленіямъ.

Всего знакомѣе намъ паденіе атмосферической воды въ видѣ дождя. И однакоже ни одно явленіе не было такъ поздно объяснено. Въ тропическихъ климатахъ дожди эти чрезвычайно сильны и многоводны, но въ Европѣ можно отъ нихъ большею частію защититься зонтикомъ.

По закону физики, который такъ же ясенъ въ результатѣ, какъ темень въ теоріи, всякая масса воды, надъ которою есть воздухъ, безпрестанно испаряется въ этомъ воздухѣ незамѣтнымъ образомъ въ видѣ паровъ, и количество пара тѣмъ больше, чѣмъ теплѣе вода. Можно слѣдовательно вообразить какое количество паровъ получаетъ вся атмосфера земнаго шара, три четверти поверхности котораго заняты океанами, не считая рѣкъ, озеръ и болотъ на материкахъ. Атмосфера составляетъ не одинъ чистый воздухъ, а смѣшанный съ парами. Если въ атмосферѣ нѣтъ достаточнаго количества паровъ, какъ при жаркихъ вѣтрахъ самумѣ или хамсинѣ, растенія и животныя погибаютъ. Для жителей Англій, привыкшихъ къ сырому воздуху, сухіе восточные вѣтры чрезвычайно вредны. Въ Парижѣ количество паровъ совершенно пропорціонально воздуху, и потому климатъ его здоровѣе лондонскаго.

Но какая сила выжимаетъ изъ воздуха воду, содержащуюся въ немъ въ видѣ паровъ, почти также какъ рука выжимаетъ воду изъ мокрой губки? Это холодъ. Какая же причина этого холода, и отчего въ лѣтній зной тропическаго лѣта горизонтъ покрывается вдругъ облаками, превращающимися въ цѣлые потоки воды?

Это происходитъ тоже по извѣстному физическому закону: воздухъ, какъ и всякое тѣло, при сжатіи согрѣвается, а при расширеніи охлаждается. Если сжать воздухъ въ маленькой грубочкѣ (воздушное огниво), то оно зажигаетъ трутъ. Наоборотъ: воздухъ, расширяясь производитъ охлажденіе. Если изъ сыраго погреба выпустить сжатый воздухъ, то онъ вылетая расширяется, и сырость, которую онъ содержитъ, обнаруживается водою или льдомъ на близлежащихъ тѣлахъ. Такимъ же образомъ и въ атмосферѣ, всякая масса воздуха, механически поднятая въ верхніе слои вѣтромъ ли скользящимъ по горамъ снизу вверхъ, восходящими ли теченіями воздуха, или столкновеніемъ двухъ встрѣчающихся направленій воздуха, эта масса сдѣлается легче уменьшеніемъ воздушнаго столба надъ нею, и расширясь, чрезъ это, понизится въ температурѣ. Снесите на вершину высокой горы пузыри, не вполне надутые воздухомъ. На вершинѣ вздуются они совершенно отъ расширенія этого воздуха внутри, по уменьшенію надъ нимъ тяжести воздушнаго столба. Вода же, поднятая на небольшую высоту, охладится отъ расширенія градусъ на два. Это же объясняетъ холодъ почвы на высокихъ горахъ. Всякое теченіе воздуха, поднимающееся вверхъ по скату, расширяется, будучи менѣе стѣснено верхними слоями воздуха. Это расширеніе производитъ охлажденіе, сообщающееся и почвѣ. Если въ этомъ воздухѣ есть сырость, то она осаждается въ видѣ дождя или снѣга; оттого-то съ вершинъ горъ низвергаются эти массы воды и снѣговъ, покрывающихъ ихъ вершины по нѣскольку мѣсяцевъ или всегда.

Предположимъ, что наблюдатель стоитъ на вершинѣ горы. Если поднимется вѣтеръ съ равнины и подуетъ къ горѣ свѣтлый и прозрачный воздухъ, вотъ что произойдетъ при этомъ:

По мѣрѣ того, какъ массы воздуха будутъ подниматься по скату горы, не образуя облаковъ, воздухъ этотъ будетъ расширяться и охлаждаться. Это охлажденіе сгуститъ часть паровъ, содержащихся въ воздухѣ и произведетъ туманъ или облака. Продолжая возвышаться, расширеніе и холодъ усилятся и этотъ же самый воздухъ, столь чистый въ долині, превратится въ дождь. Если наконецъ этотъ воздухъ достигнетъ до вершины горы, это охлажденіе превратится уже въ снѣгъ.

Подобно тому, какъ восходящее теченіе сыраго воздуха превращаетъ его въ дождевую, или снѣговую тучу, нисходящая масса сыраго воздуха, сжатіе его и теплота отъ того происходящая, возвращаютъ обыкновенную его прозрачность и разлагаютъ облака или туманъ. Такъ часто съ высотъ Пиринейскихъ горъ спускаются на равнины Франціи массы облаковъ, которые повидимому должны покрыть мракомъ всю окрестность, озаряемую лучами солнца. Но по мѣрѣ того какъ

эти массы спускаются къ подошвѣ горъ, онѣ сжимаются, разогрѣваются и становятся прозрачными.

Еще другой примѣръ часто можно видѣть на вершинѣ Канигу (самая высокая гора восточныхъ Пириней). Сильный вѣтеръ дуетъ изъ Франціи въ Испанію; нигдѣ вѣтъ облаковъ, кромѣ узенькой и тонкой полосы, которая, не смотря на жестокость вѣтра, упорно держится надъ вершиною. Наблюдатель можетъ подойти къ этой полосѣ и обмокнуть въ нее карандашъ. Вся тайна явленія состояла въ томъ, что воздухъ имѣлъ въ себѣ не болѣе сырости, какъ молоко, чтобы на этой высотѣ превратиться въ облако. Ниже онъ былъ чистъ и прозраченъ. Достигая же этой точки, терялъ свою прозрачность отъ холода и расширения.

Примѣнимъ это явленіе къ системѣ дождей и возьмемъ для наблюденія Францію. Господствующіе западные вѣтры приносятъ съ Атлантическаго океана сырой воздухъ. Еслибъ этотъ вѣтеръ просто скользилъ по низменной поверхности приморскихъ береговъ, то массы океаническаго воздуха неподнялись бы къ верху. Но встрѣчаясь съ неравностями материка, воздухъ этотъ задерживается въ своемъ теченіи и останавливая послѣдующій за нимъ вѣтеръ, заставляетъ послѣдній подниматься какъ бы вдоль холма. Слѣдующія затѣмъ массы поднимаются еще выше тѣмъ же механизмомъ, и производя охлажденіе, раждаютъ дождь, наполняющій Сомму, Сену, Дуару, Таранту, Гаронну, которыя обратно изливаютъ эту воду въ море. Но если слѣдовать за этими западными вѣтрами до Альпійскихъ горъ, тогда постепенное расширеніе и охлажденіе воздуха разовьется въ большомъ размѣрѣ. Эти западные вѣтры, превратясь въ дожди, наполняютъ здѣсь Рону и Рейнъ. На югѣ Альпъ теплый воздухъ Ломбардскихъ долинъ, поднимаясь вверхъ по скатамъ горъ, даетъ воду рѣкѣ По и Авернскимъ притокамъ ея. Къ сѣверу Альпъ сѣверовосточный вѣтеръ, ударяя въ тѣже горы, даетъ воду для Дуная.

Вообще географическая форма странъ господствующихъ вѣтровъ опредѣляетъ орошеніе ея. Въ прежнія времена никогда не шелъ дождь въ Нижнемъ Египтѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ развели плантаціи, вѣтеръ, встрѣчая уже препятствія, поднимается, охлаждается и производитъ дождь. Теперь уже нельзя, какъ прежде, хранить хлѣбъ на крышахъ.

По мѣрѣ возвышенія атмосферы, воздухъ дѣлается болѣе и болѣе холоднѣе и сухъ. Водяные пары достигаютъ только до извѣстной высоты. Всякій случай, низводящій этотъ верхній слой воздуха въ долину, производитъ неожиданное явленіе. Сперва этотъ холодный воздухъ сжимаясь, сильно разогрѣвается, и какъ онъ до того сухъ, что въ этой температурѣ неспособенъ къ движенію, то и производитъ вѣтеръ, извѣстный подъ названіемъ самума, который безъ сомнѣнія происходитъ отъ массы верхнихъ слоевъ воздуха, устремляющихся къ низу отъ какого нибудь сильнѣйшаго, противнаго воздушнаго теченія. Этотъ вѣтеръ вреденъ и животнымъ, и растеніямъ своею чрезмѣрною теплотою и сухостью.

Вѣтры, представляющіе теченіе воздушнаго, безбрежнаго океана, слѣдуютъ законамъ механики, физики и гидравлики. Если человѣкъ и слишкомъ слабъ противъ силъ природы, онъ долженъ однакоже изучить законы ея для своихъ польвъ.

Обратимся теперь къ теоріи лучистой теплоты, производящей свѣтъ и теплородъ, два невѣсомые агента природы.

Всѣ тѣла, близко одно подлѣ другаго находящіяся сообщаютъ другъ другу невидимые лучи теплорода. Размѣнъ этотъ происходитъ до тѣхъ поръ, пока холоднѣйшее изъ тѣлъ согрѣется, а теплѣйшее остынетъ, такъ чтобъ температура между ними была одинаковая. Если привести въ запертую ставнями комнату раскаленное ядро, то въ одно время виднѣнъ свѣтъ отъ ядра, и ощутительна испускаемая имъ теплота. Когда ядро сдѣлается невидимо, теплота все еще долго ощутительна отъ него. Слѣдственно есть невидимое испусканіе лучей темной теплоты. Такимъ образомъ, когда мы ночью гуляемъ при ясномъ небѣ, тѣло наше испускаетъ изъ себя теплородъ, а само очень мало получаетъ его. Отъ этого происходитъ сильное охлажденіе тѣла даже въ самыхъ жаркихъ климатахъ. Докторъ Удней въ буквальномъ смыслѣ умеръ отъ ночнаго холода.

Мы видимъ, что свѣтъ отражается отъ бѣлыхъ, гладкихъ и блистающихъ тѣлъ; слѣдовательно онъ не такъ легко проникаетъ въ нихъ. Тоже дѣйствіе происходитъ и съ лучами теплорода. Гладкая и блестящая поверхность останавливаетъ ихъ при входѣ въ тѣло и при выходѣ изъ него, хорошо полированная серебряная кофейница скоро нагрѣвается, но за то въ ней и не простываетъ налитая горячая жидкость.

Бѣлая одежда, песчаная почва, деревья съ бѣлою корою медленнѣе проникаются теплотою и свѣтомъ, но получивъ ихъ, труднѣе выпускаютъ. Снѣгъ своею бѣлизною предохраняетъ отъ морозовъ покрытыя имъ хлѣбныя зерна; но если посыпать его золою или углемъ, то все подъ снѣгомъ мерзнетъ. Первые цвѣты фруктовыхъ деревьевъ обыкновенно освѣпительной бѣлизны, и цвѣтъ этотъ защищаетъ ихъ отъ вреднаго вліянія весеннихъ морозовъ. Природа дѣлаетъ не безъ причины человѣка и многихъ другихъ животныхъ на старости сѣдыми. Пиринейскія куропатки, сѣверные зайцы бѣлѣютъ къ зимѣ. Это превращеніе мѣха дѣлается очень быстро. Одна арктическая крыса, которую держали въ клеткѣ на кораблѣ, побѣлѣла въ одну ночь. Сѣверные жители всѣ почти бѣлокуры и всегда почти одѣваются въ бѣлую одежду. Природа и опытность научаютъ ихъ лучшему средству къ сохраненію теплоты. Напротивъ того, у черныхъ племенъ Африки природа какъ бы хотѣла дать больше возможности теплотѣ выходить изъ тѣла. Правда, что этимъ она подвергаетъ негра большому дѣйствію лучей солнца, но его дѣло скрываться отъ нихъ, тогда какъ будучи бѣлокурымъ онъ бы погибъ отъ сосредоточеннаго дѣйствія жизненной теплоты, трудно выпускаемой бѣлою кожей. По этому тропическіе жары и вредны европейцамъ.

Если хотите путешествовать лѣтомъ днемъ, то одѣвайтесь въ бѣлое

платье, оно изолируетъ тѣло. Но ночью одѣвайтесь въ темное и теплое. Впрочемъ, все восточные народы: арабы, персы, турки одѣваются тепло. Они говорятъ, что то, что предохраняетъ отъ холода, спасаетъ и отъ жара, и они правы.

Любопытно, что лучи солнечной теплоты, проходя сквозь наши оконныя стекла, нагреваютъ комнаты, тогда какъ стекло не пропускаетъ земную теплоту въ оранжереяхъ и теплицахъ. Солнечные лучи нагреваютъ землю сквозь стекла на грядкахъ, но назадъ теплота не выходитъ. Двойныя рамы въ комнатахъ дѣлаютъ тоже.

Сосуръ производилъ любопытный опытъ. Сосудъ съ чернымъ дномъ закрывалъ онъ нѣсколькими стеклами, плотно замазанными и вставлялъ его въ другой сосудъ для предохраненія отъ воздуха. Въ первомъ сосудѣ была поставлена чашка съ водою и выставлена на солнце. Сосредоточенное дѣйствіе лучей сквозь стекла нагреваетъ воду до степени кипятка, потому что проходящій внутрь теплородъ не выпускаетъ его назадъ. Сиръ Джонъ Гершель повторилъ этотъ же опытъ на мысѣ Доброй Надежды съ однимъ стекломъ, и получалъ кипятокъ. Онъ даже клалъ въ подобный сосудъ кусокъ сыраго мяса съ овощами и приправами, и оно выходило оттуда варенымъ. Въ путешествіяхъ по Азіи и Африкѣ, хорошее увеличительное стекло прекрасно можетъ замѣнить огонь и дерево, которыя иногда трудно достать.

Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ природѣ—*роса*, обнаруживающаяся въ *тихіи и свѣтлыи ночи*. Только теорія лучистой теплоты доказала въ послѣднее полустолѣтіе причину явленія этой сырости на тѣлахъ. Извѣстно, что если въ сухой сосудъ поставить холодное тѣло, оно тотчасъ же покроется влажностью. Остается узнать какимъ образомъ земныя тѣла охлаждаются до такой степени, чтобы на нихъ осаждалась сырость, находящаяся въ воздухѣ. Причина этого явленія—испусканіе тѣлами лучей теплоты на открытомъ воздухѣ. Темное тѣло скорѣе охладится и покроется росой. Напримѣръ, грифельная доска скорѣе бѣлой мраморной, тогда какъ металлическая совѣтъ не обнаружитъ росы, испуская очень мало лучистой теплоты. Спокойствіе воздуха составляетъ при этомъ необходимое условіе, потому что при волненіи его, она безпрестанно сообщала бы теплоту тѣламъ, испускающимъ ее.

Ньютонъ сказалъ, что человекъ долженъ посредствомъ немногихъ фактовъ открывать законы природы, и въ этомъ состоитъ главное достоинство книги г-жи Сомервилль. (Revue des deux mondes).

Электрическій телеграфъ для поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Гюйаръ представилъ недавно французской Академіи наукъ записку о системѣ электрической телеграфіи, посредствомъ которой содержится постоянное сообщеніе между ѣдущими поѣздами. Безъ всякаго человеческого содѣйствія сообщеніе это предупреждаетъ всякое столкновеніе двухъ поѣздовъ и предохраняетъ отъ разныхъ несчастій, случаю

щихся на желѣзныхъ дорогахъ. Паровозы сами собою даютъ сигналы, какъ скоро сближаются на извѣстное разстояніе, могущее произвести столкновение. Сторожа при заставахъ, которые бы отъ нерадѣнія забыли опустить шлагбаумъ, тоже предупреждаются сигналами о приближеніи поѣзда, когда еще можно успѣть исправить ошибку.

(Novellen Zeitung).

Спасительный плотъ. Въ Англіи предписано всѣмъ судамъ, отправляющимся съ переселенцами, брать съ собою *спасительный плотъ* Парротта. Онъ состоитъ изъ каучуковыхъ трубокъ, обтянутыхъ холстомъ и сѣтью веревокъ, такъ что посредствомъ поперечныхъ брусевъ, къ которымъ прикрѣплена сѣть, весь аппаратъ можетъ на короткое время превращенъ быть въ плоское судно, могущее во время кораблекрушенія спасти болѣе ста человѣкъ и перенести ихъ черезъ бурю и прибой.

(Nov. Zeit).

Псевдоскопъ. Въ 1852 году Ватстонъ изобрѣлъ новый инструментъ, названный имъ псевдоскопомъ. Онъ названъ такъ потому, что не смотря на всѣ усилія человѣка, онъ представляетъ ему вещи совершенно въ другомъ видѣ, нежели онѣ въ натурѣ. Онъ составленъ изъ двухъ призмъ флинтгласа, вставленныхъ такимъ образомъ, что ихъ можно поднести къ глазу и видѣть сквозь нихъ предметы. Каждая призма представляетъ предметъ въ обратномъ видѣ, но изображенія эти такъ совпадаютъ, что ближайшіе пункты кажутся отдаленными, а отдаленные ближе.

Сквозь эти призмы весь видимый міръ представляется совершенно въ превратномъ и фантастическомъ видѣ. Напримѣръ, шаръ является пустою чашкою, а пустая чаша полнымъ сферическимъ тѣломъ. Бюстъ превращается въ вогнутую маску. Всего удивительнѣе взглядъ на профиль. Портретъ, висящій на стѣнѣ, кажется вдѣланъ въ углубленіе этой стѣны. Ваза съ цвѣтами является въ видѣ вертикальной линіи, на которой выгравированы цвѣты.

Особенное явленіе представляетъ земной глобусъ, когда его обращаютъ на оси. Земли проявляются и исчезаютъ тамъ, гдѣ ихъ и не ожидаютъ.

Тѣнь предметовъ отъ лампы тоже оказываетъ странныя свойства. Вообще предметы за лампою, являются *передъ* нею. Однимъ словомъ, этотъ инструментъ настоящее волшебное зеркало, которое доставляетъ зрителю величайшія неожиданности.

Инструментъ употребляется какъ лорнетъ весьма просто и удобно.

(Institut).

Новый способъ добывать фосфоръ изъ костей. Со временъ Шееля и Гана ничего неизмѣнили въ методѣ добыванія фосфора изъ костей. И однако же она не только затруднительна, но и недостаточна, потому что

при употребленіи ея все еще остается значительная часть фосфора въ костяхъ.

Когда кости кальцинируютъ (то есть подвергаютъ сильному калильному жару), превращаютъ въ порошокъ и обливаютъ сѣрною кислотою, а полученною оттого фосфорною кислотою смачиваютъ нѣкоторое количество угольнаго порошка, который потомъ кальцинируютъ въ дистиллированномъ аппаратѣ, то послѣ этой операціи все еще остается значительное количество фосфорическаго вещества, неподвергшагося разложенію.

Желая доставить промышленности лучшее средство добыванія, французской ученыи Кари-Мантранъ производилъ слѣдующій опытъ. Онъ смѣшалъ золу отъ костей съ угольнымъ порошкомъ, и при сильной степени теплоты направилъ на эту смѣсь струю хлороводородной кислоты. Онъ былъ убѣжденъ, что углекислый газъ и фосфорическіе пары освободятся, и черезъ то изъ этой смѣси получится весь содержащійся въ ней фосфоръ.

Опытъ совершенно удался. По прошествіи часа не осталось въ ретортѣ ничего кромѣ хлористаго кальція, лежавшаго въ видѣ шариковъ въ остальномъ угольномъ порошокѣ. Въ хлороводородной кислотѣ содержится водородъ. Довольно вѣроятно было, что онъ игралъ при этомъ случаѣ бездѣйственную роль. Чтобы убѣдиться въ этомъ, г. Мантранъ произвелъ опытъ сухимъ хлоромъ. Разложеніе слѣзлось еще лучше. Но разумѣется, въ практикѣ удержать для экономіи употребленіе хлороводородной кислоты.

Кари-Мантранъ пробовалъ послѣ того употребить этотъ способъ разложенія на сѣрнокислую известь, известную подъ названіемъ гипса. Надлежащимъ образомъ смѣшанная съ достаточнымъ количествомъ угля, сѣрнокислая известь при краснокаильномъ жарѣ и при употребленіи хлороводородной кислоты разлагается очень легко. Процессъ этотъ даетъ: хлористый кальцій, углекислый газъ, слѣды сѣры и немного сѣрнистаго водорода. Если производить опытъ посредствомъ сѣрнокислаго кали или натра, дѣйствуя на нихъ хлоромъ при краснокаильномъ жарѣ, то получится значительное количество безводной сѣрной кислоты.

Г. Мантранъ въ произведеніяхъ разложенія этихъ обѣихъ солей нашелъ еще небольшое количество темной клейкой жидкости, дымящейся на воздухѣ. Въ прикосновеніи съ водою жидкость эта сильно шипитъ, производя сильное волненіе и развитіе газообразной хлороводородной кислоты. Эта жидкость весьма раздражаетъ и жжетъ кожу. Она вѣроятно происходитъ отъ примаго соединенія хлора и безводной сѣрной кислоты.
(Institut).

Признаки смерти. Парижскій врачъ Жоза (Josat) издалъ книгу: «De la mort et ses caractères, pour prévenir les inhumations et les délaissemens anticipés (о смерти и признакахъ ея, для предупрежденія раннихъ похоронъ и оставленія безъ помощи), въ которой обсуждаетъ

примѣты, отличающія мнимую смерть отъ дѣйствительной. Многолѣтнее и постоянное изученіе этого предмета привело его къ заключенію, что всѣ до сихъ поръ принятые признаки смерти, а именно: совершенная неподвижность тѣла, окоченѣлость, гипократическое лицо, непрозрачность и синева пальцевъ, измѣненіе зрачка и проч., составляютъ всѣ вмѣстѣ только *предположенія*, а не доказательства смерти. Прекращеніе бѣгнія сердца, въ которомъ удостовѣряются прислушиваніемъ, тоже не составляетъ, по его мнѣнію, доказательства смерти, потому что сперва должно быть неоспоримо доказано, что органическая жизнь невозможна, когда сердце перестаетъ биться до того, что его неслышно для внимательнаго уха, и во-вторыхъ надобно убѣдиться, что можно совершенно положиться на слухъ для открытія движенія въ столь нѣжномъ органѣ, часто прикрытомъ слоемъ мускуловъ.

Въ подтвержденіе этого приводитъ онъ случай. Начальникъ клиники г. Гирбаль позванъ былъ въ Монпелье къ молодой дѣвушкѣ, которая по-видимому умерла уже за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ. Всѣ признаки дѣйствительной смерти были очевидны. Онъ приложилъ ухо къ сердцу, — нѣтъ ни малѣйшаго движенія. Онъ употребилъ однако же всѣ средства, предписанныя правилами на случай мнимой смерти, и все было бесполезно. И вдругъ потомъ дѣвушка пришла въ себя.

Въ книгѣ г. Жоза приведено множество случаевъ о мнимоумершихъ. Когда докторъ Везаль сталъ анатомировать одного человѣка, тотъ вскрикнулъ и ожилъ. Кардиналъ Эспиноза ухватился за инструментъ, которымъ его стали вскрывать для бальзамированія. Аббатъ Прево окончилъ жизнь при подобной же операциі, а анатомикъ Винслоу былъ два раза похороненъ. Докторъ Брюие счелъ сто восемьдесятъ одинъ случай преждевременныхъ похоронъ, а Легернъ приводитъ семь примѣровъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ.

Однимъ словомъ, г. Жаза говоритъ, что вѣрный и единственный признакъ смерти — химическое разложеніе организаціи, то есть *гниеніе*. Если оно началось, то человѣкъ дѣйствительно умеръ, и его можно предать землѣ.

Въ заключеніе г. Жаза совѣтуетъ вслѣдъ завести похоронные дома, какіе учреждены во многихъ городахъ Германіи. (Institut).

Сила электрическаго тока въ мускулахъ. Опытами гг. Маттеучи и Буа-Реймонда доказано теперь, что мускулы живыхъ и недавно убитыхъ животныхъ наполнены струею динамическаго электричества, производящаго видимое дѣйствіе на гальванометръ.

Г. Рено (Reynauld) усовершенствовалъ теперь эти опыты и, для опредѣленія силы электрическаго тока изобрѣлъ новую методу. Къ кругообращенію тока присоединилъ онъ термо-электрическую пару, дѣствующую въ противоположномъ направленіи, для прегражденія выхода животнаго электричества. Число паръ, нужныхъ для уравновѣшиванія гальванометра и для приведенія его въ неподвижность, дало, разумѣется, степень силы электрическаго движенія мускуловъ.

Физики хорошо знаютъ значеніе электрической движущейся силы, оказывающей посредствомъ одной пары изъ висмута и мѣди разницу

въ температурѣ на сто градусовъ. Доказать имъ, что мускульный элементъ, извлекаемый изъ живаго животнаго, вдесятеро сильнѣе дѣйствуетъ, какъ электрической двигатель, значить дать имъ новое понятіе объ источникѣ электричества, которое до сихъ поръ нельзя было выразить въ цифрахъ. Съ той минуты, какъ мускуль отнимается отъ живаго организма, сила тока прогрессивно ослабляется и исчезаетъ,—по наблюденіямъ Маттеучи, гораздо скорѣе у теплокровныхъ животныхъ, нежели у холоднокровныхъ.

Это постепенное ослабленіе электричества выведено г-мъ Рено въ цифрахъ, а именно: у млекопитающихся животныхъ сила тока исчезаетъ въ теченіе трехъ часовъ, а у пресмыкающихся въ пять.

(Athenaeum).

III. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Царство животныхъ въ Калифорніи. 1) «Corgeo del Camino» — змѣиная птица. Въ числѣ примѣчательностей Калифорніи по части естественной исторіи занимаетъ первое мѣсто эта странная птица, обитающая въ южныхъ частяхъ Калифорніи, и именно около Санъ-Діега. Она любитъ сухія, гористыя страны, гдѣ много растетъ кактусовъ и гдѣ живутъ гремучія змѣи. Объ этой птицѣ рассказываютъ много удивительнаго. Она всегда сидитъ у дорогъ и тропинокъ, но при приближеніи челоуѣка, улетаетъ съ быстротою вѣтра. По этому-то испанцы и назвали ее Коргео (курьеръ). Она смертельный врагъ гремучей змѣи и всѣхъ змѣиныхъ породъ, съ которыми ведетъ вѣчную, ожесточенную и побѣдоносную войну.

Можно было бы почесть многіе рассказы калифорнскими утками, еслибъ они не были подтверждены достовѣрными свидѣтельствами.

Гремучая змѣя наиболѣе водится въ южной Калифорніи вдоль границы. Коргео слѣдитъ за змѣею съ хитростью индѣйца и караулитъ ее, когда она, наѣвшись, засыпаетъ на нѣсколько дней. Въ это время коргео собираетъ свалившіеся плоды кактуса и сухія вѣтви этого растенія, обкладывая ими своего врага со всѣхъ сторонъ. Воздвигнувъ около змѣи эту колючую стѣну, птица собираетъ кучу еловыхъ шишекъ и начинаетъ съ высоты пяти-шести футовъ бросать ихъ изъ клюва на свою жертву, летая за каждою новою шишкою къ мѣсту запаса. Змѣя, проснувшись отъ этого, видитъ, что ей выходъ прегражденъ, потому-что, зная колючее свойство кактуса, она не смѣетъ перейти черезъ ограду. Коргео же продолжаетъ бросать шишки въ голову змѣи, пока совершенно ошалоитъ ее этими ударами. Тогда уже подлетаетъ онъ къ ней и заклеываетъ въ черепъ своимъ острымъ клювомъ.

Коргео не принадлежитъ однако же къ хищнымъ птицамъ, и питается больше зернами. Съ конца хвоста до головы величина его до двухъ футовъ, но цѣлый футъ приходится на хвостъ, изъ котораго выдадутъ

ся четыре или пять длинныхъ бѣлыхъ перьевъ. Когда онъ стоитъ, то вышиною въ шесть дюймовъ. На лапахъ его по четыре острыхъ когтя. Цвѣтомъ онъ грязно-желтый. Вѣсомъ до трехъ четвертей фунта, рѣдко до фунта.

Къ характеристикѣ этой рѣдкой птицы принадлежитъ гребень ея, который въ покойномъ ея состояніи виситъ, а во время опасности или боя поднимается. Клювъ ея въ два съ половиною дюйма длины; онъ твердъ и остръ, какъ ножъ, и блеститъ какъ сталь.

Это описаніе взято съ одной недавно убитой птицы въ Монтерей.

Испанцы, впервые поселившіеся въ Калифорніи, вскорѣ познакомились съ этою птицею и уважали ее за истребленіе гремучей змѣи и ящъ ея.

2). *Черный куликъ*. Эта птица стаями водится лѣтомъ въ Монтерей, и охотники болѣе всего охотятся за нею, по причинѣ нѣжнаго и вкуснаго ея мяса.

Черный куликъ ростомъ въ два фута и одинъ дюймъ отъ конца хвоста до клюва. Послѣдній въ четыре съ половиною дюйма длины, темнокраснаго цвѣта и загнутъ. Ноги длиною въ семь дюймовъ, крылья въ два съ половиною фута длины. Цвѣтъ перьевъ прекрасный черный; голова, грудь и шея темзолотыя; крылья блестящаго темно-зеленаго цвѣта. Вѣсъ взрослой птицы два съ половиною фунта.

3) *Калифорнская крыса—кунгуру*. Это красивое животное находится въ равныхъ частяхъ области, и производитъ большія опустошенія въ кладовыхъ сельскихъ жителей. Всего болѣе водится оно близъ Туларскаго озера, въ Санъ-Іоакинской долинѣ, гдѣ живетъ въ землянкахъ, которыя вырываетъ подобно векшамъ. Этихъ крысъ двѣ породы: одна побольше ростомъ, другая поменьше. Голова меньше головы обыкновенной крысы съ четырьмя длинными щетинами, которыя висятъ съ обѣихъ сторонъ верхней челюсти; во рту два длинные верхніе зуба и четыре нижніе, еще вполтора раза длиннѣе. Спина сѣраго цвѣта, брюхо бѣлое съ желтою посрединѣ полоскою, которая продолжается по хвосту, оканчивающемуся красивою кисточкою. Съ обѣихъ сторонъ рта висятъ по одному большому мѣшку, которые часто совѣмъ закрываютъ ротъ. Этотъ мѣшокъ служитъ для наполненія его пищею въ запасъ, для чего очень искусно дѣствуетъ она передними лапками, которыя не больше дюйма длины и вооружены четырьмя когтями. Заднія лапы въ три дюйма длины, и тоже съ четырьмя длинными когтями. Уши въ полдюйма торчатъ надъ головою. Рыло у животнаго чрезвычайно крѣпко, и оно имѣетъ землю быстро и на большое пространство.

Имя кунгуру дано ему по причинѣ длины заднихъ ногъ, на которыхъ оно, какъ австраійское кунгуру, производитъ сильные скачки.

Ненадобно смѣшивать этой породы съ лѣсною калифорнскою крысою.

4). *Лѣсная калифорнская крыса*. Она похожа на обыкновенную европейскую, кромѣ хвоста, который у калифорнской очень коротокъ. Она живетъ въ дубовыхъ и еловыхъ лѣсахъ южной области, и строитъ себѣ очень искусно жилище изъ хвороста, въ видѣ пирамиды въ че-

тыре фута вышины, которую такъ прочно укрѣпляетъ остроконечными щепками, что только огнемъ можно разрушить подобное гнѣздо. Эта пирамида строится обыкновенно на землѣ и изъ нее прорыто большое углубленіе въ землю.

Лѣсная крыса снабжена большими наростами позади когтей, и потому можетъ съ большою быстротою бѣгать вверхъ по деревьямъ, гдѣ скрывается отъ змѣй и хищныхъ птицъ. Часто строить она свои пирамиды и на вѣтвяхъ деревьевъ.

5). *Сильной бархатный кротъ* (Торо siego). Это странное животное обитаетъ по всему берегу южной Калифорніи, гдѣ производитъ большія опустошенія въ садахъ и поляхъ. Отъ конца хвоста до морды величиною оно въ шесть дюймовъ. Голова похожа на малую крысу. Во рту вмѣсто зубовъ сверху и внизу острая, тонкая кость. Хвостъ длиною въ дюймъ. Переднія лапы въ поддойма съ пятью крѣпкими когтями, посредствомъ которыхъ оно быстро роетъ землю. Заднія лапы меньше переднихъ.

У этого животнаго нѣтъ ни глазъ, ни ушей. Известно, что прежде повѣрье о слѣпотѣ обыкновеннаго крота оспаривается естествоиспытателями, которые утверждаютъ, что у него есть глаза, но скрытые густою шерстью и обтянутые кожицею. Теперь слѣдственно весьма любопытно было бы ближе разсмотрѣть внимательнѣе и подробнѣе эту породу.

Кротъ этотъ покрытъ шерстью, которая тоньше и нѣжнѣе бархата. Въ Калифорніи употребляютъ эту шерсть при воспаленіи глазъ для очищенія больныхъ частей. (Novellen Zeit).

Комнаты въ Англіи. Французскій писатель Леконтъ описываетъ въ своемъ путешествіи въ Англію комнату, въ которой жилъ, слѣдующимъ образомъ:

«Мы вошли въ домъ. Здѣсь всѣ почти дома въ два-три окна на улицу, и потому для лѣстницы оставлено самое узкое пространство. Она обыкновенно деревянная, и ужасно скрипитъ и трещитъ подъ каждымъ шагомъ. Она обита коврами или клеенкою.

Окна снабжены зелеными жалюзи. Но вотъ мы вошли въ жилую комнату. Она цѣлый годъ покрыта ковромъ, а этотъ коверъ еще покрытъ кусочками другаго ковра, полосами холста и клеенки, такъ что нижняго ковра никогда не видать.

Стѣны обиты яркими обоями. Друзья подарили мнѣ нѣсколько гравюръ, чтобъ повѣсить ихъ у себя, но моя лондонская хозяйка такъ ужаснулась одной мысли, что я гвоздями пробью ея обои, что я принужденъ былъ поставить картины по стульямъ у стѣны. Это обстоятельство объяснило мнѣ почему я во многихъ домахъ въ Англіи видѣлъ картины, разставленными на стульяхъ. Даже въ честь Рубенса или Лавренса не рѣшаются они пробить свои дрянные обои гвоздемъ.

Большую часть моей комнаты занимаетъ огромный столъ на огром-

номъ столбъ покрытый огромною голубою скатертью съ бахромою. Я приподнялъ скатерть, чтобъ полюбоваться имъ, и увидѣлъ, что это не столъ, а просто мостъ, или антресоль. Разсыпавъ на немъ все мои книги и тетради и уставя всю посуду для завтрака, все еще оставалось много на немъ мѣста. Еслибъ черезъ нѣсколько вѣковъ столъ этотъ нашли въ ископаемыхъ древесностяхъ, то вѣрно почли бы наше поколѣнiе за какихъ нибудь исполиновъ.

Кромѣ стола есть у меня въ распоряженiи софа, принявшая цвѣтъ лондонской атмосферы. Оно жестка и вовсе неприглашаетъ къ отдохновенiю. По первому взгляду можно полагать, что она прежде была въ угольной лавкѣ. Стулья такъ тяжелы, что ихъ съ усиленiемъ надобно поднимать обѣими руками, за то они изъ массивнаго чернаго дерева.

Но самая странная мебель состоитъ въ огромномъ зданiи изъ чернаго дерева. Это платформа или терасса, соединенная двумя башнями. Въ каждой башнѣ два этажа. Первый этажъ раздѣленъ на двѣ части, вивновать, на двѣ квартиры. Подъ платформою, снабженною балкономъ, украшеннымъ рѣзною работою, находится потаенный ходъ, который можно было бы назвать ящикомъ, еслибъ не вавилонскiе его размѣры. Съ гладкой и полированной терассы долженъ быть прекрасный видъ. Я никогда не спрашивалъ къ чему служить это зданiе, полагая, что это или крѣпость, или органъ. Правда, мнѣ шутили, что это буфетъ, но развѣ онъ принадлежалъ Полифему!

Если кто хочетъ зажарить быка, того прощу въ Лондонъ, въ мою комнату. Для поднятiя щипцовъ и лопатки у камина нужна необыкновенная сила. Надъ кодоссальнымъ каминомъ вставлено зеркало, но мы, слабые смертные, можемъ въ немъ увидѣть только свой тупей.

Два огромные шнура для колокольчика дополняютъ эту страшную мебель, посреди которой человѣкъ кажется настоящимъ лилипутомъ.

О спальнѣ я не буду рассказывать. Кровать маленькая и узенькая, какъ койка на кораблѣ, а постель такая же эластическая, какъ корабельный сухарь. (L' Artiste).

Удивительное спасенiе посредствомъ пироговъ. Эрскейнъ въ своей «History of India» рассказываетъ весьма любопытный случай.

Шахъ-Бегъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, гдѣ и назначено было ему провести всю жизнь. Однако-жъ, по прошествiи нѣкотораго времени, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей его. Матеръ-Самбаль, замѣтивъ, что бдительность стражей его ослабѣла, и что съ постоянствомъ и терпѣнiемъ можно достигнуть до свиданiя съ шахомъ. Онъ пришелъ въ фортъ Цезерь, и вывѣдавъ все подробности, нужныя къ исполненiю его плана, открылъ у самой башни, гдѣ содержался Шахъ-Бегъ, пирожную лавку.

Въ новомъ своемъ ремеслѣ Матеръ-Самбаль старался приобрѣсти дешезивною и отличныхъ качествомъ пироговъ, а также ласковостью и услужливостью, любовь и довѣренность стражей. Медленно, но вѣрно

приближался онъ къ цѣли. Своею беззаботностью и веселостью умѣлъ онъ до такой степени усыпить всякую недовѣрчивость, что получилъ наконецъ доступъ въ башню. Здѣсь далъ онъ сперва знаками понять шаху о своемъ намѣреніи, а потомъ удалось ему переговорить съ нимъ и наединѣ.

Когда шахъ былъ приготовленъ къ бѣгству, Матерь собралъ въ фортѣ двѣнадцать человекъ, столь же усердно преданныхъ своему повелителю, и скрылъ ихъ всѣхъ въ своей лавкѣ.

Однажды ввечеру, подъ предлогомъ какого-то домашняго праздника, Матерь-Самбаль напекъ множество вкуснѣйшихъ пироговъ, и пригласилъ всѣхъ стражей гарнизона на этотъ пиръ. Пирогы были чрезвычайно вкусны, и всѣ наѣлись ихъ до-сыта. Но въ нихъ было примѣшено сильное наркотическое вещество, и чрезъ полчаса весь фортъ спалъ самымъ глубокимъ сномъ.

Тогда Матерь отправился въ башню съ двумя своими товарищами, и на веревкѣ спустилъ шаха изъ окна. Веревка оборвалась, шахъ упалъ, но не такъ высоко, и при паденіи сломалъ себѣ только зубъ. Внизу ждали его уже другіе съ приготовленною лошадью, которой подковы были нарочно подкованы навыворотъ, чтобъ въ случаѣ погони ввести преслѣдователей въ заблужденіе. Всѣ пустились провожать своего спасеннаго предводителя, и счастливо успѣли достигнуть вѣрнаго убѣжища. (Erheiterungen)

Китайскій календарь. Въ Калифорніи издается китайскій календарь, на 1854—1855. Это ничто иное какъ сбродъ народныхъ суевѣрій этого народа, и нѣсколько страницъ здраваго смысла похожи на отдѣльныя растенія посреди цѣлаго поля сорной травы. Къ послѣднему можно причислить распisanіе двѣнадцати мѣсяцевъ, эфемериды теченія планетъ, таблицы восхожденія и заходженія солнца, наступленія прилива и отлива, и сравненіе китайскихъ часовъ дня съ европейскими.

Мѣсяцы раздѣляются на большіе и малые. Въ первыхъ по тридцати дней (изъ трехъ декадъ); въ меньшихъ двадцать девять. Весь годъ раздѣляется на двадцать четыре отдѣленія. Каждое время года имѣетъ по шести отдѣленій съ разными наименованіями. Напримѣръ, зимнія называются начало зимы, малый снѣгъ, большой снѣгъ, переменна вѣтра, малый морозъ, большой морозъ». (Erheiterungen).

Страданія знатныхъ англійскихъ домовъ. (Изъ записокъ путешественника). Къ числу величайшихъ страданій англійской аристократіи принадлежитъ безчисленное множество негодныхъ служителей, которыхъ знатные дома должны имѣть по условному этикету. Этотъ этикетъ гораздо строже всѣхъ настоящихъ законовъ, и всякій слѣдуетъ другъ за другомъ, внимательно наблюдая, чтобъ неотстать. Каждое званіе, каж-

дая степень богатства выражается ви́шнимъ и самымъ точнымъ образомъ числомъ, одеждою мужской прислуги и положеніемъ квартиры въ Лондонѣ. Посвященные въ эти тайны, математически знаютъ: къ какой кастѣ принадлежитъ фамилія, и сколько она въ годъ истрачиваетъ, по мѣсту ея жилища и по числу этихъ наемныхъ восковыхъ фигуръ, которые стоятъ, молчатъ, или автоматически двигаются. Все это такъ строго и съ такою точностью наблюдается, что всякое извѣстное приращеніе имущества, или повышение въ званіи непременно требуетъ увеличенія числа слугъ. Это общій барометръ всякаго состоянія.

Этотъ этикетъ слугъ дѣлаетъ англичанина самымъ жалкимъ невольникомъ своихъ слугъ. Самъ онъ живетъ скромно, экономно, отказываетъ себѣ во многомъ, чтобъ только содержать положенное этикетомъ число слугъ, которые ежедневно должны имѣть чистое бѣлье, а къ столу жаркое, пиво и всякій комфортъ въ комнатахъ. Для нихъ надобно нанимать особенныхъ прачекъ, судомоекъ, чистильщиковъ сапоговъ.

Наименованія этихъ этикетныхъ слугъ многочисленны: valets, footmen, cooks, porters, coachmen, house-keeper, menager, secretary, groom, governor, governess, lady's-maid, young lady's maid, drynurse, tutor, head-nurse, nurse-maid, и проч.

Домъ англичанина похожъ на древнюю германскую крѣпость. Онъ бы могъ жить въ немъ спокоенъ и счастливъ, еслибъ слуги не съѣдали весь его доходъ. Счетъ за пудру и за фальшивыя икры (это презабавное обыкновение и даже правило, чтобъ у лакеевъ были поддѣльныя икры), чрезвычайно значителенъ. Даже прежнее обыкновение, чтобъ надѣвать бѣлыя перчатки *два раза*, теперь отмѣнено, и больше *одного* раза лакей не смѣетъ теперь надѣть ихъ, это неприлично.

(Magazin für die Litter).

Анатомическіе корсеты. Докторъ Бурье представилъ французской Медицинской Академіи донесеніе объ анатомическихъ корсетахъ, изобрѣтенныхъ г. Фонтеномъ. Фонтенъ измѣнилъ нынѣшнюю форму корсета, которую почитаетъ слишкомъ длинною, и ограничилъ средину его поясомъ въ три пальца ширины; ленты же помочей сдѣлалъ длиннѣе, чтобъ дать легкимъ болѣе свободы въ движеніи, такъ чтобъ все сжатіе лежало на послѣднемъ ребрѣ. Это нѣсколько безпокойно, но далеко не такъ вредно, какъ нынѣшнее сжатіе всѣхъ реберъ.

Главное улучшеніе Фонтена состоитъ въ томъ, что онъ классифицировалъ всѣ формы женскаго торса. Онъ ихъ раздѣлилъ на восемь главныхъ классовъ, отъ рождающихся до усиленныхъ. Для каждаго класса составилъ онъ восемь подраздѣленій и сдѣлалъ модели корсетовъ. Эти 144 модели вытканы каждая изъ одного куска.

Легко понять, что изъ 144-хъ моделей всякая носительница корсетовъ найдетъ себѣ ту, которая наиболѣе подходитъ къ ея организаціи. Эти корсеты стоятъ отъ 5 до 12 франковъ (отъ 1¼ до 3 руб.), слѣдственно очень дешево.

(Moden-Zeitung).

Турецкій Почтамтъ. (*Изъ разсказа путешественника*). Турецкое почтовое управленіе очень просто. Для перевозки корреспонденціи и путешественниковъ тамъ нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ небольшихъ вьючныхъ лошадей, подставы которыхъ содержатъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Письма, связанные въ узлахъ, вѣшаютъ черезъ сѣдло, на которомъ сидитъ курьеръ (Татаринъ) и одинъ, или нѣсколько вооруженныхъ кавасовъ сопровождаютъ его. Лошади идутъ шагомъ, или самую легкую рысью, такъ что письма идутъ очень долго изъ мѣста въ мѣсто. Между Константинополемъ и большими городами на Дунаѣ почта идетъ обыкновенно восемь дней; въ Боснію еще долѣе, а до Западной Румелии зимою, когда дороги превращаются въ болото, письма доходятъ не ранѣе трехъ недѣль. Если же расчестъ, что въ Турціи не разносятъ привозимыхъ писемъ, а всякій долженъ ихъ получать самъ въ почтамтѣ, гдѣ они лежатъ по нѣсколькимъ днямъ, прежде нежели дойдутъ къ кому писано, то самый короткій срокъ для полученія отвѣта на письмо съ Дуная, не менѣе трехъ недѣль.

Хотя, напримѣръ, Виддинъ въ 400 англійскихъ миляхъ, а Шумла въ 250 отъ Константинополя (690 и 375 верстъ), но это не составляетъ никакой разницы для скорости въ полученіи письма.

Турецкое правительство принимаетъ только внутреннюю корреспонденцію на почту. Отправленіе писемъ въ чужіе края должны дѣлать иностранные агенты въ пограничныхъ городахъ.

Подобныя недостаточныя средства сообщенія должны для европейца казаться слишкомъ бѣдными; но здѣсь, для сношеній между Турками этого довольно. По числу жителей и потому что большая часть ихъ ни читать, ни писать не умѣетъ, здѣсь очень мало пишутъ другъ къ другу. При томъ же слово *писать* здѣсь очень важно, и имѣетъ гораздо обширѣйшій смыслъ нежели въ Европѣ. Между обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ и тѣмъ, который употребляютъ ученые и высшіе сановники, существуетъ чрезвычайная разница. Тысячи турокъ, ежедневно разговаривающихъ между собою обо всѣхъ событіяхъ и общественныхъ отношеніяхъ, ни слова не поймутъ, если съ ними станетъ говорить муфти, или кто либо изъ высокихъ лицъ Порты. Иностранецъ изумится въ Константинополѣ, когда его драгоманъ (переводчикъ) быстро говорящій обо всемъ на улицѣ, на базарѣ, въ банѣ, въ таможнѣ, вдругъ замолчитъ передъ какимъ нибудь секретаремъ, или придворнымъ сановникомъ; ясно оказывается, что они другъ друга не понимаютъ, такъ что часто аудіенціи кончаются очень непріятно.

Это объясняется тѣмъ, что въ литературномъ турецкомъ языкѣ много персидскихъ и арабскихъ словъ, и что въ этомъ языкѣ употребляютъ чрезвычайно цвѣтистый слогъ, для узнанія котораго нужно многолѣтнее изученіе. Отъ этого переписка въ Турціи очень трудна. Написать письмо, значить тамъ важное дѣло. Дать рекомендательное письмо, или простой фирманъ для проѣзда по дорогѣ, составляетъ для паши очень трудную задачу. Не менѣе двухъ дней сочиняютъ его, и хвалятся такою поспѣшностью!

Въ низшихъ сословіяхъ медленность еще значительнѣе, и слѣдственно

въ Турціи для почтамта очень мало работы, кромѣ городовъ, гдѣ много франковъ занимаются торговлею.

Когда началась нынѣшняя война, Турки испугались множества писемъ, которыя стали поступать въ почтамты изъ Сиріи, Египта, Малой Азіи и всѣхъ пашалыковъ, въ особенности отъ франковъ, которымъ они не довѣряютъ.

Чтобъ лучше понять составъ и правила почтамта, я расскажу вамъ сцену, которой самъ былъ свидѣтелемъ.

Я былъ въ провинціальномъ турецкомъ городѣ. Почтамтъ составляетъ тамъ небольшое деревянное, одноэтажное зданіе. У коридора при входѣ виситъ занавѣска, какъ во всѣхъ турецкихъ домахъ. Входящій отдергиваетъ занавѣску и вступаетъ въ комнату, гдѣ у стѣны стоитъ стереотипный диванъ, а на диванѣ сидитъ толстый, старый и сонный Турка съ поджатыми ногами. Держа чубукъ въ рукѣ, курить онъ цѣлый день очень спокойно, и не говоритъ ни слова. Подлѣ него стоятъ корзины, въ которыхъ по два, по три письма въ каждой для будущаго отправленія. Въ срединѣ комнаты жаровня съ углями. По временамъ входитъ къ нему другъ, или знакомый, садится на диванъ, выкурить трубку, помолчить и уйдетъ.

Съ закатомъ солнца почтамтъ закрывается, почмейстеръ, тихо качиваясь, отправляется къ себѣ домой, гдѣ его ждетъ Фатима, или нѣсколько друзей, съ которыми онъ курить цѣлый вечеръ, покада ляжетъ спать. Такъ проходитъ всякій день и вся жизнь почмейстера.

Наконецъ наступаетъ день, когда должна прибыть почта изъ Константинополя. Люди, ожидающіе писемъ, начинаютъ являться въ почтамтъ и спрашиваютъ. Почтмейстеръ съ чрезвычайно довольнымъ видомъ отвѣчаетъ, что почта еще не пришла, потому что опозданіе, отсрочка самая радостная вещь для мусульманина. Дороги дурны; кавасы провели въ деревняхъ долѣе обыкновеннаго времени, и ожидающіе писемъ могутъ ихъ прочесть завтра.

Наконецъ видны вдали почтовые лошади, медленно и съ неудовольствіемъ идущія къ почтамту. Вѣсть о прибытіи почты тотчасъ же разносится по всему городу. Солдаты доносятъ офицерамъ, офицеры пашамъ, паша посылаютъ въ почтамтъ гонцевъ, а франки являются сами, и весь этотъ потокъ посѣтителей стремится къ почтмейстеру. Тотъ безмолвно покоряется своей участи, и вскрываетъ узелъ съ письмами.

Теперь начинается дѣло разбора, которое для Европейца покажется изумительнымъ. Между ожидающими лицами, конечно, десятки Ахметовъ, Мустафа, Мегеметовъ и Али, а по городу еще сотни соименниковъ. Ни у одного нѣтъ фамиліи, а на адресѣ нѣтъ примѣтъ роста, волосъ и бороды. Всякій по имени Али, Мустафа и др. требуютъ себѣ письма на это имя; почтмейстеръ раздаетъ ихъ на счастье, тѣмъ болѣе, что есть еще узелъ съ тремястами писемъ, которыя надобно разбирать.

Предоставя самой толпѣ разбирать первый узелъ, почтмейстеръ занимается разборомъ другаго и сортируетъ письма, то кладя ихъ подъ подушку на диванъ, то въ ящикъ, то подъ коверъ, инныя падаютъ на землю, и никто не заботится объ этомъ.

Вдругъ одинъ нетерпѣливый Франкъ, соскучившійся безполезнымъ ожиданіемъ, захватываетъ себѣ весь первый узелъ и уноситъ въ другой уголъ комнаты. За нимъ слѣдуетъ вся толпа, и не смотря на угрозы почтмейстера, что онъ пожалуется наші на это самовольство и насильство, Франкъ быстро перебираетъ и раздаетъ письма. Раздраженный чиновникъ видя подобное пренебреженіе, бросаетъ разборъ второго узла и идетъ къ Франку, чтобъ отнять у него свое достояніе, но едва онъ сдѣлалъ шагъ, какъ толпа, слѣдуя уже данному примѣру, бросается на оставленный узелъ, и сама разбираетъ письма, унося ихъ въ переднюю, на лѣстницу, на дворъ, даже на улицу. Какъ скоро все взяли, что имъ вздумалось, прочее бросаютъ въ корзину, и другіе приходящіе тоже отыскиваютъ въ ней своихъ или чужихъ писемъ.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя письма дѣйствительно попадаютъ въ руки того, кому слѣдуютъ, но большая часть вовсе не къ тѣмъ лицамъ, къ которымъ писаны. Многіе остаются еще разбросанными по дивану, въ корзинахъ, на полу. Авось со временемъ и ихъ разберутъ, а не то ихъ употребятъ на закуриваніе трубокъ или предадутъ на съѣденіе мышей.

Когда толпа разоидется, почтмейстеръ вздохнетъ свободно, и опять на недѣлю проводитъ дни безъ дѣла. Изрѣдка приносятъ ему письма для отправленія ихъ со слѣдующею почтой, и если это иностранцы, то онъ возьметъ съ нихъ больше установленной таксы за то, что *вѣрнымъ образомъ* доставитъ ихъ. Дѣйствительно, если не дать ему *бакшиша*, то письмо навѣки проваляется подъ подушкой дивана.

Вообще не совѣтую европейцамъ осматривать Турецкія почтамты. У нихъ много испортится крови отъ негодованія. А если имъ надобно переслать письмо на родину, то предоставитъ его хладнокровно почтмейстеру, который равнодушно скажетъ: *бакколумъ!* (увидимъ).

Сцена, мною описанная, нисколько не преувеличена. Ее можно видѣть во всякомъ городѣ. Въ главномъ почтамтѣ въ Константинополѣ царствуетъ, конечно, нѣсколько больше порядка, но и тамъ происходятъ дѣла, изумляющія европейца.

Цѣна за почтовыхъ лошадей вообще очень низка въ Турціи, но такса за письма довольно высока. И она при каждомъ контрактѣ увеличивается, потому что взявшему на откупъ, надобно воротить свои деньги, подѣлиться барышами и самому нажиться. Говорятъ, что будто на будущее время сама казна хочетъ содержать почты.

(Illustrated News).

Мой почлегъ съ кугуаромъ. (*Разсказъ американца*). Единственное животное кошачей породы въ Сѣверной Америкѣ до 30° широты, это длиннохвостый кугуаръ. Есть и короткохвостыя рыси, но онѣ не опасны, тогда какъ кугуаръ смѣлъ, силенъ и кровожаденъ. Онъ темно-желтой шерсти, которая у рыла, глазъ и на брюхѣ нѣсколько блѣднѣе. Спина его длинна и выгнута; хвостъ суживается, какъ у прочихъ животныхъ кошачей породы; лапы коротки и крѣпки.

Кугуаръ слыветъ въ Новомъ свѣтѣ представителемъ льва, но кромѣ цвѣта неимѣетъ съ нимъ никакого сходства, а схожъ болѣе съ тигромъ, пантеромъ и ягуаромъ.

Кугуаръ рѣдко бываетъ длиннѣе шести футовъ съ хвостомъ, составляющимъ треть всей длины. Онъ живетъ по всей Америкѣ отъ Парагвая до Большихъ Сѣверо-Американскихъ озеръ, но по счастью рѣдко попадается, живя отдѣльно и уединенно въ отдаленнѣйшихъ частяхъ первобытныхъ лѣсовъ. Поэтому появленіе кугуара производитъ между жителями такое же волненіе, какъ въ европейскихъ деревняхъ появленіе волка.

Кугуаръ, не смотря на свою величину, быстро лазитъ по деревьямъ, какъ кошка, при помощи своихъ когтей. Тутъ растягивается онъ на нижнихъ горизонтальныхъ вѣтвяхъ и караулитъ оленей и другихъ животныхъ. Наболѣе же онъ встрѣчается у соляныхъ и содовыхъ источниковъ, которыхъ такъ много въ Америкѣ и къ которымъ всегда во множествѣ стекаются всѣ дикія жвачкожующія животныя: олени, антилопы, буйволы. Тутъ кугуаръ однимъ прыжкомъ всакиваетъ на спину своей жертвы и терзаетъ ее. Насытивъ кровью одной, онъ продолжаетъ свои нападенія, пока ему попадаютъ звѣри, единственно для истребленія, а не для утоленія голода.

Одно только животное удачно сопротивляется кугуару, это американскій ёжъ. Часто онъ нападаетъ на него, но всегда израненный отступаетъ, а иногда и погибаетъ. У американскихъ ежей иглы снабжены зацѣпами или крючками. Воткнувшись однажды въ мясо, иглы эти все болѣе и болѣе входятъ въ глубь, не возвращаясь назадъ. А потому языкъ, пасть и губы кугуара тотчасъ же покрываются ранами, какъ скоро онъ нападаетъ на ежа.

Первоначальные поселенцы Америки много страдали отъ этого животнаго. Теперь онъ сдѣлался боязливѣе, видя вездѣ истребленіе лѣсовъ и расселеніе людей. За то въ Южной Америкѣ, гдѣ народонаселеніе еще незначительно, многія деревни должны были переселиться отъ кугуаровъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ гоняются за нимъ охотники съ собаками, и онъ бѣжитъ отъ нихъ, чувствуя, что у нихъ въ резервѣ ружье и пули. Но если которая собака слишкомъ близко подойдетъ къ нему, то достаточно одного удара когтей его, чтобъ положить ее на мѣстѣ. Добѣжавъ до лѣса, взлезаетъ онъ на дерево, и, какъ кошка, оцетинится, сгорбится и заворчитъ, устремля огненные глаза на лающихъ вокругъ него собакъ. Тутъ обыкновенно пуля сваливаетъ его, и если онъ не совсѣмъ убитъ, то многія собаки поплачиваются еще своими головами за его пораженіе.

Однажды, когда я былъ въ Луизианѣ, одинъ *скваттеръ* рассказывалъ мнѣ слѣдующее происшествіе, недавно съ нимъ случившееся:

«У насъ здѣсь часто бываютъ наводненія, говорилъ онъ, о которыхъ вы, европейцы, неимѣете понятія; ваши рѣки и области такъ малы; у насъ же всякое наводненіе въ состояніи покрыть всю Англію.

Въ это время мы сотни миль плаваемъ на нашихъ лодкахъ, и отъ высокихъ кипарисовъ видны однѣ верхушки.

Я въ прошломъ году жилъ въ долинѣ Редъ-Ривера, въ пятидесяти миляхъ внизъ отъ Начитоха, гдѣ я себѣ выстроилъ небольшой *блоргаузъ*. Жена моя и двое дѣтей были еще въ штатѣ Миссисипи, и я долженъ былъ ѣхать за ними, окончивъ отстройку, и очистивъ достаточное поле для пашни. Со мною былъ только мой старый конь, топоръ и ружье.

Окончивъ постройку *блоргауза*, я однажды очень сладко спалъ на полу, подставлявъ коверъ. Во снѣ мнѣ снился сильный дождь, буря; казалось, что я купаюсь и тону; я проснулся. Вокругъ меня была глубокая темнота; рукою ощущалъ я, что мое одѣяло и коверъ мокры и въ водѣ. Я тотчасъ же вскочилъ и бросился къ двери.

Что мнѣ представилось тамъ! Все приготовленное мною поле въ три—четыре акра было подъ водою. Я опрометью воротился въ домъ, схватилъ ружье и побѣжалъ къ моей лошади, которая уже сильно билась, будучи привязана къ дереву. Она была не осѣлана, и вода доходила ей почти по брюхо. Я вскочилъ на нее и выѣхалъ за ворота.

Тутъ задумался я куда ѣхать. Наводненіе было сильное, а ближайшій сосѣдъ жилъ за равниною, въ десяти миляхъ отъ меня. У него былъ бы я конечно безопасенъ, потому что хижина его стояла на горѣ, но какъ было туда добраться?

Я было хотѣлъ остаться до зари и взлѣсть на крышу, но моя лошадь неминуемо бы потонула. Дѣлать было нечего; я рѣшился ѣхать на счастье, и какъ каждая минута была дорогá, то пришпоривъ лошадь, пустился въ путь.

Дорогу зналъ я по деревьямъ, а ночь была довольно свѣтла, чтобъ ихъ видѣть. Да и сама лошадь моя знала дорогу, и чувствуя всю опасность нашего положенія, пустилась рысью.

Черезъ пять минутъ достигъ я до равнины. Вся она была подъ водою, но за равниною чернѣлись вдали группы деревъ, стоявшія на высотѣ, на которой далѣе былъ и домъ моего сосѣда. Туда-то я направилъ своего коня.

На равнинѣ вода была ему только еще поколѣбно, но я зналъ, что она быстро поднимается, и сильно торопилъ лошадь. Такъ проѣхалъ я четыре мили, и вода дѣйствительно все выше и выше поднималась. Бѣдной лошади ненужно было понуканья: она понимала наше положеніе и употребляла всѣ усилія.

Наконецъ вода дошла до плечъ ея, и черезъ нѣсколько времени лошадь уже поплыла, сильно пыхтя. Тутъ я почувствовалъ боязнѣ и началъ мысленно молиться. Переплыть на лошади еще пять миль казалось мнѣ невозможнымъ, особливо когда лошадь везла на себѣ тяжесть въ два центнера.

Я подумалъ о Мери, о дѣтяхъ, о моихъ неконченныхъ дѣлахъ, и готовился умереть. Между тѣмъ лошадь моя все плыла да плыла, хотя я и чувствовалъ, что она съ каждою минутою становится слабѣе и глубже опускается.

Воругъ пришла мнѣ въ голову мысль слѣзть съ лошади и плыть за нею самому, держась одною рукою за хвостъ. Это дѣйствительно облегчило ее; она видимо поднялась выше и поплыла бодрѣе. Но мы очень медленно подвигались впередъ, и я терялъ всякую надежду на спасеніе.

Съ полмили плыли мы такимъ образомъ, какъ вдругъ я увидѣлъ что то чернѣющее на водѣ и плывущее близъ меня. Это было большое дерево, вѣрно приготовленное для строенія, потому что вѣтви всѣ были обрублены. Это подало мнѣ нѣкоторую надежду на спасеніе. Поравнявшись съ деревомъ, выпустилъ я хвостъ моей лошади и ухватился за дерево, на которое и слѣзъ верхомъ. Лошадь моя, облегчась этимъ еще болѣе, быстро поплыла впередъ, такъ что вскорѣ въ темнотѣ пропала изъ вида.

Теченіемъ гнало мой пенъ впередъ; но какъ я своею тяжестью погрузилъ его, то и сидѣлъ по-попсѣ въ водѣ на одномъ концѣ. Мнѣ вздумалось подвинуться на средину, чтобъ восстановить равновѣсіе.

Вдругъ я замѣтилъ, что лежу на этомъ деревѣ не одинъ. На другомъ концѣ увидѣлъ я теперь что-то чернѣющее. Сколько въ темнотѣ можно было разсмотрѣть, это былъ звѣрь, но какой породы, неизвѣстно. Всмотриваясь въ него пристально, я увидѣлъ, что глаза его свѣтятся фосфорически, слѣдственно это было животное кошачьей породы.

Съ этой минуты я уже не старался подвинуться на средину, а отодвинулся къ самому краю. Это была очень непріятная минута; я сидѣлъ, не смѣя шевелиться. При мнѣ не было никакого оружія, кромѣ ножа (ружье было въ водѣ, когда я поплылъ за хвостомъ лошади).

Такъ прошелъ слишкомъ часъ; оба мы не шевелились, а только быстро смотрѣли другъ другу въ глаза. Я зналъ, что это единственное средство, останавливающее животныхъ. Раздумывая, чѣмъ все это кончится, я замѣтилъ, что мы подплываемъ къ лѣсу, и недалѣе двухъ миль отъ него. И хотя только однѣ вершины видѣлись изъ воды, но я рѣшился, когда мы поравняемся, быстро ухватиться за одну верхушку и проститься съ своимъ спутникомъ.

Но въ эту минуту представилось новое явленіе. Передъ нами поднялся изъ воды какой-то островъ. Я тотчасъ же догадался, что это одинъ изъ холмовъ, которые часто встрѣчаются на равнинахъ Америки, и которые вѣроятно служили въ древности кладбищемъ индѣйцевъ. Пенъ мой плылъ едва въ двадцати шагахъ отъ вершины этого холма, и я рѣшился по приближеніи къ нему, соскочить съ пня и переплыть туда.

Приближаясь къ этому острову, увидѣлъ я, что на вершинѣ его чернѣются разныя группы въ видѣ кустовъ. Я удивился этому, зная, что на холмахъ этихъ нѣтъ ни малѣйшаго кустарника. Уже подплывая къ нему, увидѣлъ я, что все это звѣри, спасшіеся, подобно мнѣ, отъ наводненія. Въмѣсто ужаса, который подобное зрѣлище должно бы мнѣ внушить, я обрадовался, потому что вмѣстѣ съ этою группою звѣрей узналъ и мою лошадь, которая прежде меня сюда доплыла. При этомъ

видѣ я тихо сползъ съ своего пня и оттолкнулъ его отъ острова, а самъ пристаю къ нему.

Но увѣ! едва только былъ я въ водѣ, какъ услышалъ за собою всплескъ волнъ. Мой товарищъ тоже соскочилъ и плывъ за мною. Машинально выхватилъ я ножъ и плывъ, готовый на бой. Но звѣрь и не думалъ обо мнѣ, а спѣшилъ добраться до сухаго мѣста. Видя это невниманіе ко мнѣ, я пропустилъ звѣря впередъ и слышалъ, какъ прибытіе его на холмъ всполошило тамошнихъ животныхъ. И однакоже при всей опасности отъ посетителя, ни одно не рѣшилось вновь броситься въ воду.

Приставъ къ берегу, я тихонько поползъ вверхъ, и едва достигъ до самой вершины, какъ встрѣченъ былъ радостнымъ ржавіемъ моего коня. Онъ тотчасъ узналъ меня и ласково теръ морду объ мое плечо. Я самъ очень обрадовался и тотчасъ же вскочилъ на него, чтобъ избѣгнуть отъ нападенія неизвѣстнаго товарища ночнаго плаванія.

Теперь сталъ я осматриваться, чтобъ видѣть въ какую компанію попалъ. Начинало разсвѣтать, и я съ каждою минутою могъ уже яснѣе разсмотрѣть окружающіе предметы. Вершина холма, выдававшаяся изъ воды, составляла едва полъ-акра. Мнѣ представилось на этомъ пространствѣ самое удивительное, небывалое зрѣлище. Подлѣ меня и моей лошади смирно лежалъ мой товарищъ, дородный кугуаръ; близъ него были два оленя съ ланями; далѣ лежала рысь, еще далѣ черный медвѣдь, величиною съ буйвола, подлѣ него два опоссума, два волка, нѣсколько кроликовъ и воюющій хорекъ.

И чтожъ? всѣ эти звѣри, столь различныхъ свойствъ и обществъ, мирно лежали другъ подлѣ друга, нисколько не думая ни враждовать, ни безпокоить сосѣдей; это какъ будто былъ звѣринецъ, гдѣ нужда и кѣтки заставляють жить вмѣстѣ всѣхъ звѣрей. Наводненіе помирило всѣхъ. Опасность сдѣлала всѣхъ смирными и миролюбивыми.

Такъ пробыли мы всѣ вмѣстѣ, пока вода начала спадать. Я первый оставилъ холмъ, когда еще моему коню вода была по брюхо. Я зналъ, что ни одинъ изъ прочихъ звѣрей не послѣдуетъ за мною. Мы благополучно добрались до хижины сосѣда, проѣхавъ три мили по водѣ.

Черезъ день поѣхали мы съ сосѣдомъ верхомъ ко мнѣ и заѣхали на бывшій мой ночлегъ на холмѣ, но тамъ уже нашли мы все иначе. Перемиріе уже было нарушено; кролики, опоссумы и одна лань были растерзаны. Добирались и до остальныхъ. Мы съ сосѣдомъ осадили холмъ. Я повалилъ мѣткимъ выстрѣломъ кугуара, а онъ медвѣдя и волковъ, и съ добычею возвратились домой.

Я догадался тогда, что построить свой блокаузъ не на мѣстѣ, я перенесъ его сюда на высоту, и потомъ привезъ Мери и дѣтей.

Вотъ мой ночлегъ съ кугуаромъ. (Erheiterungen).

Планета и ея спутники (разсказъ Мери).

Г-жа Гертруда Дебюиссонъ была вдова, то есть молода и прелестна. Она жила въ своемъ загородномъ замкѣ близъ Сены и Марны, чтобъ утѣ-

шаться скукою въ потерѣ мужа. Какую печаль не вылечиваетъ скука и еще въ провинціи! Вдова скоро утѣшилась, но за то рѣшительно не знала, чѣмъ избавиться отъ скуки.

Вдругъ однажды утромъ, два работника пришли просить позволенія перенести въ ея оранжерею тѣло молодого человѣка, утонувшаго въ прудѣ.

Всякое волненіе принимается охотно страдающими скукою.

— Какъ! закричала Гертруда. Что это значить! Кто выбралъ мой прудъ, чтобъ топить въ немъ! Я пожалуюсь меру на такіе безпорядки.

Однако она позволила перенести къ себѣ утопленника.

Черезъ часъ, мучимая нетерпѣніемъ, молодая женщина позвонила; горничная ея, Виргинія, вбѣжала запыхавшись и рассказала своей госпожѣ, что незнакомецъ утонулъ не совсѣмъ, что его привели уже въ чувство, и что скоро онъ совсѣмъ поправится.

— Что ему вздумалось топить въ моемъ прудѣ и еще такъ неудачно? спросила вдова.

— Объ этомъ я спрошу его самого, когда онъ оправится отъ купанья, отвѣчала горничная.

Вдова была очень довольна, что судьба послала ей развлеченіе. Она такъ давно жила одна въ огромномъ замкѣ и ни кого не принимала, боясь пересудовъ провинціялокъ и особенно трехъ старыхъ сосѣдокъ, взявшихъ на себя обязанность наблюдать за всѣми поступками молодой женщины. Притомъ, департаментъ Сены и Марны какъ-то больше другихъ склоненъ къ злословію, и потому не мудрено, что г-жа Дебюисонъ, осудила себя на уединеніе, чтобъ быть покойнѣе.

Утопленникъ, придя совершенно въ чувство, переодѣлся въ сухое платье фермера, поблагодарилъ холодно своихъ спасителей, какъ будто хотѣлъ сказать этимъ, что они оказали ему не большую услугу, и пошелъ къ рѣшеткѣ сада.

У калитки его остановилъ лакей и попросилъ зайти въ замокъ.

Молодой человѣкъ остановился на минуту въ нерѣшимости, оглядывая свой неизящный костюмъ, занятый у фермера, потомъ сдѣлалъ жестъ, означающій: не все ли мнѣ равно! и молча дошелъ до комнаты, гдѣ его ждала Гертруда.

— Позвольте мнѣ прежде всего, сказала вдова съ живостью и смѣлостью хорошенькой женщины, поздравить васъ съ тѣмъ, что вы успѣли избавиться отъ смерти. Мнѣ очень любопытно однакоже знать, почему вы оказали предпочтеніе моему пруду, когда въ окрестностяхъ такъ много рѣкъ и озеръ?

— Я не выбиралъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Рѣшившись умереть, я бросился въ вашъ прудъ, потому что онъ мнѣ первый попался.

— Умереть въ ваши лѣта! Съ вами случилось какое нибудь несчастіе?

— Совсѣмъ нѣтъ. Несчастіе привязало бы меня къ жизни, потому что оно даетъ надежду достигнуть счастья, а главное производить волненіе, поддерживающее существованіе въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Причина моего самоубійства гораздо ужаснѣе: мнѣ скучно.

— Но эта причина будетъ существовать завтра, послѣ завтра и черезъ недѣлю, и тогда вы опять...

— Тогда я опять попробую избавиться отъ... скуки.

— Въ моемъ прудѣ?

— Или въ другомъ, мнѣ все равно.

Молодой человѣкъ былъ блѣденъ, какъ романическій герой, и костюмъ фермера, чрезвычайно живописный, выказывалъ еще больше его молодость и красивую наружность, которая слѣдала бы впечатлѣніе и не на такую скучающую женщину какъ г-жа Дебюссонъ.

— Вы меня пугаете, сказала она въ волненіи. Я не могу позволить вамъ играть вашею жизнію. Совѣсть заставляетъ меня остановить васъ, отговорить. Дайте мнѣ честное слово навѣщать меня всякій день, куда вы не вылетите отъ... скуки.

Молодая женщина говорила съ такимъ непритворнымъ чувствомъ, и была такъ хороша въ эту минуту, что невольно напоминала Цирцею; утопленникъ не могъ на нее наглядѣться, и лицо его приняло радостное выраженіе. Проговоривъ нѣсколько невнятныхъ словъ въ изъявленіе благодарности за вниманіе, онъ прибавилъ:

— Меня зовутъ Винцентъ Дорвиньи. Я сирота, живу въ загородномъ домѣ по сосѣдству съ вами, и получаю одиннадцать тысячъ ливровъ дохода.

— Какъ, вскричала вдова, вы кромѣ другихъ преимуществъ имѣете одиннадцать тысячъ ливровъ дохода и не хотите жить?

— Мои доходы тоже принадлежатъ къ причинамъ, заставляющимъ меня ненавидѣть жизнь. Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, а одиннадцать тысячъ никакъ не могутъ быть удобно распределены, на ежемѣсячные расходы; одни расчеты раздражаютъ меня и надѣдаютъ безконечно... Однако, если вы такъ добры, что принимаете во мнѣ участіе, я постараюсь преодолѣть всѣ непріятности моей жизни и общаюсь не принимать отчаянныхъ средствъ для избѣжанія скуки.

Послѣ нѣсколькихъ учтивостей, хозяйка проводила своего нечаяннаго гостя, взявъ съ него слово, что онъ не будетъ больше топиться.

На другой день Дорвиньи принесъ фермеру его платье и зашелъ къ г-жѣ Дебюссонъ. Разговоръ былъ занимателенъ и даже веселъ, особенно для недавней вдовы и для вчерашняго самоубійцы. Разставаясь, молодые люди условились видѣться какъ можно чаще.

Знакомство продолжалось уже нѣсколько времени, но визиты Дорвиньи были всегда почтительны и происходили въ самое приличное время, такъ что даже церемонные англичане не нашли бы въ нихъ ничего предосудительнаго; вдругъ однажды Virginia вбѣжала къ своей госпожѣ съ разстроеннымъ лицомъ, означавшимъ важное приключеніе.

— Что съ тобою, Virginia, спросила вдова съ безпокойствомъ, кто тебя обидѣлъ?

— Меня никто не обидѣлъ, сударыня, отвѣчала горничная, но я такъ зла на нашихъ трехъ старыхъ сосѣдокъ, на этихъ клеветницъ, что отъ души желала бы, чтобъ на нихъ обрушился ихъ домъ.

- Что же сдѣлали тебѣ сестры? Вильоме?
- Эти три парки смѣютъ говорить...
- Отчего же имъ не говорить, когда имъ не остается больше ничего дѣлать въ жизни?
- Они могутъ говорить и лгать, но не обо всѣхъ.
- О комъ же они рассказываютъ?
- Объ васъ, сударыня.
- Неужели? Что же они нашли необыкновеннаго въ моемъ поведеніи?
- Старыя женщины всегда находятъ въ чемъ обвинить молоденькихъ и хорошенькихъ сосѣдокъ, а эти парки давно уже наблюдаютъ за вами.
- Когда мы избавимся отъ сосѣдокъ! Я увѣрена, Виргинія, что эти парки злословятъ о визитахъ г. Дорвиньи!
- Да, и надобно послушать, что онѣ выдумываютъ. Ужасы!
- Неужели нельзя жить такъ, какъ намъ хочется?
- Нѣтъ, надобно жить какъ угодно другимъ.
- А если другіе скучаютъ, такъ и мнѣ умирать отъ скуки. Это ужасно!.. Впрочемъ... нельзя же возставать противъ всѣхъ. Разумѣется, посѣщенія г. Дорвиньи очень невинны, но другіе не обязаны знать этого. Я виновата, что поступила необдуманно а парки имѣютъ право клеветать на меня. Я должна исправиться...
- Что же вы хотите дѣлать?
- Хочу заставить замолчать ихъ. Ты знаешь, Виргинія, что я хотѣла сдѣлать доброе дѣло. Я спасла жизнь безумцу, и въ награду за это на меня клеветаютъ. Теперь я перемѣню планъ... Ты знаешь г. Баралье?
- Какъ не знать, сударыня! очень хорошо знаю, онъ тоже вашъ сосѣдъ.
- Я хочу, чтобъ онъ тоже навѣщалъ меня и въ тѣ же самые часы, когда приходитъ Дорвиньи. Надѣюсь, что визиты двухъ мужчинъ не могутъ повредить моей репутаціи. Я же буду не всегда одна скучать; пусть и Баралье поскучаетъ со мною.
- Какая счастливая мысль!
- Притомъ сосѣду уже за пятьдесятъ. Онъ сѣдъ, немного глупъ, и ко всему этому муниципальный совѣтникъ. Говорятъ, что онъ почитаетъ себя ученымъ, потому что воспитываетъ шелковичныхъ червей. Вообще Баралье человекъ почтенный. Такого-то мнѣ и надо спутника... Я напишу къ нему... или нѣтъ, лучше ты зайди къ нему, Виргинія, и скажи, что завтра я буду ждать его въ два часа, посоветоваться объ одномъ земледѣльческомъ вопросѣ. У насъ будетъ презанимательный разговоръ о шелковичныхъ червяхъ, и такъ какъ сосѣдъ не успѣетъ мнѣ передать всѣхъ своихъ свѣдѣній, то мы отложимъ окончаніе лекціи до другого дня, и такъ далѣе.
- Какъ теперь парки будутъ злиться, что нельзя ничего выдумать про визиты г. Баралье! Побѣгу къ нашему милому сосѣду.
- Планъ вдовы удался какъ нельзя лучше въ началѣ. Баралье съ готовностью явился къ молодой вдовѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ,

и та уже думала, что домашнее спокойствіе ея упрочено, но къ несчастію муниципальный совѣтникъ былъ съ молодю хорошъ собою, и сохранивъ претензіи до старости, вообразилъ, что сосѣдка не равнодушна къ нему и хочетъ завлечь его подъ предлогомъ земледѣльческихъ вопросовъ. Онъ началъ заниматься своимъ туалетомъ какъ актеръ, играющій роли любовниковъ, бросалъ на вдову взгляды страстного юноши и осыпалъ ее блистательными мадригалами. Этого мало. Дорвиньи, которому не нравилось появленіе Баралье, началъ подемѣиваться надъ старымъ франтомъ, спорить съ нимъ изъ-за каждаго слова, и наконецъ ссориться, такъ что г-жа Дебюиссонъ начала бояться, что когда нибудь соперники продолжатъ свои эпиграмы уходя отъ нея, и вызовутъ другъ друга на дуэль.

Это враждебное положеніе гостей начало беспокоить бѣдную хозяйку.

— Они будутъ всякій день ссориться у меня. Какъ это весело! Не принимать ихъ тоже неловко, притомъ же они могутъ нашумѣть, а я боюсь драматическихъ сценъ. Лучше всего найти третьяго спутника, который будетъ удерживать обѣ партіи въ границахъ умѣренности, какъ президентъ какого нибудь собранія.

Молодая женщина немного задумалась надъ выборомъ новаго спутника, но скоро рѣшилась пригласить къ себѣ своего двоюроднаго брата, Ипполита Вернака, получившаго первыя награды за познанія въ греческомъ языкѣ и математикѣ и котораго, не смотря на его двадцать два года, ставили всѣмъ примѣромъ скромности, хорошаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей.

Ипполитъ былъ охотникомъ какъ будто для того, чтобъ оправдать свое классическое имя, и получивъ приглашеніе кузины, посѣдѣвши выѣхать изъ Парижа съ главною цѣлью—преслѣдовать дичь въ окрестныхъ лѣсахъ.

Молодой человѣкъ былъ замѣчательно дуренъ собою даже для мужчины.

Не смотря на свое безобразіе, Ипполитъ былъ смѣлъ съ женщинами и удивлялъ мужчинъ познаніями. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на охотѣ, онъ замѣтилъ красоту и любезность кузины и оставилъ своихъ собакъ, чтобъ посѣщать ее. Онъ не удостоилъ своимъ вниманіемъ ни Баралье, ни Дорвиньи, и пользуясь правами ученаго, говорилъ одинъ, не позволяя соперникамъ ни одного замѣчанія. Этотъ вѣчный монологъ надоѣлъ наконецъ посѣтителемъ, и они пожаловались хозяйкѣ на дерзость ея кузена.

— Не занимайтесь имъ, отвѣчала вдова, онъ еще ребенокъ!

— Ребенокъ! проворчалъ Баралье. Въ его лѣта я дрался уже два раза и все-таки не смѣлъ быть такимъ дерзкимъ. Я, какъ офицеръ національной гвардіи, не долго потерплю такое обхожденіе.

И франтъ, выпрямивъ свой станъ, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Ипполита.

Съ этой минуты Баралье и Дорвиньи составили наступательный и оборонительный союзъ противъ Ипполита.

Однажды Ипполитъ ходилъ съ ружьемъ въ паркѣ въ сопровожденіи

своихъ собакъ, какъ вдругъ услышалъ выстрѣлъ, и къ ногамъ его упала мертвая птица. Въ ту же минуту на стѣнѣ, означающей границу парка, показалась голова собаки, остановившейся въ нерѣшимости, увидя вокругъ Ипполита нѣсколько гончихъ, ворчавшихъ уже на посягательницу.

Къ рѣшеткѣ подходилъ молодой человекъ, который увидя Ипполита поклонился ему вѣжливо и сказалъ:

— Я стрѣлялъ фазана на моей землѣ, но онъ упалъ къ вамъ, извините мою оплошность и позвольте предложить вамъ мою птицу.

Кузень осмотрѣлъ охотника съ ногъ до головы, и замѣтя его красивую наружность, изящный костюмъ и красную ленточку въ петлицѣ, отворилъ калитку и протянулъ ему руку. Собаки, видя дружбу своихъ хозяевъ, тоже начали знакомиться между собою.

Охотникъ объявилъ, что его зовутъ Ахиллъ Варенъ, что онъ капитанъ въ третьемъ егерскомъ африканскомъ полку и находится въ отпуску. Ему было тридцать лѣтъ, взглядъ его былъ смѣлъ, жесты скоры, разговоръ быстръ, походка рѣшительная. Онъ заслужилъ почетный крестъ четырьмя ранами.

Ипполитъ какъ страстный любитель греческой исторіи, уважалъ военное званіе и тотчасъ же предложилъ молодому капитану свою дружбу и взялся представить его своей кузинѣ.

Ахиллъ посмотрѣлъ на угловатую фигуру своего новаго друга и боясь, что кузина имѣетъ съ нимъ родственное сходство, хотѣлъ отказаться отъ этой чести, но Ипполитъ не далъ ему отговориться и повелъ къ замку.

Прекрасная вдова удивилась неожиданному посѣщенію, но приняла ласково африканца, не замѣчая неудовольствія старыхъ своихъ друзей.

Кузень былъ въ восторгѣ, что можетъ называть другомъ война. Онъ сравнивалъ себя съ Патрокломъ, представляющимъ Ахилла Бризендѣ.

Капитанъ былъ любезенъ какъ мушкетеръ Дюма. Онъ въ полчаса успѣлъ поговорить обо всемъ: хвалилъ своего полковника; описалъ Африку, основалъ колонію; превозносилъ охоту, женщинъ, вино, желѣзныя дороги, собакъ, карабины Девима, стихи Гюго, оперы Россини, скачки лошадей, словомъ не забылъ ничего, а особенно Парижа. Этотъ блистательный каскадъ словъ изгналъ скуку изъ замка. Ипполитъ былъ въ восторгѣ отъ своего друга, г-жа Дебюиссонъ блистала новою красотою, какъ звѣзда первой величины, Дорвиньи и Баралье угрюмо смотрѣли то на черные усы африканца, то на его смуглое, пріятное лицо, то на его ленточку, и ревность грызла ихъ сердца.

Наконецъ капитанъ ловко раскланялся съ милою хозяйкою, чувствуя, что первый визитъ не долженъ быть продолжителенъ.

— До свиданія, г. Варенъ, сказала кокетливо вдова: надѣюсь, что вы не забудете дороги въ мой паркъ, и будете навѣщать меня запросто какъ сосѣдку.

Дорвиньи и Баралье едва удержались, чтобъ не застонать отъ досады, а между тѣмъ африканецъ весело вышелъ изъ залы, гремя шпо-

рами по паркету, что производило самое неприятное дѣвствіе на первы двухъ соперниковъ.

Вдова поняла, что новое лицо въ ея знакомствѣ можетъ доставить ей больше развлеченія, чѣмъ трое первыхъ, и притомъ чѣмъ больше обожателей вокругъ молодой женщины, тѣмъ неприкосновеннѣе ея репутація.

— Четверо вздыхателей вовсе не опасны, думала Гертруда. У Пенелопы ихъ было до ста, и она двадцать лѣтъ ждала возвращенія мужа, вышивая свой коверъ и не подвергаясь клеветамъ Итакскихъ сплетницъ. Сто обожателей стерегли ее другъ отъ друга. Но еслибъ у ней былъ одинъ претендентъ—репутація ея была бы потеряна.

Этотъ женскій планъ приведенъ былъ немедленно въ исполненіе. Г-жа Дебюиссонъ такъ ловко маневрировала между своими четырьмя спутниками, что ни одинъ не могъ похвастать ея предпочтеніемъ. Всѣ они являлись въ одно время на ея горизонтѣ, какъ четыре луны Юпитера, и всѣ вмѣстѣ исчезали, потому что вдова не позволяла ни одной изъ нихъ оставаться долѣе другихъ, или восходить въ назначенное время. По временамъ три парки, подъ предлогомъ прогулки доходили до рѣшетки сада и бросали туда злобные взгляды, но молодая женщина была всегда окружена четырьмя спутниками и безпристрастно освѣщала ихъ своими лучами.

Мужчины вообще не очень взыскательны въ любви. Они довольны самою малостью, даже ничѣмъ, лишь бы соперники не получали большаго; по этому женщина, обращающаяся повидимому одинаково съ четырьмя претендентами, дѣлаетъ четырехъ счастливыхъ, хотя въ душѣ предпочитаетъ одного, и смѣется надъ тремя другими.

Подобная забава женщинъ можетъ быть очень продолжительна, но г-жа Дебюиссонъ была неотчаянная кокетка и не хотѣла вѣчнаго вдовства. Ее главное желаніе состояло въ томъ, чтобъ сохранить свою репутацію неприкосновенно и не умереть отъ скуки, и она достигла этого, благодаря своей изобрѣтательности. Притомъ выборъ ея былъ рѣшенъ, и она мысленно производила одну луну въ солнце и уничтожала надежды другихъ, скрывая однако-жъ это до времени.

Однажды Дорвиньи сказалъ ей при всѣхъ спутникахъ:

— Положеніе наше очень странно, подобное трудно найти не только въ окрестныхъ замкахъ, но даже и на всемъ земномъ шарѣ. Четверо влюбленныхъ окружаютъ одну женщину, и всѣ они счастливы отсутствіемъ счастья.

— Вы ошибаетесь, Дорвиньи, если думаете, что въ свѣтѣ нѣтъ примѣра вашему положенію, я вамъ докажу противное сегодня вечеромъ.

— Вечеромъ! вскричали всѣ четыре луны.

При этомъ Дорвиньи отъ чего-то покраснѣлъ, а остальные три спутника поблѣднѣли.

— Да, господа, сегодня вечеромъ я назначаю вамъ свиданіе всѣмъ четверымъ.

Вечеромъ все общество г-жи Дебюиссонъ собралось на лугу передъ

замкомъ, и вдова показала имъ на ясномъ небѣ планету съ четырьмя спутниками въ созвѣздіи Оріона.

— Вы видите, господа, сказала она, что мы не можемъ ничего выдумать новаго, а только вѣчно копируемъ природу. Если свѣтила даютъ намъ такіе примѣры, то мы смѣло можемъ слѣдовать имъ и навѣрно не собьемся съ настоящаго пути.

При этихъ словахъ четыре спутника покрылись тучами, но все таки продолжаютъ свою службу вокругъ прекрасной планеты, а та ждетъ зимы, чтобъ снова надѣть узы Гимена съ одною изъ своихъ лунъ. Только неизвѣстно еще, которая изъ нихъ возведена будетъ на степень солнца. (Le Voleur).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Царскосельскія скачки.—Послѣдніе лѣтніе отголоски.—Музыкальные вечера въ Павловскѣ.—Ночь на островѣ Мадерѣ, вечеръ въ пользу инвалидов и большой концертъ въ саду Излера. — Начало зимнихъ удовольствій.—Открытие италіанской оперы. — Новая опера г. Рубинштейна за границей.—Послѣдній извѣстія о Маріо и Гризи изъ Нью-Йорка — Новый Французскій актеръ Поль Бондуа и его дебюты.— Бенефисы Александринскаго театра. — г-жи Читау, драма Дюклянтіанъ.—Г-на Яблочкина, комедія «Вѣдность не порокъ», Островскаго и краткій обзоръ его пьесы; Г-на Толченова; драма «Отецъ и дочь.» Г-жи Рипшаръ «Война женщинъ.»—Возобновленіе балета: «Мельники.»—Краткая біографія Дидло.—Солдатскія импровизаціи.—Художественныя новости. — Портреты генераловъ Шильдера и Сельвана.—Подвигъ греческихъ волонтеровъ. — Картины художника Зичи изъ Кавказскаго быта. — Автографическіе снимки съ картинъ г. Айвазовскаго. — Новый портретъ Петра Великаго. — Частныя картинныя галереи. — Художественная выставка.—Оригинальная выставка въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—Ручной крокодилъ.—Новаго рода освѣщеніе.—Новый способъ обученія глухонѣмыхъ.—Новая сургучная фабрика въ Петербургѣ.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Морозъ сребритъ увянувшее поле,
Проснется день, какъ будто поневолѣ,
И скроется....

Вотъ какой почти видъ приняла Петербургская природа съ половины сентября, и потому, при дождяхъ, постоянномъ сильномъ вѣтрѣ и ощутительныхъ холодахъ по вечерамъ всѣ дачи, такъ недавно еще оживленныя, опустѣли. Переходными развлеченіями отъ дачныхъ къ городскимъ, были для петербургскихъ жителей скачки на царскосельскомъ ипподромѣ, въ особенности 2 и 5 сентября. 25 Августа назначены были для лошадей, записанныхъ на скачку, четыре приза. Императорскій скаковой призъ въ 600 руб. выиграла лошадь г. Пашкова

«Шашка»; Императорскій скаковой призь для жеребцовъ отъ четырехъ до семи лѣтъ и для кобылъ четырехъ и пяти лѣтъ въ 1000 р., второй 200 р., выиграли: первый призь «Эскобаръ» С. О. Мосалова, собственнаго завода и второй «Миссъ-Моцартъ» князя А. П. Голицына, собственнаго завода. Рысистый призь государственнаго коннозаводства, вазу въ 400 р. и подписныхъ 40 р. выигралъ «Кроликъ» А. А. Сапожникова, и наконецъ рысистые призы гг. охотниковъ въ 150 р. и подписныхъ 10 р. съ поддужными, достались также лошади г. Сапожникова «Самцу». На скачкѣ 2 сентября главный Императорскій скаковой призь въ 1000 р. сер. выиграла кобыла Н. М. Пашкова «Помона», государственнаго Чесменскаго завода; второй призь въ 200 руб. получилъ тотъ же «Эскобаръ» г. Мосолова. Скачка 5 сентября превосходила прочія разнообразіемъ скаковыхъ испытаній, богатствомъ и обиліемъ призовъ. Императорскій скаковой призь въ 750 р. выиграла «Шашка», г. Пашкова. Императорскій скаковой призь въ 1000 р. и кубокъ въ 300 р. заводчику, у котораго родилась выигравшая лошадь, получилъ «Обрадинъ», того же г. Пашкова. Императорскій призь для рысистыхъ жеребцовъ съ формами заводскихъ, золотая медаль въ 200 р., ваза въ 600 р. и подписныхъ первой лошади 60 р., второй 30 р. достался рысаку г. Сапожникова «Чародѣю», а кубокъ въ 200 р. заводчику, у котораго родилась выигравшая лошадь, посланы къ П. П. Воейкову. Императорскій призь для рысистыхъ кобылъ, золотая медаль въ 150 р., ваза въ 550 р., подписныхъ 30 р., получила рысистая лошадь г. Форнье «Вѣстница», а ковшь въ 150 р. заводчику выигравшей лошади, отправленъ къ г. Тулинову. Призь для трюичныхъ лошадей, назначенный государственнымъ коннозаводствомъ въ 100 руб., выиграла тройка г. Пономарева. Привычные посѣтители царскосельскаго ипподрома и въ особенности любители трюичныхъ скачекъ напрасно дожидались на состязаніе почтовую тройку г. И. Н. Анненскаго, за которую всегда впередъ привыкли считать пальму первенства. Къ общему удивленію, этой почти всегда побѣдоносной тройки что-то не видать. Вообще на нынѣшнихъ скачкахъ выиграно лошадьми г. Пашкова 4,400 р. сер., г. Сапожникова 2,025 р. сер., г. Мосолова 1,200 р., г. Форнье 1,000 сер., г. Переле 580 р. сер., г. Нарышкина 425 р. сер., князя Голицына 400 р., г. Пономарева 285 р. сер., г. Воронкова 270 р. сер., г. Мазурина 30 р. Гг. заводчики получили, Воейковъ 200 р. сер. и Тулиновъ 150 р. остались невыданными, за потерю права, 65 р., следовательно сумма призовъ и подписныхъ денегъ въ нынѣшнемъ году составляла 11,140 р. сер. Изъ этого можно видѣть, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ съ каждымъ новымъ годомъ наше отечественное коннозаводство,

и какъ дѣятельно стараются гг. заводчики объ усовершенствованіи нашихъ кровныхъ скаковыхъ и рысистыхъ лошадиныхъ породъ. При продолженіи такихъ благопріятныхъ результатовъ, нѣтъ сомнѣнія, что намъ очень скоро ни въ чемъ не придется завидовать прославленнымъ англійскимъ конскимъ заводамъ.

Послѣдними лѣтними загородными увеселительными отголосками въ срединѣ скучнаго нашего сентября, отзывались еще, для небольшого числа посѣтителей, Павловскъ, въ которомъ продолжалъ играть до самой венастной поры, оркестръ Г. Гунгля, и садъ минеральныхъ водъ Новой деревни. Не смотря на сумрачные, холодные вечера, нисколько не напоминающіе собою тропическіе, г. Излеръ придумалъ, для заключенія, «Ночь на островѣ Мадеръ», но эта ночь, не смотря на всѣ его старанія, на блестящую иллюминацію, нисколько не могла перенести воображеніе въ этотъ благословенный уголокъ земли, и гуляющіе въ ваточныхъ пальто развѣ только могли вспоминать о немъ по животворному соку его винограда, въ которомъ вѣроятно не было недостатка, при такомъ особенномъ мадерномъ случаѣ. Вслѣдъ за ночью на островѣ Мадеръ былъ данъ вечеръ въ пользу инвалидовъ, и наконецъ послѣдній вечеръ, въ которомъ объявленъ былъ большой концертъ. Дурная погода, сырость, вѣтеръ воспрепятствовали намъ, вѣроятно, какъ и многимъ, посѣтить эти послѣдніе вечера. Въ срединѣ сентября петербургской публикѣ было уже не до дачныхъ празднествъ: каждый торопился перемѣнить свое почти воздушное лѣтнее помѣщеніе на квартиру удобную, теплую, что составляетъ не малый трудъ, не смотря на множество возникающихъ новыхъ огромныхъ домовъ, и застаться средствами повеселиться также удобно и безъ всякихъ лишнихъ хлопотъ, какъ веселился въ теченіе краткаго срока нашего петербургскаго лѣта, на которое, впрочемъ, нынѣшній годъ уже никто кажется не могъ жаловаться. Въ ожиданіи баловъ, маскарадовъ и пикниковъ на Средней Рогаткѣ и въ другихъ близкихъ отъ города мѣстахъ, петербургская публика занялась теперь исключительно театральными новостями, и потому мы съ нихъ и начнемъ нашъ нынѣшній фельетонъ общественной петербургской жизни, хотя перечень нашъ и не будетъ слишкомъ разнообразенъ, но это не наша вина, а переходнаго времени между ясными днями и скорою зимой. Начнемъ съ самаго главнаго и болѣе интересующаго большинство.

Въ понедѣльникъ, 21 сентября, сдѣлано начало нашимъ зимнимъ удовольствіямъ. Онѣ открылись представленіемъ Итальянской Оперы, Оперой Лучія. Главную роль въ ней занимала, разумѣется, какъ и всегда, г-жа де-Лагранжъ. Публика встрѣтила свою любимицу съ тѣмъ же живымъ

сочувствіемъ, съ какимъ провожала ее за границу, желая скорого и благополучнаго возвращенія. Говорить о достоинствѣ игры и пѣнія г-жи да-Лагранжъ значило бы повторять только старое и нанизывать на строчки похвалу за похвалу, а потому, оставя всякую оцѣнку ея пѣнія, сообщимъ нѣчто другое пріятное, новое, касающееся до представленій нашей итальянской труппы. Внимательная дирекція Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, желая доставить зрителямъ больше развлеченія и разнообразія, положила давать въ нынѣшній сезонъ для каждаго абонемента три разныя оперы въ недѣлю, а не одну и ту же для всѣхъ абонементовъ сряду, какъ это было въ предшествовавшихъ годахъ.

Къ новостямъ о музыкальныхъ извѣстіяхъ можно также присоединить вѣсть объ успѣхахъ за границей нашего молодого виртуоза и композитора г. Рубинштейна, извѣстнаго Петербургу по своему музыкальному таланту и нѣкоторымъ операмъ, поставленнымъ на нашей сценѣ. Онъ находится теперь въ Германіи, въ Веймарѣ, въ которомъ ставятъ его новую оперу «Сибирскіе охотники.» Постановкою этой оперы равно какъ и оркестромъ будетъ завѣдовать знаменитый фортепьянистъ Листъ, который принялъ нашего молодого артиста съ искреннимъ участіемъ, ероднымъ всѣмъ замѣчательнымъ талантамъ къ ихъ сотоварищамъ по искусству. Лавры, которые пожинаетъ г. Рубинштейнъ за границею, не могутъ не порадовать нашихъ меломановъ, слѣдившихъ за быстрымъ развитіемъ его дарованія.

Сообщимъ кетати одно довольно любопытное извѣстіе о бывшихъ любимцахъ петербургскихъ меломановъ гг. Маріо и Гризи. Мы уже извѣщали, что эта музыкальная чета отправилась, 9 августа, изъ Лондона, на пароходѣ «Baltic» въ Америку, страну, въ которой для артистовъ въ полномъ смыслѣ растутъ золотыя лавры и чуть ли даже самыя рѣки не текутъ, исключительно, млекомъ и медомъ. Тамъ порхала на золотѣ воздушная Тальони, тамъ поправила свое состояніе графиня Росси (Зонтагъ), осыпалась золотомъ Женни Линдъ, и подчивалась сигарами изъ чистаго червоннаго золота экстренрическаая Лола-Монтесъ, сдѣлавшаяся наконецъ изъ танцовщицы неудачною укротительницей настоящихъ четвероногихъ львовъ. Однимъ словомъ, всѣ артисты, которымъ ни случалось побывать въ Америкѣ, спускались на ея щедрую почву, какъ въ какую нибудь неизчерпаемую рудокопню. Бывшія наши оперныя знаменитости Маріо и Гризи пошли еще далѣе, и были въ нынѣшнемъ году счастливые всѣхъ своихъ предшественниковъ. Одна Нью-Йоркская газета, описывая дебютъ ихъ въ этомъ городѣ, повѣствуетъ, что требованіе на билеты было такъ велико и такъ пламенно, что право на входъ предоставлялось уже не по обыкновенной продажѣ, а съ аукціона, слѣдователь-

но счастливыми оказывались только тѣ, кто имѣлъ больше денегъ. Торгъ этотъ и желаніе насладиться звучнымъ пѣніемъ этихъ двухъ райскихъ птицъ, были такъ оригинальны, что мы не можемъ удержаться, чтобъ не сообщить ихъ нашимъ читателямъ, изъ числа которыхъ вѣроятно также найдутся многіе жаркіе поклонники этихъ двухъ талантовъ. Передаемъ извѣстіе Нью-Йоркской газеты объ этой распродажѣ съ пунктуальною точностью.

«Къ назначенному времени въ залѣ, гдѣ долженъ происходить торгъ, собралось до тысячи двухъ сотъ человѣкъ. Имъ объявили, что первыя пятьдесятъ шесть мѣстъ оставлены для губернатора и его свиты, а цѣны на прочія мѣста назначены по 6 р. 20 к. сер. и по 3 р. 70 к. сер. на наши деньги. Продаваемые мѣста были указываемы человѣкомъ, державшимъ красное знамя; мѣсто оставалось за тѣмъ, кто давалъ больше, а купившій первое продававшееся мѣсто, имѣлъ право оставить за собою десять другихъ мѣстъ по той же цѣнѣ. Начался торгъ. Какъ скоро объявили нумеръ мѣста и опредѣлили положеніе его, тотчасъ же за него дали *шестьдесятъ два* руб. Сумма эта возрастала все болѣе и болѣе, и кончилось тѣмъ, что за *триста десять* руб. сер. оно досталось г. Куттеу (Coutts). Да кто этотъ мистеръ Кутте? спрашивали себя нью-йоркскіе жители: здѣсь никто не знаетъ его, говорили они. Пошли распросы. Наконецъ оказалось, что подъ этимъ именемъ скрывается женщина, какая-то англичанка, очень богатая. Въ то время, какъ Маріо пѣлъ въ Лондонѣ, эта дама не пропускала ни одного представленія знаменитаго артиста и помѣщалась всегда на самомъ видномъ мѣстѣ. Уѣхалъ онъ въ Россію, англичанка послѣдовала также за нимъ, и первая особа, которую онъ замѣтилъ въ Санктпетербургскомъ Оперномъ театрѣ, была его постоянная поклонница таланта. Лишь только узнала она, что Гризи и Маріо отпѣвались въ Нью-Йоркѣ, она поспѣшила туда же, и остановилась въ той-же гостиницѣ гдѣ помѣстились оба артиста. Американская газета прибавляетъ, что продажа всѣхъ мѣстъ доставила *сто пятьдесятъ шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ* руб. сер., а какъ они были куплены, большею частію, спекуляторами, для того, чтобъ перепродать ихъ съ большею выгодой, то можно полагать, что за нихъ было всего заплачено *сто восемьдесятъ семь тысячъ пятьсотъ* руб. сер. Если прибавить къ этому, говоритъ американская газета, чего стояли платья, уборки головъ, перчатки, духи, не говоря уже о наймѣ экипажей, то выйдетъ, что дебютъ Гризи и Маріо обошелся меломаническому Нью-Йорку въ *двѣсти восемнадцать тысячъ семьсотъ пятьдесятъ* рублей серебромъ. Предоставляемъ на волю каждому изъ нашихъ читателей восхи-

щаться такимъ громаднымъ успѣхомъ обоихъ артистовъ и удивляться пламенной любви нью-іоркской публики къ искусствамъ.

Невдаваясь ни въ какія прочія предположенія, будемъ лучше говорить о новостяхъ чисто драматическихъ на нашей французской, русской и балетной сценѣ, а ихъ накопилось у насъ не мало. Начнемъ перечень нашихъ театральныхъ извѣстій съ новаго актера нашей французской труппы Поля Бондуа, ангажированнаго вмѣсто Бертонна, на роли первыхъ любовниковъ (*jeunes premiers* и *premiers amoureux*).

Петербургская публика, давно уже ожидавшая актера на это амплуа, собралась во множествѣ оцѣнить сценическое дарованіе дебютанта въ такихъ трудныхъ роляхъ, какъ роли первыхъ любовниковъ, въ которыхъ, независимо отъ таланта, нужно еще много физическихъ совершенствъ, какъ то: ростъ, наружность, пріятный голосъ, благородство пріемовъ, изящество тѣлодвиженій. Наша дирекція не ошиблась, пригласивъ Бондуа изъ одного изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ Франціи, Лионскаго, на которомъ онъ нѣсколько лѣтъ сряду игралъ съ большимъ успѣхомъ. Поль Бондуа еще молодъ, наружность его выразительна и пріятна, ростъ выше средняго, а манеры, отзывающіяся еще немного провинціальными ухватками, безъ сомнѣнія скоро совершенно облагородятся. Для перваго вступленія его назначенъ былъ водевиль Баяра и де-Бьевилля, заимствованный изъ извѣстнаго романа Фредерика Сулье: *Au four le jour*. Въ водевилѣ этомъ, названномъ *Notasse et Caroline*, Бондуа игралъ роль молодого Ораса де Прони, трактирнаго юношу (*habitué d'estaminet*), не утрашившаго еще впрочемъ отбѣсковъ прежней лучшей жизни, хорошаго воспитанія и глубокаго чувства любви къ памяти отца. Сынъ промотавшагося дворянина, Орасъ, не зная, что отецъ его былъ игрокъ, ненавидитъ одного банкира, котораго онъ считаетъ безчестнымъ спекуляторомъ, обманувшимъ довѣріе старика, чтобъ воспользоваться его состояніемъ. Нѣсколько не подозрѣвая, что Дюранъ, (имя банкира), спасъ, напротивъ, честь стараго де Прони и заплатилъ ему за имѣніе вдвое противъ того, чего оно стоило, чтобъ покрыть огромные долги умершаго, Орасъ рѣшается мстить ему. Случай устроилъ иначе. Орасъ нечаянно влюбляется въ дочь Дюрана, Каролину, которую потомъ сталъ ненавидѣть изъ памяти къ отцу. Ничего, кромѣ безнадежности не оставалось бѣдному молодому человѣку, но истина открывается, и какъ всегда водится въ водевиляхъ, Орасъ женится подъ конецъ на дочери своего мнимаго врага. Изъ этого пустаго сюжета Баяръ и де Бьевиль составили очень хорошенькую пьеску; въ которой горе безпрестанно смѣняется радостью и смѣхомъ. Публика наша, еще помнящая въ этой роли Бертонна, кото-

рый роль этого молодого человека, сдѣлавшагося съ горя безпутнымъ, но сохранившаго между тѣмъ благородство мыслей и чувствъ, умѣлъ возвысить до художественности, встрѣтила новаго дебютанта съ какою-то недовѣрчивостью, тѣмъ болѣе, что Поль Бондуа, зная какъ хорошо была сыграна роль эта его предшественникомъ, былъ какъ-то немного робокъ въ первыхъ сценахъ. Но это неизбежное замѣшательство скоро прошло, и Бондуа сыгралъ свою трудную роль съ такою увѣренностью и находчивостью, что зрители совершенно позабыли о своемъ предубѣжденіи въ пользу Бертона. Вниманіе публики удвоилось уже въ первомъ актѣ, въ прекрасномъ явленіи, когда Орасъ, занимаясь изготовленіемъ для гостей, приглашенныхъ на свадьбу, пунша, рассказываетъ двумъ молодымъ дѣвушкамъ исторію своей молодости. Голосъ его выражалъ попеременно то грусть, неизбежную при воспоминаніи о минувшемъ, то принужденную веселость, чтобъ не опечалить какъ нибудь невольно молодую невесту. Не смотря на то, что Бондуа сыгралъ эту сцену немного холодно, зрители начали уже громко ему аплодировать. Въ трудной сценѣ, когда Орасъ узнаетъ на картинѣ изображеніе дома, въ которомъ онъ провелъ свою молодость и предается отраднымъ воспоминаніямъ о счастливомъ минувшемъ, Бондуа оказался истиннымъ художникомъ. Онъ былъ проникнутъ въ ту минуту такимъ истиннымъ чувствомъ, такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, что публика, все таки еще смотрѣвшая на него какъ-то холодно, разразилась рукоплесканіями и немедленно вызвала своего будущаго несомнѣннаго любимца. Во второмъ актѣ, гдѣ роль его принимаетъ характеръ патетическій, Бондуа былъ съ начала до конца такъ отчетливъ, такъ вѣренъ своему положенію, что въ прекрасномъ дарованіи его не могъ усомниться даже самый строгій критикъ. Предъ окончаніемъ пьесы Поль Бондуа пѣлъ куплетъ, какъ говорятъ, сочиненный имъ самимъ, въ которомъ онъ просилъ публику быть къ нему снисходительной, и спѣлъ его такъ мастерски, что громкія, единодушныя рукоплесканія заглушили его послѣдніе отголоски. Нужно при этомъ замѣтить, что г. Бондуа поетъ куплеты съ такимъ мастерствомъ, что не только превосходить Бертона въ этомъ отношеніи, но даже не имѣетъ себѣ соперника на нашей французской сценѣ. Однимъ словомъ, Бондуа имѣлъ полный успѣхъ, его вызывали нѣсколько разъ и въ продолженіе водевиля, и по окончаніи пьесы. Если принять въ соображеніе, какими еще не развившимися артистами поступили на нашу сцену Брессанъ и Бертонъ, развернувшіе потомъ свое дарованіе, благодаря вліянію петербургской публики, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Поль-Бондуа будетъ все болѣе и болѣе совершенствоваться. Сама Рашель

согласилась, что петербургская публика самая безпристрастная, образованная и умная, не говоря уже о благородствѣ ея чувствъ.

Роль Каролины, дочери банкира, которую прежде исполняла г-жа Арну-Плесси, играла въ тотъ разъ г-жа Мила. Она исполнила ее граціозно, дѣлая изъ этой второстепенной роли все, что могла, однимъ словомъ, она была истинно *мила*. Роль фата и члена жокейскаго клуба игралъ г. Пешна, и былъ очень забавенъ, хоть и прибѣгалъ иногда, для большаго эффекта, къ нѣкоторымъ фарсамъ.

Для втораго дебюта г. Бондуа была поставлена двухъ-актная комедія-водевиль гг. де-Курселя и Жема: «*On demande un gouverneur* (требуется гувернеръ), пьеса неестественная отъ начала до конца, неправдоподобная и чрезвычайно растянутая. Сюжетъ ея заключается въ томъ, что нѣкто Дюренель (г. Варле) публиковалъ, что ему нуженъ для сына гувернеръ. Молодой человекъ Фредерикъ де Марсанъ (г. Бондуа), читая это объявленіе, неизвѣстно почему вообразилъ, что публиковавшій долженъ быть большой чудакъ и, желая удостовѣриться, является въ домъ подъ именемъ гувернера, но вмѣсто смѣшнаго старика находитъ человека очень умнаго, образованнаго и любезнаго. Приведенный въ смущеніе своей ошибкой, Фредерикъ откровенно признается, что онъ почти ничего не знаетъ, все промоталъ, проигралъ и уже беретъ за шляпу, чтобъ избѣжать окончательнаго стыда. Но къ удивленію, Дюренель удерживаетъ его, говоря, что такого именно гувернера и нужно его сыну, потому что послѣ такого опыта онъ вѣроятно будетъ удерживать своего воспитанника отъ всѣхъ соблазновъ и увлеченій. По карточкѣ, данной Фридерикомъ, старикъ узнаетъ въ новомъ гувернерѣ сына стараго своего пріятели и преспокойно уѣзжаетъ въ Бордо, оставя на попеченіе молодаго де-Марсана весь свой домъ и семейство. Пораженный такимъ довѣріемъ, повѣса, въ которомъ были еще благородныя чувства, совершенно измѣняется, дѣлается другомъ своего питомца, избавляетъ его отъ ложныхъ друзей, спасаетъ вторую жену Дюренеля отъ сѣтей, разставленныхъ ей пустымъ фатомъ Тимолеономъ (г. Пешна) и даже оказываетъ услугу самому Дюренелю, расправившись съ ростовщикомъ Бенжаменомъ (г. Невиль), который несправедливо бралъ съ честнаго старика каждый годъ сильную дань. Къ довершенію всѣхъ этихъ благородныхъ поступковъ, онъ затаиваетъ любовь свою къ дочери Дюренеля, также равнодушной къ нему, но чтобъ выманить отъ Бенжамена нужный ему документъ, рѣшается просить руки ея, обязуясь все выплатить на другой день брака. Все устроилось, какъ нельзя лучше: документъ у него въ карманѣ, дочь Дюренеля согласна, но Фредерикъ бѣденъ, и потому, чтобъ не лишитъ молодую дѣвушку

лучшей партіи, онъ рѣшается на послѣднюю жертву: притворяется пьянымъ, въ полной увѣренности, что послѣ такого поступка бракъ будетъ невозможенъ. Въ такомъ положеніи застаегъ дѣла возвратившійся изъ Бордо Дюронель. Въ концѣ пьесы добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказуется. Г. Бондуа исполнилъ довольно блѣдную роль Фредерика, какъ могъ отчетливѣе, и только развѣ можно было упрекнуть его немного въ недостаткѣ живости и бойкости, впрочемъ, по этой пьесѣ рѣшительно ничего нельзя заключить о молодомъ актерѣ, который будетъ имѣть у себя такого превосходнаго гувернера, какъ наша образованная и строгая петербургская публика. Г. Пешна былъ очень хорошъ въ роли Фата, а г. Невиль превосходно создалъ типъ лукаваго и корыстолюбиваго ростовщика. Роль Валентины, дочери Дюронеля, играла молодая артистка, исполняющая на нашей французской сценѣ амплуа *ingenues*, г-жа Мальвина и восхитила всѣхъ прекраснымъ исполненіемъ роли. Перейдемъ теперь къ нашей русской драматической труппѣ.

По окончаніи поста, въ августѣ, спектакли Александринскаго театра открылись драмой «Семейная Тайна», переводной пьесой, игранной еще въ прошломъ году по-французски, подъ названіемъ *L'honneur de la maison*, въ которой главныя роли занимали г-жа Орлова и г. Самойловъ, и оригинальною пьесой г. Крестовскаго, «Станціонный смотритель». Новаго въ этой пьесѣ было только то, что главную роль играла въ ней, вмѣсто г-жи Самойловой—г-жа Читау. Но роль эта была полнымъ торжествомъ молодой артистки, и врядъ ли другая артистка нашей сцены могла такъ глубоко прочувствовать и понять роль Дуни, дочери зрителя, какъ поняла и прочувствовала ее г-жа Читау, особенно въ первомъ актѣ и преимущественно въ сценѣ прощанія съ отцомъ, узнавшимъ, что она рѣшилась его покинуть и ѣхать въ Петербургъ. Г-жа Читау начала свое драматическое поприще только съ 1849 г. 2 ноября, дебютируя, будучи еще воспитанницей, въ бенефисѣ г. Григорьева 1-го, въ извѣстной комедіи «Своя семья», и съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе публики. Заслуженная симпатія эта еще болѣе увеличилась въ 1853 году 19 февраля, когда на другой день послѣ прощальнаго бенефиса г-жи Самойловой 2-й была поставлена новая комедія Островскаго: «Не въ свои сани не садись». Пьеса эта упрочила навсегда любовь нашихъ театраловъ къ г-жѣ Читау. Еще полная воспоминаніями о своей сценической утратѣ, публика, не знавшая кто можетъ замѣнить ей г-жу Самойлову 2-ю, вдругъ увидѣла передъ собою артистку съ талантомъ самобытнымъ, незнающимъ никакого подражанія, проникнутымъ задушевностью и чувствомъ, и

главное, необыкновенно естественнымъ и чисто русскимъ. Съ этихъ поръ г-жа Читау постоянно стала занимать главныя ампулы и выходила всегда побѣдительницей въ роляхъ самыхъ трудныхъ, разнообразныхъ и новыхъ. Бенефисомъ этой артистки и открылись бенефисы нынѣшняго театральнаго сезона. Г-жа Читау поставила для своего бенефиса драму изъ древне-римской жизни, г. Маркова, «Діоклитіанъ». Сюжетъ ея чисто историческій и изображаетъ страданіе императора Діоклитіана, провозглашеннаго повелителемъ римской Имперіи въ 284 году по Р. Х. и отрешающагося отъ престола въ 304 году. Дочь Діоклитіана, Валерія, (г-жа Читау) несоглашается выдти замужъ за одного изъ соправителей, Кесаря Галерія, который не имѣя твердости перенести такую обиду, затаилъ къ ней ненависть. Въ это время пріѣхалъ ко двору императорскому Пелей, военачальникъ также одного изъ соправителей Діоклитіана, Констанція Хлора. Пелей и сынъ его Андроникъ, лишившійся въ молодости зрѣнія и воспитавшійся вмѣстѣ съ Валерією—христіане, и своими убѣжденіями обратили молодую дѣвушку также въ христіанство, тайно отъ жены Пелея, Олимпіи, ея воспитательницы. На пути въ пещеру, гдѣ христіане совершаютъ свое богослуженіе, Пелей, сопровождающій Валерію, встрѣчается съ Галеріемъ и ссорится съ нимъ за то, что несоглашается открыть ни своего имени, ни имени своей спутницы. Раздраженный такимъ неповиновеніемъ, Галерій клянется отмстить ему, и запомнивъ, его лицо, узнаетъ Пелея при торжественномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему Діоклитіаномъ. Между тѣмъ, императоръ утвердилъ законъ, постановленный Галеріемъ и Максиміаномъ, по которому каждый римлянинъ, исповѣдующій христіанскую религію, присуждается къ отсѣченію языка, и вскорѣ послѣ этого безчеловѣчнаго постановленія Діоклитіанъ, которому Валерія не хочетъ открыть, съ кѣмъ она вышла изъ дворца, узнаетъ, что и она также христіанка. Пораженный этимъ открытіемъ, императоръ долго не знаетъ, какъ поступать ему, какъ отцу, или какъ блюстителю законовъ; наконецъ отеческое чувство преодолеваетъ, и роковой приговоръ не будетъ приведенъ въ исполненіе, но жребій рѣшаетъ иначе. Руководимый женою Пелея, Діоклитіанъ идетъ съ своими соправителями въ пещеру христіанъ, и тамъ находитъ дочь свою вмѣстѣ съ мужемъ Олимпіи, старымъ Пелеемъ. Храбраго воина заключаютъ въ темницу, а Валерію уводятъ Галерій и Максиміанъ, которымъ Кесарь съ отчаяніемъ принужденъ былъ выдать дочь свою на судъ и расправу. Нивакія убѣжденія не въ силахъ преклонить Пелея отказаться отъ новой религіи, и его принуждаютъ къ пыткамъ, предъ которою онъ видится съ Андроникомъ, внезапно прозрѣвшимъ. Андроникъ также неизбежалъ суда; его присуждаютъ на съѣденіе дикихъ звѣрей,

но онъ выходитъ цѣлъ и невредимъ изъ этой казни. Наконецъ Діоклитіанъ, по совѣту жреца, отрекается отъ престола, и сдѣлавшійся преемникомъ ему Галерій, возвращаетъ ему Валерію, но вскорѣ потомъ сознавая превосходство надъ нимъ Діоклитіана, любимаго народомъ, рѣшается погубить его, и съ этою цѣлю уговариваетъ Пелея обратиться бывшаго Кесаря въ христіанскую вѣру. Пелей въ точности исполняетъ первое порученіе, и Діоклитіанъ горько раскаивается въ томъ, что поступалъ такъ жестоко съ своими христіанскими подданными. Въѣтъ съ Галеріемъ желаетъ гибели Діоклитіана и другой соправитель, Максиміанъ. Чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, онъ уговариваетъ Діоклитіана бѣжать съ Валеріей отъ преслѣдованія Галерія. Діоклитіанъ соглашается, бѣжить и умираетъ въ изгнаніи. Андроникъ и Валерія благополучно сочетаются бракомъ. Вотъ и весь сюжетъ этой отрывчатой и довольно несходной съ исторіей, четырехъ-актной драмы, въ которой, впрочемъ, есть сцены сильныя и эффектъныя, напримѣръ: сцена въ тюрьмѣ, между Пелеемъ, Андроникомъ и Олимпіей, сцена отчаянія Діоклитіана, когда онъ предавая Валерію во власть соправителей, восклицаетъ: «надъ ней творите сами судъ», и наконецъ сцена прощанія Валеріи съ Пелеемъ, въ которой особенно была хороша г-жа Читау, не смотря на александрійскіе стихи, очень неудобныя для естественнаго разговора. Роль слѣпаго Андроника игралъ въ первый разъ воспитанникъ Императорскаго петербургскаго театральнаго училища г. Мальшевъ. Молодой человѣкъ этотъ вышелъ съ честію изъ этого перваго своего сценическаго испытанія, и при его красивой наружности, прекрасномъ голосѣ и томъ дарованіи, которое показалъ онъ, можно надѣяться, что подъ руководствомъ опытнаго наставника, талантъ его еще болѣе разовьется. Г. Самойловъ былъ очень простъ, мастерски читалъ стихи, только осанка его недовольно походила на величественную кесарскую; лучшая сцена, сыгранная имъ, была та, въ которой онъ отдастъ Валерію на судъ. Послѣднія слова его исторгали громкія рукоплесканія. О другихъ пьесахъ, вошедшихъ въ составъ бенефиса г-жи Читау, мы считаемъ излишнимъ говорить, потому что въ нихъ не заключалось ничего особенно новаго. Обстановка драмы была прекрасная, какъ въ отношеніи декорацій, такъ и въ отношеніи костюмовъ.

Режиссеръ русской драматической труппы, г. Яблочкинъ, далъ для своего бенефиса три пьесы, изъ которыхъ одна давно уже знакома, давно напечатана и разобрана журналами, это комедія г. Островскаго: «Бѣдность не порокъ», пьеса самая слабѣйшая изъ всѣхъ, написанныхъ этимъ авторомъ, по своей концепціи, плану и содержанию. Притомъ же и основа комедіи совершенно не нова и сильно напоминаетъ одну извѣ-

стную французскую пьесу L'oncle Bapliste, передѣланную превосходно на нѣмецкомъ языкѣ Кейзеромъ, подѣ названіемъ «Stadt und Land, oder Oncel Sebastian aus Oestreich и довольно неудачно по-русски подѣ заглавіемъ: «Дядя Пахомъ». Во всѣхъ этихъ пьесахъ является на сцену одинъ и тотъ же типъ дядюшки, котораго гонятъ (въ первыхъ двухъ—потому что онъ бѣденъ, а у г. Островскаго потому, что Любимъ Торцевъ, при бѣдности еще вѣчно пьянъ,) и который между тѣмъ все таки устраиваетъ свадьбу своей племянницы, чуть было не сдѣлавшейся супругою противъ своей воли. Не понимаемъ, что нашелъ авторъ поучительнаго и симпатическаго въ типѣ Любима Торцова, котораго разгульная жизнь довела до отвратительной бѣдности и заставила скоморошничать на улицахъ изъ-за куска хлѣба? Не знаемъ какъ полагаетъ г. Островскій, но мы увѣрены, что герой пьесы, порочный по своей собственной винѣ, промотавшій все состояніе, полученное имъ наравнѣ съ братомъ, нисколько не можетъ возбудить въ зрителѣ ни участія, ни сочувствія, чего однако требуетъ искусство, и потому названіе пьесы можно скорѣе отнести къ второстепенному лицу, дѣйствующему въ комедіи—бѣдному и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно плаксивому Митѣ (очень напоминающему столько же почти плаксиваго купца Бородинка, въ пьесѣ того же автора: «Не въ свои сани не садись»,) который наконецъ женится на дочери Гордея Карпыча Торцова. Прочіе характеры гораздо естественнѣе, лучше почувствованы и довольно вѣрны себѣ, хотя тоже одною только внѣшностью. Кто изъ насъ не знакомъ по сценѣ съ такими лицами, какъ наприимѣръ, купчиха Пелагея Егоровна, нахолящаяся подѣ каблукомъ неугодливаго мужа; какъ старый волокита, фабрикантъ Коршуновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сильный негодай; какъ мотъ и гуляка—купчикъ Разгуляевъ; какъ разбитная вдовушка Анна Ивановна и чувствительный прикащикъ Митя, лицо весьма слезливое, какъ мы уже сказали. Однимъ словомъ, пьеса эта, которой много помогаетъ на сценѣ отчетливая игра актеровъ и дивертисманъ изъ пѣсень и плясокъ, по случаю купеческой вечеринки, не смотря на искусство г. Островскаго изображать купеческій бытъ, не можетъ выдержать никакой справедливой литературной критики, что ни кричи объ ней друзья и пріятели автора, въ этомъ случаѣ явные враги развитія его таланта. Роль Любима Торцова (дядюшки Любови Гордѣевны Торцовой) игралъ г. Самойловъ, которому, какъ богатырю, по плечу самыя разнохарактерныя роли. Въ особенности былъ онъ неподражаемъ въ первомъ дѣйствіи, рассказывая свои похождения на улицахъ, съ которыхъ морозъ вынудилъ его придти въ домъ гордаго брата Гордея Карпыча Торцова, и потомъ въ третьемъ дѣй-

ствіи, когда Любимъ убѣждаетъ Гордѣя выдать Любу за бѣднаго прикащика. Слова:

«Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ! Что онъ бѣденъ—то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ.

Слова эти произнесены были г. Самойловымъ съ такимъ скорбнымъ, умоляющимъ чувствомъ, съ такимъ непритворнымъ сознаниемъ своего униженія, что невольно вызывали у зрителей слезы. Цѣль автора была достигнута; но мы спрашиваемъ: естественъ ли источникъ этихъ слезъ, если хорошенько разсудить и вникнуть. Эти два брата поставлены въ такія отношенія между собою, что изъ нихъ прямымъ выводомъ будетъ, что если Гордей, раздраженный на Коршунова и согласился бы отдать дочь свою за Митю, то слова брата, котораго онъ ненавидитъ пуще всякаго врага, и считаетъ пятномъ, марающимъ его имя, должны были перевернуть все вверхъ дномъ и разстроить свадьбу, еслибъ она и была возможна, не смотря на самолюбивый и честолюбивый характеръ Гордея Карпыча. Притомъ, всякій согласится, что такая перемѣна Гордея, особенно въ послѣднемъ явленіи пьесы, нисколько не естественна, ни на чемъ не основана и не изъ чего не вытекаетъ. Но, какъ видно, въ этой комедіи все совершается по одной волѣ автора; захотѣлъ онъ, и Коршуновъ сердится на Гордея Карпыча, за слова Любима Карпыча, хотя твердо увѣренъ, что тотъ не виноватъ въ нихъ ни душой, ни тѣломъ, и что появленіе брата въ его домѣ также ему непріятно, какъ и самому Коршунову.

Къ сожалѣнію неблагодарная роль Любови Гордѣевны досталась г-жѣ Читау, и ее нѣкоторые по этому упрекали въ однообразности, хотя она ничѣмъ не виновата. Что она могла создать особенно новаго изъ этого типа дѣвушки загнанной, которая постоянно должна изъ робости глубоко затаивать на душѣ всякое волнующее ея чувство? А между тѣмъ г-жа Читау сдѣлала изъ своей роли то, чего вѣрно другія не сдѣлаютъ.

Очень хороша была г-жа Орлова въ роли вдовушки Анны Ивановны, которую она передала въ мельчайшихъ подробностяхъ съ дагеротипной вѣрностью. Очень хороша была также г-жа Линская въ роли Купчихи Пелагеи Егоровны. Митю, прикащика, игралъ г. Бурдинъ, изучившій роль свою очень вѣрно и выказавшій большое чувство во многихъ сценахъ, особенно въ сценѣ прощанія съ Любовью Гордѣевной и Пелагеей Егоровной. Кутилу купчика Разгуляева и Гордея Карпыча очень удовлетворительно сыграли гг. Марковецкій и Григорьевъ 2-й г. Мартыновъ, въ роли Коршунова, не произвелъ эффекта, какого бы можно было ожидать при его огромномъ комическомъ талантѣ.

Для начала бенефиса дано было драматическое представленіе въ

двухъ дѣйствіяхъ: «Англичане подъ Гамле-Карлебю», сочиненіе актера г. Воронова, который къ дѣйствительному событію, извѣстному каждому русскому, присоединилъ романтическую интригу, введя на сцену вдову Бьелке (г-жа Ливская), сына ея Оскара (г. Степановъ) и крестницу Лизу (г-жа Жулева). Оскаръ и Лиза любятъ другъ друга; любовь Оскара тѣмъ болѣе достойна уваженія и безкорытна, что онъ нисколько не подозрѣвалъ въ крестницѣ своей матери, дочери генерала Староселова съ приданымъ во сто тысячъ рублей, почему, слѣдовательно, молодая дѣвушка перестаетъ быть равною Оскару, какъ по происхожденію, такъ и по состоянію. Но Лиза, любящая истинно Оскара, разрываетъ банковый билетъ на всю сумму, составляющую ея приданое, не зная, что билетъ всегда можно возобновить. Молодому шведу тоже было это неизвѣстно, и потому что онъ предлагаетъ Лизѣ, сдѣлавшейся, по его мнѣнію, снова бѣдною, раздѣлить съ нимъ его участь, хотя бы для этого пришлось ей ждать десять, пятнадцать лѣтъ! Разумѣется, что Лиза находитъ своего отца и выходитъ за Оскара, поступившаго, для скорѣйшаго достиженія своей цѣли, въ военную службу и со славой исполнившаго возложенное на него бургомистромъ порученіе, ѣхать въ Вазу за войскомъ, которое и поспѣваетъ во-время въ Гамле-Карлебю, не смотря на огромный переходъ. Патриотическая пьеса эта, не лишенная нѣкоторыхъ удачныхъ сценъ, заслужила автору одобреніе публики, и онъ былъ вызванъ.

Бенефисъ г. Яблочкина окончился водевилемъ, безъ всякихъ лишнихъ притязаній на славу, «Мастерская русскаго живописца», въ которой два художника дурачатъ отца одной молодой дѣвушки, выдавая себя за пріѣзжихъ изъ Италіи, чтобъ заманить стараго чудака въ свою мастерскую. Одинъ изъ нихъ, оказавшійся сыномъ какого-то пріятели отца своей возлюбленной, женится на ней въ концѣ пьесы. Г. Максимовъ 1-й въ роли весельчака-художника, покровителя своего влюбленнаго товарища и г. Марковецкій, въ роли стараго слуги, исполнили роли свои какъ истинные художники. Водевильу этому, въ которомъ много веселости, очень много помогли три живыя картины, изъ которыхъ одна изображала подвигъ греческаго капитана Хрисоверги, съ которымъ познакомятся наши читатели въ нынѣшнемъ же фелетонѣ.

24 сентября былъ данъ бенефисъ г. Толченова, послѣдній послѣ его сорока-пяти-лѣтняго дѣятельнаго поприща на нашей русской сценѣ. Пьесы, избранныя бенефициантомъ: драма «Отецъ и дочь», водевиль «Отставной и подставной», «Актеры между собою» и водевиль, г. Тарновекаго, не новы и уже извѣстны публикѣ какъ по игрѣ артистовъ, участво-

вавшихъ въ нихъ, такъ и по своему содержанію, и потому мы не будемъ о нихъ распространяться.

— Нельзя не сказать нѣсколько словъ о возобновленномъ, въ срединѣ сентября, на александринской сценѣ, маленькомъ одноактномъ балетѣ «Мельники», балетѣ идиллическомъ въ родѣ Лизеты и Коллена, какихъ уже не ставятъ въ наше время. Представленіе этого балета, не отличающагося ни обстановкой, ни музыкой, ни содержаніемъ, было замѣчательно только тѣмъ, что въ немъ участвовали одни молодые артисты, и все почти удостоились справедливаго одобренія публики. Г. Ивановъ, г. Стуколкинъ, игравшій роль *зротеска*, кромѣ специалиста по этой части хорошей комикъ, г-жи Лашина и воспитанница Императорскаго театральнаго училища г-жа Радина своею отчетливостью и искусствомъ обратили на себя особенное вниманіе. Г-жа Радина, напоминающая своею граціозностью г-жу Прихунову, совершенствуясь все болѣе и болѣе, обѣщаетъ быть со временемъ замѣчательною танцовщицей. Самый балетъ долженъ былъ также заинтересовать нашихъ зрителей, особенно балетныхъ старожилловъ, потому что съ нимъ связаны воспоминанія о д'Обервилѣ, играющемъ немаловажную роль въ исторіи нашего театра. Д'Обервилъ былъ наставникомъ, и покровителемъ нашего извѣстнаго хореографа Дидло, перваго счастливаго и незабвеннаго преобразователя нашего балета. Дидло получилъ первое свое танцовальное образованіе въ Швеціи, изъ которой на двѣнадцатомъ году переѣхалъ въ Парижъ и поступилъ въ ученики къ д'Обервилю, отъ котораго онъ потомъ перешелъ въ парижскую консерваторію. Д'Обервилъ не оставлялъ своего ученика, и своимъ стараніемъ доставилъ ему случай дебютировать на сценѣ театра Удино, нынѣ *Ambigue comique*, потомъ ангажементъ на лондонской сценѣ и наконецъ на бордоскомъ театрѣ, гдѣ онъ былъ тогда главнымъ балетмейстеромъ. Благодаря старанію и совѣтамъ этого превосходнаго учителя, Дидло вскорѣ сдѣлался не только хорошимъ танцовщикомъ, отличнымъ хореографомъ, но даже развилъ свой вкусъ и совершенно преобразовалъ балеты. Уничтоживъ въ нихъ прежніе пудренные парики, фижмы и прочее, замѣнилъ ихъ приличными содержанію костюмами и ввелъ туники и трико, о которомъ до Дидло не имѣли на сценѣ никакого понятія. Мастеръ, по фамиліи Трико, которому первому заказалъ Дидло образцы своего нововведенія, сохранилъ и до сихъ поръ о себѣ память на этомъ новѣйшемъ аксесуарѣ нашихъ балетовъ. Кромѣ всего этого онъ сдѣлалъ еще очень много перемѣнъ и нововведеній. Слава отличнаго балетмейстера, пріобрѣтенная имъ во Франціи, послужила поводомъ, что Дидло былъ вызванъ, въ 1801 году въ Петербургъ, во время управленія театальною дирекціею князя Н. Б. Юсу-

пова, и дебютировалъ въ балетѣ «Аполлонъ и Дафна», въ апрѣлѣ 1802 года. Съ этихъ поръ извѣстность Дидло, которому нашъ тогдашній бабеть обязанъ всеми замѣчательными талантами, росла до самой его смерти. Но довольно о театрахъ, поговоримъ хотя немного о нашихъ литературныхъ новостяхъ. Обратимся къ нашимъ патріотическимъ стихотвореніямъ, которыхъ и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ появилось очень много.

Вотъ простая казацкая пѣсня, сложенная на битву съ турками при Трояновомъ валѣ, 2 апрѣля 1854 года, однимъ изъ казаковъ, казачьяго № 22 полка. Прислушайтесь къ задушевности этихъ звуковъ, къ теплотѣ, искренности и неподдѣльности чувства, дышащихъ въ каждой строфѣ. Въ пѣснѣ этой слышится тотъ же могучій отголосокъ синяго Дона, который такъ громко раздавался въ славную эпоху Отечественной войны, отъ родныхъ станицъ до стѣнъ столицы Франціи. Вотъ какъ воспѣваетъ старинный знакомецъ нынѣшнихъ нашихъ непріятелей, весь еще полный воспоминаній о славномъ прошедшемъ:

Крестъ Господній презирая,
 Возмутился мусульманъ,
 И несла волна Дуная
 Вопли бѣдныхъ Христіанъ
 Далеко къ родному краю
 Изъ бушующихъ сторонъ.
 И откликнулася Дунаю
 Отдаленный синій Донъ.
 И поднялись, по примѣру,
 Такъ какъ дѣды и отцы,
 За Царя, за Русь, за Вѣру
 Казачины молодцы.
 Кто же встрѣтится скорѣ
 Съ мусульманомъ изъ Донцовъ?
 Кто помчится удалѣе
 На бушующихъ враговъ?
 Обжилися въ ратномъ дѣлѣ
 Вы съ глубокой старины,
 Васъ готовятъ съ колыбели
 На опасности войны.
 Съ малыхъ лѣтъ казакъ удалый
 Пашку острую беретъ,
 А съ конемъ большой и малый,

Какъ съ пріятелемъ живетъ.
И дождался новой драки
Вѣковой Траяновъ валь,
И не струсилъ казаки,
И Валуевъ не дремалъ.
На него враги летѣли,
Сила вицетеро была,
Фески красныя багрѣли.
Раздавалось Алла!
Но казаки не сдалися,
Проливать хотѣли кровь,
Легче птичекъ понеслися
Съ длинной пикой на враговъ.
Если могъ бы ты, нашъ Платовъ,
Изъ сырой могилы встать —
Поглядѣть на этихъ хватовъ
И спасибо имъ сказать!
Ты-бъ увидѣлъ, что казаки,
Все какъ прежде, молодцы,
Что лихой не трусятъ драки
Закаленные Донцы.
Унялась борьба лихая,
Задремалъ Трояновъ валь;
Только вѣтеръ, завывая,
Вражки трусы все считалъ.
И съ горячею молитвой
Казаковъ народъ встрѣчалъ,
И, гордясь Траянской битвой,
Нашъ Валуевъ пировалъ.
Утромъ, Бога восхваляя,
Всѣ молиться собрались,
И молитвы отъ Дуная
Къ Дону тихому неслись.

Слагать пѣсни и, даже лучше сказать, импровизаціи, на каждое сраженіе, давно уже ввелось въ обычай у храбрыхъ кавказскихъ солдатъ, закаленныхъ въ бояхъ, и потому представляемъ читателямъ одинъ образецъ такихъ импровизацій, людей, которыхъ вдохновляетъ единое ихъ мужество и сознаніе своего долга и богатырскихъ силъ. Не ищите въ нихъ художественности, ищите только чувства. Импровизаціи эти

принадлежать унтеръ-офицеру Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, Родіонову, и сложены имъ послѣ Чолокской битвы.

Станемъ братцы веселиться,
Въ часъ побѣды, въ славный часъ
Есть чѣмъ русскимъ похвалиться,
Стануть турки помнить насъ!

Наши дѣды не слышали,
За Чоколомъ есть-ли слѣдъ,
Мы штыкомъ его сыскали,
Невозможнаго намъ нѣтъ.

Штыкъ булатный, грудь стальная,
И къ отечеству любовь;
Ты, Россія, мать родная,
Поминай ты нашу кровь.

За Царя, Его державу,
Мы весь бѣлый свѣтъ пройдемъ,
Уничтожимъ всю Турчаву *
И насквозь её пройдемъ.

Подобнаго рода произведенія останутся гораздо дольше въ народной памяти, чѣмъ всѣ возможные риторическія восклицанія. Съ народомъ нужно говорить языкомъ, доступнымъ его пониманію, и тогда только онъ будетъ живо сочувствовать описанному.

Обратимся теперь къ художественнымъ новостямъ, которыя особенно интересны для каждаго въ послѣднихъ нумерахъ русскаго художественнаго листка г. Тимма. Въ нихъ изображены портреты храбрыхъ нашихъ генераловъ Шильдера и Сельвана, падшихъ смертію храбрыхъ при осадѣ Силистріи; церковь Святаго Николая съ ея кладбищемъ, на которомъ покоятся ихъ останки. Замѣчательны изображенія подвиговъ храбрыхъ греческихъ волонтеровъ, подъ начальствомъ капитана Хрисовери, на берегахъ Сулинскаго Рукава, 26 іюня 1854 года, при которыхъ приложенъ также портретъ отважнаго предводителя. Храбрость двадцати-пяти удалцовъ, безъ пушекъ, противъ дезанта изъ семи сотъ человекъ съ нѣсколькими орудіями была такъ велика, что горсть

* Туречину.

ихъ показалаея англійскимъ воинамъ сильнымъ русскимъ отрядомъ. Вѣроятно читателямъ нашимъ не покажется излишнимъ, если мы имъ передадимъ здѣсь поподробнѣе это блистательное, напоминающее древнихъ Спартанцевъ при Термопилахъ, дѣло новѣйшихъ временъ, въ которомъ на каждаго грека приходилось ни болѣе, ни менѣе двадцати-восемью англчанъ, хорошо обученныхъ и вооруженныхъ. И что же, такая огромная толпа витязей три раза должны были прибѣгать къ постыдному отступленію. Вотъ подробный и истинный рассказъ о дѣйствіяхъ Аристади Хрисовери и его безстрашныхъ сподвижниковъ:

Жители Сулина безпрестанно были обезпокоиваемы высадками англчанъ, забравшихъ бесплатно у нихъ скотъ и разную провизію. Не смотря на громкія официальные объявленія лондонскихъ министерскихъ газетъ о неприкосновенности частной собственности и безопасности каждаго гражданина и его личности, человѣколюбивые англчане почти каждый день выходили на берегъ и наносили тамошнимъ жителямъ разныя оскорбленія. Напримѣръ, съ одного отставнаго матроса англійскіе солдаты сорвали медаль и знакъ отличія военнаго ордена, (впрочемъ это и неудивительно: медаль и знакъ были серебряные!), и для удовольствія обрили однажды бороду одному старику. Въ другой разъ, 24 іюня, высадились они на практическую сторону рѣки, посѣщали оставленные русскими карантинъ и укрѣпленія, и одно изъ нихъ, палисاديрованное и расположенное на песчаной косѣ, зажгли. Сверхъ того англчане сожгли деревянныя платформы, рогатки и палисадъ; изъ-подъ непла выбрали остатки желѣзныхъ связей, уложили на шлюпки и какъ добычу отвезли на пароходы. Эти поступки вывели жителей изъ терпѣнія, и они рѣшились захватывать тѣхъ изъ непріятелей, которые неосторожно выйдутъ на берегъ. Находившійся въ это время въ Тульчѣ греческій капитанъ Аристади Хрисовери сформировалъ, съ дозволенія начальства, изъ жителей Сулина и Тульчи, греческаго происхожденія, отрядъ, досталъ для нихъ ружья и порохъ, и, собравъ двадцать-пять человѣкъ охотниковъ, отправился съ ними въ Сулинъ. 25 іюня отрядъ волонтеровъ прибылъ въ Сулинъ, и тайно пройдя по камышамъ, засѣлъ въ карантинѣ, окруженномъ, со стороны рѣки и моря однимъ только незначительнымъ землянымъ валомъ. Ожиданія волонтеровъ вскорѣ оправдались. 26 іюня, въ полдень, съ находившихся предъ устьемъ Сулина двухъ большихъ англійскихъ пароходовъ спустились шесть вооруженныхъ баркасовъ съ десантомъ и направились въ Дунай. Впереди ихъ, на легкомъ катерѣ, ѣхалъ капитанъ парохода, толстый мужчина въ синемъ сюртукѣ, съ густыми эполетами. Онъ правилъ рулемъ, а съ нимъ были три офицера и шесть матросовъ. Далеко оставивъ за собою бар-

касы, по привычкѣ не встрѣчать въ высадкахъ на этихъ берегахъ, никакой опасности, катеръ подошелъ саженъ на пять къ карантинной (для гребныхъ судовъ) пристани. Вдругъ изъ-за камышей, окаймлявшихъ берегъ, раздался выстрѣлъ: то былъ капитанъ Хрисовери, собственноручно сразившій толстаго англичанина. Вслѣдъ затѣмъ залпъ охотниковъ поразилъ прочихъ. Вскорѣ остался на катерѣ одинъ гребець, и тотъ, сидя на носу, не могъ болѣе, какъ слѣдуетъ, управлять лодкою: она вертѣлась и быстро уносилае водою внизъ по теченію.

Баркасы, замѣтивъ перестрѣлку, подтянулись къ берегу, высадили пѣхоту, и начали сильнѣйшую канонаду по укрѣпленію. Пѣхота атаковала выходъ, обращенный къ морю. Капитанъ Хрисовери вскочилъ на валъ, у самаго прохода, съ обнаженною саблею въ рукахъ, и, подъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля и осьми орудій, подавалъ примѣръ храбрости своимъ сподвижникамъ, которые мѣткими выстрѣлами три раза отражали англичанъ. Послѣдніе, замѣтивъ греческаго капитана въ его національной одеждѣ, выразили удивленіе своими простонародными восклицаніями. Наконецъ на подкрѣпленіе осаждавшихъ прибыли еще четыре баркаса съ двумястами человѣкъ морскихъ солдатъ. Непріятель возобновилъ атаку сильнѣе. Нѣсколько гранатъ, лопнувшихъ въ карантинныхъ строеніяхъ, произвели пожаръ; пламя охватило все дома. Англичане стали обходить укрѣпленіе со стороны камыша. Тогда только капитанъ Хрисовери, видя себя окруженнымъ со всехъ сторонъ пламенемъ и непріателемъ, приказалъ отступить, и послѣдній вышелъ изъ карантиннаго двора. Бой продолжался полтора часа. Англичане провозжали охотниковъ ядрами. Результатомъ этой перестрѣлки была значительная потеря со стороны англичанъ: убито шесть офицеровъ и семьдесятъ два человѣка морскихъ солдатъ. Изъ грековъ же ни одинъ не убитъ и не раненъ. Казаки наши, видѣвшіе это дѣло съ противоположнаго берега, съ восторгомъ описываютъ храбрость капитана Хрисовери. «По истинѣ сказать, капитанъ молодець», говорилъ ихъ урядникъ: «съ такимъ служить можно!»

Сильное пораженіе англичанъ дружиною греческихъ волонтеровъ подтверждается купеческими шкиперами, которые были зрителями пышныхъ похоронъ офицеровъ, на берегу Сулина, сбрасыванія матросовъ въ мѣшкахъ въ море, и отвоза раненыхъ на пароходы. — Число убитыхъ, по разсказу шкиперовъ, простирается до восьмидесяти трехъ человѣкъ. Какъ было уже сказано, греческіе волонтеры не имѣли орудій, ихъ защищало не укрѣпленіе, а карантинъ, окруженный только, какъ и все карантинны, простымъ землянымъ валомъ, а между тѣмъ, какъ вы думаете, что доносятъ объ этомъ пораженіи англійскіе на-

чалъники, отличающіеся, какъ извѣстно, въ нынѣшнюю войну замѣчательною недобросовѣтностью реляцій. Нельзя удержаться, чтобъ не сообщить вкратцѣ депешу, препровожденную въ адмиралтейство адмираломъ Дундасомъ. Карантинъ, занятый англичанами, названъ въ этой депешѣ габіонной батареей, съ которой пушки были увезены, а амбразуры завалены. Высота низенькаго вала возрасла въ донесеніи въ пятнадцать футовъ вышины и около четырехъ-сотъ метровъ длины, и будто бы заключала въ себѣ около пятидесяти казенныхъ домовъ, складовъ амуниціи, припасовъ и магазинъ. Такое крѣпкое мѣсто въ рапортѣ командира Поуся, благодаря львиному мужеству англійскихъ героевъ, совершенно разрушено, дома уничтожены, и мѣсто можно узнать только по кучѣ развалинъ; часть города Сулина, откуда непріятель открылъ огонь, сожжена и только одно англійское великодушіе могло пощадить главную улицу. Командиръ Поусль добавляетъ, что потерю непріятеля невозможно исчислить, но онъ полагаетъ, что нѣкоторые греки помогали русскимъ убирать своихъ раненыхъ и даже защищать укрѣпленіе, потому что замѣтно было въ русскомъ войскѣ нѣсколько человекъ въ греческомъ одѣяніи. Однимъ словомъ, побѣда англичанъ была блистательная!.. Вотъ какими *соловьями* (по русскому выраженію) вмѣсто истинныхъ лавровъ подчуютъ англійскіе Аннибалы своихъ довѣрчивыхъ соотечественниковъ!..

В. О. Тиммъ, котораго художественное изданіе не уступаетъ ни въ чемъ лучшимъ иллюстрированнымъ изданіямъ Парижа и Лондона, и которому русская публика обязана изображеніемъ всего, что только появляется въ нашемъ отечествѣ новаго, замѣчательнаго и знаменитаго, достойнаго общаго интереса, началъ свое художественное образованіе въ Императорской С. Петербургской Академіи Художествъ, гдѣ и усовершенствовалъ окончательно свои природныя способности. Извѣстный французскій живописецъ Орасъ Верне, въ бытность свою въ Петербургѣ, замѣтивъ огромный талантъ нашего молодаго художника, пригласилъ его съ собою за границу. Продолжая изучать искусство живописи въ лучшихъ мастерскихъ Парижа, В. О. Тиммъ сопровождалъ потомъ Верне въ Алжиръ, и вмѣстѣ съ нимъ рисовалъ тамъ батальныя картины, на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Возвратясь въ Россію съ полнымъ портфелемъ эскизовъ, Тиммъ путешествовалъ по Кавказу и по всѣмъ замѣчательнымъ городамъ и мѣстечкамъ русскимъ, и прибылъ изъ нихъ въ Петербургъ съ новыми занимательными для каждаго матеріалами. Извѣстный публикѣ, какъ отличный рисовальщикъ, В. О. замѣчателенъ также, какъ и хорошій живописецъ масляными красками, такъ, что многіе изъ его копій, снятыхъ съ оригиналовъ Ораса Верне, почитаются знатоками

отличными. Большая и лучшая часть масляныхъ картинъ Тимма находится въ галлерей Ф. И. Прянишникова, преимущественно собирающаго произведенія художниковъ русской школы. Въ последнемъ, только что вышедшемъ номерѣ «Художественнаго Листка» г. Тиммъ познакомилъ насъ также съ портретами союзныхъ военачальниковъ: маршала Сентъ-Арно и Лорда Роглана.

Остава въ сторонѣ многочисленные литографированные рисунки, болѣе и болѣе замѣчательные, по композиціи и отчетливому исполненію, изображающіе подвиги отдѣльной храбрости нашихъ офицеровъ и солдатъ на Дунаѣ и на Кавказѣ, нельзя не обратить вниманія публики на интересныя картинки художника Зичи, представляющія сцены изъ кавказскаго быта. Съ каждою недѣлей число этихъ картинъ, налитографированныхъ въ два тона, увеличивается вмѣстѣ съ возбуждаемымъ ими интересомъ. Кажется, что г. Зичи не намѣренъ пропустить ни одного явленія, рѣзко характеризующаго нравы и обычаи этого воинственнаго края. Сколько намъ помнится, первую его картиною въ этомъ родѣ было прощанье молодого казака, отправляющагося въ горную экспедицію, съ своимъ семействомъ. Картина эта, заслужившая общее одобреніе, по истинѣ и граціозности композиціи, была лишь предшественницей систематическаго ряда другихъ. Вы видите потомъ того же самаго казака уже въ дѣлѣ, спасающаго жизнь своего начальника; потомъ сочувствуете первой полученной имъ ранѣ, на которую онъ обращаетъ не много вниманія, и наконецъ присутствуете опять въ той же его родимой мазанкѣ, изъ которой онъ вырвался на честный бой изъ объятій молодой жены. Картина эта особенно глубоко прочувствована художникомъ. Вы видите предъ собою молодого воина, украшеннаго почетнымъ крестомъ, предъ плачущею отъ радости подругою и предъ съдымъ казакомъ—отцомъ. Старикъ прикрывъ вмѣсто зонтика рукою ослабѣвшіе глаза, съ трепетнымъ біеніемъ сердца принагнулся къ груди сына, не затѣмъ, чтобъ насладиться давно невиданными его чертами, но чтобъ полюбоваться знакомъ его доблести, точно такимъ же, какой красуется и на его груди, какъ воспоминаніе дней его молодости. Но это только изображеніе перваго акта драмы. Далѣе идутъ: Черкесская мечь, Пльняникъ, Похищеніе, Внутренность горской сакли и Сцены изъ быта нашихъ кавказскихъ солдатъ—Секретный пикетъ, добываніе воды подъ горскими ядрами, Передовая цѣпь и проч. Всѣ эти рисунки, не дорогіе по цѣнѣ, такъ хорошо исполнены, что не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество и на которомъ долѣе остановиться. Въ особенности же хороши рисунки, исполненные голубымъ тономъ, по своей замѣчательной цѣлности. Нельзя не пожелать, чтобъ дѣятельность г. Зичи не

ослабла, а это зависит вполне от нашей публики и того поощрения, которое она будет выказывать автору своимъ вниманіемъ.

Мы имѣли уже нѣсколько разъ случай упоминать о морскихъ военныхъ картинахъ современныхъ событій профессора Айвазовскаго, выставленныхъ въ пользу нашихъ раненыхъ и ихъ семействъ, сперва въ Севастополѣ, потомъ въ Петергофѣ и наконецъ здѣсь, въ самомъ Петербургѣ, въ домѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Въ недавнемъ времени одному изъ нашихъ художниковъ пришла благая мысль срисовать всѣ эти картины на камнѣ, въ уменьшенномъ видѣ, налитографировать ихъ и издать въ свѣтъ, съ тою же самою достойною цѣлью вспоможенія нашимъ солдатамъ. Исполненіе этихъ четырехъ рисунковъ какъ нельзя болѣе удовлетворительно, и потому нѣтъ сомнѣній, что любители изящныхъ произведеній нашего знаменитаго мариниста, поспѣшатъ пріобрѣсти ихъ, тѣмъ болѣе, что цѣна, назначенная за эти копіи, доступна для каждаго желающаго доставить удовольствіе и себѣ, и пользу ближнему. Желательно было бы чтобъ и прочія произведенія г. Айвазовскаго, какъ прежнія такъ и тѣ, которыя могутъ еще появиться, также литографировались. Такимъ образомъ, каждый могъ бы пріобрѣсти полную коллекцію всего, что произвелъ г. Айвазовскій и за этотъ трудъ не мало были бы благодарны издателямъ будущіе историки нашихъ художествъ и въ особенности живописи. Съ каждымъ новымъ годомъ будетъ труднѣе и труднѣе собирать свѣдѣнія о картинахъ, которыя могутъ достаться въ частныя руки, потомъ опять перейти къ другимъ владѣльцамъ, наконецъ совершенно потеряться изъ виду нуждающихся въ ихъ оцѣнкѣ и описаніи, а при литографическихъ рисункахъ, выходящихъ во множествѣ, этого обстоятельства случиться не можетъ, по крайней мѣрѣ можно судить хоть о сюжетѣ картины. Нельзя не похвалить въ этомъ отношеніи иностранныхъ художниковъ, которые всякое чѣмъ нибудь замѣчательное художественное произведеніе тотчасъ же спѣшатъ воспроизвести въ нѣсколькихъ тысячахъ литографированныхъ копій. Такому благому примѣру не мѣшало бы слѣдовать и намъ, тѣмъ болѣе, что хорошія литографіи расходятся очень скоро и очень выгодно. Любовь къ отечественнымъ искусствамъ у насъ распространяется все болѣе и болѣе, и мы съ удовольствіемъ видимъ почти съ каждымъ новымъ годомъ новыя галереи, составленныя единственно изъ картинъ русской современной школы. Не будемъ говорить о собраніяхъ высшихъ лицъ общества и преимущественно о превосходной галереѣ *Θ. И. Прянишникова*, о которой мы упоминали, скажемъ только, что даже многія лица средняго класса, движимые любовью къ нашимъ русскимъ художникамъ, не щадя средствъ, покупаютъ ихъ лучшія произве-

деня, посѣщаютъ выставки, и изъ поощренія заказываютъ много новыхъ картинъ молодымъ развивающимся талантамъ. Къ такимъ любителямъ принадлежитъ купецъ И. П. Болдыревъ. Въ его галереѣ, обильной многими прекрасными оригиналами и замѣчательными копіями съ лучшихъ мастеровъ, сдѣланными нашими русскими художниками, послѣ каждой выставки можно встрѣтить все, что только было въ ней истинно хорошаго и доступнаго его средствамъ. Людямъ, слѣдящимъ за развитіемъ нашей отечественной живописи и можетъ быть собирающимъ матеріалы для будущей исторіи нашихъ искусствъ, не худо было бы посмотреть на эту коллекцію, перечень которой мы не помѣщаемъ по недовольно обширному объему, опредѣленному нами для фельетона общественной петербургской жизни. Примѣръ достойный и благодѣтельный, которому не мѣшало бы послѣдовать всемъ достаточнымъ людямъ.

Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, послѣ торжественнаго акта и опредѣленія заслуженныхъ наградъ и художественныхъ степеней, въ залахъ Императорской Академіи Художествъ откроется для посѣтителей годовичная художественная выставка. Пробѣгая огромныя залы эти, нельзя не порадоваться при видѣ многочисленныхъ прекрасныхъ картинъ, исполненныхъ какъ учениками, такъ и всеми нашими художниками, во всѣхъ возможныхъ родахъ, и нельзя не почувствовать вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то восторга при мысли, что мы можемъ смѣло противустать иностранцамъ во всемъ: и въ наукахъ, и въ художествахъ, и въ ремеслахъ. Въ свое время мы представимъ о нынѣшней выставкѣ отдѣльную и подробную статью, а въ знакъ слабаго вознагражденія за терпѣніе мы займемъ покуда читателей повѣствованіемъ также объ одной выставкѣ, только въ совершенно особенномъ родѣ, которая вѣроятно заставитъ ихъ не разъ улыбнуться и припомнить справедливую поговорку, что есть люди, которые до самой старости не перестаютъ быть дѣтьми.

Между тѣмъ какъ наша публика нетерпѣливо ждетъ открытія залъ Академіи Художествъ, чтобъ полюбоваться произведеніями нашей отечественной живописи и присудить одобреніе трудамъ, обратившимъ на себя ея вниманіе, далеко за морями, на другой сторонѣ земнаго шара готовится для тамошней публики также одна замѣчательная выставка, о которой мы не можемъ умолчать предъ нашими читателями. Многія оригинальныя явленія происходятъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ; къ числу такихъ явленій можно смѣло отнести выставку дѣтей, которая будетъ происходить въ Бостонѣ. На этой выставкѣ молодые представители человѣческаго рода получаютъ преміи, сообразно съ ихъ дѣтскими достоинствами. Такимъ образомъ, дѣти трехъ мѣсяцевъ, ясно выговаривающія слово «книга,» награждаются зеркаломъ и молоткомъ, которымъ они

могутъ для своего удовольствія разбить зеркало. Дѣти 10-ти мѣсяцевъ отъ роду получаютъ часы, если могутъ легко выговорить слово «мама»; ребенку, который никогда не кричалъ въ полночь и не будилъ своимъ крикомъ весь домъ, назначается въ премію столовый сервизъ; наконецъ ребенокъ, который часто сидѣлъ на землѣ и не ѣлъ песку, имѣетъ въ продолженіе цѣлаго года, открытый входъ во все игрушкиныя лавки, въ которыхъ онъ можетъ брать даромъ все, что ему понравится. Намъ помнится, что это уже не первая выставка подобнаго рода, которую тѣшатся американцы; не очень давно въ разныхъ газетахъ извѣщали о выставкѣ, на которой присуждалась премія самому полновѣсному дитяти, вмѣстѣ съ должнымъ вознагражденіемъ его родителямъ. Если это, сообщенное иностранными журналами извѣстіе не совѣтъ газетная утка, какъ говорится, что еще въ послѣдствіи придумаютъ для своей забавы жители Новаго Свѣта, право предположить трудно. Слѣдя за умственнымъ развитіемъ Сѣверо-Американцевъ, за ихъ дѣятельностью, при ихъ огромныхъ средствахъ, поневолѣ приходитъ на память старинная русская пословица: пусть дитя тѣшится, только бы не плакало. Всякая страна, всякій народъ имѣетъ своего рода особенныя развлеченія, которыя другимъ кажутся очень смѣшными и странными, а между тѣмъ все таки остаются неизмѣнными въ разныхъ мѣстностяхъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, англичане, похваляющіеся своимъ просвѣщеніемъ, челолюбіемъ, кротостію нравовъ и даже съ нѣкоторыхъ поръ большимъ скотолубіемъ, находятъ невыразимое наслажденіе въ пѣтушьихъ бояхъ и кулачныхъ уличныхъ дракахъ на смерть; такъ китайцы, которые также называютъ себя просвѣщенными, готовы по цѣлымъ суткамъ забавляться травлею кузнечиковъ и пауковъ. Американцы изобрѣтаютъ еще не такія занятія. Никому кажется доселѣ не приходило въ голову дѣлать крокодила ручнымъ животнымъ; въ Америкѣ, этой странѣ эксцентриковъ, нашлись однакожъ охотники до домашнихъ крокодиловъ. Недавно въ Новомъ Орлеанѣ, одна дѣвушка, по имени Элиза Гари, пришла въ судъ жаловаться на Эрнеста Дофлера, что онъ держитъ у себя на дворѣ крокодила, который всегда пугаетъ ее. Дофлеръ отвѣчалъ, что крокодилъ его — животное чрезвычайно смирное, никого не трогаетъ; но не должно бросать въ него камнями, какъ это дѣлаетъ дѣвица Гарри, иначе онъ, разумѣется, станетъ защищаться. Судъ, не находя въ законахъ постановленія, которымъ бы запрещалось держать домашнихъ крокодиловъ, обязалъ Элизу Гари подпискою не трогать впредь крокодила Эрнеста Дофлера. Но оставимъ cadaго тѣшиться по произволу, и сообщимъ нашимъ читателямъ объ усиленіяхъ ума челолюбческаго изобрѣсти и придумать нѣчто дѣльное и принося-

щее общую пользу, особенно недостаточному классу. Въ *Independance Belge* напечатано извѣстiе, что недавно одинъ извѣстный парижскiй химикъ показывалъ въ большомъ обществѣ новый опытъ, придуманнаго имъ освѣщенiя. Онъ налилъ въ стаканъ воды, насыпалъ въ нее немного порошу и прибавилъ къ этой смѣси какой-то жидкости, тогда въ стаканѣ появилось прекрасное бѣлое пламя; оно совершенно освѣтило большую залу, и ровное горѣнiе его продолжалось болѣе четырехъ часовъ. Свѣтъ новаго состава, который обходится не дороже одного су (около $1\frac{1}{4}$ к. сер.) равняется свѣту двухъ большихъ лампъ. Такое освѣщенiе, какъ самое дешевое, безъ всякаго сомнѣнiя войдетъ векорѣ во всеобщее употребленiе и вытѣснитъ собою газъ, спиртъ и масло.

Заговоривъ разъ о полезномъ, почитаемъ не лишнимъ сказать объ одномъ благодѣтельномъ открытiи, сдѣланномъ во Францiи аббатомъ Ко (Cot), которое съ пользою можно будетъ примѣнить къ нашему прекрасному петербургскому училищу глухо-нѣмыхъ, если оно окажется вполне достовѣрнымъ. Аббатъ возвращаетъ утраченное чувство слуха, давая глухо-нѣмымъ держать въ зубахъ узкiй конецъ слуховаго рожка и потомъ, какъ можно явственнѣе и довольно громко, но безъ крика, произносить одно за другимъ различныя слова, которымъ хочетъ ихъ научить. Средство это испытанное надъ двадцатью воспитанниками оказалось дѣйствительнымъ почти надъ всеми, и глухо-нѣмые въ скоромъ времени выучились произносить разные звуки. Болѣе всѣхъ замѣчательна въ отношенiи понятливости десятилѣтняя дѣвочка Эмѣ Ролѣ, глухо-нѣмая отъ рожденiя, и которою до аббата никто не занимался. Въ три, четыре мѣсяца она уже умѣла читать, писать подъ диктовку, произносить употребительнѣйшiя въ разговорѣ слова; умъ ея значительно развился она теперь уже можетъ слышать безъ помощи рожка, не только звонъ колокольчика, но и всѣ извѣстныя ей слова. Очень было бы утѣшительно услышать подтвержденiе такого простаго, а между тѣмъ такого дѣйствительнаго, можетъ быть, средства. Какихъ чудесъ не изобрѣталъ человѣчeskiй умъ!

Оканчивая фельетонъ нашъ, не можемъ не обратить вниманiя читателей на два предмета, совершенно не новые и не занимательные для всѣхъ, но для немногихъ лишь, а между тѣмъ, можетъ быть необходимыя и которые могутъ ускользнуть отъ вниманiя ереди столькихъ предметовъ уличной петербургской жизни; мы хотимъ сказать о замѣчательной русской сургучной фабрикѣ, недавно открытой въ Петербургѣ,

У насъ до сихъ поръ были въ продажѣ извѣстны только два сорта сургучей: Петербургскiй и Московскiй. Петербургскiй сургучъ производилъ фабрикантъ Петерка, представлявшiй свои произведенiя на многiя

выставки, получившій медаль, и достоинствомъ своихъ сургучей приобрѣвшій первенство надъ всеми прочими русскими фабриками этого рода. Но достоинство сургучей Петерки обходилось не дешево потребителямъ, потому что фабрикантъ бралъ 35 процент. лишнихъ противъ существующихъ въ Москвѣ цѣнъ на этотъ товаръ. Изъ Московскихъ сургучныхъ фабрикъ славилась фабрика купца Богомолова, а въ послѣднее время вошли въ большое употребленіе произведенія фабрики купца Плигина. Но между тѣмъ, не смотря на свой красивый видъ въ ящикахъ и сверткахъ, московскій сургучъ въ растопленномъ видѣ, въ примѣненіи его къ употребленію, терялъ половину своей наружной доброты: онъ темнѣетъ, пригораетъ, плохо горитъ и дурно пахнетъ. Причиной этому было то, что обыкновенно московскіе сургучи выдѣлываются, по большей, части изъ киноvari и кармина, изготовляемыхъ на мѣстѣ самими производителями, еще весьма далекими отъ совершенства и неопытными въ составленіи красокъ. Между тѣмъ отъ нихъ единственно зависитъ и цвѣтъ, и чистота сургуча. Въ этомъ отношеніи Петеркинскіе сургучи были всегда гораздо лучше, и потому имѣли гораздо большій сбытъ, и сургучная фабрика Петерки продолжала перверствовать донинѣ. Случай открылъ намъ нечаянно ему соперника. Недавно, гуляя въ Чекушахъ, мы набрали на новооткрытую здѣсь сургучную фабрику, выдѣлывающую сургучи по новому англійскому способу, съ полнымъ знаніемъ дѣла и добросовѣтностью. Фабрика эта заведена здѣшнимъ купцомъ Забѣгаевымъ-старшимъ и Ком., и сургучи, выдѣлаемые у него изъ заграничной киноvari, какъ мы сами въ томъ убѣдились, рѣшительно ни въ чемъ не уступаютъ австрійскимъ и англійскимъ: тотъ же яркій цвѣтъ, таже мягкость, чистота въ растопкѣ, гибкость, и тотъ же пріятный запахъ. Высшіе сорта сургуча этой, еще доселѣ не такъ извѣстной фабрики, просто превосходны и даже много лучше Петеркинскихъ, но главное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они продаются по тѣмъ же умѣреннымъ цѣнамъ, какъ плохіе московскіе, т. е. отъ 35 до 50-ти процентовъ дешевле прославленныхъ Петеркинскихъ. Это большой промышленный успѣхъ, на который мы должны указать, тѣмъ болѣе, что сургучъ принадлежитъ къ самымъ необходимымъ потребностямъ каждаго грамотнаго человѣка *. Вѣроятно, англійскія фирмы на Забѣгаевскихъ сургучахъ ставятя по требованіямъ мелкихъ продавцевъ, которые для большаго сбыта и выгоднѣйшихъ спекуляцій, продаютъ этотъ превосходный русскій сургучъ, не слѣдящимъ за быстрыми успѣхами нашей народной промышленности, за на-

* Фабрика находится въ Чекушахъ, въ домѣ Забѣгаева.

стоящій *аглицкой*, и въ силу этого берутъ за него подороже. Но нѣтъ сомнѣнiя, что какъ только наша Петербургская и вообще вся русская публика поближе познакомится съ несомнѣнными достоинствами этого сургуча и будетъ его требовать вмѣсто англійскаго, фабрикантъ начнетъ ставить на немъ свой собственный штемпель, какъ онъ это дѣлаетъ теперь на соргучахъ средняго и низшаго разбора. Когда-то наступитъ благополучное время, когда у насъ наконецъ прекратится всякое ни на чемъ не основанное пристрастiе ко всѣмъ вообще иностраннымъ издѣлiямъ, это пагубное пристрастiе, которымъ многiе торговцы такъ легко пользуются, позабывая о томъ ущербѣ, который они наносятъ своимъ же соотечественникамъ. Когда же, наконецъ, русскiй фабрикантъ броситъ обветшалые приемы и будетъ въ состоянii прямо и смѣло все хорошее русское называть *своимъ*, безъ ущерба въ сбытѣ своего товара? А уже давно пора наступитъ этому желанному сроку, потому что наши мануфактурныя выставки ясно показываютъ публикѣ, какiя превосходныя вещи выдѣлываются у насъ въ отечествѣ, а мелкая торговля все еще упорно настаиваетъ на томъ, чтобъ набивать лавки *иностраннымъ*, добываемымъ изъ Петербурга, Москвы, Владимiра, Нижняго-Новгорода и никакъ не далѣе.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Лѣтній видъ Москвы.—Безплатныя гулянья.—Кремлевскій садъ, бульвары.—Пресненскіе пруды.—Марьино роша и Останкино.—Волчья долина въ Сокольникахъ.—Воспоминаніе о праздникѣ карабинеровъ.—Дача г-жи Буркиной.—Эрмитажъ, бывшій Корсаковъ садъ.—Его прежнее значеніе и исторія.—Первыя гулянья въ этомъ саду, его недавній видъ и настоящій.—Красноглагольствованія московскихъ корреспондентовъ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ о количествѣ посѣтителей на нѣкоторыхъ загородныхъ гуляньяхъ.—Петербургскіе цыганы, независимо отъ давно вѣдѣмыхъ московскихъ.—Французское слово *мерси*, возбуждающее неистовый восторгъ.—Причудливыя воздушныя шары.—Конскія скачки.—Гулянье въ Кремлевскомъ саду 22 августа.—Петербургскія нововведенія.—Новыя гостиницы для пріѣзжающихъ.—Новыя украшенія Москвы.—Водруженіе крестовъ на храмъ Спасителя.—Новый выпускъ московскаго райка.—Литературныя изданія современнаго интереса.—Московская осень.—Увеселительныя вечера между Москвою и Петербургомъ.—Петербургская дѣна на всѣхъ увеселительныхъ московскихъ дачахъ.—Предстоящія намъ сентябрскія театральныя удовольствія.—Маскарады нѣмецкаго клуба и купеческаго собранія.

Лѣтній видъ Москвы не отличается ничѣмъ отъ лѣтняго вида другихъ большихъ городовъ. Городъ нашъ на половину пустѣетъ, и лѣтопись его до половины сентября бываетъ бѣдна новостями. Все лучшее московское общество переселяется въ деревни или на дачи, до тѣхъ поръ, покуда не призовутъ ее начавшіеся концерты, спектакли и маскарады. Въ самой Москвѣ, обильной растительностью, остаются только семейства людей незажиточныхъ, служащихъ или расчетливыхъ, которые знаютъ, что могутъ также очень легко пользоваться загороднымъ воздухомъ и даже въ самой Москвѣ древесною тѣнію, запахомъ цвѣтовъ и музыкой, не платя ничего за эти удовольствія. Поэтому-то каждый вечеръ бульвары, перерѣзывающіе Москву, будто поясомъ, и особливо Кремлевскій садъ, бываютъ постоянно наполнены многочисленными посѣтителями. Правда, что эти музыкальныя удовольствія продолжались только до середины лѣта, потому что, по выходѣ любимой московской карабинерной музыки и другихъ полковыхъ музыкальныхъ хоровъ, въ музыкѣ у насъ оказался сильный недо-

татокъ, до того, что въ Духовъ день, въ извѣстное гулянье на Пресненскихъ прудахъ, гуляющихъ должна была тѣшить сборная музыка кочующихъ музыкантовъ, играющая обыкновенно подъ Новинскимъ въ небольшихъ балаганахъ. Отъ этого-то, исключая праздничныхъ дней, съ конца іюня и въ Кремлевскомъ саду, и на Тверскомъ бульварѣ посѣтителей много поуменьшилось, тоже самое сдѣлалось на дачѣ Студенецъ, отличавшейся прошлый годъ цѣлое лѣто акробатическими представленіями. Изъ народныхъ гуляній благоденствовала только одна Марьяна Роща, гремѣвшая своею обычною музыкой и потѣшавшая неприхотливую публику катаньемъ на самокатѣ. Марьяна роща, находящаяся въ верстѣ отъ города, и садъ Останкина, также каждый праздникъ наполняются разнообразною толпою горожанъ, пьющихъ чай подъ вѣковыми березами и слушающихъ издали хоры цыганъ и пѣсельниковъ. Болѣе прихотливое общество посѣщаетъ Петровский паркъ и особенно Сокольники. Читателямъ вашего журнала уже извѣстна мѣстность Сокольниковъ и ихъ историческое значеніе, и потому хвалить ихъ снова значило бы повторять зады. Нынѣшній годъ Сокольники были оживленнѣе, чѣмъ когда либо: на Волчьей долинѣ (но пусть не пугаетъ васъ такое названіе) постоянно давались дѣтскіе балы, играла музыка и горѣла иллюминація. Волчья долина ни что иное, какъ широкая просѣка, ведущая къ селу Алексѣевскому, и ея неприхотливые семейные вечера были особенно пріятны малолѣтнимъ дѣтямъ тамошнихъ дачниковъ. Не имѣя нужды въ экипажахъ, они весело пробѣгаютъ незначительное пространство, раздѣляющее лѣсъ отъ дачъ валомъ и не чувствуя никакой усталости, группируются въ пары и полькируютъ на славу. Балы эти, въ которыхъ иногда участвуютъ и взрослые, продолжаются далеко за полночь. Жаль только, кромѣ зданія, гдѣ тацуютъ, нѣтъ даже какой нибудь палатки, въ которой бы можно было прочимъ гуляющимъ укрыться отъ дождя. 8 іюля, въ долинѣ этой и вообще во всемъ сокольническомъ паркѣ было почти столько же публики, сколько бываетъ на гуляньи перваго мая. Причиною этому былъ обычный, во все время пребыванія на сокольническомъ полѣ въ лагерьъ карабинеровъ, ихъ полковой праздникъ, на который собирались во множествѣ. По старой памяти, московскіе жители, не смотря на отсутствіе карабинернаго полка, посѣтили въ этотъ день также Сокольники. Въ самомъ преддверіи Сокольниковъ находится дача г-жи Буркиной, въ ней игралъ нынѣшнее лѣто оркестръ Максимилиана Сакса, пѣлъ хоръ цыганъ подъ управленіемъ Ивана Васильева, показывалась панорама Фельдштейна и давались праздники подъ различными заманчивыми названіями, освѣщенные фонарями и фейерверками и разнообразнымъ

спускомъ воздушныхъ шаровъ. Какъ и вездѣ, на всѣхъ этихъ увеселительныхъ дачахъ никогда не было недостатка въ посѣтителяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже сдѣлались гдѣ нибудь привычными и не желали мѣнять понравившихся имъ дачъ на развлеченія другихъ. Но самымъ шумнымъ, многолюднымъ сборнымъ мѣстомъ нашей гулявшей публики, сдѣлался нынѣшнимъ лѣтомъ, бывший Корсаковъ садъ, переименованный въ блестящее названіе «Эрмитажа» и замѣнившій жителямъ Москвы прѣжее Тиволи минувшихъ годовъ, содержимое покойнымъ Рапо. Корсаковъ садъ, виноватъ, Эрмитажъ, опять сталъ также веселья и блестящъ, какъ былъ за двадцать пять лѣтъ тому назадъ, при прѣжнемъ своемъ владѣльцѣ, генераль-маіорѣ Иванѣ Николаевичѣ Римскомъ-Корсаковѣ. Молодое наше поколѣніе, гуляя подъ вѣковыми деревьями Эрмитажа, не забудется о минувшемъ этой городской дачи, но оно очень любопытно и стоитъ того, чтобъ поразсказать о немъ. Огромный садъ этотъ принадлежалъ сперва предкамъ поэта нашего Александра Сергѣевича Пушкина, и только за годъ до его рожденія, въ 1758, былъ проданъ отцемъ его, Сергѣемъ Львовичемъ, и братомъ его, также извѣстнымъ нѣкоторыми своими стихотвореніями, Василемъ Львовичемъ, главному директору соляной конторы, дѣйствительному тайному совѣтнику Василью Ивановичу Нелидову. Семь лѣтъ послѣ его смерти, домъ и садъ куплены были у его наслѣдниковъ, въ 1817 году, тогдашнимъ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ графомъ Тормасовымъ, предпочитавшимъ всѣмъ загороднымъ дачамъ это тѣсное пространство, находящееся почти въ самомъ центрѣ Москвы, недалеко отъ институтовъ. Опредѣливъ новую свою собственность лѣтнимъ своимъ мѣсто-пребываніемъ, графъ Тормасовъ не щадилъ ничего для ея украшенія. Онъ присоединилъ къ своему саду наймомъ обширную землю, вырылъ новый прудъ, насадилъ дубовую аллею, завелъ оранжерею, выстроилъ прекрасныя бесѣдки и наполнилъ садъ самыми разнообразными цвѣтами и многочисленными, прекрасными статуями. Въ такомъ изящномъ видѣ, чрезъ два года пребыванія на этой дачѣ графа Тормасова, достался онъ, въ 1824 году, по смерти его, отъ сына его, графа Александра Александровича, Римскому-Корсакову. Новый владѣлецъ еще болѣе украсилъ этотъ садъ, продолжалъ нанимать землю, и построилъ за среднимъ прудомъ круглую сквозную бесѣдку, украшенную превосходнымъ мраморнымъ изваяніемъ императрицы Екатерины Великой, въ воспоминаніе того, что Императрица, при посѣщеніи этой дачи, нѣкогда удостоила на этомъ мѣстѣ кушать чай. Римскій-Корсаковъ первое время жилъ очень уединенно, въ кругу самыхъ близкихъ своихъ знакомыхъ, но вдругъ, по пріѣздѣ къ нему какого-то любимаго родствен-

ника, рѣшился перемѣнить свою привычку, и началъ открытую жизнь. Въ безмолвной, тихой дачѣ начались пышные обѣды, ужины и великолѣпные танцевальныя вечера. Аллеи сада заблестали потѣшными огнями и огласились гармоническими звуками прекрасно сортированныхъ оркестровъ. Москва, тысячеустая Москва заговорила, засуетилась, и съ тѣхъ поръ, садъ этотъ остался ей навсегда памятнымъ, подъ названіемъ *Корсакова*. Благодаря гостепримству хозяйина, въ садъ начала стекаться московская публика, и всякому, прилично одѣтому посѣтителю былъ открытъ свободный входъ, чтобы смотрѣть иллюминацію и слушать игру извѣстныхъ артистовъ и артистокъ, посѣщавшихъ въ то время Москву. Окна загороднаго дома Римскаго-Корсакова были всегда нарочно открыты для этого. На широкихъ, чистыхъ прудахъ плавали богатыя шлюпки, въ аллеяхъ бѣли пѣсельники, словомъ, москвичи того времени немогли нахвалиться корсаковскими вечерами. Къ сожалѣнію любителей даровыхъ удовольствій, гулянья эти продолжались только лѣта два, и потомъ Римскій-Корсаковъ обратился снова къ своей прежней уединенной жизни, и, съ 1830 года, послѣ смерти его, великолѣпно убранный садъ его началъ мало по малу заростать травой, чистые пруды покрылись тиной, деревья, брошенные на произволъ, били вѣтвями посѣтителей по глазамъ, и публика, такъ скоро привыкшая къ нему, начала его мало по малу покидать и наконецъ вовсе позабыла. Земля перестала занимать и садъ Корсакова, никѣмъ не наблюдаемый, начали отдавать въ наемъ частнымъ антрепренерамъ, которые обставили его сообразно своимъ коммерческимъ видамъ. Въ немъ устроили кофейню, въ родѣ трактира, и начали давать разныя акробатическія представленія, и скоро Корсаковъ садъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ гульбы молодежи простаго класса. Въ 1839 году купилъ его подполковникъ Любенковъ и, отгорода къ дому часть сада, гдѣ находились главные цвѣтники, остальную половину сталъ сдавать также въ содержаніе, устроивъ входъ въ нее прямо съ улицы. Тогда продолжали года три-четыре давать въ Корсаковскомъ саду разныя акробатическія представленія. Безъ поддержки все въ прекрасномъ саду этомъ заглохло, цвѣтники исчезли; уже ни одного садоваго цвѣтка нельзя было встрѣтить въ той части сада, которая была сдана въ наемъ и открыта для публичныхъ прогулокъ, она сдѣлалась совершенно дикою. Только черемуха, сирень, шиповникъ да еще нѣкоторые простые кустовыя цвѣты виднѣлись между вѣковыми линами проспектовъ, дорожки которыхъ мѣстами заростали травой. Пруды покрылись еще большею тиной, и только одна плохая лодка стояла для катанья на большомъ прудѣ, у стараго плота, малый же прудъ сдавался для гусей, пригоняемыхъ изъ

охотнаго ряда. Бесѣдка за прудомъ ветшала, окруженная травю. Кофейня годъ отъ году становилась все хуже, въ послѣдніе годы и самыя кегли, находящіяся въ саду, были очень стары. Съ того времени, какъ Корсаковъ садъ былъ отданъ въ наемъ, плата за входъ въ него бралась самая малая, и то только въ тѣ дни, когда бывали въ немъ иллюминаціи и фейерверки на прудѣ, во все же прочіе дни, съ ранняго утра и до глубокой ночи, всякій могъ свободно входить въ него даромъ. Однако же, не смотря на даровой входъ, каждый вечеръ играла у кофейни небольшая, довольно плохая, бальная музыка; но за то въ послѣдніе годы раза три въ недѣлю можно было слушать въ немъ прекрасную духовую Нарышкинскую музыку, и кромѣ того иногда, по праздникамъ, пѣли въ немъ полковые пѣсельники. Не смотря на дурную репутацию и запустѣніе, прекрасное мѣстоположеніе этого задичалаго сада, липовыя аллеи его, музыка, а главное, близость къ центру города, и въ это невыгодное для него время привлекали въ него довольно гуляющихъ обоюга пола, изъ средняго сословія, въ особенности же съ 4 до 7 часовъ послѣ обѣда. Прошедшаго лѣта взялъ его въ содержаніе г. Педотти. Онъ немного исправилъ наружность сада; сталъ устраивать въ немъ, нѣсколько разъ въ недѣлю, прекрасныя, разноцвѣтныя иллюминаціи, помѣщать прозрачныя картины и сжигать на прудѣ богатые фейерверки, представлявшіе взятіе приморской крѣпости и изверженіе Везувія. Исправивъ строеніе кофейни, онъ устроилъ въ немъ отличный кафе-ресторанъ. Напитки, съѣстное и лакомства могли удовлетворять взыскательному вкусу и, не смотря на это, цѣна имъ была умѣренная. Такимъ образомъ, прошедшимъ годомъ г. Педотти нѣсколько улучшилъ забытый порядочно публикою Корсаковъ садъ. Въ него стали уже ѣздить мужчины лучшаго круга. Но какъ, недорогогая плата за входъ въ садъ, въ дни гуляній, доставляла средство быть въ саду разнообразной, не отборной публикѣ, то дамы высшаго и богатаго круга не посѣщали этотъ садъ и въ прошлое лѣто. Наконецъ нынѣшнюю весною Корсаковъ садъ совершенно обновился, будучи почти двадцать пять лѣтъ въ запустѣніи. Нынѣшній содержатель его г. Морель, назвалъ его *Эрмитажемъ*. Надобно отдать благодарность г. Морелю за то, что онъ привелъ опять въ порядокъ этотъ прекрасный садъ. Войдя въ него, вы тотчасъ удивляетесь, какъ онъ измѣнился. На мѣстѣ плохой кофейни выстроена прекрасная новая; напротивъ нея построена чрезвычайно красивая, изящная галерея для музыки; разбиты по саду новыя дорожки, усажены разнообразными цвѣтами пустыя, заросшіе цвѣтники и сдѣлано много новыхъ. Прудъ вычищенъ, и главный спускъ къ нему съ горы сада покрытъ сквозною

рѣшеткою, которая вечеромъ вся чрезвычайно красиво иллюминуетея огнями. На прудѣ красивая шлюпка, въ которой катаютъ желающихъ, красиво одѣтые парни. Мостики чрезъ плотины сдѣланы съ большимъ, затѣйливымъ вкусомъ. По всему саду развѣшены разноцвѣтные фонарики и разставлены спиртовые, красивые, свѣтлые фонари. Бесѣдки совершенно исправлены и устроены новыя. Кафе-ресторанъ наполненъ самыми превосходными прицами. Чудный оркестръ изъ 40 человекъ отличныхъ музыкантовъ играетъ, подъ управленіемъ г. Дено, и каждую недѣлю даетъ нѣсколько концертовъ. Кромѣ того, гремитъ духовая музыка, поютъ то цыгане, то братья Мальчугины. Разъ или два въ недѣлю садъ богато иллюминуетея, и на прудѣ сжигаются великолѣпные брилліантовые и разноцвѣтные фейерверки, въ заключеніе искусно представляющіе Синопское сраженіе. Особенно все это привлекательно въ темный вечеръ, когда на противоположномъ берегу пруда освѣщена только одна турецкая крѣпость, а темные берега сливаются съ водою пруда и кажутся безграничнымъ моремъ. Этотъ обманъ глазъ еще увеличивается, когда на прудѣ плывутъ освѣщенные лодки съ пѣсельниками и музыкою, и огонь отъ нихъ отражается въ водѣ. Синопское сраженіе оканчивается вполне очаровательною картиною: крѣпость и берегъ освѣщаются разноцвѣтными бенгальскими огнями, въ огняхъ этихъ стоятъ вѣковыя деревья, растущія на той сторонѣ пруда. Звуки прекрасной музыки заключаютъ эту, можно сказать, волшебную картину. Однимъ словомъ, въ этомъ саду все такъ прекрасно, такъ полно изящнаго вкуса, что неудивительно видѣть сотни экипажей, стоящихъ отъ новыхъ воротъ сада почти до самыхъ институтовъ и почтамтской больницы. Въ наступившія темныя ночи фейерверки въ Эрмитажѣ стали казаться еще очаровательнѣе, а также сдѣлалось еще привлекательнѣе и разноцвѣтное освѣщеніе сада. Надобно пожалѣть только объ одномъ, что этотъ садъ не соединенъ съ остальною частію его, оставшеюся при домѣ. А та часть прекрасна: тамъ есть, кромѣ цвѣтниковъ, жасминная аллея и еще уцѣлѣли кой-какія прежнія украшенія. Но когда бы Эрмитажъ былъ соединенъ съ домовымъ садомъ, то былъ бы еще гораздо обширнѣе, и въ немъ не случилось бы тѣсноты, какая бываетъ, когда число гуляющихъ приближается къ двумъ тысячамъ, какъ было въ бенефисы г. Дено и Віоля. Однако же Эрмитажъ справедливо нравится лучшей московской публикѣ и въ настоящемъ объемѣ его. Она невольно сознается, что этотъ старинный, забытый ею садъ прекрасенъ по самому мѣстоположенію, и въ этомъ отношеніи превосходитъ садъ, гдѣ помѣщался Тиволи Раппо. Надобно замѣтить, что въ Эрмитажѣ можетъ гулять публика и даромъ раза три въ недѣлю, когда не бываетъ

въ немъ гуляній. Притомъ же впускаютъ въ него поутру и въ дни гуляній, не смотря на то, что въ это время бываетъ въ немъ рѣшетцѣ вечерней музыки. Можно надѣяться, что г. Морель не закроетъ своего Эрмитажа и зимою, устроитъ въ немъ удовольствія зимнія, какъ-то горы, катанья на конькахъ и въ креслахъ по льду пруда, и пр. которыхъ почти, или вѣрнѣе сказать, вовсе нѣтъ въ Москвѣ. Въ заключеніе статьи нашей объ Эрмитажѣ скажемъ, что богатые фейерверки въ этомъ саду, какъ прошлый годъ, такъ и нынѣшній доставляютъ удовольствіе не только гуляющимъ въ немъ, но и многочисленнымъ толпамъ народа, собирающагося смотрѣть ихъ даромъ, близъ заборовъ сада, въ особенности же на возвышенномъ мѣстѣ, лежащемъ за заднимъ заборомъ, идущимъ параллельно съ прудами. Тутъ въ праздники устраиваются свои гулянья. Въ ожиданіи фейерверка, мастеровые водятъ хороводы, поютъ пѣсни; слышатся звуки ручныхъ гармоникъ; продаютъ орѣхи, яблоки и другія лакомства; пожалуй, чего добраго, на будущей годъ какой нибудь предприимчивый спекуляторъ устроитъ здѣсь коньки для ребятъ, качели и другія увеселенія, а что касается до райка и шарманки, то они непременно появятся здѣсь, потому что мастеровые собираются тутъ за нѣсколько часовъ до фейерверка. На этомъ народномъ гуляньѣ бываетъ много занимательныхъ, смѣшныхъ сценъ. Когда послышутъ здѣсь приближеніе въ саду звуковъ музыки къ пруду и слѣдовательно начало фейерверка, то весь народъ мгновенно встрепететъ и бросается ближе къ забору и на возвышенныя мѣста, чтобы лучше видѣть фейерверкъ. Но есть однако смѣльчаки, которые, чтобы увидѣть болѣе, взбираются, какъ бѣлки, на деревья, растущія у забора, и бываютъ вмѣстѣ съ ними освѣщены бенгальскими огнями, которыми оканчивается фейерверкъ. Впрочемъ, здѣсь бываетъ не одно простонародье, среди нихъ встрѣтите и много семействъ небогатаго класса, не говоря уже о горничныхъ и другой прислугѣ, а также франтовъ мастеровыхъ въ разнообразныхъ жакетахъ и сюртучкахъ. Вся эта публика собирается сюда по большей части изъ близъ-лежащихъ къ Эрмитажу мѣстъ и отчасти заходитъ по пути изъ Марьиной рощи.

Пробѣгая въ вашихъ петербургскихъ газетахъ извѣстія московскихъ корреспондентовъ о количествѣ посѣтителей нашихъ загородныхъ гуляній, особенно дачи г-жи Буркиной, я съ удивленіемъ останавливался на цифрѣ посѣтителей. Было какъ-то говорено, что на этой дачѣ собирается иногда до двухъ тысячъ. Этого быть не можетъ по маленькому пространству, опредѣленному на этой дачѣ для общественнаго гулянья. Еслибъ собралась на ней и тысяча, то и тогда бы невозможно было

никому порядочно повернуться, такъ оно мало. Правда, на этой дачѣ есть много приманокъ, которыя заставляютъ многихъ посѣщать ее, и одна изъ первыхъ — это *петербургскіе цыгане*, бывшіе всегда кореными московскими, и названные такъ, вѣроятно, для лучшаго и большаго эффекта, хотя они, правда, и очень долго скрывались отъ насъ въ вашей столицѣ. Кто изъ нашихъ отъявленныхъ любителей цыганскихъ хоровъ не помнитъ молоденькой пѣвицы Маши, Ивана Васильева и тѣмъ болѣе старой Матрены, съ ея бронзовымъ лицомъ, покрытымъ какъ будто ржавою латуною и съ ея съдыми, вѣчно висащими на вѣтру, волосами. Эта пѣвица, удивлявшая, быть можетъ, нашихъ отцовъ, особенно нынче вошла въ моду на дачѣ г-жи Буркиной своими неистовыми тѣлодвиженіями и своимъ рѣзкимъ, нисколько уже теперь не женскимъ голосомъ. Старая пѣвица болѣе похожая съ виду на древнюю піюю, возбуждаетъ каждый разъ неистовыя рукоплесканія, когда послѣ возгласа знатоковъ цыганскаго пѣнія — «*Матрена чхни!*» тотчасъ же исполняетъ это судорожное тѣлодвиженіе, и некартинно дѣлая нѣмецкій *книксенъ*, произноситъ хрипло французское *мерси*. Это *мерси* производитъ такой *фуроръ*, какого вѣроятно не производили у васъ никогда самыя лучшія мѣста Маріо и г-жи де-Лагранжъ. На дачу Буркиной привлекали также нынѣшнее лѣто фантастически устроенныя воздушныя шары, то въ видѣ великановъ, то въ видѣ громадныхъ слоновъ, очень впрочемъ легко колебавшихся въ воздухѣ предъ взорами публики.

Въ концѣ іюля начались у насъ, за Тверской заставой, обыкновенныя лѣтнія скачки, на которыя собираются многочисленныя толпы. Особенно была оживлена скачка перваго августа, назначенная на призъ членовъ общества для лошадей всѣхъ лѣтъ и породъ, кромѣ кровныхъ и полукровныхъ. Очень понятно, что всякому было любопытно видѣть прыть нашихъ доморощенныхъ лошадей, не воспитанныхъ, не вскормленныхъ для побѣды долгимъ воздержаніемъ, и не имѣющихъ на себѣ наѣздиками людей опытныхъ, одѣтыхъ въ разнообразныя пестрыя костюмы. Нужно вамъ при этомъ замѣтить, что большая часть публики, бывающей на скачкахъ, не обнаруживаетъ такого сочувствія къ кровнымъ скаковымъ лошадямъ, какъ къ рысакамъ и троечному бѣгу. Кто изъ московскихъ жителей не помнитъ бывшія охотничьи пари за Тверской заставой; отъ самой городской черты вала до Химокъ, первой станціи нынѣшней Московско-Петербургской дороги, все пространство четырнадцати-верстнаго пути было покрыто любопытствующими узнать окончаніе бѣга. Нынѣшній годъ троечныхъ закладовъ не было, но между тѣмъ нашъ московскій гипподромъ былъ полонъ по обыкновенію. Въ такихъ развлеченияхъ прошло все наше лѣто, необыкновенно теплое, что и было

причиною, что всѣ плоды и ягоды созрѣли гораздо прежде срока и были въ большомъ изобиліи. Особенно рано созрѣли яблоки, и урожай ихъ былъ такой, что незапомнятъ; за то по совершенному бездождію мы очень нуждались въ грибахъ. Къ концу августа многіе стали перебираться съ дачъ въ Москву, гдѣ 22 августа, въ день коронаціи Государя Императора ждала нашу публику обычная городская иллюминація. Никто еще не запомнитъ, чтобъ въ этотъ вечеръ на улицахъ московскихъ было малоллюдно, особенно около присутственныхъ мѣстъ и рѣшетки Кремлевскаго сада, не говоря уже о самой его внутренности, гдѣ гуляющихъ бываетъ чрезвычайно много. Вечерняя Москва обращается 22 августа въ дневную Москву: стѣны Кремля пылаютъ въ полномъ смыслѣ милліонами шкаликовъ, а толпы экипажей бываютъ до того многочисленны, что для правильного поѣзда ихъ, за нѣсколько дней дѣлается особенное распоряженіе.

Во время иллюминаціи Кремлевскихъ садовъ, пріѣздъ желающихъ гулять назначенъ былъ съ двухъ сторонъ: отъ Чугунной рѣшетки и съ Набережной. Ко всѣмъ же прочимъ входамъ, по тѣснотѣ мѣста, подъѣзжать въ экипажахъ воспрещалось.

Для пѣшихъ были открыты еще два входа: у Экзерцизгауза, противъ Университетскаго дома и между Троицкихъ воротъ, противъ дома г. Талызина.

Во все время иллюминаціи воспрещался проѣздъ въ ворота: Боровицкія, Троицкія, съ Театральной площади. Правая сторона гуляющихъ въ экипажахъ шла отъ Тверской направо по Моховой на Воздвиженку, до церкви св. Бориса и Глѣба, гдѣ поворачивали обратно по Воздвиженкѣ направо, опять по Моховой, мимо Горнаго Правленія, 4-й Гимназіи по Лънивкѣ и Пречистенкѣ, и у дома князя Сергія Михайловича Голицына обратно по Пречистенкѣ, Лънивкѣ, Моховой и до Моисеевской площадки. Отъ Моисеевской площадки направо по Тверской, потомъ по Неглинной, съ Неглинной направо мимо Экзерцизгауза, дома Штаба 6-го Пѣхотнаго Корпуса до Боровицкаго моста, гдѣ поворачивала обратно тѣми же улицами до Охотнаго ряда, потомъ по площади до Театрального плаца, и обратно по Охотной площади къ Тверской. Порожніе экипажи отъ чугунной рѣшетки отсылались на Красную площадь, а отъ подъѣзда на набережной къ Каменному мосту.

Съ открытія желѣзной дороги, въ Москвѣ, мало по малу начали появляться петербургскіе обычаи и мѣстныя петербургскія необходимости. Онѣ начались съ меблированныхъ квартиръ со столомъ и прислугой, для пріѣзжающихъ. Прежде подобнаго рода заведеній въ Москвѣ почти не существовало, по крайней мѣрѣ, о такихъ квартирахъ не публи-

ковалось; съ нынѣшняго же года такія помѣщенія въ большомъ ходу. Почитаю не лишнимъ по этому сдѣлать для путешественниковъ, желающихъ прожить въ Москвѣ подешевле, маленькій перечень главнымъ и лучшимъ нашимъ меблированнымъ квартирамъ, со всеми удобствами. Первое мѣсто изъ нихъ принадлежитъ меблированнымъ комнатамъ на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Бартоломеуса, противъ купеческаго клуба, содержимыхъ до этого г. Гивардомъ. Заведеніе это существуетъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, снабжено всемъ необходимымъ и всегда посѣщалось лучшею пріѣзжею публикой. Отъ этихъ наемныхъ квартиръ всюду близко, и протомъ изъ оконъ своей комнаты, нанимающей можетъ слушать музыку, играющую лѣтомъ, въ положенные дни, въ саду и зданіи Купеческаго Собранія. Нельзя также не упомянуть о меблированныхъ квартирахъ въ домѣ Варгина, на Тверской площади, гдѣ есть для пріѣзжающихъ необыкновенно великолѣпно отдѣланныя помѣщенія, о меблированныхъ комнатахъ на Театральной площади, противъ дома Грузинскаго Царевича, въ домѣ, гдѣ устроены, кромѣ номеровъ и прекрасныя бани; кромѣ этихъ меблированныхъ комнатъ находятся еще подобныя на всѣхъ лучшихъ московскихъ улицахъ—Тверской и Никитской, и вѣроятно къ будущему году появятся вездѣ, особенно въ мѣстахъ близкихъ къ дебаркадеру нашей московской желѣзной дороги. Съ удобствомъ и скоростью сообщенія, съ болѣе и болѣе частымъ посѣщеніемъ Москвы петербургцами увеличилось у насъ также и число гостинницъ. Около самаго дебаркадера нашей желѣзной дороги уже и теперь возникли двѣ новыя, одна содержащая русскимъ купцомъ Редуевымъ, въ домѣ Терлецкаго, у Красныхъ воротъ, другая французомъ г. Пуаре, подъ громкимъ именемъ «Желѣзная дорога». Положа руку на сердце смѣло можно рекомендовать первую предъ послѣднею, по ея чистотѣ, дешевизнѣ цѣнъ и предупредительности прислуги. Въ гостиницѣ купца Редуева пятьдесятъ номеровъ, раздѣленныхъ прекраснымъ, широкимъ, свѣтлымъ коридоромъ. Нумера, по своей дешевизнѣ изумительны. Отъ семидесяти копѣекъ серебромъ до двухъ рублей вы можете имѣть очень хорошенкія комнаты, прилично омеблированныя, и жить себѣ спокойно, какъ дома. Гостиница Пуаре гораздо больше изъясляетъ требованій, и въ ней все гораздо дороже, но за то она пользуется наименованіемъ французской. Нѣсколько лѣтъ не бывший въ Москвѣ, по пріѣздѣ въ нее, испытываетъ нынче какое-то особенное удивленіе, видя, какъ почти на каждой улицѣ вѣсяется съ каждымъ годомъ новыя великолѣпныя дома, не уступающіе величиною любымъ петербургскимъ. На каждомъ шагѣ вы встрѣчаете улучшенія, на каждомъ мѣстѣ что нибудь новое.

Недавно было торжественное зрѣлище, привлекшее почти всю Москву, это постановленіе крестовъ на главахъ храма Христа Спасителя.

Тому уже 15 лѣтъ, какъ на мѣстѣ бывшаго Алексіевскаго монастыря, въ Бѣломъ городѣ, совершена была торжественная закладка храма, который еще въ 1812 году обѣщался создать Христу Спасителю Императоръ Александръ I, «благодарный Богу за спасеніе своего Царства, для священныхъ воспоминаній и благодарныхъ молитвъ въ столицѣ, бывшей всесожженіемъ за спасеніе отечества». Промыслъ судилъ исполнить священный этотъ обѣтъ нынѣ царствующему Императору Николаю I, который, сентября 10-го 1839 года, своими державными руками положилъ въ основу святилища крестъ, или точиѣ, крестообразную плиту. Тогда въ этотъ краеугольный камень вложены были именныя дщицы отъ Государа Цесаревича Александра Николаевича, Великаго Князя Михаила Павловича, Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, Эрцгерцога Австрійскаго, Принцевъ Прусскаго, Нидерландскаго и Виртембергскаго, и пр.

Такъ дѣло это, благословенное архипастыремъ Московскимъ Филаретомъ, и начатое столь торжественно, теперь приводится къ блистательному окончанію.

Въ день празднованія памяти св. равноапостольнаго Провсвѣтителя Россіи и тезоименитства Великаго Князя Владиміра Александровича, іюля 15, въ 6 часовъ пополудни, совершено было благословеніе, освященіе и утвержденіе крестовъ на четырехъ куполахъ Спасекаго собора.

Въ присутствіи г. московскаго военнаго генераль-губернатора и предсѣдателя Высочайше учрежденной Коммиссіи для построенія храма, графа А. А. Закревскаго, вице-президента, князя С. М. Голицына, командира 6-го корпуса М. И. Чеодаева, главнаго архитектора К. А. Тона и другихъ особъ, принесены были изъ ближайшей приходской церкви святителя Николая св. иконы и хоругви, поставленныя на особо устроенномъ мѣстѣ предъ храмомъ. Послѣ молебна животворящему кресту съ водосвятиемъ, возглаголено многолѣтіе Державному Создателю храма и всему Августѣйшему Дому, Христолюбивому воинству. Въ толпахъ народа, наполнявшихъ дворъ, съ умиленіемъ повторялись молебныя слова «да даруетъ Господь побѣду благовѣрному Императору Николаю Павловичу надъ супостаты и да сохранитъ Крестомъ своимъ жительство!» По окончаніи священнодѣйствія, іерей Похвальско-Никольской церкви Василій Архангельскій, въ словѣ своемъ выразилъ молитвенное желаніе о благословеніи успѣхомъ этого дѣла и Августѣйшаго Дѣлателя, ревнующаго о благолѣпіи дома Божія.

Потомъ, въ сопровожденіи гг. предсѣдателя и вице-президента Ком-

мисіи, корпуснаго начальника, главнаго архитектора и чиновниковъ, священникъ благословилъ и окропилъ св. водою кресты, приготовленные къ поднятію на главы. Когда приступлено было къ поднятію крестовъ, посредствомъ устроенныхъ воротовъ, блоковъ и чугунныхъ трещетокъ, тогда обнесены были вокругъ храма св. иконы съ хоругвями. Дѣло это исполнилось легко, скоро и спокойно. Не болѣе какъ въ 36 минутъ, подняты были на высоту 32 сажень четвероконечные кресты, длиною каждый въ 3 съ $\frac{1}{2}$ сажени, вѣсомъ 143 пуда съ приборомъ. Они сдѣланы изъ квадратнаго брусковаго желѣза; для обивки cadaго пойдетъ около 70 пудъ мѣди.

Затѣмъ посѣтители, не выдавшіе еще вблизи этого великолѣпнаго зданія, осматривали его внѣшность и внутренность, дивились величественной стройности его размѣровъ и огромности его прекраснаго купола, восхищались изящными барельефами русскаго художника Логановскаго.

Художественными и литературными новостями мы также не можемъ сказать, чтобъ были бѣдны. Первою художественною новинкой, которую раскупаютъ у насъ во множествѣ, былъ пятый выпускъ картины Райка, изображающій подвигъ Щеголева предъ Одессой; есть у насъ также дѣланные въ Москвѣ рисунки, изображающіе подвиги нашихъ храбрыхъ солдатъ, видъ любопытнаго для насъ Кронштадта съ его окрестностями, однимъ словомъ, всѣхъ картинъ, и дешевыхъ, и довольно дорогихъ, относящихся до настоящихъ событій, не перечислишь. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ московскому художнику г. Рудневу. Кто хочетъ записаться чѣмъ нибудь новенькимъ, тотъ пусть зайдетъ въ магазинъ Даціаро, въ которомъ между прочимъ продаются прекрасные транспаранты видовъ Рима и Неаполя. Въ особенности можно обратить вниманіе на искусно сдѣланный видъ церкви святаго Петра при ночномъ освѣщеніи. Иллюминація этого храма, украшеннаго миллиономъ плашекъ, сдѣлана съ особеннымъ искусствомъ, хотя плашки эти ничто иное, какъ точки, проткнутыя на рисунокѣ. Транспаранты эти необыкновенно эффектны при огнѣ, и жаль только, что доступны по своей цѣнѣ для однихъ людей богатыхъ.

Литературныхъ новостей также не мало; скоро выдетъ новая тетрадь рисунковъ Русской старины, издаваемой г. Мартыновымъ, въ которой будутъ помѣщены виды Троицкаго Собора, церкви преподобнаго Никона, келіи преподобнаго Сергія Радонежскаго въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, и Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ. О сочиненіяхъ современнаго интереса, особенно такихъ, которыя издаются для престопаго чтенія, и говорить нечего: они выходятъ въ такомъ множествѣ, что стоитъ только пойти

на Ильинку, подъ ворота Новгородскаго подворья, близъ Биржи, и тамъ рубля за четыре серебромъ можно ихъ закупить цѣлую кипу. Особенно замѣчательна брошюрка подъ заглавіемъ «О восточномъ вопросе», которую обозрѣватель начинаетъ такъ:

Вотъ въ городѣ Цареградѣ

Стоитъ султанъ на оградѣ,

Онъ рукою махаетъ

Омеръ-Пашу призываетъ.

«Какъ ты думаешь, Омеръ-Паша,

Вѣдь наша армія не стоитъ ни гроша,

А нашъ блистательный флотъ

Хотѣлъ блеснуть между черныхъ водъ,

Да такъ отъ русскихъ огней заблистала

Что и самъ пропала.»

Далѣе Султанъ продолжаетъ:

Ты-то себѣ деньжонокъ накопилъ,

Да въ англійскій банкъ положилъ,

Такъ тебѣ и хорошо,

А мнѣ-то каково?..

Да чортъ ли мнѣ въ ихъ союзъ!

Изданіе этой книжечки разошлось очень быстро; такъ и простонародье наше съ участіемъ слѣдитъ за успѣхомъ нашихъ военныхъ дѣйствій и воодушевляется общимъ одушевленіемъ. Любопытнымъ не мѣшаетъ прочесть эту книжечку сполна. Эта брошюрка и всѣ выпуски московскаго Райка раскупаются простымъ народомъ съ жадностью и читаются иногда громогласно какимъ нибудь грамотѣемъ, для остальной толпы безграмотныхъ, тотчасъ по покупкѣ, на самой улицѣ. Удивительно ли, послѣ этого, что даже какіе нибудь «Англійскій милордъ Георгъ и прекрасная Терезія» выходили въ Москвѣ чуть ли не двадцатыми изданіями, вмѣстѣ съ твореніями Орлова, Кузмичева, Сягова и другихъ подобныхъ имъ простонародныхъ авторовъ.

Осень у насъ въ Москвѣ была также хороша, какъ весна и лѣто. Погода постоянно стояла ясная, жаркая, настоящая южная, и только 18 числа измѣнилась, небо покрылось тучами, и дождь, не перестававшій стучать въ окна, продолжался до 22 числа. Въ тотъ день яркое солнце опять просушило къ вечеру улицы и много способствовало общему желанію побывать на Кремлевской иллюминаціи. Такое постоянство погоды доставляло много посѣтителей на дачи самыя отдаленныя и особенно въ нашъ московскій Павловскъ, я хочу сказать о станціи Химки, находящейся на петербургской желѣзной дорогѣ.

Гулянья въ Химкахъ, по удобству и скорости перѣзда, доставляютъ главное удовольствіе поѣздкою по желѣзной дорогѣ. Въ воксалѣ Химокъ, въ дни, когда тамъ даютъ концерты, разные представленія физика и механика Детроа, поютъ цыганы подъ управленіемъ Григорія Соколова, когда есть иллюминаціи и фейерверки, играетъ полковая музыка, тоже бываетъ весело и стекается много посѣтителей, особенно было много публики 19 августа, на вечерѣ, данномъ въ пользу семействъ убитыхъ и раненыхъ нашихъ воиновъ, на которомъ былъ спущенъ огромный воздушный шаръ.

Театральными надеждами мы также будемъ богаты; покуда могу сообщить вамъ о главныхъ и самыхъ скорыхъ.

Въ половинѣ осени будетъ поставлена за-ново на Маломъ театрѣ, русская опера: *Аскольдова могила*. Также даны будутъ новыя пьесы: *Судъ людской не Божій*, народная драма г. Потѣхина; *За Вѣру, Царя и Отечество*, патріотическое представленіе, соч. Григорьева 1-го и еще нѣсколько оригинальныхъ пьесъ. Интересную новость составляютъ пьесы, которыя пойдутъ въ бенефисъ г. Садовскаго. Это два новыя сочиненія автора комедіи «Купецъ-лобазникъ» г. Владыкина: *Образованность*, комедія и *Поздній урокъ*, шутка. Обѣ пьесы эти заимствованы изъ купеческаго быта.

Бенефисы у насъ также начались. Не очень давно былъ въ Маломъ театрѣ бенефисъ одного изъ талантливыхъ артистовъ Московскаго театра, г. Дмитревскаго. Первою пьесой была возобновленная комедія: *Иванъ Ивановичъ Недотрога*, въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго покойнымъ Н. А. Полевымъ. За этою комедіей слѣдовала другая: *Книга III-я глава I-я* переведенная съ французскаго. Эта небольшая пьеса была разыграна г-жей Медвѣдовой и гг. Самарнымъ и Шумекимъ. Третья пьеса: *Шуринъ не дурень, да и мужъ хорошиъ*, и потомъ *Пустяки*, переводы съ французскаго молодаго артиста здѣшняго театра г. Востокова. Въ водевилѣ *Пустяки* музыка для куплетовъ вновь сочинена В. И. Радивиловымъ, и отличалась свѣжестью мотивовъ.

Въ заключеніе скажу, что въ то время, когда у васъ только думаютъ о маскарадахъ, они уже у насъ начались въ Купеческомъ Собраніи и въ нѣмецкомъ клубѣ, въ которомъ, по переселеніи его въ городъ начала давать также представленія и нѣмецкая драматическая труппа. Конечно, на этихъ раннихъ маскарадахъ, по случаю многихъ любителей этихъ удовольствій, живущихъ еще на дачахъ, посѣтителей много быть не могло, однако же залы все таки были оживлены и далеко не пусты.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

ЛЕВЪ И КРЫСА,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БАСНЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СОЧ. ЛЕВЕНЯ И ВЕРМОНА.

ПЕРЕВОДЪ

В. РОДИСЛАВСКАГО.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ НА АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ,
21 Сентября.

ВЪ МОСКВѢ, НА МАЛОМЪ ТЕАТРѢ,
19 Октября 1853 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

А К Т Е Р Ы:

	Въ Петербургѣ.	Въ Москвѣ.
ГРАФЪ ЛЕОНЪ ДЕ-ВАРИНЬИ.	<i>Г. М. Максимовъ.</i>	<i>Г. Востоковъ.</i>
БАРОНЪ ТАНКРЕДЪ ДЕ-СЕНТЪ-ОБЕНЪ.	<i>Г. Бурдинъ.</i>	<i>Г. Васильевъ.</i>
ШАРСНЬИ.	<i>Г. Люстихъ.</i>	<i>Г. Рябовъ.</i>
КЛАПАРОНЪ, спекуляторъ.	<i>Г. Зубровъ.</i>	<i>Г. Дмитревскій.</i>
АЛЬБЕРТА.	<i>Г-жа Шубертъ.</i>	<i>Г-жа Бороздина.</i>
МАРКИЗА Д'АМАЛИ.	<i>Г-жа Славина.</i>	<i>Г-жа Рябова 1-я.</i>
ФЛАШАНЪ, камердинеръ.	<i>Г. Семеновъ.</i>	<i>Г. Кремневъ.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ домѣ графа де-Вариньи.

Богатоубранная комната, меблированная во вкусъ среднихъ вѣковъ; разныя украшения.
Бюстъ.—Нѣсколько дверей съ богатыми портьерами; въ глубинѣ окно.

I.

ФЛАМАНЪ (за кулисами). Хорошо, хорошо, приходите послѣ... тамъ увидимъ... А, вотъ и графъ!..

ЛЕОНЪ и **ФЛАМАНЪ** входятъ.

ФЛАМАНЪ (подавая газеты и письма). Письма и газеты... Да... еще визитная карточка, которую поручено вамъ отдать.

ЛЕОНЪ. Давай сюда .. Что это такое? Игральная карта? червонная дама!

ФЛАМАНЪ. Имя написано на другой сторонѣ.

ЛЕОНЪ (перевортывая карту и читая): «Я приходила къ тебѣ. Альберта.» (Всторону). Вотъ нашла время! (Вслухъ). Если эта дѣвушка придетъ опять, сказать, что меня нѣтъ дома.

ФЛАМАНЪ. Слушаю.

ЛЕОНЪ. Ступай! (Фламанъ уходитъ). Альберта, бѣдняжка!.. Не нужно было ей и подписываться: я по почерку узналъ бы, что это она писала... ея каракульки... Но теперь я не могу принимать ее... Гризетка, швея... Ахъ! все-таки я никогда не забуду того времени, когда я еще былъ бѣднякомъ, и у насъ ровно ничего не было.

Счастливей въ сто кратъ я былъ тогда,
Какъ бѣднякомъ я жилъ въ шестомъ этажѣ,
Чѣмъ я теперь, скучая завсегда,
Въ роскошномъ этомъ бельэтажѣ.
Тамъ я пріятно время проводилъ,
Тамъ пресыщенью былъ я не причастенъ,
И сколько разъ я здѣсь твердилъ:
Я счастливъ былъ, когда я былъ несчастенъ!

II.

ЛЕОНЪ, КЛАПАРОНЪ и ФЛАМАНЪ.

ФЛАМАНЪ (*докладывая*). Господинъ Клапаронъ!

ЛЕОНЪ. Клапаронъ! здравствуйте... раненько!..

КЛАПАРОНЪ. О, я человекъ дѣловой!.. Вотъ ужъ два часа какъ я граню мостовую; но за то дѣла хорошо идутъ... я не жалуюсь... и вы также?..

ЛЕОНЪ. Нѣтъ. Благодаря вамъ, послѣдній мѣсяцъ дѣла мои шли прекрасно.

КЛАПАРОНЪ. Это еще что!.. Теперешнее наше предпріятіе будетъ во сто разъ выгоднѣе!.. я дѣйствую на вѣрняка... Мнѣ помогаетъ, по секрету, одинъ геній, богиня гостиныхъ, которая очень дружна съ однимъ важнымъ лицомъ; она передаетъ мнѣ всѣ секреты.

ЛЕОНЪ. А! да вы ужъ не счастливый-ли соперникъ этого важнаго лица?

КЛАПАРОНЪ. Вовсе нѣтъ, но эта дама слыветъ добродѣтелью, а какъ я знаю ея грѣшки, то она мнѣ помогаетъ, съ тѣмъ, чтобъ я молчалъ... Теперъ мнѣ нужна подпись ея покровителя, чтобъ получить 60,000 франковъ изъ одного нѣмецкаго банка, по векселю, который я приобрѣлъ за пять тысячъ! (*Смѣется*). Недурно, а?.. Моя фея упрямится, но я ее заставлю это сдѣлать.

ЛЕОНЪ. Этакъ вы скоро наживете миллионы!

КЛАПАРОНЪ. Скоро не скоро, а наживу! Вѣдь за то я и работаю, человекъ дѣловой... Однако все это не мѣшаетъ мнѣ быть влюбленнымъ.

ЛЕОНЪ. Вамъ? дѣловому человекъ?..

КЛАПАРОНЪ. Да, мнѣ, точно также, какъ и тому, кому дѣлать нечего.

ЛЕОНЪ. Ба! расскажите-ка мнѣ это.

КЛАПАРОНЪ. Такъ, шалость!.. Мнѣ даже совѣстно... Существо, которое овладѣло мною, просто-на-просто молоденькая оперная фигурантка... знаете... какъ вы ихъ называете...

ЛЕОНЪ (*смѣясь*). Крыса?..

КЛАПАРОНЪ. Такъ, такъ!..

Влюбленъ я какъ кошка, и къ крысѣ простой
Любовію страстной пылаю, другъ мой!..

Ни днемъ я, ни ночью покоя не знаю,
И днемъ я и ночью о крысѣ мечтаю!
Терзаюсь, блѣднѣю, худѣю, стараю!..

ЛЕОНЪ.

И счастлива кошка добычей своей?

КЛАПАРОНЪ.

Нѣтъ, страсть моя много приносить скорбей.

И крыса, злодѣйка, вокругъ меня вѣтся,

И только надъ бѣдною кошкой смѣется!

ЛЕОНЪ. Ай, ай, это несчастье!.. значить это дикая крыса.

КЛАПАРОНЪ. Убийственное созданіе!.. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, я человекъ дѣловой! Говорять, фонды значительно поднялись. Получили-ли вы деньги, о которыхъ говорили?

ЛЕОНЪ. Да, я продалъ имѣніе и получилъ 500,000 франковъ.

КЛАПАРОНЪ. Мы ихъ непременно удвоимъ, только не надо терять времени, поѣдемъ сегодня-же на биржу.

ЛЕОНЪ. Пожалуй!.. У меня нынче кой-кто изъ друзей завтракаетъ, останьтесь и вы, а за столомъ поговоримъ.

КЛАПАРОНЪ. Но вѣдь это тайна, а эти господа...

ЛЕОНЪ. О, не бойтесь ничего: это друзья мои. Пойдите, вотъ кажется и они!..

III.

ТЪ ЖЕ, СЕНТЬ-ОБЕНЪ и МАРСИНЪИ.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (за кулисами). Вотъ и мы! вотъ и мы! А что, устрицы открыты?

МАРСИНЪИ. Наконецъ-то мы тебя видимъ!.. Пустынникъ ты этой кой!.. просто, отшельникъ!

ЛЕОНЪ. Друзья мои! я радъ душевно, что васъ вижу.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Пойди, дай я обниму тебя! (*Цѣлуетъ, потомъ лорнируетъ Клапарона*). А! господинъ Клапаронъ. (*Едва ему кланяется*).

МАРСИНЪИ (*жметъ руку Леону*). Любезный Леонъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ мы съ тобою невидались!

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Мы даже очень беспокоились, честное слово... Въ одно прекрасное утро ты исчезаешь, тебя невидно ни въ клу-

бъ, ни въ оперѣ... Одни говорятъ, что тебя похитила какая-то иностранная княгиня, другіе, что тебя отправили посланникомъ къ какому-то дею или султану. Богъ знаетъ, сколько толковъ было... И вдругъ, я получаю отъ тебя вчера приглашеніе на завтракъ... Хорошо, подумалъ я: онъ опять возвращается къ намъ и вступаетъ снова въ свѣтъ съ вилокъ въ рукахъ.

МАРСИНИ. И вотъ мы наконецъ совершенно покойны.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*лорнируя*). Постой, постой, ты заново омеблировалъ себѣ комнаты. А-а! и бюстъ свой сдѣлалъ.

МАРСИНИ. И какъ похожъ.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Удивительно! только что не говорить. Я самъ съ себя сниму такой же. Что онъ стоитъ?

ЛЕОНЪ. Тысячу франковъ.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Ого! я не думалъ, чтобъ известка была такъ дорога... впрочемъ, теперь такъ много построекъ. Но я велю снять съ себя въ поясъ, я такъ прекрасно сложенъ...

МАРСИНИ. Фать!

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Марсини! ты всегда на меня нападаешь и все за то, что годъ тому назадъ я ранилъ тебя.. (*Клапарону*). Да, милостивый государь, я его ранилъ на дуэли. Я и Леона тоже ранилъ... (*Вздыхаетъ*). Я имѣю привычку драться со всѣми моими друзьями! (*Протягиваетъ ему руку*). Очень радъ съ вами познакомиться!

КЛАПРАНЪ. Покорно васъ благодарю!.. я не дерусь, я человекъ дѣловой... у меня нѣтъ времени. (*Всторону*). Вотъ присталъ!.. (*Вслухъ*). Графъ, я пойду въ кабинетъ...

ЛЕОНЪ. Хорошо, я сейчасъ къ вамъ приду! (*Клапаранъ уходитъ*).

ЛЕОНЪ. Теперь, друзья мои, позвольте вамъ объяснить зачѣмъ я васъ пригласилъ къ себѣ сегодня утромъ.

МАРСИНИ. Говори, говори, это любопытно.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*живо*). Развѣ не завтракать?

ЛЕОНЪ. Во-первыхъ, завтракать.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Слава Богу! какъ ты меня испугалъ?..

ЛЕОНЪ. Во-вторыхъ, я хочу объявить вамъ новость и просить васъ быть моими свидѣтелями.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Дуэль?..

ЛЕОНЪ. Нѣтъ... свадьба!..

МАРСИНИ. Ты женишься?

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*взявъ его за руку*). Поздравляю отъ всего сердца! На комъ, на комъ?..

ЛЕОНЪ. Вы сейчасъ увидите мою жену; то есть невесту, но это все равно, потому что контрактъ сегодня же будетъ подписанъ... Она обворожительна!

МАРСИНЬИ. Счастличикъ!..

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*вздыхая*). Я тебѣ сочувствую вполне, потому что самъ мечтаю о женитьбѣ.

ЛЕОНЪ. Ты? полно!..

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Да, я, лично... я пораженъ вотъ куда. (*Показываетъ на сердце*). Да вѣдь какъ!

ЛЕОНЪ. Какими судьбами?..

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. О! это романическое происшествіе.

ЛЕОНЪ. Расскажи, пожалуйста.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Прошлой осенью, когда опали листья и покрыли собою окрестности Парижа, я предался благородному стремленію къ охотѣ—на утокъ... Утлая ладья носила меня по поверхности Энгиенскаго озера; я стрѣлялъ уже нѣсколько часовъ, но еще ничего не убилъ, кромѣ времени... Вдругъ вижу на озерѣ маленькій яликъ, и въ этомъ яликѣ блестѣла, какъ метеоръ, женщина... съ лазуревыми глазами, съ каштановыми волосами... Я рѣшительно былъ околдованъ, ослѣпленъ... Ахъ, друзья мои! какъ она была хороша!.. Я съ восторгомъ смотрѣлъ на нее, забылъ обо всемъ на свѣтѣ, даже о томъ, что я былъ въ лодкѣ, бросился къ ней, бултыхъ—и очутился въ водѣ по самое горло и въ прехолодной... бррррр!.. —и теперь знобитъ, какъ вспомню. Къ счастью, моя незнакомка поспѣшила ко мнѣ на помощь; меня втащили къ ней въ лодку. О, друзья мои, это была ужасная картина!.. Никогда еще благородный человѣкъ не бывалъ въ такомъ жалкомъ положеніи; я былъ похожъ на пуделя, на мокрую курицу. Спасительница моя предложила мнѣ гостепріимство, я съ радостію согласился... Мы отправились въ ея виллу... она пригласила меня ужинать... я открылъ ей тайну моего сердца; она выслушала ее благосклонно, даже очень, очень... благосклонно...

ЛЕОНЪ. Ну, и потомъ?..

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*вздыхая*). И потомъ... не приказала меня принимать... (*Всѣ смѣются*).

ЛЕОНЪ. Что же это за красавица такая?.. скажи намъ ея имя.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Ея имя... нѣтъ, въ сердечныхъ дѣлахъ я удивительно скромнень.

ЛЕОНЪ. И прекрасно дѣлаешь. Чтожъ касается до меня, друзья мои, я не нахожу надобности скрытничать... Невѣста моя прѣдетъ нынче, въ этотъ домъ, который скоро будетъ ея домомъ... Помните, господа, это дѣло серьезное.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Будь покоенъ, мы съумѣемъ держать себя при ней...

ЛЕОНЪ. Я вамъ говорю это затѣмъ, что это женщина изъ хорошаго круга.

IV.

ТѢЖЕ И АЛЬБЕРТА у двери, спорить съ **ФЛАМАНОМЪ**, который не хочетъ ее впустить.

АЛЬБЕРТА. Пошелъ, пошелъ, дуракъ! я тебѣ говорю, что я войду!

ВСЪ. Это что такое?

ЛЕОНЪ (*всторону, узнавъ ее по голосу*). Альберта!

АЛЬБЕРТА (*подбѣгая къ нему*). Леонъ! такъ точно! это онъ; мой милый Леонъ!.. Ай, мнѣ дурно!.. стулъ! диванъ! (*Садится*).

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*Леону*). Послушай, это твоя невѣста?

ЛЕОНЪ (*вполголоса*). Вотъ еще!.. молоденькая дѣвочка... знаешь, молодость... старинная страстишка! И, откуда она явилась? Я сейчасъ ее спроважу. (*Вслухъ*). Не угодно ли вамъ, господа, пройти въ гостиную: сейчасъ подадутъ завтракъ. (*Они хотятъ идти*).

АЛЬБЕРТА (*вставая*). Пожалуйста, господа, для меня не беспокойтесь, можете остаться здѣсь. Общество мужчинъ меня вовсе не пугаетъ.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*всторону*). Она премиленькая! Я ее гдѣ-то видѣлъ!

ЛЕОНЪ. Я сейчасъ къ вамъ приду, господа. (*Гости уходятъ нальво*).

ЛЕОНЪ. Наконецъ, мы одни.

АЛЬБЕРТА. И ты не пользуешься этимъ случаемъ, чтобъ броситься въ мои объятія послѣ такой долгой разлуки?.. Неблагодарный! какъ ты меня холодно принимаешь... даже завтракать не пригласилъ... Хорошо, что я ѣсть не хочу... (*Осматриваясь кругомъ*). Ай! ай!.. да какъ у тебя здѣсь хорошо!.. Чудесно!.. Ты вѣрно кладъ нашель? Ты женился? (*Съ негодованіемъ*). Я обманута, онъ женился!..

ЛЕОНЪ. Съ чего ты это взяла?

АЛЬБЕРТА (*покойно*). Съ того, что ты прежде жилъ гораздо хуже.

ЛЕОНЪ. Я получилъ наследство отъ дяди.

АЛЬБЕРТА. А, такъ у тебя былъ дядя, онъ умеръ, бѣдненькій, я послѣ объ немъ поплачу.

ЛЕОНЪ. Но поговоримъ о тебѣ. Что ты подѣлывала съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались?..

АЛЬБЕРТА. Постой, сначала сядемъ. Позволишь?.. (*Она подвигаетъ кресло и садится*). Охъ, какъ это глупо, такъ и провалишься. (*Она развѣливается въ креслѣ, шаритъ въ карманъ и пьсть*).

ЛЕОНЪ. Что это такое?

АЛЬБЕРТА. Миндали въ сахарѣ... Ты знаешь мою привычку, любимое мое развлеченіе; я ужасно люблю грызть миндалины. Хочешь?

ЛЕОНЪ. Нѣтъ.

АЛЬБЕРТА. Ты меня спрашиваешь, что я дѣлала? Я отъ тебя ничего не скрою.

ЛЕОНЪ (*смѣясь*). Рѣшительно ничего?

АЛЬБЕРТА (*протяжно*). Рѣшительно ничего!.. Когда я жила въ маленькой комнаткѣ, въ улицѣ Кломъ-Першъ.

ЛЕОНЪ. Ну, начала... съ допотопныхъ временъ...

АЛЬБЕРТА. Куда намъ спѣшить, я буду рассказывать тебѣ по порядку.

ЛЕОНЪ (*всторону*). А маркиза сейчасъ пріѣдетъ.

АЛЬБЕРТА. Когда я жила въ этой маленькой каморкѣ, и когда ты былъ просто-за-просто еще бѣднымъ артистомъ и жилъ въ улицѣ Сентъ-Жакъ, не припомню въ которомъ этажѣ, и мебель у тебя была похуже этой... Помнишь ли какъ мы строили съ тобой воздушные замки?

ЛЕОНЪ. Да, да, помню.

АЛЬБЕРТА. Тебѣ дядя оставилъ кое-что; ну, а у меня была тетка.

ЛЕОНЪ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ! ты вѣдь, кажется, отправилась къ ней?..

АЛЬБЕРТА. Да, я поѣхала къ ней, но нашла тетушку при последнемъ издыханіи... Она сказала мнѣ: я тебя вытребовала, чтобъ дать мое благословеніе и оставить наследство.

ЛЕОНЪ. А, такъ и ты получила наследство?

АЛЬБЕРТА. Знаешь ли ты, что она мнѣ оставила?

ЛЕОНЪ. Нѣтъ.

АЛЬБЕРТА. Очки, кошку и тридцать пять франковъ.

ЛЕОНЪ. Немного!

АЛЬБЕРТА. Я была ужасно взбѣшена!.. Чтожь дѣлать?.. Возвратясь въ Парижъ, я тебя ужъ не нашла... ты исчезъ... (*Декламируя*).

«Исчезъ, какъ легкій дымъ,

Какъ мимолетное видѣнье...

Какъ....

Какъ бишь это? забыла. Ну, да все равно. Съ отчаянія я не знала что дѣлать. Сначала хотѣла утопиться, а потомъ со скуки рѣшилась поступить въ оперу.

ЛЕОНЪ. Въ оперу?

АЛЬБЕРТА. Отчего же бы не такъ?

ЛЕОНЪ. У тебя нѣтъ голоса.

АЛЬБЕРТА. Плутиска! за то у меня есть ноги.

ЛЕОНЪ (*лорнируя*). И прехорошенькія.

АЛЬБЕРТА. Лъстець!

ЛЕОНЪ. Такъ ты танцовщица, давно ли?

АЛЬБЕРТА. Вотъ уже два мѣсяца.

ЛЕОНЪ. Да, два мѣсяца я никуда не выѣзжалъ, а то-бы я тебя узналъ въ толпѣ...

АЛЬБЕРТА. Договаривай, въ толпѣ крысъ; я знаю, что такъ зовутъ всѣхъ корде-балетныхъ, и я вовсе не хочу себя переименовывать... да, я крыса, и ставлю себѣ это въ честь, потому что я крыса, какихъ мало: честная крыса!

ЛЕОНЪ. А!..

АЛЬБЕРТА (*вставая*). Да, это не дешево мнѣ обошлось! Ты знаешь закулисный міръ нашей оперы: только что появится новое лицо въ балетѣ, театралы тотчасъ и начнутъ ухаживать... проходу нѣтъ за кулисами. Всѣ такъ и жужжать въ уши:

«Прерви мое мученье,

Красавица моя,

И дай мнѣ позволенье

Лишь обожать тебя.»

И воинъ въ усахъ,

Отважный въ бояхъ,

И старый богачъ,

И бѣдный риѣмачъ,

Твердятъ все одно:

«Ты счастье мое!»

Въ усахъ съ эпаньолеткой,

Левъ съ гривой молодой,

Вертя своей лорнеткой,

Волочится за мной...

Старикъ мнѣ предлагаетъ

Богатство все свое,

Про скупость забываетъ,

Про старость и про все!..

«Люблю!» мнѣ твердятъ,

И все говорятъ

Что я хороша,

Что я ихъ душа,

Что счастье дарить

Мой голосъ и видъ.

«Вы милы такъ собою,

Вамъ скоро двадцать лѣтъ,

Не будьте-же вы злою!»

А я имъ все въ отвѣтъ:

(присѣдая низко направо и пальво, говоритъ:)

Благодарю покорно. *(Поетъ).*

И воинъ въ усахъ *(и проч.)*

ЛЕОНЪ *(смѣясь)*. Знаешь-ли что? это геройство съ твоей стороны. Только полно такъ-ли?..

АЛЬБЕРТА. Клянусь тебѣ! Можешь даже справиться. Къ тому же, видишь-ли, мое постоянство и честность видны по этому платью. Что мнѣ въ богатствѣ не нажитомъ трудами! Я пренебрегаю насмѣшками, не боюсь ни сплетень, ни дождя, гордо прохожу мимо первыхъ сюжетовъ, сажусь себѣ самъшестнадцатъ въ омнибусъ и спокойно уѣзжаю домой.

ЛЕОНЪ. Милая Альберта! я очень радъ, что вижу тебя такой же чистой, невинной и доброй, какъ ты была. Мы вѣдь съ тобою будемъ видаться, не правда-ли? Но теперь у меня гости, невѣжливо оставлять ихъ такъ долго однихъ; тебѣ, тоже, я думаю *(смотря на часы)* время на репетицію.

АЛЬБЕРТА. Тѣмъ лучше!.. я заплачу штрафъ. Штрафъ приятенъ, когда за него платитъ сердце!..

ЛЕОНЪ. Нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты изъ-за меня negliжировала своими обязанностями; нужно, чтобъ ты отличилась на томъ поприщѣ, которое избрала. (*Надѣвая на нее мантилью*). Видишь-ли, душа моя, въ оперѣ мало быть честной и умной дѣвушкой, надо и танцовать хорошо... Я постараюсь, похлопочу о тебѣ...

АЛЬБЕРТА. Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ это мило съ твоей стороны. Въдѣ вы лвы очень сильны у насъ, за кулисами!..

ЛЕОНЪ (*съ фатизмомъ*). Да, мы таки имѣемъ вѣсь!..

АЛЬБЕРТА (*быстро*). Садись за столъ, бери перо, бумагу и пиши.

ЛЕОНЪ. Къ кому?

АЛЬБЕРТА. Пиши! Тамъ увидишь.

ЛЕОНЪ. Изволь, изволь. (*Садится*).

АЛЬБЕРТА (*диктуя*) «Любезный другъ! Мы замѣтили въ кордебалетѣ одну молоденькую, хорошенькую танцовщицу, которая подастъ большія надежды, а именно мамзель Альберту Кокинъ.»

ЛЕОНЪ. Какъ, это ты о себѣ?

АЛЬБЕРТА. Чтожъ, ты вообразилъ, что я стану о другой такъ говорить?.. Къ тому же это ты пишешь, а не я! Но, продолжай!.. Написалъ: «хорошенькую и подающую надежды?..» (*диктуя*.) Она очень твердо стоитъ на пальцахъ; въ ней много апломба, пируэты ея легки, и намъ очень было бы приятно, еслибъ вы ее заставили танцовать.»

ЛЕОНЪ (*пишетъ*) «Заставили танцовать.»

АЛЬБЕРТА (*диктуя*). «Танцовать характерное па въ новомъ балетѣ. Надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете, любезный другъ!»

ЛЕОНЪ. Погоди немного. Да знаешь ли ты это па?..

АЛЬБЕРТА. Еще бы!.. Теперь фамилію; сложи, надписывай адресъ: «Господину Дюпоншель, директору Большой Оперы.» Давай, (*беретъ письмо*) я непременно буду танцовать это па. Кстати! ты распорядишься, чтобъ мнѣ аплодировали?..

ЛЕОНЪ. Непременно, непременно, но тебѣ пора.

АЛЬБЕРТА. Какое счастье!.. И какъ наши будутъ всѣ завидовать! до свиданія, мой амурчикъ, Леонъ! (*хочетъ идти въ среднія двери*).

ЛЕОНЪ (*живо ее останавливаетъ*). Нѣтъ, нѣтъ, не туда! по маленькой лѣстницѣ, чрезъ садъ, тутъ гораздо ближе!..

АЛЬБЕРТА. Какъ хочешь (*возвращаясь*). Ахъ, я и забыла! букетовъ, букетовъ побольше!.. Да постарайся, чтобъ меня вызвали!..

ЛЕОНЪ. Какъ же!.. какъ же!

АЛЬБЕРТА. Какъ онѣ будутъ злиться!.. Леонъ! я никогда этого не забуду, никогда! (*Идетъ и возвращается*). Я постараюсь тебѣ сама услужить въ свою очередь. Часто и такіе маленькіе люди, какъ мы, пригодятся на что нибудь. Прощай, душка, предестъ, амуръ! (*Уходитъ, посылая ему поцѣлуйчики*).

V.

ЛЕОНЪ и МАРКИЗА.

ФЛАМАНЪ (*докладываетъ*) Маркиза д'Амали!..

ЛЕОНЪ (*всторону*). Маркиза!.. (*идетъ навстрѣчу Маркизѣ*). Милая Матильда! какъ вы добры, что пріѣхали.

МАРКИЗА. Мнѣ нужно было пріѣхать: хотя я и надѣюсь на вашъ вкусъ, но въ домашнемъ быту есть множество мелочей, которыя можетъ примѣтить только женскій глазъ, и притомъ, при нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ, я не могу опасаться окомпрометировать себя.

ЛЕОНЪ. Въ самомъ дѣлѣ, контрактъ почти уже подписанъ, и скоро ничто не помѣшаетъ моему счастью.

МАРКИЗА. Вы его заслужили вашею готовностью исполнять всѣ мои желанія.

ЛЕОНЪ. Да, эти два мѣсяца я жилъ совершеннымъ затворникомъ!.. Я со всевозможною тайной приготовилъ все для нашего брака; самые мои короткіе друзья не знаютъ до сихъ поръ имени моей невѣсты.

МАРКИЗА. Тайна эта была необходима; я уже говорила вамъ, мой другъ, о важныхъ семейныхъ интересахъ, о наслѣдствѣ, которое я могла потерять!..

ЛЕОНЪ. Вы желали этого и довольно.

МАРКИЗА. Къ тому-же мнѣ хотѣлось испытать вашу скромность, ваше постоянство!.. Я хотѣла узнать, способны ли вы отъ разсѣянной, разгульной холостой жизни перейти въ тихую супружескую, потому что супружество дѣло серьезное!.. Я хочу въ мужѣ имѣть опытнаго руководителя, (*скоро*) чтобъ онъ ѣздилъ со мною на балы, въ Итальянскую оперу, на воды, вообще туда, гдѣ мнѣ можетъ быть весело.

ЛЕОНЪ. Желанія ваши будутъ для меня закономъ.

МАРКИЗА. Но не подумайте, что я вѣтряная женщина! я буду заниматься домомъ, хозяйствомъ... Кстати, знаете ли, что нынче

утромъ на скачкѣ «Зюлейка» обогнала «Ястреба!» Какъ это досадно!.. А я держала пари за Ястреба.

ЛЕОНЪ. Вы отыграетесь на слѣдующей скачкѣ.

МАРКИЗА. Разумѣется. Не забудьте, что сегодня я васъ везу къ одному вашему покровителю. Мы дадимъ ему подписать нашъ контрактъ, и онъ самъ вручитъ вамъ ваше опредѣленіе!.. (*За сценой слышнень смѣхъ*). Что тамъ такое?

ЛЕОНЪ. А!.. это мои друзья!..

VI.

ТѢЖЕ, СЕНТЬ-ОБЕНЪ съ лѣвой стороны. **КЛАПАРОНЪ** съ правой.

С. ОБЕНЪ (*съ сигарой во рту и въ халатѣ*). Чтожъ ты неидешь завтракать?.. Посмотри, я надѣлъ твой халатъ, чтобъ поспокойнѣе было... Не правда ли, я похожъ на Абдель-Кадера (*увидя Маркизу*). А!.. (*живо вынимая сигару*). Извините, сударыня... я не имѣлъ чести... я близорукъ.

ЛЕОНЪ. Позвольте вамъ представить друзей моихъ: баронъ Танкредъ де Сентъ-Обенъ!.. Клапаронъ! (*они кланяются, Маркиза между Клапарономъ и Сентъ-Обеномъ. Всѣ трое вскрикиваютъ отъ удивленія и смотрятъ другъ на друга*).

МАРКИЗА, С. ОБЕНЪ И КЛАПАРОНЪ. Боже мой!..

ЛЕОНЪ (*Клапарону и Сентъ-Обену*). Какъ! вы знакомы?..

МАРКИЗА (*въ замѣшательствѣ*). Конечно, я имѣла удовольствіе...

С. ОБЕНЪ (*пораженный, Леону*). Это она... моя незнакомка!.. Боже мой! ничего не вижу!.. ноги подгибаются... (*падаетъ въ кресла*).

ЛЕОНЪ (*смѣясь*). Въ самомъ дѣлѣ? бѣдняжка!..

МАРКИЗА (*тихо и скоро Клапарону, умоляющимъ голосомъ*). Умоляю васъ, ни слова, или я погибла.

КЛАПАРОНЪ (*тихо ей*). А долго я буду ждать подписи вашего благороднаго друга?

МАРКИЗА. Черезъ часъ я вамъ ее доставлю!

КЛАПАРОНЪ. Я нѣмъ, какъ рыба!...

VII.

ТѢЖЕ И АЛЬБЕРТА.

АЛЬБЕРТА (*вбѣгая*). Побѣда! побѣда!

ЛЕОНЪ (*всторону*). Альберта!

КЛАПАРОНЪ (*всторону*). Моя оперная крыса! какъ она сюда попала?

АЛЬБЕРТА. А, мой милый Леонъ! мой добрый Леонъ! Дай я тебя разцѣлю!.. Мнѣ позволили танцовать мое па! (*бросается къ нему на шею. Леонъ противится*).

МАРКИЗА (*лорнируя*). Какой тонъ! какія манеры! Что это значить?

ЛЕОНЪ (*въ смущеніи*). Маркиза! повѣрьте...

КЛАПАРОНЪ (*обмѣнявшись знаками съ Леономъ, Маркизъ*). Извините, Маркиза, Леонъ по моей просьбѣ ходатайствовалъ о заслуженномъ повышеніи этой молодой артистки, въ которой я принимаю особенное участіе. Вы простите этотъ живой порывъ благодарности.

МАРКИЗА (*съ ироніей*). Какъ же, благодарность чувство прекрасное, и кажется, эта госпожа умѣетъ очень хорошо благодарить; но, чтобъ не помѣшать вполнѣ излиться ея чувствамъ, я лучше уйду.

КЛАПАРОНЪ (*тихо Маркизъ*). Не забудьте обѣщанія.

МАРКИЗА. Здѣсь, черезъ часъ. (*Леону*). До свиданія, графъ! прощайте, господа!

ЛЕОНЪ И КЛАПАРОНЪ. До свиданія, Маркиза! (*Маркиза уходитъ въ дверь въ глубинѣ*).

АЛЬБЕРТА (*съ удивленіемъ*). Маркиза!.. ты маркизъ принимаешь, Леонъ? Ты на стѣнкѣ бы это записалъ... (*снимаетъ шляпку*).

ЛЕОНЪ (*съ досадой*). Знаете ли, сударыня, что вы ужасно дерзки!...

АЛЬБЕРТА. Боже мой! какой трагическій тонъ!

ЛЕОНЪ. Кто вамъ далъ право придти ко мнѣ и не имѣть должнаго уваженія къ дамѣ, которую всѣ обязаны уважать?

АЛЬБЕРТА (*подражая его тону*). И которая пришла завтракать съ молодежью.

ЛЕОНЪ. Замолчите, сударыня! Знайте, что эта дама скоро будетъ моею женой!

Вмѣстѣ. } **АЛЬБЕРТА.** Вашей женой!
          } **СЕНТЬ-ОБЕНЪ** (*вскакивая*). Его женой!

ЛЕОНЪ. Да, сударыня, моей женой... Я женюсь, и этимъ хочу сказать вамъ, чтобъ вы не смѣли больше приходить сюда. Прощайте! Клапаронъ, пойдите въ кабинетъ, кончимъ наше дѣло!.. (*Сентъ-Обену*). Я сейчасъ приду въ столовую. (*Уходитъ направо, Сентъ-Обенъ нальво*).

КЛАПАРОНЪ (*возвращаясь отъ двери, въ полголоса Альбертъ*).

Подождите меня здѣсь, купидончикъ, мнѣ нужно съ вами поговорить!.. Тсъ! тсъ!.. (*Уходитъ*).

С.-ОБЕНЪ (*входя съ лѣвой стороны*). Тсъ!.. (*Подходитъ къ Альбертъ*). Очаровательный мышенокъ! Если ты разстроишь эту свадьбу, даю честное слово аплодировать тебѣ до упаду... сто спектаклей сряду!.. (*Идетъ и возвращается*). Возъ-букетовъ привезу!.. Тсъ!.. (*Идетъ и возвращается*). Горло раздеру, вызывая! Тсъ! (*Уходитъ налѣво*).

АЛЬБЕРТА (*одна*). Что за безалаберщина! Что съ ними со всеми сдѣлалось? Какъ Леонъ со мной говорилъ!.. Что за тонъ, какія грубости!.. Вотъ счастье—то проклятое!.. Я нахожу опять мою первую страсть, первую и единственную, нахожу ее, и съ насльдствомъ. Вотъ, думаю, онъ будетъ мнѣ теперь покровительствовать, все пойдетъ, какъ нельзя лучше, чрезъ полгода меня поставятъ на первыя роли. Да, какъ бы не такъ! Страсть моя женится на другой и выгоняетъ меня вонъ... Не ужасно ли это?... не обидно ли?... Я буду танцовать мое па, и все—таки останусь тою же крысой, какъ и была. (*Фламанъ проходитъ съ корзинкой винограда, она беретъ горсть и кладетъ въ карманъ*). Ахъ, какая я несчастная!.. (*Бѣтъ*).

VIII.

АЛЬБЕРТА и КЛАПАРОНЪ.

КЛАПАРОНЪ (*считая деньги въ зеленомъ бумажникѣ, выходитъ съ правой стороны*). Наконецъ, вотъ онъ. (*Увидя ее*). А, это вы, прелестная Альберта!.. Мнѣ очень нужно съ вами поговорить.

АЛЬБЕРТА. О чемъ?

КЛАПАРОНЪ. О томъ, что я ужъ говорилъ вамъ: что я люблю васъ, что мое счастье состоитъ въ... (*Беретъ ее за руку*).

АЛЬБЕРТА (*бьетъ его по руцѣ*). Въ чемъ?... Ужъ не въ банковыхъ ли билетахъ, которые вы сейчасъ считали?

КЛАПАРОНЪ. Леонъ ужасно сердить на васъ; съ этой стороны вамъ нечего надѣяться.

АЛЬБЕРТА. О! я его больше не увижу... но это все пустяки! я и безъ него обойдусь... Вотъ, съ полчаса еще, одинъ секретарь посольства былъ на репетиціи и ангажировалъ меня въ Лондонъ или въ Москву, не знаю куда!

КЛАПАРОНЪ. Кто же захочетъ ѣхать въ такую даль?

АЛЬБЕРТА. Отчего же не ѣхать?

Въ Россію ъхать очень рада,
И тамъ останусь я совсѣмъ.

КЛАПАРОНЪ.

Нѣтъ, ъхать вамъ туда не надо,
Да и скажите мнѣ, зачѣмъ?
Тамъ вашихъ щекъ поблекнуть розы,
И откровенно вамъ сказать,
Извѣстно, русскіе морозы
Французамъ больно не подѣ-стать!

Ужасно, говорятъ, холодно... Брр!.. Тамъ мой дяденька въ двѣ-надцатомъ году носъ себѣ отморозилъ, право!.. Скверно было смотрѣть—лепешка вмѣсто носа, такъ-таки совершенная лепешка. Право, не ѣздите!.. Притомъ тамъ ничего не смыслятъ въ танцахъ.

АЛЬБЕРТА. Вотъ ужъ неправда. Въ Россіи не только понимаютъ отлично танцы, но даже тамъ есть отличныя русскія танцовщицы.

Вы вспомните, какой успѣхъ имѣла
Здѣсь Андрѣянова у парижанъ,
Со славою она Европу облетѣла:
Ей аплодироваль и Лондонъ, и Миланъ!
Богданову всегда въ Парижѣ вызывали,
И за талантъ прекрасный, дорогой,
Санковскую здѣсь также принимали,
А вѣдь она воспитана Москвой!
Я на успѣхъ надѣюсь смѣло.
Въ Россіи мой талантъ навѣрно оцѣнятъ,
А это ужъ извѣстное всѣмъ дѣло
Что русскіе во всемъ и всюду побѣдятъ!

Поэтому, я нисколько не думая, отправляюсь въ Москву.

КЛАПАРОНЪ. Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, рѣшаетесь уѣхать изъ Парижа?..

АЛЬБЕРТА. Отчего же?.. я очень люблю путешествовать.

КЛАПАРОНЪ. Такъ поѣдьте лучше со мною.

АЛЬБЕРТА. Куда? въ Москву?

КЛАПАРОНЪ. Зачѣмъ такъ далеко? Не въ Москву, а въ Бельгію...
Даю вамъ часъ собраться въ дорогу. Я забуду за вами.

АЛЬБЕРТА. Но позвольте...

КЛАПАРОНЪ. Ни! ни... Кончено, рѣшено и подписано! Я чело-
вѣкъ дѣловой,.. (*Всторону*). Все идетъ, какъ нельзя лучше!.. Ни-
кто ничего неподозрѣваетъ; я сейчасъ приду за бумагой, которую
мнѣ обѣщала маркиза... (*Вслухъ*). Прощайте, моя нѣжная овеч-
ка, никому ни слова! Повѣрьте, я составлю ваше счастье, я чело-
вѣкъ дѣловой. До свиданія!.. (*Уходитъ*).

АЛЬБЕРТА (*одна*). Вотъ уродъ-то!.. обморочить меня хочетъ,
дурачина! Думаетъ, что я уѣду съ нимъ и позабуду Леона!.. (*Фла-
манъ несетъ корзину съ яблоками, она схватываетъ нѣсколько
яблокъ и кладетъ себѣ въ карманъ*). Однако и то правда, нуж-
но же мнѣ что нибудь, да дѣлать; здѣсь оставаться не хорошо,
отправляюсь пока во-свояси. (*Беретъ шляпу*).

IX.

АЛЬБЕРТА и ЛЕОНЪ.

ЛЕОНЪ (*за дверью*). Хорошо, господа, до завтра!.. Не забудьте,
въ десять часовъ, у мера... Фламанъ! проводи ихъ по малень-
кой лѣстницѣ и скажи, чтобъ мнѣ сейчасъ заложили коляску!..
(*Подходя, видитъ Альберту*). А вы еще здѣсь?..

АЛЬБЕРТА. Вы еще здѣсь?.. Развѣ вѣжливо говорить такъ дѣ-
вушкѣ: вы еще здѣсь?.. (*Леонъ дѣлаетъ знакъ нетерпѣнія*). Хо-
рошо, хорошо!.. сейчасъ уйду! Позвольте мнѣ только надѣть га-
лоши... Надѣюсь, вы не захотите, чтобъ я промочила ноги?..

ЛЕОНЪ (*всторону*). Бѣдная дѣвушка... (*Ей*). Альберта! Мы съ
тобой расстаемся друзьями, не такъ ли? Ты на меня не сер-
дишься?

АЛЬБЕРТА. Сердиться? За что жѣ я на васъ буду сердиться?..
Я не имѣю никакого права... Я думала, что вы благородный, бо-
гатый человекъ, не оставите бѣдную, ничтожную дѣвочку!..

ЛЕОНЪ. Альберта!

АЛЬБЕРТА. А ошиблась... и раскаиваюсь, извините меня! Но
не думайте, что вы найдете въ комъ нибудь такую привязанность,
какую я къ вамъ чувствую; друзья, которые васъ окружаютъ, ни
больше, ни меньше, какъ голодные волки, а я, я смирная овеч-
ка, но я васъ истинно любила.

ЛЕОНЪ. Я знаю это.

АЛЬБЕРТА. Наконецъ, не дальше, какъ нынѣшнее утро, я отка-
залась изъ-за васъ отъ прекраснаго предложенія... И вотъ еще
сейчасъ, если бъ я захотѣла послушать вашего господина Кла-
парона, этого богача...

ЛЕОНЪ Клапарона?... Что же онъ тебѣ предлагалъ?..

АЛЬБЕРТА. Милліоны, все свое имѣніе! умолялъ меня даже уѣхать съ нимъ.

ЛЕОНЪ. Уѣхать? куда это?

АЛЬБЕРТА. Въ Бельгію.

ЛЕОНЪ. Въ Бельгію? Когда?..

АЛЬБЕРТА. Сегодня.

ЛЕОНЪ (*скоро*). Сегодня? это странно!.. Неужели мнѣ правду говорилъ Марсиньи, чтобъ я остерегался этого человѣка.

АЛЬБЕРТА. Что съ вами?

ЛЕОНЪ. Что со мной?.. я встревоженъ, я сейчасъ отдалъ ему для оборотовъ очень значительную сумму.

АЛЬБЕРТА. Въ зеленомъ бумажникъ?

ЛЕОНЪ. Да.

АЛЬБЕРТА. Бумажникъ былъ у него въ рукахъ, когда онъ вошелъ сюда. Такъ вы боитесь...

ЛЕОНЪ. Да, боюсь...

АЛЬБЕРТА. Чтобъ онъ не обокралъ васъ?..

ЛЕОНЪ. Настойчивость, съ которою онъ просилъ эти деньги, отъѣздъ, про который онъ не говорилъ мнѣ ни слова...

АЛЬБЕРТА. Вы меня пугаете.

ЛЕОНЪ. Я непременно разузнаю все это... (*Смотря на часы, звонитъ; входитъ Фламанъ*). Вели подавай коляску!.. (*Въ волненіи ходя по комнатъ*). Черезъ пять минутъ я буду у Клапарона... мнѣ съ нимъ нужно объясниться.

АЛЬБЕРТА. Какъ онъ взволнованъ... Развѣ сумма велика?

ЛЕОНЪ. Почти все мое состояніе: 500,000 франковъ.

АЛЬБЕРТА. 500,000 франковъ!..

ЛЕОНЪ. Онъ, можетъ быть, теперь летитъ уже по желѣзной дорогѣ... А! Клапаронъ, если это правда! (*Онъ поспѣшно выходитъ, Фламанъ слѣдуетъ за нимъ. Нѣсколько спустя слышенъ стукъ отъѣзжающаго экипажа*).

АЛЬБЕРТА (*одна*). 500,000 франковъ!.. Бѣдный Леонъ! разорится, пожалуй... А онъ привыкъ жить открыто, хорошо... Что съ нимъ тогда будетъ? (*Живо*). Впередъ урокъ, не пускайся въ спекуляціи!..

Ужъ видно нынче цѣлый свѣтъ
Страстишкою къ богатству болѣтъ,

И право, человекъ нѣтъ,
Чтобъ былъ своей судьбой доволенъ!
О деньгахъ только и твердятъ;
И многихъ я такихъ знавала,
Что кажется, какъ Крезъ богатъ,
А все толкуеть: мало! мало!..

Х.

АЛЬБЕРТА и КЛАПАРОНЪ

КЛАПАРОНЪ (*входя справа, говоритъ слухъ*). Хорошо, я подожду!

АЛЬБЕРТА (*всторону съ радостью*). А! Клапаронъ!..

КЛАПАРОНЪ (*всторону*). Маркиза еще не прислала бумаги, а время идетъ!.. (*Увидя Альберту*). Какъ, вы здѣсь, моя красавица?.. А я только что хотѣлъ ѣхать къ вамъ... Ну, что, надумались?

АЛЬБЕРТА. О чемъ?

КЛАПАРОНЪ. О томъ, что я давеча вамъ говорилъ.

АЛЬБЕРТА. О вашемъ отъѣздѣ?

КЛАПАРОНЪ (*смущенный*). Тсъ!.. тише!

АЛЬБЕРТА (*еще громче*). Въ Бельгію?

КЛАПАРОНЪ (*еще болѣе смущенный*). Тише, говорятъ вамъ!

АЛЬБЕРТА (*всторону*). Леонъ правду говорилъ, это мошенникъ!.. Еслибъ мнѣ удалось!..

КЛАПАРОНЪ. Позвольте поцѣловать вашу ручку, очаровательная баядерка!.. Отъ любви къ вамъ я сдѣлался дуракъ дуракомъ!.. болваномъ сдѣлался.

АЛЬБЕРТА (*всторону*). Правда! болванъ! (*Какъ будто говоря сама съ собою*). Однако, Леонъ самъ виноватъ, обидѣлъ меня, выгналъ.

КЛАПАРОНЪ. И за кого же?.. за женщину, которая не стоитъ васъ!

АЛЬБЕРТА. А!..

КЛАПАРОНЪ. Ей-ей не стоитъ.

АЛЬБЕРТА. Какъ! маркиза?..

КЛАПАРОНЪ. Маркиза?.. Она такая же маркиза, какъ и вы!

АЛЬБЕРТА. Кто же она?..

КЛАПАРОНЪ. Согласитесь ѣхать со мною, и какъ только мы будемъ подальше отсюда, я вамъ расскажу все, и вы можете послать Леону по почтѣ біографію его супруги. (*Вынимаетъ бумагу изъ кармана*). Вотъ она!..

АЛЬБЕРТА. Покажите!.. (*Читаетъ*). «Адольфина, итальянская пѣвица, увезена маркизомъ д'Амали изъ Милана, потомъ прѣѣхала одна во Францію. Знакомство ея съ графомъ Бюссень, съ маркизомъ Соль, съ барономъ Жерсе».. (*Останавливаясь*). Ого! какое обширное знакомство! (*Читая*). «Домикъ въ Булонскомъ лѣсу, и проч. и проч...» Это мило!.. (*Кладетъ бумагу за пазуху*). Очень мило!..

КЛАПАРОНЪ. И такъ вы согласны?..

АЛЬБЕРТА. Я еще не знаю, прежде всего мнѣ нужно увѣриться въ вашей вѣрности.

КЛАПАРОНЪ. Ну, что мнѣ нужно дѣлать, чтобъ доказать вамъ... Говорите, приказывайте!..

АЛЬБЕРТА. Полноте; вы, пожалуй, ни вѣсть что наобѣщаете, но я знаю, что вы рѣшительно ничего ко мнѣ не чувствуете... Я даже увѣрена, что сердце ваше не бьется сильнѣе обыкновеннаго.

КЛАПАРОНЪ. О! попробуйте сами!.. (*Беретъ ея руку и прижимаетъ къ груди*).

АЛЬБЕРТА (*всторону съ радостью*). Бумажникъ еще тутъ!..

КЛАПАРОНЪ. Гмъ... какъ тукаетъ!.. Тукъ, тукъ... тукъ!..

АЛЬБЕРТА. Да, да.

КЛАПАРОНЪ. Рѣшайтесь же, моя маленькая Терпсихора! Карета у крыльца, мѣста на желѣзной дорогѣ взяты, скажите одно слово, и мы ѣдемъ.

АЛЬБЕРТА. Нѣтъ, я не могу ѣхать не повидавшись еще разъ съ Леономъ.

КЛАПАРОНЪ (*скоро*). Зачѣмъ это?

АЛЬБЕРТА. Я хочу, чтобъ онъ отдалъ мнѣ мои письма и мой портретъ.

КЛАПАРОНЪ. Какое ребячество!.. Бросьте! Ѣдемъ!..

АЛЬБЕРТА. Нѣтъ, я хочу, чтобъ онъ отдалъ мнѣ мой портретъ... Онъ еще долженъ быть тамъ, куда я его сама положила, въ его бумажникъ изъ зеленого сафьяна.

КЛАПАРОНЪ. Бумажникъ изъ зеленого сафьяна?..

АЛЬБЕРТА. Со сталью.

КЛАПАРОНЪ. Со сталью?.. Пойдите... пойдите... вотъ мило будетъ, если... (*Вынимаетъ бумажникъ изъ кармана*).

АЛЬБЕРТА. Вотъ онъ, вотъ онъ! какими судьбами онъ у васъ?

КЛАПАРОНЪ. У насъ были дѣла съ Леономъ... вѣдь я человекъ дѣловой... Онъ отдалъ мнѣ въ немъ кой-какія бумаги...

АЛЬБЕРТА (*всторону*). Чудовище!

КЛАПАРОНЪ (*ищетъ въ бумажникъ*). Нѣтъ никакого портрета!..

АЛЬБЕРТА. Здѣсь есть секретъ... его нужно знать, дайте сюда... (*Она живо беретъ бумажникъ, быстро заглядываетъ въ него и говоритъ всторону*). Деньги здѣсь!..

КЛАПАРОНЪ. Ну, что-же?

АЛЬБЕРТА (*будто ищетъ*). Погодите... вѣдь это не легко... нужно имѣть терпѣніе!..

КЛАПАРОНЪ. Поскорѣе .. а то могутъ войти.

АЛЬБЕРТА. Чтожъ? развѣ мы что нибудь дурное дѣлаемъ?

КЛАПАРОНЪ. (*стараясь взять бумажникъ*). Еслибъ вы знали...

АЛЬБЕРТА (*рѣшительно*). Да... я все знаю... и Леонъ все знаетъ.

КЛАПАРОНЪ. (*испугавшись*). Что?... (*всторону*). Я пропалъ!..

АЛЬБЕРТА. Узнавъ о вашемъ отъѣздѣ, онъ поѣхалъ къ вамъ съ пистолетами, хочетъ убить васъ!..

КЛАПАРОНЪ. Какъ убить?... меня убить?... Что это значитъ?... Я человекъ дѣловой .. я сейчасъ поѣду къ нему...я... я... я объяснюсь... (*преслѣдуя Альберту*). Отдайте мнѣ бумажникъ.

АЛЬБЕРТА. (*беретъ колокольчикъ*). Пожалуйста, не сердитесь, не то я позвоню.

КЛАПАРОНЪ (*умоляющимъ голосомъ*). Альберта, душенька!... (*Слышенъ стукъ экипажа*).

АЛЬБЕРТА. Слышите? Это Леонъ пріѣхалъ съ пистолетами.

КЛАПАРОНЪ. Съ пистолетами?... караулъ!..

АЛЬБЕРТА. Спасайтесь, или онъ убьетъ васъ!

КЛАПАРОНЪ. Куда же? (*идетъ къ средней двери*). Тутъ я съ нимъ встрѣчусь .. А! окно въ садъ!..

АЛЬБЕРТА. Всего сажени двѣ, не больше!.. Скорѣе, скорѣе дѣловой человекъ!... прыгайте же, прыгайте.

КЛАПАРОНЪ (*спуская одну ногу за окно*). Проклятая крыса! чтобъ тебѣ повихнуть ногу!... (*выпрыгиваетъ*).

АЛЬБЕРТА. Ха! ха! ха! (*смотря въ окно*). Какъ улепетываетъ!.. Точно заяцъ!.. Побѣда!... побѣда!...

ХІ.

АЛЬБЕРТА и МАРКИЗА.

АЛЬБЕРТА (*всторону*). Маркиза! пожалуй, голубушка, и ты на расправу.

МАРКИЗА (*У нея въ рукахъ бумаги*). Вотъ чего требовалъ Клапаронъ, развязаться съ нимъ поскорѣе! (*увидя Альберту*). Какъ? опять эта женщина?...

АЛЬБЕРТА. Вамъ вѣрно угодно, сударыня, видѣть графа Леона де Вариньи?

МАРКИЗА. Должно быть и вы его ждете?

АЛЬБЕРТА (*будто разстроенная*). Нѣтъ, маркиза, я его сейчасъ въ послѣдній разъ видѣла; между нами все кончено.

МАРКИЗА. Какъ?...

АЛЬБЕРТА. Вы выходите за мужъ за Леона?

МАРКИЗА. Да!

АЛЬБЕРТА. Прекрасный человѣкъ, рекомендую! О, я его знаю!— Вамъ, я думаю, тоже извѣстны мои отношенія къ нему?

МАРКИЗА. Но...

АЛЬБЕРТА. Да... другіе женятся и забываютъ прежнія свои обѣщанія, но Леонъ совсѣмъ не таковъ: я знала его и въ бѣдности, тогда онъ обѣщаль на мнѣ жениться, и теперь, разбогатѣвъ и женивъ на другой, хотѣлъ, чтобъ я раздѣлила съ нимъ и богатство, и въ память прошедшаго, онъ принудилъ меня взять половину его имѣнія.

МАРКИЗА. Половину имѣнія?...

АЛЬБЕРТА. Ни больше, ни меньше... Вотъ видите, все банковыми билетами... Тутъ, кажется, очень много, а какъ раздѣлить на троихъ...

МАРКИЗА. Какъ на троихъ?

АЛЬБЕРТА. Я,—и двое его дѣтей—

МАРКИЗА. Двое дѣтей.

АЛЬБЕРТА. (*весело*) Настоящіе два амурчика: Густавъ, старшенькій, поступитъ въ оркестръ оперы и будетъ играть на барабанъ .. а Жоржъ беретъ ужъ до, онъ будетъ ангажированъ первымъ теноромъ въ оперу.

МАРКИЗА. Это ужасно!... А! (*увидя Леона*) вотъ и онъ!...

ХІІ.

ТѢЖЕ ЛЕОНЪ И СЕНТЬ-ОБЕНЬ.

ЛЕОНЪ (*очень встревоженный, скоро входитъ, сначала онъ никого не замѣчаетъ*). Убѣхаль, мошенникъ! ..

СЕНТЬ-ОБЕНЬ (*идетъ вслѣдъ за Леономъ*). Да, улетѣлъ! улетѣлъ! (*увидя маркизу*). Ахъ!...

ЛЕОНЪ. Я разоренъ совершенно!... (*Увидя маркизу*) А!... это Матильда, какъ я радъ, что васъ вижу!... Еслибъ вы знали...

МАРКИЗА (*съ сердцемъ*). Милостивый государь! между нами все

кончено!... Я васъ прошу покорно даже забыть, что мы когда нибудь были съ вами знакомы.

ЛЕОНЪ (*пораженный*). Но что за причина?

МАРКИЗА. Спросите у нея, она вамъ все скажетъ... Баронъ! вашу руку! проводите меня до кареты ...

СЕНТЬ-ОБЕНЪ (*живо*). А, что? Съ большимъ удовольствіемъ! (*Уходитъ съ маркизой*).

ЛЕОНЪ. Не могу придти въ себя! Она покидаетъ меня!... О! Матильда! все противъ меня! Я разоренъ!... она измѣнила!... (*Оборачиваясь къ Альбертъ*). Говорите, сударыня, объясните мнѣ, что все это значитъ?

АЛЬБЕРТА. Что значить?

ЛЕОНЪ. Отчего произошелъ этотъ внезапный разрывъ?... Что вы ей наговорили?...

АЛЬБЕРТА (*подходя къ нему*). Послушай, Леонъ, поговоримъ серьезно; хотя это не въ моемъ духѣ, но одинъ разъ не въ счетъ. При теперешнихъ твоихъ обстоятельствахъ, можно много надѣлать глупостей, извини меня за это выраженіе... Можно играть и проигратъся, можно надѣлать долговъ, все это инымъ можетъ быть, покажется прекраснымъ, потому что лъву нельзя же жить, какъ медвѣдю; но еслибъ ты женился на маркизѣ, тебѣ бы не простили безчестнаго брака.

ЛЕОНЪ (*живо*). Безчестнаго?... Какъ вы смѣете?..

АЛЬБЕРТА (*подаетъ ему бумагу, которую ей далъ Клапаронъ*). Прочти и суди!

ЛЕОНЪ (*бѣгло прочитавъ*). Ложь!... О! какъ это низко... Кто вамъ далъ это?

АЛЬБЕРТА. Г. Клапаронъ!...

ЛЕОНЪ. Какъ? Онъ зналъ!... Теперь понимаю все... эта таинственная покровительница, о которой онъ говорил...

АЛЬБЕРТА. Каковъ мошенникъ!

ЛЕОНЪ (*падая на стулъ*). Это была она!... Какой обманъ!...

ХІІІ.

ТѢЖЕ « СЕНТЬ-ОБЕНЬ ».

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Я самый счастливѣйшій человекъ въ мірѣ!... (*Леону покровительствующимъ тономъ*). Полно, полно, братецъ, не отчаивайся! у тебя есть друзья... я помогу тебѣ... Я тебѣ доставлю гдѣ нибудь мѣстечко, на первый случай, хоть не очень доходное... но покрайности, будетъ чѣмъ прокормиться...

ЛЕОНЪ (*всторону*). Дуракъ!...

АЛЬБЕРТА (*всторону*). Невѣжа!

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Мы тебя не оставимъ: мы, то есть, я и жена моя. Не хочешь-ли, есть мѣсто кондуктора при желѣзной дорогѣ: квартира казенная, 600 франковъ жалованья, чего тебѣ лучше!

ЛЕОНЪ. Твоя жена?...

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Да, Маркиза д'Амали!

ЛЕОНЪ (*встаетъ живо*). Ты на ней женишься?

АЛЬБЕРТА (*всторону*). О, славно!

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Кажется, ты былъ разбитъ на голову... я воспользовался своими преимуществами, началъ ей говорить, умолять... напомнилъ Энгіенское озеро, утокъ... знаешь, увлекъ... завлекъ... однимъ словомъ, я занялъ твое мѣсто.

ЛЕОНЪ. Ну, я тебя поздравляю!

АЛЬБЕРТА. Поздравляемъ васъ!...

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Благодарю! И какъ я хочу убрать для свадьбы своей домъ, то, коли хочешь, я куплю у тебя все гуртомъ... мебель, лошадей, карету, все! все!... ты мнѣ подешевле уступишь!

ЛЕОНЪ (*разсердясь*). А!

АЛЬБЕРТА (*становясь между ними*). Да, это было бы хорошо; но къ счастью, Леону не нужно продавать ничего и, благодаря этому бумажнику, который Клапаронъ забылъ взять съ собою, онъ теперь также богатъ, какъ и былъ.

ЛЕОНЪ. Что я вижу? Какъ онъ попалъ къ тебѣ?

АЛЬБЕРТА. А вотъ какъ!... послушайте:

У льва просила крыса позволенья:

Подъ покровительствомъ его въ дуплѣ завести селенье,

И такъ примолвила: «Хотя-де здѣсь, въ лѣсахъ,

Ты и могучъ, и славенъ,

Хоть въ силѣ льву никто не равенъ,

И ревъ его одинъ на всѣхъ наводитъ страхъ;

Но будущее кто угадывать возьмется?

Мнѣ услужить тебѣ, быть можетъ, придется,

И какъ я ни мала кажусь,

А можетъ быть, подчасъ тебѣ и пригожусь.»

Левъ просьбу выслушалъ, и слабому творенью

Подъ покровительствомъ его жить далъ онъ позволенье.

Льву пользу принесла однакожъ милость эта.

Попался левъ въ тенета:

Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ,
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею бѣ охотнику достался,
Когда бы крысой не былъ онъ спасенъ:
Она къ нему на помощь подоспѣла,
И перегрызть веревки всѣ успѣла.

Понятна басня вамъ моя?

Вы Левъ, а Крыса я!

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Знаю, знаю, это басня «*Левъ и Крыса*», я еще ребенкомъ зналъ ее наизусть.

ЛЕОНЪ. Альберта! я знаю, что это ты сдѣлала!... Но какимъ образомъ?...

АЛЬБЕРТА. Послѣ узнаешь!...

ЛЕОНЪ. Какъ мнѣ благодарить тебя?...

АЛЬБЕРТА. Какъ? послѣ я тебѣ скажу.

ЛЕОНЪ. Милая Альберта!

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Дайте же и я вамъ тоже кстати скажу басенку.

Ворона, вставъ со сна, увидѣла стоитъ сосна...

АЛЬБЕРТА. Нѣтъ, вы ужъ ее въ другой разъ скажете.

СЕНТЬ-ОБЕНЪ. Ну, какъ хотите! Я въ другой разъ скажу... Браво! мы всѣ счастливы!... Ты, Леонъ, будешь жить по прежнему въ роскоши; я отдамъ долгъ отечеству, погонюсь за славою, за честью, и благодаря моей женѣ, пойду въ гору.

АЛЬБЕРТА. Да, она постарается!... А моя жена (*береть Альберту за руку*) меня не унизитъ: она изъ богатаго сдѣлаетъ меня счастливымъ. Альберта! добрый другъ мой! Ты протанцуешь свое новое па на нашей свадьбѣ. Ты любила меня бѣднаго, безкорыстно; мое безкорыстіе требуетъ, чтобъ я заплатилъ тебѣ долгъ тою же любовью. Я далъ тебѣ слово на тебѣ жениться, ты ждала исполненія честно и терпѣливо... Срокъ насталъ! Альберта! жена! обними своего мужа!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- М. Н. ГЛИНКА.** Опера «Жизнь за Царя». Увертюра въ двѣ руки. (1 р. 11 к.)
№ 1. Въ поле чистое гляжу. Для пѣнія съ фортепьяно. (1 р. 15 к.)
№ 2. Какъ мать убили у малаго птенца. (2 р.) № 3. Не отомъ скорблю подруженьки. (75 к.) № 4. Антрактъ въ двѣ руки. (50 к.)
№ 5. Мазурка-балетъ, въ двѣ руки. (1 р.) № 6. Польской въ двѣ руки. (50 к.) № 7. Краковякъ въ двѣ руки. (1 р. 30 к.)
№ 8. Ахъ! не мнѣ бѣдному. Для пѣнія. (1 р. 15 к.) № 9. Тріо: Радость безмѣрная. (3 р.) № 10. Танцы въ двѣ руки. (75 к.)
№ 11. Квартетъ. (2 р. 50 к.) № 12. Ты прійдешь, моя заря. (75 к.) (Всѣ эти нумера продаются исключительно въ вышеозначенномъ магазинѣ).

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

- BEYER.** Fantaisie sur l'opéra: Beatrice di Tenda (70 к.) Fantaisie sur l'opéra: La fille du Regiment. (70 к.)
BURGMULLER. Fantaisie sur l'opera: Ernani. (85 к.)
CHOPIN. Trois valse favorites. Op. 64. 1 р. 50 к.)
GLINKA. La Séparation. Nocturne. (85 к. Barcarolla. (75 к.)
HENSELT. Romance de Thal. (60 к.) La Gondola. Etude. (75 к.) Romance favorite de Noroff. (1 р.) Polonaise de l'opéra: Euryanthe. (1 р.)
HUENTEN. Melodies célestes. Op. 113. № 2. Thème de Vaccay. (1 р.) № 3. Cor des alpes de Proch. (1 р.)
KULLAK. Carnaval de Venise. (1 р. 40 к.)
ROSSELEN. Fantaisie sur: Paquitta. (1 р. 40 к.)
SCHILLER. Complainte. Nocturne. (1 р. 40 к.)
THALBERG. Fantaisie sur l'opéra: Les Geulfes et les Gibetins. Op. 20. (2 р.)
VOLWEILLER. Сомнѣніе. Romance de Glinka. (85 к.) Къ Молли. Barcarolle de Glinka. (85 к.)

ШКОЛЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- ГЮНТЕНА** Полная школа для фортепьяно на русскомъ языкѣ. Четвертое, исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями, изданіе. (3 р. 50 к.)
- КРАМЕРЪ.** Новая практическая фортепьянная школа, въ которой изложены основанія музыки, и ясно въ избранныхъ примѣрахъ представлены правила аппликатуры, съ присоединеніемъ многихъ пьесъ для упражненій и прелюдій во всѣхъ тонахъ и объясненіе итальянскихъ техническихъ выраженій. На русскомъ языкѣ. Новое исправленное и дополненное изданіе. (1 р. 50 к.)
- ЧЕРНИ.** Вѣнскій фортепьянный учитель или теоретическое и практическое наставленіе, какъ по сей легкой методѣ въ короткое время выучиться легко и хорошо играть на фортепьяно. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями изданіе. (3 р.)
- ПЛЕЙЕЛЬ И ДЮССЕКЪ.** Полная школа для фортепьяно съ многими примѣрами и упражненіями на русскомъ языкѣ. Новое исправленное изданіе. (2 р. 85 к.)
- ШЮЦЪ.** Первоначальная школа для фортепьяно или собраніе упражненій, прелюдій, гаммъ и проч. составленная для особъ, желающихъ выучиться въ короткое время основательно и хорошо играть на фортепьяно. Второе вновь исправленное и дополненное изданіе. (3 р.)

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены, на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе потъ не менѣе, какъ на три рубля серебромъ, получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ дѣльное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иностраннхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-куранты разсылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволяется С. Петербургъ 9 Октября 1854 г.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ПАНТЕОНЪ

ВЪ 1855 ГОДУ

будеть выходить ежемѣсячно, 1-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1855 ГОДЪ ОТВЕРТА

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, которые бы пожелали подписаться на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.**

По истеченіи года цѣна на журналъ возвысится.

Плѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ *Лыткина.*»